

ВЕСТНИК

МГИМО—УНИВЕРСИТЕТА

№1(28) 2013
Москва

Главный редактор:

Торкунов А.В. — академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А.И. — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. — ректор МГИМО(У) МИД России, председатель редакционного совета, академик РАН.

Артизов А.Н. — руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук.

Богатуров А.Д. — доктор политических наук, профессор.

Де Танги А. — главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. — директор ИМЭМО РАН, академик РАН.

Кокошин А.А. — академик РАН.

Лавров С.В. — министр иностранных дел Российской Федерации.

Лукин В.П. — уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор.

Миронов С.М. — руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва.

Нарышкин С.Е. — председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва.

Пивоваров Ю.С. — директор ИНИОН РАН, академик РАН.

Подберезкин А.И. — проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель председателя редакционного совета, доктор исторических наук, профессор.

Примаков Е.М. — академик РАН.

Приходько С.Э. — первый заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации.

Рогов С.М. — директор Института США и Канады РАН, академик РАН.

Саква Р. — декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Серегин А.В. — ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России.

Степанян С.В. — председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Титаренко М.Л. — директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН.

Чубарьян А.О. — директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Научный совет:

Алексеева Т.А. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю.А. — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А.Д. — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г.И. — кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р.В. — доктор юридических наук, профессор, директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России.

Ильин М.В. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В.Б. — кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В.Р. — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Наринский М.М. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р.Б. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.

Орлов А.А. — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И.Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В.И. — доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я.Л. — кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомятенко Г.П. — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В.И. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М.Л. — доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р.Т. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала.

Большова Н.Н. — кандидат политических наук, начальник управления научной политики.

Вишняков Я.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории.

Иванов Н.В. — доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков.

Коннов В.И. — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии.

Кравченко С.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии.

Мальгин А.В. — кандидат политических наук, проректор по общим вопросам.

Малиновский А.А. — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Мялков М.Ю. — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории.

Ручкин Г.Р. — директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Столбов М.И. — доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. — кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета управления научной политики.

Содержание

ПЕДАГОГИКА

Торкунов А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников	7
Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики	9
Яковлева Е.В. , Агаджанян Р.В. Этапы развития англоязычной лингводидактики XX-XXI вв.: опыт аналитического осмысления	13
Раицкая Л.К. Оптимизация учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде	18

ИСТОРИЯ

Мягков М.Ю. Сталинградская битва в контексте современной истории	22
---	----

ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

Подберезкин А.И. Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений	29
---	----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития	38
Зиновьева Е.С. Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику.	43
Ширин С.С. Сообщества разработчиков интернет-пректов.	48
Болгов Р.В. Сообщества пользователей интернет-проектов	55
Фокина В.В. СМИ как акторы мировой политики.	61
Барсукова А.В., Жуковский И.И. Международная деятельность университетов (на примере Европы)	66

ПОЛИТОЛОГИЯ

Рюриков Д.Б. Кризис миропорядка и угрозы России и миру	70
Зауль Авад. Международный аспект создания государства Палестина	76
Мараян К.П. Теоретические и практические основы «Стратегии национальной безопасности Республики Армения»	83
Чекризова О.П. Исламский радикализм и экстремизм на северо-западе Пакистана	89
Дьячков И.В. Конфликт вокруг островов Сэнкаку 2012 г.: истоки и уроки	97

ЭКОНОМИКА

Олейнов А.Г. Экономическое моделирование международного взаимодействия	102
Мубаракшин Б.Н. Гидроэнергетика Киргизии в контексте решения водно-энергетических проблем Центральной Азии.	113
Скрябина М.С. Перспективы «сланцевой революции» и проблемы энергетики Китая	118
Татулов К.Г. Офшоры в международном движении капиталов	125
Ратушняк Е.С. Предварительная оценка функционирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (2010-2011 гг.)	131
Федорченко А.В., Малахов Ф.В. Таргетирование инфляции: израильский вариант	135

ПРАВО

Полякова А.А. Роль короны в британской конституционной системе.	144
---	-----

ФИЛОСОФИЯ

Шишлова Е.Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс	148
--	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Черникова Т.В. Европейское влияние на русскую культуру XVII в.	153
Ульциферов О.Г. Взаимодействие литературы и искусства основных религиозно-культурных систем Индии	162

НАУКОВЕДЕНИЕ

Медведева С.М. Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого по материалам «Вестника РАН»	171
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ

Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества	180
Зарубина Н.Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума	185
Чепьюк О.Р. Ценностно ориентированный подход при исследовании социально-экономических проблем организации инновационного сообщества	190
Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал в социокультурной динамике сложного социума	195
Ткач Д.С. Сопряженная образовательная система профессионального педагогического образования	200
Барков Ф.А. Методология исследования взаимосвязи дискурса об этнической идентичности и контекстуальных сообщений СМИ	205

ФИЛОЛОГИЯ

Айвазян Ю.С. Сложные слова в современном арабском языке в контексте процессов лексической номинации	209
Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Рифмованный сленг как средство маскировки алкогольной и наркотической зависимости	212

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МГИМО

Волобуев Н.А., Черноусенко А.И. Пять лет стратегического партнерства: опыт, итоги и перспективы	218
--	-----

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Талагаева Д.А. «Северный баланс» и условия участия Норвегии в НАТО в годы «холодной войны»	225
Тарасов К.С. Политика контрраспространения США в конце XX – начале XXI вв.	229
Радюк А.В. Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса	236
Деденкулов А.В. Проблемы энергетической безопасности в начале XXI века: вызовы и возможности	241
Колегова О.Ю. ШОС как инструмент региональной интеграции: проблемы расширения	249
Щетинина К.И. «Зеленая» экономика в деятельности гостиничного бизнеса стран ЕС	254

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Степанова Н.В. Арлен Ваагович Меликсетов (01.01.1930 – 15.02.2013)	260
Ахтамзян А.А. Ермоленко Д.В. – первый проректор МГИМО из выпускников вуза	265
Никифоров А.Л. Никифоров Л.А. – декан историко-международного факультета МГИМО	268
Алексахин А.Н. Выдающийся педагог и китаист В.И. Горелов в МГИМО	271
Огородов М.К. Почетный профессор МГИМО(У) МИД России Л.Г. Веденина	275

РЕЦЕНЗИИ

Лебедев А.Е. Инновации как чудо: высокотехнологичные отрасли – ресурс экономического роста.	278
Лунев С.И. Япония между Западом и Востоком	281

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Силантьева М.В. Ежегодная научная конференция кафедры философии	286
Булатов А.С. Научно-практическая конференция «Проблемы вывоза капитала из России»	287
Чеков А.Д. Ядерное разоружение и международная безопасность в XXI веке	291
Харкевич М.В. Распределение бюджетных мест и рейтинги вузов	294

Content

PEDAGOGICS

Torkunov A.V. Pedagogics and Getting Foreign Affairs Specialists Prepared	7
Voevoda E.V. Professional Language Training of Students of International Relations: Didactics.....	9
Yakovleva E.V., Agadzhanian R.V. Modern English Language Didactics: Aspects of Dialectics and Analysis.	13
Raitskaya L.K. Optimizing Learning and Cognitive Activities of University Students in the Internet Environment.....	18

HISTORY

Myagkov M.Y. The Battle of Stalingrad in the Context of Modern History	22
---	----

AEROSPACE DEFENCE

Podberezkin A.I. Euroasian Aerospace Defense: Role of Strategic Non-Nuclear Arms.....	29
--	----

WORLD POLITICS

Lebedeva M.M. Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development.....	38
Zinovyeva E.S. Impact of Internet Companies on World Politics	43
Shirin S.S. Associations of Internet Developers	48
Bolgov R.V. Internet communities	55
Fokina V.V. Mass media as actors of world politics	61
Barsukova A.V., Zhukovskiy I.I. International Activity of the Universities (Case of Europe).....	66

POLITICAL SCIENCE

Ryurikov D.B. The World Order Crisis and the Threats for Russia and the World.....	70
Zauly Avad. The International Aspect of the Establishment of the State of Palestine	76
Marabyan K.P. Theoretical and Practical Fundamentals for Armenia's National Security Strategy	83
Tchekrizova O.P. Islamic Radicalism in North-West Pakistan	89
Dyachkov I.V. The 2012 Senkaku Dispute: Origins and Lessons	97

ECONOMICS

Oleinov A.G. Economic Analysis of International Interaction: International Economics and International Political Economy.	102
Mubarakshin B.N. Hydropower Sector of Kyrgyzstan in the Context of Solving the Water-Energy Problems in the Central Asia	113
Scryabina M.S. Prospects of "Slate Revolution" and Problem of Power Industry of China	118
Tatulov K.G. Offshore Companies in the International Movement of Capital.	125
Ratushnyak E.S. The Initial Evaluation of the Economic Effects of the Customs Union Operating Process within the Eurasian Economic Community (EurAsEC)	131
Fedorchenko A.V., Malahov F.V. Inflation Targeting: Israel as a Case Study.....	135

LAW

Polyakova A.A. The Role of the Crown in British Constitution	144
---	-----

PHILOSOPHY

Shishlova E.E. Gender as Innovative Scientific and Philosophical Discourse	148
---	-----

CULTURAL STUDIES

Chernikova E.V. European Influence on Russian Culture in the XVII Century	153
Ultsiferov O.G. Unity in Diversity: the Interaction of Literature and Art of the Major Religious and Cultural Systems of India.	162

SCIENCE STUDIES

Medvedeva S.M. Scientists About Scientist: Reconstruction of the Image of Russian Scientist Based on Journal of Russian Academy of Science.	171
---	-----

SOCIOLOGY

Kravchenko S.A. To Justifying of the Humanistic Theory of Complexity of Society	180
Zarubina N.N. Theoretical Approaches to Research on Modernization of Russia under Conditions of Complex Society.	185
Chepyuk O.R. Value - Orientated Approach to the Study of Socio-Economic Problems of the Organization of the Innovation Community	190
Fedotov L.N. Non-Linear Development of Society and Non-Economic Capital	195
Tkach D.S. Conjugate System of Professional Teacher Education	200
Barkov F.A. Modern methodological approaches to the study of the interrelation between everyday discourse about ethnic identity.	205

FILOLOGY

Ayvazyan Y.S. Blends in Modern Literary Arabic within the naming processes	209
Gorshunova E.Y., Gorshunov Y.V. Rhyming slang as a means of masking alcohol and drug addictions	212

MGIMO EDUCATION MODEL

Volobuyev N.A., Chernousenko A.I. Five Years of Strategic Partnership: Experience, Results and Prospects	218
---	-----

NEW VISION

Talagaeva D.A. “Northern Balance” and the Conditions of Norway’s Participation in NATO During the Cold War Era	225
Tarasov K.S. US Counterproliferation Policy in the Late XX – Early XXI century	229
Radyuk A.V. Cooperative Communicative Strategies and Tactics as Means of English Business Discourse Harmonization	236
Dedenkulov A.V. The Problem of Energy Security in the Early 21st Century: Challenges and Opportunities ..	241
Kolegova O.Y. SCO as an Effective Tool of Regional Integration: Problems of Expansion	249
Shchetinina K.I. Green Economy in Hotel Business of EU Countries	254

THE MGIMO GOLDEN FUND

Stepanova N.V. Arlen Vaagovich Meliksetov (01.01 1930 – 15.02. 2006).	260
Ahtamzyan A.A. D.V. Ermolenko – the First Vice Rector of MGIMO from Among Graduates of Higher Education Institution.	265
Nikiforov A.L. L.A. Nikiforov – the Dean of the Historical and International Faculty of MGIMO	268
Aleksakhin A.N. A Prominent Teacher and Sinologist V.I. Gorelov in MGIMO-University.	271
Ogorodov M.K. Honoured professor of MGIMO on MFA of Russia L.G. Vedenina	275

REVIEWS

Lebedev A.E. Innovation as Miracle: High-Tech Industries – a Resource of Economic Growth	278
Lunyov S.I. Japan between the West and East	281

SCIENTIFIC LIFE

Silantyeva M.V. Annual Scientific Conference of Philosophy Chair	286
Bulatov A.S. Applied Science Conference “Russian Capital Outflow Issues”	287
Chekov A.D. Nuclear Disarmament and International Security in the XXI Century: Following the MGIMO November Conference, 2012	291
Kharkevich M.V. Allocating State Scholarships and University Rankings	294

Педагогика и подготовка специалистов-международников

А.В. Торкунов

«Вестник МГИМО» открывает новую рубрику – «Педагогика», и это не случайно. Университетская наука не может существовать без фундаментальных и прикладных исследований в области педагогики, которая сегодня представляет собой многоплановую науку, охватывающую различные виды образовательной деятельности по обучению и воспитанию не только детей, но также молодежи и взрослых.

В 2012 г. Университет провел первый набор в аспирантуру по специальности 13.00.08 – теория и методика профессионального образования. Эта сравнительно новая специальность рассматривает вопросы профессионального обучения, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров во всех видах и уровнях образовательных учреждений, предметных и отраслевых областях, включая вопросы управления и организации учебно-воспитательного процесса, прогнозирования и определения структуры подготовки специалистов с учетом потребностей личности и рынка труда, общества и государства. Области исследования включают такие актуальные для МГИМО направления, как:

- подготовка специалистов в высших учебных заведениях в рамках многоуровневого высшего образования;
- диагностика качества образования;
- современные технологии профессионального образования;

- образовательный менеджмент и маркетинг;
- взаимодействие профессионального образования с рынком труда и социальными партнерами;
- формирование профессионального мировоззрения;
- профессиональный консалтинг и консультационные услуги;
- компетентностные составляющие в профессиональной подготовке специалиста и т.д.

В науке накоплен определенный потенциал для разработки теоретико-методологических и прикладных аспектов проблемы профессиональной языковой подготовки специалистов-международников. В последние двадцать лет значительно выросло число вузов, осуществляющих подготовку специалистов-международников. Вместе с тем, вопросы теории и практики профессиональной языковой подготовки сотрудников внешнеполитического ведомства изучены недостаточно, научное обоснование профессиональной подготовки специалистов-международников относится к наименее разработанным областям современной педагогической науки. При этом совершенно очевидно, что овладение как общей теорией, так и конкретными прикладными отраслями педагогической науки является необходимым условием эффективной образовательной деятельности.

Торкунов Анатолий Васильевич – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Педагогика

В МГИМО уже много лет ведутся исследования в области теоретической и прикладной педагогики. В университете трудятся 25 кандидатов и 4 доктора педагогических наук. Еще 4 преподавателя завершают работу над докторскими диссертациями. В последние годы написаны новые учебники и учебные пособия, которые используются в различных регионах России. Преподаватели Университета активно участвуют в российских и международных конференциях, публикуют статьи и монографии по проблемам образования и педагогики. Университет организует конференции, на которых обсуждаются в том числе вопросы педагогического характера. Результаты исследований преподавателей МГИМО позволяют говорить о новом направлении в педагогике и психологии высшей школы, включающем:

- историю и теорию профессионального образования специалистов-международников;
- теорию и методику обучения студентов-международников иностранным языкам;
- теорию и методику обучения специалистов-международников переводу в сфере профессиональной коммуникации;

- психологию международных отношений;
- междисциплинарные исследования особенностей профессиональной подготовки студентов-международников (особенности переговорного процесса, подготовка к межкультурной коммуникации в профессиональном дискурсе, подготовка к публичным выступлениям, в том числе и на иностранном языке);

- подготовку преподавателей для обучения студентов-международников;
- сравнительные исследования в области профессиональной подготовки специалистов-международников в России и за рубежом.

Настало время обобщить опыт, накопленный в МГИМО, предоставить слово молодым исследователям. Открываемая рубрика позволит журналу расширить тематику своих публикаций, а преподавателям МГИМО – вывести на суд научной общественности результаты своей научно-практической работы.

Torkunov A.V. Pedagogics and Getting Foreign Affairs Specialists Prepared.

Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики

Е.В. Воевода

В статье рассматриваются вопросы теории профессиональной языковой подготовки студентов-международников. Раскрывая сущность профессионального образования с позиций компетентностного подхода как новой парадигмы образования, автор предлагает определение содержания и целей языковой подготовки, анализирует ее специфические функции и закономерности.

В последнее десятилетие в мире уделяется большое внимание вопросам образования и эффективной подготовки кадров для национальных экономик. В эпоху информатизации и интернационализации образования на фоне глобальной конкуренции на первое место выходит не столько вопрос «Чему учить?», сколько «Как учить?», чтобы повысить эффективность обучения и подготовить выпускников высших учебных заведений к профессиональной деятельности, минуя или максимально сократив стадию ученичества на рабочем месте. В этих условиях возрастает социальная, экономическая и политическая роль университетов, которые в современном мире немыслимы без опоры на научные исследования и внедрения инновационных научных разработок в учебный процесс¹. Для этого необходимо осуществлять подготовку преподавателей, способных своевременно внедрять результаты исследований в образовательный процесс.

Для привлечения талантливой молодежи в профессиональную научную и преподавательскую деятельность аспирантура МГИМО(У) открыла в 2012 г. подготовку по специальности «теория и методика профессионального образования». Этот шаг вызван объективной необходимостью исследо-

вания теории и анализа практики профессиональной подготовки специалистов-международников в изменяющемся мире. Динамичные процессы развития и модификации системы международных отношений, интеграция России в мировое постиндустриальное сообщество и расширение международных контактов на государственном и региональном уровнях, присоединение России к Болонскому процессу, введение нового Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования обусловили изменение требований к уровню и качеству профессиональной подготовки специалистов-международников. Происшедшие изменения повлекли за собой потребность в молодых профессиональных кадрах для системы МИД и других ведомств, связанных с внешней проблематикой: дипломатах, юристах, экономистах и финансистах, способных эффективно работать на стыке внутреннего и внешнего экономического пространства, журналистах-международниках, переводчиках в сфере профессиональной коммуникации.

Сферой профессиональной деятельности специалиста-международника является международное политико-экономическое и культурное сообщество со всеми новыми оттенками отношений и

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., профессор кафедры английского языка № 2 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: elenavoevoda@yandex.ru

■ Педагогика

социокультурными импликациями, которые придает ему процесс глобализации. Этим объясняется акцент на компетентностный подход и синергетическая модель образования, которая реализуется в современной отечественной педагогике. В условиях глобализации именно педагогика с ее традиционными функциями – образовательной, воспитательной, профессионально-развивающей, аксиологической – позволяет осуществлять формирование профессионально значимых компетенций; навыков межкультурной коммуникации в профессиональном дискурсе; основ профессиональной идентичности студентов-международников; национальной системы ценностей и основ толерантности.

Специфика профессиональной подготовки специалистов-международников заключается в том, что данную категорию специалистов необходимо обучать не только профессиональным умениям и навыкам, но и готовности: принимать решения и нести ответственность за эти решения; осуществлять профессиональную деятельность на иностранном языке с учетом: а) контекстуальной значимости ситуации, б) особенностей языковой картины мира страны пребывания, в) лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих ведение переговоров. Профессиональная языковая подготовка специалистов-международников, таким образом, представляет собой фундаментальную научную и практическую проблему, и ее необходимо рассматривать как отдельное направление в теории и практике профессионального образования, отличное от подготовки специалистов иного профиля.

Говоря о профессиональном образовании, необходимо отметить, что само понятие и термин «образование» закрепились в русском языке и педагогике в своем исконном, корневом значении (формирование, становление и развитие) лишь в конце XVIII в.². До этого говорили о воспитании и обучении подрастающего поколения. Неслучайно еще в XIX в. молодые люди, обучавшиеся в лицеях, гимназиях, в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД (первом высшем учебном заведении внешнеполитического ведомства России) именовались «воспитанниками». Слово же «ученик» употреблялось не только по отношению к учащимся начальных образовательных заведений (их чаще называли «школьниками»), но и для обозначения тех, кто учится чему-либо. Так, должности учеников существовали при Коллегии (позже – Министерстве) иностранных дел Российской империи. Только в XIX в. стали говорить о системе образования и в то же время – о содержании обучения.

Понятие «образование» является многогранным и имеет множество определений, в которых прослеживается непосредственный подход к целям и задачам образования. С одной стороны, образование можно представить как процесс (то есть образывание ученика, передачу ему некой системы знаний, умений, навыков) и как результат – владение системой знаний. С другой стороны, образование можно рассматривать как систему

образовательных учреждений различного типа (государственных, частных, общеобразовательных, специализированных и т.п.). Б.С. Гершунский в «Философии образования для XXI в.» определяет образование как ценность, систему, процесс и результат, при этом аксиологическую характеристику образования он рассматривает как ценность государственную, общественную и личностную³.

«Педагогический энциклопедический словарь» отмечает, что в образовании человек осваивает систему ценностей, знаний, умений и навыков, которые соответствуют как его интересам, так и ожиданиям общества. Словарь подчеркивает, что образование является составной частью и в то же время продуктом социализации и предполагает целенаправленное и ускоренное развитие «тех или иных способностей человека благодаря педагогически организованной передаче накопленной людьми культуры, то есть правил поведения, мышления, знания и технологий (способов и орудий деятельности), от поколения к поколению. ...Образование служит интересам личности и общества, одновременно сохраняя культуру и развивая способности новых поколений ее совершенствовать»⁴.

Важность этого определения состоит в том, что культура рассматривается во всем ее многообразии как объект передачи, усвоения и совершенствования новыми поколениями, то есть как содержание образования. Передача культуры осуществляется прежде всего с помощью языка, который является ее неотъемлемой частью. Новой парадигмой в языковом образовании является восприятие языка как части культуры и как проводника иноязычной культуры. Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что определения понятия «образование», предложенные Б.С. Гершунским и авторами «Педагогического энциклопедического словаря», применимы и к языковому образованию.

Профессиональное языковое образование международных отличается от профессионального лингвистического образования тем, что для них иностранные языки имеют прикладной характер. Они необходимы им для осуществления профессиональной деятельности, поэтому в высших учебных заведениях, проводящих подготовку по направлению «международные отношения», не читаются теоретические курсы лингвистического цикла (общее и частное языкознание), как это происходит в языковых вузах. Хотя в вузах, осуществляющих подготовку международных, иностранный язык является профилирующей дисциплиной, эти учебные заведения не являются языковыми. Принимая во внимание разницу между языковым образованием для лингвистов и нелингвистов, логично применительно к последним говорить о языковой подготовке.

В последние годы как в образовании, так и в бизнес-среде произошли качественно новые изменения в отношении к целям и содержанию обучения: основной акцент делается не просто на приобретение учащимися некоего набора знаний и умений, но на умение использовать их для решения жизненных и профессиональных проблем, то есть

на формирование системного набора компетенций. Источником формирования такого подхода являются объективные требования современной «экономики знаний», согласно которой для успешной профессиональной деятельности значимыми и эффективными являются не знания как таковые, но то, как человек умеет ими пользоваться в повседневно-бытовых и профессиональных ситуациях. Компетенции составляют один из содержательных компонентов обучения. Они – это способность использовать имеющиеся знания, умения, навыки и практический опыт в повседневно-бытовых или профессионально значимых ситуациях. Применительно к изучению иностранных языков компетенции характеризуют определенный уровень владения языком.

Обучение иностранному языку предусматривает формирование у студентов компетенций, необходимых для выполнения конкретных видов профессиональной речевой деятельности. Развитие профессионально значимых компетенций позволяет выпускнику выработать профессиональную языковую компетентность – такое качество личности, которое обеспечивает возможность воспринимать, понимать и воспроизводить сообщения (тексты), содержащие в том числе профессиональную информацию, выраженную средствами естественного языка, сохранять такую информацию в памяти и обрабатывать ее в ходе мыслительных процессов.

Языковая подготовка предполагает формирование не менее трех взаимосвязанных компетенций: языковой (или лингвистической), речевой и коммуникативной. Однако, говоря о профессиональной языковой подготовке международных, перечень компетенций необходимо дополнить социокультурной, аналитической, стратегической, профессиональной, социальной и другими компетенциями. Таким образом, языковая подготовка – это целенаправленный процесс формирования компетенций, необходимых для осуществления процесса иноязычной коммуникации, через обучение иноязычной культуре.

Процесс глобализации, мировые процессы интеграции, обусловленные переходом от индустриального к информационному обществу, вызвали потребность в большом количестве специалистов, способных осуществлять профессиональную деятельность на иностранном языке или с применением иностранных языков. Таким образом, на первый план выходит не образование в целом, но профессиональное образование – организованный процесс овладения определенными видами профессиональной деятельности, обеспечивающий развитие социально и профессионально значимых качеств личности, а также результат этого процесса⁵. Таким образом, профессиональное образование можно рассматривать как процесс, систему и результат. На современном этапе развития российского общества основной целью профессионального образования является подготовка квалифицированного конкурентоспособного работника, свободно владеющего своей профессией и способ-

ного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов⁶. В статье 10.5 нового Закона «Об образовании в Российской Федерации», вступившем в силу с 1 января 2013 г., говорится о среднем профессиональном и высшем образовании, таким образом подчеркивается мысль, что в российских высших учебных заведениях дается не общее классическое, а именно профессионально ориентированное высшее образование⁷.

В процессе профессиональной подготовки студентов для работы в области международных отношений дисциплина «Иностранный язык» занимает важное положение и является одной из основных профессиональных дисциплин, определяющих профиль подготовки и квалификационную характеристику выпускника. Обучение иностранному языку предусматривает развитие у студентов компетенций, необходимых для решения профессиональных задач, определяемых государственным образовательным стандартом.

Для успешного осуществления поставленных перед ними профессиональных задач бакалаврам и магистрам в области международных отношений необходимо получить профессиональную языковую подготовку, которая представляет собой:

- целенаправленный процесс приобретения знаний, умений и навыков в иностранном языке;
- формирование на их основе компетенций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности, через обучение иноязычной культуре во всех ее проявлениях – лингвокультуре, образе жизни, пище, одежде, технологиях, системе ценностей, поведении, мышлении, верованиях и т.д.

В историческом плане процесс становления и развития профессиональной языковой подготовки международных обусловлен, помимо геополитических и социокультурных изменений в обществе, закономерной эволюцией целей, задач и содержания обучения, служившими детерминантами формирования разноразмерной системы профессиональной языковой подготовки сотрудников внешнеполитического ведомства и функционального изменения статуса выпускников – от переводчика к дипломату. В настоящее время целью является подготовка специалиста-международника, способного осуществлять профессиональную деятельность с использованием иностранных языков. С точки зрения компетентностного подхода цель профессиональной языковой подготовки специалиста-международника – это формирование системного набора профессионально значимых компетенций, удовлетворяющего квалификационной характеристике выпускника вуза по направлению «Международные отношения» в рамках дисциплины «Иностранный язык». В связи с этим содержание профессиональной языковой подготовки специалиста-международника можно рассматривать как формирование конкретных профессионально значимых компетенций на базе знаний, умений, навыков и подготовку студентов к профессиональной коммуникации. Сформированность компетенций (по видам речевой и профессиональной деятельности) является критерием оценки качества

■ Педагогика

профессиональной языковой подготовки специалиста-международника. Содержание обучения определяется Федеральным государственным стандартом высшего профессионального образования и программой обучения и зависит от целей и этапа обучения.

Профессиональная языковая подготовка современного специалиста-международника рассматривается как процесс и результат формирования профессионально значимых компетенций, обеспечивающих индивидууму возможность осуществлять профессиональную деятельность с применением иностранного языка в международном сообществе. Формирование компетенций определяет цель и содержание профессиональной языковой подготовки, имеющей отличительные функции: не только образовательную (формирование профессионально значимых компетенций и профессиональной языковой компетентности как системного набора сформированных компетенций) и воспитательную (освоение иноязычной культуры; формирование лингвосоциокультурной компетентности), но также статусную (изменение социального статуса путем приобретения высшего профессионального образования) и аксиологическую (формирование системы ценностей, соответствующей идеологии, морали и культуре своего государства, и основ ценностных уста-

новок в профессиональном международном поликультурном сообществе).

Таким образом, можно сделать вывод, что теория профессиональной языковой подготовки – это система принципов, функций, закономерностей и подходов в рамках компетентностного подхода как новой парадигмы языкового образования. Теория языковой подготовки также включает в себя методики и технологии языковой подготовки. Современная теория языковой подготовки основывается на принципе культуросообразия и выстраивает систему языковой подготовки так, чтобы обеспечить будущим международникам возможность эффективной межкультурной коммуникации. Одна из задач, стоящих перед учебными заведениями, осуществляющими обучение студентов-международников, – обеспечить языковую подготовку, которая позволит студентам успешно осуществлять профессиональную деятельность.

Voevoda E. V. Professional Language Training of Students of International Relations: Didactics.

Summary: *The article addresses the theory of professional language training of students majoring in international relations. Showing the essence of competence-based professional education, the author offers definitions of content and purpose of language training and analyses its specific functions and properties.*

Ключевые слова

Дидактика, профессиональная языковая подготовка, профессиональное образование, компетентностный подход, содержание, цель, функция, критерий.

Keywords

Didactics; professional language training; professional education; competence-based approach; content; purpose; function; criterion.

Примечания

1. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4(25). С. 87.
2. Булкин А.П. Социокультурная динамика образования. Исторический опыт России. Дубна: «Феникс-», 2005. С. 150.
3. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М.: Педагогическое общество России, 2002. С. 42, 45.
4. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад; редкол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. // М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 172–173.
5. Словарь-справочник современного российского профессионального образования / авторы-составители: Блинов В.И., Волошина И.А., Есенина Е.Ю., Лейбович А.Н., Новиков П.Н. Выпуск 1. М.: ФИРО, 2010. С. 11.
6. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002. №393. URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html
7. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»/ URL: <http://минобрнауки.рф>

Этапы развития англоязычной лингводидактики XX–XXI вв.: опыт аналитического осмысления

Е.В. Яковлева, Р.В. Агаджанян

В статье охарактеризованы основные вехи развития англоязычной лингводидактической мысли в XX–XXI вв., послужившие предпосылкой современного этапа развития лингводидактической практики преподавания английского языка с учетом медийного и компетентностного подходов к решению задач межкультурно-коммуникационного осмысления функциональных особенностей дидактических материалов нового поколения.

Теория обучения иностранным языкам, или лингводидактика, ориентирована на разработку наиболее современных и эффективных методов обучения языкам и оформилась как направление академической мысли в начале XX в. На протяжении всего столетия развитие лингводидактики характеризовалось динамичностью и инновационными подходами к решению традиционных задач. В новейшей истории лингводидактики принято говорить о взаимном влиянии трех основных теоретических течений в развитии лингвистической мысли, отражавших взаимосвязь лингвистики и философских направлений, – бихевиоризма, когнитивизма и конструктивизма. Ими соответственно являются лингвистический структурализм, когнитивный конструктивизм и социокогнитивизм в их взаимном пересечении.

Самым первым системным подходом в обучении иностранным языкам был структурный подход, основывающийся на положениях и результатах исследований ученых-структуралистов,

получивший название ситуативного подхода в Великобритании и аудиолингвального метода – в США. Структурный подход явился дальнейшим развитием и трансформацией предшествовавшего ему грамматико-переводного метода. В свою очередь, возникновение грамматико-переводного метода восходит к исследованиям середины XIX в. и исследуется литературой вопроса вплоть до 40-х гг. XX столетия в западной лингводидактике (В. Гумбольдт, Д. Гамильтон, Г. Оллендорф, Ж. Жакото, Ш. Туссен и др.) и почти до 1970-х гг. – в трудах отечественных ученых (К.Д. Ушинский, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Д.Н. Писарев). В несколько эволюционированном виде он продолжает достаточно широко использоваться в ряде регионов планеты и в настоящее время.

Напомним, что в рамках грамматико-переводного метода целью изучения иностранного языка является обеспечение возможности знакомства обучающихся с текстами словесно-художествен-

Яковлева Елена Владимировна – д.филол.н., профессор кафедры английского языка Дипломатической академии МИД России, зав. кафедрой психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии МГУ. E-mail: elxs@mail.ru

Агаджанян Рубен Владимирович – аспирант кафедры зарубежной филологии ГБОУ ВПО МГПУ, преподаватель гимназии №1592. E-mail: ce3ar2006@yandex.ru

ного творчества на изучаемом иностранном языке («языке-цели»), что свидетельствует об углубленном и последовательном интеллектуальном развитии обучающихся. В рамках этого подхода основной единицей изучения языка было предложение. Акцент ставился на сопоставительном исследовании предложения в родном языке и «языке-цели» на основе предлагаемых переводческих соответствий. Особое внимание уделялось точности перевода. Предполагалось, что изменение уровня знаний студентов должно оцениваться в терминах абсолютных категорий и фиксироваться по результатам регулярно проводимых многочисленных промежуточных устных и письменных экзаменов.

Последователи грамматико-переводного метода руководствовались дедуктивными подходами к представлению особенностей грамматической системы языка, комментируя последние на примере переводных упражнений. На примере текстов подробно разбирались все встречавшиеся в них грамматические явления, часто вне связи с семантическим наполнением и коммуникативной стратегией этих единиц. До середины 80-х гг. прошлого века этот метод широко применялся в ходе языковой подготовки студентов нелингвистических специализаций.

Одновременно, в период с 1930-х по 1960-е гг., в Великобритании развивалось новое лингвистическое учение, получившее название «структурализм». На его основе возник метод так называемого ситуативного обучения языку, связанный с именами известных британских ученых Х. Палмера, А. Хорнби и М. Уэста. В отличие от грамматико-переводного метода, приоритет в этом методе отдавался речи. Речевая деятельность рассматривалась как основа овладения иностранным языком, при этом в центре внимания оказывались структурные особенности представления знания¹. Практически на тех же принципах основывался и американский аудиолингвальный метод, основоположниками которого были Ч. Фриз² и Р. Ладо³. Однако британские структуралисты отличались тем, что во главу угла они поставили исследования дидактической ситуации, исходя из того, что знание структур должно быть связано с ситуациями, в которых они должны употребляться. Интересно, что под понятием «ситуация» понималась не коммуникативная ситуация, то есть ситуация общения, но использование конкретных предметов, картинок и других реалий, которые, наряду с невербальными действиями и жестами, могут использоваться для демонстрации значений новых языковых понятий⁴.

Теоретической основой третьего метода обучения являлся бихевиоризм и его принципы нормативного речевого поведения. Наиболее функциональным результатом применения этого метода в изучении иностранного языка являлось привитие нормативных речевых навыков. Учащиеся решали задачу подстановки нужных языковых элементов в предлагавшиеся им грамматические структуры на основании выработанного у них представления о нормативности речепотребления на изучаемом

языке. Правильные речевые навыки должны были прививаться на основе имитации – таковы предписания бихевиористов. Учебными видами деятельности выступали подстановочные действия, повторение под руководством учителя, включая повторение хором, диктанты, заучивания и контролируемые задания на чтение и письмо, которые проверялись в основном в устной форме. Иногда включалась парная и групповая работа. От учащегося просто требовалось слушать и повторять, что говорит учитель, отвечать на вопросы и выполнять команды. Он никак не контролировал содержание обучения. Часто априори предполагалось, что учащийся будет демонстрировать нежелательное языковое поведение, если им не будет умело манипулировать преподаватель.

Необходимо отметить, что преподаватель выполнял несколько ролей: помимо манипулирования, он выступал как образец для подражания, вводя новый материал, он вводил новую, моделированную структуру, по которой учащиеся, подобно музыкантам оркестра, оформляли свою речь грамматически, в соответствии с его указаниями. Цель обучения на любом уровне знания языка состояла в обеспечении перехода от устного повторения изучаемых структурных типов предложений к автоматическому употреблению их в речи. План урока отражал усвоение языкового материала в соответствии со следующими этапами:

- 1 – коррекция произнесения лексики урока;
- 2 – повторение пройденного как подготовка к введению нового материала;
- 3 – введение новых структур или лексики и устная практика их использования;
- 4 – оценка успешности усвоения представленного материала.

Появление аудиолингвального метода было результатом усиления внимания к обучению иностранным языкам в США к концу 50-х годов прошлого века. Термин «аудиолингвальный метод» был предложен профессором Нельсоном Бруксом в 1964 г., а сам метод превращал обучение языкам из искусства в науку, которая позволяет обучающимся эффективно овладевать иностранным языком. Метод был принят в качестве методологической основы в учебных заведениях США и Канады и продержался в этом статусе вплоть до 1980-х гг., когда он начал все чаще и чаще подвергаться критике и был в конечном счете вытеснен другими методами. Тем не менее аудиолингвальный метод и материалы, разработанные на его основе, продолжают использоваться еще и сегодня.

Специалисты в области теории и методики лингводидактики, разработавшие аудиолингвальный метод, Ч. Фриз и Р. Ладо, были вооружены не только убедительной теорией структурализма⁵, изложенной в работах Ф. де Соссюра (1857–1913), Р. Якобсона (1896–1982), Н. Трубецкого, Р. Барта (1915–1980), но испытывали существенное влияние психологии бихевиоризма, связанное с именем американского исследователя Б. Скиннера (1904–1990). Ее основным положением было утверждение о том, что методика выработки условного рефлекса,

закрывающаяся в закреплении или ослаблении поведения в связи с наличием или отсутствием поощрения или наказания⁶, может объяснить все формы человеческого поведения.

В рамках вышеуказанных теорий человек рассматривался как организм, имеющий очень широкий творческий и поведенческий, в том числе вербальный, репертуар. При этом выбор определенных типов речевого поведения человека рассматривался в контексте трех основных факторов, характеризующих особенности обучения человека иностранному языку: стимул – ответная реакция – подкрепление. Под стимулом понималась парадигма фактов об изучаемом предмете, подлежащих усвоению в качестве основы для выработки соответствующих практических умений. Ответная реакция, вызываемая стимулом, представлялась вербальным поведением определенной функциональной направленности. В задачи подкрепления входила маркировка реакции как соответствующая или несоответствующая, что могло поощрять повторную реакцию в первом случае или подавлять ее во втором. Особое внимание уделялось исследованию подкрепления, поскольку выраженность этого фактора определяет вероятность многократных аналогичных реакций на один и тот же стимул, приводящих к выработке определенных навыков.

С учетом этих положений было разработано несколько гипотез о законах изучения и преподавания иностранного языка. Поскольку структурные лингвисты обычно описывали систему языка начиная с фонологического уровня и заканчивая синтаксическим уровнем, предполагалось, что изучать и преподавать иностранный язык нужно в такой же последовательности. Из положения о том, что устная речь первична, а письменная вторична был сделан вывод, что изучение языка должно начинаться с овладения речью, обучение же письму должно быть отодвинуто на гораздо более поздние стадии. И так как самое важное и уникальное в языке – это структура, на самой ранней стадии изучения необходимо приложить интеллектуальные усилия для овладения фонологическими и грамматическими структурами. На основе этих гипотез сформировалось несколько принципов обучения, которые легли в основу аудиолингвализма и оформились в его методологические практики. Так, предполагалось, что изучение иностранных языков – это в основном процесс формирования механического навыка. Хорошие навыки формируются, если давать правильные, а не неверные ответы.

В определенной мере отвергался аналитический подход к изучению иностранного языка, поскольку считалось, что аналогия обеспечивает лучшую основу для осуществления этого процесса, чем анализ. Поскольку аналогия предполагает обобщение и различение, анализ особенностей лексических, грамматических и других особенностей языка не проводился только после отработки структур и проведения соответствующих аналогий между родным языком и языком-целью. В изучении грамматики наиболее результативным

методом считался индуктивный, следуя которому механическое воспроизведение помогало студентам приобретать необходимые навыки с опорой на проводимые в процессе усвоения материала аналогии. Поскольку изучение языка представлялось как формирование навыка, успешным методом его приобретения оказывалось воспроизведение усвоенного материала по памяти, выявлявшее устойчивость сформированных ответных реакций на соответствующие стимулы. Поскольку лингводидактический материал усваивался без учета результатов его лингвистического анализа и весь процесс подчинялся успешному усвоению определенных речевых структур, чтение имело статус вспомогательного приема совершенствования фонологического аспекта усвоения материала. А отработка навыка письменной речи сводилось к воспроизведению относительно ограниченного набора структурно выверенных построений.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что процесс обучения достигал своей цели, когда навыки устной речи, чтения и письма обеспечивали создание запрограммированного лингвистического продукта вне его связи с социокогнитивными характеристиками лингвистической ситуации, в тексте которой он создавался. Рассматривая господство структурализма в лингводидактике сквозь призму инструментального обеспечения процесса, мы видим первое появление компьютерных программ, которые назывались CALL programs (Computer Assisted Language Learning). Эти программы состояли, как правило, из упражнений на заучивание структур (tutorials), а также инструментов для языкового тестирования, строго следовавших модели «компьютер-преподаватель», в которой компьютер играл роль преподавателя. Первоначально созданные для больших ЭВМ в 60–70-х гг. прошлого столетия и до сих пор еще используемые в различных вариациях, эти программы были разработаны таким образом, чтобы предоставлять учащемуся сведения о формальной правильности их ответов. Программы такого типа обычно мало мотивировали как студентов, так и преподавателей, так как они консервировали, догматизировали существующие учебные практики, хотя и в переформатированном виде. На ранних этапах применения метода эти программы были достаточно простыми в техническом отношении, разрешая только один допустимый ответ в одном задании.

Изучение теории бихевиоризма, однако, выявило ряд внутренне присущих ей противоречий. Так, например, было доказано, что субъект не просто обнаруживает реакции на стимул, но производит в ответ на него активные мыслительные действия. Причем у разных людей могут быть совершенно разные реакции на один и тот же стимул, на одну и ту же ситуацию, в зависимости от их личностных характеристик и характеристик ситуации общения. Осознание этого вызвало реакцию глубокого скептицизма по отношению к бихевиоризму как к непротиворечивой теории не только в психологии, но и в теории языкознания и

теории обучения языкам, которые испытывали его существенное влияние. Это повлекло принципиальный пересмотр методов обучения, в результате чего аудиолингвальный метод был атакован по всем направлениям. Его объявили несостоятельным как в плане лингвистической теории, так и теории лингводидактики. Не говоря уже о том, что обучение было методологически однообразным, эстетически и эмоционально ненасыщенным, практические результаты далеко не всегда соответствовали прогнозируемым результатам.

Американский ученый лингвист Ноам Хомский из Массачусетского университета отверг как структуралистский подход в описании языка, так и бихевиористскую теорию лингводидактики. Он считал, что язык не является структурой, функционирующей по принципу навыка, а нормальное, обычное языковое поведение характеризуется инновациями, образованиями новых предложений и фраз в соответствии с очень сложными абстрактными правилами. Хомский категорически отрицал бихевиористский тезис о природе изучения языка, приводя в качестве аргумента тот факт, что говорящий может производить бесконечное количество хорошо организованных высказываний⁷.

Поэтому языковая компетенция вряд ли может быть объяснена, исходя из модели имитации навыка. Вместо этого Хомский предложил теорию трансформационно-порождающей грамматики, которая является своеобразным посредником между глубинными и поверхностными структурами языка. Его теория исследовала лексические последовательности, которые соответствуют абстрактным, поверхностным структурам, с одной стороны, и более абстрактным глубинным структурам – с другой.

В области лингводидактики теория Хомского способствовала постепенной целевой переориентации, от формирования правильных лингвистических навыков за счет механического повторения к формированию и развитию когнитивных лингвистических структур в речи учащихся, в том числе к формированию вторичной языковой личности. Ошибки должны были рассматриваться не как плохие привычки, от которых надо отказаться, но как естественный продукт творческого процесса обучения, опирающийся на когнитивные стратегии упрощения, обобщения, перевода, проведения аналогий и др. Изучение языка стало рассматриваться не как обусловленная реакция, но как активный процесс порождения и трансформации знания на основе когнитивных процессов.

Этот новый процесс привел к возрождению интереса к изучению грамматических правил. Но обучение теперь предполагало сознательный подход к изучению грамматических структур и признавало роль абстрактных мыслительных процессов в их усвоении. На некоторое время в начале 1970-х гг. лингводидактика также увлеклась когнитивными представлениями, например обучение письму на иностранном языке начало включать такие когнитивные элементы и виды групповой работы, как «мозговой штурм», всесторонний анализ

идеи, создание предварительного варианта текста, его анализ, критический анализ и создание на его основе окончательного варианта. Тем не менее в описываемом направлении исследования не было создано достаточной методологической базы, необходимой для формулировки метода инкорпорации когнитивных взглядов в практику преподавания иностранных языков в качестве альтернативы применения аудиолингвального метода. В этот период отдельными учеными-лингвистами предлагались экспериментальные периферийные методы обучения иностранным языкам. Так, например, в рамках суггестопедического подхода болгарским ученым, педагогом и психотерапевтом Г. Лозановым⁸ проводились исследования, основные положения которых нашли свое развитие в работах таких ученых, как Л.А. Близниченко⁹, Г.А. Китайгородской¹⁰ и И.Ю. Шехтера¹¹.

В дальнейшем следующее поколение компьютерных программ, соответствующее когнитивистским взглядам на обучение иностранным языкам, ознаменовало собой полную смену ролей: обучающийся теперь не контролировался компьютером, но, получив превосходство в иерархии и полномочиях, мог сам контролировать компьютер. В 1970-х гг. американские социолингвисты Дэлл Хаймс и Майкл Халлидэй напомнили научному миру, что язык – это не только личный опыт, отраженный индивидуальным сознанием, но в первую очередь – социальный феномен, и сосредоточили внимание на коммуникативной компетенции, на законах употребления языка, без которых законы грамматики не имеют смысла. В предложенном ими понимании языковые формы представлялись не только как автономные, внеконтекстные структуры, но и как смысловые ресурсы, используемые определенным образом определенными говорящими сообществами. Для Хаймса грамматическая правильность не существовала сама по себе. Она была неотделима от социальной приемственности, от ее адекватности при коммуникации в социуме. Таким же образом, когниция для него была неотделима от коммуникации.

Далее интерес лингводидактики переместился с когнитивно-конструктивистского подхода Хомского на социокогнитивный подход, имевший целью формирование коммуникативной компетенции по Хаймсу и Халлидэю. В 80-х гг. прошлого века коммуникативная компетенция стала своеобразным символом лингводидактики. Изучение языка стало неотделимо от изучения законов коммуникации. Целью обучения иностранному языку стало формирование умения использовать иностранный язык в интерактивном общении. Технологическая революция вышла на этап создания компьютерных сетей, позволяющих использовать ЭВМ как средство двустороннего интерактивного общения.

Компьютеры открыли новые перспективы для обучения иностранным языкам с позиции социокогнитивной теории, так как они позволяют обучать коммуникации непосредственно через интерактивное общение и в процессе его. Существует мнение, что новые технологии не только слу-

жат этому направлению в обучении, но и помогают формировать новую парадигму образования. Само существование компьютерных сетей создает возможность для нового вида коммуникации, поскольку эти новые формы коммуникации сейчас так широко распространены, что совершенно необходимо, чтобы студенты получали о них полное представление в процессе обучения. Это особенно важно в обучении английскому языку, поскольку огромная доля международной онлайн-коммуникации происходит на этом языке. Тем не менее есть все основания полагать, что это становится более важным и в обучении другим языкам.

Компьютерные сети обеспечивают доступ к неограниченной информации. Для практики обучения иностранным языкам это создает следующие возможности: коммуникация обучающихся с преподавателем и другими обучающимися, дистанционное обучение в любой точке земного шара с привлечением носителей языка, коммуникация в синхронном или асинхронном режиме через электронную почту или программы Messenger, Skype, ICQ и т.д. При этом их корреспондентами могут быть как отдельные индивиды, так и небольшая группа, целый класс или даже глобальная конфе-

ренция, которая вовлекает людей сотнями и тысячами в разных регионах. Реалией нового мира является использование глобально представленного гипертекста во «всемирной паутине» Интернета, используя который студенты могут вести поиск любой информации, в течение нескольких минут получать доступ к любым материалам: газетным, журнальным и онлайн-публикациям. Такие возможности обучения иностранным языкам на современном этапе, и необходимость их всестороннего и наиболее полного использования не вызывает сомнений.

Yakovleva E.V., Agadzhanian R.V. Modern English Language Didactics: Aspects of Dialectics and Analysis.

Summary: The article offers a review of the most important trends in language didactics as revealed by the consistent development of academic thought in the field over the period of 20th-21st centuries. The aforesaid process has laid foundations for modern didactic practices in foreign language teaching, as it addresses media and competence approaches to cross-cultural understanding of functional characteristics, highlighting the new generation didactic materials.

Ключевые слова

Лингводидактика, бихевиоризм, структурализм, устный метод обучения, аудиолингвальный метод, суггестопедический подход, коммуникативная компетенция.

Keywords

Language didactics, behaviorism, structuralism, situational method, audio-lingual method, suggestopedic method, communicative competence.

Примечания

1. Глухов Б.А., Шукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1993.
2. Fries Ch. C. The Structure of English. – N.Y.: Hareourt, Brace and Co., 1952.
3. Lado R. Language Teaching a Scientific Approach. – New York, 1964.
4. Richards J., Rodgers T. Approaches and Methods in Language Teaching. 1991. P. 38.
5. Lado R. Patterns of Difficulty in Vocabulary// Teaching English as a Second Language. New York, 1965.
6. Skinner B. The Technology of Teaching, New York: Appleton-Century-Crofts Library of Congress, 1968.
7. Капишин А.Е. «Генеративная лингвистика» Н. Хомского // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 81-86.
8. Лозанов Г.К., Новаков А. Суггестопедическая методика при обучении иностранным языкам // Проблеми на суггестологията. София, 1973. С. 127-135.
9. Близниченко Л.А. Ввод и закрепление информации в памяти человека во время естественного сна. Киев, 1966.
10. Китайгородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. М.: Изд. МГУ, 1986.
11. Шехтер И. Ю. Живой язык. М.: Ректор, 2005.

Оптимизация учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде

Л.К. Раицкая

В статье рассмотрено понятие «учебно-познавательная деятельность студентов в интернет-среде», определены основные формы и виды этой деятельности, обоснованы критерии ее продуктивности. Автором исследованы и представлены пути организации и оптимизации указанной деятельности как центрального звена самообразования при разработке новых педагогических технологий в информационном обществе.

Современное информационное общество объективно ведет к изменению всех социальных институтов, и прежде всего образования, которое должно транслировать актуальную информацию о состоянии общества и способствовать репродукции социальной системы. Если в прошлом система образования ставила целью передать молодому поколению знания, которые были накоплены обществом и которые позволяли бы молодым людям по окончании школы или вуза включаться в той или иной мере в стабильную профессиональную деятельность, то в информационном обществе молодежь должна быть готова к деятельности в условиях постоянно меняющейся социальной среды. Для современных молодых людей необходима готовность к самостоятельному целеполаганию, самостоятельной постановке и решению личностных и профессиональных задач, принятию критических решений, к эффективному межличностному общению, к освоению и переработке огромных массивов информации, к деятельности в предельно неопределенных ситуациях.

Кардинальная смена парадигм высшего образования с традиционной (общественно ориентированной) на инновационную глобальную (инди-

видуально ориентированную, компетентностную) требует разработки соответствующих технологий профессионального обучения, создания качественно новой профессионально-образовательной среды в условиях России, где студент из любой страны мира мог бы получить профессиональное образование, соответствующее потребностям его личности, среды, способствующей индивидуализации образовательной траектории и раскрытию способностей личности, ее разностороннему совершенствованию и саморазвитию. Все это достигается прежде всего через познавательную активность, которая в период получения высшего образования принимает форму учебно-познавательной деятельности как ведущего вида деятельности для соответствующего возраста (17–22 года).

В новой системе образования особый акцент должен быть сделан на развитии различных организационных форм самостоятельной учебно-познавательной деятельности, которая, по сути, является центральным звеном самообразования. Последнее становится обязательной формой реализации концепции непрерывного образования, позволяющей профессионалам быть готовыми к постоянным изменениям в технологиях и знаниях.

Раицкая Лилия Климентовна – к.э.н., доцент, заведующая кафедрой английского языка № 5 МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Значительная часть самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов в информационном обществе осуществляется в Интернете. При этом дидактически обоснованная и специально организованная самостоятельная деятельность студентов именно в Интернете представляется нам перспективной формой обучения в высшей школе в силу ряда факторов. Современное общество столкнулось с экспонентным ростом объемов информации, который преимущественно отмечается в Интернете. Информация быстро устаревает, так же, как и знания. Именно Интернет представляет собой ключевую информационную среду современного общества, и роль ее как источника актуальной научной и учебной информации в высшем учебном заведении очевидна.

Молодое поколение воспринимает Интернет не просто как социально-культурный феномен, а как параллельную, зачастую ведущую среду обитания. Любая деятельность в Интернете, в том числе и самостоятельная учебно-познавательная, воспринимается молодыми людьми с интересом, что повышает мотивацию данного вида деятельности. Интернет становится информационной средой обучения и самообразования, информационно-образовательной средой. Интернет как информационная и информационно-образовательная среда имеет значительный, не до конца осознанный и неиспользуемый в полной мере потенциал саморазвития человека. Интернет в силу своих уникальных свойств (виртуальность, обратимость операций, множественность пространств и пр.) создает комфортную среду жизнедеятельности, дополняющую внутреннее и внешнее пространства личности, и может выступать как пространство личностного эксперимента.

Проблемами познавательной и учебно-познавательной деятельности в педагогике и психологии занимались многие отечественные ученые – В.А. Аверин, В.И. Дружинин, Е.В. Коротаева, А.Н. Леонтьев, А.М. Новиков, М.П. Осипова, И.Ф. Харламов, Т.И. Шамова, Г.И. Щукина и др. В частности:

– А.Н. Леонтьев в своей модели познавательной деятельности исходил из того, что такая деятельность направлена на усвоение новых знаний и умений в определенной области и ее интериоризация;

– Г.И. Щукина рассматривала познавательную деятельность как интеграцию поисковой направленности в учении, познавательного интереса и его удовлетворения с помощью различных источников знаний¹;

– И.Ф. Харламов отмечал, что познавательная активность – это деятельное состояние ученика, характеризующееся стремлением последнего к учению, умственным напряжением и проявлением волевых усилий в процессе овладения знаниями².

«Учебно-познавательная деятельность» как понятие в педагогике существует параллельно с понятием «учебная деятельность», во многих контекстах оба понятия представляются авторами как синонимичные – то есть учебная деятельность как собственно познавательная деятельность для во-

влеченной в образовательный процесс личности (П.И. Пидкасистый, А.М. Новиков, В.А. Сластенин и др.). Ученые часто рассматривают самостоятельный вид такой деятельности в тесной связи с понятиями «самостоятельная работа» и «самообразование». Анализ и исследование самостоятельной учебно-познавательной деятельности в информационно-образовательной среде Интернета неразрывно связано с познавательной и поисковой деятельностью в указанной среде. Исследовав данный феномен, мы рассматриваем учебно-познавательную деятельность студента в Интернете как изначально организуемую и осуществляемую в условиях высшего учебного заведения при внешнем к обучающему целеполагании, что может трактоваться как меньшая степень свободы (учебный план, определенная программа дисциплин тематика, невозможность свободного междисциплинарного подхода к учебно-познавательной работе) и меньшая соответственно степень активности. Внешнее целеполагание во многом является сдерживающим мотивацию, а следовательно, и активность студента фактором.

Но даже в современных, сравнительно жестко детерминированных, условиях в высшем профессиональном образовании учебно-познавательная работа при эффективном эволюционном развитии за счет психолого-дидактического, эконихологического, акмеологического, личностно-ориентированного и деятельностного подходов к ее организации преподавателями и студентами и осуществлению ее студентами преобразуется в познавательную деятельность (которая, по сути, остается учебно-познавательной, но воспринимается субъектом именно как познавательная, поскольку интернет-среда снимает «границы» такой деятельности, создаваемые специфическими условиями, то есть учебным заведением) без внешнего для студентов целеполагания и контроля, результатом которой является освоение новых для студентов знаний и видов деятельности и развитие их личности и способностей. Такая деятельность осуществляется в специфических видах и формах. К основным видам учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде можно отнести:

– поисковую деятельность (направленный поиск; свободная гипертекстовая навигация или направленная на результат, решение определенной задачи, или на процесс);

– практическое освоение новых технологий (как подготовленное, так и освоение «по наитию»);

– групповое (коллективное) творчество по созданию нового контента;

– интернет-коммуникацию в познавательных целях;

– обучение с использованием различных интернет-технологий и интернет-ресурсов.

Формы учебно-познавательной деятельности студентов в информационно-образовательной среде Интернета определяет:

– организация и/или самоорганизация информационно-коммуникационного взаимодействия и информационно-познавательной деятельности:

■ Педагогика

сессии/ занятия – сессия-онлайн, аудиторное занятие, направленный поиск, свободная гипертекстовая навигация, решение определенной познавательной задачи, симуляция или игровая сессия;

– проект-онлайн или проект комбинированный;

– офлайн-подготовительная деятельность – работа с информацией офлайн, творческая работа офлайн, подготовительная работа офлайн в рамках проекта.

Критерии, уровни и другие показатели продуктивности учебно-познавательной деятельности в современных условиях определяются новой парадигмой образования информационного общества. В рамках парадигмы знаний продуктивность учебной и учебно-познавательной деятельности определялась исключительно теми требованиями, которые общество предъявляло к рабочей силе, то есть уровнем интеллектуального развития и объемом конкретных знаний, требующихся в той или иной профессиональной и, по сути, репродуктивной деятельности в экономике индустриального общества. В постиндустриальном обществе изменились как требования к рабочей силе, так и понимание сущности образования как средства самореализации личности. Личность в новой парадигме выходит на первый план. В индустриальном обществе «массовое образование служит целям индустриального производства, готовит работоспособные элементы индустриального механизма и само является ... отлаженным механизмом» (А.М. Новиков), который должен обеспечивать передачу каждому студенту определенного обществом для его профессии объема знаний, достаточных для обслуживания массового производства. Постиндустриальное же общество требует в первую очередь «отказа от понимания образования как получения готового знания» и его использования «как достояния личности, как средства ее самореализации в жизни»³.

Такое понимание образования меняет представление о продуктивности всех видов деятельности, осуществляемых в рамках образования. Результатом не может более считаться исключительно некая сумма знаний, полученная или переданная студенту. Меняется вся система критериев оценки деятельности в образовании, включая учебно-познавательную деятельность, а также основанные на критериях показатели и уровни деятельности. То есть претерпевает изменение весь инструментарий, позволяющий проводить оценку и контроль над эффективностью учебно-познавательной деятельности. Таким образом, продуктивность учебно-познавательной деятельности студентов в Интернете представляет собой улучшение показателей и уровней, определяющих успешность осуществляемой студентами деятельности в Сети на основании ряда критериев (мотивационно-ценностные, когнитивные, деятельностно-поведенческие, эмоционально-волевые, рефлексивные), которые определяют удовлетворенность участников деятельности результатами деятельности и психологические последствия такой деятельности

в личностном плане после подведения итогов деятельности акта.

Оптимизации рассматриваемой деятельности служит непосредственное включение студентов в информационно-коммуникационные взаимодействия в условиях интернет-среды как среды информационно-образовательной. Это обусловлено такими свойствами интернет-среды, как:

– креативность (среда создает возможности для индивидуального и коллективного творчества, для стимуляции репродуктивного развития личности, развития автономности личности);

– дополнительность к внутреннему и внешнему миру человека, а также к пространству его жизнедеятельности;

– неоднородность как по структурированности информации, так и по соотношению в интернет-технологиях тех или иных принципов (общедидактических, психодидактических, акмеологических), что позволяет детерминировать развитие личности в условиях освоения современных информационно-коммуникационных технологий.

Согласно Ю.К. Бабанскому, оптимизация процесса обучения, как и учебно-познавательной деятельности вообще, включает научную организацию труда преподавателя и обучаемых и направлена «на достижение именно оптимальных, то есть наилучших для данных условий, результатов»⁴. Уровни оптимизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде могут быть классифицированы по аналогии с уровнями оптимизации процесса обучения. Выделяются содержательно-целевые или результативные уровни; критериальные уровни; уровни по вовлеченности субъектов.

Содержательно-целевые уровни оптимизации учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде определяются как уровни с целью развития отдельных личностных характеристик, способностей и т.д. для развития информационной компетентности и ее составляющих и коррелирующих компетентностей, с целью личностно-профессионального развития в целом. Уровни могут конкретизироваться, могут выделяться их отдельные стадии (например, интернет-компетентность, компетентность в области ИКТ и пр.).

Критериальные уровни показывают результативность процесса (в нашем случае – учебно-познавательной деятельности) без учета времени, усилий и средств, затрачиваемых на достижение этих результатов (то есть результатов деятельности), результативность процесса с учетом времени, усилий и средств в совокупности и по отдельности.

В результате проведенного автором теоретического и эмпирического исследования установлены условия и факторы оптимизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студента в интернет-среде:

– автономия студента как фактор, играющий существенную роль в оптимизации указанной деятельности, определяемая как его психоло-

гическое отношение к процессу и содержанию обучения, способность критического мышления, принятия самостоятельных решений, независимость в действиях, желание студента контролировать и активно организовывать процесс собственного обучения;

– роль преподавателя высшей школы в оптимизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде как со-субъекта деятельности;

– Интернета как среды деятельности (формы и виды деятельности и коммуникации);

– педагогического сопровождения самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов, включающего мероприятия, нацеленные на повышение эффективности этого

процесса путем учета и использования научно обоснованной специфики детерминирующего влияния интернет-среды на личностно-профессиональное развитие студента.

Raitskaya L.K. Optimizing Learning and Cognitive Activities of University Students in the Internet Environment.

Summary: The article looks into the notion of learning and cognitive activities of students in the Internet-environment. It also defines major forms and kinds of the considered activities and sets up their productivity criteria. The author studies and describes the ways of organization and optimization of the activities as the core of self-education in brand-new educational technologies to be developed in the information society.

Ключевые слова

Самостоятельная учебно-познавательная деятельность, интернет-среда, оптимизация, самообразование, информационно-образовательная среда.

Keywords

Self-reliant learning and cognitive activities, Internet-environment, optimization, self-education, information and educational environment.

Примечания

1. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе. М.: Просвещение, 1979.
2. Харламов И.Ф. Педагогика// Учеб.пособие. М.:Юристъ, 1997.
3. Новиков А.М. Постиндустриальное образование. М.: Эгвес, 2008. С. 61.
4. Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения (Общедидактический аспект). М.: Педагогика, 1977. С. 56.

Сталинградская битва в контексте современной истории

М.Ю. Мягков

Продолжавшаяся 200 дней и ночей Сталинградская битва стала переломным моментом в Великой Отечественной войне советского народа и во всей Второй мировой войне, она обратила вспять, в западном направлении, движение советско-германского фронта, когда Гитлер был вынужден признать, что для немцев «возможности окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует». После Сталинграда всему миру стало ясно, что война против СССР для коалиции фашистских агрессоров проиграна. Разгром под Сталинградом союзных Германии войск надломил фашистский блок, заставив Италию, Румынию, Венгрию и Финляндию активно искать контакты со странами антигитлеровской коалиции с целью выхода из войны. Развернувшиеся события положили конец расчетам на вступление в войну против СССР Турции и Японии, явились решающим стимулом роста движения Сопротивления в Европе и Азии. Западные союзники СССР активизировали подготовку к открытию второго антигитлеровского фронта в Европе. Президент США Ф.Рузвельт назвал сражение под Сталинградом эпическим. Позднее он прислал грамоту следующего содержания: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками... Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

Сталинград стоит в ряду главных символов Второй мировой войны. После окончания Московской битвы 1941–1942 гг. советское военное командование было полно оптимизма, несмотря на то что на отдельных участках германские войска еще стояли в 150 км от столицы, Ленинград был в кольце вражеской блокады, индустриальные и хлебные районы Украины находилась под пятой оккупантов. Однако перспективы разгрома агрессора уже в 1942 г. казались Сталину вполне реальными. Основная надежда возлагалась на свежие резервы. В свою очередь, Гитлер и его генералы грезили новым наступлением в глубь территории Советского Союза, что, по их мысли, привело бы Германию

к окончательной победе. Но наступать по всему фронту вермахт уже не мог, поэтому на лето 1942 г. фюрер выбрал в качестве стратегической цели одно главное направление – Кавказ с его богатыми ресурсами, и прежде всего нефтью, которая была как воздух необходима немецким моторизованным частям для продолжения войны.

5 апреля 1942 г. Гитлер подписал директиву № 41, в соответствии с которой был подготовлен план наступательной операции под кодовым названием «Блау» – наступление на воронежском направлении группы «Вейхс» (2-й и 4-й танковой армий) и на острожском – 6-й армии. Ставилась задача взять, наконец, Ленинград и осу-

Мягков Михаил Юрьевич – д.и.н., профессор кафедры отечественной и всемирной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ществить «прорыв на Кавказ». Группа «Вейхс», взяв Воронеж, должна была повернуть на юг и совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией окружить основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделить германские силы группы армий «Юг» на две самостоятельные – «А» и «Б», продвигавшиеся в направлении Северного Кавказа и Сталинграда.

Готовилось к летней кампании и советское руководство. Разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командования будет теперь приковано к южному флангу. Однако Сталин и Генштаб Красной армии не исключали, что немцы могут вновь попытаться взять Москву. Ощущение близкой опасности подогревалось немецкой дезинформацией – планом под кодовым наименованием «Кремль». Фальшивка должна была убедить, что группа армий «Центр» уже в июне нанесет удар по столице, окружит ее плотным кольцом и заставит капитулировать.

Непросто решался в Ставке ВГК вопрос об использовании резервов. На начало 1942 г. в связи с эвакуацией сотен предприятий пришелся пик спада производства советской военной промышленности. На мартовском совещании в Москве начальник Генштаба Б. Шапошников предложил ввиду недостатка вооружения перейти к активной обороне. Жуков выступал за наращивание усилий лишь на Западном направлении. Однако Сталин считал, что нельзя «сидеть сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми». Где появляется возможность – нужно наступать. Самым уязвимым местом в советском плане стала сама постановка задач – и обороняться, и наступать. Отсутствие четкого понимания ситуации, переоценка своих сил и недооценка противника сыграли роковую роль. Уже после войны, вспоминая уроки поражений, С.К. Тимошенко спрашивал Г.К. Жукова: «До сих пор не могу понять, почему же мы в 1942-м не решились перейти к обороне, как это потом сделали под Курском в 1943-м?» Жуков после тяжелого вздоха ответил: «Нужны были накопленные за два года войны горький опыт, мужество и стратегическая мудрость, чтобы созреть до таких решений»¹. Оценка, несомненно, правильная.

Но активные действия не достигли намеченных целей. Застопорилось наступление 2-й ударной армии у Ленинграда. Более того, сама она попала в окружение, а ее командующий генерал Власов сдался в плен и пошел на предательство Родины. Безуспешными остались попытки захлопнуть демянский котел. Подавленный «опекой» Л. Мехлиса (доверенного представителя Сталина), командующий Крымским фронтом Д. Козлов не смог справиться с немецким ударом 8 мая 1942 г. и растерял все свои войска. Под Керчью погибли 176 тыс. человек. После этого немецкие силы в Крыму были переброшены к Севастополю. Судьба этой крупнейшей базы на Черном море была предрешена. Сражение за Се-

вастополь продолжалось еще два месяца, оно обошлось немцам и румынам в десятки тысяч погибших, пропавших без вести и раненых, но к 7 июля героическое сопротивление защитников города было сломлено. Безвозвратные потери Красной армии составили здесь с октября 1941 г. по июль 1942 г. 156 тыс. человек.

Одновременно с боями в Крыму разгорались сражения под Харьковом. Войска Юго-Западного направления С. Тимошенко в мае 1942 г. пробивались к городу с барвенковского плацдарма. Советский натиск поставил элитную 6-ю армию Ф. Паулюса в трудное положение, однако вскоре 1-я танковая армия Клейста нанесла свой контрудар по растянутым советским флангам. Тимошенко и Сталин некоторое время надеялись, что ситуацию удастся спасти, но чуда не произошло. 23 мая кольцо вокруг сил Юго-Западного фронта замкнулось. По советским данным, потери в этом сражении составили 170 тыс. человек. Трагедия под Харьковом резко ухудшила обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта, предопределив дальнейшие неудачи Красной армии. Немцы, которые имели на этом участке до 900 тыс. чел., практически без передышки нанесли новые удары. Чтобы закрыть образовавшуюся в обороне брешь, Сталин был вынужден начать переброску к ней дополнительных резервных сил (до 10–12 дивизий). Вновь, как и летом 1941 г., немцы почувствовали свое превосходство. Их бронечасты стремительно наступали вперед, поддерживаемые крупными силами люфтваффе. Весенние неудачи снизили боевой дух советских бойцов и командиров, тем более что в частях было много новобранцев.

28 июня группа «Вейхс» нанесла удар на воронежском направлении. 30 июня перешла в наступление 6-я армия генерала Паулюса. 4 июля развернулись жестокие бои на подступах, а затем в самом городе Воронеже. Но, достигнув города, Гитлер приказал танковым соединениям повернуть на юго-восток – к главной цели кампании: Сталинграду и Кавказу. 9 июля группа армий «Юг», как и планировалось, была разделена на две примерно равные части: группы «Б» и «А» под командованием фельдмаршалов Ф. Бока и В. Листа. Их первой задачей являлось окружение советского Юго-Западного фронта встречными ударами.

Советская Ставка, наученная горьким опытом предыдущих неудач, приняла решение отвести свои войска на восток, не дожидаясь того, когда сделать это будет поздно. Штабы и соединения Юго-Западного фронта устремились по степным равнинам к Сталинграду, на подступах к которому разворачивался новый Сталинградский фронт под руководством генерала В. Гордова. Главная задача возлагалась Гитлером на группу «А», продвигавшуюся в направлении Кавказа. Группа «Б» должна была прикрыть ее с севера и занять Сталинград, куда нацелились немецкие силы в составе 270 тыс. человек, 500

■ История

танков, поддержанных 4-м воздушным флотом (1200 самолетов). По личному составу (500 тыс. чел.) советские войска превосходили здесь немцев, однако они вступали в бой разрозненно, с меньшим количеством танков (400 ед.) и самолетов (450 ед.), что было особенно значимо в тех условиях, когда бои происходили на широкой равнине.

Принято считать, что бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля 1942 г. С этого момента историки и ведут отсчет эпохальной Сталинградской битвы, продолжавшейся до 2 февраля 1943 г. Однако обстановка в большой излучине Дона, где продвигалась 6-я армия Паулюса, менялась чуть ли не ежечасно. Передовые части советской 62-й армии Сталинградского фронта завязали бои с немцами у хутора Морозов еще 16 июля. На следующий день в бой стали вступать основные силы армии. Сталинград оставался крупнейшим промышленным центром, в котором работали важнейшие оборонные предприятия. Из ворот Сталинградского тракторного завода выходило к тому времени до 50 % всех танков Т-34.

Кроме того, Сталинград лежал на важнейшей транспортной магистрали, он был своего рода замком, скреплявшим центр и юг страны. Захватить его стало навязчивой идеей Гитлера, тем более что город носил имя вождя непокоренной пока державы. Поняв, что с ходу город не взять, германское командование перебросило сюда дополнительные силы – шесть дивизий, снятых с кавказского направления. Сама судьба толкала германский вермахт в сторону Сталинграда. Постепенно из города, лежавшего на второстепенном направлении, он стал превращаться в центр кампании. Чем ожесточеннее шла борьба на подступах к Волге, тем значимей становилась победа какой-либо из сторон в этом гигантском сражении.

Гитлера, казалось, не смущало, что немецкие войска наносили удары по расходящимся направлениям: на Сталинград и на Кавказ (причем по мере развития наступления разрыв между ними увеличивался). Всего за несколько дней советские 1-я и 4-я танковые армии в контратаках потеряли до 300 танков, и Сталинградский фронт лишился своего «бронированного кулака». В конце июля 1942 г. немцам удалось форсировать Дон в его нижнем течении и захватить Ростов. Танковые и моторизованные колонны фельдмаршала Листа неудержимым потоком хлынули на просторы Кубани. Танкисты 1-й танковой группы Клейста давили своими гусеницами богатейший урожай пшеницы. Под германской оккупацией вскоре оказались нефтяные месторождения в районе Майкопа. Лишь благодаря четким действиям спецорганов их удалось взорвать перед самым приходом гитлеровских войск. Отступать дальше теперь означало подорвать жизненные силы государства. Над страной вновь, как и в 1941 г., нависла смертельная опасность.

28 июля 1942 г. появился приказ Наркомата обороны № 227, подписанный лично Сталиным (известный под названием «Ни шагу назад!»). Документ требовалось зачитать во всех подразделениях Красной армии и Военно-морского флота. Это был один из самых жестких приказов Второй мировой войны. Суровыми мерами предусматривалось навести порядок в войсках, укрепить их дисциплину, пресечь сдачу в плен противнику. Без приказа сверху запрещалось оставлять позиции. Заградотряды должны были расстреливать отступающих без приказа, а выявленных дезертиров, паникеров и трусов направлять в штрафные роты и батальоны. Распространяемая сегодня некоторыми СМИ информация, что заградотряды то и дело стреляли в упор по бегущим с поля боя солдатам – из разряда фальсификаций. Напротив, они сами зачастую вступали в неравный бой с немцами. Но свою основную задачу они выполняли.

Так, с 1 августа по 1 октября 1942 г. заградотряды Сталинградского фронта задержали в ближайшем тылу 15 649 дезертиров и паникеров. Из них расстреляли 278 человек, направили в штрафные роты и батальоны 260 человек, остальных бойцов возвратили в свои части². Несмотря на свою жесткость, приказ № 227 произвел перелом в моральном настроении многих солдат и офицеров. В преамбуле документа говорилось о том, что волновало их больше всего: потеря громадных территорий, миллионов людей и ресурсов, без которых было немыслимо продолжение войны. Отступить дальше означало либо погибнуть, либо сдаться на милость победителя. Свой выбор должен был сделать каждый человек, будь то командир или рядовой боец. И ответ в большинстве случаев был однозначный – «За Волгой земли нет!». Необходимость в таком приказе большинству бойцов и командиров казалась тогда очевидной.

Безжалостный молох войны заставлял подпитывать 6-ю армию Паулюса теперь уже союзными Германией войсками: итальянскими и румынскими дивизиями, занимавшими место на флангах прорыва. Магнит Сталинграда заставил Гитлера развернуть к нему и часть сил 4-й танковой армии генерала Гота, изначально наступавшей на Северный Кавказ. Начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Йодль заявил: «Судьба Кавказа будет решена под Сталинградом». Советское командование также бросало под Сталинград новые дивизии, в том числе из Сибири и Забайкалья. Названия фронтов, подчинявших себе старые и вновь прибывавшие силы, часто менялись. На подступах к городу возник Юго-Восточный фронт под командованием генерала А. Еременко, чьи действия не позволили врагу с ходу прорваться на южные окраины Сталинграда, хотя именно здесь наступали танки Гота, переброшенные с кавказского направления.

Вечером 23 августа, казалось, уже ничто не помешает 6-й армии Паулюса захватить Сталин-

град. В тот день 14-й танковый корпус вермахта неожиданно для советской стороны прорвался на стыке 4-й танковой и 62-й армий Сталинградского фронта. Пройдя по тылам советских войск около 60 км, он вышел к Волге севернее Сталинграда в районе рынка и Сталинградского тракторного завода. Навстречу врагу были развернуты зенитные орудия, рабочие занимали место за рычагами танков, которые они только что отремонтировали, брали в руки винтовки. Немцы, понеся большие потери, были вынуждены остановиться и начать перегруппировку. В тот же день германской авиацией был нанесен сильнейший бомбовый удар по жилым кварталам Сталинграда. Город был практически полностью разрушен. Тысячи военных и мирных жителей погибли в огне гигантских пожаров, возникших после налета.

Горящая нефть разлилась из хранилищ. Жуткий вид пылающей Волги потряс очевидцев с обеих сторон. 23 августа является черным днем не только в истории обороны города, но и всей Второй мировой войны. Отметим, что больших жертв среди мирных граждан можно было избежать, если бы их эвакуация в надлежащих масштабах началась заранее. Но до конца августа спасали прежде всего ценное оборудование заводов и колхозный скот. Итог – из 490 тыс. довоенного населения Сталинграда, к которым нужно добавить десятки тысяч эвакуированных с Украины и даже из блокадного Ленинграда, к концу Сталинградской битвы в городе осталось лишь 32 тыс. человек. Покинуть Сталинград смогли около 400 тыс.

Узкая полоса Сталинграда, растянувшаяся вдоль Волги на 15 км час за часом превращалась в арену кровопролитных сражений и отдельных стычек. Немцы упорно рвались в глубь района заводских цехов, к центральным кварталам. Основная тяжесть боев легла на плечи воинов 62-й армии генерала В. Чуйкова и 64-й армии генерала М. Шумилова. Координацией обороны в это критическое время руководил находившийся вместе с войсками начальник Генерального штаба генерал (в 1943 г. – маршал) А. Василевский. Казалось, что еще немного – и советские части (по сути, малочисленные боевые группы) будут сброшены в воду. Но положение спасла 13-я гвардейская дивизия А. Родимцева. Всего за две ночи, понеся тяжелые потери от авиации и артиллерии противника, она сумела переправиться на западный берег Волги и с ходу вступить в бой. Противник был отброшен. Два советских полка продвинулись вперед и захватили Мамаев курган, господствующий над большей частью Сталинграда. Бои за эту высоту с переменным успехом продолжались вплоть до января 1943 г.

Теперь в отдельных районах города противник находился всего в 150–200 м от берега Волги, но дальнейшее продвижение наткнулось на стену советского огня. Массированно и точно работала советская артиллерия, расположенная на левом берегу реки, ее действия координировали наводчики на переднем крае. Борьба шла за каждую улицу, за каждый дом. Легендой стала оборона всего одного дома бойцами под командованием сержанта Я. Павлова. В течение 58 суток они обороняли свои позиции и не сдали их врагу. 138-я дивизия И. Людникова была окружена в Сталинграде на 700-метровом участке (с трех сторон – немцы, с четвертой – Волга, по которой пошло «сало» – лед). За 30 дней «остров Людникова», держась на голодном пайке, уничтожил тысячи солдат противника, но и сама дивизия практически растаяла в боях. Особое значение в условиях ближнего боя, когда до вражеских траншей было всего несколько десятков метров, приобретала выучка и мужество каждого отдельного красноармейца. Наиболее ловких и смелых бойцов объединяли в штурмовые группы, которые скрытно приближались к противнику, забрасывали его гранатами и решительно атаковали. Именно в таких боях ковался опыт, востребованный потом в сражениях за Будапешт, Кенигсберг и наконец Берлин.

Кризисной точки достигла тогда и ситуация на Кавказе, но перелома в пользу немцев не произошло. Несмотря на захват Майкопа, Краснодара, Армавира, частям группы армий «А» не удалось преодолеть горные перевалы Главного Кавказского хребта и выйти к Черному морю. Наступая от Таманского полуострова, противник сумел захватить большую часть Новороссийска, но бои на подступах к Туапсе и Орджоникидзе (Владикавказ) приняли затяжной характер. Необходимо отметить, что именно в это время в тылу Северо-Кавказского, а затем Закавказского фронтов развернулась еще одна война – на этот раз советские воинские части и подразделения НКВД боролись против бандитских формирований, организованных националистами на территории Чечено-Ингушской АССР и в ряде других областей Северного Кавказа. В этом районе действовало несколько десятков крупных террористических отрядов, нарушавших снабжение советских войск, убивавших из-за угла бойцов и командиров Красной армии. Немецкие агенты координировали их деятельность.

Но большинство горских народов в то время не поддерживали предательские элементы. Напротив, они активно участвовали в борьбе с немецкими оккупантами, вступали добровольцами в ряды Красной армии. В одном фронтовом отчете есть свидетельство, что горцы «объявили газават Гитлеру». Однако впоследствии за сотрудничество с противником отдельных предателей пострадали и невинные. Многие народности Северного Кавказа (сотни тысяч человек) были высланы по представлению Л. Берия и с согласия Сталина в 1944 г. в Среднюю Азию и оставались там вплоть до конца 1950-х гг.

11 ноября Паулюс предпринял последнюю попытку овладеть Сталинградом, развернув наступление в районе завода «Баррикады». Через несколько сотен метров наступление выдохлось.

■ История

Советское командование все чаще задумывалось над тем, как переломить ход сражения в свою пользу. Находившиеся в Сталинграде в качестве представителей Ставки генералы Жуков и Василевский убедились, что фронтальными контратаками противника не перебороть. Нужна новая, тщательно подготовленная и смелая операция. Офицерам Генштаба предварительно поручили проработать вариант охвата группировки Паулюса с севера и юга, и уже 13 сентября Жуков и Василевский доложили Верховному замысел будущего котла. Сталин в принципе одобрил его, но многое зависело от стойкости сталинградских защитников и скрытности перегруппировки войск. Необходима была не только внезапность, но и железная воля старших командиров. Известно, что некоторые советские генералы до самого начала операции не верили в успех предприятия. Слишком силен им казался еще германский вермахт. Новый план получил кодовое название «Уран». Первые удары предстояло нанести на участках, занятых войсками союзников вермахта – румынскими и итальянскими дивизиями, менее боеспособными, чем германские соединения.

Для введения противника в заблуждение и срыва его возможных попыток переброски войск на сталинградское направление было подготовлено наступление на центральном участке советско-германского фронта – в районе ржевского выступа. Жуков лично занялся организацией операции, получившей кодовое название «Марс». Наступление Западного и Калининского фронтов началось в конце ноября. В операции приняли участие крупные силы – несколько общевойсковых армий, механизированные корпуса (всего до полумиллиона человек). Со своей стороны советская разведка организовала «утечку» информации о предстоящем наступлении под Ржевом. Ценой больших потерь (70 тыс. чел. и 1300 танков) советскому командованию удалось решить главную стратегическую задачу операции: по некоторым данным, в связи с «Марсом» немцы в последний момент приостановили переброску на юг из группы армий «Центр» до 12 полнокровных дивизий и частей усиления. Кроме того, советский удар лишил германское командование потенциальных наступательных возможностей на московском направлении.

Контрнаступление Красной армии под Сталинградом началось утром 19 ноября 1942 г. Войска Юго-Западного (генерала Н.Ватутина), Донского (генерала К.Рокоссовского), а затем и Сталинградского (генерала А.Еременко) фронтов, прорвав оборону противника, устремились по сходящимся направлениям на Калач, находящийся в тылу противника. Вечером 21 ноября Московское радио передало экстренное сообщение Совинформбюро, в котором говорилось: «На днях наши войска, расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских войск... Захвачено за три дня боев 13 тыс. пленных и 360 орудий...

В боях отличились войска генерал-лейтенанта Романенко, генерал-майора Чистякова, генерал-майора Толбухина, генерал-майора Труфанова, генерал-лейтенанта Батова. Наступление наших войск продолжается».

23 ноября ударные группировки советских фронтов соединились в районе Калача и замкнули кольцо вокруг 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек из состава 6-й полевой и 4-й танковой армий противника. Такого потрясения гитлеровская армия еще не знала. Ее оборона была прорвана на 300-километровом участке. Советские моторизованные соединения, устремились далее на запад. Вскоре перешли в наступление и советские войска на Северном Кавказе. Командование вермахта в спешном порядке стало отводить оттуда свои силы, опасаясь, что они попадут в новый, еще более обширный котел на Кубани. Инициатива боевых действий вновь, как и зимой 1941/42 г., перешла к советскому военному руководству.

Гитлер не желал уходить из Сталинграда – город, куда ступила нога немецкого солдата, должен был остаться за Германией. Он запретил Паулюсу покидать завоеванные позиции и приказал фельдмаршалу Манштейну сформировать армейскую группу, усиленную 200 танками, чтобы прорваться к 6-й армии из района Котельникова. В середине декабря завязались ожесточенные бои на реках Аксай и Мышкова. Когда до котла Манштейну оставалось пройти всего 35 км, Ставка ВГК передала 2-ю гвардейскую армию в Сталинградский фронт для ликвидации угрозы. Тем самым отменялся амбициозный план «Сатурн» – ловушка для немцев на всем Северном Кавказе, то есть быстрого наступления на Ростов. Советское военное руководство трезво рассматривало ситуацию, решив не рисковать «синицей в руках», погнавшись «за журавлем в небе». Подход свежих советских сил сорвал операцию по деблокаде, Манштейн был отброшен, а солдаты Паулюса обречены. С этого времени Гитлер решил превратить окруженных солдат в Сталинграде в символ жертвы во имя будущего Германии. Однако все больше немцев (и не только в котле) стали задумываться: «Во имя какого будущего Германии они продолжают воевать?»

В начале января пришло время для ликвидации группировки Паулюса. Несмотря на то что она была уже основательно обескровлена и не получала самого необходимого (советские пилоты и зенитчики сбивали огромное количество транспортных самолетов, которые направлялись к Сталинграду по приказу Геринга), немецкие солдаты еще проявляли завидный фанатизм. Начало наступления по плану «Кольцо» было запланировано на 10 января. 8 января представитель Ставки генерал Н. Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал К. Рокоссовский направили Паулюсу ультиматум с предложением прекратить сопротивление и капитулировать, однако он был отклонен.

Операция развивалась довольно успешно, хотя многих потерь удалось бы избежать, разрезая котел не с запада на восток (прогрызая построенные еще сталинградцами оборонительные обводы), а с юга и севера, быстро расколов окруженную группировку на две части. Тем не менее к исходу 25 января немцы были зажаты на небольшом участке территории в сталинградских развалинах. За две недели враг потерял более 100 тыс. человек, лишился последних аэродромов, но по требованию из Берлина продолжал упорно сопротивляться. 24 января Ф. Паулюс докладывал своему верховному командованию: «Дальнейшая оборона бессмысленна. Поражение неизбежно. Чтобы спасти еще оставшихся в живых, армия просит немедленного разрешения капитулировать». Последовал отказ. Но это был отказ уже обреченным. 31 января 1943 г. Паулюс, которому накануне было присвоено звание фельдмаршала, сдался в плен. Фюрер, очевидно, надеялся, что новоявленный «фельдмаршал» не посмеет оказаться в руках противника и предпочтет застрелиться, но просчитался. 2 февраля капитулировали остатки сталинградской группировки. В советском плену оказалось 24 генерала с остатками своих войск (91 тыс.). 140 тыс. солдат и офицеров вермахта было захоронено на поле боя. Безвозвратные потери Красной армии в Сталинградской наступательной операции составили 155 тыс. человек.

Отказ Паулюса капитулировать перед советскими войсками еще в начале января 1943 г. стал, по сути дела, смертным приговором как павшим в боях, так и захваченным в плен немецким солдатам. Оставшиеся в живых в руинах Сталинграда к началу февраля превратились в живые трупы обмороженных, больных, обессиленных людей. Сотнями они умирали, даже не успев добраться до сборных лагерей. Из всех сталинградских пленников на родину в Германию после войны вернулось всего несколько тысяч человек.

После окончания сражений в городе Совинформбюро начало передавать длинный список частей и соединений вермахта, уничтоженных в сталинградском окружении; его чтение заняло не одну минуту. Советские люди ликовали. Столь яркая и очевидная победа вдохновляла. В Германии, напротив, был объявлен трехдневный траур, который стал внешней реакцией немецкого руководства на произошедшие события. «Возможности окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует», – заявил Гитлер на совещании высшего командного состава вермахта 1 февраля 1943 г.

В январе 1943 г. с новой силой развернулось наступление советских войск в битве за Кавказ силами Северо-Кавказского и Южного фронтов, Черноморской группы войск Закавказского фронта при содействии Черноморского флота. Освободив Северный Кавказ, советские войска в начале мая вышли к Таманскому полуострову. В январе 1943 г. был осуществлен частичный прорыв блокады Ленинграда (на узкой полосе

вдоль южного берега Ладожского озера). Успешные операции Красной армии на южном крыле советско-германского фронта создали условия для наступления на харьковском и курском направлениях.

По мере продвижения советских войск к восточным районам Украины, Харькову и Белгороду, сопротивление противника начало возрастать. Тяжелые наступательные бои в феврале – начале марта 1943 г. измотали ударные соединения Красной армии. В начале марта германская танковая группировка нанесла контрудар и вновь захватила недавно освобожденные Харьков и Белгород. Но надолго перехватить инициативу немецкое командование после Сталинграда было уже не в состоянии. Вскоре на южном и центральном участках Восточного фронта наступила распутица, бои приняли позиционный характер.

Итоги Сталинградской битвы имели для Германии и ее союзников катастрофические последствия. Коренной перелом в войне, признаки которого обозначились уже в период контрнаступления советских войск под Москвой, окончательно состоялся. Теперь всему миру стало ясно, что война против СССР для агрессоров проиграна. Противник получил невосполнимый урон на главном театре Второй мировой, где действовало 4/5 боевых соединений вермахта, поэтому советская победа под Сталинградом решающим образом воздействовала на потенциал Германии. Достигнутые в то же время англичанами и американцами успехи в Северной Африке – периферийном театре войны – также имели серьезное значение, но их масштабы (немцы и итальянцы потеряли в сражении под Эль-Аламейном 1942 г. всего 30 тыс. чел.) не могли сравниться с последствиями разгрома вермахта на берегах Волги. «Ударная волна» Сталинграда достигла и западных союзников, вынудив их ввиду кардинального изменения в соотношении сил в глобальной войне ускорить приготовления к открытию второго фронта в Европе. Сталинградом Советский Союз продемонстрировал свое полное право называться победителем. Но за науку побеждать была заплачена страшная цена. Только безвозвратные потери Вооруженных сил СССР составили в 1942 г. 3,25 млн человек – больше, чем за любой другой год войны³.

Президент США Ф.Рузвельт назвал Сталинградскую битву эпической. Позднее он прислал грамоту следующего содержания: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками... Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии». Король Великобритании прислал Сталинграду дарственный меч, на клинке которого на русском и английском языках выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения».

■ История

британского народа». Слово «Сталинград» передавалось из уст в уста как пароль сопротивления, пароль победы.

Разгром зимой 1942/43 г. союзных Германии войск надломил хребет фашистскому блоку, и вскоре Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия начали активные поиски контактов со странами антигитлеровской коалиции с целью выхода из войны. Развернувшиеся события положили конец расчетам на вступление в войну против СССР Турции и Японии, явились решающим стимулом роста движения Сопротивления в Европе и Азии. «Победа под Сталинградом, – пишет известный британский историк Дж. Эриксон, – работая как мощный реактор, воздействовала на все последующие события на Восточном фронте и в целом».

Myagkov M. Y. *The Battle of Stalingrad in the Context of Modern History*.

Summary: *Proceeding 200 days and nights the Battle of Stalingrad became a turning point in the Great Patriotic War of the Soviet people and in all World War II, it turned back, in the western direction movement of the Soviet-German front when*

Hitler was compelled to recognize that for Germans "possibility of the end of war in the east by means of approach more doesn't exist". After Stalingrad it became clear to the whole world that war against the USSR for a coalition of fascist aggressors is lost. Defeat near Stalingrad allied Germany of armies cracked the fascist block, having forced Italy, Romania, Hungary and Finland actively to look for contacts with the countries of an anti-Hitleriwste coalition for the purpose of a withdrawal from a war. The developed events put an end to calculations on the introduction in war against the USSR to Turkey and Japan, were decisive incentive of growth of a resistance movement in Europe and Asia. The western allies of the USSR intensified preparation for opening of the second anti-Hitlerite front in Europe. U.S. President F.Ruzvelt called battle near Stalingrad epic. Later it sent the diploma of the following contents: "On behalf of the people of the United States of America I hand over this diploma to the city of Stalingrad to note our admiration of his valorous defenders ... Their nice victory stopped a wave of invasion and became a turning point of war of the allied nations against aggression forces".

Ключевые слова

Сталинградская битва, историческое значение, геополитические последствия, Красная Армия, Сталин, Рузвельт, Гитлер, Жуков.

Keywords

Battle of Stalingrad, historical value, geopolitical consequences, Red Army, Stalin, Roosevelt, Hitler, Zhukov.

Примечания

1. Цит. по: Гареев М.А. Сражение на Волге// Живая память. Великая Отечественная: правда о войне: В 3-х гг. М., 1995. С.51
2. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 230.
3. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. Табл. 133.

Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений

А.И. Подберезкин

В статье анализируется проблема приобретения неядерным высокоточным оружием функций стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Автор считает, что к 2020 г. «на прицеле» ВТО окажутся все стратегические цели на территории России и стран Евразии, которые могут быть уничтожены так называемым «разоружающим» первым ударом противника. По мнению автора, новый этап военно-технической революции, создав новые виды высокоточного оружия, вызвал не только серьезные изменения в расстановке военно-политических сил в мире, но и радикальные перемены в военном искусстве, изменив само отношение к военной силе как внешнеполитическому инструменту. Она вновь становится «используемой» в малых и крупных конфликтах и войнах. Создание Евразийской воздушно-космической обороны (ВКО) автор считает возможным лишь при военной интеграции в рамках Евразийского союза. Во втором десятилетии XXI в. опасность внезапного и массированного нападения с помощью стратегических неядерных вооружений становится политической реальностью.

Принципиально новое явление для Воздушно-космической обороны (ВКО) последних двух десятилетий – это массовое производство и быстрая модернизация конвенционального высокоточного оружия (ВТО), которое стремительно приобретает функции стратегического наступательного и оборонительного потенциалов. Между тем эта взаимосвязь не привлекает пока политического и общественного внимания. Так, в фундаментальной работе «Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы»¹ А.И. Антонова, безусловно ведущего российского эксперта, самым подробным образом рассматриваются все аспекты переговоров по ограничению вооружений, однако в ней нет раздела, посвященного этой проблеме. И неслучайно, так как многие годы, по его мнению, США сознательно уходят от ее обсуждения. Мотив ясен: чем скорее удастся ликвидировать военно-стратегическое рав-

новесие в области ядерных вооружений с помощью стратегических неядерных вооружений и военной техники (ВВТ), тем быстрее США вернут себе не только статус неуязвимости, но и реальную возможность использования по всему миру военной силы без опасения ответных мер.

В этой связи обращает на себя внимание отнюдь не случайное совпадение: переоборудование американских ПЛАРБ на носителей крылатых ракет морского базирования (КРМБ) идет параллельно с развертыванием региональных систем противоракетной обороны (ПРО). При этом вместо 16–20 БРПЛ на одной ПЛАРБ развертывается более 150 КРМБ. Под их потенциальным ударом могут оказаться практически все цели на территории России, которые рассматриваются в качестве объектов для нанесения первого («разоружающего») удара. Это позволяет ряду аналитиков полагать, что такое развертывание КРМБ к 2020 г.

ВЕРОЯТНАЯ СХЕМА РАКЕТНОГО УДАРА ПО ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

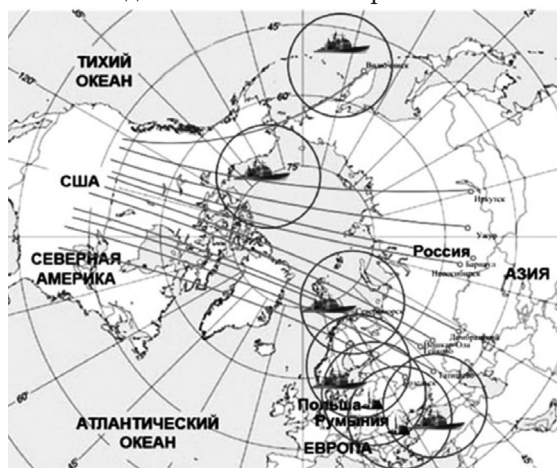
вместе с развертыванием региональных ПРО создает новую уникальную угрозу для России и Китая. Тем более, что в последние годы дальность КРМБ и их точность существенно возрастают.

Появление и стремительное наращивание стратегических неядерных вооружений стало главным новым фактором, влияющим на расстановку военно-политических сил в мире. Он таковым, к сожалению, пока что не всегда учитывается. Между тем именно такие вооружения количественно и качественно определяют сегодня как уровень вооружений и военной техники, так и направления военного искусства, и прежде всего в стратегической области, где происходит радикальный пересмотр существовавшей в последние десятилетия стратегии ядерного сдерживания («deterrence»). В основе этих перемен лежит новый этап военно-технологической революции.

Этот факт должен учитываться в том числе и на переговорах по ограничению и сокращению вооружений. В этой связи обращает на себя внимание замечание известного французского эксперта Ж.-Б. Пинателы: «... для США стратегическое превосходство более не ограничивается классическим военным могуществом. Новые информационно-коммуникационные технологии произвели переворот в военных делах. И это не стало неожиданностью. Успех боевых операций всегда напрямую зависел от способности координировать действия подразделений, занимающихся рекогносцировкой, и предположения относительно сил противника. Но новые информационно-коммуникационные технологии открывают для этих способностей поистине революционные перспективы»².

Каковы же революционные перспективы, прежде всего в военно-политической области, следует ожидать с появлением феномена стратегических

неядерных вооружений и военной техники? Прежде всего речь идет об изменении самого отношения к военной силе как внешнеполитическому инструменту. Новая роль неядерных вооружений очевидно ведет к тому, что военная сила вновь становится обычным «используемым» внешнеполитическим инструментом, и прежде всего в региональных и даже «местных» конфликтах.

Кроме того, уже радикально изменились представления о военном искусстве на тактическом уровне. Фактически война «больших батальонов» ушла в прошлое. Массированное использование сухопутных сил стало анахронизмом, уступив место нанесению «воздушно-космических – информационных» ударов и последующей оперативной «зачистке» территорий. При этом речь идет о четком определении приоритетности, когда важнейшими мишенями становятся центры политического и военного руководства. Война Израиля в ноябре 2012 г. показала, что фактически в течение одного дня была уничто-

жена половина политического и военного руководства ХАМАЗ и пусковых установок (ПУ) ракет (включая защищенные), а оставшиеся были перехвачены системой ПРО «железный купол». «Сейчас, в начале XXI в., развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет, с одной стороны, быть постоянно в курсе местонахождения своих боевых подразделений, вплоть до конкретного солдата. И даже отслеживать в реальном времени уровень усталости последнего и серьезность полученных им ранений, а то и обеспечивать ему медицинскую помощь на расстоянии с помощью «нанокапсул», внедренных в его униформу, которая все больше приобретает свойства «второй кожи»»³, – справедливо подчеркивает Ж.-Б. Пинатель.

С начала нового века стали происходить принципиальные изменения в роли неядерного оружия, которое в ряде случаев стало приобретать качество стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Речь идет прежде всего о высокоточном оружии – крылатых ракетах (КР), летательных аппаратах (ЛА), ударных беспилотниках, ракетах класса «воздух–земля» и системах ПВО–ПРО. Отмечаются, как минимум, три выдающиеся новые черты:

– во-первых, массовость производства ВТО и его использования в военных конфликтах. Достаточно сказать, что если в ходе операции «Буря в пустыне» применением ВТО составляло менее 10%, то против Югославии – уже около 100%, а против Ливии использовалось только ВТО. Есть все основания полагать, что именно неядерное ВТО станет основным средством ведения военных действий и главным внешнеполитическим инструментом влияния;

– во-вторых, массовое производство неядерных вооружений сопровождалось резким удешевлением ВТО, превращением его из экзотического средства войны в обычное, «повседневное», массовое. Это, естественно, сказалось и на масштабах производства и разработок неядерных вооружений. Ожидается, что в среднесрочной перспективе, например, общая численность КР в США достигнет десятков и даже сотни тысяч. Ожидается также массовое производство ударных беспилотников и гиперзвуковых ЛА, а также различных типов авиабомб и ракет. Подобное массовое производство ВТО неизбежно приведет к автоматизации, роботизации и в целом передаче функций управления автоматизированным алгоритмам, не зависящим от принятия политических решений;

– наконец, в-третьих, ВТО стало стремительно «расползаться» за рубеж, перестало быть привилегией только США и России. Более того, ряд стран, таких, например, как Франция и Израиль, стали лидерами в его производстве. Соответственно все дестабилизирующие последствия появления ВТО переносятся не только на отношения между великими державами, но и на региональный уровень.

Все эти три последствия имеют негативное влияние на политическую стабильность и использование военной силы в международных отношениях.

Особенно на стратегическом уровне, в частности на уровне возможностей оборонительных вооружений. Важно отметить еще одно обстоятельство: развитие ВТО идет параллельно с созданием эффективных систем ПВО и ПРО, превращая их в единый комплекс. Опыт войны Израиля против ХАМАЗ в ноябре 2012 г. показал, что с помощью ВТО можно уничтожить политико-военное руководство и наступательные вооружения даже в защищенных объектах, а с помощью ПРО – перехватить до 90% средств нападения, достигнув в итоге главной военной цели – «разоружения» противника. Это, конечно, не означает всегда политической победы, которая определяется не только военными результатами (как и в случае Палестино-израильской войны 2012 г.), но очевидно предопределяет такую политическую победу.

Эти и другие изменения в военно-техническом и экономическом аспектах развития неядерных вооружений неизбежно сказались на способах его использования, более того, всей военной стратегии государств. Так, если с помощью стратегических неядерных вооружений, по некоторым оценкам, уже сегодня можно уничтожить до 30% Стратегические ядерные силы (СЯС) России и 100% Китая, то в среднесрочной перспективе эта тенденция только усилится, даже несмотря на все меры противодействия. По сути дела, у той стороны, которая обладает подавляющим потенциалом ВТО, появляется возможность «разоружающего» (стратегического по последствиям) удара. Сказанное имеет прямое отношение к военной политике США и их союзников по НАТО, которые в последнее десятилетие резко усилили масштабы военного строительства ВТО.

Сказанное имеет прямое отношение к ВТО, которое в последнее время фактически не только интегрировало космическое и воздушное пространство в единое пространство – воздушно-космическое, – но и «размыло» его границы от районов обороны до национальных и даже территорий целых регионов. Сегодня уже нельзя обойтись обороной только одной территории, будь то район дислокации МБР или нахождения военного или политического руководства. Видимо, необходимо изначально планировать создание ВКО страны, либо (что реалистичнее) многих районов. а в будущем – ВКО ОДКБ и СНГ. Достигнутые в декабре 2012 г. в Ашхабаде решения подтверждают направление этой политики.

Есть еще одна особенность массового производства стратегически важных систем ВТО. В последние десятилетия мы являемся свидетелями бурного роста объема вывозимой США за рубеж продукции военного назначения (ПВН) вообще и ВТО в частности. По официальным данным, только в рамках правительственных программ эти объемы выражались в следующих цифрах:

2002 г. – 10 млрд долл.;
2007 г. – 18 млрд долл.;
2008 г. – 28,5 млрд долл.;

■ Воздушно-космическая оборона

2009 г. – 29,9 млрд долл.;

2010 г. – 24,4 млрд долл. (мировой экономический кризис);

2011 г. – 32,9 млрд долл.;

2012 г. – 51,6 млрд долл.⁴.

Таким образом, только по официальным каналам, поставки США за рубеж выросли более чем в 5 раз всего лишь за 10 лет. Этот фантастический рост объясняется многими причинами, но прежде всего ростом значения высокоточного оружия, а также систем ПВО и ПРО в обеспечении безопасности государств. Превращение воздушно-космического и информационного пространства в единый театр военных действий (ТВД) делает во многом искусственным прежнее деление вооружений на стратегические, оперативно-тактические и тактические, ядерные и обычные, наземные и морские. Государственная безопасность становится единым комплексом. Соответственно «расползание» ВТО за пределы национальных границ, в том числе в нейтральные воды Мирового океана, означает качественное изменение стратегической ситуации в мире. Причем в пользу того государства, которое продвигает такое оружие за пределы своих национальных границ.

В этой связи возникает много проблем, среди которых можно выделить:

- проблему морского компонента ВТО и ПРО США, который разрастается непропорционально быстрыми темпами;

- проблему союзников и территорий, на которых размещено ВТО. Очевидно, что это потенциал ВТО также должен учитываться при анализе соотношения сил;

- проблему переговоров или сознательного ограничения распространения ВТО и систем ВКО за пределы национальных территорий;

- проблему ограничения военной деятельности в космосе или отдельных регионах мира (например, нейтральных водах).

Пока что развитие неядерных высокоточных вооружений достигло такого уровня, что всерьез обсуждается вопрос на военном уровне о постепенной замене функции ядерного сдерживания неядерным. Но эта дискуссия пока что не переносится в политическую область, хотя существует объективная потребность в этом. Эта точка зрения отражается российскими экспертами, в частности, следующим образом: «Казалось бы, неядерное высокоточное вооружение играет позитивную роль, способствуя снижению роли ядерных вооружений, а следовательно, и их сокращениям. Однако просматривается и противоположная тенденция. Подавляющее преимущество в обычных вооружениях одних государств побуждает стремление других государств к обладанию ядерным оружием с целью сохранить свой суверенитет и проводить независимую политику, и таким образом подрываются основы режима ядерного нераспространения»⁵.

Складывается устойчивое впечатление, что США не только сознательно используют свое военно-техническое превосходство, изменив ставку с ядерных на обычные вооружения, но и игнори-

руют объективную потребность в переговорах по ограничению или сокращению ВТО. Более того, история всех переговоров СССР – США и России – США демонстрирует, что США всегда уходили от ограничения качественной гонки вооружений, где они рассчитывали на сохранение своего военно-технологического превосходства. Эти аргументы российских экспертов известны (хотя на политическом уровне и нечасто звучат): «Качественный скачок в развитии высокоточных неядерных вооружений начинает вызывать беспокойство в отношении выживаемости сокращающихся стратегических ядерных сил. В открытых публикациях рассматриваются сценарии превентивного обезоруживающего удара по российским СЯС с использованием неядерных КРМБ. Поскольку неядерное высокоточное оружие начинает приобретать контрсилловые способности, представляется резонным ставить вопрос о необходимости учета этого фактора при дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений (СНВ)»⁶.

Переговоры об ограничении и сокращении вооружений, способных выполнять стратегические функции, безусловно, необходимы, но не они являются определяющими. Прежде всего, опыт показывает, что ограничение обычных вооружений и военной техники вне какого-то конкретного ограниченного региона (например, Центральной Европы) труднодостижимы. Действительно, если количество МБР, ТБ или ПЛАРБ, исчисляемое, как максимум, сотнями, можно подсчитать, то численность обычных вооружений, исчисляемых десятками тысяч, – малореально. Тем более ввести какие-то качественные ограничения, например на танки, фронтовую авиацию либо вертолеты, которые могут оснащаться эффективным ВТО. Тем более это трудно сделать, когда процесс ограничения противоречит двум другим тенденциям – повышению качества ВВТ и его «расползанию» по всему миру. Одновременно делать и первое и второе невозможно, особенно когда этого не хочется, когда это находится вне долгосрочной стратегии.

Видимо, следует исходить из того, что в среднесрочной перспективе придется смириться с тем, что неядерные вооружения будут все более приобретать контрсилловой потенциал, точнее, потенциал упреждающего первого удара. Вместе с тем необходимо сформулировать перспективную повестку дня, когда после очередного витка гонки вооружений все равно придется вернуться к переговорам по их ограничению. Тем более что некоторый позитивный опыт есть. Некоторые типы неядерных вооружений ранее являлись предметом договоренностей между Россией и США по сокращению СНВ, и на них распространялись ограничения и меры транспарентности, полагают эксперты, и приводят пример: «В настоящее время наметилась тенденция вывода таких вооружений из-под ограничений. Наиболее яркий тому пример – тяжелый бомбардировщик В-1В. Этот тип вооружений более не является предметом Договора о СНВ. Перестали также действовать ограничения

на районы базирования В-1В вне национальной территории, и США более не обязаны уведомлять о перемещениях бомбардировщиков этого типа»⁷.

Можно привести множество других примеров, иллюстрирующих эту тенденцию – от создания гиперзвуковых летательных аппаратов (ГЗЛА) и стратегических крылатых ракет (СКР) до ударных беспилотников. Причем не только в США, но и в России. Остановимся на одном, может быть, не самом известном. Как отмечают эксперты, в 2013 г. Минобороны России начнет оснащать многоцелевые лодки проектов 971 «Щука-Б» и 877 «Варшавянка» крылатыми ракетами «Калибр», способными поражать наземные цели с расстояния от 300 до 2,5 тыс. км. Причем залпы производятся из обычных 533-миллиметровых торпедных аппаратов, которыми оснащена любая современная лодка. «Калибр» практически невозможно сбить даже самым современным системам ПВО, включая наши отечественные С-300 и С-400. А залп из внезапно всплывшей лодки может уничтожить сразу несколько ключевых объектов противника. Все это делает многоцелевые лодки, которые сейчас предназначены только для морских боев, универсальным оружием, – считают в главкомате ВМФ⁸.

В этом смысле возможности американской системы ПРО достаточно ограничены и вряд ли смогут быть увеличены в короткие сроки даже после создания новых типов ракет-перехватчиков. Но это и не очень беспокоит США, поскольку они не предполагают защищаться от российских подводных лодок потому, что планируют уничтожить их в первом ударе. Другого объяснения просто не существует.

Не беспокоят США и другие возможности новой подводной лодки. В частности, точность «Калибра»: подлодка сможет попасть в наземную цель размером в 1–2 м. В то же время 400-килограммовая боевая часть ракеты способна уничтожить любой защищенный объект, а в противокорабельном варианте – потопить любой корабль размером с крейсер⁹. По той простой причине, что США не предполагают, что они могут быть использованы в этих целях изначально. Видимо, поражение любых сил России, которые могут быть использованы против ВМФ США, предполагается в качестве наиболее приоритетных целей для первого удара. Но морскими или наземными компонентами ВС России эта тенденция не ограничивается. «В авиации она проявляется в развертывании (с определенными трудностями) нового фронтового бомбардировщика СУ-34, способного применять высокоточное оружие в любых условиях, не входя в зону поражения значительной части систем ПВО противника (до 50 км)»¹⁰.

Список типов вооружений США и России, которые можно рассматривать в качестве стратегических неядерных, не ограничивается только вооружениями. Высказываются справедливые мнения, что к ним нужно также относить обеспечивающие системы, включающие космические средства разведки и целеуказания, противоспут-

никовое оружие, ударные беспилотные аппараты и кибероружие. Действительно, информационные и управляющие системы сегодня играют решающую роль. Их важность отмечалась еще в те времена, когда разрабатывались меры по ограничению РЛС и военных действий в космосе. В будущем роль управления, в особенности управления Войсками воздушно-космической обороны (ВВКО), неизбежно должна стать предметом политических переговоров и договоренностей. Создание объединенной, а тем более единой системы ВКО, например СНГ, уже стала проблемой, которую не смогли решить в рамках Содружества в течение 20 лет. Последние решения позволяют надеяться, что импульс, данный в декабре 2012 г., будет успешным.

Но с точки зрения переговоров с США очевидно, что «если российская сторона желает добиться прогресса в дальнейшем сокращении ядерных вооружений, то придется ограничить этот список, определив приоритеты. На данный момент создается впечатление, что в списке приоритетов только МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, а также типы вооружений, которые разрабатываются в США в рамках программы «Быстрый глобальный удар»¹¹, – отмечают эксперты. Что, конечно же, не может являться долгосрочной перспективой. Нужно думать о неизбежности расширения предмета переговоров. Но пока таких переговоров нет, необходимо понимать важность происходящих процессов в ВВТ и военном искусстве. И одно из наиболее перспективных направлений – развитие евразийской интеграции в области ВКО, – которое может в реальности оказаться единственным.

Развитие интеграционных процессов в военно-политической области, в частности создание евразийской ВКО как главного элемента обеспечения региональной безопасности, зависит от готовности государств-участниц к тесному военно-политическому и военно-техническому сотрудничеству. Понятно, что степень такой готовности будет разной. И она во многом пока определяется интеграционными процессами в других областях, что, конечно, совершенно неправильно. Так, в июле 2006 г. на неформальном саммите президент Казахстана выдвинул идею «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой в СНГ может быть выделено ядро государств, готовых перейти от переговоров об условиях объединения непосредственно к самому объединению. Он предложил план реформирования Содружества, включающий пять направлений: миграционная политика, транспорт, образовательная система, вопросы борьбы с вызовами сегодняшнего дня и гуманитарная проблема. Лидеры стран СНГ предложили расширить этот список, добавив в него вопрос о формировании единого подхода в международных вопросах и общего пространства в части оборонной политики.

В феврале 2007 г. на совещании рабочей группы секретариатов Интеграционного комитета ОДКБ и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) одобрен проект перечня основных направлений взаимодействия этих международных организаций, в том числе и в военной сфере. За-

■ Воздушно-космическая оборона

ключено соглашение между Россией, Казахстаном и Белоруссией по Таможенному союзу, и с января 2012 г. функционирует единое экономическое пространство. В декабре 2012 г. принято решение о создании объединенного командования ВКО, но пока что оно лишь очень важная декларация о намерениях. Нужны весьма срочные, даже радикальные меры по военно-политической и военной интеграции. Причем во многом они будут зависеть от возможностей российского ОПК обеспечить новейшими ВВТ своих союзников. Политика «внешних заимствований» бесперспективна. Она приводит к закономерным провалам. Так, как это случилось, например, с деградацией ГЛОНАСС, от которой «вежливо» отказываются союзники по СНГ. Причина – ненадежность тайваньских микросхем и сомнительные кадровые решения¹².

Теоретически сложившаяся в ОДКБ к концу 2010 г. стратегия «кризисного реагирования» предусматривает коллективные действия для защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, а также совместные усилия по противодействию вызовам и угрозам и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Реализовать эту стратегию призваны Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), решение о создании которых принято в феврале 2009 г. Но это только теоретически. Пока что дело ограничивается заявлениями, а КСОР остаются малоэффективным и неиспользуемым военным инструментом.

Процесс возрождения единого оборонного пространства ОДКБ при лидирующей роли России, как представляется, должен идти параллельно по трем направлениям: собственно военному, военно-политическому и военно-техническому. При этом необходимо учитывать, что основное преимущество РФ перед США и их союзниками в Евразии состоит в том, что только у России существует реальная возможность в сжатые сроки наращивать группировки войск на западном и южном участках региона, а также в Центральной Азии. Это хорошо понимают, например, в Китае. Там в последние годы рассматривают Россию в качестве главной стабилизирующей силы в Евразии, способной сдерживать американскую политику «управляемого хаоса».

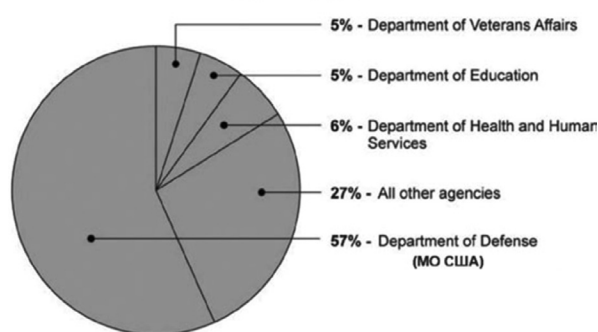
Стратегия «управляемого хаоса» в Евразии и есть реальная политика США, которая абсолютно не приемлет евразийскую интеграцию в любой ее форме, о чем недвусмысленно заявила Х. Клинтон в конце 2012 г. Эта стратегия дестабилизации политических режимов требует военно-силового обеспечения. Как показал опыт Афганистана и Ирака, она отнюдь не нуждается в окончательной победе или формировании дееспособных государств. Цель в другом – с помощью новейших систем ВТО угрожать политическим руководствам этих стран, требуя от них соответствующих действий, а в случае неудачи – использовать оружие в прямой форме, непосредственно. Поэтому, когда говорят о «провале» политики США в Афганистане и Ираке, имея в виду стабилизацию обстановки, то

она и не являлось главной целью США, ибо целью была дестабилизация и хаос. США, инвестируя не в инфраструктурные проекты, а в дестабилизацию, получают искомый результат. Публично, конечно, об этом говорится мало. В официальных документах такие цели замаскированы и носят скрытый характер.

Военное направление возрождения единого оборонного пространства ОДКБ в силу объективных причин распадается на три относительно автономные региональные направления: восточноевропейское (Россия – Белоруссия), кавказское (Россия – Армения) и центральноазиатское (Россия – страны бывшей Средней Азии и Казахстан). При этом возрождение единого оборонного пространства возможно в несколько этапов¹³. Что в принципе совпадает с действиями США. Так, в новой концепции США формально декларируется отказ от многолетней позиции, в соответствии с которой американская армия должна была быть способна вести две крупные войны одновременно. На ее место приходит другая цель – участие в одном крупном конфликте при одновременном сдерживании на другом стратегическом направлении, как максимум.

Также, согласно новой стратегии США планируют как можно дольше кооперировать с союзническими и коалиционными силами. Одна из главных целей – значительно сократить наземные войска и больше полагаться на потенциал авиации и флота, с тем чтобы сдерживать Китай или таких противников, как Иран или Северная Корея. Сокращение армии требует и менее интенсивного военного присутствия в Европе. В то же время США перенесут центр тяжести военной силы в АТР, а их «присутствие на Ближнем Востоке сохранится столь же значительным»¹⁴. Военно-силовой приоритет государства хорошо иллюстрирует распределение федерального бюджета США по основным направлениям, среди которых на МО США приходится более 57% расходов¹⁵.

Сравнение бюджетных полномочий МО США с полномочиями других федеральных агентств

Неядерным стратегическим вооружением принадлежит огромная роль в стратегии дестабилизации Евразии. С точки зрения развития воздушно-космических средств нападения и обороны следует отметить появление двух новых принципиальных моментов:

– во-первых, воздушно-космическое пространство фактически уже превратилось в единую

область для ведения боевых действий от высот в несколько десятков метров до сотен километров. Сегодня крайне трудно, если вообще возможно, выделить зоны ответственности ПРО и ПВО как по высоте обнаружения и сопровождения целей, так и по возможностям их поражения. Это неизбежно ведет к появлению новых видов и систем оружия, «расширению» военного соперничества на новые области, а также разработке новых способов ведения боевых действий. Так, в США много внимания уделялось развитию ударных беспилотников, тогда как в России в 1990-х гг. эти программы оказались в забвении. Теперь и в нашей стране создан специальный центр беспилотных программ, который должен определить перспективы этих систем оружия на ближайшие три года¹⁶. Применительно к государствам Евразии это означает, что прежний, «войсковой» подход развития ВВТ стал малоэффективным. Для защиты требуется комплекс мер, которыми они в принципе обладать не могут – от космических до систем ВКО ближней, средней и большой дальности. Причем интегрированных в единую систему территорий не одной только страны, но ряда стран. Это возможно только при тесной военно-политической и военно-технической кооперации нескольких государств Евразии. Нет смысла, например, закупать у России даже современные комплексы (ЗРК) ближнего радиуса, если они не будут интегрированы в систему дальнего обнаружения и объединены с ЗРК средней дальности;

– во-вторых, удешевление и совершенствование ВТО и ЛА создало качественно новую ситуацию, когда КР, ГЗЛА, ударные беспилотники и другие неядерные вооружения фактически уже превратились в часть стратегического наступательного потенциала, которому невозможно пока что противопоставить эффективные средства ВКО. Ответ на нападение с помощью этих средств, используя встречно-ответный удар СЯС, становится неизбежным, что признается, но требует ясного оформления в Военной доктрине России, Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики страны. Это же справедливо и для других евразийских государств, включая тех, у кого есть ядерные силы сдерживания. Непонятно, например, как будет вести себя Китай, учитывая оценки некоторых экспертов, свидетельствующие о том, что с помощью ВТО в неядерном оснащении может быть уничтожено 100% стратегических целей КНР. Тем более что подобная ситуация становится практически безвыходной для других государств. Опыт Ливии показал, что достаточно нескольких дней, чтобы дезорганизовать сопротивление и уничтожить потенциал обороны.

Перспективы развития средств поражения и информационных средств воздействия таковы, что следует ожидать уже в самом ближайшем будущем радикальных изменений во всем балансе стратегических (ядерных) сил и средств, а также роли РВСН страны. Между тем в России сохраняется убеждение, что только модернизация СЯС приведет к сохранению ракетно-ядерного па-

ритета. На мой взгляд, только создание новых и модернизация комплексов МБР, БРПЛ и ТБ вряд ли сможет гарантировать эффективную защиту от сотен тысяч единиц ВТО, используемых с практически всех стратегических направлений. Тем более что подлетное время таких средств все время сокращается, точность увеличивается, а координация между ними совершенствуется. Можно уже достаточно точно представить себе авиационный налет, в котором участвуют десятки (сотни) тысяч ударных беспилотников, гиперзвуковых и крылатых ракет, уничтожающий практически все стратегические цели на нашей территории. Силы же ответного удара могут быть нейтрализованы глобальной системой ПРО США.

Кроме того, следует очень внимательно отслеживать эволюцию НИОКР, создания и развития неядерных высокоточных вооружений, концепций их использования и распространения в другие регионы планеты. Во многом это вносит и существенные коррективы в планы развертывания систем ВКО России и концепции их использования. Но не только. Похоже, что постсоветские государства слишком увлеклись своей многовекторной политикой и балансированием между различными центрами силы, не осознавая, что в конечном счете им придется все-таки определяться с приоритетами. В том числе и в военной области, прежде всего в области обычных новейших вооружений. Это – политический выбор, который должны сделать все страны Евразии. В том числе, как справедливо считают эксперты, и по формированию консенсуса относительно политики в отношении США, Китая и Евросоюза¹⁷.

Объективно возникает и вопрос о переговорах по ограничению стратегических неядерных вооружений не только в Европе, но и в Евразии, несмотря на всю трудность этой проблемы. Следует напомнить, что еще при подписании договора ДОВСЕ¹⁸ в его мандате подчеркивалась важность сохранения стабильности, ликвидации потенциала для внезапного нападения¹⁹. Во втором десятилетии XXI в. именно опасность внезапного и массированного нападения с помощью ВТО становится политической реальностью, которую необходимо перестать игнорировать. Во всяком случае, эта проблема должна быть сформулирована и поставлена в повестку дня.

Потенциальная опасность непосредственного использования военной силы с помощью новейшего ВТО растет и со стороны быстро развивающихся государств. Это хорошо видно из данных, иллюстрирующих закупки вооружений. Причем КНР, например, всего лишь за 10 лет превратился из крупнейшего импортера В и ВТ в производителя и экспортера, что хорошо видно из данных СИПРИ. Кроме того, стремительно растет импорт вооружений и военной техники Индии, Южной Кореи, Пакистана, Турции и ряда других государств²⁰. В целом военные расходы этих стран только за 10 лет удвоились, а новые технологии стали общедоступными.

Получатели основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Получатель	Объем импорта (значение показателя тренда)						Доля в %, 2005– 2009
			2005	2006	2007	2008	2009	2005– 2009	
1	1	Китай	3511	3831	1474	1481	595	10892	9
2	2	Индия	1036	1257	2179	1810	2116	8398	7
3	4	Южная Корея	686	1650	1758	1821	1172	7087	6
4	3	ОАЭ	2198	2026	938	748	604	6514	6
5	5	Греция	389	598	1796	563	1269	4615	4
6	6	Израиль	1113	1117	859	665	158	3912	3
7	14	Сингапур	543	52	368	1123	1729	3816	3
8	7	США	501	581	731	808	831	3453	3
9	11	Алжир	156	308	471	1518	942	3394	3
10	13	Пакистан	332	262	613	939	1146	3292	3
11	10	Турция	1005	422	585	578	675	3264	3
12	23	Малайзия	51	410	546	541	1494	3041	3

Поставщики основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Поставщик	Объем экспорта (значение показателя тренда)						Доля в %, 2005– 2009
			2005	2006	2007	2008	2009	2005– 2009	
1	1	США	6600	7394	7658	6093	6795	34539	30
2	2	Россия	5321	6156	5243	6026	4469	27216	23
3	3	Германия	1875	2510	3002	2499	2473	12359	11
4	4	Франция	1633	1577	2342	1831	1851	9234	8
5	5	Великобритания	915	808	987	1027	1024	4762	4
6	6	Нидерланды	583	1221	1322	554	608	4288	4
7	7	Италия	743	525	706	424	588	2986	3

ВТО стремительно «расползается» по всему миру, делая потенциальные конфликты более реальными и быстротекущими. От ВТО и систем ПРО-ПВО сегодня зависит уже не только ход военных действий, но и в конечном счете суверенитет государств. Это имеет глубокие политические последствия:

– во-первых, государства попадают в серьезную зависимость от поставщиков новейших ВТО и систем ВКО, которые могут диктовать уже в мирное время им свою волю. Эти системы стали одним из главных предметов переговоров;

– во-вторых, поставки этих систем становятся средством политического давления или условием развития двусторонних отношений. Так, размещение ЗРК «Пэтриот» в Турции означало политическую поддержку сирийской оппозиции;

– в-третьих, наличие или отсутствие систем ВТО и ВКО решающим образом влияет на соотношение сил в любом регионе планеты, заведомо предопределяя способность той или иной страны сохранить свой суверенитет.

Сказанное имеет непосредственное отношение к евразийской интеграции и ЕвразВКО: интеграция в этой области становится гарантией суверенитета и независимости государства, освобождая его от внешнего враждебного влияния. Именно это обстоятельство делает проблему ЕвразВКО важнейшей политической проблемой евразийской интеграции.

Как видно из таблицы, экспортеры вооружений (кроме России) – США, Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды, Италия, Испа-

ния – контролируют более 60% мирового экспорта вооружений и военной техники, фактически устанавливая на этом рынке свои правила игры и определяя условия безопасности²¹. При этом на рынке ВТО, безусловно, доминируют США, а также их союзники – Германия, Франция и Великобритания. Россия, как один из крупнейших экспортеров, мало присутствует на рынке ВТО.

Говоря сегодня о евразийской интеграции, следует иметь в виду, что наиболее важная и перспективная ее область – сотрудничество в создании и совместном производстве неядерных (прежде всего стратегических) вооружений и систем ВКО – остается пока что в тени. Точнее, явно недооценивается. И политически, и военно-технически. Совместная деятельность в этой области неизбежно будет иметь следующие последствия для евразийских государств:

- укрепление их суверенитета;
- развитие фундаментальной науки и НИОКР, включая гражданские области;
- освобождение от технологической зависимости;

– создание общей научно-образовательной и производственной базы.

Eurasian Aerospace Defense: the Role of Strategic Nonnuclear Arms.

Summary: *The article analyses the problem of non nuclear high precision conventional arms acquiring offensive and defensive functions. The author claims that by 2020 all strategic objects in Russian will be targeted by aerospace defense systems and there's great probability that they might be destroyed by the first disarming strike of a potential adversary. The new stage of the scientific revolution having produced new high precision weapons has resulted not only in significant rearrangement of global political layout but also in radical changes in war strategy and has transformed the meaning of military power as a foreign policy tool. Once again it started to be used in minor and major conflicts and wars. The creation of the Eurasian Aerospace Defense depends on success of Eurasian integration processes in military sphere. The author believes that the second decade of XXI century might see a surprise major attack with strategic non-nuclear arms.*

Ключевые слова

Воздушно-космическая оборона, стратегическое неядерное оружие, высокоточное оружие, военная интеграция, разоружающий первый удар, тяжелый бомбардировщик, гиперзвуковой летательный аппарат, стратегические крылатые ракеты.

Keywords

Aerospace defense, the strategic non-nuclear weapon, the high-precision weapon, the military integration, disarming first blow, heavy bomber, the hypersonic aircraft, strategic cruise

Примечания

1. Антонов А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РСПЭН, ПИР-Центр, 2012.
2. Пинатель Ж.-Б. Россия – Европа: жизненно важный союз / пер. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 102.
3. Там же.
4. Новости за рубежом // ВКО. 2012. № 5 (66). С. 86.
5. Мясников Е.В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html
6. Там же.
7. Там же.
8. Михайлов А. «Калибр» позволит российским подлодкам выбраться на сушу // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.
9. Там же.
10. Михайлов А. Минобороны недоволено производителями бомбардировщика СУ-34 // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.
11. Мясников Е.В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html
12. Мясников В. Надежды Минобороны на ГЛОНАСС не оправдались // Независимая газета. 2012. 21 декабря. С. 1, 4.
13. Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.
14. Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР. Аналитическая записка. М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 5.
15. Statement of Asif A. Khan, Director Financial Management and Assurance. Challenges in Attaining Audit Readiness and Improving Business Processes and Systems. GAO-12-642T, April 18, 2012. DOD Financial Management / <http://www.gao.gov/assets/600/590203.pdf>.
16. Центр беспилотных программ Генштаба РФ определить повестку на три года / 26 декабря 2012 г. / <http://eurasian-defence.ru>
17. Ястремский А.М. Интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы // Мир и политика. 2012. № 10 (73). С. 103.
18. Договор об ограничении обычных в вооруженных силах и вооружений в Европе был подписан 19 ноября 1990 года в Париже 6 участниками Варшавского договора и 16 государствами НАТО. Вступил в силу 9 ноября 1992 г.
19. Антонов А.И., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе – конец режима или история с продолжением? / Научные записки ПИР-центр. 2012. № 1 (27). С. 9.
20. Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 345.
21. Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 349.

Акторы современной мировой политики: тренды развития

М.М. Лебедева

В статье рассматриваются тенденции в развитии транснациональных акторов в XXI в. Показывается, что их активность интенсифицировалась, стала вовлекать большое количество людей и охватывать все сферы. При этом негосударственные акторы стали образовывать различного рода партнерства как с государствами, так и между собой. Также расширилась ресурсная база транснациональных акторов, ими активно стал использоваться информационно-аналитический ресурс. Показано, что при анализе современных проблем мировой политики обязательно должны учитываться отношения к ним различных транснациональных акторов.

Прошло более 40 лет с того момента, как Р. Кохэн и Дж. Най выступили с идеей активности негосударственных транснациональных акторов (ТНА) на мировой арене¹. После этой публикации внимание исследователей было сконцентрировано в первую очередь на обсуждении самого тезиса о значимости деятельности негосударственных акторов для мировой политики. Одним из возражений против такой постановки вопроса было то, что и раньше в истории за пределами национальных границ действовал, например, бизнес, а роль городов известна еще с древнейших времен, достаточно вспомнить Ганзейский союз или средневековые города Венецию и Геную. Однако важными в конце XX – начале XXI в. стали масштабы деятельности негосударственных акторов и, главное, то, что произошло качественное усиление политической составляющей их деятельности.

Кроме того, как заметил Т. Риссе, «сама концепция транснациональных отношений предполагает, что мировая система состоит из национальных государств (nation-state) и социетальных акторов внутри этих государств. Это делает практически бессмысленным рассуждения о транснациональных акторах в исторические периоды, связанные с расцветом империй или периодом Средневековья»².

Некоторое время спустя мысль Р. Кохэна и Дж. Най об активности негосударственных акторов все же заставила многих исследователей заняться непосредственным анализом их поведения на международной арене³.

Важно подчеркнуть в этой связи, что мы всегда имеем в виду некий собирательный образ, определяя актора мировой политики как рефлексирующего свою политическую роль субъекта, активно и существенно влияющего на мировые политические

Лебедева Марина Михайловна – д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: world_politics@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

процессы и тренды мирополитического развития. Но ведь далеко не все государства выполняют эту функцию, несмотря на то, что государство, без всякого сомнения, является ведущим актором в политической системе современного мира. Кроме того, мирополитическая активность того или иного государства не является раз и навсегда заданной, а может меняться на протяжении истории. Этот факт хорошо показан в ряде исторических исследований⁴. В отношении негосударственных транснациональных акторов можно констатировать те же самые процессы:

- далеко не все, например, международные НПО или ТНК являются политически влиятельными, а значит, и акторами мировой политики;
- степень влиятельности, используемый ресурс и т.д. конкретного актора может меняться по мере его развития.

Проблема, которая сразу возникает при рассмотрении акторов, названных Р. Кохэном и Дж. Наем в качестве негосударственных, – их определение. Во-первых, неочевиден вопрос о государственной или негосударственной принадлежности того или иного из акторов. Различные ТНА могут иметь тесную связь с государством: получать финансовую поддержку через гранты, иметь представителей государства в своих структурах и т.п. Нередко формируются так называемые «гибридные образования», являющиеся государственными и негосударственными структурами одновременно⁵. Вопрос о принадлежности к государственным образованиям межправительственных организаций также вызывает множество дискуссий. Так, Ч. Кегли и Ю. Уитткопф без каких-либо оговорок рассматривают их в качестве государственных акторов⁶. Другие авторы считают, что их следует отнести к негосударственным структурам. Аргументы последних, согласно К. Арчеру, сводятся к следующему:

- ряд МПО допускают участие в качестве членов территории, которые не являются суверенными государствами. К таким организациям относятся, например, Международный телекоммуникационный союз (ITU), Всемирная метеорологическая организация;
- некоторые МПО имеют структуры, совместные с неправительственными организациями;
- МПО образуются на основе решений исполнительной власти государства. Другие же ветви власти государства в этом процессе не участвуют⁷.

Вопрос о том, являются ли глобальные города и внутригосударственные регионы государственными структурами, практически не обсуждается. Вместе с тем ответ на него вовсе не очевиден. По мнению, например, ведущего исследователя глобальных городов С. Сассен, они выступают своего рода посредниками между бизнесом и национальным государством⁸. Но в то же время глобальные города и внутригосударственные регионы составляют часть национального государства, сколь бы «космополитичными» они ни были. В любом случае общим для всех межправительственных организаций, различных «клубных» форматов объединения

государств («Группа восьми», «Группа двадцати»), внутригосударственных регионов, глобальных городов является то, что все они представляют:

- либо часть государства (внутригосударственные регионы, глобальные города);
- либо создаются государством (межправительственные организации, «клубные» форматы). Государственный срез или аспект явно здесь везде просматривается.

Во-вторых, неочевидно, кого вообще можно отнести к категории акторов. Если принять тезис о том, что акторы – это те структуры, которые активно влияют на мировые политические процессы, то их спектр оказывается очень широким. К тому же далеко не всегда очевидна степень влияния. Поэтому одни авторы стремятся ограничить категорию негосударственных акторов традиционным списком (НПО, ТНК)⁹, другие – предлагают более широкий их перечень. И все же представляется, что второй подход более целесообразен, поскольку позволяет гибко подходить к изменяющейся реальности и включать в рассмотрение тех участников, действующих на мировой арене, которые только выходят на позиции оказания существенного влияния на мировую политику, то есть стремятся быть акторами.

Другая проблема связана с тем, что негосударственные акторы крайне разнообразны. И, если при всем различии государств, они все же имеют «общий знаменатель» в виде суверенитета, то этого нет в случае негосударственных акторов. Отсутствие «общего знаменателя» у современных транснациональных акторов не означает, что их сравнение друг с другом в качестве акторов мировой политики невозможно. Однако параметров такой оценки может быть несколько. Попытку сравнения негосударственных акторов по различным параметрам предпринял Т. Риссе¹⁰. Среди этих параметров он в первую очередь выделил ресурсы влияния на мировую политику, указав, что государства обладают, прежде всего, политическим ресурсом, в то время как ТНК – экономическим, финансовым.

Если говорить о государстве, то в современном мире ресурс государств расслаивается. Значимым оказывается не только военная мощь, но и экономическая, а также социально-гуманитарная составляющая, связанная с «мягкой силой». В XXI в. то же стало происходить с ресурсами других акторов. При этом можно выделить две противоположные тенденции. Расслоение ресурса ведет к специализации актора, но одновременно ТНА, пытаясь снизить риски от возможной потери своей ресурсной специализации, стремятся к диверсификации ресурсного потенциала, а также стараются оказывать влияние на других через множество разнообразных форм, механизмов и т.п. Именно по этой причине ТНК, например, внимательно относятся к имиджевой стороне своей деятельности, занимаются финансовой поддержкой НПО, выстраивают связи с государственными структурами и т.д.

В целом экономические и финансовые показатели остаются главным ресурсом для бизнес-структур. В то же время для многих международных

■ Мировая политика

неправительственных организаций ресурсом выступает обладание информацией «с мест», наличие определенных знаний и умений (в частности, представители Красного Креста, организации «Врачи без границ» имеют соответствующие знания и умения в медицинской сфере, которые крайне важны в условиях конфликта), а также доверие населения.

Интересно, что информационный ресурс «от непрофессионалов» в последние годы становится значимым и для СМИ. Если раньше они шли по одному пути – расширению корреспондентской сети, то сегодня активно используются репортажи не только профессиональных журналистов, но и свидетелей, записавших событие на мобильный телефон, оценки блогеров, комментарии на сайте зарегистрированных пользователей и т.п.

Можно привести другой пример использования информационно-аналитического ресурса негосударственным актором. В 2001 г. аналитиком Goldman Sachs Дж. О'Нейлом была выделена группа стран с быстро развивающимися экономиками – Бразилия, Россия, Китай и Индия (BRIC). Сами эти страны тогда не видели себя как группу и только потом занялись координацией своей деятельности. Группа стала обретать организационно-политические очертания: проводя встречи, пригласила в свои ряды Южную Африку. Трудно сказать, как дальше будет функционировать BRICS, и вообще каково ее будущее, но важен сам факт воздействия негосударственного актора на формирование политических процессов. Негосударственная коммерческая структура Goldman & Sachs, к примеру, выступила фактически как политический актор, «создав» межгосударственное объединение. И в этом смысле рейтинговые агентства можно назвать новым, зарождающимся актором мировой политики. Интересно и то, что в данном случае бизнес-структурой использовался не экономический или финансовый ресурс, а информационно-аналитический.

Ресурс внутригосударственных регионов и глобальных городов во многом образуется за счет того, что производственные, образовательные, научные, финансовые и других структуры и ресурсы рассредоточены по земному шару и одновременно пересекаются на небольших территориях. В связи с этим С. Сассен подчеркивает факт того, что глобальные города продемонстрировали значение именно организационного, управленческого ресурса в современном мире¹¹.

В свою очередь О.Е. Андерссон и его коллеги показали, что экономическая специализация, а также межсетевые экономические узлы открывают для территорий новые возможности и являются своеобразными «воротами» в глобальный мир. Именно эти территории начинают развиваться крайне динамично¹². Вступая в глобальный мир, города и внутригосударственные регионы нередко пытаются «обособить» свою территорию, сделать ее более привлекательной и за счет этого получить конкурентные преимущества.

Наконец, говоря о ресурсе, следует отметить, что в последнее время ряд негосударственных ак-

торов интенсивно осваивает мобилизационный ресурс. Примером здесь может служить движение антиглобалистов и альтерглобалистов. Но особенно ярко мобилизационный ресурс в деятельности негосударственных акторов проявился во время арабских революций 2011–2012 гг. через социальные сети. Правда, мобилизация шла все же не на глобальном, а на национальном и региональном уровнях. Тем не менее эти события в арабском мире показали, что негосударственные ТНА обладают мобилизационным ресурсом и умеют им пользоваться.

Значительно различаются и цели негосударственных акторов. В качестве приоритетных целей могут выступать экономические и финансовые (бизнес-структуры), гуманитарные (ряд НПО), комплексные (например, внутригосударственные регионы) и т.п.

Если государства обычно действуют исходя из того, что они «существуют вечно» (то есть для них нет ограничения по времени), то другие акторы могут изначально ставить себе «пределы существования». Например, так себя может вести в ряде случаев бизнес или НПО, работающие «по проекту».

Внутренняя структурная организация негосударственных акторов – еще один параметр для их сравнения. Она важна для понимания того, как принимается решение, а значит, и как ведет себя тот или иной актор на мировой арене. Для государства всегда в той или иной мере характерна так называемая «вертикаль власти», а также горизонтальные связи. Для негосударственных акторов, как отмечает Т. Риссе, также характерны оба типа связей: вертикальные и горизонтальные¹³. Причем одни бизнес-структуры могут иметь преимущественно вертикальную организацию, а другие – преимущественно горизонтальную. То же можно сказать и об НПО. Доминирование вертикальных связей позволяет быстрее принимать и реализовывать решения, но такие решения подвержены значительной доле субъективности. Горизонтальные связи требуют долгих согласований, но позволяют лучше учитывать различные интересы. Это означает, что найденные решения будут лучше пониматься и исполняться участниками.

В XXI в. резко возрос интерес к сетевым структурам, в которых вертикальные связи минимизированы. Интерес был обусловлен прежде всего террористическими атаками «Аль-Каиды». Сначала в американской, а потом и в российской научной литературе появились работы, описывающие варианты сетевых организаций¹⁴. Сами по себе сетевые организации не являются новым или более «прогрессивным», как иногда указывается, феноменом в развитии мира. По сетевому принципу часто строились повстанческие движения. Развитие коммуникативных и информационных технологий привело к тому, что сетевые организации получили новый импульс и принципиально новые возможности для своего развития, причем особое значение и влияние приобретают так называемые SPIN-структуры (сегментированные, полицентричные,

идеологически интегрированные сети – segmented, polycentric, ideologically integrated network). Это своего рода ячеечная структура во главе с множеством различных лидеров. Для выполнения конкретных задач отдельные (далеко не все) группы могут объединяться, потом вновь распадаться. В следующий раз объединяются иные группы и т.д.¹⁵. В результате сама организация становится ресурсом для акторов, которые ее используют.

В целом в развитии транснациональных акторов в XXI столетии прослеживается целый ряд новых важных моментов. Так, произошел не только масштабный выход на мировую арену различных негосударственных акторов, о котором писали Дж. Най и Р. Кохэн в начале 70-х гг. прошлого века, но и расширился круг этих акторов, то есть тех, кто значимо влияет на мировую политику, определяя тенденции ее развития. В него, наряду с транснациональным бизнесом, неправительственными организациями, стали входить СМИ, религиозные организации, а также террористические образования, прежде всего такие, как «Аль-Каида».

Количественные показатели транснационализации огромны. Так, лишь транснациональных корпораций в мире в середине первого десятилетия XXI в. насчитывалось более 77 000¹⁶. Транснационализация при этом охватывает не только крупный бизнес¹⁷.

В настоящее время примерно каждое третье предприятие среднего и малого бизнеса США и каждое седьмое такого масштаба японское предприятие работают на транснациональном уровне¹⁸. При этом они являются достаточно гибкими, в значительной степени сетевыми структурами, и хорошо приспособлены к местным условиям. Говоря об усиливающейся транснационализации бизнеса, необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что многое здесь зависит от региона. В целом ряде африканских стран, где ВПП на душу населения составлял менее 100 долларов, выходить не только за рамки национальных границ, но и за пределы отдельных населенных пунктов просто не с чем. Но эта сторона вопроса как раз свидетельствует о другой тенденции, а именно о расслоении государств, а вместе с ними часто и регионов.

Сами же транснациональные акторы, во-первых, продолжают все более активно действовать на глобальном уровне, охватывая все регионы мира и все сферы мировой политики – безопасность, экономику, социально-гуманитарную сферу. Во-вторых, если ранее те или иные акторы действовали, как правило, из регионов «глобального Севера» в отношении регионов «глобального Юга», то теперь наблюдается и обратный процесс. Одним из примеров может служить телеканал «Аль-Джазира», который с 2003 г. вещает, кроме арабского, и на английском языке, выступая в качестве глобально ориентированного канала СМИ.

Наблюдается и развитие международных неправительственных организаций, которых в современном мире, по разным оценкам, от 6000 до 30 000¹⁹. Эти различия в количественных показателях связаны со сложностью международной

активности НПО, а также с использованием различных критериев подсчета. Как и бизнес, НПО вовлекают в международную деятельность огромные людские потоки. В результате транснационализация выражается и во многих других параметрах, в частности в мобильности населения, свободе перемещения через национальные границы, включении почти всех стран и регионов в транснациональные отношения и т.д. Следствием транснационализации становится развитие взаимозависимости за счет «увязки» различных центров, создания сложных сетевых структур взаимодействия.

Наряду с процессом транснационализации наблюдается дальнейшая гибридизация акторов. Создаются партнерства различного типа, а именно: государства и бизнеса, НПО и государства, бизнеса и НПО и т.п. Одновременно происходит и размытие специфики функций акторов. Так, в сферу безопасности сегодня наблюдается масштабное вовлечение частных военных компаний. Например, во время военной операции США в Ираке в 2003 г. каждый десятый человек, вовлеченный в нее с американской стороны, был из так называемых частных компаний по обеспечению безопасности. Они решали вопросы логистики, обучения персонала и т.п.²⁰.

В то же время государство порой не только выполняет регулятивные функции в сфере экономики, но и само становится игроком в этой сфере. В частности, по этому пути пошла Исландия, которая в большом количестве до кризиса 2008 г. скупала европейские компании, набирая при этом долги. В результате она оказалась на грани дефолта. В отношении частных структур существуют механизмы, препятствующие подобному рискованному поведению, но применить данные механизмы автоматически в отношении национальных государств было сложно.

Наконец, еще один пример. Сегодня бизнес все больше вовлекается в социальную сферу, причем не только в отношении работников своей компании (история такой практики прослеживается давно), но и во всемирном масштабе. Свидетельством тому является появление под эгидой ООН Глобального договора, согласно которому бизнес берет на себя целый ряд социальных обязательств в сфере противодействия коррупции, сохранения окружающей среды и т.п.

В целом процессы транснационализации, связанные с расширением и интенсификацией сфер активности ТНА, резко возросли за последнее время. Во многом это произошло за счет появления новых информационных и коммуникационных технологий, значительно упрощающих и убыстряющих процесс взаимодействия. Принципиально иной этап научно-технической революции оказал сильнейшее воздействие на политическое развитие мира, подобное тому, как это было в результате промышленной революции в Европе, обеспечившей переход от преимущественно аграрной экономики к индустриальному типу развития, что в итоге привело к упрочению капитализма²¹.

Современный научно-технический скачок не

■ Мировая политика

только принципиальным образом расширил взаимодействие транснациональных акторов, выведя их на глобальный уровень в совершенно иных масштабах, но и сделал слабого сильным в смысле возможного нанесения значимого ущерба другим. В результате мир столкнулся с тем, что негосударственный актор способен бросить существенный вызов государству и политической системе мира как таковой.

Таким образом, в начале XXI в. транснациональные акторы не только усилили свою политическую активность на мировой арене, но и значительно усложнили механизмы и формы деятельности, расширили сферу своей вовлеченности. Анализ и учет их деятельности становится обязательным для понимания мировых политических процессов, внешнеполитического прогнозирования и плани-

рования, а также разработки вопросов глобального управления.

Lebedeva M.M. Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development.

Summary: *The article is devoted to tendencies of development of transnational actors in XXI century. It is shown that their activity intensified, became involved a large number of people and cover all areas. Non-state actors began to form various types of partnerships: with states and with each other. Also the resource base of transnational actors was expanded. They actively use information and analytical resources. In the analysis of contemporary issues of world politics the attitudes, interests etc. of various transnational actors must be taken into account.*

Ключевые слова

Мировая политика, транснациональные акторы, ресурсы влияния, международные организации, глобальные города, ТНК, рейтинговые агентства.

Keywords

World politics, transnational actors, resources of influence, international organizations, global cities, TNC, rating agencies.

Примечания

1. Keohane R. O. and Nye J. S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction / International Organization/1971. Vol.25. №3. P.329-349. Режим доступа: http://www.ucm.es/info/sdrelint/ficheros_materiales/materiales016.pdf
2. Risse Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations // Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. – L., a.o.: Sage, 2002. – P. 259.
3. См., напр.: Non-State Actors in World Politics / Ed. by Josselin D., Wallace W. – N.Y.: Palgrave, 2001; Risse Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations // Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. – L., a.o.: Sage, 2002. – P. 255-274; The Ashgate Research Companion to Non-State Actors // Ed. by B. Renalda. – Burlington: Ashgate, 2011.
4. См., напр.: Kennedy P. Rise and Fall of the Great Powers. – L., Unwin Hyman Limited, 1987.
5. Зерберс К. Шивая лоскутное одеяло... (Шансы и риск глобализации в России) // Pro et Contro. 1999. Т.4. С. 65-83.
6. Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. World Politics: Trend and Transformation. Ninth Edition. – Belmont: Thomson/Wadsworth, 2004.
7. Archer C. International Organisations. 2nd ed. L.-NY: Boulder, 1992.
8. Sassen S. The State and the Global City / Khagram S., Levitt P. (Eds.) // The Transnational Studies. – N.Y. Routledge, 2008. – P. 78.
9. См., напр.: Renalda B. None-state Actors in International System of State / The Ashgate Research Companion to Non-State Actors // Ed. by B. Renalda. – Burlington: Ashgate, 2011. – P. 3-18.
10. Risse Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations // Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. – L., a.o.: Sage, 2002. – P. 255-274.
11. Sassen S. The State and the Global City / Khagram S., Levitt P. (Eds.) // The Transnational Studies. – N.Y. Routledge, 2008. – P. 77-81.
12. Ворота в глобальную экономику / Под ред. О.Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона // Пер. с англ. под. ред. В.М. Сегреева. М.: Фазис, 2001.
13. Risse Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations // Ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. – L., a.o.: Sage, 2002. – P. 255-274.
14. См. напр.: Abuza Z. Tentacles of Terror: Al Qaeda's Southeast Asian Networks / Comparative Southeast Asia. – 2002. – V. 54 (3). – P. 421-456; Megaterrorism: A New Challenges for a New Century" edited by A. Fedorov. – Moscow: Human Rights Publishers, 2003.
15. Megaterrorism: A New Challenges for a New Century" edited by A. Fedorov. – Moscow: Human Rights Publishers, 2003.
16. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). World Investment. Report 2006. http://www.unctad.org/en/docs/wir2006_en.pdf
17. Подробнее о среднем и мелком бизнесе в качестве актора мировой политики см.: Хохлова Е.С., Решетников Г.О. Малый и средний бизнес: влияние на тренды мирового политического развития / Метаморфозы мировой политики // М.М. Лебедева (ред.). М. МГИМО, 2012. С. 258-289.
18. Fujita M. The Transnational Activities of Small and Medium-Sized Enterprises. – Dordrecht a.o.: Kluwer, 1998.
19. Керли и Уикопф указывают цифру в 30 тыс. НПО (Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. World Politics: Trend and Transformation. Ninth Edition. – Belmont: Thomson/Wadsworth, 2004), в то время как Е. Блаттут (Bloodgood E. The Yearbook of International Organizations and Quantitative Non-State Actor Research // The Ashgate Research Companion to Non-State Actors. – Aldershot: Ashgate, 2011. – P. 19-33) называет цифру немногим более 7 тыс.
20. Avant D. The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security. – Cambridge: University Press, 2005.
21. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ-ДИП, 2000; Fukuyama F. Second Thoughts. The Last Man in a Bottle // The National Interest. – 1999. – Summer. – P. 16-33.

Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику

Е.С. Зиновьева

В настоящей статье изучена мирополитическая роль интернет-компаний. Крупные интернет-компании, такие, как Google, Facebook и другие, задают направления эволюции глобальной информационной сферы, таким образом определяя характеристики среды, оказывающей растущее влияние на ход мировых политических процессов. При этом интернет-компании лишь опосредованно выступают в роли субъектов мировой политики, так как для них приоритетными являются экономические, а не политические интересы.

Под компаниями интернет-индустрии¹ (также используется термин «интернет-компания») понимаются бизнес-структуры, предоставляющие услуги в среде онлайн и получающие от этого рода деятельности основной доход (более 50% дохода от деятельности, связанной с онлайн-средой)².

Как правило, к числу интернет-компаний относят: производителей контента (например, Facebook, Google, Yahoo!), программного обеспечения (Microsoft); компании, занимающиеся доменными именами (VeriSign); поставщиков интернет-услуг (компании-провайдеры, с помощью которых пользователи получают доступ в интернет) и телекоммуникационные компании (AT&T)³. Предметом настоящего исследования выступают компании, производящие контент, группа, которая по мере развития технологий Web 2.0⁴ становится все более значимой в мировой экономике и политике.

Компании интернет-индустрии: общая характеристика и отличительные особенности

Наиболее крупными интернет-компаниями мира, по оценкам аналитиков Boston Consulting Group, являются Amazon, Apple, Facebook, Google, Baidu, Tencent (страна базирования первых четырех – США, последних двух – Китай). При этом последние четыре компании являются производителями контента, информационного содержимого интернета⁵. Согласно рейтингу журнала Forbes, крупнейшими российскими интернет-компаниями по объему прибыли на 2011 г. были Яндекс и Mail Group⁶. Кроме того, на российском интернет-рынке значительные позиции занимают Google, Facebook и Groupon, которые создали свои российские филиалы⁷. Рейтинг популярности сайтов, формируемый Alexa.com, отражает популярность интернет-компаний среди пользователей и, следовательно, потенциал их политического влияния. В первую пятерку входят следующие сайты (в порядке убы-

Зиновьева Елена Сергеевна – к.полит.н., ст. преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

■ Мировая политика

вания популярности): google.com, facebook.com, yahoo.com, youtube.com, baidu.com⁸.

В российском интернете наибольшей популярностью пользуются yandex.ru, vk.com⁹, google.com, mail.ru, google.ru (в порядке убывания популярности)¹⁰. Таким образом, американские интернет-компании наиболее прибыльны и популярны среди пользователей. Набирают влияние китайские компании, что обусловлено в первую очередь значительным населением страны и, как следствие, большим числом пользователей интернета. При этом компании, базирующиеся в Китае, ориентированы прежде всего на внутренних пользователей.

интернет-компании, базирующиеся в США, имеют транснациональную структуру, что позволяет им завоевывать рынки и использовать ресурсы по всему миру. Крупные российские интернет-компании, такие, как Яндекс, Вконтакте и др., в большинстве своем являются транснациональными по структуре собственности и охвату рынков, но ориентированы на рынки и пользователей стран СНГ.

Мирополитическая роль интернет-компаний не изучена ни российской, ни зарубежной науками. Существует значительное число работ о международно-политических аспектах информационной революции¹¹, об особенностях формируемой информационной экономики¹². Вместе с тем международно-политические аспекты деятельности интернет-компаний оказываются вне исследовательского внимания или затрагиваются вскользь, что, вероятно, обусловлено новизной проблематики и ее междисциплинарным характером.

Деятельность интернет-компаний определяет направления эволюции и использования интернета, а с другой стороны – зависит от тенденций развития интернета, предпочтений пользователей. На начальном этапе развития интернета была популярна точка зрения, согласно которой интернет формирует коммуникационную среду, принципиально отличающуюся от реального мира. интернет воспринимался как пространство свободы, самовыражения, равенства, в котором невозможно государственного контроль и регулирование. Данная точка зрения и сегодня продолжает оказывать определенное влияние на развитие цифрового пространства, предпочтения пользователей и бизнес-модель интернет-компаний.

интернет основан на наборе программных инструкций, широко известных как протоколы, используемых для передачи данных между сетями. Зарождение интернета датируется 1969 г., когда впервые четыре компьютера были объединены в сеть в рамках научно-исследовательских работ министерства обороны США. В 1972 г. программные инструкции передачи данных TCP/IP стали использоваться как базовые протоколы интернета¹³. Система доменных имен была внедрена в 1983 г., тогда же появились первые вирусы. Всемирная паутина как сеть связанных гиперссылками страниц, по которым можно перемещаться с помощью графического интерфейса, берет свое начало в 1989 г.; в 1998 г. была создана наиболее популярная в мире поисковая система Google, а

Википедия, широко используемая открытая онлайн-энциклопедия, – в 2001 г.

интернет представляет собой сложную и неоднородную макросистему, объединяющую очень большое число различных информационных сетей. Современный интернет состоит из технической инфраструктуры, включающей в себя серверы, маршрутизаторы, кабели, компьютеры конечных пользователей и передающей по этим сетям информации, то есть собственно содержания интернета. Выделяют четыре этапа развития интернета с точки зрения использования его бизнес-структурами:

- первый этап – «исследовательский»: вплоть до 1980-х гг. интернет использовался главным образом университетами в научных целях;

- второй этап – «информационный» или «брошюрный»: на этом этапе каждая компания стремилась вывести информацию о себе в интернет, создать корпоративный сайт;

- третий этап представлял собой переход от статичных данных к возможности совершать транзакции, не только читать о продуктах и услугах, но и покупать и продавать их. На этом этапе на рынок выходят такие компании, как eBay и Amazon.com. Он завершился так называемым «кризисом доткомов», когда котировки акций многих высокотехнологичных компаний упали на бирже NASDAQ (2002 г.);

- четвертый этап – «социальный», или Web 2.0; на этом этапе популярность приобрели такие компании, как Facebook, Twitter и Groupon, которые стали работать с большой прибылью. Эти компании позволяют пользователям интернета связываться друг с другом, подключаться к социальным сетям и обмениваться персональной информацией: текстами, фотографиями, видео¹⁴. При этом пользователи становятся активными создателями контента и могут составить конкуренцию крупным медийным корпорациям. На практике находит свое воплощение модель коммуникации «многие-ко-многим». Большая часть современных гигантов интернет-индустрии, такие, как Facebook, Twitter, была образована на этапе социальных медиа, т.е. в 2000-х гг.

Влияние на мировые политические процессы

Широкое распространение информационных технологий и их проникновение во все сферы жизни, получившее название «информационная революция», совпало по времени с изменениями в природе международных отношений и мировой политики. В 1972 г. вышла работа основателей неолиберального направления в науке о международных отношениях Р. Кохейна и Д. Ная «Транснациональные отношения и мировая политика»¹⁵, в которой они обратили внимание на формирование транснациональных отношений, взаимозависимости и выход новых акторов на мировую политическую арену. Обозначенные ими тенденции сохраняют свою актуальность и в настоящее время.

Д. Най полагает, что в условиях информационной глобализации происходит диффузия власти. Диффузия не предполагает утраты власти государствами, но лишь ее «распыление», появление новых центров влияния, в том числе интернет-компаний¹⁶. Подтверждением роста политической роли интернет-компаний является неоднозначная ситуация вокруг фильма «Невинность мусульман», который был размещен на популярном сервисе онлайн-видео Youtube, находящемся в собственности Google. Фильм «Невинность мусульман», в котором в негативном свете представлены основы исламской религии, стал причиной беспорядков во многих странах, среди которых наиболее жестокими были атаки на посольство США в Бенгази. Распространение данного фильма способствовало росту антиамериканизма среди мусульманского населения (несмотря на то что Google впоследствии закрыла к нему доступ в ряде стран), что противоречит интересам США в регионе. Таким образом, даже влиятельные государства не могут полностью контролировать поведение интернет-компаний.

Позиция США заключается в том, что такие компании, как Twitter и Youtube, обеспечивают свободу слова и самовыражения, в то время как для Пекина и Тегерана они выступают в роли инструментов информационного влияния, навязывания западных ценностей. Многие интернет-компании формируют свои бренды на основании идей свободы доступа к информации. Так, компания Google изначально заявила свою миссию как «организация мировой информации, обеспечение ее доступности и пользы для всех»¹⁷.

Вследствие настороженности незападных правительств закрытие доступа к социальным сетевым сервисам, базирующимся в США, является широко распространенной практикой. Впервые Китай заблокировал YouTube для защиты идеологической стабильности в октябре 2007 г., хотя позднее YouTube снова стал доступен китайцам. Повторно и окончательно доступ к YouTube был закрыт для граждан Китая в марте 2009 г., после того, как на сайте появились десятки видео, демонстрирующих выступления тибетцев. Видеосервис в разное время блокировали такие страны, как Иран, Бразилия, Бангладеш, Пакистан, Афганистан, КНДР и др.

Спорные ситуации, связанные с трансграничной природой онлайн-бизнеса, возникают и в странах Запада. Юридическое преследование (связанное с продажей через сайт продукции с фашистской символикой) вынудило Yahoo! контролировать информацию, которую она предоставляла пользователям из Франции; Google прекратил доступ к речам, содержащим ненависть, для пользователей из Германии. Несмотря на то что данная информация защищена правом на свободу слова в США, альтернативой были штраф и потеря доступа к значимым с коммерческой точки зрения рынкам. Таким образом, существует властный ресурс, доступный правительствам, особенно обладающим юрисдикцией над крупными рынками, и чтобы сохранить доступ к рынкам, так же как и лояльность пользователей, транснациональные интернет-кор-

порации вынуждены подчиняться политическим решениям стран, где они ведут бизнес.

Однако и интернет-компании обладают существенным влиянием, с которым вынуждены считаться государства. Как отмечает Д. Най, интернет-компании имеют возможность формирования базовых предпочтений акторов мировой политики. Решение о создании определенного программного кода, лежащего в основе продуктов и услуг, принимается компаниями без учета мнения пользователей¹⁸. М. Кастельс полагает, что компании интернет-индустрии определяют содержание и формат онлайн-взаимодействий в соответствии с поставленными целями: получение прибыли, приращение «мягкой» или «жесткой» власти, формирование культурных ценностей или все вышеперечисленное.

Транснациональные компании интернет-индустрии обладают возможностями организовывать и управлять сетями массовой коммуникации. Таким образом, в терминологии М. Кастельса, они обладают властью формирования сетей. Формирование сетей – это в большей степени вопрос формата, а не контента. интернет-бизнес приносит прибыль только в том случае, когда создаваемые форматы коммуникации привлекательны для пользователей, что предполагает интерактивность и свободу выражения. При этом пользователи не придают значения тому, каким образом организован и управляется интернет, социальные сети и пр.

Распространение сетей и создание Web 2.0 предлагают уникальную возможность для бизнеса – превращение свободы в услугу. Продажа людям доступа к глобальным коммуникационным сетям в обмен на передачу персональной информации, на основе которой можно повысить эффективность рекламных и маркетинговых стратегий¹⁹.

Афоризм, сформулированный М. Макклэном в XX в., «средство передачи информации есть послание» («medium is the message»²⁰) сохраняет свое значение в начале XXI в. Компании интернет-индустрии оказывают влияние на значимые характеристики каналов передачи информации, таким образом формируя глобальное информационное пространство и мировые политические отношения. Они являются не единственными акторами в данной сфере и вынуждены учитывать предпочтения пользователей, а также считаться с властными ресурсами государств.

Взаимодействие интернет-компаний с государствами: конфликт или сотрудничество?

Среди наиболее широко известных примеров противостояния государства и интернет-бизнеса следует назвать противоречия между компанией Google и правительством Китая. В начале 2010 г. Google объявил о том, что он выводит бизнес из Китая. Для этого было несколько причин, имевших политическую подоплеку:

– промышленный шпионаж, направленный на программные коды;

■ Мировая политика

- необходимость осуществлять цензуру в поисковой системе Google.cn (с чем компания соглашалась уже в течение ряда лет);
- вторжение в почтовые аккаунты правозащитников.

Вывод бизнеса из Китая не решал названных проблем с технической точки зрения, однако позволял компании сохранить лицо и усилить свою «мягкую власть». Более того, вторжения в Gmail ослабляли конкурентные позиции Google по отношению к Microsoft, каждая из которых стремилась стать ведущим поставщиком «облачных услуг»²¹. Сохранение репутации компании, способной эффективно обеспечить безопасность данных, было для Google более значимо, чем доступ на рынок Китая, где Baidu, китайская поисковая система, занимала лидирующие позиции. Google стремился сохранить «мягкую власть», которая основывается на поддержке свободы слова и самовыражения, обеспечивает компании отбор и поддержку креативного персонала, а также репутацию в области информационной безопасности. Правительство США было вынуждено вмешаться в ситуацию, поддержав Google – как компанию, обеспечивающую права и свободы человека в информационной сфере.

Китайское правительство изначально выступало за то, чтобы рассматривать этот вопрос исключительно как коммерческий спор, однако вмешательство США повлекло за собой политические высказывания о необходимости подчинения законам Китая и обвинения в кибер-империализме США. Таким образом, вопрос был выведен на межгосударственный уровень и стал политизированным. Несмотря на политическую подоплеку, в 2012 г. Google приняла решение вернуться в Китай, мотивируя это необходимостью адекватного информационного обслуживания населения Китая. Несмотря на официальные заявления, компания была заинтересована в получении доступа к емкому рынку Китая в целях продвижения программного обеспечения для мобильных устройств Android. Более того, как отмечают эксперты, абсолютное число пользователей Google в Китае за два года выросло, увеличились доходы²². Таким образом, коммерческая выгода для частной корпорации оказалась более значимой, чем политические мотивы.

По мнению российского ученого Е. Евдокимова, проблемная ситуация вокруг присутствия Google на рынке Китая отражает борьбу за влияние в интернете между Китаем и США. В ходе этой борьбы США стремятся усилить свое влияние в глобальном информационном пространстве, формируемом интернетом²³. Согласно данному подходу, лишь государства обладают субъектностью в интернете, бизнес-структуры самостоятельны лишь в той мере, насколько это отвечает интересам ведущих государств.

Иной точки зрения придерживается немецкий ученый, профессор университета в Аархусе В. Кляйнвахтер. Он полагает, что в интернете формируется новая модель международной политики. В ней бизнес, так же как и организации гражданского общества, выступают в роли акторов наряду с государствами²⁴. Действительно, даже влиятельные государства не всегда способны управлять процессами, идущими в глобальной информационной сфере, и зачастую вынуждены встраиваться в тренды и следовать повестке дня, задаваемой компаниями интернет-индустрии.

Можно назвать примеры сотрудничества государств и интернет-компаний. Программы цифровой дипломатии различных государств, прежде всего западных, предполагают широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной сети для реализации национальных интересов государств. Цифровая дипломатия направлена на взаимодействие с широкими слоями населения зарубежных государств и рассматривается как одно из направлений публичной дипломатии. США, например, реализация программ цифровой дипломатии проводится с опорой на крупные компании интернет-индустрии, среди которых лидирующие позиции занимает корпорация Google. В Китае же взаимодействие с интернет-компаниями, такими, как Baidu, рассматривается как залог суверенитета страны в информационной сфере и обеспечения информационной безопасности. Таким образом, государства зачастую используют компании интернет-индустрии для распространения своего влияния и укрепления позиций на международной арене.

В результате развития интернета наметилось формирование транснациональной политической сферы, усилились тенденции к сетевой организации общества. Деятельность компаний интернет-индустрии оказывает влияние на характеристики пространства, задающего направление властных отношений в современном обществе. Транснациональные интернет-компании лишь опосредованно являются акторами мировой политики, коммерческие интересы в их деятельности преобладают над политическими.

Zinovyeva E.S. Impact of Internet Companies on World Politics.

Summary: The article analyzes the role of Internet companies in contemporary world politics. Large internet companies such as Facebook, Google etc., shape basic trends of the global information space thus influencing the environment of the world politics. Pivotal interests of internet companies lie in the commercial, but not political sphere, resulting in their indirect role as world political actors.

Ключевые слова

интернет, мировая политика, интернет-бизнес.

Keywords

Internet, world politics, internet companies.

Примечания

1. Термин «индустрия» в современной экономической науке не обязательно предполагает промышленное производство. Под индустрией понимается «Отрасль экономики, в которой фирмы используют аналогичные затраты производственных факторов для создания группы родственных товаров» (Экономика. Толковый словарь. М.: "ИНФРА-М". Издательство "Весь Мир". Дж. Блэк. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М.. 2000).
2. 30 российских интернет-компаний: рейтинг Forbes. // Forbes Russia. 27.02.2012. [Электронный ресурс]. - <http://www.forbes.ru/tehnno/rating-slideshow/79474-30>
3. Курбалия Й. Управление интернетом. М.: Координационный центр национального домена сети интернет, 2011.
4. Web 2.0 – термин, введенный Т. О'Рейли в 2005 г., под которым понимаются сервисы, ценность которых создается за счет их пользователей: блоги, социальные сети и пр. (См.: Т. О'Рейли. Что такое Веб 2.0. // Компьютерра Онлайн. [Электронный ресурс]. - <http://www.computerra.ru/think/234100/>)
5. D. Dean, S. DiGrande, D. Field. The Connected World. The Digital Manifesto: How Companies and Countries Can Win in the Digital Economy. / D. Dean, S. DiGrande, D. Field, P. Zwillenberg. // BCG Perspectives. 27.01.2012. – [Electronic resource]. - https://www.bcgperspectives.com/content/articles/growth_innovation_connected_world_digital_manifesto/
6. 30 российских интернет-компаний: рейтинг Forbes. // Forbes Russia. 27.02.2012. [Электронный ресурс]. - <http://www.forbes.ru/tehnno/rating-slideshow/79474-30>
7. Там же.
8. Поисковая система в Китае.
9. Социальный сетевой сервис в России.
10. [Электронный ресурс]. - www.alexa.com
11. См. напр.: M.Castells. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. John Wiley & Sons, 2011; Nye J. Cyberpower. Belfer center for science in international relations, 2010; Toffler A. The third wave. Bantam Books, 1989 и др.
12. См. напр.: Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture. John Wiley & Sons, 2011; Kogut B. The global internet economy. MIT Press, 2004 и др.
13. IP разбивает информацию на пакеты, TCP контролирует, что они полностью получены адресатом.
14. Эванс Д. интернет вещей: как изменится вся наша жизнь на очередном этапе развития Сети. // Официальный сайт компании Cisco. [Электронный ресурс]. - <http://www.cisco.com/web/RU/news/releases/txt/2011/062711d.html>
15. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.
16. Nye J.S. The Future of Power in the 21st Century, Public Affairs Press, 2011.
17. Google official site. About Google. [Electronic resource]. - <http://www.google.com/about/company/>
18. Nye J. Cyberpower // Belfer center for science in international affairs, 2010. [Electronic resource]. - <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a522626.pdf>
19. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society. // International Journal of Communication 1 (2007), 238-266.
20. См.: McLuhan M. Understanding media. The extensions of man. MIT Press, 1994.
21. «Облачные услуги» предполагают предоставление больших серверных мощностей в аренду.
22. Google возвращается в Китай // Ведомости. 13.01.2012. [Электронный ресурс]. - http://www.vedomosti.ru/tech/news/1473990/konec_bojkotu
23. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2011. № 1(25). Январь–апрель.
24. Kleinwaghter W. Internet co-governance: towards a multilayer multiplayer mechanism of consultation, coordination and cooperation. // E-learning and digital media. 2006. Vol. 3 #3. Pp. 473 – 487.

Сообщества разработчиков интернет-проектов

С.С. Ширин

В статье приведены результаты исследования участия международных сетевых сообществ разработчиков интернет-проектов в мировом политическом процессе. В качестве примеров избраны сообщества, разрабатывающие и продвигающие технические стандарты интернета (IETF и WaSP), сообщества, разрабатывающие проекты противодействия политическому контролю коммуникаций в интернете (Netsukuku, TOR и FreeNet), и сообщество, разрабатывающее один из самых заметных политических онлайн-проектов современности – WikiLeaks.

С первых этапов глобального распространения компьютерных сетей общего пользования существование такого особого рода общественных объединений, как неформальные сообщества разработчиков интернет-проектов, было значимым фактором международного сотрудничества в сфере развития современных информационных технологий¹. Сегодня они, наряду с крупнейшими коммерческими компаниями информационно-технологической отрасли и с онлайн-сообществами, состоящими из пользователей интернет-проектов, приобрели еще и особое политическое значение. Мало кто в современном мире не слышал о проекте WikiLeaks, который развивается и поддерживается именно неформальным сообществом разработчиков, был создан непосредственно в политических целях и весьма успешно достигает их. Но если коммерческие компании информационно-технологической индустрии активно участвуют в мировой политике во многом благодаря аккумулированному ими значительному финансовому ресурсу и умелому использованию технологий политического лоббирования, а онлайн-сообщества пользователей интернет-проектов становятся политической

силой благодаря своей массовости (и, прямо по Марксу, позволяют идеям, в том числе политическим, овладевать этими массами), то сообщества разработчиков не обладают в достаточной степени ни одним из упомянутых ресурсов и тем не менее успешно функционируют в политической жизни.

Первым таким сообществом, участвующим в политической жизни, было, вероятно, неформальное сообщество разработчиков сетевых технологий, действовавшее параллельно со структурами Агентства передовых исследовательских проектов министерства обороны США (DARPA). Именно оно оказывало влияние на развитие технологий, которые американское правительство разрабатывало в оборонных целях и которые в итоге стали основой интернета. Джозеф Ликлайдер – автор концепции «галактической сети» и первый руководитель компьютерного проекта DARPA, – будучи представителем академической, а не военной среды, стремился доводить сведения о проводимых им работах до всего заинтересованного научного сообщества. Отсюда берет свое начало традиция документов RFC (Request for comments – «запрос комментариев»), задающих

Ширин Сергей Сергеевич – к.полит.н., доцент кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: shirin@mail.sir.edu

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

формат обсуждения технических спецификаций, претендующих на то, чтобы стать стандартами для интернета².

Развитие технологических проектов, связанных с компьютерными сетями, на основе сетевой модели сотрудничества в рамках обсуждений документов RFC стало первым примером регулирования развития компьютерных сетей общего пользования (того, что сейчас в соответствии с определением Рабочей группы ООН называли бы «управлением интернетом»). Показательно, что данная модель представляла собой, по сути, саморегулирование – стихийное регулирование, в котором могло принять участие любое заинтересованное лицо. Вся заинтересованная общественность приглашалась к обсуждению открытий, изобретений и рационализаторских предложений в области проектирования компьютерных сетей. Отметим, что тем самым итоговые технологические стандарты де-факто становились общественным достоянием. Открытое обсуждение сообществом разработчиков стало естественным основанием открытости стандартов, недопустимости проприетарного подхода к ним. Именно здесь следует искать истоки распространенности в информационной среде интернета альтернативных концепций интеллектуальной собственности, развитие которых сегодня становится одной из наиболее заметных проблем мировой политики.

На базе таких заочных дискуссионных групп, имевших сетевую структуру, возникло первое институционализированное сообщество разработчиков компьютерных сетей – Сетевая рабочая группа ARPANET, – которое затем эволюционировало в Рабочую группу интернета³. В 1983 г. Винтоном Серфом, руководившим программой развития межсетевого взаимодействия в DARPA, были созданы так называемые целевые группы (Task Forces), среди которых выделялась Целевая группа по конструированию интернета – Internet Engineering Task Force (IETF). В силу того что данная группа, равно как и другие целевые группы, не была закрытой организацией, а представляла и представляет собой некое подобие вышеупомянутой Сетевой рабочей группы ARPANET, то есть имеет формат открытого дискуссионного сообщества.

Более того, IETF взяла на вооружение используемую этим своим предшественником модель обсуждения технологических вопросов на основе документов RFC. На заседаниях IETF постоянно присутствовало огромное количество специалистов, интересующихся различными аспектами межсетевого взаимодействия. Таким образом, одновременно с глобализацией компьютерных сетей общего пользования регулирование таких сетей перестало быть прерогативой иерархических структур, созданных под эгидой DARPA, и перешло в руки сообщества производителей, промышленных и деловых кругов.

В то же время начали возникать и другие неформальные объединения, деятельность которых сводилась к контролю за развитием технологий. Обретение широкой популярности технологиями

всемирной паутины, а также «браузерные войны», осложнявшие работу веб-мастеров и дизайнеров сайтов, подтолкнули разработчиков веб-проектов объединиться в сообщество, получившее название WaSP и ставившее своей целью поддержку специализированной международной организации, разрабатывающей веб-стандарты – Консорциума Всемирной паутины. Участники WaSP провели рекламную кампанию на крупных сайтах, владельцами которых являлись. Кроме того, они выступали на дискуссионных площадках Всемирной паутины со злой критикой проектов, не придерживавшихся предлагаемых стандартов. Также они вели переговоры с производителями программного обеспечения для Всемирной паутины. В итоге уже в 2000 г. четвертая версия браузера Opera, а вслед за ней и пятая версия браузера Internet Explorer соответствовали стандартам Консорциума. А в 2001 г. в соответствии с этими стандартами была приведена и наиболее популярная в то время программа для создания веб-сайтов Macromedia Dreamweaver⁴. Возможно, уход с рынка компании Netscape был частично обусловлен и ее отказом поддерживать эти стандарты.

Ретроспективный взгляд на развитие сообществ разработчиков интернет-проектов дает нам основание сделать вывод, что из актуальных проблем мировой политики наиболее естественными областями их интересов являются проблемы управления интернетом (конкретно – технологические аспекты его развития) и политика в сфере охраны интеллектуальной собственности. В политическом дискурсе управления интернетом на сегодняшний день чаще других упоминается некоммерческая организация ICANN. Действительно, по соглашению с министерством торговли США ей делегированы полномочия по обеспечению бесперебойной работы интернета путем осуществления функций, в совокупности известных как IANA (администрация адресного пространства интернета). В эти функции входят координация работ по выработке технических параметров протоколов; административные функции по управлению корнем системы доменных имен; распределение блоков айпи-адресов. Перечень функций IANA не является закрытым. Министерством торговли США в него могут быть включены прочие функции⁵.

Перечень функций, выполняемых ICANN, далеко не полностью охватывает возможные виды деятельности, которые можно охарактеризовать как управление интернетом. Кроме того, даже переданные ICANN функции она не всегда в силах выполнять самостоятельно. В частности, роль ICANN в координации работ по выработке технических параметров протоколов весьма условна. На деле эту координацию осуществляет сообщество разработчиков – IETF. Согласно официальному документу IETF, RFC4677, IETF представляет собой свободно организованную группу добровольцев, то есть сообщество разработчиков интернет-проектов. Строго говоря, у IETF нет организационного статуса. Это в некотором смысле неформальное общественное объединение⁶.

■ Мировая политика

Работа IETF организуется в формате рабочих групп, по сути представляющих собой заочные дискуссионные площадки (технически оформленные как списки электронной рассылки). Принять участие в работе группы может любой желающий из любой страны мира. Все, что для этого нужно, – подписаться на рассылку. Интересно, что принятие решений в рабочей группе осуществляется на основе консенсуса (точнее, при отсутствии принципиальных обоснованных возражений). Подавляющее большинство технических стандартов, общепринятых в современном интернете, утверждены IETF. По данным на 7 ноября 2012 г., IETF приняла 6785 стандартов⁷. Правда, не все из них технические: среди стандартов есть и регламент деятельности самой IETF, и даже кодифицированные нормы поведения в коммуникационной среде интернета. Разумеется, все эти стандарты не имеют юридического значения, однако их политическое значение нельзя недооценивать. Авторитет IETF в среде разработчиков интернет-проектов настолько велик, что мы можем утверждать: именно эта организация (или, точнее, это общественное объединение, сообщество) определяет ключевые черты технологической политики в сфере развития интернета, являясь одним из основных акторов международного управления интернетом.

С управлением интернетом и регулированием интернета связана деятельность еще одного международного сообщества разработчиков, которое могло бы претендовать на роль актора мировой политики – разрабатывающего проект Netsukuku. Вообще-то данный проект нельзя назвать интернет-проектом. Даже наоборот, основная идея его участников заключается в том, чтобы создать распределенную самоорганизующуюся одноранговую сеть, способную обеспечить повышенную отказоустойчивость, анонимность, невозможность цензуры и полную независимость от интернета. Иными словами, речь идет о создании альтернативы интернету. Но мы не можем исключить это сообщество из группы акторов мировой политики, рассматриваемых в данной статье, так как:

- во-первых, структурно оно представляет собой тот же тип актора – сетевое сообщество;
- во-вторых, участники этого сообщества – представители той же самой профессиональной группы, что и участники сообществ разработчиков интернет-проектов;

- в-третьих, его деятельность направлена на решение тех же проблем мировой политики, с которыми связана деятельность сообществ разработчиков интернет-проектов – управление интернетом и развитие альтернативных концепций интеллектуальной собственности. Разница состоит лишь в том, что в данном случае мы имеем дело с попыткой радикального решения данных проблем путем полного отказа от интернета.

Современная электронная цифровая среда, основанная на сетевой модели «клиент-сервер», априори способствует формированию двухклассового информационного общества. Провайдеры и абоненты имеют принципиально различный

уровень возможностей управления информационными потоками, что в условиях информационного общества существенным образом влияет на их положение во властной иерархии. Именно поэтому сообщество Netsukuku стремится создать новую физическую сеть, а не надстройку над интернетом. Альтернатива интернету в форме Netsukuku – сети, в которую принимают любое устройство без регистрации и платы за соединение, – по замыслу сообщества «может быть использована для того, чтобы построить толерантную, анонимную Всемирную сеть без всякой цензуры»⁸.

Цензурой современные анархисты называют и ограничения на распространение сообщений, накладываемые обладателями исключительных прав на содержание данных сообщений. Анонимизацией доступа в сеть разработчики Netsukuku стремятся решить проблему преследования нарушителей прав интеллектуальной собственности. А одноранговость сети должна снять вопросы, касающиеся управления ею. Принципиальная характеристика Netsukuku, согласно базовому описанию этой сети, – «полное распределенное самоуправление. Сеть динамически конфигурирует сама себя без всякого внешнего вмешательства, без какой-либо централизации и авторизации... Такая децентрализация и распространение Netsukuku делают ее практически неконтролируемой»⁹.

Однако Netsukuku, даже в случае ее успешной реализации, не способна решить одну проблему, актуальную для современного политического дискурса управления интернетом. На встрече участников Форума по управлению интернетом в Баку 5 ноября 2012 г., предварявшей основное заседание Форума, эта проблема была названа «приватизацией цензуры»¹⁰. Суть ее в том, что крупнейшие информационные ресурсы современного интернета создают глобальный олигополистический рынок информационных продуктов и услуг, независимый от государств. И сложилось так, что задачу контроля за интернет-коммуникациями, которую ставили перед собой многие государства и не могли решить в силу технических особенностей этой сети, вполне могут решить частные владельцы наиболее популярных сайтов.

Марку Цукербергу приписывается идея создать «интернет в интернете», то есть объединить в одном сервисе все то, для чего люди обращаются к интернету. На созданном им веб-сайте Facebook пока эта идея воплощена не полностью. Пользователи этого сайта смотрят видеозаписи на сайте YouTube, ведут микроблог на сайте Twitter, слушают музыку на сайте LastFM и т.п. Гораздо дальше в этом направлении продвинулся русскоязычный аналог Facebook – веб-сайт «ВКонтакте». Его разработчики последовательно создают функционал, способствующий тому, чтобы у пользователей не возникало потребности обращаться за какими-либо информационными продуктами и услугами за пределы данного веб-сайта, и тем самым создают «интернет в интернете». Только этот «новый интернет», в отличие от «старого», является централизован-

ным и дает возможность цензуры и других форм контроля информационных потоков.

Технические методы контроля коммуникаций в интернете не приносят результатов, но в этой ситуации результативными оказываются методы гуманитарные: методы привлечения внимания, формирования потребностей и т.д. В результате пользователи сами отказываются от огромного количества небольших веб-сайтов в пользу одного или нескольких. Ведь даже если за пределами русскоязычного информационного пространства Всемирной паутины такого единоличного лидера как «ВКонтакте» пока нет, налицо та же тенденция: падение популярности небольших веб-сайтов и предельная концентрация пользовательского интереса на небольшой группе крупнейших проектов. Пользователи интернета сами, отказываясь от альтернативных источников информации, создают опасность «приватизации цензуры», давая владельцам крупнейших веб-сайтов ключи от управления всеми онлайн-коммуникационными потоками, отсутствующими у государств.

Эту проблему Netsukuku решить не сможет. В условиях существующих тенденций рынка информационных продуктов и услуг весьма вероятным представляется формирование в технологически одноранговой сети новой элиты – «нетократии»¹¹, даже если пользователи будут подключаться к сети информационного обмена в обход коммерческих операторов связи и так или иначе контролирующихся их государств. Эта элита будет определять правила информационного обмена и станет правящим классом информационного общества. В этом случае произойдет лишь перераспределение власти в информационном обществе от технократов к гуманитариям. Анархическая утопия Netsukuku представляется недостижимым идеалом. Так или иначе, на сегодняшний день сообщество разработчиков проекта Netsukuku не обладает сколько-нибудь значимым политическим потенциалом в силу крайне малого уровня интереса общественности к данному проекту. Между тем существуют другие международные проекты той же направленности, к которым интерес общественности гораздо выше, что позволяет говорить и об их политическом значении. А координируются эти проекты также неформальными сообществами разработчиков.

В первую очередь среди таких проектов следует выделить TOR. Сообщество, разрабатывающее его, объединено вокруг некоммерческой организации The Tor Project, зарегистрированной в США. Сам проект представляет собой программное обеспечение, позволяющее устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания, и рассматривается как надстройка над интернетом, предоставляющая возможность анонимной передачи данных в зашифрованном виде. Политические проблемы, которые стремится решить своим проектом сообщество разработчиков TOR, в целом идентичны проблемам, на решение которых направлена деятельность разработчиков проекта Netsukuku. Технология TOR также обеспечивает защиту от механизмов анализа трафика, которые

позволяют осуществлять контроль над содержанием коммуникации и тем самым регулировать использование интернета путем установки фильтров. Поддержку проекта осуществляет известная правозащитная организация «Фонд электронного фронта»¹².

TOR может использоваться частными лицами для защиты неприкосновенности частной жизни и получения доступа к информации, заблокированной интернет-цензурой. Так называемые общественные (гражданские) журналисты могут использовать TOR для создания веб-сайтов и электронных СМИ без раскрытия информации о реальном местоположении серверов, обслуживающих такие информационные ресурсы. Обычные журналисты используют TOR для безопасного общения с информаторами¹³. Ряд общественных организаций рекомендуют TOR своим членам для обеспечения безопасности (например, для доступа к нужным сайтам в тех странах, где попытка такого доступа может повлечь за собой преследование)¹⁴. Таким образом, основной целью данного интернет-проекта является решение политических проблем. Для этого сообщество разработчиков не только создает технологическую базу, но и оказывает информационные услуги. Известно, что использование TOR как шлюза на пути к интернету позволяет защитить права пользователей из стран с интернет-цензурой лишь во время, поскольку шлюз без каких-либо проблем может быть обнаружен государством, и доступ к нему может быть заблокирован. В этом случае сообщество разработчиков рекомендует пользователям настроить у себя сетевой мост TOR, решающий проблему доступа, и для поддержки этого решения публикует на официальном сайте проекта актуальный список сетевых мостов¹⁵.

На случай, если государство блокирует доступ к официальному сайту TOR, сообщество предлагает альтернативные способы получения информации: официальную рассылку и специальный плагин для системы ведения блогов WordPress, позволяющий постоянно генерировать картинку CAPTCHA с адресами мостов¹⁶. Политическое значение проекта TOR подтверждается вниманием, которое ему уделяют правительства различных государств мира. В 2006–2007 гг. немецкими силовыми ведомствами было осуществлено отключение семи серверов TOR (под предлогами борьбы с распространением детской порнографии и противодействия терроризму)¹⁷. В 2009 г. в черный список правительственного проекта КНР «Золотой щит» были включены 80% айпи-адресов публичных серверов TOR¹⁸. В 2012 г. единственный провайдер Эфиопии Ethio Telecom заблокировал доступ к сетям TOR¹⁹. В то же время проект TOR достаточно часто упоминается в новостных и аналитических сообщениях средств массовой информации в связи с темами противоправного контента и цензуры в интернете, что свидетельствует об интересе к проекту и признании его важности как со стороны акторов, стремящихся к регулированию международного

■ Мировая политика

информационного обмена, так и со стороны их противников в этом вопросе.

Серьезное политическое значение приобрел и еще один интернет-проект, разрабатываемый неформальным сообществом, – проект анонимной одноранговой сети FreeNet. FreeNet предназначен для децентрализованного распределенного хранения данных без возможности их цензуры. Он работает на основе объединения в общий фонд предоставленного участниками сети канала доступа в интернет и дискового пространства их компьютеров для публикации или получения информации. Иными словами, FreeNet использует облачную технологию хранения данных, благодаря которой ни один файл, загруженный в эту сеть, не хранится целиком на каком-либо конкретном носителе. Он собирается по запросу пользователя, желающего получить к нему доступ, по кусочкам, хранящимся на разных компьютерах, подключенных к этой сети, и в целом виде возникает только на компьютере потребителя²⁰.

Наиболее естественной сферой применения этого проекта кажется борьба против международной защиты интеллектуальной собственности (прежде всего – авторского права и смежных прав). И в этих целях FreeNet действительно применяется. Однако наиболее известный пример его применения в политических целях связан с информацией, ограничение распространения которой обусловлено не охраной интеллектуальной собственности, а охраной государственной и служебной тайны. Технология FreeNet приобрела широкую известность в связи с попытками использовать ее в качестве инструмента решения проблем хостинга, возникших в 2010 г. у международного социального сетевого проекта WikiLeaks²¹.

WikiLeaks коренным образом отличается от всех упомянутых выше проектов. Сообщество, разрабатывающее его, создает не техническую форму, а общественно значимое содержание. Этим политические характеристики проекта приближаются к характеристикам веб-сайтов Facebook, Twitter и тому подобных проектов, вокруг которых сегодня также формируются сообщества, имеющие признаки акторов мировой политики. В то же время если этим и другим крупным веб-проектам эпохи «веб 2.0» политическое значение придали их пользователи, то в случае с WikiLeaks политические цели перед собой ставят именно разработчики. И эти разработчики представляют собой не коммерческую компанию или основанную на членстве организацию, а открытое сообщество, к которому может присоединиться каждый. В то же время и технически функционирование WikiLeaks сегодня обуславливается поддержкой множества независимых энтузиастов по всему миру, обеспечивающих доступ к информационным материалам, распространяемым в рамках проекта.

Как известно, цель этого проекта – неотслеживаемая публикация и анализ документов, ставших доступными вследствие утечки информации. Сообщество, разрабатывающее WikiLeaks, форми-

руется вокруг международной некоммерческой организации The Sunshine Press и включает в себя не только ее членов. Анонимным источником информации может стать любой, кто ею располагает²². Энтузиасты переводят также тексты документов с английского языка на другие языки мира и публикуют их на других информационных площадках. Таким образом, широкое сообщество разработчиков данного проекта не ограничивается в своей деятельности рамками одного веб-сайта.

Политическое значение WikiLeaks и разрабатывающего его сообщества несомненно. 5 апреля 2010 г. представители сообщества разработчиков WikiLeaks открыли общий доступ к видеозаписям авиаобстрела Багдада 12 июля 2007 г., совершенного американскими ВВС, в результате которого погибли не менее 12 человек, в том числе два репортера агентства Рейтер, женщины и дети, а также очевидно безоружные люди, пытавшиеся эвакуировать раненого. После этого выяснилось, что данные записи отсутствуют в армейском архиве. При этом агентству Рейтер не удалось получить доступ к записям камер вертолетов, несмотря на то, что такое право предоставлено ему американским законодательством²³. 26 июля 2010 г. администрация Соединенных Штатов Америки заявила, что утечка в СМИ тысяч файлов с секретной военной информацией, осуществленная данным сообществом, может представлять угрозу для безопасности страны²⁴.

Наиболее резонансной «секретной военной информацией» оказалась при этом информация о гибели в Афганистане мирных жителей в результате действий войск НАТО. 22 октября 2010 г. сайт опубликовал 391832 секретных военных отчета, посвященных войне в Ираке²⁵. А 28 ноября того же года WikiLeaks публикует дипломатическую переписку, обнародование которой, по заявлению администрации США, нанесло ущерб их внешней политике. По мнению же эксперта из СПбГУ Н.А. Цветковой, обнародование указанных документов сделало современную дипломатию более открытой для публики, родило так называемую «дипломатию реального времени»²⁶. Публикации WikiLeaks оказали влияние и на волнения в Тунисе и таким образом послужили толчком к «арабской весне»²⁷.

Политическую и техническую поддержку сообществу разработчиков WikiLeaks оказывает Пиратская партия Швеции²⁸. Борьба с проектом велась под предлогами, не имеющими отношения к его политической деятельности. Лидер сообщества Джулиан Ассанж был объявлен в международный розыск по обвинению в изнасиловании²⁹. Дом владельца немецкого домена WikiLeaks.de Теодора Реппе был подвергнут обыску под предлогом хранения порнографии, но при этом, по словам Реппе, следователи требовали выдачи паролей к управлению сайтом WikiLeaks³⁰. После публикации дипломатической переписки услуги хостинга сайту WikiLeaks перестал предоставлять коммерческий хостинг-провайдер Amazon³¹. Учетная запись WikiLeaks была заморожена в системе электронных

платежей PayPal. Впоследствии были заблокированы переводы через системы Visa и MasterCard³².

Таким образом, деятельности сообщества препятствуют не только государства, но и коммерческие организации информационно-технологической отрасли, которые, судя по всему, в данном случае не являются самостоятельными участниками мирового политического процесса, а выступают в качестве инструментов политической борьбы, находящихся в руках государств (прежде всего, Соединенных Штатов Америки). Действия противников WikiLeaks привели к тому, что развитие проекта на некоторое время было приостановлено по причине проблем с финансированием³³. Однако общественная поддержка, оказываемая проекту во всем мире, позволила возобновить его работу.

Технические средства борьбы с WikiLeaks и другими подобными проектами, разрабатываемыми неформальными сообществами, приносят лишь временный эффект. Каналы доступа к информации, серверы-зеркала основного веб-сайта, а также пространство для хранения фрагментов файлов предоставляются широким, потенциально неограниченным кругом участников, и их состав постоянно меняется. Передаваемая информация зашифрована и отследить прохождение по линиям связи всех сообщений становится невозможно. В этих условиях традиционным акторам мировой политики остается пользоваться политическими и экономическими рычагами, которые у них, безусловно, есть. Однако сетевой, распределенный характер сообществ разработчиков лишает такие рычаги точки опоры. Даже нейтрализация лидеров сообществ не приведет к гибели их идей и средств реализации этих идей. В этих условиях сообщества разработчиков интернет-проектов могут рассматриваться как акторы мировой политики, обладающие существенным потенциалом как в электронной цифровой среде, так и в информационном обществе в целом, – разумеется, при условии политической направленности этих проектов.

Политическая направленность подобных проектов, как мы выяснили, является весьма закономерной. Генезис и эволюция международных распределенных сообществ разработчиков детерминируют наличие у них определенных политических интересов. Прежде всего, эти интересы проявляются у них в вопросах управления интернетом и международной охраны интеллектуальной собственности. Не менее типичной при этом становится и вовлеченность таких сообществ в решение проблем, связанных с анонимностью онлайн-коммуникаций, тайной переписки в широком смысле, а также личной и семейной тайной в целом. Эти, казалось бы, частные вопросы в условиях глобализации и информатизации давно уже рассматриваются как проблемы мировой политики.

Значение многих сообществ пока недооценивается государственными акторами. Именно этим, вероятно, обусловлены нападки России, КНР и Ирана, выступающих за полную передачу управления интернетом международному сообществу,

на ICANN, воспринимаемую этими государствами как организацию, управляющую интернетом в интересах Соединенных Штатов Америки. Все желающие жители любых стран мира могут принимать активное участие в деятельности IETF, представляющей собой открытое сообщество разработчиков интернет-стандартов. И каждый может в ходе этой деятельности оказывать влияние на развитие технологической платформы интернета. И делать это таким образом, чтобы аспекты управления интернетом, входящие в компетенцию ICANN (прежде всего, маршрутизация на корневых серверах системы доменных имен, а также распределение блоков айпи-адресов и обслуживание доменных зон верхнего уровня), не имели бы такого стратегического значения, которое у них есть сейчас.

Кроме того, если кого-то не устраивает сложившаяся модель управления интернетом, можно оказать политическую поддержку альтернативным технологическим решениям, наподобие Netsukuku. На сегодняшний день это – маргинальный проект, но менее радикальные технологические идеи, разрабатываемые независимыми сообществами и имеющие практические примеры использования в политических целях (такие, как TOR или FreeNet, применяемые в ходе развития яркого политического сетевого ресурса WikiLeaks), позволяют сделать вывод об их политическом настоящем: они уже сегодня становятся акторами мировой политики. Такие акторы слабо связаны с государственными структурами: нет ни институциональных структур, обеспечивающих такую связь, ни интереса к взаимодействию. Слабо данные акторы связаны и с другими негосударственными акторами. Они могут пользоваться наработками друг друга (как отдельные представители сообщества, развивающего WikiLeaks, пользуются наработками проектов TOR и FreeNet), могут пользоваться поддержкой правозащитных организаций и политических партий, но могут обходиться и собственными силами. Их основной ресурс – это энтузиазм разработчиков, их географическая распределенность, сетевой характер взаимодействия и возможность мобилизовать большое количество сочувствующих. В этих условиях они становятся устойчивыми и к политическому, и к экономическому, и к финансовому давлению.

Shirin S.S. Associations of Internet Developers.

Summary: The results of research of participation of international networked associations of internet developers in world political process are presented in the article. The main cases are associations that develop technical standards for the internet or promote such standards (IETF and WaSP), associations that develop countermeasures against the political control of internet communications (Netsukuku, TOR and FreeNet), and an association that develop one of the most remarkable political online projects WikiLeaks.

Ключевые слова

IETF, Netsukuku, Tor, FreeNet, Wikileaks, управление интернетом, интеллектуальная собственность, анонимные сети.

Keywords

IETF, Netsukuku, Tor, FreeNet, Wikileaks, Internet governance, intellectual property, anonymous networks.

Примечания

1. Shirin S. The Role of International Sci-Tech Cooperation in the Global Distribution of Public Computer Networks // Trends, Prospects & Challenges of Globalization. / Ed. by H. Sadri and D. Katsy. St. Petersburg University Press, 2009. P. 100.
2. Bradner S.O. RFC 2026: The Internet Standards Process — Revision 3 // Internet Engineering Task Force, 1996. URL: <http://tools.ietf.org/html/bcp9>
3. Hauben M., Hauben R. Netizens: On the History and Impact of Usenet and the Internet. Los Alamitos: IEEE Computer Society, 1995. P. 96-115.
4. Francis M.N. The History of the Internet and the Web, and the Evolution of Web Standards // DEV. OPERA, 2008. URL: <http://dev.opera.com/articles/view/2-the-history-of-the-internet-and-the-w/>
5. ICANN/U.S. Government Contract for the IANA Functions (effective 1 October 2012) // ICANN, 2012. URL: <http://www.icann.org/en/about/agreements/iana/contract-01oct12-en.pdf>
6. Hoffman P., Harris S. RFC 4677: The Tao of IETF: A Novice's Guide to the Internet Engineering Task Force // Internet Engineering Task Force. 2006. URL: <http://www.ietf.org/rfc/rfc4677.txt>
7. STD Index // Internet Engineering Task Force. 07.11.2012. URL: <http://www.ietf.org/rfc/std-index.txt>
8. Netsukuku: Close the world, txEn eht nepO // Netsukuku Community. 2009. P. 1. URL: http://netsukuku.freaknet.org/doc/main_doc/netsukuku.pdf
9. Ibid. P. 2-3.
10. Pre-Events // Internet Governance Forum. 2012. URL: <http://www.intgovforum.org/cms/component/content/article/114-preparatory-process/1218-pre-events#index%20on%20censorship>
11. Bard A., Söderqvist J. Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism. London, 2002.
12. Tor: Overview // The Tor Project. 2010. URL: <https://www.torproject.org/about/overview.html.en>
13. Lenta.Ru: Пресс-конференции: Тури Мунте // Lenta.Ru. 2009. URL: <http://lenta.ru/conf/munthe/>
14. The Legal FAQ for Tor Relay Operators // Electronic Frontier Foundation. 2011. URL: <https://www.eff.org/pages/legal-faq-tor-relay-operators>
15. Bridge Relays // The Tor Project. 2010. URL: <https://bridges.torproject.org>
16. ObfuscaTOR // WordPress.org Plugin Directory. 2009. URL: <http://wordpress.org/extend/plugins/obfuscator/>
17. Jardin X. TOR: German police are *not* cracking down on Tor // Boing Boing. 2006. URL: <http://boingboing.net/2006/09/11/tor-german-police-ar.html>; Paul R. Tor node operator after run-in with police: "I can't do this any more" // Ars Technica. 2007. URL: <http://arstechnica.com/tech-policy/2007/09/tor-node-operator-after-run-in-with-police-i-cant-do-this-any-more/>
18. Phobos. Tor partially blocked in China // The Tor Project. 2009. URL: <https://blog.torproject.org/blog/tor-partially-blocked-china>
19. Government steps up control of news and information // Reporters Without Borders. 2012. URL: <http://en.rsf.org/ethiopia-government-steps-up-control-of-07-06-2012,42735.html>
20. What is Freenet? // The Freenet Project. 2006. URL: <https://freenetproject.org/whatis.html>
21. 7th December 2010 - Wikileaks and Freenet // The Freenet Project. 2010. URL: <https://freenetproject.org/news.html>
22. Wikileaks: About // WikiLeaks. 2008. URL: <http://www.wikileaks.org/wiki/WikiLeaks:About>
23. McGreal C. Wikileaks reveals video showing US air crew shooting down Iraqi civilians // The Guardian. 5.04.2010. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/apr/05/wikileaks-us-army-iraq-attack>
24. Утечка секретных документов "угрожает безопасности США" // BBC Russian. 26.07.2010. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/07/100721_us_wikileaks.shtml
25. Iraq War Logs Military Leaks // The Guardian. 22.10.2010. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/oct/22/iraq-war-logs-military-leaks?lang=en>
26. Tsvetkova N. Leaks and Live Diplomacy: Why WikiLeaks Contributes to both U.S. and Global Diplomacy? // WordPress. 2011. URL: <http://nataliatsvetkova.wordpress.com/2011/06/14/leaks-and-live-diplomacy-why-wikileaks-contributes-to-both-u-s-and-global-diplomacy-2/>
27. Dickinson E. The First WikiLeaks Revolution? // Foreign Policy. 2011. URL: http://wikileaks.foreignpolicy.com/posts/2011/01/13/wikileaks_and_the_tunisia_protests
28. Swedish Pirate Party to Host New WikiLeaks Servers // Piratpartiet Presscenter. 2010. URL: <http://press.piratpartiet.se/2010/08/17/swedish-pirate-party-to-host-new-wikileaks-servers/>
29. Sweden Authorizes INTERPOL to Make Public Red Notice for WikiLeaks Founder // INTERPOL. 2010. URL: <http://www.interpol.int/News-and-media/News-media-releases/2010/PR101>
30. Bracht T. Wikileaks-Aktivist: "Es läuft auch ohne Assange weiter" // Stuttgarter Zeitung. 4.01.2011. URL: http://content.stuttgarter-zeitung.de/stz/page/2765484_0_3220_-wikileaks-aktivist-es-laeuft-auch-ohne-assange-weiter.html
31. MacAskill E. WikiLeaks website pulled by Amazon after US political pressure // The Guardian. 2.12.2010. URL: <http://www.guardian.co.uk/media/2010/dec/01/wikileaks-website-cables-servers-amazon>
32. Хакеры мстят за Wikileaks, атакуя Mastercard и Visa // BBC Russian. 9.12.2010. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/12/101208_mastercard_cyber_attack.shtml
33. WikiLeaks прекратил публикацию секретных данных // РБК. 24.10.2011. URL: <http://top.rbc.ru/politics/24/10/2011/621836.shtml>

Сообщества пользователей интернет-проектов

Р.В. Болгов

В статье рассмотрен вопрос о мирополитической акторности интернет-сообществ и отдельных пользователей социальных интернет-сервисов. Показано, что они начинают приобретать политическое влияние, а технологии Web 2.0 имеют все большее политическое значение. Проанализированы проекты интеграции социальных интернет-сервисов во взаимодействие государственных информационных систем с гражданами, НПО и бизнесом. Выявлены основные достоинства и ограничения использования социальных интернет-сервисов в политике, а также рассмотрен опыт их использования в государственных ведомствах ряда стран. Введены в научный оборот документы, регламентирующие использование социальных сетей во взаимодействии власти с гражданами и бизнесом.

Сегодня вопрос об акторности интернет-сообществ вызывает значительный научный интерес, оставаясь при этом достаточно спорным. Безусловно, сами социальные интернет-сервисы (Facebook, Twitter, Youtube и др.) являются не акторами, а скорее инструментами обеспечения интересов как традиционных участников мировой политики (государства, ТНК, НПО), так и новых, нарождающихся политических акторов (сообщества граждан-пользователей Интернета). Компании, которые управляют социальными интернет-сервисами (в частности, Facebook), также нередко становятся глобальными, приобретая статус ТНК. Интересы всех этих акторов лежат в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах. В данном случае стоит подробнее остановиться именно на политических интересах и новых инструментах для их достижения.

Если рассматривать пример «арабских революций», то вопрос о мирополитической акторности интернет-сообществ рано или поздно сведется к вопросу о том, стояли ли за этими сообществами иностранные силы или это были независимые внутриполитические процессы в арабских странах. Доказательство любой из этих позиций требует отдельного серьезного исследования. Но политическое значение социальных интернет-сервисов (неважно, внутригосударственное или междуна-

родное) никем сегодня не оспаривается. Сегодня широкий спектр акторов, участвующих в политике, воспринял использование передовых технологий. Негосударственные акторы (в частности, бизнес, НПО, террористы, группы граждан), действия которых выходят за пределы территории конкретного национального государства, используют новые технологии для достижения тактических и стратегических целей.

Широкое распространение получили персональные страницы политических деятелей и целых ведомств в социальных сетях. С ростом создаваемого пользователями контента и технологий Web 2.0¹ участниками информационного пространства становятся не только государства, но и обычные люди (журналисты, общественные активисты и даже солдаты), которые размещают в Интернете в режиме общего доступа фотографии, видеозаписи, свои впечатления и комментарии. Бизнес также показывает в этой сфере определенную эффективность. Бум краудсорсинговых проектов² начался в середине 2000-х гг. именно с того, что коммерческие компании решили экономить за счет бесплатного использования «коллективного ума» интернет-пользователей, а не нанимать дорогостоящих экспертов по разработке новых идей для бизнеса. Затем опытом бизнеса заинтересовались власти государств, поняв, что краудсорсинг может быть использован и в сфере оказания государственных услуг.

Болгов Радомир Викторович – к.полит.н., старший преподаватель кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: rbolgov@yandex.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

■ Мировая политика

Применимость законов бизнеса в отношении государства, о которой говорят авторы новых концепций, далеко не всегда оправдана. Проводить аналогии между двумя существенно различными сферами (бизнес и управление государством) довольно рискованно. Но чтобы справиться с задачами исследования, стоит рассмотреть аргументы сторонников такой аналогии и аккуратно использовать ее. Эта аналогия заключается в следующем:

- в коммерческой, в некоммерческой сфере и в сфере управления государством инновации все чаще исходят от малых проектов на низовом уровне управления. Это может быть применимо и к Google, и к различным ведомствам;

- обычные пользователи могут рассматриваться в качестве разработчиков, которые способны выступить с новым продуктом или поднять его конкурентоспособность, а не только в качестве потребителей. На аккаунты в социальных сетях министерства социального развития Германии от обычных граждан поступает и рассматривается множество предложений по совершенствованию пенсионной системы;

- все большее значение имеют технологии, которые не требуют значительных затрат и которые вписываются в сетевые формы организации. Например, и для бизнеса, и для государства это свободное программное обеспечение (особенно в условиях финансово-экономического кризиса);

- в социальных интернет-сетях и в управлении наиболее успешной тактикой является то, что Дж. Аркуилла и Д. Ронфельд применительно к сфере конфликтов назвали тактикой «роя»³, дающей эффект за счет массированного использования малых действий. В качестве аналогии можно привести «слабую кооперацию» множества пользователей при формировании содержания Википедии или подобных ей ресурсов в сфере предоставления государственных услуг.

Выделяются следующие сферы применения краудсорсинга:

- выявление тенденций в настроениях общества, оценка качества услуг (в том числе государственных);

- вербовка новых сторонников (краудрекрутинг);

- сбор средств (краудфандинг);

- привлечение внимания общественности;

- разного рода координация.

Это создает для политических акторов возможности межведомственного взаимодействия, улучшения качества документов, создания позитивного имиджа, формирования банка идей, экономии средств и времени, организации обратной связи. Очевидно, что влияние пользователей интернет-проектов (как государств, так и негосударственных акторов) можно оценивать также с помощью технологий Web 2.0. Сюда относятся, в частности, как традиционные Web-инструменты оценки (анализ контента сайта, опросы пользователей, фокус-группы), так и новые технологии, та-

кие, как анализ трафика, посещений, транзакций, пользовательские инструменты (Google Analytics, Alexa.com), анализ мнений, эмоций в социальных интернет-сетях и т.д.

В рамках заявленной темы под интернет-сообществом мы будем понимать группу граждан, имеющих общие цели и интересы, использующих общие ресурсы Интернета (в частности, социальные интернет-сервисы) для организации взаимодействия на основе общего языка и правил общения.

Концепция cyber power

В 2010 г. Джозеф Най-младший выдвинул концепцию «cyber power» (киберсилы) в развитие своих концепций «soft power» (мягкой силы) и «smart power» (умной силы). Киберсила может использоваться акторами для достижения своих целей как внутри киберпространства (например, доменные имена, более высокое место в интернет-рейтингах или взлом персональных страниц противников в социальных интернет-сервисах), так и за его пределами, то есть имея в виду традиционные интересы (распространение политического влияния, извлечение экономической прибыли и т.д.). Най выделяет три варианта стратегий в киберпространстве, которые могут быть отнесены либо к мягкой, либо к жесткой силе:

- в первом случае один актор побуждает другого делать или не делать что-либо. В этом смысле арест ключевых блогеров, лидеров мнений в социальных интернет-сетях – это вариант жесткой силы, а вербовка новых участников с помощью Web 2.0 (как форма краудрекрутинга) – вариант мягкой силы;

- вторая стратегия – актор пытается контролировать других акторов либо ситуацию в киберпространстве в целом. Как пример жесткой силы – давление государств на интернет-компанию для препятствования распространению политических идей (как пример, скандал с Google в Китае в 2010 г.), а как пример мягкой силы – мониторинг социальных сетей для выявления политических настроений в обществе;

- в третьем случае один участник определяет предпочтения другого, то есть делает так, чтобы он не просто это сделал, но и чтобы он захотел это сделать. В жесткой форме это будет прямой подкуп ключевых блогеров для распространения через них своих идей или формирование собственного положительного образа (примером можно назвать объявленный Хилари Клинтон в 2011 г. проект по финансовой поддержке блогеров, пишущих на политические темы⁵; в мягкой форме – проведение конференций, стажировок для самых активных интернет-пользователей в целях формирования их лояльности (в частности, такое мероприятие было организовано в 2010 г. Госдепартаментом США для оппозиционных блогеров из Китая, России, Ирана, Кубы, Венесуэлы и т.д.)⁶.

В табл. 1 показано соотношение между виртуальным и физическим измерением киберсилы.

Таблица 1
Физическое и виртуальное измерение киберсилы

Цели киберсилы		
	Внутри киберпространства	За пределами киберпространства
Инструменты информационного воздействия	Жесткие: кибератаки Мягкие: установление норм и стандартов	Жесткие: атаки на системы управления Мягкие: кампании в рамках публичной дипломатии для оказания воздействия на общественное мнение
Инструменты физического воздействия	Жесткие: контроль государства над интернет-компаниями Мягкие: инфраструктура для поддержки активистов по защите прав человека	Жесткие: выведение из строя линий коммуникаций Мягкие: протестные акции против кибер-провайдеров

Источник: Nye J.S. Jr. *Cyber Power*. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Relations, May 2010. P. 5.

Дж. Най подчеркивает, что даже в условиях бума социальных интернет-сервисов государство остается наиболее сильным актором. Однако добавим, что сегодня на арену выходят такие участники, как: разработчики программного обеспечения для социальных интернет-сервисов; маркетинговые компании, анализирующие предпочтения и пожелания интернет-аудитории; фирмы, предоставляющие услуги по мониторингу социальных сетей, соответствующие образовательные и консалтинговые организации; структуры инновационной политики (бизнес-инкубаторы или венчурные фонды, в рамках которых развиваются интернет-проекты); организаторы социальных сетей; сообщества их пользователей (из новых участников стоит отметить блогеров, интернет-активистов, хакеров в социальных сетях, пиратские партии, кибертеррористов, киберпреступников и др.). Например, в 2009 г. во время беспорядков после президентских выборов в Иране движение Anonymous запустило проект Anonymous Iran в целях обхода цензуры на политическую информацию. Проект был реализован на платформе файлообменной сети Pirate Bay.

Взаимодействие государства, бизнеса и граждан с помощью технологий Web 2.0

В последние годы все более популярными становятся проекты интеграции социальных интернет-сервисов во взаимодействие государственных информационных систем с гражданами и бизнесом. Так, дипломат размещает на своей странице в социальной сети опрос, граждане на него отвечают, ответы поступают в центр обработки данных, и там в режиме реального времени можно увидеть результаты опроса. Например, в Германии такие проекты реализованы на сайтах gov20.de, abgeordnetenwatch.de (здесь можно в публичной среде задать вопрос депутатам парламента, узнать о дополнительных доходах депутатов) и др.⁷. Пользователь к ответу на вопрос может приложить текстовый файл, рисунок, место на карте, ссылку на эксперта. На ряде платформ (в частности, в Германии – Profi⁸,

direktzu⁹) есть возможность сформировать помимо опросов также публичную экспертизу документов, организовать совещание под руководством модератора или провести «мозговую штурм». Дипломат, действуя в социальной сети как неофициальное лицо, может подсказать гражданам, как действовать в той или иной ситуации, чтобы граждане не теряли времени, пока чиновник соблюдает все регламенты. В то же время он (и государство в его лице) получает обратную связь с гражданами. Однако проблемой можно назвать то, что реализация обратной связи не всегда приводит к результату. Дипломат не обязан и не может дать гарантии, что будет отвечать всем гражданам на вопросы в социальной сети. Граждане в свою очередь ждут от него в качестве ответа официальный документ, а не пост в личном блоге.

Интерес к таким проектам уже проявил не только МИД, но и ряд других ведомств Германии. Министерство внутренних дел в 2010 г. запустило проект Online-Konsultation¹⁰. Ежедневно от обычных граждан поступают и рассматриваются множество предложений по совершенствованию деятельности ведомства. Однако такой проект «Задай вопрос канцлеру» (Direkt zur Kanzlerin) оказался невостребованным, т.к. там имелся многоступенчатый отбор вопросов¹¹. Министерство труда и социального развития в 2008 г. приняло программу «Обновляя социальную политику с помощью ИТ, свободных от барьеров» (Novellierung der BITV): включение вакансий в социальных сетях в базу данных вакансий министерства¹². Также был заявлен проект Mein Amt, где пользователи оценивают деятельность ведомства, и на основе этих оценок составляется рейтинг ведомств¹³. В то же время в Германии появляются специальные социальные сети для общественного контроля над фирмами-загрязнителями окружающей среды (eANV), продуктами питания (IT Food Trace), парковкой автомобилей чиновников, госзакупками¹⁴. Подобные проекты уже сегодня влияют на политику. Так, пользователями одной из таких социальных сетей в 2011 г. были обнаружены некорректные заимствования в диссертации министра обороны Германии К.-Т. цу Гуттенберга, подавшего после скандала в отставку¹⁵.

Проект Vision-D предусматривает создание портала, где студенты (в том числе иностранные) оценивают свои вузы, и на основе этих оценок создается рейтинг университетов¹⁶. Сегодня стал популярным формат баркемпов (Barcamp). Баркемп – это так называемая «электронная неконференция», международная сеть конференций, проводимая самими участниками. Здесь происходит онлайн-обсуждение между участниками, делается презентация, нет заранее установленного плана или выбранного всеми одного языка. Чтобы туда вступить, не нужно специального приглашения.

Такие проекты могут иметь внутренний либо внешний характер. Примерами внутреннего краудсорсинга можно назвать канадские интернет-сервисы GCPedia (каждый чиновник может добавить или редактировать статью на какую-либо тему в сфере государственных услуг, высказывать идеи

как оптимизировать деятельность ведомства или улучшить межведомственное взаимодействие), GSConnex (напоминает Twitter для госслужащих). Внешний краудсорсинг – проекты взаимодействия государства с бизнесом и гражданами. Они могут исходить либо сверху (государство создает интернет-платформы, где граждане обсуждают государство и дают ему советы), либо снизу (платформы создаются самими гражданами либо другими негосударственными акторами – бизнесом, НПО и др.). Это могут быть сообщества протестующих против войны, коррупции, диктаторских режимов, нарушений прав человека, злоупотреблений бизнеса и чиновников властью. Также это группы граждан, выступающих за улучшение коммунальных и государственных услуг, комментаторы бюджета. Так, в Кельне мнение интернет-сообществ граждан учитывается при формировании бюджета города. Инициативы граждан на локальном уровне по обсуждению коммунальных проблем реализованы на сайте Sanpablog (квартал Сан-Паоло в Турине)¹⁷, в Порту-Алегри (Бразилия)¹⁸ и других городах. Вопросы благоустройства становятся уже предметом краудфандинговых проектов. Это, в частности, Spacelhive (Великобритания) – проект сбора средств пользователей социальных интернет-сервисов для создания стоек, парковых скамеек и т.д.

Стоит отметить, что краудсорсинговые проекты по контролю граждан за государством могут быть низкотехнологичными и обходиться вообще без использования Интернета. Например, это проект MKSS (Раджастан, Индия), где данные о госрасходах расклеиваются на стенах домов, чтобы каждый житель мог прокомментировать, кто из чиновников получает зарплату, хотя на самом деле умер; какие мосты были построены в никуда; какой необходим бюджет и т.д.

Но инициатива исходит не только от граждан, но и от НПО. В качестве примера можно привести интернет-проект People&Participation Online. Он реализован совместно неправительственной организацией Involve и фирмой Headshift¹⁹. Из этого примера видно, что разные акторы (в данном случае бизнес и НПО) начинают объединять усилия в социальных интернет-сервисах. Причина – неспособность в одиночку обеспечить социально-политическую мобилизацию граждан. Другой пример консолидации инициатив Web 2.0 – совместная деятельность сообществ Infotoolkit (управление коммуникациями сообщества) и ePart (мониторинг ответов властей на запросы граждан).

Другой пример инициативы НПО – Serious games. Это моделирование деятельности организации с помощью социальных интернет-сервисов. В частности, Международный комитет Красного Креста использует Twitter для моделирования своей работы при подготовке волонтеров. В подобных целях Amnesty International использует Facebook (проект Amnesty the game – инициатива против смертной казни в мире).

В Кении ряд НПО создал интернет-проект Ushahidi для оказания пострадавшим в беспорядках

после выборов 2008 г. В феврале 2012 г. музыкант Джон Бон Джови учредил премию для проектов масштабируемых приложений Web 2.0, направленных на помощь бездомным и госслужащим, работающим с бездомными.

Что касается России, то в апреле 2012 г. на совещании Правительства в Ново-Огареве В.В. Путин заявил, что «нужно шире применять возможности современной технологии общественной экспертизы, в рамках которой предложения и решения может предлагать каждый пользователь Интернета без каких-либо ограничений»²⁰. В августе 2012 г. была представлена Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан с использованием Интернета для рассмотрения в Правительстве РФ. В соответствии с концепцией, «все предложения, выраженные с использованием средств специализированного ресурса, поддерживаемые в течение одного года не менее 100 тыс. граждан, подлежат обязательному рассмотрению рабочей группой при Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства»²¹.

В других странах такой опыт уже есть. С 1 марта 2012 г. в Финляндии действует поправка в конституции, которая обязывает парламентариев в обязательном порядке рассматривать предложения граждан, набравшие 50 тыс. подписей. Однако с такого рода электронными петициями возникает ряд проблем:

- риск ущемления прав граждан, не владеющих Интернетом;
- необходимость экспертной оценки («фальсификации»);
- необходимость учета голосов против инициативы, но тогда появляется риск «затухнуть» инициативности: на 1 конструктивное предложение может приходиться 10 «подсадных» критиков;
- риск мошенничества с аккаунтами;
- риски для личной секретности.

Сегодня имеются проекты по интеграции проектов раскрытия государством, бизнесом и НПО собственных данных (OpenData) с технологиями Web 2.0. Они реализуются на платформах типа Facebook с возможностями комментировать раскрываемую информацию (законопроекты, данные о фирмах-загрязнителях воздуха, получателях средств от краудфандинга, пожертвованиях политическим партиям, доходах и расходах чиновников и т.д.). Открытые данные имеют обратную сторону: они могут быть использованы в интересах экстремистов, террористов, недобросовестного бизнеса и т.д. Так, в Индии раскрытие данных о недвижимости позволило богатым выселять бедняков из центра городов в трущобы²². Растет вероятность подъема коррупции: проанализировав открытые данные, можно выявить, кому дать взятку. Открытые данные пока что имеют сугубо внутривнутриполитическое значение. Международные аспекты могли бы быть у Wikileaks, но его можно было бы отнести сюда, если бы этот проект был социальным интернет-сервисом типа Facebook, где каждый мог бы свободно зарегистрироваться и открыто разме-

стить информацию, компрометирующую власти. Пока что этого нет.

Интернет-сообщества военных и технологии Web 2.0

Военные также не остаются в стороне. Так, в Афганистане и Ираке электронные карты, наподобие Google Maps, широко использовались американскими солдатами и офицерами, которые после бесед с местными жителями заносили туда информацию о местонахождении тех или иных военных объектов противника. После этого нанесенная информация становилась общедоступной. Подобные проекты стали частью так называемой «цифровой дипломатии» (или «дипломатии социальных сетей»), когда в социальных сетях через ключевых блогеров государство может транслировать свои идеи гражданам других государств. Однако здесь возникает сложный вопрос: является ли «цифровая дипломатия» частью «электронного правительства 2.0»? То есть связана ли «цифровая дипломатия» с государственными информационными системами? Или «электронное правительство 2.0» даже в эпоху транснациональных социальных сетей остается сугубо внутриполитическим проектом?

В Интернете роль солдат (террористов, партизан) в некоторой степени «раздваивается»: они после боя могут в Интернете опубликовать свои наблюдения. В этом смысле непонятно, кто они в большей степени – воинствующие писатели или писательствующие воины. В связи с этим в американской армии офицерам были даны указания просматривать интернет-блоги подчиненных и наказывать за публикацию ненадлежащей информации²³. Хотя это оказывается затруднительно в условиях анонимности в Интернете, но все таки случаи санкций уже имели место в американских ВС²⁴. В мае 2007 г. министерство обороны США временно запретило всем служащим пользоваться социальными интернет-сервисами²⁵. Хотя проконтролировать это сегодня оказывается затруднительно. Офицерский состав оказывается перед дилеммой: запретить пользоваться сетями и потерять выгоды от их использования или разрешить, но быть наказанными вышестоящим руководством.

В Интернете представлен столь же широкий, как и само общество, спектр мнений и политических позиций по вопросам военных операций в Ираке и Афганистане. В некотором смысле блоги являются зеркалом общества. Некоторые из блогеров (например, проамерикански настроенные братья Фадхил) даже встречались с президентом Дж.Бушем-младшим в Белом доме. Другие скрывают свои настоящие имена из соображений безопасности.

Youtube показал себя как особенно мощный инструмент для документирования случаев насилия. Мир с ужасом смотрел, как в июне 2009 г. Иранская революционная гвардия подавляла выступления оппозиции.

Наконец, мгновенная передача информации через Интернет привела к увеличению числа участников конфликта. Множество людей в тысячах километров от места боев может участвовать в

конфликте, даже сидя за своим компьютером. Как справедливо отмечает один из авторов журнала *International Affairs Review*, спутниковые изображения, показывающие лагерь беженцев в Судане, в доли секунды могут быть переданы из офиса Международной организации помощи беженцам в Вашингтоне на удаленный компьютер в Дарфур, затем эти видеофайлы могут быть загружены в Интернет для общедоступного просмотра. И любой исследователь, изучающий войны и конфликты, может напрямую общаться с представителями освободительных движений Судана. В столь же короткие сроки можно отправить денежные переводы, чтобы поддержать повстанцев²⁶. По мнению некоторых исследователей, поле боя становится виртуальным, и оно будет расширяться по мере появления новых средств ведения конфликта²⁷.

Стоит отметить, что в документе FM 3 24 (2006 г.), реализация которого показала некоторую эффективность в Ираке, практически ничего не сказано о роли Интернета в современных конфликтах. Но в современных военизированных группировках террористов и партизан вербовка сторонников, обучение, финансирование, коммуникация и даже оперативное планирование осуществляются через Интернет. И Д. Петреус в докладе Конгрессу США признал, что США должны «сопротивляться растущему использованию противником Интернета, с помощью которого он распространяет экстремистские идеи»²⁸. Петреус отметил, что война в Ираке ведется не только на земле, но и в киберпространстве.

Поэтому представляется актуальным использование ИКТ даже в новых условиях «низкотехнологичной» борьбы «за умы и сердца» населения в Ираке и Афганистане. Использование электронных карт, навигационного оборудования для обнаружения скрытых групп сопротивления, оборудования для патрулирования, активной работы в иракских интернет-форумах и блогах, в т.ч. для выявления с их помощью повстанцев и террористов. Однако заниматься этим должны, скорее, спецслужбы, но не армии США и их союзников в нынешнем виде.

Заключение

Сегодня в исследованиях присутствует излишняя концентрация на технической стороне вопроса. Она основана на мнении, что если мы будем вовремя внедрять технологии Web 2.0, то это обязательно приведет к росту влияния акторов. Однако Web 2.0 – всего лишь инструмент. Он выполняет достаточно узкий набор функций: выявление тенденций в настроениях общества, вербовку новых сторонников, сбор средств, привлечение внимания общественности, координацию. Речь ведь идет не о том, что революции переносятся с площадей в блоги. Наоборот, начавшись в блогах, они не становятся настоящими революциями, не будучи перенесены на площади.

Пока что вряд ли можно говорить об интернет-сообществах как о полноценных акторах мировой политики, стоящих в одном ряду с государствами и ТНК. Их влияние ограничено неспособностью мелких разрозненных групп с разными сферами деятельности сплотиться: слишком широк разброс ин-

■ Мировая политика

тересов и мнений. Другие ограничения следующие: толпа подвержена манипулированию, неактивна, некомпетентна, неспособна генерировать ценную идею, много хаотичных данных и неясно, кто несет и за что ответственность.

Но очевидно, что влияние этих групп растет и будет продолжаться расти, особенно в условиях финансово-экономического кризиса, благодаря дешевизне самого ресурса, пока на смену «разуму толпы» не придут сообщества экспертов.

Bolgov R. V. Internet communities.

Summary: *This paper attempts to answer the*

question of whether the Internet community and the individual users of social networks are actors in world politics. They are gaining political influence, and Web 2.0 technologies are increasingly political. We analyze projects integrating social web services to interact with government information systems by citizens, NGOs and business are analyzed. We identify basic advantages and limitations of using social Internet services in politics. We examine experience of their use in government agencies in several countries. We analyze official documents governing the use of social networks in the interaction of authorities with the citizens and business.

Ключевые слова

Технологии Web 2.0, акторы мировой политики, интернет-сообщества, краудсорсинг, Facebook, Twitter-революции, киберсила, цифровая дипломатия.

Keywords

Web 2.0, actors in world politics, Internet communities, crowdsourcing, Facebook, Twitter-revolution, cyber power, digital diplomacy.

Примечания

1. Примерами Web 2.0 являются серверы, в которых пользователи публикуют свои тексты, фотографии, аудио и видеозаписи, обмениваются ими с другими пользователями по всему миру. Наиболее известные серверы — Youtube, MySpace, Twitter, инструменты Google. Особенность Web 2.0 по сравнению с предыдущими интернет-технологиями состоит именно в том, что в формировании содержания сайтов участвует не единственный системный администратор, просто публикующий информацию на сайте без возможности обратной связи, а цепочка обычных пользователей, объединенных в горизонтальную систему, которые работают над обновлением сайта. См. подробнее: Агитон К. Сетевые сообщества и будущее Интернет технологий. Web 2.0: Стенограмма лекции. М., Публ. лекции «Полит.ру», 24.05.2007. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2007/05/31/web.html> (дата обращения: 25.05.2012) Предпосылкой появления Web 2.0 можно считать кризис электронной торговли 2001 г. В основе лежат именно свободные программы. Для Web 2.0 характерна слабая кооперация, т.е. объединение для общего проекта огромного числа людей. «При сильной кооперации изначально некий проект создается несколькими людьми, они его основатели, они замыкаются в себе и не склонны принимать посторонних, а при слабой кооперации участвуют тысячи людей, она открыта, приветствует новых участников». [Там же]
2. Краудсорсинг (crowd + outsourcing, «мудрость толпы», «коллективный ум») – использование общественного ресурса (как правило, бесплатное) для производства товаров, услуг, разработки идей и т.д.
3. Arquilla J., Ronfeldt D. Swarming and the Future of Conflict. Santa Monica: RAND, 2000. ix + 98 pp.
4. Nye J.S. Jr. Cyber Power. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Relations, May 2010. 30 pp.
5. Бахметьев Я.А., Леонов А.А. Киберсила и вопрос акторности в мировой политике. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/7a3b305ac38ebc9b4fdfea05e2b94a9ed8121d0a.pdf> (дата обращения: 02.10.2012).
6. Conference on Cyber Dissidents: Global Successes and Challenges. George W. Bush Institute. Texas, 2010. URL: <http://www.bushcenter.com/articles/successes-and-challenges> (дата обращения: 02.10.2012).
7. E-Partizipation. Elektronische Beteiligung von Bevölkerung und Wirtschaft am E-Government. Studie im Auftrag des Bundesministeriums des Innern, Ref. IT 1. Bremen, 2008. P.133.
8. Ibid. P.133.
9. Ibid. P.8.
10. E-Konsultationen. URL: <http://e-konsultation.de> (дата обращения: 29.05.2012)
11. E-Partizipation... P.53.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. 2007 Implementation Plan. E-Government 2.0 – The Programme of the Federal Government. Berlin: Bundesministerium des Innern, 2007. URL: http://www.verwaltung-innovativ.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/1147276__implementation__plan__egovernment__2.0,templateId=raw,property=publicationFile.pdf/1147276__implementation__plan__egovernment__2.pdf (дата обращения: 17.05.2012)
15. Министр обороны Германии подал в отставку из-за плагиата // Русская служба BBC, 1 марта 2011. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/03/110301_guttenberg_resigned.shtml (дата обращения: 21.05.2012)
16. E-Partizipation...
17. Sanpablog. URL: www.sanpablog.it/?page_id=111 (дата обращения: 01.10.2012).
18. Portoalegre.cc. URL: www.portoalegre.cc (дата обращения: 01.10.2012).
19. People& Participation Online. URL: www.peopleandparticipation.net/display/Involve/Home (дата обращения: 01.10.2012).
20. Наумов И., Шварц И. Владимир Путин сделал ставку на краудсорсинг // Независимая газета. 19.04.2012 URL: http://www.ng.ru/economics/2012-04-19/2_kraudsorsing.html (дата обращения: 01.10.2012).
21. Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан с использованием Интернета для рассмотрения в Правительстве РФ // Правительство РФ. 23.08.2012. URL: <http://government.ru/docs/20405/> (дата обращения: 01.10.2012)
22. Morozov E. The Net Delusion. The Dark Side of Internet Freedom. NY: PublicAffairs, 2011.
23. Caught in the Net: U.S. Military // Foreign Policy, Sept/Oct. 2010. Issue 150. P. 108.
24. Rid T. War 2.0 // Policy Review, February 2007. (<http://www.hoover.org/publications/policyreview/5956806.html>).
25. Савин Л.В. Новые войны: баланс технологий и социальных сетей // Информационные войны, 2009. № 3(11). С. 65.
26. Turitto J. Understanding Warfare in the 21st Century // International Affairs Review, 2010, Vol. XIX, No.1. (<http://www.iar-gwu.org/node/145>)
27. Turitto J. Op. cit.
28. Report to Congress on the Situation in Iraq. General David H. Petraeus, Commander, Multi-National Force-Iraq. 10-11 September 2007. (<http://www.house.gov/daily/Petraeus.htm>).

СМИ как акторы мировой политики

В.В. Фокина

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием СМИ как неправительственных акторов мировой политики. Выделяются основные направления деятельности СМИ в мировой политике, государственная политика в отношении СМИ, модели отношений государства со СМИ. Особое внимание уделяется рассмотрению роли политической цензуры и пропаганды в процессе работы с международным общественным мнением.

В современном мире на роль акторов мировой политики претендуют не только национальные государства, но также целый ряд негосударственных институтов, в том числе институты высшего профессионального образования, религиозные, экологические, спортивные организации, интернет-сообщества и т.д. Каждый из этих субъектов занимает собственную нишу и выполняет свои функции в мировой политике. При этом «новые мировые игроки... действуют на ином поле мировых отношений, чем поле государственных (национальных) интересов и обязательств, гражданского согласия и выстроенных в определенной логике межгосударственных отношений»¹. В данной связи роль организатора информационных потоков, несомненно, принадлежит СМИ. Этому способствует возможность мгновенной передачи информации на большие расстояния рассредоточенной в глобальном пространстве массовой аудитории. При этом нередко СМИ принадлежит не только роль передатчика информации, но и ее создателя. Как отмечает российский исследователь М.М. Лебедева, «важной особенностью образовательного ресурса является то, что, в отличие от естественных ресурсов, таких, как нефть, газ, минералы и т.д., он является неисчерпаемым. Более того, повышение образовательного уровня в обществе влечет за собой его дальнейший прирост и

умножение»². Данное положение применимо также для СМИ как канала, формирующего ценностные позиции и ориентации граждан.

Современные СМИ не ограничиваются локальным или национальным пространством и аудиториями, выступая в качестве акторов современного мира. CNN, BBC, Al-Jazeera, Russia Today, Euronews являются не только инструментами влияния ведущих стран мира, но и оказывают существенное влияние на мировое общественное мнение, национальную политику и мировую политику. В настоящее время к функциям СМИ как субъекта мировой политики можно отнести:

- информирование внутренней и внешней общественности;
- манипулирование и убеждение граждан (формирование стереотипов, распространение идеологии, в некоторых случаях изменение сознания и формирование образа «врага» в лице представителей другого государства или этноса, психологическое воздействие на граждан других стран);
- социализация и воспитание населения (внедрение этнокультурных образцов поведения, формирование социальной, национальной и классовой идентичности);
- развлечение аудитории, отвлечение населения от проблем и кризисных явлений во внутренней

Фокина Вероника Викторовна – к.полит.н., доцент кафедры социально-политических технологий Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. E-mail: vvf.spb@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

■ Мировая политика

и во внешней политике. До сих пор не теряет своей актуальности формула «Хлеба и зрелищ», чтобы снизить уровень социальной напряженности в условиях политической нестабильности;

- поддержание и регулирование отношений между институтами власти и обществом (в частности, апеллирование к общественному мнению);
- контроль за правительством, его решениями и действиями;
- мобилизация населения для решения общественно значимых проблем (неслучайно именно диктора Ю.Б. Левитана А. Гитлер считал одним из главных врагов рейха);
- прогнозирование и предсказание политических действий властей, в том числе их инициирование и коррекция.

В свою очередь, мы можем выделить, как минимум, три основных направления деятельности СМИ в мировой политике:

– во-первых, СМИ как инструмент политической власти, с помощью которого осуществляется пропаганда государственной идеологии, навязывание собственных культурных ценностей, образцов поведения, схем мышления и деморализация противника, формирование общественного мнения относительно внешней политики государства и т.п. Изучение пропаганды во время Второй мировой войны Г. Лассуэллом заложило основы теории политической коммуникации и повысило значение СМИ как инструмента политического влияния. В данной связи следует отметить такие направления государственной информационной политики, как: а) единичные информационные акции; б) информационные кампании; в) действия в режиме постфактум (представляющие собой реакцию государственных институтов на уже произошедшие события);

– во-вторых, СМИ как социальный институт, главной задачей которого является выражение общественного мнения по поводу важнейших внешнеполитических решений и действий. Причем мнение, высказываемое в СМИ, может существенным образом отличаться от правительственной точки зрения. Например, общественное мнение американцев против войны во Вьетнаме расходилось с официальной точкой зрения и оказалось в конечном итоге более важным при принятии политических решений в процессе развития конфликта. Данный феномен назван «Эффект CNN», с его помощью описывается влияние СМИ на процесс принятия правительственных решений, когда организация прямых трансляций в период кризиса влияет на его течение и исход;

– в-третьих, СМИ как корпорация или «институт влияния». В настоящее время граждане предпочитают получать политическую информацию от СМИ, руководствуясь системой отбора новостей, а также интерпретацией и оценками, предлагаемыми СМИ исходя из интересов и политических предпочтений медиакратов и спиндокторов.

При этом перед государством в его отношениях с медиаструктурами возникают следующие задачи: формирование рынка массовой информа-

ции и выстраивание отношений с медиасистемой; формирование имиджа государства; создание кадровых и организационных структур информационной политики; правовое обеспечение развития информационной сферы; поддержание взаимовыгодных отношений с международными информационными структурами; обеспечение информационной безопасности государства и т.д.

В данной связи можно выделить следующие основные направления государственной политики по отношению к СМИ:

1. *Полный контроль власти над информационной сферой* и приоритет идеологических и пропагандистских технологий формирования массовых коммуникаций. СМИ лишены политического влияния и представляют собой «даже не инструмент идеологического контроля над населением, а скорее форму имитации присутствия общественности в информационном пространстве».

2. *Манипулирование медиаструктурами*. Государство проводит тщательный анализ и отбор информационных сообщений, создаваемых СМИ, использует механизм политико-идеологической цензуры и даже частичных репрессий по отношению к журналистам. В этих условиях самым распространенным приемом государственной политики становится ограничение доступа политической оппозиции к СМИ и установление контроля над журналистами, критикующими правительство. Однако, несмотря на подчиненный статус, СМИ имеют определенные возможности политического влияния и даже некоторую независимость.

3. *Поддержание симметричных отношений со СМИ как самостоятельным и влиятельным актором политики*. Законодательно закреплены различные виды и формы собственности на СМИ, правовые гарантии независимости массмедиа. При этом большое разнообразие государственных и частных СМИ создает перспективы для их свободной конкуренции. Вместе с тем проблемы, связанные с неограниченной свободой слова, несут дополнительные социальные риски. В данной связи в современных демократических государствах сложились три модели отношений государства со СМИ:

– первую модель можно назвать «свободный рынок идей». Согласно этой модели главной задачей государства является обеспечение гарантий доступа граждан к получению информации, предполагается ненаказуемость критики властей со стороны СМИ, отсутствие цензуры и ограничений на сбор журналистами материалов законными средствами, отсутствие ограничений на распространение медиаматериалов через государственные границы, установление гарантий свободы журналистов в выборе тем и выражения авторской позиции;

– вторая модель – «социальная ответственность». Она предусматривает, что СМИ в процессе взаимодействия с государством должны выполнять определенные обязательства перед обществом, соответствующие стандартам объективной подачи информации, ее достоверности и точности, а также сбалансированности. Государство обязано обеспе-

чивать плюрализм СМИ, но при наличии угрозы общественной безопасности сохраняет возможность вмешательства в их деятельность. СМИ, в свою очередь, не должны продуцировать массовые страхи среди населения и способствовать популяризации насилия и других негативных тенденций;

– в третьей модели «демократическое представительство» основной акцент делается на содержание материалов СМИ, свободе от бюрократического контроля властей, а также предназначение СМИ как социально направленного, культурно-просветительского, а не коммерческого института⁴.

Вместе с тем государства используют разные методы работы с массмедиа и журналистами, а именно публичные, полутеневые и теневые. Публичные действия направлены на формирование прозрачности, интерактивности и информационной открытости деятельности правительств и формулирование информационной политики, исходя из реальных потребностей своих граждан и мирового сообщества. Сюда можно отнести:

– аккредитацию журналистов в «горячих точках», их приглашение на брифинги, включение в состав делегаций, отбывающих в официальные поездки в зарубежные страны и т.д.);

– встречи государственных чиновников с редакторами изданий;

– отслеживание органами власти общественной реакции на государственные решения;

– санкционирующие методики (арест фильмов, газет, запрет на живые интервью с террористами и т.д.).

К полутеневым технологиям можно отнести «серые методики», в частности организацию контактов органов власти с журналистами с помощью заранее заданных и подготовленных вопросов и ответов, сюда можно также отнести различные действия в дипломатической сфере. Например, перед началом военных действий в Ираке (2003 г.) в страну приезжал Е.М. Примаков в качестве личного посланника Президента РФ с целью убедить С. Хусейна уйти в отставку. При этом длительное время этот факт был неизвестен мировой общественности. К теневым технологиям могут быть отнесены такие приемы, как косвенные административные или экономические санкции, незаконные судебные преследования журналистов, шантаж, неформальные встречи, анонимное информирование общественности со стороны власти⁵.

При этом возникает вопрос: какую роль выполняет цензура СМИ?

Можно выделить два основных блока задач, решаемых государством при введении цензуры на распространяемую информацию. Первый блок характеризует политику ограничения информации в манипулятивных целях, сюда можно отнести: введение запрета или ограничений на освещение тем «проигрышных» для власти; монополизацию информационного пространства, то есть представление только одной государственной точки зрения; отсутствие плюрализма информационных сообщений и/или интерпретаций (данная ситуация рассмотрена в модели

«спираль молчания» Э.Ноэль-Нойман); предоставление гражданам неполной информации, что затрудняет их выбор и формирование собственной точки зрения и т.п. В качестве примера можно привести запрет на «пораженческие» сюжеты из Ирака, чтобы избежать деморализации американской армии и протестных настроений со стороны американской общественности. И.М. Дзялошинский выделяет следующие манипулятивные методы влияния на общество:

– управление информационными потоками (создание информационного шума, подбор информации, организация «случайных утечек» информации и использование дезинформации);

– мифологическое манипулирование, психологические технологии (использование пугающих тем и материалов, упрощение проблемы и т.д.);

– ценностно-эмоциональное манипулирование; применение механизмов социального контроля (вовлечение групп влияния, мотивирование человека поступать так, как все);

– манипулирование рациональными, убеждающими аргументами (соцопросами, комментариями экспертов, прогнозами)⁶.

Во втором блоке делается акцент на позитивной составляющей в отношениях «власть–СМИ–социум», в том числе:

– сохранение приоритета общественных интересов над частными;

– создание условий для поддержания общественного консенсуса и недопущения раскола общества;

– предотвращение использования СМИ как средства манипулирования общественным мнением;

– сохранение политической стабильности, недопущение панических настроений и несанкционированных действий протестного характера и т.п.

Негативным примером отсутствия цензуры можно считать независимость СМИ Дании, публикация карикатур на пророка Мухаммеда которыми привела к межкультурному конфликту. В свою очередь, предоставление всей разнонаправленной информации затрудняет выбор гражданами наиболее значимых тем и достоверной интерпретации политических событий, препятствует формированию четких образов и собственной политической позиции. При этом происходит насыщение политического пространства информацией и, как возможное следствие, политико-информационная апатия. В данной связи *роль СМИ в мировой политике* может заключаться в следующем:

– популяризация политической власти;

– продвижение или критика правительственных инициатив в области внешней политики;

– формирование имиджа/бренда государства в мире;

– выявление международных проблем и способов их преодоления;

– сглаживание внешнеполитических противоречий;

■ Мировая политика

- повышение/снижение стабильности государства (политического режима);
- разжигание межнациональной вражды и конфликтов.

Существует несколько основных способов подачи информации, посредством применения которых СМИ достигают своей цели: искажение реальности; отображение фрагмента действительности, вырванного из контекста; интерпретация реальных событий с точки зрения определенных политических сил или групп интересов; предсказание развития событий, предвидение угроз; замалчивание фактов. При этом нельзя не признать, что все многообразие фактов отобразить в рамках новостного репортажа весьма затруднительно, да в этом и не всегда заинтересованы массмедиа, соответственно политические события будут отбираться под определенную задачу, в частности выполнение политического заказа ведущих мировых игроков, распространение своих мировоззренческих стандартов и т.п. При этом отбор событий будет осуществляться: под влиянием институтов власти, в интересах оппозиции, в интересах медиакратов (владельцев СМИ), в контексте общественного мнения.

В современных условиях информационного вакуума не может быть, если информационное пространство не заполняется официальной информацией, отсюда следует появление неинституционализированных слухов или обострение деятельности СМИ других государств. В настоящее время ожесточенные войны разворачиваются не только в зоне боевых действий, но и в глобальном информационном пространстве. Информационные войны стали атрибутом современных международных отношений, «мягкой силой», определяющей победителя в конфликтах XXI в. Следует отметить, что эффективность СМИ развивающихся стран в мировой политике крайне невысокая, о чем свидетельствуют неудачные информационные кампании в конфликтах с Западом, а также желание создать собственные СМИ с альтернативной повесткой дня.

Вместе с тем следует отметить, что это скорее эффект вещания на зарубежные страны, относительно российских аудиторий СМИ ситуация складывается более благоприятная. Так, освещение международных конфликтов в СМИ России и странах Запада создает разные картины мира и разные идентификации «своих» и «чужих». При этом российское общество в целом отдает предпочтение российской информационной картине мира. Например, негативное отношение российского общества к «вторжению войск коалиции в Ирак или войск НАТО в Югославию». В контексте мировой политики сохраняется важность и актуальность использования разнообразных технологий для воздействия на международное общественное мнение. В данной связи можно выделить интегрированные маркетинговые и немаркетинговые способы организации информационных потоков и политической коммуникации.

К интегрированным маркетинговым коммуникациям относятся приемы информационного обмена между политическими акторами и общественностью, при которых учитываются потребности и интересы последней. К основным видам передачи информации такого рода можно отнести политическую рекламу, политический PR, информационный лоббизм. Немаркетинговыми технологиями политической коммуникации являются главным образом пропаганда и агитация. Они характеризуются независимостью выбора политических тем от информационных потребностей реципиента, а также от пространственно-временных параметров сферы политики в целом. Ведущая роль здесь принадлежит политическим акторам или медийным структурам. Такие способы коммуникации используются для подавления политических противников, от которых могут исходить иные по содержанию идеи, цели и ценности.

Характерными чертами пропагандистской коммуникации является целенаправленное распространение политической информации, игнорирование интересов общественности и недопущение информации из альтернативных источников. При этом можно отметить, что с помощью пропаганды появляется возможность как задавать ориентиры развития, выгодные лишь ограниченной привилегированной группе, так и способствовать осуществлению позитивных для общества изменений при условии, что государство проводит социально ориентированную политику. Пропаганда выполняет следующие функции:

- управление интерпретациями событий на основе убеждения реципиента в правомерности взглядов и позиций коммуникатора. В публичной политике пропаганда пытается задавать массовой аудитории совершенно определенные образцы мышления, оценивания или диагностики событий с целью обеспечить идеологический контроль и унификацию политического мышления граждан;
- контроль за сознанием, превращающий пропаганду в определенный инструмент более общего, политического контроля, который используется для привлечения сторонников тех или иных идей и целей и поддержания их подчиненного положения;
- практическую активизацию сознания, перевод знаний и представлений политического актора в сферу поведенческой мотивации;
- борьбу с идейными противниками;
- нейтрализацию враждебных действий, когда структура и содержание пропагандистского воздействия сознательно выстраиваются таким образом, чтобы подавить политические позиции оппонентов, снизить мобилизующее воздействие их программ, целей, ценностей;
- обязательный ответ на выпады политического противника, нейтрализацию его усилий, что закрепляет в структуре пропагандистского действия технологии и процедуры контрпропаганды⁷.

Например, власти США для инициирования вторжения в Ирак использовали два способа информационного давления: поиск доказательств существования на территории Ирака химического

оружия и, как следствие, угрозы существования цивилизованных стран; оказание информационного давления, используя частные аргументы для убеждения потенциальных союзников.

Ряд стран использует в целях оказания давления на зарубежные страны инициированное властями «общественное мнение». В частности, как отмечает третий секретарь Первого департамента Азии МИД РФ Е.В. Евдокимов, «в современном Китае во внешнеполитических целях все активнее используются методы массовых выступлений и соответствующего освещения «народных настроений» в Интернете, СМИ, печатной продукции»⁸.

В настоящее время присутствие СМИ в мировой политике дополняется интернет-сообществами и социальными сетями, что позволяет массиро-

ванно воздействовать на мировое сообщество, используя не только линейные каналы подачи информации, но и вовлекая широкую общественность разных стран в процесс обсуждения актуальных мировых проблем. Данного рода комплексное воздействие, несомненно, способно оказывать существенное влияние на процесс принятия политических решений в рамках мировой политики.

Fokina V.V. Mass media as actors of world politics.

Summary: The article is devoted to the questions about mass media as non-governmental actors of world politics. The author notes the main activities of mass media in world politics, researches the state information policy, models of the relations of the state with mass media. The role of political censorship and propaganda in interaction with the international public opinion is considered especially.

Ключевые слова

СМИ, государство, негосударственные акторы, мировая политика.

Keywords

Mass media, government, non-governmental actors, world politics.

Примечания

1. Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 145.
2. Лебедева М.М. Роль образования в диалоге цивилизаций // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С.91.
3. Политические коммуникации / [Петрунин Ю.Ю. и др.]; под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 213-214.
4. Там же. С. 216-217.
5. Там же. С. 211-212.
6. См. подробнее: Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в массмедиа // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. 2005. № 1-2.
7. См. подробнее: Политические коммуникации... С. 105-108.
8. Евдокимов Е.В. «Народная дипломатия» КНР. Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 288.

Международная деятельность университетов (на примере Европы)

А.В. Барсукова, И.И. Жуковский

Международное сотрудничество в академической корпорации стало нормой: эволюция от спорадических контактов ведущих профессоров исключительно в научных или образовательных целях до программ широкой кооперации с общими ценностями и понимаемой политической миссией и параллельно – борьбы за кадровые ресурсы на внешних рынках заняла не так много времени по историческим меркам. Зачем сотрудничают европейские университеты? Какие задачи решаются в сотрудничестве с третьими странами? Как выстраивался вектор сотрудничества между университетскими системами РФ и ЕС?

*Sapere aude! – имей мужество
пользоваться собственным умом!¹
Иммануил Кант*

Университеты сегодня представляют собой отражение сложной системы взаимоотношений академической корпорации и государства, в котором этот университет находится. Европейский союз с его все еще рыхлой внутренней и внешнеполитической структурой и не до конца ясными приоритетами наднационального развития остается одним из нескольких модельных случаев организации международной кооперации в сфере образования и науки как внутри ЕС, так и с внешним миром.

Рассматривая принципы и побудительные мотивы международного сотрудничества университетов в таких сложно организованных системах, как Европейский союз, где внутренние институциональные решения (не только в сфере высшего образования) государств-членов сохраняют свою специфику и базируются на различных традициях профессиональных корпораций, необходимо ответить на вопрос об общих и особенных целях и практиках международного сотрудничества как

внутри самого Евросоюза, так и в кооперации его членов с «внешними странами».

Широкомасштабное международное сотрудничество между странами, которые относят к «ядру» Европейского союза, началось практически одновременно с развитием интеграционных проектов в западной части континента, направленных на координацию экономических политик ведущих игроков на принципиальных рынках (таких, как «Европейское объединение угля и стали» и т.д.). Кроме экономических задач, такие проекты имели и четкое политическое измерение: создание условий для преодоления духа недоверия между крупными европейскими государствами.

Подчиненными целям создания атмосферы добрососедства и взаимопонимания стали проекты интеграционного характера в сферах молодежных, культурных и академических обменов, понимая университетские корпорации как носителей коллективной памяти, как факторы консолидации национальной идеи, как структуры с самым большим

Барсукова Анна Владимировна – к.и.н., директор Центра Европейского союза Балтийского федерального университета им. И. Канта. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Жуковский Игорь Игоревич – к.полит.н., проректор по международным связям Балтийского федерального университета им. И. Канта. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

потенциалом интеллектуального влияния на самые широкие слои обществ.

В 1950 г. возобновила свою деятельность, прерванную Второй мировой войной, Германская служба академических обменов (*Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD*), представляющая собой самоуправляемый консорциум немецких университетов². ДААД, созданная по инициативе нескольких ректоров в 1925 г. как инструмент организации научных обменов, начинает понимать себя как инструмент научно-образовательного и культурного присутствия новой Германии в новом (послевоенном) мире. Ориентируясь прежде всего на крупнейших игроков послевоенной европейской политики, с началом 1960-х гг. прошлого века ДААД начинает играть роль катализатора внешнеполитических контактов и со странами, оказавшимися по другую сторону геополитического разлома: с 1958 г. Германская служба академических обменов открыла программы научного и образовательного сотрудничества для Польской Народной Республики, Чехословакии, Венгрии. Можно утверждать, что, активно расширяя практику немецко-французской и немецко-польской академической кооперации, ДААД внесла значимый вклад в преодоление исторически обусловленного недоверия к соседям. Необходимо сделать ремарку: за скобками настоящего обзора оставляем взаимоотношения в академической сфере между ФРГ и ГДР, которые во многом обуславливались интересами и текущими задачами глобальной политики, формулировавшимися в Москве и Вашингтоне.

Параллельно еще одним фактом развития международной кооперации в границах западной части европейского континента стало массовое появление с началом 70-х гг. прошлого века в университетах ФРГ специализированных центров страноведения по образцу и методологическому формату американских центров так называемых «area studies». Появление именно международной повестки дня в качестве исследовательского направления стало катализатором массовых обменов студентами, исследователями и администраторами прежде всего в границах европейского континента. Сохранение базового немецкого языка сопровождается все более активным включением английского языка как *lingua franca* в немецких университетах, которые являются прекрасным образцом активного интегрирования национальной университетской системы в процессы международного академического сотрудничества.

На современном этапе эти тенденции отлично видны на примере двух университетских проектов, поддерживаемых МИД ФРГ: Университет Андраши в Будапеште (*Andrássy University Budapest*)³ – международный немецкоязычный университет вне немецкоязычных территорий и современное издание Европейского университета Виадрины (*Europa-Universität Viadrina in Frankfurt (Oder)*)⁴ как университета трансграничного, ориентированного на польских студентов в контексте образовательном и на польскую проблематику – в контексте исследовательском.

Воспользовавшись немецким кейсом как примером, можно зафиксировать важные причины международного сотрудничества университетов: решение политических задач формирования добрососедских отношений и значение прикладное – подготовка кадров для международного сотрудничества и аналитических материалов для национальных и глобальных потребителей. Интересным примером может служить и французская модель, сохраняющая безусловный приоритет национального языка в научно-образовательной системе, ориентацию на страны Франкофонии (*La Francophonie*) и присутствие в качестве одного из наиболее желанных направлений академической мобильности.

Экспорт образовательных услуг, привлечение студентов из целевых регионов (не только франкоязычных стран) – это одно из успешных направлений французской политики. Несмотря на то что лишь немногие французские университеты представлены в престижных международных рейтингах (в рейтинг QS в 2012 г. в первые 200 вошли только 4 французских университета)⁵, эффективность модели экспорта образовательных услуг Франции – одна из самых высоких среди стран Европейского союза. По результатам проведенного в 2011 г. анкетирования международные студенты выделили следующие причины своего выбора в пользу образования во Франции: качество образования и знание французского языка⁶.

Принципы организации и функционирования системы высшего образования во Франции регулируются законом «Савари» от 26 января 1984 г.⁷, который с течением времени был дополнен несколькими актами (одним из последних стал акт об инновациях и исследованиях) и направлен на сохранение основных принципов – автономии и участия. Государственное влияние сохраняется на кадровую политику высших заведений, что сказывается на возможности, например, приглашать ведущих иностранных специалистов, самостоятельно формировать региональные и страновые приоритеты в отборе иностранных студентов (отбор иностранных студентов происходит через государственные центры образования *Campusfrance*).

Французскую систему высшего образования очень часто называют закрытой. Прежде всего, из-за наличия помимо классических университетов знаменитых «больших школ» (*grandes écoles*), которые являются «настоящим французским культурным исключением»⁸ и позиционируются как конкурентное преимущество на стремительно глобализирующемся мировом рынке высшего образования. Высокое качество образования и бесспорный авторитет диплома внутри страны и за рубежом сделало из этих школ места формирования элит не только самой Франции (почти все президенты страны получали образование, как минимум, в одной «большой школе» (а иногда и в двух – как Валери Жискар д'Эстен), но и ее внешнеполитических партнеров (например, выпускница Съанс По – Ингрид Бетанкур, президент Камеруна Поль Бейя, американский дипломат Поль Бремер и многие другие). Французский опыт дает нам иллюстрацию реше-

ния еще нескольких задач международного сотрудничества университетов: подготовки кадров для внешнеполитических партнеров и популяризации национальной модели образования и национального языка в глобальном контексте.

Повышение интенсивности интеграционных процессов в рамках Европейских сообществ в 90-х гг. XX в., а позднее и в рамках ЕС привело к необходимости выработки общих принципов организации международного научно-академического сотрудничества и внутри Европейского союза, и в сотрудничестве с «третьими странами». Надо отметить, что последнее десятилетие прошлого века, сопровождавшееся кардинальным геополитическим переустройством, стало периодом обострения конкуренции за лучших исследователей, лучших преподавателей и лучших студентов из стран бывшего СССР и так называемого «восточного блока» между крупнейшими игроками на рынке научно-академического рекрутинга, включая азиатские университеты и научно-исследовательские центры. Большинство стран-членов ЕЭС и позднее ЕС запустили программы привлечения наиболее подготовленных научных и преподавательских кадров из «третьих стран», прежде всего имея в виду страны бывшего социалистического лагеря.

Понимание на национальном уровне необходимости привлечения кадров с внешних рынков послужило катализатором формирования специализированных программ обмена и привлечения для работы в университеты всего ЕС студентов, преподавателей и исследователей. Обострение конкуренции за кадровые ресурсы привело к необходимости проведения более открытой и активной политики рекрутинга, направленной на внешние рынки, что удачно охарактеризовал аналитик ОЭСР (OECD) Андреас Шлейхер через семь лет после подписания Болонской хартии: «Если Европа хочет удержать свое преимущество в конкурентной борьбе (в первую очередь относительно азиатских университетов. – А.Б.), то ее образовательная система должна быть более гибкой, более эффективной и более доступной широкому кругу заинтересованных людей»⁹.

Примером активного сотрудничества университетов в контексте решения кадровой проблемы является академическое сотрудничество российских университетов и университетов Европейского союза, которое начиналось в 1990-х гг. как сотрудничество партнеров неравных: российские университеты выступали преимущественно как получатели финансовой и методической помощи, внедряя практики общеевропейского характера в образовательные и исследовательские компоненты университетской жизни. Для значительной части российских студентов и исследователей участие в европейских программах стало инструментом содействия эмиграции и способом личной интеграции в научно-образовательный контекст ЕС – вплоть до эмиграции из России в страны Европейского союза на постоянное место работы.

Изначально базовой программой сотрудничества, ориентированной на органы местной власти и крупные региональные университеты,

была программа TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States), направленная на техническое содействие реформам в странах СНГ. Эта программа была запущена в 1991 г. и стоила ЕС 4,2 млрд евро в первый восьмилетний цикл и еще 3,1 млрд евро – в 2000 – 2006 гг.¹⁰. В 2006 г. эта программа была закрыта, в 2007 г. – запущена новая в рамках «Инструмента европейского соседства и партнерства». Поменялся способ финансирования (предполагалось совместное финансирование) и отбор проектов в соответствии с общими стратегическими интересами. Приоритетными регионами для сотрудничества являются северо-запад России и Калининградская область и лидирующие университеты в сфере международных исследований, обладающие высоким потенциалом популяризации идеи сотрудничества по линии Россия – ЕС. Направления и задачи совместной проектной работы в этих регионах не ограничиваются четырьмя общими пространствами и охватывают также здравоохранение, социальную сферу, вопросы экологии и приграничного сотрудничества.

В 1990 г. на постсоветском пространстве также начал действовать и другой инструмент европейского финансирования, активно осваиваемый российскими университетами, – программа TEMPUS, которая пришла в Россию в 1994 г.¹¹. Надо отметить значение этой программы для российских региональных университетов: благодаря возможностям и ресурсам программы начали формироваться первые работоспособные сетевые сообщества российских и европейских университетов, большинство из которых оказались довольно устойчивыми. В настоящее время в России действует 11 проектов (в том числе в один из них вовлечен БФУ им. И. Канта – «Формирование компетенции и практических навыков оценки языковых знаний преподавателей английского языка»)¹².

В 2004 г. была запущена программа «Эразмус Мундус Внешнее окно сотрудничества» (Erasmus Mundus External Cooperation Window). Она является основным инструментом обеспечения мобильности в рамках консорциумов университетов. Эта программа сотрудничества и мобильности в области высшего образования ставит перед собой задачи улучшения качества европейского образования и продвижения диалога и понимания между людьми и культурами через сотрудничество с третьими странами. Она вносит вклад в развитие человеческих ресурсов и объема международного сотрудничества в области высшего образования в третьих странах путем роста мобильности между Европейским союзом и его членами¹³. Программа направлена на получение индивидуальных грантов студентам, аспирантам, недавно защитившимся кандидатам наук, сотрудникам университетов консорциума программы. БФУ им. И. Канта участвовал в консорциуме Тройное И: интеграция, интеракция, институты (www.utu.fi/iii). Эразмус Мундус 2009 – 2013 продолжает и расширяет сферу деятельности консорциумов, уже запущенных с 2004 г. и включает в себя схему мобильности студентов, исследователей и сотрудников университетов.

Одним из приоритетных глобальных проектов стимулирования межуниверситетского сотрудничества стала инициатива создания специализированных центров ЕС в лидирующих университетах, наиболее интересных с точки зрения текущей политики стран и регионов. Итогом программы стало наличие 37 центров по всему миру. Вслед за Австралией, Новой Зеландией, Японией, Южной Кореей, Сингапуром и Тайванем 6 центров были открыты в России. В июне 2012 г. появились еще 2 центра в Гонконге и Макао¹⁴. В России центры начали создаваться в рамках программы «Поддержки создания центров Европейского союза в Российской Федерации». В 2010 г. были открыты 3 центра – в Санкт-Петербурге, Калининграде и Томске, в 2011 г. еще три – в Казани, Ростове и Петрозаводске. Таким образом, опыт ЕС показывает нам дополнительные причины международного сотрудничества университетов: мобилизация своих внутренних ресурсов в условиях конкурентного окружения, повышение качества образования и научных исследований, привлечение лучших кадров, лучших студентов.

Суммируя опыт наших европейских партнеров и ЕС в целом, можно зафиксировать целый ряд причин, которые побуждают университеты сотрудничать с внешними партнерами. Это:

- решение политических задач формирования добрососедских отношений;
- подготовка кадров для международного сотрудничества и аналитических материалов для национальных и глобальных потребителей;

- подготовка кадров для внешнеполитических партнеров;
- популяризация национальной модели образования и национального языка в глобальном контексте;
- мобилизация своих внутренних ресурсов в условиях конкурентного окружения;
- повышение качества образования и научных исследований;
- привлечение лучших кадров, лучших студентов.

Современный успешный университет – международный университет с активным присутствием на глобальном рынке не только в качестве ведомого национальными интересами игрока, но и в качестве силы, способной формировать глобальную повестку дня в интересах развития того самого «духа академического сотрудничества и соперничества».

Barsukova A.V., Zhukovskiy I.I. International Activity of the Universities (Case of Europe).

Summary: *International cooperation in Academia became a norm. The evolution from sporadic contacts of leading professors for academic and scientific relations to wide cooperation programmes basing on a common values and political mission and aiming to the attraction of human resources on external markets took a moderate period of time according to the history. Why European Universities cooperate? What are the tasks for cooperation with third countries? How the vector of cooperation between universities systems between Russia and EU have been developin?*

Ключевые слова

Интернационализация высшего образования, академическая мобильность, университеты в мировой политике, ЕС.

Keywords

Internationalization of higher education, academic mobility, universities in world politics, EU.

Примечания

1. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? 1784 г., Кант И. Избранные сочинения: В 2 т. / Под ред. А.П. Клемешева, В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. Т. 2. С.11.
2. Подробнее о ДААД – см. официальный портал www.daad.de
3. См. официальный сайт проекта: <http://www.andrassyuni.eu>
4. См. официальный сайт проекта: <http://www.europa-uni.de/>
5. См. подробнее: Oui M. Classement QS 2012-2013 : seulement 4 universités françaises au top 200 // L'Etudiant.fr. 11.09.2012. Режим доступа: <http://www.letudiant.fr/etudes/classement-qs-2012-10557/classement-qs-2012-16224.html>. В Top-500 по Шанхайскому рейтингу вошел только один вуз Франции – Пари-Сюд. См. подробнее: Classement de Shanghai: les universités françaises toujours à la traîne // Le Point. 14.08.2010. Режим доступа: http://www.lepoint.fr/monde/classement-de-shanghai-les-universites-francaises-toujours-a-la-traine-14-08-2012-1496009_24.php. Исключение составляет Парижская школа экономики (Paris School of Economics (PSE) – <http://www.parisschoolofeconomics.eu/en/>), которая была создана в 2006 г. по модели Лондонской школы экономики и политики и которая занимает высокие позиции в профессиональных рейтингах.
6. Enquête exclusive CampusFrance - TNS Sofres. Les étudiants étrangers en France : image et attractivité. Режим доступа: http://www.russie.campusfrance.org/sites/localmaster.campusfrance.org/files/statistika_po_inostrannym_studentam_vo_francii_2011.pdf
7. Loi n°84-52 du 26 janvier 1984 sur l'enseignement supérieur. Version consolidée au 22 juin 2000 // Legi France. Le service public de la diffusion du droit. Режим доступа: <http://legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000692733>
8. Le site officiel de la France. Режим доступа: <http://www.france.fr/en/long-training-courses/article-old/grandes-ecoles-and-specialist-schools>.
9. Schleicher A. Europe's university challenge // OECD Observer. No. 254. March 2006. Режим доступа: <http://www.oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/1889>
10. Программа сотрудничества ЕС – Россия // Представительство Европейского союза в России. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/index_ru.htm
11. Национальный офис ТЕМПУС. Режим доступа: <http://www.tempus-russia.ru/about.htm>
12. Европейские проекты БФУ им. И. Канта. Режим доступа: <http://www.kantiana.ru/eu4u/projects/68054/>
13. Education, audiovisual and culture executive agency. Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/programme/about_erasmus_mundus_en.php
14. European Union. External Action. Режим доступа: http://eeas.europa.eu/eu-centres/index_en.htm

Кризис миропорядка и угрозы России и миру

Д.Б. Рюриков

Кризисы в мировых финансах и экономике, угрозы войн и напряженность в международных отношениях, деградация нематериальных основ цивилизации – морали, права, политики, культуры – не смущают группу влиятельных финансовых и политических деятелей Запада: после череды кризисов и войн, полагают они, будет установлен «новый мировой порядок» (НМП). Внедряемая глобально то «жесткой», то «мягкой» силой, идеология и практика НМП отрицает выстраданные человечеством основы цивилизации и означают разрыв с действовавшими до конца XX в. принципами и нормами мироустройства. По существу, НМП – это антицивилизация. Если проекту НМП будет дано осуществиться, то жизнь людей изменится до неузнаваемости. Не допустить реализации проекта, сплотить противостоящие НМП силы – важнейшая задача современности.

Обвал американского фондового рынка, глобальный финансово-экономический кризис, разворачивавшийся на фоне вторжения в США и в большинстве стран мира внешнеполитического курса республиканской администрации Дж. Буша-младшего, а также президентские выборы в США стали центральными мировыми событиями 2008 г. Для восстановления мировой экономики в повестку дня был поставлен вопрос о внесении изменений в правила банковско-финансовой деятельности, по которым работает большинство государств, с целью недопущения новых кризисов. Создание антикризисного саммита «Большой двадцатки» (G20) и заявления новой администрации США о выводе войск из Афганистана и Ирака и переходе американской внешней политики к диалогу и совместному с другими странами поиску решения проблем вселили надежды на позитивные глобальные трансформации, тем более что предвыборная кампания Б. Обамы проходила под лозунгом решительных перемен.

Однако сложившийся к осени 2012 г. мировой политический и финансово-экономический климат показывает: ожидания не оправдались, а отпущенное политикам и экспертам время для поиска решений было использовано неэффективно. Турбулентность в финансах и экономике с перспективами нового, еще более жесткого мирового кризиса усиливается. Наряду с этим возрастает и напряженность в между-

народных отношениях: США и НАТО в нарушение международного права провели операцию по смене режима в Ливии, Вашингтон угрожает вторжением в Сирию. Сохраняется угроза нападения США и Израиля на Иран – масштабного вооруженного конфликта в Персидском заливе с далеко идущими геополитическими, экономическими, экологическими и иными последствиями. Эксперты не исключают возникновения других войн с американским участием в период до и после американских выборов в ноябре 2012 г., независимо от победы кандидата той или иной партии.

Наступает опасный период, когда перед государствами разворачивается целый кластер угроз: продолжение финансово-экономического кризиса; социальный кризис; кризис международной безопасности; экологический кризис – естественные природные, космические и антропогенные катаклизмы; продовольственный кризис; разъедающий основы обществ и государств кризис нематериальных основ цивилизации – политики, права, этики, морали, культуры и др. Но понимания серьезности и подлинных причин этих проблем нет, равно как и видения конкретных путей выхода из угрожающей ситуации.

Ни «Большая двадцатка» и «Большая восьмерка», ни правительства ведущих государств, ни профильные структуры системы ООН, ни закрытые международные элитные клубы, ни открытые

Рюриков Дмитрий Борисович – консультант директора Российского института стратегических исследований (РИСИ), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в отставке. E-mail: vestnik@mgimo.ru

форумы и национальные «мозговые центры» так и не смогли выработать адекватных планов. Зато в резолюциях «Большой двадцатки» и других международных форумов заметно стремление виновников кризиса 2008 г. сгладить оценки и остроту проблем, ограничиться паллиативными мерами. Бесплодность и опасность сформировавшейся в 90-х гг. прошлого века либеральной модели виртуального финансиализованного капитализма¹ очевидна даже для мировой финансово-бюрократической элиты, но бросать вызов этой модели все еще считается некорректным.

Надвигающийся парад кризисов вызван тем, что ни в США, ни в Европе на самом деле не собираются вносить в действующую экономическую модель принципиальные изменения, которые помогли бы избежать финансово-экономических обвалов. В 2008–2009 гг., как и во времена предыдущих кризисов, крах американских компаний-гигантов, накачка и ликвидация финансовых пузырей на рынках ценных бумаг США отнюдь не носили характер стихийных событий. Они были соответствующим образом подготовлены с целью обеспечить высокие доходы крупным игрокам. По экспертным данным, сегодня 10% населения мира контролирует 84% мировых финансовых активов, не считая активов этой группы в других формах собственности, а на счетах 92 тыс. наиболее состоятельных клиентов офшорных банков находится 9,3 трлн долл. – в среднем по 100 млн долл. на человека. После кризиса 2008–2009 гг. суммы вложений в офшоры выросли более чем вдвое. Так, в 2010 г. 10 крупных частных структур, в том числе Дойче Банк, перевели в офшоры свыше 6,25 трлн долл., в то время как до кризиса на офшорных счетах этих структур было 2,34 трлн долл.² Нереалистично полагать, что от таких дивидендов и технологий их получения будут добровольно отказываться.

В эпоху господства финансиализованного капитализма, который оторвался от производства реального продукта и сделал приоритетом виртуальные сверхприбыльные частные банковско-финансовые операции с эмиссией денег и ценных бумаг, в политических и финансовых кругах многих стран сформировались влиятельные группы со специфическим менталитетом. Негативные социальные и другие последствия решений, выгодных для банковского сектора, эти группы рассматривают как мало существенные. Для них единственным критерием целесообразности любого проекта является степень его доходности, остальное относится к категориям рисков и побочных эффектов, которые, если доходность велика, можно игнорировать.

В американских и европейских финансовых и политических кругах распространена точка зрения, согласно которой кризисы, каким бы ни было их воздействие на жизнь людей, являются приемлемым средством решения проблем (при понимании того, что решения гарантируют сохранение и приращение активов). Обвалы мировых финансов и национальных экономик, смерть и страдания людей, социальные протесты, организованные извне гражданские войны и войны между государствами

воспринимаются в этих кругах всего лишь эпизоды перехода к новым возможностям в новых условиях, при которых, как показывает практика, активы и влияние элит сохраняются и умножаются.

По мнению экспертов, выступающих за сохранение действовавших до конца XX в. принципов и норм мироустройства, такой подход – залог повторения кризисов и деградации человечества. Однако сторонники глобального финансиализованного капитализма, наоборот, полагают, что мир, пройдя через череду кризисов, придет к некому совершенно новому порядку, который якобы устранил все проблемы. Термин «новый мировой порядок», часто употреблявшийся в 90-х гг. прошлого века Дж. Бушем-старшим, сегодня вновь на слуху.

Новый мировой порядок: ретроспектива и содержание

Новый мировой порядок (НМП) – концепция мирового устройства, которая формировалась в 20–40-х гг. XX в. известными британскими и американскими интеллектуалами в тесном общении с представителями деловых, политических и военных элит Англии и США. Основоположниками идеологии НМП были такие исторические личности, как английские писатели Г. Уэллс и Дж.Б. Шоу, первый президент ЮНЕСКО Дж. Хаксли³, приближенный к президенту США Ф.Д. Рузвельту полковник Э. Хаус. Сегодня знаковыми фигурами НМП являются Д. Рокфеллер, 41-й президент США Дж. Буш-старший, Т. Блэр, Б. Клинтон и Х. Клинтон, бывший министр обороны США Р. Гейтс, З. Бжезинский и Г. Киссинджер, американский политолог Р. Перл, французский эксперт по экономике и международным отношениям Т. Монбрюль, шведский политик и дипломат К. Бильдт.

Идеологии нового мирового порядка придерживаются не только деятели государственной и финансовой элиты, но и многие влиятельные лица Запада, усилия которых позволяют привлекать к проведению неформально скоординированной политики значительные государственные и частные ресурсы. Концепцию НМП можно считать неписанным планом действий мировой финансово-бюрократической элиты с целью всеобщего мирового переустройства. Документа о программе, целях и задачах проекта не существует, так как главное для его сторонников – конкретные дела. При этом НМП – не конспирология, как иногда утверждается в СМИ, а хорошо финансируемый и результативно претворяемый в жизнь в различных странах сетевой проект, время от времени упоминаемый кратко и в общем плане в публичных выступлениях лидерами государств, бизнеса и науки.

В своей книге «Новый мировой порядок» (1940 г.) один из первых идеологов НМП Г. Уэллс видел будущее жизнеустройство как строй, сочетающий динамичность советского социализма, очищенного от репрессий и оков бюрократизма, с западными институтами и практикой защиты прав и свобод, обеспечивающими достойные условия для развития общества. Однако в дальнейшем, особенно в последние 30 лет, облик проекта НМП под влияни-

ем ведущих деятелей финансового капитализма существенно изменился. Краткость и расплывчатость при упоминании НМП объяснимы – с реализацией планов НМП многое в нынешнем мироустройстве должно полностью исчезнуть, что будет явно противоречить воле большинства населения и государств мира.

В выступлениях политиков, бизнесменов и ученых в разные годы в общих чертах обозначались основные положения НМП:

- ликвидация государственного суверенитета;
- создание сетевой системы глобального управления во главе с единым мировым правительством, возглавляемым технократами и лидерами банковско-финансовой сферы;
- создание системы глобальной безопасности и устранение угрозы войн;
- единая система эмиссии денег (в перспективе – «безденежное общество»);
- мировое либеральное законодательство (максимальная свобода человека);
- контроль над рождаемостью, ограничение численности населения, «гендерная свобода»;
- «прогрессивное» среднее образование («отбросить лишние, ненужные знания и предрассудки прошлого»);
- в последнее время – интенсивно реализуемые проекты создания системы всеобъемлющего электронного контроля над сознанием, поведением и в целом жизнедеятельностью человека (в наибольшей степени на этом направлении продвинулись США и Великобритания). Например, профильные американские компании получили заказы на изготовление роботов, предназначенных для «воздействия на лиц, не проявляющих готовности к сотрудничеству»⁴.

Разработанные главным образом в американских и британских «мозговых центрах» идеи НМП внедряются:

- в государственные программы в гражданской и военной сферах;
- в структуры среднего и высшего образования, науки;
- в институты гражданского общества, публикации СМИ.

Далее установки вводятся в обиход в международных структурах, находят применение во многих государствах. При продвижении идей НМП используются возможности ООН, которая рассматривается элитными кругами как прообраз и подготовительная площадка мирового правительства. Проект претворяется в жизнь в основном проекцией «мягкой силы», однако применение «жесткой силы», то есть войны, также считается приемлемым. Согласно высказыванию влиятельного сторонника НМП американского финансиста Дж. Варбурга, «относительно мирового правительства существует только один вопрос – будет ли оно создано путем завоевания или путем получения согласия»⁵.

Военное и геополитическое измерение проекта до последнего времени были прерогативой США: практика в этой сфере, в том числе и в начале нового века, хорошо известна. Наряду с организацией «цветных революций» в государствах-субъектах сво-

их геополитических интересов, США разрабатывают технологии глобального военного контроля, включая размещение вооружений в космосе. Продолжая оставаться основным военным организатором и сохраняя контроль над руководством операциями по смене режимов (Ливия, Сирия), США в последнее время отводят государствам НАТО и союзникам в регионах роли исполнителей геополитических сценариев, что, с одной стороны, расширяет и усиливает влияние Вашингтона, с другой – снижает его ответственность и издержки. При этом игнорирование норм международного права как самими Соединенными Штатами, так и их европейскими партнерами стало системным.

Ключевой вопрос ближайшего будущего

Эксперты полагают, что, несмотря на декларативные заявления, руководители США, Японии и ряда европейских стран вряд ли пойдут на осуществление адекватных мер антикризисного глобального и национального финансового регулирования. Неадекватность денежной эмиссии как средства выхода из кризиса очевидна, однако никаких реальных альтернатив не предлагается. Эгоизм элит может обернуться не только крахом мировой финансовой системы, но и обвалом национальных систем государственных финансов и социального обеспечения и дестабилизацией внутреннего положения многих стран. При современных технологиях организация массовых протестов, социальная напряженность и волнения среди населения являются серьезной угрозой для политической стабильности.

Вопрос о том, удастся ли избежать крупного межгосударственного вооруженного конфликта с вовлечением в него многих государств, становится на ближайшее будущее ключевым. По мнению экспертов, в зависимости от остроты финансовых и социальных проблем в США и ситуации на предстоящих президентских выборах, в Вашингтоне в узком кругу может быть принято решение прибегнуть к войне как средству ликвидации внутренних и международных проблем кризиса. Способность Вашингтона в принципе пойти на региональный или, как полагают некоторые эксперты, более крупный конфликт, сомнений не вызывает, а решение о войне может быть принято и после президентских выборов.

В конце октября 2008 г. (за две недели до прошлых президентских выборов) тогдашний кандидат в вице-президенты Дж. Байден с уверенностью предсказывал, что вскоре после избрания Б. Обамы президентом возникнет серьезный «сгенерированный международный кризис», то есть вооруженный конфликт, при котором для Америки может наступить нелегкое время, но в конце концов Б. Обама успешно выполнит «важнейшую системную задачу расчистки авгиевых конюшен»⁶. По словам Дж. Байдена, существует несколько сценариев «сгенерированного кризиса», но кандидат в вице-президенты не уточнил какие. Высказывание Дж. Байдена было забыто, но, если лица, принимающие решения, сочтут это необходимым, война может быть начата в любой момент. Это было бы наихудшим вариантом для мира.

Несмотря на некоторый спад напряженности вокруг Ирана, возможность возникновения вооруженного конфликта в районе Персидского залива продолжает оставаться высокой. Об оперативной готовности ВС США к военным действиям против Ирана американское военное руководство докладывало Б. Обаме еще в 2010 г., а с тех пор параметры противостоящих друг другу военных группировок в регионе возросли. Как представляется, пока единственным моментом, сдерживающим нападение на Иран, является военный потенциал исламского государства – он позволит Тегерану нанести нападающей стороне чувствительный удар и, если потребуется, вести в регионе и за его пределами затяжную войну.

Кроме других сценариев региональных конфликтов, война может начаться после спровоцированного нападения событий 11 сентября 2001 г. террористического акта на территории самих США или в одной из стран Европы. Виновником теракта может быть незамедлительно назван Иран или иной объект в зависимости от замысла организаторов. Послует массированная демонизация виновника, вокруг теракта будет создан соответствующий информационный и политико-психологический климат, приложены настойчивые усилия по привлечению государств, в том числе России, к поддержке военных действий США или НАТО – вплоть до участия в силовых акциях.

Наряду с названными сценариями эксперты полагают возможной инсценировку крупной техногенной катастрофы в США или Европе – неополитического инцидента без указания на страну-виновницу. Масштабы и последствия катастрофы должны быть такими, чтобы проблемы кризиса отошли на второй план, а государства сочли бы инцидент серьезным поводом для рассмотрения программ НМП. Регион, объект и масштабы военных действий, использование чрезвычайных обстоятельств для решения конкретных вопросов кризиса (долги, денежная эмиссия, внутриполитическое положение) и ожидаемые геополитические выгоды «сгенерированного конфликта» являются для организаторов войны существенными факторами.

Однако в нынешней ситуации это может быть не главной целью. Если конфликт будет завершаться убедительной победой «коалиции добра» во главе с США, в повестку дня может быть поставлена стратегическая задача – добиться от государств согласия на послевоенное устройство в духе нового мирового порядка, то есть упразднение или существенное изменение сегодняшних принципов, норм и правил мироустройства – прежде всего ликвидации или ограничение суверенитета государств, а также внедрение нового международно-правового режима и создание соответствующих институтов мирового управления. Организаторы операций будут вести войну таким образом, чтобы в ходе ее сформировать на период войны группу союзников, а после этого вместе с партнерами приступить к переустройству мира.

Западные сценарии конфликтов игнорируют такие последствия войны, как массовые людские по-

тери и гуманитарная катастрофа, финансово-экономическая и экологическая катастрофы в масштабах, выходящих далеко за рамки региона. Не принимаются во внимание отрицательное воздействие войны на социальную сферу, ухудшение мирового политического климата и разрушительное воздействие конфликтов на действующее международное право, и без того серьезно подорванное противоправными действиями США и НАТО в Югославии, Ираке, Ливии и в последнее время в Сирии. Сценарии неудачных для США войн в профильных публикациях или СМИ не рассматриваются.

Угрозы цивилизации

Любой исход войны или техногенной катастрофы усугубит мировой кризис по всем направлениям. Но даже если ни того, ни другого не произойдет и правила банковско-финансовых операций, подвергающие миллиарды людей страданиям из-за жадности денежной элиты, будут скорректированы, это не избавит мир от кризисов и войн. Сняв правовые преграды быстрому сверхобогащению крупнейших держателей частных банковских активов (отмена в 1999 г. закона Гласса–Стигалла в США и др.), американский финансовый капитал узаконил порядок, при котором вопиюще несправедливое умножение активов одних лиц открыто происходит за счет потерь и обеднения несравненно большего числа других, в том числе и живущих за рубежом. Возражений со стороны финансовых кругов других стран, работающих на рынках ценных бумаг США, не последовало. В 2008 г. пирамида ценных бумаг американской ипотеки обрушилась, положив начало кризису, но та же игра идет сегодня и вокруг других рынков ценных бумаг.

Либерализация правил рынка ценных бумаг деформировала не только банковско-финансовую сферу. За ней началась небывало быстрая деформация действовавших до сих пор норм поведения в политике, праве, бизнесе, социальной сфере, изменения в идеологии образования, культуре, морали и этике и постепенное утверждение новых основ деятельности и взаимоотношений людей, общества и государства, а также частной жизни. Деформации коснулись и международных отношений.

Грубо нарушив равновесие в сторону материальной составляющей двуединой основы человеческой цивилизации, в сфере политики финансовый капитализм девальвирует смысл существования институтов демократии (выборы, политические партии, профсоюзы, система сдержек и противовесов в политике и управлении). В области прав человека проводится линия на ограничение закрепленных законом традиционных прав и свобод (неприкосновенность жилища, частной жизни, переписки и др.), все большее регулирующее воздействие на общественно-политическую жизнь оказывают жесткие правовые и неписанные установки на либеральную «политкорректность», ограничивающие свободу слова.

Особое влияние на формирование новой картины мира приобретают СМИ глобального охвата, поставляющие пользователям заведомо ложную, а

иногда и инсценированную информацию. Реформировано образование – сотни миллионов молодых людей уже получили среднее образование по школьным программам, внедрившим в сознание новых поколений матрицу, узко ограниченную простейшими прагматическими задачами. Подвергаются атакам религиозность, мораль, традиционные отношения между родителями и детьми, ориентация на крепкую семью как важнейшую основу жизнеустройства. Узакониваются однополые браки и полная гендерная свобода. В духе постмодерна перерождаются культура и искусство. Выработанные веками традиционные понятия о прекрасном и безобразном вытесняются, маргинальные антиэстетические вкусы культивируются. Искусство перестает быть сферой интеллекта и средством поисков добра, правды, справедливости и путей изменения мира, его функции все больше сводятся к производству примитивных продуктов индустрии развлечений. Все это – результат работы по созданию новой матрицы жизнеустройства.

Особого внимания заслуживает настойчивое продвижение проекта «чипизации» людей. Современная информатика и «электронный интеллект» являются, с одной стороны, великим достижением человеческого разума. Однако навязчивая экспансия коммерческих информационных услуг приведет к деградации людей: если «чипизация» станет реальностью, электронный интеллект станет вытеснять интеллект самого человека, делая его все менее востребованным. Это уже происходит. Информатика может также стать серьезной угрозой правам и свободам человека. Прикрываемые предлогом «повышения творческих возможностей личности» проекты «чипизации» свидетельствуют о планах установки электронного контроля над всей жизнедеятельностью человека, включая воздействие специальных технологий на его сознание и поведение. Не исключается, что информационные технологии вообще задумывались как средства двойного назначения – как для информации, так и для контроля. Такой контроль может быть тоталитарным или, в отдельных случаях, криминальным. Главная угроза «чипизации» – возможность устранить при помощи технологий саму духовность, кардинально изменить природу человека как существа одушевленного, свободного, самостоятельно мыслящего и независимого и превратить людей в управляемых биотехногибридов. Возможно, у авторов проекта есть идеи и даже наработки организации управления обществом таких субъектов, но они, по понятным причинам, не озвучивались. Влиятельные сторонники «чипизации» имеются и в России.

Осуществляемый в большой группе стран многоотраслевой проект НМП как бы исподволь, но коренным образом меняет жизнь. Характер этих изменений вызывает серьезную тревогу. Под прикрытием вводящих в заблуждение лозунгов, программ и коммерческих брендов архитекторы перемен уводят мир от выстраданных в ходе исторического развития человечества принципов и норм цивилизации. Она до сих пор сохраняла нематериальную/духовную сторону существования как важнейшую, удер-

живающую мир от деградации и самоуничтожения основу жизнеустройства. Создается всемирная антицивилизация – порядок, который будет коренным образом отличаться от предшествующих и ныне существующих цивилизаций.

Одна из ключевых задач проекта – свести на нет или максимально сузить духовный мир людей, убрать «предрассудки и устаревшие запреты и знания прошлого», то есть нынешнюю цивилизацию, и привести мир к такому положению, когда вопросы материальной сферы (финансы, экономика, жизнеобеспечение) и управления территориями решаются финансовыми и технократическими элитами. А «оптимизированное», то есть заметно сократившееся «чипизированное», население ведет строго запрограммированное стандартно-комфортное существование. Именно такой будет картина мира, если проекту НМП будет позволено осуществиться. Подобное жизнеустройство, однако, нельзя будет назвать человеческой цивилизацией.

В связи с этим представляется дискуссионным известный тезис американского политолога С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций», согласно которому продвижение проектов и правил Запада приводит и будет в еще большей степени приводить к конфликтам с цивилизациями, придерживающимися других традиций и ценностей. Столкновения происходят скорее между агрессивной антицивилизацией и влиятельными политическими силами, которые выступают против НМП и стремятся к сохранению общих для всех существующих цивилизаций – и пока действующих – традиционных принципов и норм жизнеустройства в своих государствах. Такие силы есть в США, в странах Европы, Азии, Латинской Америки и Африки.

Столкновения цивилизации и антицивилизации в разных странах проявляются во внутренней политике, общественной жизни, культуре и характеризуются растущей жесткостью. Во внешней политике большая или меньшая степень конфликтности присуща отношениям США и государствам ЕС с государствами, которые, строго придерживаясь принципа сохранения своего суверенитета, стремятся найти собственную модель развития, сохраняющую комплекс духовности в качестве баланса сферы материальных ценностей: Китай (гармоничное общество и государство), Иран (теократическое государство, контролирующее соблюдение религиозных норм во всех областях жизни), Куба (социализм), Вьетнам (социализм в политике, рыночные реформы в экономике) и др.

В отношении сторонников НМП к России присутствует значительная доля негативизма. В вопросах поддержания мира и международной безопасности политика России часто расходится с политикой евроатлантической группы. Во внутрироссийских делах отмечается активизация общественности в защиту традиционных духовных ценностей. От способности России противостоять натиску НМП во многом зависят судьбы мира. Очевидно, именно поэтому в последнее время против российских властей стали применяться политтехнологии «смены режима».

Порядок, гарантирующий повторение мировых кризисов и войн, неприемлем для России, как неприемлема и перспектива его эволюции в мироустройство, ликвидирующее духовность как одну из основ сегодняшней цивилизации. Важнейшая задача современности – не допустить реализации сценариев войн, деградации человека и воцарения глобальной антицивилизации. Эти задачи выполнимы: и действующий, и еще незадействованный совокупный потенциал противников антицивилизации позволяет нейтрализовать планы заказчиков нового мирового порядка. Основной проблемой сторонников традиционных основ сегодняшнего мироустройства является то, что они защищают существующую цивилизацию от наступления разрушителей, но не имеют пока собственного адекватного глобального проекта, который позволял бы обеспечивать бескризисное развитие экономики и технологий в гармонии с развитием духовной сферы человека и сохранением его прав и свобод. Значимость такого проекта трудно переоценить. Напор сторонников НМП делает скорейшую разработку цивилизационной альтернативы весьма актуальной. Промедление с контрпроектом может создать проблемы экзистенциального характера.

Создание альтернативного проекта – задача масштабная и трудоемкая, ибо проект должен:

- быть многоплановым, охватывать широкий спектр областей жизнедеятельности и разрабатываться как инновационный, то есть предназначенный для прямой реализации программ в конкретных сферах – финансов, экономики, образования, науки, СМИ, здравоохранения, культуры, межличностных отношений и т.д.;

- содержать исчерпывающие правовые и институциональные гарантии соблюдения установленных принципов, норм и правил, исключающих возможность возникновения кризисов и войн и обеспечивающих право человека на свободное творческое развитие своих способностей.

Глобализованность мира предполагает, что альтернативный проект должен создаваться усилиями заинтересованных кругов разных стран. Для формирования новой картины мира могут быть важными как позитивный, так и негативный опыт жизнеустройства в той или иной стране, а также опыт международных организаций. Работа с независимыми авторитетными зарубежными представителями, выступающими против НМП, показывает, что российская инициатива постановки вопроса о разработке альтернативного проекта была бы воспринята весьма конструктивно. Важную роль в создании концепции может сыграть Россия, имеющая уникальный опыт и революционной, и несиловой смены государственного строя, и реализации принципиально различных проектов радикальной перестройки экономики, общества и государства – социалистической и либеральной, с их достижениями и неудачами.

Ryurikov D.B. The World Order Crisis and the Threats for Russia and the World.

Summary: Crises in global finance and economy, the threat of wars and tension in world relations, the degradation of the non-material bases of civilization, i.e. morality, law, politics, and culture, do not bother a group of influential financial and political figures of the West: they believe that after a sequence of crises and wars, a "new world order", the NWO, will be established. Projected globally once by the "hard", once by the "soft" power, the ideology and practice of the NWO negates the foundations of civilization gained by ordeals and sufferings of mankind, and means the departure from the principles and norms of the actual world order valid until the end of the 20th century. Essentially, the NWO is an anticivilization. If the project is allowed to be implemented, the lives of humans will change beyond recognition. Thus, the key challenge of our time: do not let the project to be realized, consolidate the forces opposing the NWO.

Ключевые слова

Новый мировой порядок, НМП, региональный конфликт, финансиализированный капитализм, ликвидация государственного суверенитета, «чипизация», электронный контроль за сознанием.

Keywords

The New World Order; the NWO; the regional conflict; the financialized capitalism; the abrogation of the national sovereignty; the chipization; the electronic conscience control.

Примечания

1. Термин "финансиализированный капитализм" отражает возросшую способность финансового капитала (особенно в виде деривативов) к перемещению в пространстве, времени и между секторами, что в течение нескольких десятилетий существенно усилило внутреннюю и международную конкуренцию, а также резко повысило финансовую нестабильность (см.: Панич Л., Гиндин С. Капиталистические кризисы и нынешний кризис / Лео Панич, Сэм Гиндин // Альтернативы. 2012. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a2-2012/15623-kapitalisticheskie-krizisy-i-nyeshniy-krizis.html>).
2. Wolff E. World Social Inequality more Pronounced than Ever / Ernst Wolff // Global Research : website. 2012. July 27. URL: <http://www.globalresearch.ca/world-social-inequality-more-pronounced-than-ever/>.
3. Брат известного писателя-футуролога О. Хаксли.
4. Watson S. Pentagon Wants Packs of Robots to Detect "Non-cooperative Humans" / Steve Watson // INFOWARS.net : website. 2008. October 23. URL: <http://infowars.net/articles/october2008/231008Robots.htm>.
5. Taylor D. Trends to a New World Order: Part 1 / Daniel Taylor // Old-Thinker News : website. 2008. January 3. URL: <http://www.oldthinkernews.com/2008/01/trends-to-a-new-world-order-part-1/>.
6. Watson P.J. What Will Obama's "International Crisis" be? / Paul Joseph Watson // Propagandamatrix.com : website. 2008. October 22. URL: http://www.propagandamatrix.com/articles/october2008/102208_international_crisis.htm; Barrett K. Biden to Supporters: "Gird Your Loins", For the Next President "It's Like Cleaning Augean Stables" / Kate Barrett // Abc News: website. 2008. October 20. URL: <http://abcnews.go.com/blogs/politics/2008/10/biden-to-support/>.

Международный аспект создания государства Палестина

Зауль Авад

Проблема палестино-израильских отношений, а также непосредственно вопрос создания Палестинского государства с самого своего зарождения вышли далеко за пределы Ближневосточного региона и стали неотъемлемой частью мировой политики. Процесс интернационализации проблемы палестинской государственности происходил постепенно при вовлечении все большего числа региональных и внерегиональных акторов. Несомненно, далеко не последнюю роль в этом процессе играла Организация Объединенных Наций и ее Генеральный секретарь как выразитель интересов международного сообщества. Не менее важное значение имело участие в разрешении этих вопросов европейцев, россиян, арабов и американцев.

В вопросе о Палестине международное внимание в 1950 – начале 1960-х гг. концентрировалось главным образом на проблемах палестинских беженцев и межгосударственного конфликта. После войны 1967 г. вопрос о Палестине стали трактовать в более широком политическом контексте. Создание в 1964 г. Организации освобождения Палестины (ООП) имело большое значение в деле интернационализации проблемы палестинской государственности. Судьбоносные события для процесса становления палестинской государственности произошли после 1974 г. В конце 1974 г. в Рабате (Марокко) на совещании глав правительств арабских стран было принято решение о признании ООП в качестве «единственного законного представителя арабского народа Палестины». В 1976 г. ООП впервые официально на региональном уровне был предоставлен статус полноправного члена Лиги арабских государств (ЛАГ)¹, а впоследствии и в Организации Исламской конференции².

Этапным событием в деле борьбы за палестинскую государственность стал ноябрь 1988 г. Именно в это время руководство ООП в Ал-

жире провозгласило создание Палестинского государства³. Генеральная Ассамблея несколько позднее, в своей резолюции 43/177 от 15 декабря 1988 г., приняла к сведению провозглашение Национальным советом Палестины государства Палестина⁴.

Особую роль в деле обеспечения международной легитимности палестинской государственности играет Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа, известный также как Комитет по правам палестинцев, который был создан Генеральной Ассамблеей в 1975 г. В период 1982–1983 гг. Комитет служил подготовительным органом Международной конференции по вопросу о Палестине, которая состоялась в Женеве 29 августа – 7 сентября 1983 г. Комитет приветствовал взаимное признание правительством Израиля и ООП и подписание в сентябре 1993 г. «Декларации принципов о временных мерах по самоуправлению». Он оценил такое развитие мирного процесса как важный шаг на пути к достижению всеобъемлющего, справедливого и прочного мира в соответствии с резолюциями 242 (1967) и 338 (1973) Совета Безопасности ООН.

Зауль Авад – соискатель кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Комитет призвал международное сообщество активизировать поддержку и помощь палестинскому народу под руководством его признанного лидера – ООП, с тем чтобы обеспечить успешное осуществление достигнутых договоренностей. В частности, Комитет подчеркнул необходимость всестороннего участия ООН в мирном процессе и в процессе создания Палестинской национальной администрации, а также в предоставлении широкой помощи палестинскому народу во всех соответствующих областях.

К концу 1990-х гг. Комитет начал выражать все большую обеспокоенность по поводу тупиковой ситуации с мирными переговорами и растущей напряженности и насилия в регионе. Эта тревога еще более усилилась после начала второй интифады (Аль-Акса) в конце сентября 2000 г. Поэтому Комитет поддержал все международные усилия, направленные на прекращение насилия и возобновление мирных переговоров с целью положить конец оккупации и урегулировать вопрос о Палестине во всех его аспектах. Комитет приветствовал договоренности, достигнутые сторонами в Шарм-эш-Шейхе и Табе (Египет) в октябре 2000 г. и в январе 2001 г. соответственно, и дал высокую оценку участию Генерального секретаря ООН в этих усилиях.

Таким образом, очевидно, что международное сообщество в лице ООН и ее профильных подразделений и комитетов вели широкую работу по обеспечению международно-правовой основы для создания жизнеспособного Палестинского государства на основе соответствующих резолюций ООН. Эта работа также включала в себя усилия по мобилизации поддержки на региональном уровне, направленные на урегулирование арабо-израильского конфликта в целом и предусматривающие в качестве основы урегулирования идею создания независимого Палестинского государства. Однако это не оказало большого влияния на решение палестинской проблемы. Постепенно стали выделяться международные и региональные посредники, которые стремились более эффективно повлиять на процесс ближневосточного урегулирования.

Пытаясь собственными силами реанимировать переговорный процесс по урегулированию ближневосточного конфликта, арабский мир решил на выдвижение собственного плана по решению палестинской проблемы. В 2002 г. Саудовской Аравией была выдвинута «арабская мирная инициатива» по разрешению палестино-израильского конфликта. Последовавший саммит ЛАГ, проведенный в Бейруте в том же году, одобрил эту инициативу, предложившую Израилю нормализацию отношений с арабским миром в обмен на освобождение занятых Израилем в ходе войны 1967 г. территорий и «справедливое решение проблемы палестинских беженцев на основе резолюции 194 Генеральной Ассамблеи ООН».

Инициатива была направлена на достижение всеобъемлющего мира с Израилем и окончание арабо-израильского конфликта при главном условии – отступлении Израиля с оккупирован-

ных им в 1967 г. территорий (включая Голанские высоты и фермы Шебаа) и признания им Палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа со столицей в Восточном Иерусалиме⁵. Инициатива была поддержана всеми арабскими странами и председателем Палестинской автономии Махмудом Аббасом. Однако положение осложнялось тем фактом, что против инициативы выступило палестинское движение ХАМАС. За день до принятия инициативы, 27 марта 2002 г., ХАМАС провел теракт в отеле «Парк» в Нетании, в результате чего погибли 30 израильтян. В ответ на этот и предыдущие теракты правительство Израиля начало против Палестинской автономии операцию «Защитная стена». Эти события отвлекли внимание от принятия ЛАГ «мирной инициативы». Таким образом, «мирная инициатива», которая могла стать прорывом в разрешении палестинской проблемы, не имела должного эффекта.

Параллельно с этим обострялась внутривнутриполитическая – внутривнутрипалестинская борьба между ФАТХ и ХАМАС, которая еще больше осложняла и без того напряженные палестино-израильские отношения и соответственно тормозила решение проблемы создания Палестинского государства. Стремясь избежать дальнейшей эскалации насилия, арабский мир в лице ЛАГ позитивно воспринял идею, выдвинутую 12 сентября 2006 г., о создании Правительства национального единства (ПНЕ) в ходе переговоров между Исмаилом Ханией и Махмудом Аббасом⁶.

В результате многочисленных встреч с участием палестинцев из ФАТХ и ХАМАС, а также деятельности многочисленных посредников из ряда арабских стран 6 ноября 2006 г. в Дамаске было достигнуто принципиальное согласие на формирование ПНЕ из независимых кандидатов. А 10 ноября Халед Машааль объявил, что в основу будущего ПНЕ будет положен так называемый «Документ заключенных», призывающий к переговорам с Израилем, если тот покинет оккупированные в 1967 г. палестинские территории⁷.

Стремясь получить поддержку своим усилиям, арабские лидеры на встречах с госсекретарем США Кондолизой Райс во время ее визита в регион 13–25 января 2007 г. дали понять, что арабы поддержат иракскую политику Буша, если США активизируют свою поддержку по возобновлению палестино-израильских переговоров. Однако существовавшая на тот момент американская позиция по палестинскому вопросу разочаровала арабов: ожидаемой поддержки своим усилиям из Вашингтона они не получили. И все же, несмотря на игнорирование американской стороной озабоченности арабских лидеров обострением «палестинской проблемы», практически через год после парламентских выборов в ПНА, на которых победу одержал ХАМАС, 7 февраля 2007 г. в Мекке было подписано одноименное соглашение об образовании ПНЕ⁸.

Практически сразу после подписания «Мекканской декларации» в арабской прессе стали

активно обсуждать возможность возобновления палестино-израильского и арабо-израильского диалога для заключения полномасштабного мирного договора. С этой целью 4 марта 2007 г. в Каире прошел саммит ЛАГ на министерском уровне, где обсуждалась подобная инициатива. По его итогам генеральный секретарь ЛАГ Амр Мусса заявил, что реанимация «арабской мирной инициативы» может привести к нормализации арабо-израильских связей в обмен на уход со всех оккупированных палестинских территорий⁹.

На последовавшем саммите ЛАГ в Эр-Рияде, где также присутствовала делегация из Ирана, главным вопросом была реанимация «арабской мирной инициативы», которая получила всеобщее одобрение участников. На саммите было принято решение об учреждении рабочего комитета по выработке политической формулы арабского участия в переговорном процессе. После Эр-Риядского саммита арабам предстояло донести мировой общественности свою инициативу по запуску нового раунда мирных переговоров с учетом своих интересов. Для этого требовалось заручиться поддержкой Запада, прежде всего США и ЕС, самой идеи возобновления арабо-израильского диалога и повлиять на Израиль, чтобы тот снял экономические санкции и политический бойкот палестинского правительства, которые были введены после прихода к власти правительства ХАМАС¹⁰.

Однако развитие ситуации на палестинских территориях, особенно в секторе Газа, не отвечало интересам арабских посредников. Возобновление с 4 апреля 2007 г. точечных авиаударов и наземных спецопераций израильских войск против боевиков ХАМАС и Исламского джихада в секторе Газа привело к прекращению перемирия между ХАМАС и Израилем. Это, в свою очередь, накладывалось на противостояние вооруженных формирований ХАМАС и ФАТХ внутри Газы, между которыми происходили постоянные столкновения, жестокость которых особенно усилилась в мае–июне.

16 июля 2007 г. последовало выступление американского президента Джорджа Буша. Он высказал американскую позицию по ближневосточным проблемам и предложил созвать международную конференцию по разрешению арабо-израильского конфликта в американском Аннаполисе¹¹. На этой конференции израильский и палестинский лидеры согласились «немедленно начать дружественные двусторонние переговоры с целью заключения мирного соглашения, решить все открытые вопросы и все без исключения ключевые проблемы».

Согласно совместной договоренности, обе стороны обязались немедленно начать выполнение соответствующих обязательств по «дорожной карте», принятой «четверкой» и заключающейся в продвижении к постоянному урегулированию в соответствии с принципом сосуществования двух государств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств. Стороны также договорились о создании американо-палестино-израильского механизма, возглавляемого США, с целью последовательного выполнения «Дорожной карты»¹².

Параллельно с арабами и в поддержку их инициативы в 2000-х гг. над проблемой реанимации палестино-израильского переговорного процесса, а также над решением вопроса о создании Палестинского государства работали и внерегиональные игроки. В 1991 г. в Мадриде состоялась ближневосточная мирная конференция с участием Израиля, Сирии, Ливана, Иордании (палестинцы были приглашены лишь в составе объединенной палестинско-иорданской делегации) была выработана формула «Мир в обмен на землю», а США и СССР стали спонсорами мирного процесса. Мадридский саммит ознаменовал собой начало ближневосточного мирного процесса, в ходе его работы были заложены основные принципы, на основе которых до настоящего момента строится переговорный процесс, в том числе и по вопросу палестинской государственности.

США представили развернутую программу урегулирования палестинской проблемы в рамках созданного в 2002 г. «Ближневосточного квартета» в составе ООН (в лице Генерального секретаря), ЕС, США и России. В 2003 г. «квартет» обнародовал план «Дорожная карта», представлявший собой наиболее детализированный из всех существующих проект поэтапного решения палестинской проблемы. Создателем «Дорожной карты» был Дж. Буш-младший, первый американский президент, который призвал к созданию независимого Палестинского государства. «Дорожная карта»¹³ представляет собой поэтапный план продвижения к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом мирного сосуществования двух государств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств и достижения ими заданных целей и включает в себя 3 четких этапа и временной график его реализации.

Цель плана – окончательное и всеобъемлющее урегулирование палестино-израильского конфликта до 2005 г., как это было заявлено в речи Президента США Дж. Буша 24 июня 2002 г. и одобрено Европейским союзом, Россией и ООН в заявлениях по итогам встреч на уровне министров иностранных дел. «Квартет» при этом должен оказывать содействие и способствовать реализации плана начиная с первого этапа, включая, по мере необходимости, и помощь при прямых контактах между сторонами, а также проводить регулярные встречи на высоком уровне для оценки результатов деятельности сторон по реализации плана.

Палестинцы без колебаний поддержали «Дорожную карту». Что касается Израиля, то его правительство выработало некоторые замечания¹⁴ по этому документу и передало их администрации США в мае 2003 г. В замечаниях, в частности, подчеркивалось, что условием перехода ко второму этапу должно стать «формирование нового, отличного от нынешнего, палестинского руководства в рамках предусмотренных реформ». Другим требованием было признание за Израилем права на существование в качестве еврейского государства с обязательным и публичным отказом от требований

возвращения арабских беженцев на израильскую территорию.

Кроме того, подчеркивалось, что определяющие характеристики временного Палестинского государства будут установлены в ходе переговоров между Израилем и Палестинской администрацией, что у этого государства «не будет постоянных границ, оно будет полностью демилитаризованным и лишенным права на заключение международных соглашений военно-политического характера». Израиль также хотел сохранить за собой контроль над воздушным пространством этого государства, его сухопутными и морскими границами.

К началу 2007 г. реализация плана «Дорожная карта» и ряда других инициатив международных посредников «забуксовала» по ряду объективных причин. В условиях продолжавшейся интифады Израиль установил жесткие ограничения на передвижение людей и товаров в зоне ответственности ПНА, что на практике вело к дальнейшему разделению палестинских территорий на изолированные сегменты. На территории, являющейся зоной ответственности ПНА, образовалось два изолированных анклава. К этому следует добавить, что Израиль, США и ряд стран ЕС считали ХАМАС террористической организацией, что давало основание Израилю вести военные действия и применять жесткие блокадные меры против населения Газы в целях защиты своего гражданского населения. Другими словами, к 2007 г. урегулирование конфликта силами «Ближневосточного квартета» зашло в тупик.

В этой связи было принято решение усилить работу международных посредников непосредственно в зоне конфронтации назначением на пост спецпредставителя на Ближнем Востоке бывшего премьер-министра Великобритании Т. Блэйра, который имел большой опыт в урегулировании многолетнего национального конфликта в Северной Ирландии. В 2008 г. аппарат советников Т. Блэйра подготовил детальную программу «На пути к Палестинскому государству». Она предусматривала:

- проведение мероприятий по реорганизации палестинских правоохранительных органов и служб, ответственных за обеспечение безопасности;
- строительство сооружений по очистке воды и водоснабжению;
- увеличение иностранных инвестиций в палестинскую экономику;
- переговоры с израильским руководством по вопросам сокращения количества КПП на Западном берегу и увеличения их пропускной способности¹⁶.

Однако правительство Израиля фактически сразу заблокировало все проекты экономического развития на палестинских территориях. Т. Блэйр очень скоро признал утопичность предложенной им программы. Стало очевидно, что программа Т. Блэйра не способствует усилиям «квартета» по нормализации ситуации на оккупированных территориях, а тем более – по формированию будущего Палестинского государства¹⁷.

Обращение руководства ПНА в ООН осенью 2011 г. с просьбой о предоставлении палестинскому государственному образованию полноправного членства еще более осложнило ситуацию в регионе и поставило «квартет» в крайне затруднительное положение. В этом свете заявление Б. Нетаньяху на сессии ГА ООН 2011 г. о том, что «он подпишет мирное соглашение, в результате которого будет создано демилитаризованное Палестинское государство, признающее еврейский характер Израиля», фактически дезавуировало ранее наработанную международно-правовую базу палестино-израильского урегулирования, в частности касавшуюся формирования Палестинского государства¹⁸.

Таким образом, деятельность «квартета» фактически сошла «на нет», активным посредником в палестино-израильских переговорах оставались только США. Активная позиция США в палестино-израильском урегулировании объясняется «особыми» американскими отношениями с израильтянами. Израиль является главным союзником США в регионе по двум причинам: из-за «сионистского лобби», которое зачастую играет одну из решающих ролей в американской внутренней и внешней политике, и необходимости обеспечения контроля над жизненно важным для США Ближневосточным регионом. Ибо от того, как разрешится палестино-израильский конфликт, во многом будут зависеть американские стратегические позиции на Ближнем Востоке.

Подходы американского и израильского руководств в отношении палестино-израильского урегулирования в целом всегда совпадали, особенно касательно разрешения палестинского вопроса. По сути, ни для американцев, ни для израильтян не стоит задача создания Палестинского государства (или, по крайней мере, эта задача является далеко не приоритетной), а главной проблемой является обеспечение безопасности в регионе в целом и для Израиля – в частности.

Главным препятствием на пути к мирному разрешению арабо-израильского конфликта долгое время была обструкционистская позиция израильского руководства, по сути поддерживаемая США, которая заключалась в упорном недопущении к переговорному процессу ООП. Однако реалии международной жизни рубежа 1980–1990-х гг. заставили отказаться от этой неуступчивости. 14 декабря 1988 г. президент Рейган дает указание «начать с ООП диалог по существу»¹⁹. В качестве предварительных условий от ООП требовалось признание права Израиля на существование и осуждение терроризма.

В декабре 1988 г. в Тунисе, где находилась штаб-квартира ООП, начались американо-палестинские переговоры. Это можно было считать своего рода прорывом в застопорившемся палестино-израильском конфликте. С этого момента США фактически постепенно превращается в единственного из существующих международных посредников, реально способных повлиять на процесс урегулирования. К «особым» отноше-

ям с Израилем и способности оказывать влияние на израильское правительство добавились связи, хотя и очень хрупкие, с палестинской стороной.

В ходе переговоров, однако, сразу же обнаружилось серьезное расхождение сторон по ключевым проблемам мирного урегулирования. Пытаясь не остаться в стороне от начавшегося диалога, Израиль выдвигает свои инициативы («план Шамира»²⁰), которые, как и прежде, не предусматривают прямого участия ООП в процессе урегулирования. В июне 1989 г. к поискам компромисса активно подключается президент Египта Мубарак. Он был поддержан странами ССАГПЗ, но остальные члены ЛАГ отнеслись к усилиям Мубарака настороженно.

Оценив создавшуюся ситуацию, США весной 1989 г. выдвинули идею поэтапного мирного урегулирования (сближение позиций «шаг за шагом»²¹). В качестве первого шага противоборствующим сторонам предлагалось в принципе отказаться от политики конфронтации и принять конкретные меры по формированию благоприятного для достижения компромисса политико-психологического климата. В частности, арабам предлагалось отказаться от бойкота Израиля, а последнему – признать права палестинцев.

Во многом достижение компромисса было связано с отказом Израиля от его сверхжесткой, нереалистичной позиции в отношении ООП, которая квалифицировалась как «террористическая организация», и при этом заявлялось, что ни при каких обстоятельствах она не может быть признана в качестве законного представителя палестинского народа. Поскольку соответствующий статус ООП к этому времени был уже признан подавляющим большинством государств мира, такая позиция представляла собой очевидный анахронизм. Осознавая, что она является главным препятствием на пути урегулирования, американская дипломатия сконцентрировала свои усилия на ее смягчении. И ей это удалось. 9 сентября 1993 г. Израиль и ООП заключили соглашение о взаимном признании, а 13 сентября в Вашингтоне они подписали Декларацию о принципах организации временного палестинского самоуправления в секторе Газа и г. Иерихон.

Значение палестино-израильского конфликта для США в последнее время заметно возросло, сегодня его неурегулированность мешает стабилизации региона и претворению в жизнь американской концепции Большого Ближнего Востока. Нерешенность палестинского вопроса также является одним из источников формирования негативного отношения к США, что, несомненно, сказывается на их позициях в этом регионе. В настоящее время США наращивают свои усилия для создания благоприятных условий, ведущих к результативности палестино-израильского диалога как самостоятельно (посреднические инициативы Клинтона в 2000 – 2001 гг., активность Буша-младшего во второй срок своего президентства, «новая политика»

Обамы), так и совместно с другими «международными посредниками» («Ближневосточный квартет»).

Так, в ходе визита в Палестину в феврале 2005 г. государственный секретарь США К. Райс следующим образом охарактеризовала планы Белого дома: «Не во всем должны участвовать Соединенные Штаты, но США должны быть там, когда это необходимо. Мы будем очень активны. Мы намерены активно взаимодействовать со сторонами по вопросам безопасности. Мы намерены активно работать со сторонами по вопросам политического развития и демократизации. И, конечно же, мы будем активно помогать сторонам вернуться к «Дорожной карте»...»²².

Американское руководство в различных заявлениях официальных лиц неустанно выражает идею, что условием успешного хода мирного процесса является создание на палестинских территориях сильных и эффективных властных структур, способных обуздать радикальные группировки и восстановить порядок. Вашингтон постоянно повторяет мысль о том, что на данный момент в Палестине сложились все условия для развития демократии, которая станет ключом к примирению, подчеркивая, что два демократических государства быстрее смогут научиться доверять друг другу и урегулировать имеющиеся разногласия.

В этой связи для Белого дома важным сдвигом стало избрание в 2005 г. главой ПНА Махмуда Аббаса, который ранее уже продемонстрировал готовность к конструктивному диалогу как с США, так и с Израилем. Еще в день выборов в Палестине Буш выступил с заявлением, где четко указал на те шаги и меры, которых США ожидают от нового главы ПНА и которые они готовы поддержать финансово: «Соединенные Штаты готовы помочь палестинскому народу реализовать его устремления. Новому палестинскому президенту и его кабинету предстоит решить очень сложные задачи, включая борьбу с терроризмом, пресечение коррупции, создание и реформирование демократических институтов, восстановление палестинской экономики»²³.

Американское руководство выразило готовность немедленно предпринять практические шаги для помощи новым властям ПНА после того, как с палестинской стороны была продемонстрирована готовность к сотрудничеству и появился лидер, которому США доверяют. Продолжает курс на активное содействие мирного разрешения проблем, связанных с палестино-израильским конфликтом, а также оказание содействия созданию Палестинского государства – согласно публичным заявлениям, и президент Обама, при значительной роли которого в 2010 г. был запущен новый раунд переговоров между руководствами Израиля и ПНА, которые, однако, изначально были обречены на провал. Эксперт Центра ближневосточных исследований МГИМО А.В. Крылов отмечает следующие причины этой бесперспективности²⁴.

Одним из главных факторов является бескомпромиссная позиция правительства Нетаньяху по главным проблемам палестинского вопроса в палестино-израильском урегулировании. Пока у власти в Израиле находится консервативно настроенный в отношении палестинцев Нетаньяху и блок «Ликуд», израильтяне продолжают укреплять и развивать еврейские поселения и противостоять их искоренению. В противовес этой позиции палестинская сторона готова участвовать в переговорах, нацеленных на результат, исключительно и только на условиях полной эвакуации всех израильских поселений с территории Западного берега. Кроме того, израильское поселенческое движение, насчитывающее около полумиллиона человек и пользующееся поддержкой более 60% израильского общества, в случае принятия правительством решения о выводе поселений уже выразило готовность развернуть массовую кампанию протеста и неповиновения.

Немаловажным является и тот факт, что, согласно Основному закону Израиля об Иерусалиме, раздел «вечной и неделимой столицы Государства Израиль» исключается, что противоречит требованиям палестинцев о создании собственного государства со столицей в Восточном Иерусалиме. Другими словами, еще до начала обсуждения на переговорном уровне вопрос о статусе Иерусалима находится в тупике, из которого нет выхода.

Серьезным препятствием какому-либо успеху раунда переговоров 2010 г. является и сложная внутripалестинская ситуация. Власть главы ПНА Аббаса среди палестинцев недостаточно прочна. Вместе с этим лидеры ХАМАС, не признающие властных полномочий палестинской администрации в Рамалле, уже сделали заявление о том, что они не признают легитимности переговоров «по приказу из США» и объявляют об объединении всех оппозиционных сил для того, чтобы сорвать сделку «по продаже Палестины». Ситуация осложняется и резко конфронтационными отношениями ХАМАС с израильским руководством. Это означает, что, пока ХАМАС правит в Газе, правительство Нетаньяху ни при каких условиях не прекратит тотальную блокаду сектора, который является «враждебным образованием».

Таким образом, усилия, прилагаемые американской администрацией и другими посредниками ближневосточного урегулирования, заранее обречены на неудачу. В своей ближневосточной политике президент Обама пошел дальше своего предшественника, развивающего идеи о необходимости способствовать демократическому развитию палестинских структур власти. В своем выступлении перед произраильской лоббистской организацией в мае 2011 г. он подтвердил позицию, что переговоры по Палестинскому государству должны исходить из границ Израиля по состоянию на 1967 г., наряду с согласованным обменом территориями. Обама призвал Израиль «сделать трудный выбор», необходимый для до-

стижения стабильного мира²⁵, что вызвало большое недовольство израильского руководства.

Вместе с тем совершенно очевидно, что США не собираются отказываться от поддержки Израиля, а заявления о Палестинском государстве в границах 1967 г. не более чем политический ход. Доказательством этому служит отказ поддержать заявку ПНА на полноправное членство в ООН весной 2011 г. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Обама заявил, что только прямые переговоры между израильтянами и палестинцами могут привести к созданию Палестинского государства. «Мы вынуждены выступить против любых действий в Совете Безопасности ООН, включая, при необходимости, вето», – заявил представитель Совета национальной безопасности США Бен Родс после встречи Обамы и Аббаса²⁶.

Таким образом, ясно, что приоритетом для США всегда оставались и остаются собственные интересы, в данном контексте – безопасность на Ближнем Востоке, в частности – безопасность Израиля, их главного союзника в регионе. Вопрос образования независимого и международно признанного Палестинского государства является далеко не главным для Вашингтона, так как с учетом роли США в международных отношениях и способов американского воздействия на международную и региональную ситуацию перспективы решения палестинского вопроса могли бы быть более реальными.

В завершение необходимо отметить, что интернационализация палестино-израильского конфликта, и в частности палестинского вопроса, безусловно, оказала положительный эффект на процесс урегулирования. Тем не менее активное участие международных организаций (и в первую очередь – Организации Объединенных Наций), региональных и внерегиональных игроков в качестве посредников, их вовлеченность, выражаемая в выдвигании различных инициатив и планов урегулирования существующих проблем, – несмотря на все это, продвижение в процессе палестино-израильского урегулирования, а также в вопросе создания государства Палестина происходит очень медленно. А в настоящее время, в силу бескомпромиссной и неконструктивной позиции нынешнего израильского руководства и некоторой «пробуксовки» международных усилий в лице «Ближневосточного квартета», находится в тупике.

Ситуация осложняется еще и тем, что единственная держава, которая обладает достаточным влиянием на обе стороны конфликта (хотя и в разной степени) и способностью реально сдвинуть процесс (в частности, образования Палестинского государства) с мертвой точки, преследует свои интересы в регионе, причем этим интересам создание независимого государства Палестина не вполне соответствует.

Вместе с тем очевидно, что в силу принципиальности существующих проблем в пале-

■ Политология

стино-израильском конфликте и неспособности самостоятельно договориться, международное посредничество – в лице ООН, региональных и внерегиональных игроков – необходимо для достижения справедливого разрешения палестинского вопроса, особенно с учетом того, что международная общественность в своем большинстве поддерживает стремление палестинцев к созданию собственного государства.

Zauly Avad. *The International Aspect of the Establishment of the State of Palestine.*

Summary: *From the very beginning of the Middle East conflict the relations between the Israelis and the Palestinians as well as the problem of establishing a Palestinian state have gone far beyond the region to become an issue of the international political agenda. The internationalization of the Palestinian statehood problem was a gradual process of more and more regional and international actors getting involved. Undoubtedly, the UN has played one of the major roles in the Middle East settlement. The European, Russian, Arab and American participation has been of a certain importance as well.*

Ключевые слова

Ближневосточное урегулирование, арабо-израильский конфликт, «Ближневосточный квартет посредников», «арабская мирная инициатива», ФАТХ, ХАМАС, членство ПНА в ООН.

Keywords

Middle East peace process, Arab-Israeli conflict, Quartet of International Mediators (the Middle East Quartet), The Arab Peace Initiative, Fatah, Hamas.

Примечания

1. The Arab League - The League of Arab States. Arab German Consulting. <http://www.arab.de/arabinfo/league.htm>
2. The Mecca Declaration of the Third Islamic Summit Conference, 25-28 January 1981. <http://www.oic-oci.org/english/is/3/3rd-is-sum.htm>
3. Palestinian Declaration of Independence, November 15, 1988. <http://www.mideastweb.org/plc1988.htm>
4. UN General Assembly Resolution 43/177. 15 December 1988. <http://domino.un.org/UNISPAL.NSF/>
5. The Arab Peace Initiative. Arab League Beirut Declaration of 28 March 2002. http://www.peacelobby.org/saudi_initiative.htm
6. Le Temps: ФАТХ и ХАМАС сформируют Правительство национального единства 12 сентября 2006 г. <http://palm.newsru.co.il/arch/press/12sep2006/lete.html>
7. Баранов А. В. Арабская мирная инициатива: международная конференция в Аннаполисе <http://www.sgu.ru/files/nodes/42142/16.pdf>
8. ФАТХ и ХАМАС подписали соглашение о создании палестинского Правительства национального единства. 7 февраля 2007 г. <http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=3215>
9. Moussa: Arab peace initiative not negotiable. The Egyptian Gazette. 2007.
10. Баранов А. В. Арабская мирная инициатива: международная конференция в Аннаполисе <http://www.sgu.ru/files/nodes/42142/16.pdf>
11. President Bush discusses the Middle East. <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2007/07/20070716-7.html>
12. Организация Объединенных Наций и поиск мирного урегулирования <http://www.un.org/ru/peace/palestine/part6.pdf>
13. План «Дорожная карта» размещен на многих сайтах: Организации Объединенных Наций, Государственного департамента США, Росийского информационного агентства и др. См. «Дорожная карта» продвижения к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом сосуществования двух государств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств. СБ ООН, 7 мая 2003. <http://www.un.org/russian/documen/scletters/2003/03-529.htm> См. также: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кэмп-Дэвиде и Табе./ Сборник статей и документов. Под ред. А.Д. Эпштейна М., 2004.
14. Замечания правительства Государства Израиль по плану «Дорожная карта» см. в книге: Программы урегулирования палестино-израильского конфликта./ Под ред. А.Д.Эпштейна. М., 2004. С.73-74
15. Крылов А.В. «Квартету» посредников ближневосточного урегулирования исполнилось 10 лет. <http://www.mgimo.ru/news/experts/document212683.phtml>
16. Towards a Palestinian State. <http://www.tonyblairoffice.org/news/entry/towards-a-palestinian-state/>
17. Крылов А.В. «Квартету» посредников ближневосточного урегулирования исполнилось 10 лет. <http://www.mgimo.ru/news/experts/document212683.phtml>
18. Там же.
19. Palestinians and Middle East Peace: Issues for the United States. Congressional Research Service ~ The Library of Congress. <http://fpc.state.gov/documents/organization/33743.pdf>
20. Shamir Peace Proposals (April 6, 1989). Сайт American-Israeli Cooperative Enterprise (AICE). <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Peace/shamirpro.html>
21. Palestinians and Middle East Peace: Issues for the United States. Congressional Research Service ~ The Library of Congress. <http://fpc.state.gov/documents/organization/33743.pdf>
22. Secretary Condoleezza Rice, Remarks With Palestinian President Mahmoud Abbas After Their Meeting, The Muqata, Ramallah, February 7, 2005. <http://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/73576.htm>
23. Там же.
24. Крылов А.В. Пять аргументов не в пользу результативности предстоящих палестино-израильских переговоров. <http://www.mgimo.ru/news/experts/document162517.phtml>
25. Обама призывает Израиль сделать "трудный выбор" <http://www.inopressa.ru/article/23May2011/nytimes/israel.html>
26. Обама пообещал наложить вето на признание Палестины в ООН <http://www.segodnya.ua/world/obama-poobeshchal-nalozhit-veto-na-priznanie-palectiny-v-oon.html>

Теоретические и практические основы «Стратегии национальной безопасности Республики Армения»

К.П. Марабян

В статье рассматривается процесс выработки и принятия одного из важнейших концептуальных документов – «Стратегии национальной безопасности Республики Армения». Армянское видение внешних и внутренних угроз национальной безопасности Республики Армения представлено в соответствии с концептуальными документами Армении. Отмечена роль фактора принятия такого типа документа, как «Стратегия национальной безопасности» и роль самого документа в деятельности государственных органов.

С распадом СССР регион Южного Кавказа стал ареной геополитической борьбы за доминирование между основными акторами мировой политики. Для России данный регион имеет особое значение ввиду исторических и географических его особенностей. Отношения Российской Федерации со странами Южного Кавказа складывались по-разному: от стратегического союза с Арменией и до войны с Грузией. В данной статье мы рассмотрим современные вопросы национальной безопасности Армении. Важнейшей составляющей любого исследования являются документальные источники: законы, концептуальные документы, международные договоры и т.д. В анализе позиции Армении в вопросах национальной безопасности и ее видение угроз и вызовов автор данной статьи будет опираться в основном на «Стратегию национальной безопасности (далее – СНБ РА) Республики Армения», принятую в 2007 г.

21 сентября 1991 г. в Армении был проведен референдум, и 23 сентября 1991 г. на основе итогов референдума Верховный Совет Республики принял «Декларацию о государственной независимости Армении». Армения, как и 14 других союзных республик, встала на путь независимого развития. Уже к 26 декабря 1991 г. огромная и могущественная советская держава окончательно распалась. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР) была одним из основателей СССР, наряду с РСФСР (Россия), УССР (Украина) и БССР (Белоруссия). ЗСФСР, в свою очередь, состояла из Азербайджана, Армении и Грузии. С момента подписания Договора об образовании СССР 29 декабря 1922 г. страны Закавказья официально стали частью Советского государства. Этот договор лег в основу Советской Конституции 1924 г.¹ Закавказская федерация просуществовала вплоть до 1936 г. По Конституции 1936 г. ЗСФСР была упразднена, в

Марабян Карен Паргегович – соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России, генеральный директор ООО УСМ-«Страб». E-mail: vestnik@mgimo.ru

состав СССР как самостоятельные республики вошли Армянская ССР, Грузинская ССР и Азербайджанская ССР.

Еще до возникновения СССР, в 1918 г. между новообразованными тогда республиками – Грузией, Азербайджаном и Арменией – возникло множество разногласий. Разногласия носили в основном территориальный характер. Азербайджан оспаривал Карабах и Зангезур. Между Арменией и Грузией были разногласия по армянонаселенным регионам Джавахка (Ахалкалакский регион), Лори и Борчалы. Были разногласия по Закатальскому округу между Грузией и Азербайджаном. Установление советской власти, а затем и образование СССР временно заморозило данные конфликты. Однако окончательного решения эти разногласия не нашли. Советское руководство по своему усмотрению решило территориальные споры между закавказскими республиками. Передача Абхазии в состав Грузинской ССР (до 1931 г. Абхазия была самостоятельной республикой в составе СССР), Карабаха и Нахичевани – в состав Азербайджана, разделение Закатальского округа между Грузией и Азербайджаном только усилили разногласия между республиками. Однако, находясь в составе одного государства, республики Закавказья конфликтовать между собой не могли. Все важнейшие решения принимали партийные органы СССР. Республики Закавказья находились в одной советской системе безопасности.

Однако советская государственная система дала трещину – и наружу вышли старые противоречия. Обнаружилась потенциальная конфликтность советского административно-территориального деления. В Закавказье уже с 1988 г. разгорелись конфликты вокруг многочисленных регионов. До войны дело дошло в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Были конфликты в Аджарии, Талыш-Муганской Республике, Нахичевани, Джавахке, Мегрелии и др. В этих обстоятельствах происходило обретение независимости республик Южного Кавказа.

Уже с первого дня своего существования, с начала 1990-х гг., в качестве независимой республики Армения столкнулась с целым рядом острых проблем. В первую очередь встал вопрос обеспечения национальной безопасности. К тому времени в условиях существования СССР полыхал нагорно-карабахский конфликт, который сдерживался центральным руководством в Москве. С распадом СССР в зоне конфликта начались активные боевые действия. Произошли столкновения и на азербайджано-армянской границе, ставшей уже межгосударственной. Бои шли и на юго-западе республики (участок границы с Автономной Республикой Нахичевань, входящей в состав Азербайджана), и на северо-востоке. А в самом Нагорном Карабахе уже шла настоящая война.

Перед руководством Армении встал вопрос о создании вооруженных сил. К тому времени

в Нагорном Карабахе были организованы добровольческие отряды самообороны из местных жителей. К ним присоединились многочисленные добровольцы из Армении и армяне из других стран, в частности из Ливана, Грузии, России и т.д. Большинство добровольческих отрядов были сформированы партией «Дашнакцутюн». Партия Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн» была создана в 1890 г. в Тифлисе (Тбилиси). И с момента создания партия играла активную роль в национально-освободительной борьбе армянского народа против османского ига². Она с момента советизации Армении 29 ноября 1920 г. действовала уже в зарубежной армянской диаспоре. У власти в Армении с 1991 г. стояли люди из другой партии – Армянского общенационального движения (АОД) во главе с первым президентом Третьей Республики Армения Л. Тер-Петросяном. Чтобы обеспечить безопасность республики, координировать действия отдельных добровольческих отрядов из единого центра, было решено создать регулярную армию. Ее создание должно было укрепить позиции АОД в Армении. В те годы все внимание армянского народа было приковано к Нагорному Карабаху. Поэтому вопрос Нагорного Карабаха стал краеугольным как во внутренней, так и во внешней политике Армении. Дело было еще и в том, что большинство добровольческих отрядов, воевавших в Нагорном Карабахе, были созданы партиями и организациями из международной армянской диаспоры, в связи с чем их командиры редко оглядывались на официальный Ереван. Создание регулярной армии в Армении коренным образом меняло ситуацию.

В 1991 г. по решению правительства Армении был создан Государственный комитет по обороне при правительстве. А уже 28 января 1992 г. правительство приняло документ «О Министерстве обороны Республики Армения»³. Этот день стал днем создания регулярных армянских вооруженных сил. В Нагорном Карабахе тоже была создана регулярная армия – Армия обороны НКР. В условиях карабахской войны армия стала главным гарантом безопасности республики. Далее, из республик Закавказья только у Армении не было военного учебного заведения. По решению правительства РА № 279 от 24 июня 1994 г., а затем по приказу министра обороны РА от 25 июня 1994 г. было сформировано Высшее военное разноплановое командное училище (ВВРКУ). По приказу № 24 от 16 января 1998 г. правительства РА ВВРКУ МО РА было реформировано в Военный институт. В тот же год Институт дал своих первых выпускников⁴.

С развитием армянских вооруженных сил появилась необходимость и в исследованиях в военно-политической области. Была необходимость и в создании документальных основ деятельности государственных структур в деле обеспечения безопасности. Министерство обороны с 2000 г. использовало обновленный служебный документ «Основы военной политики

Республики Армения: военно-политический аспект национальной безопасности»⁵. Армянская армия развивалась, было налажено международное сотрудничество со многими странами. Особо выделяется сотрудничество Армении в военно-технической области с Россией, Грецией, Белоруссией и другими странами. С 2004 г. началась миротворческая деятельность армянских вооруженных сил.

Армения строила свои вооруженные силы по советскому образцу. Но учитывалось и веление времени. Развитие сотрудничества со странами Европы и США и реформирование вооруженных сил с учетом опыта многих западноевропейских стран выявило необходимость создания Концепции национальной безопасности. Армении было необходимо представить свое видение роли и места Армении в мировой политике в виде концептуального документа.

Кавказский регион после окончания «холодной войны» в Европе начал структурироваться в новый субрегион, политические границы которого не совпадают с границами НАТО, ЕС, СНГ или ОДКБ. К таким новым геополитическим субрегионам относятся также Черноморский (или Черноморско-Каспийский), Центрально-Азиатский, Балтийский, Юго-Восточная Европа, а с некоторых пор и Арктический регионы⁶. По степени напряженности между странами Кавказский регион можно сравнить только с регионом Юго-Восточной Европы. На Балканах процесс распада Югославии превратился в нескончаемую череду войн и конфликтов между некогда составными частями единого государства. На Южном и Северном Кавказе в данный момент установлен хрупкий мир. Однако вероятность войны сохраняется, и поэтому конфликтогенные зоны Южного Кавказа находятся в центре всеобщего внимания.

В рамках празднования 15-летия армянской армии в 2007 г. в Ереване было открыто еще одно важное звено в цепи разработки стратегии национальной безопасности и военной доктрины – Институт стратегических исследований министерства обороны Армении им. Драстамата Канаяна. Институт принял активное участие в разработке СНБ РА. И 26 января 2007 г. на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения проект документа был одобрен. Таким образом, Армения приняла первую в своей истории «Стратегию национальной безопасности». Вскоре была принята и «Военная доктрина Армении». Военная доктрина развивает и конкретизирует положения СНБ РА, утвержденной пунктом 1 Указа Президента Республики Армения от 7 февраля 2007 г.⁷

Одним из фундаментальных положений реализации внешней политики Армении стал так называемый «комплиментаризм» или политика «взаимодополнения». Суть этой политики заключалась в попытках совмещения и сохранения баланса между интересами всех действующих и

вовлеченных в регион Южного Кавказа мировых и региональных акторов. Концентрации на какой-то иной безальтернативной ориентации в своей внешней политике – будь то «прозападная», «прорусская» или же, скажем, «протурецкая» – отвергалась. Наиболее эффективным проявлением комплиментаризма надо считать первые два года независимости Армении – 1991 и 1992 гг. Тогда Армения в разгар войны в Нагорном Карабахе сумела использовать уникальную внешнеполитическую конъюнктуру. Ереван получал оружие и военную технику на продолжение боевых действий от русских, деньги на различные государственные программы (и на закупки вооружений в той же России) – от американцев. А продовольствие поступало в республику через территорию Турции⁸. К тому же по указу иранского руководства Армения получала топливо для армии от Ирана.

В те годы эта политика «комплиментаризмом» еще не называлась. Сам термин и новое понимание данного термина появились в годы, когда министром иностранных дел Армении был В. Осканян (1998–2008 гг.). Этот термин был закреплён в «Стратегии национальной безопасности Армении». Документ под таким названием состоял из введения, четырех глав и раздела «Заключительные положения». В первой главе перечислялись такие фундаментальные для Армении ценности, как независимость, защищенность государства и народа, мир и международное сотрудничество, сохранение идентичности армян и армянской международной диаспоры. В ранжировании угроз национальной безопасности Армении к основным были отнесены следующие:

- применение вооруженной силы: неурегулированный конфликт вокруг Нагорного Карабаха создает нестабильную ситуацию на Южном Кавказе. Постоянные угрозы возобновления боевых действий, гонка вооружений, закрытые границы не способствуют налаживанию диалога между конфликтующими сторонами. Усугубляет ситуацию и то, что стороны конфликта не могут найти абсолютно никаких точек соприкосновения;

- этнические конфликты, внутренние коллизии и военные действия в сопредельных государствах: географическое положение Армении предполагает соседство со странами, где имеются внутренние этнические конфликты. Это касается в первую очередь Грузии и Турции. С учетом сложившейся действительности армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношений и закрытых границ с данными странами конфликты в Грузии чреваты очень тяжелыми последствиями для Армении. Грузия является главным транспортным коридором для Армении;

- перекрытие транзитных путей на территории приграничных государств: с распадом СССР и началом военных действий в Абхазии железная дорога Тбилиси–Сухуми была закрыта.

Это единственная железная дорога, которая связывает Армению с Россией, главным экономическим и стратегическим партнером республики. Есть еще железная дорога через Азербайджан, но данная дорога была закрыта с момента начала конфликта в Нагорном Карабахе. Во время войны в Южной Осетии в 2008 г. закрылись и автомобильные дороги, связывающие Армению и Россию через Грузию.

В разделе «Внешние угрозы» перечисляются и другие пункты, такие, как, например, энергетическая безопасность, изолированность Армении от региональных транспортных и интеграционных программ. Эти угрозы вытекают из вышеперечисленных. Отдельная глава документа посвящена Нагорно-Карабахской Республике, что свидетельствовало: конфликт вокруг Нагорного Карабаха является наибольшей угрозой национальной безопасности Армении. И главные внешние угрозы исходят именно в привязке к проблеме неурегулированного конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Вторая глава посвящена внутренней безопасности Республики Армения. В ней важность придается таким факторам, как эффективное государственное управление, строительство вооруженных сил, либеральная экономика и новое качество жизни, морально-психологическая атмосфера. Внутренняя безопасность Армении также привязана к вопросу о судьбе Нагорного Карабаха. Экономика Армении развивалась в условиях блокады с запада и востока. Блокированная западная граница Армении (армяно-турецкая граница) и постоянная угроза войны с восточных рубежей стали прямым следствием конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Исходя из этих реалий, Армения вынуждена была тратить значительные средства на свои вооруженные силы.

В сфере безопасности государства факторами и действиями по обеспечению национальной безопасности является «повышение боеспособности Вооруженных сил, модернизация и повышение эффективности деятельности органов безопасности и правоохранительных органов»⁹. Особый акцент при этом делается на взаимоотношения Армении с Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Членство в ОДКБ является одной из составляющих обеспечения безопасности Армении. Армения придает большое значение развитию военной составляющей ОДКБ и созданию военных формирований в рамках данной региональной организации. В этом контексте выделяются армяно-российские отношения в сфере безопасности, причем как в формате членства в ОДКБ, так и на двустороннем уровне.

В двустороннем формате обеспечения безопасности особо выделяются отношения Армении и ее стратегического партнера – России. Следует отметить, что военное присутствие России на Кавказе имеет особую важность для безопасности Армении и как фактор обеспечения

военно-политического равновесия в регионе. На высоком уровне находится военно-техническое сотрудничество России и Армении. Армения и Россия достигли хороших результатов сотрудничества в оборонной, энергетической и политической сферах. Можно отметить и культурное сотрудничество двух стран. Особую роль в деле укрепления сотрудничества между странами играет и армянская община в России.

Армения придает большое значение двусторонним отношениям с Соединенными Штатами Америки. Это обусловлено не только важной ролью США в мировых и региональных военно-политических и экономических процессах, но и оказываемой США разнообразной помощью Армении. США являются страной – сопредседателем Минской группы ОБСЕ по карабахскому вопросу. Следует отметить роль армянской общины в США, которая активно лоббирует интересы Армении и Нагорно-Карабахской Республики.

Учитывая блокированные границы Армении со стороны Азербайджана и Турции, роль Грузии и Ирана для Армении особо возрастает. Именно эти две страны связывают Армению с внешним миром. Армяно-иранские отношения являются добрососедскими с момента провозглашения независимости Армении. И эти отношения динамично развиваются во всех сферах. У Ирана наиболее тесные контакты из всех стран Южного Кавказа с Арменией. Еще со времен карабахского конфликта между странами установился дружественный характер отношений.

В экономике Армении Иран играет важную роль. К этому следует добавить, что в условиях блокады Армении (закрыта армяно-турецкая граница, армяно-азербайджанская граница на всем протяжении, включая Нахичеванскую автономию) Иран является одним из двух выходов Армении во внешний мир, наряду с Грузией. Отсутствие железнодорожной связи между странами оставляет свой отпечаток в товарообороте между странами. Однако Иран открывает путь Армении в арабские страны, Индию и Китай. Исходя из этих соображений, уже существует проект строительства железной дороги Армения–Иран¹⁰. А вот газопровод Иран–Армения уже является реальностью. Переговоры о строительстве газопровода начались в 1995 г. и длились десять лет.

Согласно армяно-иранскому договору от 13 мая 2004 г., Иран обязался в последующие 20 лет поставлять Армении 36 млрд куб.м. газа. Первый этап проекта предусматривал строительство 100 км газопровода по территории Ирана и 41 км по территории Армении (Мегри–Каджаран), что позволило бы Армении получать 1,5 млн куб. м газа ежедневно. Второй этап предусматривал прокладку трубы в глубь Армении¹¹.

19 марта 2007 г. в приграничном армянском городке Агарак прошла церемония открытия газопровода при участии президентов Армении и Ирана. Газ, поступающий из Ирана, будет перерабатываться на армянских генерирующих мощностях в электроэнергию, которая в свою оче-

редь будет экспортироваться в качестве оплаты за поставленный газ обратно в Иран. Эта страна также является одним из ведущих инвесторов в экономику Армении. К этому надо добавить, что Иран является еще и одним из ведущих торговых партнеров Армении. Во внешнеторговом обороте Армении Иран является одним из ключевых партнеров Армении. По итогам 2006 г., во внешнеторговом обороте Армении на долю Ирана пришлось 4,5%¹². А по данным 2010 г., доля Ирана в экспорте Армении составила 8,1%, а в импорте – 5,3%¹³. Иран занимает 5-е место в экспорте армянской продукции и 4-е – в импорте.

Армяно-грузинские отношения являются традиционно дружескими. Армения придает большое значение развитию двусторонних отношений с Грузией и считает, что эти отношения способствуют делу сохранения стабильности в регионе¹⁴. Грузия также заинтересована в углублении своих отношений с Арменией в разных сферах жизнедеятельности государства¹⁵. В вопросе армяно-грузинских отношений «Стратегия национальной безопасности Армении» получила порцию критики. По мнению некоторых экспертов, в документе слабо отражена проблема Джавахка (Самцхе-Джавахети – регион Грузии преимущественно населенный армянами). В частности, руководитель программы Армянского центра стратегических и национальных исследований С. Сафарян отметил в интервью ИА REGNUM и проблеме Джавахка, и размытость основных положений внешней политики Армении. Он заявил, что непонятно, «куда идет Армения: в НАТО или в ЕС?»¹⁶.

В свою очередь глава отдела кавказских исследований Кавказского института СМ И С. Минасян заметил, что «Стратегия национальной безопасности Армении» – не библия, и в ней зафиксированы те угрозы и вызовы, которые волнуют страну на данный момент, и естественно, что невозможно было отразить все вопросы¹⁷.

Со своими другими соседями – Азербайджаном и Турцией – у Армении отношений нет. Даже дипломатических. В 1993 г. Турция в одностороннем порядке блокировала армяно-турецкую границу, официально мотивируя это оккупацией азербайджанских районов армянскими войсками. Армяно-турецкая граница до сих пор закрыта. Армяно-азербайджанская граница также закрыта. Армения выступает за установление дипломатических отношений с Турцией без предварительных условий. Признание и осуждение геноцида армян, в том числе и Турцией, способствовало бы улучшению атмосферы взаимного доверия и недопущения повторения подобных трагедий в будущем.

Отсутствие нормальных отношений с Азербайджаном обусловлено неурегулированным карабахским конфликтом. Армения прилагает усилия в деле формирования атмосферы взаимного доверия. Однако следует отметить, что о взаимном доверии речи быть и не может. На линии соприкосновения армяно-карабахских и азербайджанских вооруженных сил очень часто слышны выстрелы и есть жертвы. В СНБ РА придается важность сотрудничеству Армении с НАТО. Армения участвует в различных программах и проектах под эгидой НАТО. У Армении сложились довольно тесные двусторонние взаимоотношения и с рядом европейских государств – членов НАТО. Среди этих государств следует выделить Францию. В этой стране находится довольно активная и многочисленная армянская община, к тому же Франция – сопредседатель Минской группы ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта.

Армения придает большое значение членству в таких международных организациях, как ООН, СНГ, ОБСЕ, ОЧЭС, СЕ и т.д. Особо следует отметить роль деятельности ООН и ОБСЕ в регионе Южного Кавказа. Особое значение ОБСЕ имеет в связи с вопросом урегулирования карабахского конфликта. Для урегулирования нагорно-карабахского конфликта под эгидой ОБСЕ создана Минская группа в составе России, США и Франции. Заключительные положения СНБ РА предусматривают роль и значение этого документа, как основного концептуального документа в формировании общей политики Армении в сфере обороны, внешней и внутренней безопасности страны¹⁸. В целом СНБ РА является целостным и эффективным документом. Большое значение имеет сам факт ее принятия. Документ является ориентиром в вопросах обеспечения внутренней и внешней безопасности. СНБ РА дает полный перечень угроз и вызовов национальной безопасности Армении и разъясняет позицию Армении в этих вопросах. В документе отмечено, что с изменением международной обстановки документ может быть скорректирован.

Marabyan K.P. Theoretical and Practical Fundamentals for Armenia's National Security Strategy.

Summary: The article aims to consider the development and adoption process of one of the most crucial conceptual documents – Armenia's National Security Strategy. The Armenian vision of internal and external threats of Armenia's National Security is presented in accordance with the conceptual documents of Armenia. Particularly stressed is the role of the factor of adoption of such type of document as Armenia's National Security Strategy and the role of the very document in the activity of the state authorities.

Ключевые слова

Стратегия национальной безопасности, военная доктрина, национальная безопасность, конфликты, региональная безопасность.

Keywords

The National Security Strategy, The Military Doctrine, National security, conflicts, regional security.

Примечания

1. Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов. 1917–1936, Т. 3. М., 1960. С. 18–22.
2. Дятлов В. Политическая жизнь в диаспоре/ В. Дятлов, Э. Мелконян// Армянская диаспора: очерк социокультурной типологии. Ер., 2009. С. 109.
3. Исторический очерк. [Электронный ресурс] // Министерство обороны Армении. URL:<http://www.mil.am/1297065318>
4. История Военного института ВС Армении [Электронный ресурс] // Министерство обороны Армении. URL:<http://www.mil.am/1297232639>
5. Минасян С. Стратегия национальной безопасности Республики Армения: процесс принятия и структура документа. [Электронный ресурс] // Научно-образовательный фонд «Нораванк». 15.03.2007. URL:http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2588
6. См.: Юрьева Т. В. Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы. [Электронный ресурс] // Вестник-МГИМО. №1(15).2010. URL:http://vestnik.mgimo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=457&Itemid=1
7. Военная доктрина Республики Армения. 25 декабря 2007г. [Электронный ресурс] // Министерство обороны РА. URL:<http://www.mil.am/files/mil-doctrine-arm.pdf>
8. Минасян С. Некоторые концептуальные основы внешней политики Армении [Электронный ресурс] // Научно-образовательный фонд «Нораванк». 12.03.2009. URL:http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=1999
9. Цит. по: Հայաստանի Հանրապետության ազգային անվտանգության ռազմավարություն. 26 հունվարի 2007թ. [Электронный ресурс] // Հայաստանի Հանրապետության պաշտպանության նախարարություն (Стратегия национальной безопасности Республики Армения.) URL:<http://www.mil.am/files/NATIONAL%20%20SECURITY%20STRATEGYarm.pdf>
10. Саруханян С. Некоторые аспекты отношений Армения-Иран. [Электронный ресурс] // Научно-образовательный фонд «Нораванк». 24.05.2010. URL:http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4795&sphrase_id=17442
11. Малышева Д. Каспийская энергополитика-2007 и ее кавказское измерение / Под ред. А. Искандаряна // Кавказ – 2007. Ежегодник Института Кавказа. Ер., 2009. С. 169–170.
12. Егиазарян А. Основные итоги социально-экономического развития южнокавказских республик в 2006 г. / Под ред. А. Искандаряна // Кавказ – 2006. Ежегодник кавказского института СМИ. Ер., 2008. С. 92-93.
13. Արտաֆին տնտեսական գործունեություն 2010 թ. [Электронный ресурс] // ՀՀ Ազգային Վիճակագրական ծառայություն (Внешнеэкономическая деятельность в 2010г. Национальная статистическая служба Армении). – 2010. URL: http://www.armstat.am/file/article/armenia_09_14.pdf
14. Հայաստանի Հանրապետության ազգային անվտանգության ռազմավարություն. 26 հունվարի 2007թ. [Электронный ресурс] // Հայաստանի Հանրապետության պաշտպանության նախարարություն (Стратегия национальной безопасности Республики Армения.) URL:<http://www.mil.am/files/NATIONAL%20%20SECURITY%20STRATEGYarm.pdf>
15. საქართველოს ეროვნული უსაფრთხოების კონცეფცია. 23.12.2011წ. [Электронный ресурс] // საქართველოს თავდაცვის სამინისტრო (Концепция национальной безопасности Грузии.). URL:<http://www.mod.gov.ge/files/cfgeyvzvjwhgeo.pdf>
16. Подробнее см.: Эксперт: Стратегия нацбезопасности Армении – просто неряшливо набранный текст. [Электронный ресурс]: ИА REGNUM. URL:<http://www.regnum.ru/news/756694.html>
17. Там же.
18. Минасян С. Стратегия национальной безопасности Республики Армения: процесс принятия и структура документа. [Электронный ресурс] // Научно-образовательный фонд «Нораванк». 15.03.2007. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2588

Исламский радикализм и экстремизм на северо-западе Пакистана

О.П. Чекризова

С 2001 г. северо-западные районы Пакистана приобрели особое значение: здесь сконцентрировались силы экстремистов, противостоящих «оккупационной» международной коалиции в Афганистане. Проблема присутствия пестрых по своему составу сил радикалов в беспокойном афгано-пакистанском приграничье сохраняет актуальность и в настоящий период, характеризующийся относительным затишьем, спадом экстремистской активности. Значимость данной проблемы усиливается приближающимися всеобщими выборами в Пакистане в 2013 г. и предстоящим выводом коалиционных войск из Афганистана.

Северо-запад Пакистана состоит из двух территориально-административных единиц – провинции Хайбер-Пахтунхва (ХП, до 2010 г. – Северо-западной пограничной провинции) и Территории племен федерального управления (ТПФУ). Последняя состоит из семи административных образований – политических агентств (с юга на север): Южный Вазиристан, Северный Вазиристан, Куррам, Оракзай, Хайбер, Моманд и Баджаур. В соответствии с положениями Конституции Исламской Республики Пакистан, ТПФУ имеет специальный статус: федеральная власть (президент) обладает правами управления территорией, осуществляя ее через губернатора провинции Хайбер-Пахтунхва.

Во главе каждого из агентств стоит назначаемый указом президента глава, называемый с колониальных времен политическим агентом. Агенты обладают исключительными правами в пределах своих территорий, координируя свои действия с вождями и старейшинами племен. ТПФУ направляет представителей в федеральный парламент, однако нерелигиозные политические партии не могут пока действовать в регионе¹. В агентствах применяют особые уголовные законы, установленные еще

в колониальное время, а с племен не взимаются налоги. На территорию «зоны племен» без указа президента не распространяется действие нормативных актов законодательной власти Пакистана. Свои внутренние дела жители «свободных племен» решают на основе обычного права и традиционного пуштунского кодекса чести «пуштунвали».

Хайбер-Пахтунхва является одной из четырех провинций в рамках пакистанской федерации с центром в Пешаваре и имеет законодательное собрание, аппарат провинциальной власти. Провинция охватывает «зону племен» с востока и помогает центру осуществлять власть над ТПФУ. Основную часть населения всей северо-западной части Пакистана, особенно «зоны племен», составляют пуштунские племена. Более 60% населения провинции проживает за чертой бедности. Широко распространены торговля оружием, наркотиками и контрабанда товаров через границу с Афганистаном.

Можно полагать, что различия административно-территориальных структур двух отмеченных выше субъектов пакистанской федерации затрудняют задачу властей по реагированию на действия экстремистов.

Чекризова Ольга Павловна – преподаватель корейского языка кафедры японского, корейского и других языков, аспирант кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России. E-mail: pakdesk@yandex.ru

Особенности состава радикальных исламистов

Начало XXI в. в Пакистане отмечено подъемом «подпольного» исламского радикализма. Первая его фаза пришлась на 2001–2008 гг. и была ограничена главным образом узкой полосой вдоль границы Пакистана с Афганистаном. Там, в горском пуштунском племенном сообществе, появились последователи афганских талибов (учеников, ищущих подлинное знание; множественное число на языке пушту – талибан), возникли первые ячейки пакистанского движения Талибан («Техрик-е талибан-е Пакистан», ТТП), а поздним летом 2007 г. – и сама «зонтичная», объединяющая под своей «крышей» много разных групп, боевая организация под этим названием.

Отряды экстремистов, действующих в ТФПУ, представляют собой «пестрый ковер» выходцев из разных племен, придерживающихся отчасти разных идейно-политических взглядов. Всех их, однако, объединяет неприятие присутствия США и НАТО в соседнем Афганистане. Боевики пакистанской «зоны племен» опираются во многом на «старые», созданные во время войны в Афганистане 1979–1989 гг. джихадистские (от джихад – священная война за веру) организации.

Приток афганских боевиков в Пакистан после падения талибского режима в Афганистане в конце 2001 г. способствовал укреплению местных племенных и религиозных боевых групп и объединений. Некоторые пуштунские экстремисты вскоре еще более разочаровались в основных религиозно-политических партиях общепакистанского масштаба «Джамаат-и ислами» (ДИ, Исламское общество) и «Джамиат-и улема-и ислам» (ДУИ, Сообщество исламских богословов). Созданный под их эгидой выборный альянс «Муттахида маджлис-и амаль» (ММА, Объединенный фронт действия) победил осенью 2002 г. на провинциальных выборах в СЗПП. Правительство ММА находилось у власти в провинции вплоть до 2007 г.

На выборах в феврале 2008 г. победу в СЗПП одержала светская пуштунская партия «Авами нэшнл партия» (АНП, Народная национальная партия). Новое провинциальное правительство заняло более жесткую позицию по отношению к проилямским радикалам и террористам. Эти изменения во многом объясняют успех военных операций правительственных войск в округах (дистриктах) тогдашней Северо-Западной пограничной провинции Свате и Бунере².

В деятельности террористических организаций в ТПФУ можно выделить некоторые общие черты. Большинство из них ориентируются на афганское движение Талибан (ДТ) и арабскую «Аль-Каиду». Штурм правительственными войсками захваченной исламистами «Красной мечети» в столице Пакистана–Исламабаде в июле 2007 г. послужил триггером новой волны экстремизма в регионе³. Мирные сделки пакистанских властей с боевиками в 2008 – начале 2009 г. также способствовали временному укреплению последних. Базирующиеся на северо-западе Пакистана боевики

действовали широко как в Афганистане (прежде всего на востоке страны), так и в Пакистане.

Популярность талибов среди населения объяснялась строгим следованием исламским законам нравственности и права, которое выгодно отличалось от коррумпированного поведения представителей пакистанских властей. Талибы были восприняты как реальная сила, способная навести порядок, хотя далеко не всем импонировала их догматичность. В отличие от пакистанских гражданских институтов, суды талибов быстро рассматривали дела и исполняли решения по ним. Талибы на первых порах смогли решить некоторые тянувшиеся десятилетиями споры между племенами и кланами племен, а также ограничить коррупционный произвол в аппаратах некоторых политических агентов.

Но постепенно народная поддержка режима талибов в пакистанской «зоне племен» уменьшилась. Одной из причин было слишком жесткое, граничащее с жестокостью, преследование «неисламского» поведения. Наиболее важным обстоятельством послужило общее ухудшение ситуации в ТПФУ и сопредельных с ней округах провинции. С началом активных военных операций пакистанской армии против экстремистов (в мае 2009 г.) в регионе возникли проблемы с трудоустройством, были перерезаны традиционные маршруты торгового сообщения. Даже в периоды относительного спокойствия дороги часто закрывались из-за комендантского часа, введенного правительством.

Размыванию привлекательности экстремистских движений способствовало и то, что с самого начала своего прихода в «зону племен» они систематически подрывали основы кланово-племенного строя. Распространенным методом стала ликвидация племенных старейшин, которые традиционно выступают в роли посредников между политическим агентом и местными жителями. Такая тактика служила двойной цели: запугать племена и уничтожить слабые связи между центральным правительством и «независимыми племенами». В некоторых случаях командиры талибов пытались играть роль племенных лидеров, но в целом, несмотря на эти попытки, традиционные малики и ханы (вожди и старейшины) племен и родоплеменных кланов сохранили свою власть и влияние.

Жесткость действий экстремистов создала благоприятную почву для возрастающего сопротивления им. Усилилась роль племенных ополчений (лашкаргов). Они действовали тем эффективнее, чем больше была поддержка их выступлений против талибов со стороны расквартированных в ТПФУ правительственных частей⁴. Среди экспертов распространено мнение, что переговоры правительства непосредственно с боевиками, без посредничества вождей племен, лишь укрепляли влияние экстремистских группировок.

Остановимся ниже на особенностях действий радикальных сил в каждой отдельной административной единице ТПФУ.

Южный Вазиристан

На юге «зоны племен» расположено агентство Южный Вазиристан (ЮВ) площадью 6,6 тыс. кв км. Население в большинстве своем состоит из суннитов. Крупнейшим по численности является племя мехсуд (или махсуд, масуд) численностью около 700 тыс. чел. Многие руководители движения пакистанских талибов являются выходцами из этого племени. Еще одним крупным племенем являются вазиры (главным образом клан ахмадзай вазир, численностью 150–200 тыс. чел.), контролирующие административный центр агентства г. Вана.

Во время войны в Афганистане с участием советских войск в «зоне племен» при финансовой поддержке государств Персидского залива, в особенности Саудовской Аравии, было открыто значительное количество медресе. Большинство учебных заведений в агентстве контролирует партия ДУИ.

После вывода в 1989 г. советских войск из Афганистана в агентство вернулись участники боевых действий, которые принесли джихадистскую идеологию в свои родные места. Часть из них отправилась для ведения джихада в индийский штат Джамму и Кашмир, а часть с 1994 г. присоединилась к появившимся тогда афганским талибам. После провозглашения последними в 1996 г. Исламского Эмирата Афганистан пуританская идеология и способность обеспечить безопасность в районах контроля вызвала небывалый до того всплеск популярности радикализма в Южном Вазиристане. Некоторые ветераны антисоветского джихада поддерживали связи с афганскими талибами, распространяя идеологию талибов в агентстве, но в целом в период между 1996 г. и осенью 2001 г. контакты жителей Южного Вазиристана с талибским Афганистаном носили незначительный характер.

Ситуация резко изменилась после вторжения США и их союзников в Афганистан и перемещения в агентство боевиков движения Талибан (ДТ) и «Аль-Каиды», где они создали базы и тренировочные лагеря. Местные молодые пуштуны, и ранее поддерживавшие связи с режимом афганских талибов, принялись формировать отряды боевиков. Примером может служить первый командир наиболее крупного из них Нек Мухаммад, который воевал на стороне талибов в Афганистане. Уже в 2003 г. сформированные им боевые группировки начали нападать, переходя горную границу, на американские и натовские силы в Афганистане. Помимо того, он предоставлял убежище афганским талибам, арабским боевикам «Аль-Каиды» и членам Исламского движения Узбекистана (ИДУ)⁵.

После гибели Н. Мухаммада в 2004 г. в результате ракетной атаки США местных талибов возглавил Бейтулла Мехсуд (Масуд). Как выше отмечалось, в 2007 г. он объединил силы пакистанских талибов под своим началом, создав ТТП. Основной целью организации декларировалось ведение скоординированного джихада в Афганистане против западных сил и борьба с пакистанским правительством. ТТП распространило свою сеть на всю территорию ТПФУ и часть тогдашней СЗПП.

Основным полем административной деятельности ТТП оставалось агентство Южный Вазиристан. Они создали там свою систему судов и сбора налогов. Талибы способствовали насаждению антишиитской идеологии «Аль-Каиды» среди племен мехсуд и вазир, которые ранее никогда не участвовали в сектантском противостоянии⁶.

Важно отметить, что присутствие иностранных боевиков в «зоне племен» вызывало разногласия между различными группировками пакистанских талибов. Еще одним различием между ними служила степень остроты в их неприятии пакистанских властей. Сам Б. Мехсуд, убитый в 2009 г., и его преемники во главе с Хакимуллой Мехсудом неизменно отстаивали идею борьбы с пакистанскими властями и предоставления убежища иностранцам, в первую очередь боевикам из ИДУ. В то же время полевой командир Мулла Назир действовал лишь против западной коалиции в Афганистане и еще в 2007 г. вытеснил узбеков с подконтрольной ему территории.

Из-за массированных налетов американской беспилотной авиации в 2008–2009 гг. большинство боевиков, в том числе арабы и узбеки, переместились в Северный Вазиристан.

Северный Вазиристан

Второе по величине из территорий ТПФУ (площадь 4,7 тыс. кв км) политическое агентство Северный Вазиристан с населением примерно 360 тыс. чел. на западе граничит с афганскими провинциями Хост и Пактика. Административный центр и крупнейший город агентства – Мирамшах. Подавляющее большинство населения составляют племена вазир (дервиш-хель) и даур (или давар).

Северный Вазиристан является одним из основных оплотов радикалов на северо-западе Пакистана. Даже после того, как пакистанское правительство в 2009 г. начало серьезную борьбу с экстремистами в других районах, оно в значительной степени продолжало игнорировать Северный Вазиристан. Экстремисты в этом агентстве менее фрагментированы, чем их собратья на других территориях «зоны племен», в основном благодаря минимальному уровню межплеменных разногласий. Крупнейшая группировка в Северном Вазиристане – «сеть Хаккани». Известный командир афганских моджахедов Джалалуддин Хаккани, уроженец афганской провинции Хост из племени задран (джадран), поселился в Мирамшахе еще в середине 1970-х гг., где устроил лагерь для подготовки вылазок на территорию Афганистана.

Фактическое руководство организацией на последнем этапе осуществляли его сыновья, прежде всего Сираджуддин. «Сеть Хаккани» действует против сил США и НАТО в Афганистане, главным образом в провинциях Пактия, Пактика и Хост (Лойя Пактия, то есть Большая Пактия). По ряду сведений, Сираджуддин (по матери он араб) стал номером один в организации в 2001 г., через несколько месяцев после падения режима талибов в Кабуле⁷. Он пользуется большим авторитетом в Северном Вазири-

тане, неоднократно выступал посредником между враждующими группировками талибов.

В общих чертах структура «сети Хаккани» может быть обрисована следующим образом. Она состоит из четырех групп:

- ветераны джихада, воевавшие в Афганистане под командованием Дж. Хаккани;
- афганцы, выходцы из Лойя Пактии, присоединившиеся к движению после 2001 г.;
- пакистанцы, уроженцы Северного Вазирстана, которые на протяжении многих лет были связаны с Хаккани;
- иностранные боевики – арабы, чеченцы и узбеки.

Представители первой группы обладают наибольшей властью. Афганские и иностранные командиры обычно не входят во внутренний круг руководства. Руководство «сетью Хаккани» осуществляет совет, так называемый «Мирамшахская шура»; в нее входит ряд членов семьи Хаккани и тесно связанные с ней командиры. В компетенцию С. Хаккани входит контроль за политической и военной деятельностью организации, а также связь с центральной «Кветтской шурой» ДТ во главе с бывшим правителем Афганистана Муллою Омаром. Кроме того, С. Хаккани отвечает за связи с пакистанскими талибами и «Аль-Каидой»⁸.

В отличие от талибов, которые в «свободное» от военных действий время занимаются сельским хозяйством или не работают вообще, значительная часть боевиков «сети Хаккани» в мирной жизни маскируются под учащихся медресе. Такая особенность обуславливает сильную радикальную составляющую в идеологической подготовке боевиков «сети Хаккани».

Можно считать, что в настоящее время «сеть Хаккани» действует автономно в составе ДТ. Она имеет отдельный командно-оперативный аппарат, но верховное руководство интегрировано в организацию Муллы Омара (Дж. Хаккани входит в состав высшего совета афганских талибов, а С. Хаккани возглавляет их отряды в Лойя Пактии)⁹. Следует заметить, что позиции хакканистов и талибов совпадают не по всем пунктам. В частности, Дж. Хаккани был против чрезмерно жестких мер, введенных талибами, в частности запрета музыки, принуждения мужчин к ношению длинной бороды и запрета женщинам получать образование¹⁰.

Примечательно также и то, что «сеть Хаккани» предпочитает избегать каких-либо ссылок на свою организацию и в издаваемых ею документах выступает под названием Исламский Эмират Афганистан (как в свое время именовалось государство талибов). В частности, С. Хаккани заявлял, что «нет такой организации, как «сеть Хаккани». Мы действуем от имени Муллы Мухаммада Омара и Исламского Эмирата Афганистан»¹¹. «Сеть Хаккани», как афганская по сути организация, вынуждена полагаться на наем боевиков из числа пакистанских пуштунов. С. Хаккани установил связи с местной группировкой Хафиз Гуль Бахадура. Она поставляет ему боевиков и террористов-смертников. В ряде случаев «сеть Хаккани» набирала боевиков

из Южного Вазирстана из отрядов тех полевых командиров, которые под давлением армейских операций 2009–2010 гг. перенесли свои тренировочные лагеря в Северный Вазирстан¹².

Организация Хаккани на протяжении долгого времени сотрудничала с арабскими экстремистами. Известно, что большая часть финансирования группировки Хаккани приходит из региона Персидского залива. Кроме того, движение поддерживает связи с «Аль-Каидой» и узбекским «Союзом исламского джихада». Однако идеологическая связь «сети Хаккани» с «Аль-Каидой», по мнению ряда наблюдателей, в значительной степени размыта. Хакканисты идеологически стоят ближе к пуштунско-националистической риторике ДТ, нежели установкам «Аль-Каиды» на разжигание мирового джихада.

Существенно также и то, что «сеть Хаккани», в отличие от пакистанских талибов и «Аль-Каиды», не выступает против пакистанских властей. Так, в июне 2006 г. Дж. Хаккани заявил, что борьба с Пакистаном не является приоритетом для его организации и, более того, ни он, ни его соратники не поддерживают тех, кто ведет войну против Пакистана. Еще яснее высказался С. Хаккани, заявив: «Неправильно считать, что «Аль-Каида» и движение Талибан преследуют одни цели. «Аль-Каида» стремится распространить свое влияние по всему миру. Это не входит в наши планы. Цель талибов – освобождение Афганистана от присутствия иностранных войск»¹³.

Помимо «сети Хаккани» в агентстве действуют, по данным на 2010 г., отряды упомянутого выше Х.Г. Бахадура. Он не обладает столь же внушительным «послужным списком», как клан Хаккани, но пользуется мощной поддержкой племен, проживающих в горных районах между Мирамшахом и афганской границей. Группировка Х.Г. Бахадура поддерживает конструктивные отношения со многими экстремистами в Северном Вазирстане и за его пределами, избегая конфронтации с пакистанскими властями. Х.Г. Бахадур, как и хакканисты, сосредотачивает свое внимание на борьбе с западным присутствием в Афганистане.

Куррам

В отличие от расположенных южнее агентств ТПФУ, Куррам населяют племена, представители которых придерживаются как суннитского, так и шиитского направления ислама в соотношении 58% к 42%. Площадь агентства около 1,3 тыс. кв. км, население – 450 тыс. чел. Агентство давно превратилось в арену суннито-шиитских столкновений, которые происходят с периодичностью в 5–10 лет¹⁴.

Межсектантское противостояние в Курраме осложнилось вовлеченностью Пакистана в афганский джихад. В 1980-х гг. там были развернуты лагеря афганских беженцев-суннитов, которые в конфликте принимали сторону куррамских суннитов. Шииты же неохотно предоставляли убежище афганским моджахедам (борцам за веру) и были весьма обеспокоены поддержкой, которую оказывала пакистанская Объединенная военная разведка

(OBR, Inter-Service Intelligence) отрядам моджахедов, прежде всего из «Хезб-и ислами» (Исламской партии) Гулбеддина Хекматъяра.

В агентстве действовали две местные боевые организации шиитов, ориентированные исключительно на защиту интересов своей общины. Расположенная в административном центре г. Парачинар «Куррам хезбалла» (Партия ислама Куррама) идеологически близка к Ирану, куда и направляет собранные пожертвования (хамас). Более мощная «Махди милишиа» (Ополчение Махди) близка к иракским шиитским организациям.

Сунниты Куррама формально не имеют своих боевых организаций, но в племенах действуют лашкары. При возникновении необходимости борьбы с шиитами они получают значительную поддержку от вазиристанских отрядов ТТП и базирующихся в более северном агентстве Хайбер боевых суннитских организаций.

Помимо противостояния между представителями разных ветвей ислама, нестабильность ситуации в Курраме усиливает присутствие талибов, которые начали проникать в агентство с 2006 г. Местные шииты, в основном принадлежащие к племени тури, недовольны использованием их земель талибами, опасаясь, что их присутствие может привлечь нежелательное для них внимание пакистанской армии к Курраму¹⁵.

Оракзай

Оракзай (площадь ок. 1,5 тыс. кв. км, население около 450 тыс. чел.¹⁶) является единственным из семи агентств ТПФУ, которое не граничит с Афганистаном. Основными племенами являются оракзай и бангаш. Можно выделить три различных, но часто взаимодополняющих друг друга осей противоборства в Оракзае:

- межсектанская рознь между шиитским меньшинством (10% населения) и суннитским большинством;
- вражда между различными религиозно-националистическими группами;
- борьба между местными экстремистами и «пришлыми» талибами.

Суннито-шиитское противостояние в наибольшей степени влияет на развитие ситуации в Оракзае. Главным предметом разногласий стал вопрос о контроле над мечетью Мир Анвар Шах в г. Калай¹⁷. Эта построенная более 300 лет назад мечеть посвящена святому, почитаемому шиитами. В 1936 г. британские колониальные власти передали ее суннитам. Позднее, в конце 1980-х гг., шиитам позволили совершать служения в мечети и проводить работы по поддержанию комплекса. Маятник качнулся в обратную сторону в конце XX в. В 1999 г. талибы, объединившись с местными радикалами в попытках вытеснить шиитов, отстранили последних от контроля над мечетью. В последовавших затем беспорядках участвовали активисты местной суннитской группировки Аслама Фаруки, поддерживающей радикальную экстремистскую организацию «Сипах-и сахаба Пакистан», и иностранные боевики. С 1999 по

2009 г. в агентстве и граничащем с ним округом Хангу провинции Хайбер-Пахтунхва было зафиксировано более 22 тыс. жертв на религиозной почве¹⁸. Религиозный конфликт в Оракзае также имеет социально-экономический аспект: шииты в агентстве богаче, обладают большими наделами земли и в целом более образованы, нежели сунниты.

С 2004 г. в Оракзае находили убежище талибы из Южного Вазиристана. Они использовали его в качестве плацдарма для подготовки нападений на пакистанские силы армии и полувоенные формирования безопасности и для трансграничных вылазок в Афганистан. В декабре 2008 г. отряды талибов под командованием Хакимуллы Мехсуда, действуя по своей обычной схеме, провозгласили верховенство норм шариата в районах Верхний и Нижний Оракзай. Объявив Оракзай своим «исламским эмиратом», Х. Мехсуд ввел джизию (исламский налог на немусульман) для сикхской общины, численностью в 65 семей. Некоторые из них покинули агентство¹⁹. «Талибанизация» агентства сыграла ключевую роль в разжигании там религиозного противостояния.

Хайбер

Агентство Хайбер (площадь 2,6 тыс. кв. км на северо-западе «зоны племен») свое название получило от исторического перевала Хайбер, служившего на протяжении веков главными «воротами» в Индию²⁰. В агентстве проживают почти 550 тыс. чел., принадлежащие в основном к четырем пуштунским племенам – африди, шинвари, муллагори и шимани. Наиболее крупным и известным в истории является племя африди²¹.

Агентство стало убежищем для исламских радикалов. На его территории действуют различные экстремистские организации, в частности «Лашкар-и ислам» (ЛИ, Исламская армия), «Ансар уль-ислам» (Сподвижники ислама) и ТТП. Помимо того, здесь зачастую вспыхивают столкновения на религиозной почве. Усугубляет ситуацию вмешательство наркомафии. Острые проблемы в Хайбере начались в 2003 г., когда в главной его долине – Тире была создана организация под названием «Амр бил маруф ва нахи анил мункар» (Призыв к добродетели и отрицание порока) под руководством Хаджи Намдара²². На волнах его радиостанции транслировались проповеди яркого противника шиизма муфтия Мунир Шакира. Надо отметить, что М. Шакир был приверженцем деобандской школы в суннизме, прибыл в Хайбер из Куррама, откуда был выслан за разжигание религиозной розни.

В Хайбере имел позиции и сторонник другой основной суннитской школы – барелви – афганец Пир Рахман, который поселился в главном городе агентства Баре еще в 1977 г. Пира Рахмана признают своим духовным лидером в Афганистане и Пакистане, а главное, его поддерживает племя африди. Соперничество между двумя религиозными деятелями, пришедшими в Хайбер извне, стало причиной ожесточенных столкновений, начавшихся в ноябре 2005 г. В феврале следующего

года под нажимом совета старейшин племени африди, обеспокоенных угрозой вмешательства пакистанской армии для прекращения беспорядков, оба духовных лидера оставили Хайбер. Однако с уходом идеологических вдохновителей конфликт не был исчерпан, поскольку продолжали действовать созданные при их участии экстремистские группировки.

Особенно активной была вышеупомянутая «Лашкар-и ислам» во главе с М. Багхом. Его идеологическая программа была основана на лозунгах борьбы с криминалитетом и наркомафией и неспособности государственных органов противостоять им. Он также выступил против власти племенных вождей, поддерживающих центральное правительство. По его заявлениям, ЛИ удалось установить свою систему законов шариата в Хайбере. Под запретом оказалась и наркоторговля. После того как Багх создал некое идеологическое пространство вокруг себя как лидера исламистов, он открыто бросил вызов пакистанскому государству, угрожая развернуть масштабную вооруженную антиправительственную деятельность, которая «не будет ограничиваться только Хайбером, но и распространится на весь пешаварский регион» (к Хайберу прилегает равнинная область, где расположена столица провинции Хайбер-Пахтунхва – г. Пешавар).

В агентстве Хайбер пытались закрепить и внешние для агентства силы. Речь идет прежде всего о пакистанских талибах из ТТП. Однако успеха эти попытки не имели. Тем не менее и в 2010 г. в агентстве действовали небольшие талибские отряды, подчиняющиеся командованию в соседнем Оракзае²³. Талибы пытались перекрыть транспортные маршруты НАТО, идущие через Хайбер. Известно, что вплоть до 2010 г. пакистанский маршрут доставки грузов для группировки США и НАТО в Афганистане был основным (до 80%) и значительная их часть шла через Хайберский перевал²⁴. Пакистанские силы безопасности приложили много усилий, чтобы держать открытыми маршруты снабжения. После гибели в августе 2009 г. Б. Мехсуда в результате налета американской беспилотной авиации, талибы предприняли наступление в Хайбере. И впоследствии агентство еще неоднократно становилось целью террористических атак. Продолжая оказывать сопротивление пакистанской армии, талибы из Вазиристана не прекращали борьбу с местными боевыми группировками.

Моманд

Расположенное к северу от Хайбера агентство Моманд (площадь 2,3 тыс. кв. км, население 600 тыс. чел.) названо по имени главного племени агентства. Моманды известны своей религиозностью и консерватизмом, однако агентство считается более интегрированным в пакистанское общество, чем другие районы ТПФУ. Дело в том, что начиная с 1970-х гг. значительная часть жителей отправлялась на заработки в страны Персидского залива и по возвращении вкладывало деньги в экономику края.

Как и другие районы «зоны племен», Моманд в 1980-х гг. испытал влияние афганской войны, когда приток беженцев осложнил экономическое положение. Но в отличие от других агентств, в нем практически не было тренировочных лагерей моджахедов. Военные формирования в этом районе активизировались в 2004 г., после появления талибов в Южном и Северном Вазиристане. Идеология талибов проникла в Моманд не с юга, а с севера, из области Малаканд Северо-Западной пограничной провинции, главным образом из округа Сват. Здесь исламистские группировки заявили о себе еще в начале 1990-х гг. Основной из них была организация «Техрик-и нифаз-и шариат-и Мухаммади»²⁵. Масштабное проникновение талибов в Моманд произошло в 2006 г., когда они стали вводить свои законы и устранять старейшин, сотрудничавших с властями²⁶.

На ситуацию в агентстве повлияли и уже упоминавшийся штурм исламабадской Красной Мечети летом 2007 г. Чтобы выразить солидарность с исламистами в Исламабаде, около 200 боевиков захватили несколько мечетей недалеко от административного центра агентства. Местный предводитель исламистов О. Халид объявил о присоединении к ТТП. Но момандские отряды талибов продолжали действовать независимо от основного движения в Южном Вазиристане. Деятельность талибов побудила кланы многочисленного племени моманд оказать им сопротивление. В отдельных районах начали действовать их лашкары. Считается, что борьба племенных ополчений была более эффективной, чем операции пакистанской армии²⁷.

Момандские исламисты политически связаны с обеими основными религиозными парламентскими партиями Пакистана – ДУИ и ДИ. Созданный ими избирательный блок исламистов на выборах 2002 г. выиграл все места в пакистанском парламенте от Моманда. Впоследствии избранные от агентства члены парламента подвергались критике за коррупцию и терпимость к боевикам и террористам. По мнению некоторых экспертов, росту влияния местных боевиков, таких, как О. Халид, способствовала деятельность пакистанской военной разведки, рассчитывавшей нейтрализовать влияние политических оппонентов исламистов, а именно выше упоминавшуюся умеренно националистическую партию АНП.

Хотя попытки армии сохранить у власти исламистов не увенчались успехом, нет больших сомнений в том, что она и ее главная разведывательная организация (ОВР) способствовали укреплению низовых исламистских групп. После победы на парламентских выборах 2008 г. АНП, многие ее видные члены и руководители неоднократно подвергались нападениям со стороны талибов. Многие активисты были убиты, среди них – ряд членов федерального парламента и выходцев из агентства, выбранных в законодательное собрание провинции Хайбер-Пахтунхва²⁸.

Баджаур

Наименьшее по территории и самое северное агентство Баджаур (1,3 тыс. кв. км) граничит с афганской провинцией Кунар и является воротами в долину Сват. Благодаря этому оно приобрело немалое стратегическое значение. К тому же это самая крупная по населению часть ТПФУ – свыше 750 тыс. чел. Основную долю жителей составляют племена группы таркани (или тарклани)²⁹. До 2001 г. в Баджауре не было террористических групп. События осени того года стали поворотными. Среди боевиков ныне заметны талибы (ТТП) и сторонники «Движения за введение шариата».

Насколько известно, публично признавая верховенство афганского Талибана и лично Муллы Омара, на деле баджаурские талибы никак не координируют свои террористические вылазки в Афганистане с муллою Омаром и его окружением. Они самостоятельно выбирают объекты для нападения и взрывов самодельных бомб. Отдельную боевую группу возглавляет М. Факир, заявивший о своей поддержке «Аль-Каиды»³⁰. Под его командованием в агентстве действуют не только афганцы, но и другие боевики-иностранцы. Среди джихадистских групп, также действующих в Баджауре, следует назвать «Джаиш-и ислами» (Исламскую армию) во главе с Кари Али Рахманом.

По некоторым данным, в основном пенджабская «Харкат-уль джихад-уль ислами» также ведет подрывную деятельность в Баджауре. Ее подозревают в организации многих громких терактов с использованием смертников, включая повлекшее сотни жертв покушение 18 октября 2007 г. в Карачи на бывшего премьер-министра Пакистана Б. Бхутто и теракт в сентябре 2008 г., когда был разрушен отель «Марриотт» в Исламабаде³¹.

Кроме пакистанских боевиков, в агентстве присутствуют и иностранные экстремисты. «Исламское движение Узбекистана» и отколовшийся от нее «Союз исламского джихада» имеют некоторую поддержку в Баджауре и афганской провинции Кунар. Считается, что они действуют под командованием Кари Зия ур-Рехмана, которые также обучает других иностранных джихадистов³².

Заключение

Участие Пакистана в так называемой «глобальной войне с терроризмом», а особенно участвовавшие в конце 2000-х гг. скоординированные с пакистанским руководством атаки беспилотников США на районы ТПФУ, встретили понятное отторжение среди пакистанцев. Тяжелыми последствиями антитеррористической войны стали многочисленные жертвы среди мирного населения, военнослужащих и полицейских. Помимо того, сотни тысяч жителей «зон племен» и прилегающих к ней районов были вынуждены на время проведения антитер-

рористических кампаний покидать свои дома и становиться «внутренними беженцами».

Тем не менее нужно признать, что под давлением жестких мер пакистанской армии и служб специального назначения террористическая активность исламистских боевых групп в последние годы уменьшилась. Уже в середине 2011 г. обозначилась тенденция к общему снижению ее уровня при незначительном сокращении наносимого ущерба: за 2011 г. общее количество террористических атак снизилось на 7%, в результате чего погиб 2391 чел. (в 2010 г. – 2913 чел.).

Эти успехи нужно рассматривать на фоне перегруппировки сил в стане исламского радикализма, действующего легально. Возник новый альянс исламистских организаций «Дифа-и Пакистан» (Защита Пакистана), где одно из ведущих мест, наряду с лидерами таких партий, как ДУИ и ДИ, занял Хафиз Саед – лидер наиболее радикальной по идеологии исламистской организации «Джамаат-уд-дава» (Общество призыва). Эта организация является «фасадной» для наиболее активно действовавшей в 2000-х гг. на индийском направлении боевой группировки «Лашкар-и тоиба» (Армия чистых). Именно она организовала наиболее громкий теракт последних лет – нападение группы диверсантов в ноябре 2008 г. на крупнейший индийский город Мумбаи (Бомбей). Перегруппировка сил среди легальных исламистов, попытка «легализовать» крайних представителей исламистского движения свидетельствует об учете ими новой реальности.

Следует заметить, что если в 2008–2010 гг. фактор исламского экстремизма и терроризма имел исключительно большое значение для Пакистана, для ситуации на его северо-западе, да и для всего близлежащего региона, то в дальнейшем, как представляется, его значение несколько снизилось. Вопрос о том, насколько долговременна эта тенденция, остается открытым и исключительно важным в преддверии парламентских выборов в Пакистане весной 2013 г. и предполагаемого вывода основной части боевых соединений США и НАТО из Афганистана к концу 2014 г.

Tchekrizova O.P. Islamic Radicalism in North-West Pakistan.

Summary: The article covers the issue of the evolution of Islamic Radical movement in Pakistan at the present stage. Since 2001 the north-western Pakistan has gained prominence. It witnessed accumulating of various extremist forces opposing the international coalition in Afghanistan. The problem of the presence of radical forces in the volatile Afghanistan-Pakistani border region remains relevant in this period of decreasing extremist activities. The significance of the problem is amplified by the upcoming 2013 general elections in Pakistan and the forthcoming withdrawal of coalition troops from Afghanistan.

Ключевые слова

Пакистан, афгано-пакистанское приграничье, радикализм, экстремизм, исламизм, исламистские движения.

Keywords

Pakistan, Afghan-Pakistani border region, radicalisms, extremism, Islamism, Islamist movements.

Примечания

1. В августе 2009 г. президент А.А. Зардари внес соответствующие законодательные инициативы, которые позволили бы партиям нерелигиозного толка в полной мере участвовать в выборах, а также изменения в систему управления ТПФУ.
2. Подр. см.: В.Я. Белокреницкий. Война в горах. Талибы и пакистано-афганское приграничье//Азия и Африка сегодня. 2012. №7, С. 24-28.
3. См.: Н.А. Замараева. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008-2010 гг.//Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 190-191.
4. D. Suba Chandran. Khyber Agency: Indigenous Taliban, illegal radio stations and ineffective administration. Institute of Peace and Conflict Studies, New Delhi, India, June 16, 2006. <http://ipcs.org>.
5. Yusufzai R. Profile: Nek Mohammed. BBC, June 18, 2004. http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3819871.stm.
6. Mahsud M.K. Militancy and Conflict in South Waziristan. The Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
7. Sirajuddin Haqqani Interview with AfPax Insider April 7, 2009, http://www.afpax.com/index.php/post/7478/Talibans_Siraj_Haqqani_Shrugs_Off_5.
8. Former Haqqani commander, AG interview, May 2009, Pakiya province; Farhat Taj, "Target: terror secretariat,"The News International, April 4, 2009, http://www.thenews.com.pk/editorial_detail.asp?id=170708
9. Anand Gopal, Mansur Khan Mahsud, Brian Fishman. Militancy and Conflict in North Waziristan. Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
10. US National Security Archive, <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB295/doc05.pdf>
11. Ibid.
12. Jane Perlez, "Taliban Leader Flaunts Power Inside Pakistan,"The New York Times, June 2, 2008. <http://www.nytimes.com/2008/06/02/world/asia/02pstan.html>.
13. Ismail Khan. Forces, Militants Heading for Truce. Dawn, June 23, 2006. <http://www.dawn.com/2006/06/23/top2.htm>; Anand Gopal, Mansur Khan Mahsud, Brian Fishman. Militancy and Conflict in North Waziristan. Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
14. Ibid.
15. Mahsud M.K. Militancy and Conflict in Kurram. The Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
16. <http://www.fata.gov.pk/subpages/orakzai.php>
17. Zahab M.A. Sectarianism in Pakistan's Kurram Tribal Agency. Jamestown Foundation, March 19, 2009. <http://www.jamestown.org>.
18. Multi Cluster Rapid Assessment–District Kohat. World Health Organization report, December 5, 2009. <http://www.whopak.org/idps/documents/assessments/Assessment%20Report%20of%20District%20kohat.pdf>.
19. Khan Raheel Militancy and Conflict in Orakzai. The Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
20. Raheel Khan. Militancy and Conflict in Khyber. The Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
21. Rashid Naeem. Historical and Administrative Profile of the Khyber Agency. AllVOICES, March 10, 2008. Режим доступа: <http://www.allvoices.com/user/blog/752>
22. Caroline Wadhams and Colin Cookman. Faces of Pakistan's Militant Commanders. Center for American Progress, July 22, 2009. <http://www.americanprogress.org/issues/2009/07/talibanleaders.html/#12>.
23. Raheel Khan. Militancy and Conflict in Khyber. The Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
24. Salman Masood, "Bridge Attack Halts NATO Supplies to Afghanistan,"The New York Times, February 3, 2009.
25. «Техрик-и нифаз-и шариат-и Мухаммади» (Движение за введение шариата) создано в мае 1989 г. Суфи Мухаммадом.
26. "Militant Groups Warn Pro-Gov't Tribal Elders," Dawn, June 14, 2007
27. Fauzee Khan Muhammad, "Mohmand Lashkar Kills 23 Taliban Militants," Dawn, July 14, 2009.
28. "Peshawar: The New Militant Frontline," Associated Press, Dec. 14, 2009.
29. Rahmanullah, Militancy and Conflict in Bajaur. The Battle for Pakistan. New America Foundation. <http://counterterrorism.newamerica.net>.
30. Claudio Franco. Part III of a Special NEFA Report: Militant Groups Active in the Bajaur Region. August 2009. <http://www.nefafoundation.org>.
31. Amir Mir. HUI chief still at large. The News, September 23, 2008. http://www.thenews.com.pk/top_story_detail.asp?id=17449
32. Foreign militants target of Bajaur operation: Hoti. Daily Times, August 15, 2008. http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2008\08\15\story_15-8-2008_pg7_34

Конфликт вокруг островов Сэнкаку 2012 г.: истоки и уроки

И.В. Дьячков

Недавний японо-китайский конфликт по поводу островов Сэнкаку (Дяоюйдао) привлек внимание академического сообщества к росту националистических настроений в Северо-Восточной Азии (СВА). Данная статья представляет собой попытку проанализировать территориальное измерение национализма в СВА; выявить факторы, делающие его наиболее заметной частью регионального политического дискурса; определить возможные факторы риска, связанные с использованием этого инструмента международной политики, и сделать ряд кратко- и долгосрочных прогнозов по поводу недавнего конфликта.

Даже беглый взгляд на сложившуюся в Северо-Восточной Азии систему международных отношений показывает, что национализм – очень заметная, если не ключевая, часть регионального политического дискурса. Причины этого достаточно очевидны:

- поскольку национализм является основным фактором социальной мобилизации во внутренней политике, вполне естественно его «выплескивание» («спилловер») на международный уровень;
- на протяжении многих веков взаимоотношения стран региона были осложнены острыми конфликтами, взаимными обидами и попытками взять реванш;
- близость общественных и политических культур обычно выступает как фактор единства, однако такое сходство может порой приводить к появлению у государств ощущения необходимости подчеркнуть свою уникальность и доказать себе и миру, что они лучше своих «братских» соседей;
- давние нерешенные территориальные конфликты.

Последний фактор может показаться малозначительным, всего лишь географической проекцией сложной истории региональных конфликтов. Тем не менее именно территориальный вопрос в последнее время вышел на первый план, и именно он может стать причиной многих бед, если его деструктивное влияние не будет нейтрализовано на данном этапе.

Национализм в Северо-Восточной Азии: территориальное измерение

Территориальные претензии, предъявляемые государствами СВА друг к другу, весьма разнообразны. Здесь и заявления, подкрепленные историческими доказательствами, зачастую сомнительными, неоднозначными, отсылающими к малозначительным аргументам и плохо сочетаемых с современной ситуацией; и искусственно сконструированные и частично реальные проблемы; и чисто националистические мифы в виде притязаний, выдвигаемых некоторыми китайскими и корейскими ультра националистами в отношении территорий Монголии, Сибири и российского Дальнего Востока.

Разумеется, радикальные идеи весьма редко звучат на официальном уровне и остаются уделом радикальных политиков и группировок. Тем не менее даже наиболее сюрреалистичные и абсурдные мифы нельзя списывать со счетов как нечто нерелевантное, далекое от региональной политики. Ибо эти мифы могут с легкостью быть реконструированы, поданы как историческая реальность и использованы как инструмент внутренней или внешней политики. Граница между мифом и реальностью в восточноазиатском политическом дискурсе проведена весьма нечетко. Страны региона не стесняются использовать подложные квазиисторические доказательства для укрепления своих позиций в территориальных спорах, в связи с чем порой дав-

но забытые проблемы вновь превращаются в предмет обсуждения, если одна из сторон решает, что такого рода диверсия будет ей выгодна. Поэтому даже самые дикие националистические фантазии, не разделяемые большинством политических сил страны, следует расценивать как потенциальный повод для беспокойства.

Новые угрозы стабильности

До недавних пор ситуация в СВА была более или менее стабильной. Потенциально опасные конфликты не развивались благодаря следующим факторам:

- как правило, территориальные споры рассматривались как инструмент внутривнутриполитической борьбы, а не как проблемы, подлежащие серьезному обсуждению на международном уровне. Эти споры использовались различными политическими группировками для достижения своих частных целей. Например, так называемая «курильская проблема» буквально кормит достаточно большое сообщество японских политиков-националистов. Правящие круги могут обратиться к территориальному спору для отвлечения внимания публики от более насущных проблем или для того, чтобы общественность, недовольная действиями властей, могла выпустить пар (такое использование территориальных проблем было характерно для Южной Кореи, например, во время попыток президента Ли Мен Бака продать подписание спорного соглашения о свободной торговле с США). Кроме того, любые политические силы, вне зависимости от заявляемой позиции, могут пытаться играть на националистических настроениях, используя территориальный вопрос, с целью заручиться общественной поддержкой, в особенности в преддверии выборов (так, Коммунистическая партия Японии придерживается весьма националистических позиций по проблемам Курил и Сэнкаку, несмотря на интернационалистский пафос коммунизма и собственную критику действий Японии во Второй мировой войне);

- незатухающие территориальные споры и поток взаимных обвинений, по-видимому, являются неотъемлемой частью восточноазиатской политической культуры и дискурса, отражающих сложное прошлое региона. Эти споры предназначены не для разрешения, а для постоянного обсуждения (если периодический обмен жесткими заявлениями можно назвать таковым):

- а) эти проблемы помогают политическим деятелям самореализовываться;

- б) на международном уровне эти споры становятся способом «сохранять лицо», укреплять престиж страны и позиционировать ее как могущественную державу. Все страны региона предъявляют территориальные претензии своим соседям, так как довольствоваться тем, что имеешь, с политической и культурной точки зрения оказывается дурным тоном;

- до сих пор статус-кво был достаточно прочен в силу того, что любое нарушение баланса дорого обошлось бы государствам, вовлеченным в конфликт:

- 1) страны региона имеют в своем распоряжении мощные вооруженные силы, при этом некоторые из них (Южная Корея и Япония) связаны договорами, которые неизбежно втянут в конфликт США. Этот фактор ограничивает использование «грубой силы» в решении территориальных споров;

- 2) пересмотр статуса-кво не соответствует интересам ни одной из стран, поскольку все они вовлечены во множество споров, где выступают то как претендент на обладание некоторыми территориями, то как их фактический владелец. Поэтому в случае регионального пересмотра статуса-кво все стороны могут потерять часть имеющихся у них территорий;

- 3) государства региона поддерживают мощные экономические связи, и, как небезосновательно утверждает теория взаимозависимости, эти связи могут успешно предотвращать открытые политические и военные конфликты¹.

Однако возможно, что наблюдаемая стабильность в реальности не столь нерушима и вышеперечисленные факторы все хуже удерживают территориальные конфликты на дипломатическом уровне. Статус-кво может быстро сломаться под националистическим давлением, а факторы безопасности – подвергнуться ряду существенных ограничений. Кроме того, в последние годы в развитии территориальных споров можно было заметить ряд весьма тревожащих моментов:

- во-первых, теперь стороны конфликта чаще выражают свою позицию действиями, а не заявлениями. В частности, в ноябре 2010 г. южнокорейские учения в спорной части акватории Желтого моря привели к обстрелу о. Енпхендо северо-корейской артиллерией, в ходе которого погибли люди. В сентябре 2012 г. японское правительство выкупило острова Сэнкаку (Дяоюйдао) у частного владельца. Таким образом, территориальные споры, ранее бывшие лишь своеобразным аспектом регионального политического дискурса, быстро превращаются в реальные конфликты.

- Кроме того, в то время как даже на самые агрессивные заявления обычно отвечают аналогично, в словесной форме, реакция на агрессивные действия чаще всего подразумевает применение насилия, что может приводить к непредвиденным и с трудом поддающимся контролю результатам. В 2010 г. Южная Корея симметрично ответила на северо-корейский обстрел. В 2012 г. действия Японии привели к протестам в Китае, изначально носившим мирный характер, но вскоре гнев протестующих обрушился на японские предприятия. Быстрая эскалация особенно опасна в случае территориальных споров, поскольку преимущественно иррациональная природа национализма влияет на сущность основанных на нем конфликтов: они легко вспыхивают, но с трудом поддаются урегулированию;

- во-вторых, в течение минувшего полувека конфликты были относительно малозаметными, поскольку основные региональные державы (Китай, Япония, Южная Корея) были заняты внутренними вопросами и экономическим развитием. Накопленная за эти годы экономическая мощь была конвер-

тирована в политический и военный потенциал, и, похоже, сегодня этот потенциал пытается реализоваться на международной арене. Кроме того, утверждение, что экономическая взаимозависимость укрепляет региональную безопасность, несколько спорно. Даже самая глубокая экономическая взаимозависимость не может предотвратить гонку за политическое и военное превосходство в регионе, где по крайней мере три страны стремятся стать ведущей региональной державой и в перспективе стать видным игроком на глобальном уровне (при этом в прошлом Китай и Япония уже занимали позицию регионального лидера, что укрепляет их амбиции). Кроме того, экономические факторы не могут улучшить негативное восприятие соседей, сложившееся у стран региона исторически². Рациональные экономические соображения не подавили иррациональные националистические чувства, которые не только глубоко укоренены в истории, но и годами поддерживались политиками;

– в-третьих, в регионе традиционно отсутствует система разрешения международных конфликтов. В этом смысле наиболее показателен подход Китая к территориальным вопросам: китайское руководство предпочитает решать проблемы такого рода на двустороннем уровне и быстро дистанцируется от попыток интернационализировать процесс³. Многосторонний подход мог бы не только сдерживать эскалацию насилия и сгладить негативные последствия обострений, но и предотвращать обострения и разрешать конфликты. Без механизма международного урегулирования территориальные споры неизбежно будут скатываться к насилию.

Последствия эскалации

Вышеописанная стабильная природа территориальных споров и указанные факторы стабильности обладают определенной возможностью сдерживать территориальные споры на дипломатическом уровне. Тем не менее наблюдаемая стабильность может быстро разрушиться, а перечисленные факторы безопасности обладают весьма существенными ограничениями, в то время как всплеск националистических настроений может иметь весьма негативные последствия.

Национализм – очень опасный инструмент внешней политики. В некотором смысле это – международно-политическая «атомная бомба»: националистическими настроениями легко воспользоваться и добиться впечатляющих результатов, но международные последствия таких действий зачастую могут обернуться катастрофой не только для «жертвы», но и для пошедшего на подобный риск государства. Конфликты, осложненные этническим или религиозным факторами, непредсказуемы. Они с трудом поддаются урегулированию, не говоря уже о разрешении. Причина этого – в иррациональной природе националистических и религиозных идей: Т. Зонва весьма обоснованно называет национализм «светской религией», поскольку он основан на вере в догматы⁴. Вовлеченные в такой конфликт стороны могут отказываться от рациональных стратегий в пользу шагов, продиктованных эмоциями или

ожиданиями толпы. Эта общая черта конфликтов, осложненных националистическим элементом, в Северо-Восточной Азии подкрепляется рядом специфически региональных факторов:

– в СВА присутствуют две признанные ядерные державы (Россия и Китай), непризнанное ядерное государство (Северная Корея, чьи отношения с рядом государств региона весьма напряжены) и два пороговых государства. Кроме того, США, еще одна ядерная держава, обладает существенным военным присутствием в регионе. Ядерный фактор превращает даже небольшие региональные военные стычки в повод для беспокойства;

– неразрешенные проблемы в исторической памяти подогревают националистические чувства и ведут к требованиям «справедливой» компенсации. Мировая история знает множество примеров того, как националистический подход к проблемам прошлого вредил региональной безопасности. Один из наиболее драматичных – ситуация в Европе, в частности Судетский кризис;

– вышеупомянутая размытость границ между мифом и исторической реальностью, характерная для восточноазиатского политического дискурса, порождает еще один повод для беспокойства. Если какая-то из восточноазиатских стран перейдет к одностороннему решению территориальных вопросов, разработанная ультранационалистическая мифология станет неисчерпаемым источником для все новых и новых претензий;

– сегодняшняя региональная конфигурация безопасности исторически формировалась под влиянием корейской проблемы. Обе Кореи претендуют на суверенитет над всем Корейским полуостровом, что является крупнейшим территориальным спором в регионе (разумеется, за исключением претензий Тайваня на территорию материкового Китая), который уже приводил к крупномасштабному кровопролитию. Кроме того, Корейская война 1950–1953 гг. не завершилась мирным договором, и вооруженные силы обеих Корей постоянно готовы к столкновению. Тугой узел корейских проблем остается существенной угрозой региональной безопасности и может привести к кровопролитию вновь, если ситуация в СВА дестабилизируется.

Кроме того, даже «меньшие» корейские проблемы, связанные с нерешенным «большим» корейским вопросом, обладают серьезным деструктивным потенциалом. Например, морские стычки в районе демаркационной линии в Желтом море (так называемая «Северная разграничительная линия»), проведенной силами ООН в 1953 г. и не признанной северокорейцами (проблему разграничительной линии можно считать территориальным спором внутри большого, всекорейского территориального спора), к сожалению, достаточно регулярны. В 2010 г. произошла артиллерийская перестрелка у о. Енпхендо, но столкновения, завершавшиеся военными и гражданскими потерями для обеих сторон, происходили с конца 1990-х гг.;

– наибольшая проблема связана с отсутствием региональной системы безопасности. Единственное подобие региональной структуры является релик-

том биполярной эпохи: это американская система двусторонних военных договоров (так называемая «система оси и спиц»), с одной стороны, и китайско-северокорейский союз, скрепленный договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1961 г., – с другой. Китай, по договору обязанный защитить Северную Корею, не говорит однозначно о том, предоставит ли он в соответствующем случае реальную военную помощь Пхеньяну, либо придерживается иного толкования «военной» статьи договора, но данный документ остается элементом несовершенной региональной структуры безопасности⁵.

Система «оси и спиц» изначально создавалась для сдерживания коммунизма и советской военной и политической экспансии, но затем была «перенацелена» на сдерживание Северной Кореи (которая воспринимается как основной источник военной угрозы в Сеуле и Токио). Более важной, но неозвучиваемой новой задачей системы «оси и спиц» стал контроль над растущей мощью Китая и противодействие ей. Многие западные ученые описывают данное положение вещей как стабильный баланс угроз, положительно оценивая роль американских военных союзов. Но такая конфигурация безопасности обладает рядом очевидных недостатков:

- она является конфронтационной по своей природе, как следствие, возможные в ее рамках варианты взаимодействия подчинены логике конфронтации. Неореалистский баланс угроз, изобретение времен «холодной войны», оказывается единственной гарантией безопасности в регионе;

- данная система не подразумевает механизмов, защищавших бы от насильственного пересмотра баланса, наоборот, сама ее природа делает основными стратегиями поведения противодействие и возмездие, а не обсуждение и мирное разрешение проблем. С институциональной точки зрения в СВА отсутствует механизм решения региональных конфликтов, что особенно опасно в случае с взрывоопасными территориальными спорами. Кроме того, конфронтационная структура безопасности не сокращает негативное влияние исторических проблем на региональный политический дискурс.

Конфликт вокруг островов Сэнкаку: приметы подъема Китая

Анализ недавнего японо-китайского конфликта по поводу островов Сэнкаку (Дяоюйдао) позволяет проследить малозаметные сдвиги в региональной международно-политической ситуации и изменения во внешней политике стран СВА, в частности Китая. Сентябрьские антияпонские выступления в КНР обеспокоили многих наблюдателей. Хотя подобные протесты нередки в СВА, где антияпонские настроения сильны во многих странах, на этот раз демонстрации были беспрецедентно масштабными и дерзкими.

Некоторые аналитики объясняли эту особенность, ссылаясь на когнитивный разрыв между реальными внешнеполитическими действиями Китая и ожиданиями китайского общества. В соответствии с такими выкладками, несмотря на то что международно-политические шаги Китая порой

воспринимаются иностранными наблюдателями как агрессивные и экспансионистские, китайская общественность критикует власть за чрезвычайную осторожность и пренебрежение государственными интересами. Таким образом, протесты были способом выражения обществом своего мнения по поводу внешней политики и попыткой подтолкнуть официальный Пекин к более смелому ответу на японскую провокацию.

Интересно, что такая точка зрения часто озвучивается «полуофициальными» китайскими аналитиками. Например, Ван Цзисы, директор Института международных исследований Пекинского университета, в своем интервью японской газете «Асахи симбун» (которое было недвусмысленно озаглавлено «Китай следует уважать как ведущую державу») заявил, что «китайское правительство зажато между внешними и внутренними оценками»⁶.

Это рациональное объяснение кажется исчерпывающим, однако реальность не так проста. Хотя Китай постепенно движется к политической либерализации, он по-прежнему не достиг той ее стадии, на которой общество может напрямую влиять на принятие внешнеполитических решений. Если принять во внимание структуру политической системы Китая и особенности господствующего в стране политического дискурса, становится трудно вообразить себе, что «неудобные» властям шумные публичные протесты могут затянуться на недели и уж тем более так широко освещаться в прессе. Этот момент, а также весьма высокая степень организованности якобы стихийных выступлений указывают на то, что они скорее поддерживались (если не проводились) властями, а не оказывали давление на власть. Кроме того, в последнее время китайское академическое сообщество издало множество статей, оплакивающих территориальные «потери» Китая и критикующих пассивную позицию страны в соответствующих международных спорах. За якобы общественной инициативой могут быть скрыты попытки прозондировать мнение международного сообщества и обосновать вероятный будущий сдвиг внешнеполитической парадигмы. Другими словами, ситуация говорит о том, что Китай решил прибегнуть к национализму для решения довлеющих внутренних проблем и перехода к новой внешнеполитической линии.

Китайские власти могут пытаться использовать ксенофобию и национализм, чтобы отвести от себя общественное недовольство, направив его на заморского «козла отпущения» в условиях, когда растущие региональные диспропорции и неизбежное замедление экономического роста создают социальные проблемы. Разумеется, подобные шаги не решат саму проблему и, помимо этого, негативно повлияют не только на региональную безопасность, но и на безопасность самого Китая. Гипотетически, вдохновленные властями, общественные выступления могут выйти из-под контроля и обернуться непредвиденными неприятными последствиями для своих вдохновителей. Исторически КНР уже знакома с таким сценарием со времен «культурной революции» 1966–1976 гг.

В ноябре 2012 г. XVII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая избрал новое руководство страны. Хотя механизм передачи власти в Китае отлажен и никаких неожиданностей не могло произойти, властям, знающим о растущем недовольстве общества недемократическим характером процедуры, была необходима небольшая контролируемая диверсия. Кроме того, как указывалось выше, обращение к национализму с целью обеспечения общественной поддержки и стабильности политической обстановки в преддверии выборов или иной формы передачи власти – популярный в восточноазиатском политическом дискурсе ход (японское правительство, испытывающее политические трудности, похоже, эксплуатировало конфликт сходным образом).

Кроме того, данные события могут быть показателем того, что новое руководство Китая коренным образом поменяет внешнеполитический курс страны. С конца 1980-х гг. Китай следовал изоляционистской парадигме Дэна Сяопина, сводящейся к тому, что Китаю следует быть менее заметным на международной арене, чтобы обеспечивать стабильный фон для внутреннего развития. Сейчас же, когда экономическая мощь КНР позволяет ей на равных конкурировать с Японией и позволит в недалеком будущем обойти США, власти и общество Китая признают необходимым конвертировать экономическое влияние в политические дивиденды, что уже практически и происходит.

Помимо экономической мощи, Китай также обладает значительным военным потенциалом. При этом характерно, что большая часть военного бюджета расходуется на развитие военно-воздушных сил и флота, то есть тех видов вооруженных сил, которые в наибольшей степени подходят для силового решения территориальных споров с соседями⁷.

Вышеописанные призывы китайского общества по расширению внешнеполитической повестки лишь частично вдохновлены властью, общественность и политики действительно ощущают явный контраст между пассивностью международной позиции страны (которая воспринимается как слабость) и растущим глобальным и региональным политическим потенциалом. Возможный повод для беспокойства можно увидеть в заявлениях, говорящих об «исторической миссии»⁸ китайской армии или неизбежном превращении КНР в «ответственную державу».

Здесь интересно отметить, что пятое поколение китайского руководства, пришедшее к власти в ноябре, в отличие от своих предшественников, исторически и политически является продуктом «культурной революции». Это не означает, что новый истеблишмент наверняка более радикален, чем ушедшее поколение руководителей, но его восприятие политических проблем, скорее всего, будет принципиально иным.

Взгляд в будущее

Какими будут последствия недавнего конфликта вокруг островов Сэнкаку? В краткосрочном периоде его влияние будет пренебрежимо малым. На данный момент он выполнил свои задачи, и сторонам нет смысла его продолжать (что, разумеется, не означает, что конфликт разрешен). Продолжение спора обойдется дорого: эскалационная логика предполагает подъем ставок с каждым новым ходом. В краткосрочном периоде экономическая и технологическая взаимозависимость удержит Японию и Китай от резких шагов (опять же это не панацея, и международная политика не является производным от международной экономики).

Не следует доверять обманчивому ощущению безопасности. Азиатский национализм неумолимо выплескивается из внутривнутриполитической сферы во внешнеполитическую, и каждый новый международный конфликт с националистической начинкой – еще одна капля, точащая камень региональной стабильности. Отсутствие краткосрочных последствий дает политикам возможность пойти на больший риск в следующий раз. Если политические элиты региона не увидят потенциальную опасность, Северо-Восточная Азия вскоре может оказаться на грани катастрофы.

Dyachkov I. V. The 2012 Senkaku Dispute: Origins and Lessons.

Summary: The recent Sino-Japanese conflict over the Senkaku (Diaoyu) Islands has turned the attention of the academic community toward growing nationalist sentiment in North East Asia. This paper is an attempt to analyze the territorial dimension of the region's nationalism, identify various factors that are bringing nationalism to the fore, warn of the possible dangers of using this political tool and make some short- and long-term predictions concerning the recent dispute.

Ключевые слова

Национализм, острова Сэнкаку (Дяоюйдао), Северо-Восточная Азия, территориальные споры.

Keywords

Nationalism, North East Asia, territorial disputes, Senkaku (Diaoyu) islands.

Примечания

1. Keohane R. Power and Interdependence. / R. Keohane, J. Nye. – New York : Longman, 2001.
2. Panda R. Japan and China: Negotiating a Perilous Course / R. Panda // India Quarterly. – 2012. – 68 (2). – P. 136.
3. Ibid, p. 151.
4. Зонova Т. «Светские религии» и дипломатическая концепция баланса сил // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 46
5. Choo, Jaewoo. Mirroring North Korea's Growing Economic Dependence on China: Political Ramifications // Asian Survey. – 2008. – Vol. 48, 2.
6. Wang Jisi. China deserves more respect as a first-class power // The Asahi Shimbun. – 2012. – Mode of access: <http://ajw.asahi.com/article/views/opinion/AJ201210050003>
7. Корсун В.А. В Китае ведется психологическая подготовка населения к войне // Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document226483.phtml>
8. Mulventon J. Chairman Hu and the PLA's «New Historic Missions» // China Leadership Monitor. – 2009. – 27.

Экономическое моделирование международного взаимодействия: международная экономика и международная политэкономика

А.Г. Олейнов

Статья посвящена двум основным направлениям теоретического обоснования процессов международного взаимодействия с позиций методологии современной экономической науки: международной экономике и политэкономии международных отношений. Каждое из направлений рассматривается через призму его формальных основ, а также отличительных особенностей по отношению друг к другу. Предпринимается попытка сформулировать общие теоретико-методологические основы экономического моделирования международного взаимодействия.

На современном этапе развития экономического знания изучение процессов международного взаимодействия занимает особое место в экономической науке. С одной стороны, методология данной области исследований опирается на десятилетия эволюции и значительный массив работ, посвященных изучению взаимодействия хозяйствующих субъектов на международной арене и связанных с этими процессами принятия решений и выработки правил взаимодействия. С другой стороны, предметом внимания экономистов выступают в значительной степени разные международные явления и процессы, что ведет к многообразию используемых предпосылок и теоретических моделей. Попытки обобщить методологию экономического анализа международного взаимодействия привели к появлению таких направлений, как *международная экономика* (*international economics*) и *международная*

политэкономика (*international political economy*). Однако эти попытки так и не привели к появлению отдельной экономической парадигмы международных отношений. В данной работе исследуется формальная сторона существующих подходов к экономическому моделированию процессов взаимодействия на международной арене и осуществляется поиск общих для данных подходов методологических принципов.

Международная экономика

В экономической литературе, связанной с исследованием наднациональных процессов, большинство работ, так или иначе, связано с вопросом координации различных направлений макроэкономической политики суверенных государств. При этом последние полвека актуальность того или иного направления макроэкономической политики для экономистов напрямую определялась экономическим развитием мира.

Олейнов Антон Геннадьевич – к.э.н., доцент кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО(У) МИД России. E-mail: oleinov@mgimo.ru

После Второй мировой войны и вплоть до 1970-х гг. это были вопросы торговых отношений и платежного баланса. Материальные последствия Второй мировой войны были устранены достаточно быстро, и уже к концу 1940-х гг. большинство стран Европы достигло довоенного уровня промышленного производства. В то же время основной источник внешних доходов – система внешней торговли и внешних платежей – не функционировал. Процессы торговой и экономической интеграции в Западной Европе на протяжении последующих лет (1950 г. – создание Европейского платежного союза; 1951 г. – создание Европейского объединения угля и стали; 1957 г. – создание Европейского экономического сообщества) нашли отражение в росте числа экономических исследований, посвященных вопросу координации внешнеторговой политики. Основной идеей здесь было проведение правительствами политики, которая способствует внутренней стабильности и экономическому росту и при этом не создает негативных внешних эффектов, аналогичных тем, с которыми мир столкнулся между двумя мировыми войнами¹.

С 1970-х гг. на первый план вышли вопросы согласования денежно-кредитной и валютной политики. Если сразу после Второй мировой войны США обладали огромным избытком платежного баланса, то с восстановлением экономик стран Западной Европы профицит платежного баланса США сменился растущим дефицитом. Увеличение долларовых запасов европейских стран, с одной стороны, и сокращение золотого запаса США, с другой, привели в итоге к отказу США в августе 1971 г. осуществлять дальнейший обмен долларов на золото по цене, зафиксированной в рамках Бреттон-Вудских соглашений 1944 г. Распад Бреттон-Вудской системы, переход на систему плавающих валютных курсов («Ямайское соглашение» стран-членов МВФ 1976 г., вступившее в силу в 1978 г.), создание Европейской валютной системы (1979 г.), создание Европейского валютного союза и введение единой европейской валюты (1999 г.) вывели на первый план в экономических исследованиях вопросы координации валютной и денежно-кредитной политики². Более того, в течение 1980–1990-х гг. теоретические предложения по данным вопросам не раз находили свое применение на практике: соглашения о координации валютной политики между странами «Большой семерки», заключенные в Нью-Йорке в сентябре 1985 г. (Plaza Accord) и Париже в феврале 1987 г. (Louvre Accord)³, согласованные валютные интервенции ведущих держав во время финансовых кризисов в Мексике (1994–1995 гг.), странах Азии (1997–1999 гг.), России (1998 г.), Бразилии (1999 г.) и др.

С конца 1990-х гг. актуальными стали вопросы степени открытости национальных экономик и регулирования международных потоков капитала наряду с необходимостью реформирования международной валютно-финансовой системы. «Ямайская» система плавающих валютных курсов способствовало ослаблению напряженности в международных валютных отношениях. Однако уже в

середине 1980-х гг. стало очевидно, что результаты ее функционирования оказались не столь эффективными, как ожидалось. Темпы роста мирового производства и торговли по сравнению с предыдущими годами заметно упали, а дефициты платежных балансов ряда стран, наоборот, выросли. Кроме того, введение плавающих курсов привело к резкому увеличению частоты и амплитуды колебаний обменных курсов. К 1990-м гг. повсеместная либерализация валютных режимов и движения капитала способствовали увеличению скорости финансовых потоков и появлению дополнительных возможностей для валютных спекуляций. В результате в конце XX в. мир столкнулся сразу с несколькими валютно-финансовыми кризисами: в Западной Европе (1992–1993 гг.), в Мексике (1994 г.), Азии (1997 г.), России (1998 г.), Бразилии (1998 г.), Эквадоре (1999 г.), Турции (2001 г.) и мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. Все это не могло не найти отражения в экономической литературе⁴.

Во второй половине XX в. рядом исследователей были предприняты попытки методологического обобщения работ, посвященных экономическим аспектам международных отношений, которые привели к выделению отдельного направления в экономической науке под названием *международная экономика* (*international economics*). В зарубежной академической литературе данное направление традиционно подразделяется на две части: *теории международной торговли* (или *международные торговые отношения*) и *международные финансы* (или *международные денежно-кредитные отношения*)⁵. В российской научной литературе чаще встречаются такие субнаправления международной экономики, как *международные экономические отношения* и *международные валютно-кредитные отношения* (реже *международные финансовые отношения*)⁶, которые де-факто выступают аналогами теорий международной торговли и международных финансов в зарубежных работах⁷, но имеют менее выраженный теоретический характер⁸. Подобные деления позволяет определить объектом исследования международной экономики международную торговлю и финансы, а методологической базой – теории согласования различных направлений макроэкономической политики: торговой, денежно-кредитной, валютной, фискальной, инвестиционной, интеграционной и т.д. Однако оно одновременно констатирует многообразие теоретических моделей, используемых в рамках международной экономики, что говорит об отсутствии в рамках международной экономики общей теоретической концепции международного взаимодействия.

С формальной точки зрения международной экономике присущи те же математические методы, которые используются и для теоретического обоснования традиционных для экономической науки предметов исследования: методы оптимизации, теория вероятностей, математическая статистика, имитационное моделирование и др. Однако специфика международного взаимодей-

ствия как предмета исследования внесла коррективы в «популярность» тех или иных подходов и инструментов анализа в рамках международной экономики. Наиболее используемым инструментом теоретического обоснования здесь следует признать теорию игр.

Первые теоретико-игровые модели международного взаимодействия в экономической сфере были сформулированы еще в 1970-х гг.⁹ Однако заметным данное направление теоретического анализа стало только в 1980-х гг.¹⁰ Основным предметом теоретического обоснования первых теоретико-игровых моделей международного взаимодействия в экономической сфере стали вопросы координации макроэкономической политики суверенных государств. Как следствие, субъектом таких моделей выступали суверенные государства, а спектр охватываемых ими факторов был ограничен преимущественно национальными интересами (целями макроэкономической политики или ее последствиями). Второе поколение теоретико-игровых экономических моделей международного взаимодействия в экономической сфере появилось в 1980-х гг., получив свое развитие в 1990–2000-х гг.¹¹ Основным отличием новых моделей стал более широкий спектр охватываемых ими факторов (например, инерционность принятия решений), условий (например, монополистическая конкуренция) и субъектов (например, международный терроризм, домашние хозяйства и др.).

В работах по теоретико-игровому моделированию международного взаимодействия в экономической сфере можно выделить два вида игр: статические и динамические игры. Статические игры фокусируются преимущественно на неэффективности «равновесия Нэша» или некооперативного равновесия, по сравнению с кооперативным равновесием (другими словами, показывается, что последствия некооперативного поведения субоптимальны, а сотрудничество ведет к потенциальному Парето-улучшению). При этом переменными в используемых моделях выступают либо цели макроэкономической политики, такие, как экономический рост, инфляция или торговый баланс, или ее последствия для экономического роста, инфляции и торгового баланса. В работах, используемых динамические или последовательные игры, основной акцент делается на вопросе «временной непоследовательности» (time inconsistency) процесса принятия решений и важности репутации и доверия взаимодействующих сторон. Если статические игры игнорируют возможность того, что субъект международного взаимодействия может нарушить международные договоренности с целью получения прироста субъективного благосостояния, то использование последовательных игр (например, повторяющейся «дилеммы заключенного») позволяет вывести на первый план новые факторы, способствующие оптимизации отношений между странами (например, фактора доверия). В целом «динамические» модели ориентированы на то, что максимизирующие собственное благосостояние субъекты международного взаимодействия долж-

ны учитывать будущую экономическую конъюнктуру, которая будет определять выбор их действий в будущем.

Методологические особенности теоретико-игрового подхода к экономическому моделированию процессов взаимодействия на международной арене могут быть рассмотрены на примере модели международного взаимодействия Дж. Гроссмана и Э. Хелпмана, сформулированной в 1995 г. в их работе, посвященной международным торговым отношениям¹². Данная модель рассматривает политику протекционизма в международной торговле как результат взаимодействия в каждом конкретном государстве групп давления (или лобби) и национальных правительств, заинтересованных в максимизации следующей функции полезности:

$$G = \sum_{i \in L} C_i(p) + aW(p),$$

где p – вектор внутренних цен; $C_i(p)$ – предложения от лоббирующей группы i , соответствующие вектору внутренних цен p ; $W(p)$ – общее благосостояние группы населения, интересы которого продвигает лобби i ; a – вес, который правительство придает благосостоянию граждан ($a > 0$); L – множество секторов экономики, которые в состоянии организовать группы давления (т.е. процесс лоббирования).

В данной модели национальная экономика каждого государства функционирует в условиях свободной конкуренции, а собственники факторов производства организуются для создания политических лобби. В обмен на реализацию правительством интересов лоббирующих групп последние предлагают поддержку тем политическим силам, которые определяют в настоящий момент торговую политику того или иного государства. Действующие политические силы при этом отдают себе отчет во взаимосвязи между размером поддержки со стороны групп давления и собственными политическими перспективами – вероятностью перевыборов. Как следствие, целевой функцией действующих политических сил (или правительства) является максимизация обозначенной выше функции полезности, как взвешенной суммы полученной поддержки от лобби и общего благосостояния населения.

Игровая модель Гроссмана–Хелпмана 1995 г. является двухуровневой. Первый уровень представляет собой двухэтапную некооперативную игру с участием групп давления и национального правительства каждой из стран, в которой на первом этапе группы давления выбирают и предлагают правительству свои варианты внешней торговой политики (максимизирующие общее благосостояние групп населения, чьи интересы они представляют), которым соответствуют варианты поддержки правительства с их стороны, а на втором – происходит выбор и реализация внешнеторговой политики непосредственно правительством. Равновесием в данной игре является равновесие по Нэшу. Национальные правительства при этом обладают полной информацией относительно фактических объемов торговли и

получают все соответствующие их внешнеторговой политике пошлины и сборы.

Второй уровень является игрой с участием двух независимых государств со схожими политическими и экономическими системами. В данной игре противопоставляется кооперативное и некооперативное поведение «игроков»: «торговые переговоры» и «торговая война» между двумя государствами. Если правительства стран осуществляют независимую одностороннюю торговую политику, тогда процесс их взаимодействия на международной арене представляет собой «торговую войну» (которая также может быть рассмотрена как результат провалившихся переговоров между сторонами). Переговоры же рассматриваются как максимизация правительствами каждой из стран следующей функции:

$$G = \sum_{i \in L} C_i(\tau, \tau^*) + a[W(\tau, \tau^*) + R],$$

где τ является параметром, отражающим положительную ($\tau > 1$) или отрицательную ($\tau < 1$) динамику экспортных субсидий и импортных тарифов, а τ^* – аналогичным параметром для страны-контрагента; R – положительные или отрицательные трансфертные платежи со стороны одного государства другому. Первое слагаемое в данной функции отражает общий результат давления на каждое правительство лоббирующих групп. Второе – доход на душу населения, взвешенный по параметру, отражающему заботу правительства о благосостоянии общества. Для государства-контрагента данная функция будет симметричной.

Гроссман и Хелпман не прописывают конкретное содержание процесса переговоров, делая лишь допущение, что правительства нацелены на оптимальный результат, при котором уровень G не может быть увеличен без снижения уровня G^* . Эффективным здесь будет считаться выбор правительствами стран такой торговой политики, которая будет вести к максимизации взвешенной суммы благосостояния сторон, а именно:

$$a * G + aG^* = a * \sum_{i \in L} C_i(\tau, \tau^*) + a \sum_{i \in L} C_i^*(\tau^*, \tau) + a^* a [W(\tau, \tau^*) + W^*(\tau^*, \tau)]$$

Таким образом, объектом переговоров будут выступать параметры τ и τ^* , в ходе которых может быть принято решение о трансферте R , с целью максимизации суммарного благосостояния сторон.

Модель Гроссмана–Хелпмана является одним из наиболее показательных примеров теоретико-игрового подхода к экономическому моделированию процессов взаимодействия на международной арене. Его основным результатом стало понимание того, что некооперативное поведение национальных правительств ведет к неэффективному взаимодействию государств, а проведение независимой внутренней макроэкономической политики – к преимущественно отрицательным внешним последствиям для других участников международных отношений. Как следствие, важным условием минимизации внешних последствий внутриполитических решений стала признаваться их координация между государствами. Такая координация не всегда является наилучшей стратегией

в экономических моделях, однако в целом ведет к повышению благосостояния в координирующих политику государствах. Сами экономические модели международной координации макроэкономической политики при этом имеют оптимизационный характер, а основное внимание в них уделяется международным препятствиям на пути наднационального согласования макроэкономических мер.

Следует также отметить то, что одной из базовых предпосылок экономических моделей в рамках международной экономики «де-факто» является предпосылка о том, что государства *a priori* взаимодействуют в условиях анархии, т.е. в условиях отсутствия централизованного (наднационального) управления, по аналогии с самим государством в обществе. Экономисты в целом исходят из того, что национальные правительства либо максимизируют относительные выгоды функции общественного благосостояния, либо минимизируют общественные потери. В международных отношениях, характеризующихся анархическим взаимодействием государств, экономическая рациональность последних проявляется в предпочтении стратегии сотрудничества, которая позволяет суверенным государствам снизить издержки анархического взаимодействия (общественные потери) и максимизировать свои выгоды (функцию общественного благосостояния). Кроме того, поскольку сотрудничество более постоянно во времени (*time consistent*), то оно становится, при прочих равных условиях, более эффективной стратегией достижения целей внутренней политики.

Использование теории игр и предпосылки об анархии привело к доминированию в работах по международной экономике наднационального измерения проблематики. В формальных экономических моделях международного взаимодействия нередко игнорируется влияние внутренних предпосылок (внутренней экономической или политической ситуации) на внешнеполитическую стратегию государств. Основной акцент здесь делается на позиции государства в международной системе и на том, как она меняется в ответ на изменения внешних условий. Международную экономику больше интересует трансграничные последствия макроэкономической политики и их влияние на саму макроэкономическую политику, нежели влияние интересов внутренних субъектов (как государственных, так и негосударственных) на процесс принятия внешнеполитических решений. Такой одноуровневый системный подход предполагает, что национальные правительства являются нейтральным максимизатором общественного благосостояния, выбирающим ту экономическую политику, которая необходима для общества.

Тем не менее следует отметить, что роль, которую играют национальные институты, внутренняя политика и негосударственные субъекты в принятии внешнеполитических решений отдельных государств, находит с каждым годом все большее отражение в теоретических работах экономистов. Более того, на концептуальном уровне влияние внутренних и частных интересов на процесс принятия

внешнеполитических решений является признанным в международной экономике уже несколько десятилетий, чему в немалой степени способствуют эмпирические подтверждения сформулированных теоретических моделей¹³. Акцент при этом делается на то, что на практике политики учитывают не только стратегии других государств, но также и внутренние последствия своих действий. В итоге процесс принятия внешнеполитических решений, как демонстрирует модель Гроссмана–Хелпмана, становится игрой на двух уровнях: национальном и международном.

Международная политэкономия

Параллельно возникновению международной экономики во второй половине XX в. можно было наблюдать попытки интегрировать теоретические наработки экономистов в традиционные «политологические» парадигмы международных отношений. Работы экономистов, посвященные вопросам координации макроэкономической политики (включая работы по вопросам региональной интеграции и международным организациям), позволили заполнить тот вакуум, который образовался между традиционными теоретическими концепциями международных отношений и теми изменениями на международной арене, с которыми мир столкнулся во второй половине XX в. С 1970-х гг. экономические вопросы стали все чаще выходить на первый план в международной политической повестке дня (распад мировой системы золотовалютного стандарта, мировой нефтяной кризис, экономический спад в наиболее развитых странах 1974 и 1975 гг., после двух с половиной десятилетий стабильного экономического роста, и т.д.). Постепенно пропасть между абстрактными политологическими концепциями международных отношений и реальностью заставила исследователей-международников обратиться к работам представителей экономической науки.

К концу 1980-х гг. использование экономических моделей в рамках традиционных политологических парадигм международных отношений привело к появлению нового направления в международных исследованиях – *международной политической экономии (international political economy; global political economy)*. Помимо возникших противоречий между теорией и новыми экономическими реалиями ключевой предпосылкой появления данного направления стало широкое использование экономического инструментария для исследования внутренних политических процессов. Использование экономических методов анализа стало одной из наиболее заметных тенденций в методологическом развитии политической науки второй половины XX в. Это привело к появлению целого ряда междисциплинарных направлений на стыке двух наук, предметом исследования которых стала политика, а методом исследования – методологический комплекс экономической науки¹⁴. Начиная с 1970-х гг. экономические модели, нашедшие свое применение в теоретическом обосновании вну-

триполитических процессов, стали постепенно применяться и для теоретических обоснований международных процессов.

Следует также отметить еще один немаловажный фактор в становлении международной политической экономии. Этим фактором стало возрождение самой политэкономии как отдельной общественно-научной дисциплины. Если до начала XX в. экономическая и политическая мысль развивались в тесном взаимодействии, то в XX в. их эволюция пошла по отдельным траекториям. Это разделение в итоге привело к противоречиям между теоретическими концепциями и реальной действительностью. Тесное переплетение экономических и политических вопросов на практике делало неэффективными односторонние подходы как со стороны представителей политической науки, так и экономической. Попытки объяснить то, как взаимодействует политика и экономика на современном этапе развития человеческого общества, в итоге привели к возрождению политэкономии (включая появление работ, переосмысливающих ее марксистскую версию¹⁵), главной задачей которой стало решение наметившихся противоречий¹⁶.

Таким образом, в формировании современной международной политической экономии как отдельной научной дисциплины можно выделить три ключевые предпосылки. Первая – это методологическая экспансия экономической науки в политологию. Вторая – эволюция экономической методологии исследований процессов взаимодействия на международной арене. Третья – возрождение политэкономии как отдельной общественно-научной дисциплины. Данные предпосылки предопределили в конечном итоге комплексную природу и методологическую дихотомию политэкономии как отдельного научного направления в международных исследованиях. С одной стороны, современная международная политэкономия – это изучение политических предпосылок экономических процессов на международной арене (или того, как политические факторы влияют на международные экономические отношения и мировую экономику в целом). С другой – это исследование экономических предпосылок международных политических процессов (или того, как внутренние и внешние экономические факторы ограничивают внешнеполитические процессы). Обе части дополняют друг друга в политэкономии, а политика и экономика здесь находятся в постоянном взаимодействии¹⁷.

На сегодняшний день политэкономия является одним из наиболее «молодых» теоретических направлений в исследованиях международных процессов. Принято считать, что ее методологические основы были заложены еще в 1970 – начале 1980-х гг.¹⁸. Однако как отдельная научная дисциплина международная политическая экономия стала формироваться лишь с конца 1980-х гг., когда появились первые комплексные работы по данному направлению¹⁹. За последние двадцать лет международная политэкономия значительно обогатилась как теоретическим, так и эмпирическим материалом²⁰.

С формальной точки зрения современная международная политэкономия характеризуется использованием широкого методологического инструментария для моделирования процессов международного взаимодействия. Акцент при этом делается либо на роль интересов негосударственных субъектов (граждан, групп давления, бизнеса и т.п.) в процессе межгосударственного взаимодействия (например, в процессе международной экономической интеграции)²¹, либо на распределение ответственности между различными уровнями принятия политических решений: национальным, региональным, международным, глобальным²². Основным тезисом и там, и там обычно выступает то, что выгоды и издержки международного взаимодействия распределяются между их субъектами неодинаково: всегда будут «проигравшие» и «выигравшие» (если не среди самих субъектов, то, как минимум, внутри них). Как следствие, экономическая эффективность в целом какого-либо внешнеполитического или внешнеэкономического решения для субъекта международного взаимодействия может быть недостаточной для его реализации в силу недостаточной политической поддержки такого решения внутри субъекта. Что же касается вопроса выгод и издержек принятия решений в процессах международного взаимодействия, то общей идеей в политэкономических моделях выступает то, что любой международный договор ведет к экономии издержек взаимодействия на международной арене. Последнее чаще всего принимает в политэкономических моделях форму экономии издержек предоставления общественных благ (как международных, так и внутри государств). На первый план при этом выводятся экономические предпосылки и факторы, а альтернативные измерения международных отношений (например, культурные отличия) либо не принимаются в расчет, либо отходят на второй план.

Как пример, можно привести одну из наиболее известных политэкономических моделей, сформулированную А. Алесина и И. Сполаоре в 1997 г. в их работе, посвященной исследованию оптимального количества и размера суверенных юрисдикций²³. В данной модели формирование суверенного государства выступает как результат определенного компромисса между выгодами широкой политической юрисдикции, присущей большим по размеру территории государствам, и издержками разнородности (гетерогенности) населения в таких государствах. А. Алесина и И. Сполаоре исходят в построении своей модели из следующих предпосылок: издержки предоставления общественных благ на душу населения снижаются по мере увеличения количества индивидов, которые их финансируют; рост размеров государства (политической юрисдикции) ведет к росту общественных доходов; отличия в интересах людей позитивно коррелируют с размером государства (в небольших, относительно однородных по составу населения странах результаты общественного выбора ближе к предпочтениям среднего избирателя, нежели в больших, более гетерогенных государствах)²⁴.

С целью упрощения процесса моделирования А. Алесина и И. Сполаоре объединяют набор административных, юридических, экономических, политических услуг в каждой нации (стране) в своей модели под одним общественным благом, обозначаемым ими как «правительство». Население мира принимается за 1, а население стран произвольным образом равномерно размещено вдоль отрезка $[0,1]$, на котором присутствуют идеальные точки для каждого правительства. Полезность индивидов уменьшается по мере роста дистанции их правительства от данных идеальных точек²⁵. Каждая страна имеет одно правительство и вынуждено финансировать и получать выгоды только от правительства своей страны. В мире должно быть, как минимум, одно правительство. Таким образом, обозначая количество стран (правительств) за N , $N \geq 1$. Издержки на содержание каждого правительства равны k , в независимости от размеров страны. Каждый индивид имеет один и тот же уровень дохода y и платит налог t_i . Таким образом, полезность каждого индивида i равна:

$$U_i = g(1 - al_i) + y - t_i,$$

где g и a являются двумя положительными параметрами, l_i отражает разницу между предпочтениями индивида i и правительством его страны (т.е. предоставляем общественным благом). Таким образом, функция полезности является линейной. Параметр g отражает максимальную полезность общественного блага при $l_i = 0$, а параметр a – снижение полезности, с которой индивид сталкивается, когда правительство отличается от предпочитаемой индивидом (снижение предельной полезности услуг правительства, когда правительство находится на дистанции в l_i от предпочтений индивида).

В дальнейших построениях в своей модели А. Алесина и И. Сполаоре исходят из того, что индивиды, демонстрирующие схожие предпочтения, проживают географически однородно и немобильны. Таким образом, l_i в обозначенной выше функции отражает как отличия в предпочтениях индивидов, так и географическую дистанцию между ними. Границы стран определяются в модели эндогенно. Однако географическое положение каждого индивида фиксировано.

Дальнейшая задача, которая ставится в модели, – определить оптимальное количество стран при минимальных издержках индивидов. Решение данной задачи формально может быть представлено как максимизация суммы индивидуальных полезностей индивидов, т.е.:

$$\int_0^1 U_i di = \sum_{x=1}^N s_x [g(1 - al_{ix}) + y - \bar{t}_{ix}],$$

при условии, что: $\sum_{x=1}^N \bar{t}_{ix} = Nk$, где l_{ix} и $\bar{t}_{ix}$ – средняя дистанция и средний налог соответственно в стране x , s_x – размер страны x . l_{ix} будет минимально для данного N , если общественное благо располагается в центре каждой страны. Таким образом, средняя дистанция для каждой страны равна $s_x/4$, а задача оптимального (эффективного с экономической точ-

ки зрения) количества стран может быть сформулирована как:

$$\min \frac{ga}{4} \sum_{x=1}^N s_x^2 + Nk,$$

при условии, что: $\sum_{x=1}^N s_x = 1$. Сумма квадратов размеров стран будет минимальной при выборе стран одинакового размера $s=1/N$. Следовательно, решением поставленной выше задачи для N является:

$$\min \frac{ga}{4N} + Nk.$$

То есть при целом N решением будет: $N^* = \sqrt{ga/4k}$.

В общем случае (если N не является целым) решение будет следующим. Обозначим $M = \sqrt{ga/4k}$, N' как целое число в интервале $(M-1, M)$, а N'' как целое в интервале $(M, M+1)$. Тогда эффективное число стран будет N' , если и только $s'=1/N'$ дает среднюю полезность не ниже, чем при размере $s=1/N''$, что возможно, если и только:

$$g(1 - \frac{a}{4N'}) - kN' \geq g(1 - \frac{a}{4N''}) - kN'' \text{ или } N'N'' \geq ga/4k.$$

Таким образом, эффективное количество стран равно: а) N' , если $N'(N'+1) > ga/4k$; б) N'' , если $N'(N'+1) < ga/4k$; в) N' и N'' , если $N'N'' = ga/4k$.

При допущении в рамках модели Алесина–Сполаоре использования в каждой из стран правила простого большинства при принятии коллективных решений, а также пропорциональной налоговой системы с одинаковым уровнем налоговой ставки для каждого индивида оптимальной политической картой мира будет та, при которой правительство каждой страны расположено в центре каждой – такой выбор минимизирует среднюю дистанцию между правительством (содержанием общественного блага) и предпочтениями граждан. Одновременно принимая во внимание равномерное распределение предпочтений индивидов в модели, среднее значение полезности будет максимальным при одинаковом размере стран. Само же число стран будет оптимальным при равновесии между средним уровнем налогов и дистанцией между формой правительства и предпочтениями граждан. Увеличение количества стран на единицу будет вести к увеличению налоговой нагрузки на каждого индивида и снижению средней дистанции. Такое увеличение произойдет (т.е. оно будет одобрено индивидами), если выгоды от снижения дистанции превысят издержки увеличения налогового бремени для индивидов.

Таким образом, предметом теоретического исследования модели Алесина–Сполаоре фактически выступает равновесие между количеством стран, степенью демократизации и экономической интеграцией, что позволяет констатировать следующее: процесс демократизации ведет к сецессии (что подтверждается большим количеством стран в мире с демократическими режимами, чем недемократическими); демократический процесс приводит к неэффективно большому количеству стран; равновесное число стран растет по мере усиления международной экономической интеграции²⁶. Иными

словами, распространение демократии может вести к политической децентрализации (т.е. увеличению количества суверенных образований). Усиление же экономической интеграции между странами снижает потребность в политической интеграции. Проблема политической дезинтеграции будет актуальной настолько, насколько негативен для общественного благосостояния чистый эффект экономической интеграции.

Наиболее важным теоретическим выводом из модели Алесина–Сполаоре является то, что устойчивые к делению структуры суверенных образований возможны и, более того, могут быть экономически эффективными при допущении, что у любого региона есть возможность отделяться и формировать новые суверенные образования (что в конце концов ведет к равновесию). Однако одномерность исследования А. Алесина и И. Сполаоре (как результат использования весьма строгих предпосылок, таких, как равномерное распределение населения мира и его немобильность) делает их модель сильно упрощенной. Последующие теоретические исследования показали, что как только в модель Алесина–Сполаоре добавляются новые измерения, ее основные выводы перестают быть верными²⁷.

В целом рассмотренная выше политэкономическая модель международного взаимодействия является одной из многих. Современная политическая экономика охватывает самые разные сферы исследования: от процессов централизации и децентрализации принятия решений на международной арене до взаимосвязей между экономической и политической интеграцией. Как следствие, спектр политэкономических моделей международных отношений весьма широк. Отличия в политэкономических моделях касаются преимущественно способа моделирования процесса международного взаимодействия. Выбор подхода к моделированию здесь во многом зависит от того, какой аспект или процесс международного взаимодействия является предметом теоретического исследования.

Если же провести концептуальное сравнение теоретических подходов международной экономики и международной политэкономии, то можно выделить три наиболее заметных методологических отличия второй от первой. Во-первых, это попытка интегрировать национальные и наднациональные политические и экономические процессы в концептуальном обосновании современной международной системы (процесс принятия внешнеполитических решений в политэкономической литературе рассматривается как результат трансформации внутренних интересов, с учетом их «понимания» политиками²⁸). Во-вторых, это более широкое предметное поле, включающее проблемы международной торговли и экономического развития (в их политическом аспекте), взаимосвязь демократии и рыночных отношений, вопросы глобального управления и глобальных рынков, различные аспекты межгосударственного сотрудничества в сфере решения наднациональных экономических проблем и изучение позиций негосударственных

субъектов относительно тех или иных мер национальной макроэкономической политики и др.²⁹ В-третьих, это параллельное использование методологии традиционных «политологических» концепций международных отношений и аналитического инструментария экономической науки.

Общие принципы экономического моделирования международного взаимодействия

Анализ исследовательского инструментария международной экономики и международной политэкономии показывает, что использование методологии экономической науки при исследовании процессов взаимодействия в международных отношениях ведет к построению строгих формальных моделей принятия решений взаимодействующими субъектами, главной особенностью которых является их опора на экономико-математические методы, традиционные для экономического анализа в целом. Одновременно на современном этапе развития экономического знания использование методологии экономической науки при обосновании международных явлений и процессов характеризуется применением широкого спектра теоретических моделей. Многообразие используемых моделей находит свое объяснение прежде всего в том, что принятие решений в международных отношениях осложнено влиянием широкого спектра разнородных внешних и внутренних факторов и очевидной неполнотой информации о воздействии данных факторов и их внутренней взаимосвязи (в частности, на размер внешнеторговых ограничений могут оказывать влияние такие факторы, как структура рынка, анализируемой продукции; степень конкуренции в отрасли; технологический уровень и т.д.). Кроме того, на практике наличие идентичных (как в рассмотренной выше модели Гроссмана–Хелпмана) или по крайней мере схожих по структуре экономических и/или политических интересов у взаимодействующих на международной арене субъектов – весьма редкое явление.

Охват экономическими моделями международного взаимодействия относительно ограниченного спектра факторов сказывается на конкретности сферы их приложения, которыми могут являться: торговые отношения, вопросы экономической интеграции, валютно-финансовые отношения и т.д. В такой ситуации возникает потребность в определении общих для данных моделей теоретико-методологических оснований, которые могли бы не только позволить минимизировать субъективности конкретных моделей и снизить издержки неполноты исходных данных, но и быть применимыми к более широкому классу событий. Кроме того, последнее могло бы способствовать формированию общего подхода к экономическому моделированию вопроса принятия решений в международных отношениях.

Обзор теоретических подходов в рамках международной экономики и международной политэкономии позволяет, как минимум, выделить следующие методологические особенности, общие

для данных направлений экономического моделирования процессов взаимодействия на международной арене.

Во-первых, формальная сторона экономических моделей международного взаимодействия (как теоретико-игровых, так и политэкономических) обычно опирается на выбор участвующими сторонами решений, максимизирующих субъективное благосостояние, т.е. на максимизацию субъективных функций полезности. При этом основной задачей теоретических построений и там, и там является поиск равновесия, при котором институциональная сторона международных отношений эффективна и стабильна.

Во-вторых, основными альтернативами выбора у субъектов международных отношений в процессе их взаимодействия являются ограниченные и независимые (относительно интересов или предпочтений других субъектов международных отношений) действия. Основное отличие теоретико-игровых экономических моделей международного взаимодействия от политэкономических заключается в том, что первые акцентируют внимание на внешних факторах, а именно исходят из того, что действия субъектов международных отношений при их взаимодействии (или иными словами: процесс принятия решений в международных отношениях) ограничены интересами других субъектов международных отношений, а вторые ставят на первый план внутренние факторы, т.е. исходят из того, что действия субъектов международных отношений, так или иначе, определяются (или ограничены) общественным мнением, внутриэкономическими интересами и т.п.

В-третьих, развитие экономических моделей международного взаимодействия сегодня идет по пути включения в них новых факторов, которые проявляются в ходе их эмпирической проверки. Одним из таких факторов, например, является неполная или асимметричная информация и связанные с ней проблемы принятия решений в условиях неопределенности, что находит свое отражение в новых определениях, дополнительных свойствах, новых принципах и подходах. Выбор подхода к моделированию при этом напрямую зависит от количества и структуры доступных данных, а также степени субъективности восприятия сторон, принимающих решения. Все подходы при этом в той или иной мере характеризуются неравномерностью учета значений параметров и используют либо их усреднение, либо аппарат теории вероятностей в качестве основных методов разрешения неопределенности.

Таким образом, общий обзор существующих теоретических подходов к экономическому моделированию международных процессов, осуществленный выше, «рисует» экономику международных отношений как процесс взаимодействия, характер которого зависит от соотношения преимуществ и издержек имеющихся у участников данного процесса альтернативных решений. Необходимым экономическим условием действий, осуществляемых субъектами международных отношений, яв-

ляется превышение ожидаемой полезности таких действий над ожидаемой полезностью альтернативных им решений. Принимая во внимание, что основными (базовыми) альтернативами в процессе международного взаимодействия (на современном этапе их развития) являются согласованные (с интересами или предпочтениями других субъектов) действия и независимые (от других субъектов и их интересов) действия, данное условие принятия решений может быть записано математически следующим образом:

1) при автономном взаимодействии на международной арене:

$$E(U_i^S) > E(U_i^I) \text{ или: } E(U_i^S) - E(U_i^I) > 0,$$

2) при институционально-ограниченных международных отношениях:

$$E(U_i^I) > E(U_i^S) \text{ или: } E(U_i^I) - E(U_i^S) > 0,$$

где $E(U_i^I)$ – ожидаемая полезность субъекта i от выбора согласованных действий; $E(U_i^S)$ – ожидаемая полезность субъекта i от независимых действий.

В экономическом моделировании процессов международного взаимодействия каждый субъект международных отношений стремится к удовлетворению своих интересов в рассматриваемой сфере, что находит свое выражение в агрегированной целевой переменной его действий. Однако одноуровневый подход к моделированию международного взаимодействия не является достаточным для объяснения современных международных процессов, что требует расширения спектра учитываемых факторов, определяющих действия субъектов международных отношений. Иными словами, важным условием для понимания характера современных международных процессов является инкорпорирование в теоретические модели уровня внутренних социальных ограничений внешнеполитических действий. Модель принятия решений в международных отношениях должна учитывать, как внешние (международные) факторы меняют картину интересов внутри самих субъектов международных отношений (например, картину интересов в социуме внутри суверенных государств или интересы негосударственных участников международных отношений). Все это предопределяет использование многоуровневой функции полезности в экономической модели принятия решений в международных отношениях³⁰.

Здесь также следует отметить еще одну общую методологическую предпосылку для любой экономической модели международного взаимодействия. Как было отмечено выше, использование математических инструментов анализа в экономическом моделировании ведет к ориентации экономического анализа на поиск равновесных оптимумов. Главным ориентиром в процессе такого поиска обычно выступает концепция эффективности по Парето. В соответствии с ней эффективным является любое состояние, при котором нельзя увеличить полезность одного участника отношений, не уменьшив полезности другого. В ходе своего взаимодействия субъекты отношений, действующие рационально, способны посредством перераспределения благ (через заключение соглашений) достичь границы Парето-эффективности. ***

Обозначенные в данной работе теоретико-методологические предпосылки экономического моделирования процессов взаимодействия на международной арене, на взгляд автора, являются достаточным основанием для постановки вопроса о возможности прямого использования методологии экономической науки для комплексной теоретической концептуализации не только международного взаимодействия в экономической сфере, но и международных отношений в целом. Современная экономическая теория располагает методологическим инструментарием, который в случае его комплексного рассмотрения может стать отдельным теоретическим подходом в международных исследованиях. Более того, применение методологии экономической науки как теоретического инструмента в исследовании процессов взаимодействия на международной арене позволяет по-новому взглянуть на международные процессы и истоки современной системы международных отношений, что может дать импульс унификации категориального аппарата в сфере исследования международных отношений.

Oleinov A.G. Economic Analysis of International Interaction: International Economics and International Political Economy.

Summary: The article focuses on two major fields of economic analysis of international interaction: international economics and international political economy. Each of the areas is considered through its formal methodological foundations. An attempt to formulate a general theoretical and methodological foundations of economic analysis of international interaction is made.

Ключевые слова

Международная экономика, международная политэкономия.

Keywords

International Economics, International Political Economy.

Примечания

1. Например, см.: Viner J. The Customs Union Issue. N.Y., 1950; Meade J. The Theory of International Economic Policy, 2 Vols. L., 1951-1955; Mundell R. The Pure Theory of International Trade // The American Economic Review. 1960. №1; Balassa B. Trade Creation and Trade Diversion in the European Common Market // The Economic Journal. 1967. №77.
2. Например, см.: Bryant R. Money and Monetary Policy in Interdependent Economies. Washington, 1980; Williamson J. The Exchange Rate System. Washington, 1983; International Policy Coordination and Exchange Rate Fluctuations. Eds. W.H.Branson, J.A.Frenkel, M.Goldstein, Chicago, 1990.

3. Подробнее см.: Funabashi Y. *Managing the Dollar: From the Plaza to the Louvre*. Washington, 1988.
4. Например, см.: Rogoff K. *Institutions for Reducing Global Financial Instability* // *Journal of Economic Perspectives*. 1999. №4; Sercu P., Uppal R., *Exchange Rate Volatility, Trade and Capital Flows Under Alternative Exchange Rate Regimes*. Cambridge, 2000; Данилов Ю., Седнев В., Шипова Е. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность и/или справедливость? // *Вопросы экономики*. 2009. №11; Obstfeld M. *The International Monetary System: Living with Asymmetry* // *CEPR Discussion Papers*. 2011. N 8703.
5. Kindleberger C.P. *International Economics* (1-5th Editions). Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1953-1973; Kindleberger C.P., Lindert P.H. *International Economics* (6-7th Editions). Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1978, 1982; Krugman P.R., M.Obstfeld. *International Economics: Theory and Policy* (1-8th Editions). London: Pearson, 1988-2009; Salvatore D. *International Economics - Theory and Problems* (1st-4th Editions). NY: McGraw-Hill, 1976-1996. Salvatore D. *International Economics* (1st-10th Editions). NY: Macmillan; Prentice-Hall; Wiley & Sons, 1983-2010 и др.
6. *Международные экономические отношения* / под ред. И.П.Фаминского. М.: Юрист, 2004; *Международные экономические отношения* / под ред В.А. Рыбалкина. М.: Юнити-Дана, 2008; *Международные валютно-кредитные и финансовые отношения* / под ред. Л.Н.Красавиной. М.: Финансы и статистика, 2008; *Мировая экономика и международные экономические отношения* / под ред. А.С. Булатова, Н.Н. Ливенцева. М.: Магистр, 2008 и др.
7. Одновременно у российских экономистов можно встретить и классификацию, свойственную зарубежным работам. См.: Колесов В.П., Кулаков М.В. *Международная экономика*. М.: ИНФРА-М, 2011.
8. Отдельного упоминания в данном контексте заслуживает подход А.П.Киреева, выступающего за расширение традиционного для российской научной школы международных экономических исследований научного поля до рамок международной экономики как «части экономической науки, изучающей закономерности развития наций в условиях их экономического взаимодействия» (Киреев А.П. *Пионеры международной экономики* // *Вехи экономической мысли*. Т. 6. *Международная экономика* / пер. с англ.; под общ. ред. А.П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 10). Он также предлагает следующее деление: международная микроэкономика - международное движение товаров, услуг и факторов производства, и регулирующая их государственная политика, и международная макроэкономика – государственная экономическая политика в условиях открытой экономики [Там же].
9. См., например: Hamada K. *A Strategic Analysis of Monetary Interdependence* // *Journal of Political Economy* 1976. № 84.
10. Barro R. J., Gordon D. B. *Rules, Discretion and Reputation in a Model of Monetary Policy* // *Journal of Monetary Economics*. 1983. № 12 (1); Oudiz G., Sachs J. *Macroeconomic Policy Coordination among the Industrial Economies* // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1984. N 1; Miller M., Salmon M. *Policy Coordination and Dynamic Games* // W. Buiter, R. Marston (eds.). *International Economic Policy Coordination*. Cambridge, UK: Cambridge University, 1985; Currie D., Levine P., Vidalis N. *International Cooperation and Re-putation in an Empirical Two-Bloc Model* // Bryant R., Portes R. (eds.). *Global Macroeconomic: Policy, Conflict and Cooperation*. London: Macmillan Press, 1987; McKibbin W. *The Economics of International Policy Coordination* // *Economic Record*. 1988. № 6 (187).
11. Lapan H.E., Sandler T. *To Bargain or not to Bargain: that is the Question* // *American Economic Review*. 1988. № 78; Obstfeld M., Rogoff K. *Exchange Rate Dynamics Redux* // *Journal of Political Economy*. 1995. № 103; Dixit A. *A Repeated Game Model of Monetary Union* // *The Economic Journal*. 2000. № 110; Obstfeld M., Rogoff K. *Global Implications of Self-Oriented National Monetary Rules* // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 117 (2); Lai E. *Theory of International Policy Coordination in Protection of Ideas* // K.E. Maskus (ed.). *Intellectual Property, Growth and Trade*. Elsevier, 2008.
12. Grossman G., Helpman E. *Trade Wars and Trade Talks* // *Journal of Political Economy*. 1995a. Vol. 103(4). Данная модель была сформулирована на базе теоретико-игровой модели формирования торговой политики Гроссмана–Хелпмана 1994 г. (Grossman G., Helpman E. *Protection for Sale* // *American Economic Review*. 1994. № 84), которая является одной из наиболее используемых игровых моделей в современных экономических работах. Ее использование охватывает не только сферы формирования внешнеторговой политики (Афонцев С.А. *Экономико-политическая модель унификации импортного тарифа: российская перспектива* // *Консорциум экономических исследований и образования. Серия «Научные доклады»*. 2004; Коломак Е.А. *Региональный протекционизм в России: позитивный анализ*. М.: EERC, 2005), и международной торговли (Gawande K., Sanguinetti P., Bohara A.K. *Exclusions for Sale: Evidence on the Grossman-Helpman Model of Free Trade Agreements* // *NAFTA-MERCOSUR Working Paper* №. 4. University of New Mexico. 2005; Hagemejer J., Michalek J.J. *The Political Economy of Poland's Trade Policy: Empirical Verification of the Grossman-Helpman Model* // *Eastern European Economics*. Vol. 46. 2008; Karacaovvali B. *Free Trade Agreements and External Tariffs* // *Fordham University Department of Economics Discussion Papers*. 2010. № 3);, но и такие сферы, как политические выборы (Grossman G., Helpman E. *Electoral Competition and Special Interest Politics* // *Review of Economic Studies*, 1996. № 63(215); Prat A. *Campaign Spending with Office-Seeking Politicians, Rational Voters, and Multiple Lobbies* // *Journal of Economic Theory*. 2002. № 103(1)) и законодательный процесс (Dharmapala D. *Comparing Tax Expenditures and Direct Subsidies: the Role of Legislative Committee Structure* // *Journal of Public Economics*. 1999), налогообложение (Marceau N., Smart M. *Corporate Lobbying and Commitment Failure in Capital Taxation* // *CEsifo Working Paper*. 2002. N. 676) и государственная политика в целом (Dixit A., Grossman G., Helpman E. *Common Agency and Coordination: General Theory and Application to Government Policy Making* // *Journal of Political Economy*. 1997. № 105; Mazza I., van Winden F. *Does Centralization Increase the Size of Government? The Effects of Separation of Powers and Lobbying* // *International Tax and Public Finance*. 2002) и др.
13. См., например: Goldberg P., Maggi G. *Protection for Sale: An Empirical Investigation* // *American Economic Review*. 1999. № 89; McCalman P. *Protection for Sale and Trade Liberalization: An Empirical Investigation* // *Review of International Economics*. 2004. № 12 (1); Gawande et al., 2005; Gawande K., Li H. *Trade Barriers as Bargaining Outcomes* // *World Economy*. 2006. Vol. 29.
14. См. подробнее: Олейнов А. *Политический процесс через призму экономической науки: комплексный подход* // *Полис*. 2009. № 4.
15. Например, см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии*. М.: Культурная революция, 2009.
16. Обзор современных работ по политэкономии см.: Dewan T., Shepsle K.A. *Review Article: Recent Economic Perspectives on Political Economy. Part I, II* // *British Journal of Political Science*, 2008. № 38 (2, 3).
17. «Международная политэкономия – это наука о взаимодействии экономики и политики на мировой арене» [Frieden, J.A., D.A. Lake, J.L.Broz. *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth* (5th Edition). W. W. Norton & Company. 2009. P. 1]. Другими словами: международная политэкономия является междисциплинарным направлением исследований международных отношений, использующим методологию различных общественно-научных дисциплин, ключевыми из ко-

- торых являются политология и экономическая наука. Междисциплинарность международной политэкономии как научного направления предопределяет двойную природу ее предмета, к которому, с одной стороны, относится влияние политических факторов на международные экономические отношения, а с другой – влияние экономических факторов на мировые политические процессы и систему международных отношений.
18. Bergsten C.F., Krause L.B. (eds.). *World Politics and International Economics*. Washington, D.C.: Brookings, 1975; Spero J.E. *The Politics of International Economic Relations*. London: Allen & Unwin, 1977; Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence*. Boston: Little, Brown & Co., 1977; Katzenstein P.J. (ed.). *Between Power and Plenty: Foreign Economic Policies of Advanced Industrial States*. Madison: University of Wisconsin Press, 1978; Sandler T. (ed.). *The Theory and Structure of International Political Economy*. Boulder, Colo.: Westview, 1980; Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981 и др.
 19. Gilpin, R. *The Political Economy of International Relations*. Princeton University Press, 1987; Frieden, J.A., D.A.Lake (eds.). *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. St. Martin's Press. 1987.
 20. Frieden, J.A., D.A.Lake (eds.) *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth* (1-4 editions). St. Martin's Press / Routledge. 1987-1999; Gilpin, R., J.M.Gilpin. *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton University Press, 2001; Oatley, T. *International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy* (1-5 Editions), Pearson / Longman, 2001-2011; Cohn T.H. *Global Political Economy* (1-5 Editions). Addison-Wesley/Longman. 2000-2009; Ravenhill, J. (ed.). *Global Political Economy* (1-2 Editions), Oxford University Press. 2005-2008; Frieden, Lake, Broz, 2009; Frieden, J.A., D.A.Lake, K.A.Schultz. *World Politics: Interests, Interactions, Institutions*. W. W. Norton & Company. 2009.
 21. Основное внимание здесь уделяется тому, как экономические выгоды и издержки решений национальных правительств на международной арене влияют на их общественную поддержку внутри страны. См.: Ruggie J. *Collective Goods and Future International Collaboration* // *American Political Science Review*. 1972. N. 66; Snidal D. *Public Goods, Property Rights, and Political Organizations* // *International Studies Quarterly*. 1979. N. 23; Frey B. *The Public Choice View of International Political Economy* // *International Organization*. 1984. Vol. 38; Frey B. *Strengthening the Citizens' Role in International Organizations* // *Review of International Organizations*. 2006. N. 1; Беляков А.О. О динамике объединений людей / Препринт # BSP/2007/094 R. – М.: Российская Экономическая Школа, 2007 и др.
 22. См.: Vaubel R. *The Public Choice Analysis of European Integration: A Survey* // *European Journal of Political Economy*. 1994. N. 10; Hemming R., Spahn P. *European Integration and the Theory of Fiscal Federalism* // M.Bleyer, T. Ter-Minassian (eds.) *Macroeconomic Dimensions of Public Finance*. Washington DC: IMF, 1997; Hooghe L., Marks G. *Types of Multi-Level Governance* // *European Integration online Papers (EIoP)*. 2001. Vol. 5 (11).
 23. Alesina, Spolaore, 1997. Модель Алесина-Сполаоре стала одной из первых политэкономических моделей, в которой дается формальное экономическое обоснование формирования политической карты мира. Аналогичный предмет исследования и схожие теоретические построения можно также найти в модели П.Болтона и Г.Роланда (Bolton, Roland, 1997).
 24. В своей работе А.Алесина и И.Сполаоре также указывают и на такие выгоды широкой политической юрисдикции как то, что противодействие специфическим макроэкономическим шокам является более затратным для небольших стран, а также то, что вопросы безопасности также напрямую зависят от размеров стран. Однако формальная модель, предлагаемая ими, не охватывает отмеченные аспекты.
 25. Иными словами, каждая страна представлена интервалом на отрезке [0,1], в центре которого расположена «столица», где происходит предоставление всех общественных благ. Чем дальше индивид располагается на отрезке, тем менее предпочтительным для него является правительство.
 26. Alesina, Spolaore, 1997, p. 1027-1028. Согласно модели, когда предоставление общественных благ и политическая интеграция опираются на правило простого большинства, тогда равновесным будет очень много небольших суверенных образований. Население у границ любой страны всегда будет иметь больше экономических стимулов формирования новых стран для получения более соответствующих их предпочтениям общественных благ. Когда же общественный выбор не является демократическим и правительства определяются интересами отдельных индивидов, чья основная цель состоит в максимизации чистых налоговых поступлений, то степень политической интеграции будет выше.
 27. Например, когда население распределено произвольно и неравномерно, устойчивое деление на суверенные образования будет существовать не всегда. Более того, процесс образования новых стран и реорганизации существующих может становиться хаотичным, что вообще ставит вопрос возможности какого-либо формального математического моделирование. См., например: Dreze J., Le Breton M., Savvateev A., Weber S. *Almost Subsidy-Free Spatial Pricing in a Multi-Dimensional Setting* // *Journal of Economic Theory*. 2009. Vol. 143 (1).
 28. Государственные органы власти, негосударственные участники внутриполитических и экономических, а также внешнеполитических и международных экономических процессов постоянно оказывают политическое давление с целью заставить политиков выбрать ту политику, которая соответствует их интересам. Все это ведет к тому, что политики должны учитывать реакцию внутри страны на потенциальные международные договоренности. Последнее в конечном итоге определяет действия государства на международной арене: оно может препятствовать осуществлению стратегии сотрудничества, невзирая на выгоды, или способствовать данной стратегии, несмотря на издержки. Как следствие, сотрудничество между государствами может в меньшей степени определяться национальными интересами и максимизацией благосостояния, нежели, например, потенциальным переизбранием политиков.
 29. Немаловажной составляющей предмета политэкономии международных отношений при этом является процесс глобализации. Если в международной экономике этот процесс рассматривается как в целом положительное явление, то представители политэкономии занимают здесь «нейтральную» позицию. По мнению политэкономистов, глобализация является потенциально необратимым процессом, который ведет к стандартизации национальной политики и институтов (либерализация торговой политики, снижение барьеров на пути движения капитала, открытие финансовых рынков, снижение влияния государства в экономике) и росту влияния инвестиционного капитала (транснациональных корпораций, глобальных финансовых институтов и т.д.) на национальную политику.
 30. Важно отметить, что здесь не может быть какой-либо одной «исчерпывающей» функции полезности. Формулировка и/или использование какой-либо конкретной функции зависит от тех задач, которые стоят перед исследователем.

Гидроэнергетика Киргизии в контексте решения водно-энергетических проблем Центральной Азии

Б.Н. Мубаракшин

Киргизия относится к числу государств с большими запасами водных ресурсов. Несмотря на колоссальный гидроэнергетический потенциал рек республики, национальная энергетика находится в сильной зависимости от работы Токтогульской гидроэлектростанции, которая также играет большую роль в поддержании водно-энергетического баланса в Центральной Азии. В условиях непрекращающихся между центральноазиатскими государствами споров относительно режимов эксплуатации этого гидроузла одним из наиболее оптимальных путей решения водно-энергетических проблем региона может стать строительство каскада камбартинских ГЭС в Киргизии.

Вопросы рационального использования водно-энергетических ресурсов рек бассейна Аральского моря являются наиболее сложными региональными проблемами Центральной Азии. Еще в советское время по этим вопросам между среднеазиатскими республиками нередко возникали спорные ситуации, которые, правда, умело решались союзным руководством. Бесконфликтность сосуществования республик достигалась за счет интегрированной системы управления водно-энергетическим потенциалом региона. В ее рамках в равнинной зоне Центральной Азии (низовьях Амударьи и Сырдарьи) приоритет отдавался развитию ирригации и сельского хозяйства, а в горной – гидроэнергетической отрасли. Неизбежно возникавшие при этом дисбалансы компенсировались межреспубликанскими поставками энергоносителей и сельхозпродукции.

С распадом СССР и разрушением прежних экономических связей некогда четко отлаженная система начала давать сбои. В условиях прекратив-

шей существование системы централизованного обеспечения энергоресурсами центральноазиатские республики были озабочены принятием срочных мер для обеспечения энергетической независимости, под которой ошибочно понималась ориентация на максимальное использование собственных ресурсов, а десятилетиями выстраивавшаяся в регионе архитектура водно-энергетических отношений все чаще отходила на второй план. Для небогатой углеводородами, но обладающей колоссальными водными запасами Киргизии естественным инструментом достижения энергетической безопасности стало развитие национальной гидроэнергетики.

Гидроэнергетический потенциал Киргизии

Среди государств Центральной Азии Киргизская Республика выделяется богатыми водными ресурсами. Они состояются: 51,2 км³ поверхностного стока рек; 13 км³ потенциальных запасов подземных вод; 1745 км³ озерной воды; 650 км³

ледников¹. На территории республики формируются стоки таких крупных трансграничных рек, как Нарын, Чу, Талас, Сары-Джаз и др. Обусловленные горным характером рельефа большие уклоны этих рек создают благоприятные условия для развития масштабного гидростроительства. Общий гидроэнергетический потенциал Киргизии оценивается в 18,5 млн кВт по мощности и 142,5 млрд кВт/ч по энергии, из которых в настоящее время освоено чуть более 9%. Согласно материалам института «Гидропроект», на реках республики возможно сооружение 95 больших и средних электростанций общей мощностью 11 400 МВт при среднегодовой выработки 49,8 млрд кВт/ч². По этим показателям Киргизская Республика уступает в СНГ лишь России и Таджикистану.

Гидроэлектростанции занимают центральное место в национальной энергосистеме КР, вырабатывая около 80% используемого в республике электричества. В 2011 г. в стране было произведено 14,9 млрд кВт/ч электроэнергии, из которых на долю ГЭС пришлось порядка 90%³. Производственную базу электроэнергетики Киргизии, состоящей из 21 гидроэлектростанций с суммарной мощностью 3071 МВт, формирует Нижне-Нарынский каскад ГЭС: Токтогульская (1200 МВт), Курпсайская (800 МВт), Ташкумырская (450 МВт), Шамалдысайская (240 МВт) и Учкурганская (180 Вт) гидроэлектростанции. Значительно снизить напряженность работы энергосистемы КР помогают малые станции: Аламдинские, Лебединовская, Быстровская, Калининская и др.

Флагманом киргизской гидроэнергетики является введенная в эксплуатацию в 1975 г. Токтогульская гидроэлектростанция. Кроме обеспечения значительных мощностей для национальной энергосистемы, она играет исключительно важную роль в регулировании водно-энергетических отношений в Центральной Азии. Водохранилище ГЭС изначально проектировалось в качестве огромного резервуара (полный объем равняется 19,5 км³, из них полезный – 14 км³), способного накапливать воду для обеспечения нужд ирригации в Узбекистане и Южном Казахстане в период вегетации хлопчатника посредством многолетнего регулирования стока реки Нарын. Режим работы самой электростанции при этом был выстроен таким образом, что предполагал максимальное использование установленных мощностей гидроузла в период вегетации (апрель–октябрь) и минимальное – в остальное время года, когда вода должна была накапливаться в водохранилище.

В советское время выработанная на ГЭС электроэнергия централизованно распределялась в сетях Единой энергетической системы Средней Азии, в состав которой входили объекты генерации и передачи электричества во всех пяти среднеазиатских республиках (кроме Северного Казахстана, который работал в параллельном режиме с энергосистемами Урала и Сибири). В зимние месяцы потребности региона в электроэнергии преимущественно покрывались за счет работы тепловых электростанций. Функционирование

Токтогульской ГЭС в составе ЕЭС также значительно облегчало управление режимами выработки и потребления электроэнергии в условиях переменных пиковых (максимальных и минимальных) нагрузок, которые негативно влияли на техническое состояние ТЭС, приспособленных к работе в режиме базовых (постоянных) нагрузок⁴.

Проблема Токтогульского гидроузла

С обретением среднеазиатскими республиками независимости интегрированная система управления водно-энергетическими ресурсами региона претерпела значительные изменения. Подписанная представителями пяти республик в 1992 г. Алма-Атинское соглашение сохранило прежнюю систему региональную вододеления, которая в новых условиях оказалась выгодной только для «стран низовий» – Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Уже не обремененные обязательствами по поставке энергоресурсов и сельхозпродукции в соседние Киргизию и Таджикистан, они продолжали получать большую часть бесплатно спускаемой с верховьев Амударьи и Сырдарьи воды. Такая «несправедливость» в свою очередь не могла устроить страны «верховий». Так, например, Киргизская Республика, руководствуясь интересами собственного социально-экономического развития, предпочла использовать воду крупнейшего в регионе Токтогульского водохранилища в целях круглогодичной выработки электроэнергии. При этой схеме накопление воды в гидроузле стало происходить уже летом, в период минимальных потребностей в электроэнергии, что явно диссонировало с задачами, преследовавшимися при ее проектировании и первоначальной эксплуатации.

В условиях переживаемого Киргизией в начале 1990-х гг. перманентного энергетического кризиса, обусловленного нехваткой топливно-энергетической ресурсов (их приходилось закупать у соседних стран по ценам, близким к мировым), новая схема позволила республике не только обеспечивать собственные потребности в электроэнергии, но даже экспортировать ее излишки за рубеж, получая немалые валютные поступления. Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества от работы Токтогульской ГЭС в энергетическом режиме, у новой схемы были и существенные недостатки. По причине трансформации работы ГЭС серьезной деформации подверглась гидрография трансграничной реки Сырдарьи: если до строительства Токтогульского гидроузла в естественном режиме в русле реки зимой проходило 2,8 км³, а летом – 8,5 км³ речного стока, то с переходом гидроэлектростанции на новый режим работы объемы сбросов воды в зимние и летние месяцы фактически поменялись местами. Зимние сбросы стали достигать 8,5 км³, тогда как на период вегетации все чаще приходило около 3,5–4,9 км³ воды⁵.

В этой связи из-за низкой пропускной способности скованного льдами русла нижнего течения Сырдарьи часть сбрасываемой в зимнее время с водохранилища воды подтопляла прилегающие территории в Южном Казахстане и Узбекистане.

В то же время в летние месяцы в ирригационных системах этих республик создавался острейший дефицит воды, что наносило серьезный ущерб сельскому хозяйству и становилось причиной роста напряженности в отношениях региональных государств. Так, например, зимний водно-энергетический конфликт 2000 г. между Ташкентом и Бишкеком едва не перешел в силовую стадию, когда узбекская сторона в непосредственной близости от киргизско-узбекской границы развернула войсковую часть и провела учения по захвату Токтогульской ГЭС с использованием бронетехники и вертолетов. Киргизские власти в свою очередь через информационные утечки пояснили, что в случае взрыва плотины водный поток «сметет с лица земли Ферганскую и Зерафшанскую долины» Узбекистана⁶.

Изменение режима Токтогульского гидроузла бумерангом ударило и по энергетической безопасности самой Киргизии. С увеличением зимних пропусков запасы воды в водохранилище стали с каждым годом катастрофически сокращаться. Если при прежней ирригационной схеме в водохранилище к началу вегетации (в апреле) набиралось около 12–15 млрд км³, то в последние годы здесь все чаще скапливалось не более 6–7 млрд км³ воды (при «мертвом», то есть не подлежащем дальнейшему использованию в энергетических целях, объеме 5,5 млрд км³). Работая на пониженных напорах, гидроэлектростанция оказалась не в состоянии выйти на установленную мощность и проектные показатели выработки электроэнергии, из-за чего ежегодные потери ГЭС составляют 30–40%⁷. В условиях периодически повторяющихся в регионе маловодных лет, часто сопровождаемых затяжными холодами, эта ситуация могла обернуться самыми серьезными последствиями для энергосистемы республики. Дело в том, что сократившихся запасов обмелевшего Токтогульского водохранилища могло не хватить даже для выработки зимней электроэнергии. Подобный кризисный сценарий едва не случился весной 2008 г., когда к началу вегетационного периода в водохранилище накопились близкие к «мертвому» показателю 6,4 млрд км³ воды⁸. Для повышения отметок горизонта воды в водохранилище и увеличения энергоотдачи Токтогульской ГЭС энергетики были вынуждены перейти на ограниченный режим энергопотребления, сопровождавшийся «веерными» 10–12-часовыми отключениями электричества по всей республике.

Попытки решить проблему режимов работы Токтогульского гидроузла предпринимались неоднократно. Только в период с 1995 по 1998 г. между государствами региона было заключено около десятка различных соглашений, в той или иной степени регулирующих работу гидроэлектростанции. Большие надежды энергетики региона возлагали на подписанное главами правительств Казахстана, Узбекистана и Киргизии 17 марта 1998 г. Соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарьи (Таджикистан присоединился к нему в 1999 г.). Документ вводил обязательные объемы водоподачи с Токтогульского гидроуз-

ла, которыми Киргизия должна была обеспечивать в вегетационный период Казахстан и Узбекистан. Последние в свою очередь обязывались в равных объемах закупать у Киргизии электроэнергию, вырабатываемую в летний период и превышающую ее собственные потребности. Страны нижнего течения Сырдарьи также принимали обязательства по поставке в Киргизскую Республику необходимых для покрытия зимнего дефицита электроэнергии объемов горючего топлива и электричества. По сути, предложенная схема стала попыткой реанимировать прежнюю советскую систему межреспубликанских взаимобмен энергией и воды, при которой гидроэнергетические ресурсы Киргизии и Таджикистана дополнялись ископаемыми топливными запасами Казахстана, Узбекистана и Туркмении.

Однако успешно действовавшая в советское время схема оказалась труднореализуемой в условиях существования рыночной системы и независимых государств. Вышеупомянутый документ изначально носил недетализированный рамочный характер, в нем не были прописаны вопросы разрешения спорных ситуаций и соответствующие гарантийные обязательства сторон в случае форс-мажорных обстоятельств. Не до конца были продуманы и технические аспекты компенсационных механизмов: они не устраивали «страны низовий» в маловодные годы, «страны верховий» – в годы средней водности и не соответствовали интересам всех участников соглашения в многоводные годы. В конечном счете, заложенные в документе противоречия привели к возникновению взаимных претензий между странами и стали причиной отказа от многостороннего соглашения в пользу подписания ежегодных двусторонних протоколов.

Не нашел понимания у соседей по региону и предложенный Институтом водных проблем и гидроэнергетики Национальной академии наук КР в качестве решения водно-энергетической проблемы Центральной Азии так называемый «Экономический механизм управления трансграничными водными ресурсами». Использование данного механизма предполагало установление для соседних государств, использующих регулирующую гидроузлами Киргизии воду, специального межгосударственного тарифа, который одновременно учитывал бы стоимость воды как природного ресурса и стоимость услуг по ее подаче (сумма затрат на содержание гидроузла). Кроме того, экономический механизм предполагал оплату «странами низовий» дополнительного сбора, определяемого величиной ежегодного ущерба КР от создания (упущенная прибыль от невозможности использования затопленных земель) и эксплуатации Токтогульского водохранилища в ирригационном режиме (бюджетные потери от невыработанной и нереализованной потребителям электроэнергии).

Проекты Камбаратинских гидроэлектростанций

В условиях пробуксовки регионального диалога по водно-энергетической проблематике решению

проблемы функционирования Нижне-Нарынского каскада ГЭС, как представляется, может помочь введение в строй новых генерирующих мощностей, главными из которых являются Камбаратинские ГЭС-1 и ГЭС-2 в Киргизии. Расположенные в среднем течении Нарына выше Токтогульского водохранилища, эти гидроэлектростанции будут свободны от ирригационных ограничений и смогут круглогодично работать в энергетическом режиме. Как считается, это позволит Токтогульскому гидроузлу вернуться к нормальному ирригационному режиму работы и накапливать зимнюю воду для нужд вегетации в соседних республиках. Неизбежные в этом случае потери мощности в энергосистеме Киргизии будут восполняться работой Камбаратинских ГЭС. В летнее же время при одновременной работе двух каскадов у республики появится возможность экспортировать около 6–8 млрд кВт/ч электроэнергии ежегодно⁹.

Строительство Камбаратинских гидроэлектростанций началось в 1986 г., однако в начале 1990-х гг. из-за отсутствия финансирования работы на объектах были остановлены. К реализации проектов было решено вернуться в 2008 г., когда КР своими силами возобновила строительство Камбаратинской ГЭС-2 мощностью 360 МВт. В октябре того же года во время саммита ЕврАзЭС в Бишкеке президенты России и Киргизии Д. Медведев и К. Бакиев достигли принципиальной договоренности о реанимации проекта строительства Камбаратинской ГЭС-1 с установленной мощностью 1900 МВт. Соответствующее межправительственное соглашение было подписано в феврале 2009 г. Однако в результате возникшего впоследствии разлада в отношениях двух государств и общественно-политических катаклизмов в самой республике реализация проекта была приостановлена.

Возможность вернуться к проекту появились через несколько лет. На первом заседании Президентской комиссии по ТЭК в июле 2012 г. вновь избранный Президент РФ В. Путин, перечисляя важнейшие инвестиционные проекты российской энергетики на среднесрочный период, назвал реализацию проекта строительства Камбаратинской ГЭС-1 в Киргизии «представляющим стратегический интерес для России». Спустя несколько месяцев в ходе официального визита российского лидера в республику 19–20 сентября 2012 г. между Россией и Киргизией было подписано новое соглашение о строительстве гидроэлектростанции. Согласно условиям документа, возведением станции будет заниматься созданная в 2009 г. российская «Интер РАО ЕЭС» и киргизская компания «Электрические станции» с равными долями участия в акционерном капитале ЗАО «Камбаратинская ГЭС-1». Характерной особенностью нового соглашения стала тесная увязка реализации проекта со строительством сети линий электропередачи 500 кВ, включающих внутриреспубликанскую ЛЭП «Датка–Кемин», а также межгосударственные воздушные линии «Кыргызстан–СУАР», «Кемин–Алматы» и «Датка–Худжанд». Они должны были позволить экспортировать выработанную

на станции электроэнергию не только в соседние республики, но и в страны Южной Азии в рамках проекта CASA–1000.

Активизация российско-киргизского взаимодействия на региональном водно-энергетическом треке вызвала довольно нервную реакцию в «странах низовий», и прежде всего в Узбекистане. Еще на стадии подготовки соглашения пребывавший с официальным визитом в Казахстане президент РУ И. Каримов в резкой форме высказался против строительства Камбаратинской ГЭС-1 в Киргизии и Рогунской ГЭС в Таджикистане. По словам узбекского лидера, «эти проекты были разработаны в 1970–1980-х гг., когда в СССР страдали гигантоманией. По Камбарате-1 принято решение о строительстве плотины высотой 275 м, а на Рогунской ГЭС – высотой 350 м. Это высочайшие плотины в мире. Видимо, наши соседи решили рекорды Гиннеса перебить. Но думать надо не о рекордах, а о судьбе тех миллионов людей, которые без воды жить не могут». Президент Узбекистана также напомнил, что за последние несколько столетий в районе строительства Камбаратинской ГЭС произошло три сильнейших землетрясения магнитудой 9–10 баллов. «А если прорвет эту дамбу, туда добавится еще 19 млрд км³ воды из Токтогульского водохранилища. Что будет, когда эта волна высотой 50–100 м пойдет вниз? Все может усугубиться настолько, что это может вызвать не просто противостояние, а даже войны»¹⁰, – заключил И. Каримов.

Его поддержал и президент Казахстана Н. Назарбаев, заявивший о необходимости проведения международной независимой экспертизы перед началом строительства столь масштабных региональных объектов. По мнению обоих президентов, важным условием строительства гидротехнических сооружений на трансграничных реках также должно быть обязательное согласование проектов со «странами низовий» согласно природоохранным конвенциям ООН¹¹. На этом фоне как нельзя более актуально прозвучали сделанные российским лидером в ходе его визита в Бишкек приглашения региональных государств к участию в строительстве электростанции. «Мы должны учитывать озабоченность всех стран региона, создавать условия, чтобы их не было. Это возможно при наличии взаимопонимания и повышения доверия друг к другу. Мы приглашаем наших партнеров к совместной работе», – подчеркнул на пресс-конференции В. Путин. С ним солидаризировался и президент КР А. Атамбаев, который заверил в готовности «работать с соседями, жить в мире и дружбе с ними». При этом он напомнил, что Камбаратинская ГЭС была спроектирована для того, чтобы решить проблемы ирригации и орошения в Узбекистане и Казахстане, и поэтому нужна им в первую очередь. «Если же будет построена Камбарата-1, то можно оттуда сливать воду, а в Токтогулке ее задерживать, что станет выгодно и другим государствам»¹², – подытожил киргизский лидер.

Такое понимание значения Камбаратинского проекта и подключение к ее реализации других центральноазиатских государств, в первую очередь

Узбекистана и Казахстана, несомненно, позволило бы снять имеющиеся у руководства «стран верхний» и части экспертного сообщества опасения. Разумеется, если речь не идет об искусственной политизации данной темы, а в основе высказываемых ими озабоченностей лежат прежде всего экономические и отчасти социальные причины. В более общем ключе решению водно-энергетической проблемы Центральной Азии может способствовать региональная экономическая интеграция. Только в ее рамках, как представляется, возможно создание действенных экономических механизмов по совместному и рациональному использованию водных и энергетических ресурсов, а значит, и надежных гарантий для устойчивого развития Центрально-Азиатского региона в будущем.

Mubarakshin B.N. Hydropower Sector of Kyrgyzstan in the Context of Solving the Water-Energy Problems in the Central Asia.

Summary: *The Kyrgyz Republic is referred to the countries with sizeable water resources. In spite of an enormous hydropower potential of the republic's rivers the national energy sector strongly depends on the Toktogul dam's functioning, which is also important to maintain water-energy balance in the Central Asia. In conditions of unremitting quarrelling over working regimes of this station construction of the Kambarata hydropower stations in Kyrgyzstan can be considered as one of the most optimal ways to solve regional water-energy problems.*

Ключевые слова

Центральная Азия, Киргизия, Токтогульский гидроузел, Камбаратинские ГЭС, водно-энергетические проблемы.

Keywords

Central Asia, Kyrgyzstan, Toktogul dam, Kambarata HPS, water-energy problems.

Примечания

1. Касымова В., Баев Б. Энергетика Кыргызстана: состояние отрасли и перспективы межгосударственного сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 6. С.116.
2. Рахимов К., Беляков Ю. Гидроэнергетика Кыргызстана. Б.: ИЦ «Техник», 2006. С.3.
3. Отчет о работе Правительства Кыргызской Республики в 2011 году. Б.: «Учкун», 2012. С.123.
4. Кравцов Н. Гидроэнергетика Кыргызстана и режимы использования стока реки Нарын: тез. докл. на конф. «Диалог стран Центральной Азии и Кавказа по обсуждению водного сотрудничества...». Б., 2008. С. 54.
5. Якубов Х. Совместное использование поверхностных и подземных вод в бассейне Сырдарьи – основа управления водными ресурсами. [Электронный ресурс] http://www.icwc-aral.uz/15years/pdf/yakubov_et_all_ru.pdf
6. Кирсанов И. Битва за воду в Центральной Азии // Независимый обозреватель стран Содружества. 2006. №12. [Электронный ресурс] <http://www.fundeh.org/publications/articles/48/>
7. Аллабергенов Н. Бережливое и эффективное использование водных и энергетических ресурсов – веление времени. [Электронный ресурс] <http://sreda.uz/index.php?newsid=288>
8. Касымова В. Основы антикризисного управления в энергетике Кыргызской Республики. Б., 2009. С.91.
9. Флагман тьянь-шаньской энергетики // Российская газета. 2011. 22 дек. [Электронный ресурс] http://www.rg.ru/files/special_editions/data/417.pdf
10. Все ходы записаны... Москва и Бишкек «пролонгировали» взаимоотношения // МК Азия. 2012. 25 сент. С.14.
11. Речь идет о конвенции ЕЭК ООН «Об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер» (Хельсинки, 1992 г.) и конвенции ООН «О праве несудоходных видов использования международных водотоков» (Нью-Йорк, 1997 г.). Эти документы поддерживаются Казахстаном и Узбекистаном, поскольку призывают учитывать интересы существующего водопользования в среднем и нижнем течении трансграничных рек. В противовес им Киргизия и Таджикистан придерживаются принципов, выработанных на Дублинской конференции ООН в 1992 г. и призывающих относиться к воде как к экономическому товару.
12. Молдалиева А. Кыргызстан и Россия – равноправные партнеры / А.Молдалиева // Слово Кыргызстана. 2012. 21 сент. С.8.

Перспективы «сланцевой революции» и проблемы энергетики Китая

М.С. Скрыбина

Глядя на успешный опыт США, в Китае также рассматривают возможности осуществления широкомасштабной разработки месторождений сланцевого газа. КНР обладает самыми большими в мире его запасами. Это ставит вопрос о возможности очередной «сланцевой революции», но на этот раз уже на азиатском континенте. Такая революция способна помочь Пекину снизить зависимость от внешних рынков энергии и повысить уровень энергетической безопасности, а также сократить объем выбросов в атмосферу. Однако существует множество вопросов относительно того, может ли американская технология добычи сланцевого газа применяться на территории КНР. Также не прекращаются опасения защитников окружающей среды, что применяемая технология добычи сланцевого газа может усугубить проблему изменения климата.

Высокие темпы роста ВВП в Китае сопровождаются еще более стремительным ростом спроса на энергоносители и электроэнергию. Это объясняется большими потерями в процессе производства и потребления энергоресурсов, то есть низкой энергоэффективностью¹. В результате в 2009 г. Китай опередил США и стал крупнейшим потребителем энергоресурсов в мире². При этом еще 10 лет назад потребление в КНР составляло лишь 50% от американского. Это само по себе знаковое событие, учитывая, что США были лидером в потреблении энергоресурсов с начала XX в.³.

Природный газ обеспечивает 23,21%⁴ мирового энергопотребления. Китай сильно уступает развитым странам по его доле в топливном балансе – газ занимает всего 4% от совокупного потребления энергоресурсов в КНР⁵. Газ – более чистый по сравнению с нефтью и особенно углем ресурс. Переход электроэнергетики на обеспечение газом имеет ряд преимуществ:

– во-первых, капитальные затраты на газовые турбины нового поколения и турбины комбиниро-

ванного цикла, как правило, ниже угольных, в то же время КПД газовых турбин также значительно выше угольных;

– во-вторых, строительство газознергетических предприятий осуществляется почти вдвое быстрее;

– в-третьих, сокращение использования угля снижает нагрузку с железных дорог, которые в Китае перегружены из-за перевозок угля;

– в-четвертых, замещение угля природным газом в топливном балансе повышает показатели энергоэффективности экономики КНР.

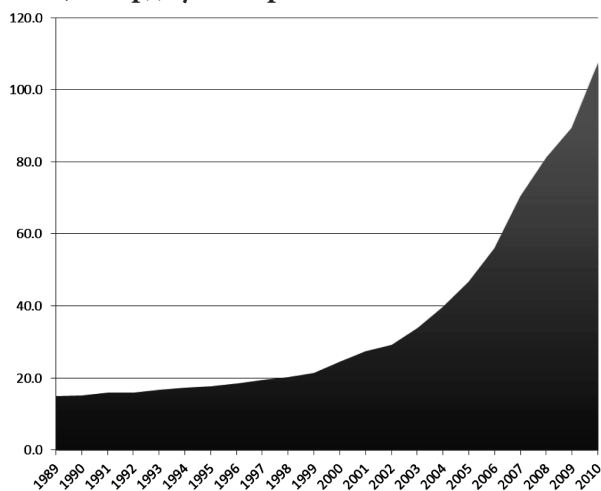
Добыча природного газа в Китае в натуральном выражении более чем утроилась за последние 10 лет – с 30,3 до 102,5 трлн кубометров в 2001–2011 гг. соответственно. Потребление газа за те же 10 лет выросло почти в 5 раз – с 27,4 до 130,7 трлн кубометров⁶. В последние несколько лет потребление природного газа растет в КНР особенно высокими темпами: в 2011 г. рост составил 21,5%⁷. В плане 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) поставлена задача удвоить долю природного газа в энергобалансе КНР. В соответствии с заявлением

Скрыбина Марианна Сергеевна – мл.н.с. Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

начальника Энергетического управления Госкомитета по реформе и развитию Лю Тенаня 25 октября этого года, к концу 12-й пятилетки потребление природного газа должно увеличиться вдвое – до 260 млрд кубометров⁸, то есть его доля в энергобалансе увеличится с 3,9 до 8,3%. При этом только около 120 млрд из них будут покрываться за счет внутренних источников.

Таблица 1

Потребление природного газа в КНР (1989 – 2010) в млрд кубометров

Источник: Обзор мировой энергетики «Бритиш Петролеум» за 2011г., июнь 2012 г.

В настоящее время основная часть газа внутри Китая поступает с месторождений провинции Сычуань. Остальная добыча – это в основном попутный газ с нефтяных месторождений. Систематическая разведка газовых месторождений началась только в 1990-х гг. и сегодня ведется в районе Ордосской и Таримской впадин. В перспективе возможно расширение поставок газа с шельфа Южно-Китайского моря. На данный момент они крайне незначительны, так как разведка и разработка шельфовых месторождений затруднены тем, что они находятся на спорных между Японией и Китаем территориях. До недавнего времени основной акцент в области увеличения использования природного газа делался на росте импорта трубопроводного и сжиженного природного газа (СПГ).

Строительство газопроводов

Пекину удалось реализовать несколько крупных проектов в области строительства газопроводов и заключить по ним долгосрочные контракты. В первую очередь здесь имеется в виду проект центральноазиатского газопровода, который берет начало в Гедаиме, на границе между Туркменистаном и Узбекистаном, проходит через центр Узбекистана и юг Казахстана, далее идет через Хоргос в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и соединяется с крупнейшим внутренним газопроводом Китая «Запад–Восток». По нему природный газ поставляется из Туркменистана и Казахстана. В 2011 г. контрактные объемы импорта должны были составить 40 млрд кубометров⁹, при этом планировалось увеличение мощности газопровода до 55–60 млрд

кубометров в год¹⁰. Реализация данного проекта также значительно усилила кооперацию Китая со странами Центральной Азии в области разведки и разработки газовых месторождений. Слабыми сторонами проекта является наличие нескольких стран-транзитеров, а также прохождение газопровода через беспокойный Синьцзян-Уйгурский автономный район, что создает риски перебоев в поставках.

Еще один крупный международный проект в области импорта энергоресурсов, реализуемый Пекином, – строительство нефтепровода и газопровода из Мьянмы. Газопровод мощностью 12 млрд кубометров газа в год планируется ввести в эксплуатацию в 2013 г., он будет идти от порта Кьяукпю на юге Мьянмы через южно-китайские провинции Юньнань и Гуйчжоу, г. Чунцин и Гуанси-Чжуанский автономный район¹¹. Этот проект позволит сократить поставки морским путем через Малаккский пролив. Газ будет поставляться с месторождений, принадлежащих КННК в Мьянме. Существуют опасения относительно того, хватит ли разведанных запасов, чтобы заполнить газопровод на полную мощность. По оценкам специалистов Международного энергетического агентства (МЭА), а также китайских экспертов, на первых этапах поставки не превысят 4 млрд т в год¹².

Импорт сжиженного природного газа (СПГ)

Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) и Китайская офшорная национальная нефтяная корпорация (CNOOC) построили несколько терминалов для приема СПГ в провинциях Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, а также в Шанхае. В настоящее время потребности в газовых ресурсах Пекин в основном удовлетворяет за счет стран Азиатско-Тихоокеанского региона – Индонезии, Малайзии и Австралии. Основная доля поставок СПГ приходится на южные провинции Гуандун и Фуцзянь, которые имеют высокие показатели промышленного роста и к тому же могут позволить себе закупать более дорогостоящий по отношению к углю СПГ. Также осуществляются программы по газификации наиболее крупных городов, включая Шанхай и Пекин. Так, во время Олимпиады 2008 г. все электростанции в Пекине были переведены на природный газ. К 2015 г. Пекин планирует повысить долю природного газа в энергобалансе до 20%, а для такого промышленного и загрязненного города, как Чунцин, плановые показатели заданы еще выше и составляют 22% (в 2011 г. доля газа в Чунцине составляла лишь 12%). В Гонконге также планируется к 2015 г. увеличить долю газа в топливном балансе до 50%. Однако авария на АЭС «Фукусима» и последовавшее за этим падение генерации АЭС привели к росту цен на СПГ и сделали его импорт крайне невыгодным. В настоящее время цены на него на азиатских рынках вдвое превышают европейские¹³.

Таким образом, стремление увеличить потребление природного газа привело к тому, что Китай стал одним из крупнейших импортеров этого

энергоресурса в мире. Несмотря на диверсификацию источников поставок газа в последние годы, сохраняются определенные риски и угрозы для энергобезопасности страны при опоре на импорт. В связи с этим встал вопрос поиска альтернативных вариантов замещения импорта за счет разработки внутренних запасов, в том числе перспективных запасов сланцевого газа.

В результате «сланцевой революции» в США значительно снизились внутренние цены на газ и сократилась зависимость от импорта, что ставит вопрос о возможности повторения этого опыта в Китае. Однако активное развитие этой новой отрасли вызывает вопросы и опасения, в особенности среди экологов. Преимущества развития широкомасштабной добычи сланцевого газа очевидны, ибо она будет способствовать:

- повышению уровня энергетической безопасности и стабильности поставок энергоресурсов;
- сокращению импорта энергоресурсов из-за рубежа;
- снижению выбросов углерода в атмосферу за счет сокращения доли угля в качестве первичных энергоресурсов (как показали исследователи Массачусетского института, использование сланцевого газа на 8% сократило выбросы углерода в США¹⁴);
- развитию широкомасштабной добычи сланцевого газа в отдаленных провинциях Китая.

В то же время активное развитие добычи сланцевого газа с применением доступных на данный момент технологий может нести и значительные риски. В первую очередь имеются в виду возможные экологические проблемы, в частности ущерб от добычи с применением методов гидроразрыва пласта (ГРП), который

в настоящее время вызывает горячие споры в США и уже привел к мораторию на добычу в нескольких штатах.

Прогнозы и оценки запасов сланцевого газа в КНР

По последним данным министерства природных ресурсов КНР, ресурсы сланцевого газа в стране составляют 134,4 трлн кубометров, из них технически доступные – 36,1 трлн кубометров, или около 20% от мировых запасов. По этому показателю Китай занимает первое место в мире, опережая США, Аргентину, Мексику и ЮАР¹⁵.

Развитие разведки сланцевого газа уже стало одним из приоритетных направлений энергетической политики КНР. Об этом заявил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 5-й сессии 11-го съезда ВСНП 5 марта 2012 г.¹⁶, а в плане развития энергетики на 12-ю пятилетку задача ускорения развития отрасли сланцевого газа выделена отдельно в самом первом пункте, посвященном разведке и добыче внутренних запасов энергоресурсов¹⁷.

16 марта 2012 г. Государственное энергетическое управление КНР опубликовало «План развития отрасли сланцевого газа (2011–2015гг.)», в соответствии с которым к 2015 г. добыча сланцевого газа в КНР должна составить 6,5 млрд кубометров¹⁸. Согласно плану, в течение ближайших четырех лет «будут разведаны 600 млрд кубометров сланцевых пород и 200 млрд кубометров технически доступных ресурсов сланцевого газа. Будут созданы 19 районов добычи». На пресс-конференции по случаю публикации доклада представители энергоуправления также отметили, что к 2020 г. возможный объем добычи составит 60–100 млрд кубометров¹⁹.

График 1

Оценки мировых запасов сланцевого газа

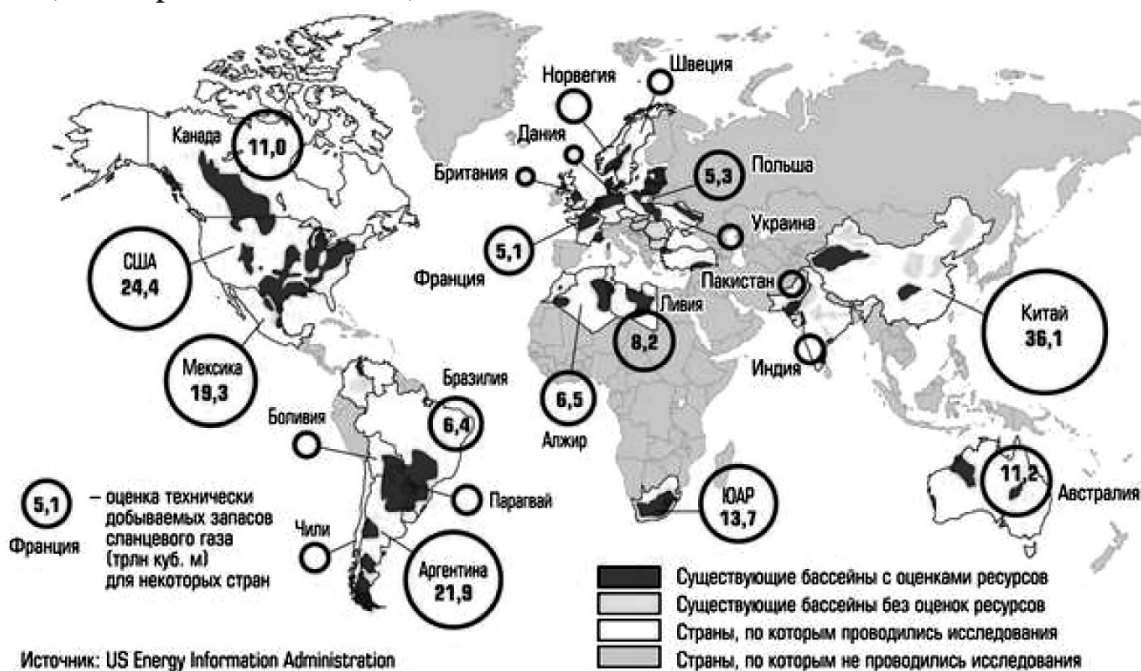
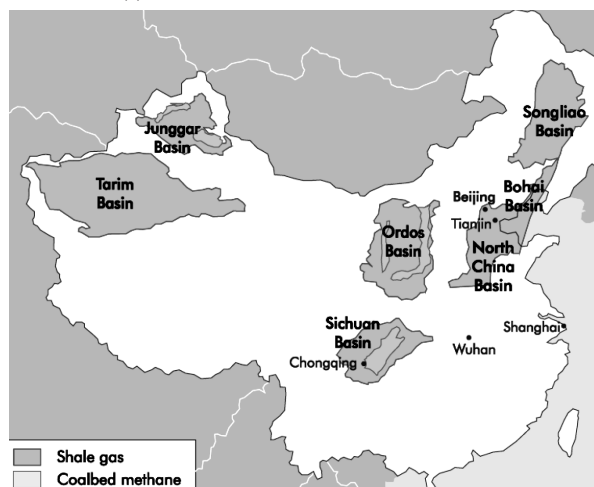

График 2
Основные регионы с запасами нетрадиционных видов газа в КНР

Источник: China Gas Pricing and Regulation. China's Challenges and IEA Experience. Международное энергетическое агентство. 2012. С.17.

Многие эксперты сомневаются в реалистичности этих задач и перспективах широкомасштабной добычи сланцевого газа в КНР. Во многом это связано со значительными различиями в геологических характеристиках месторождений в Китае и США. К тому же глубина залегания сланцевого газа в Китае больше, что может сильно повлиять на стоимость его добычи и показатели доходности отрасли²⁰. Поставленные Китаем цели представляются крайне амбициозными еще и потому, что в настоящее время разведка и добыча ведется всего на 20 месторождениях²¹, в связи с чем говорить с уверенностью о дальнейших перспективах еще рано.

Сотрудничество с иностранными компаниями

К настоящему времени было проведено два тендера на разработку месторождений сланцевого газа на территории КНР. В июне 2011 г. министерство земельных ресурсов провело тендер для четырех блоков в провинции Сычуань, но только два предложения Китайской национальной нефтехимической корпорации (Sinopet) и Хэнаньской провинциальной угольной компании были признаны удовлетворительными и получили лицензии на разработку. Иностранные компании не имели права участвовать в тендере напрямую, им было позволено лишь создавать СП и предоставлять технологические услуги. Во втором тендере 2012 г. на добычу в провинции Сычуань было разрешено участвовать не только государственным, но и частным компаниям, а также СП с иностранным участием²².

В марте 2012 г. дочерняя компания КННК, основанная для ведения международной деятельности «Петрочайна» (PetroChina) подписала первое соглашение о разработке месторождений сланцевого газа с Ройял Датч Шелл. Другая крупная китайская энергетическая корпорация – Sinopet –

рассматривает возможности сотрудничества с американским лидером в области добычи сланцевого газа «Чесапик» (Chesapeake Energy). CNOOC уже имеет две СП с «Чесапик». Еще в 2010 г. CNOOC купила 33% в месторождении, принадлежащем «Чесапик», Eagle Ford за 1,1 млрд долл. Затем в 2011 г. она приобрела еще 33% в месторождении Niobrara в штате Колорадо за 1,3 млрд долл. США. В середине 2011 г. Sinopet заключила сделку с конкурентом «Чесапик» – «Девон Энерджи» (Devon Energy) по приобретению долей в двух месторождениях – в штате Огайо, а также в трех месторождениях в штатах Луизиана, Оклахома и Мичиган²⁴. Американские СМИ также пишут о возможном приобретении CNOOC большой доли в сланцевых месторождениях в Техасе²⁴. Очевидно, что китайские компании инвестируют в проекты в разных регионах с различными геологическими характеристиками.

Препятствия для развития отрасли

Проблемы с технологией добычи. Применяемая в настоящее время технология добычи сланцевого газа с помощью методов гидроразрыва пласта (ГРП) вызывает критику и многочисленные протесты экологов в США и во всем мире. При гидроразрыве используется вода с песком и активными химическими веществами, которые под давлением закачиваются под землю и размягчают сланцы, высвобождая таким образом сланцевый газ. Песок, а также химикаты при этом остаются в породе, а водяную смесь выкачивают обратно. Даже в США, которые, в отличие от Китая, имеют достаточно развитое экологическое законодательство и influential государственный орган, занимающийся защитой окружающей среды, – EPA (Environment Protection Authority), экологические риски, связанные с добычей сланцевого газа, не регулируются законодательством. Во многом это объясняется тем, что компании отрасли не намерены делиться информацией о применяемых технологиях производства. Китайское же экологическое право и институты еще менее совершенны, и в случае масштабного применения технологии гидроразрыва окружающей среде может быть нанесен серьезный ущерб.

Некоторые эксперты в Китае предупреждают также о возможной неприменимости самой технологии добычи сланцевого газа в Китае (например, Тао Ван из Центра глобальной политики Центра Карнеги при университете Цинхуа²⁵), так как большинство месторождений находятся в отдаленных и горных районах. На данный момент Центр по изучению технологии гидроразрыва уже создан в провинции Сычуань, провинции, обладающей значительными запасами сланцевого газа. В Китае обращают внимание на то, что в США в результате добычи газа методом ГРП была зафиксирована повышенная сейсмическая активность (землетрясение мощностью 4,0 балла в канун Нового 2012 г. в штате Огайо²⁶). Это создает особенно высокие риски для добычи в провинции Сычуань, где землетрясение 2008 г. унесло жизни почти

70 тыс. человек. По мнению ученых, это связано с использованием больших объемов закачиваемой под землю воды, что может вызвать повышенную сейсмическую активность. Дополнительные препятствия для развития добычи сланцевого газа в Китае также заключаются в серьезной нехватке воды, что в настоящее время является одной из острейших проблем.

Сторонники развития отрасли указывают на то, что технологии добычи стремительно развиваются. В частности, существуют методы очистки воды после извлечения запасов, а также использования менее опасных химических элементов²⁷. Однако, несмотря на это, регулярно отмечаются случаи загрязнения питьевой воды в результате попадания химикатов в грунтовые воды, существует также опасность проседания почв. Еще большие опасения вызывают выбросы метана. Как показали исследования, проведенные в Корнельском университете (США), выбросы этого газа могут быть в десятки раз опаснее выбросов оксида углерода. Ибо он вызывает в 20–25 больше тепловых выбросов в атмосферу²⁸. Инфракрасные записи добычи сланцевого газа показали, что при этом происходит на 40–60% больше выбросов метана, чем при добыче традиционного газа²⁹. Таким образом, добыча сланцевого газа может серьезно усугубить экологические проблемы Китая и ускорить глобальное потепление.

Внутренние проблемы развития отрасли добычи сланцевого газа. Для успешного развития газовой отрасли в целом Пекину потребуется либерализовать цены на газ, которые в настоящее время устанавливаются государством и не позволяют предприятиям выйти на самоокупаемость. Отрасль добычи и переработки газа крайне монополизирована, и, как и в нефтяном секторе, здесь доминирует «Большая тройка» государственных корпораций – CNPC, Sinopec, CNOOC. Отсутствие реальной конкуренции может отрицательно сказаться на оптимизации издержек и усвоении новых технологий добычи, а также привести к другим дисбалансам. Создание спотового рынка – длительный процесс, который потребует внесения значительных изменений в законодательство.

Не менее важным представляется либерализация и создание конкуренции в секторе добычи. В свое время это стало одним из ключевых факторов развития американского газового рынка, где лидерами в области добычи сланцевого газа являются частные компании. Вероятно также возникновение внутренних конфликтов между конкурирующими отраслями энергетики, вызванных в первую очередь противодействием со стороны угольной отрасли, что сейчас можно наблюдать в США. В Китае угольная отрасль традиционно занимает наиболее сильные позиции в энергетике и является основным источником топлива для экономики. Еще недавно китайские специалисты делали ставку на развитие технологий «чистого угля» (получение синтетической нефти за счет сжижения угля), которые бы позволили снизить экологическое давление при сохранении преобладания угля в

энергобалансе. Угольный гигант «Шэньхуа» (крупнейшая угольная корпорация не только в Китае, но и в мире) инвестировал в развитие этой технологии значительные средства и построил завод по производству синтетического топлива на основе угля рядом с г. Баотоу во Внутренней Монголии. Хотя уровень развития данной технологии пока еще не позволяет достичь коммерческой окупаемости, не стоит ожидать, что китайские угольщики так легко сдадут свои позиции.

Одно из основных препятствий на пути развития добычи сланцевого газа – себестоимость добычи. Пока нет данных о стоимости добычи на китайских месторождениях, но в США, по оценке академика А.Н. Дмитриевского, добыча обходится не менее чем в 150 долл. за тысячу кубометров. «Кроме того, есть ряд технических особенностей, которые не позволяют сланцевому газу стать полноценной альтернативой обычному природному газу. Например, непригодность для транспортировки на большие расстояния и быстрое истощение месторождений», – отмечает А.Н. Дмитриевский³⁰.

По оценкам некоторых исследователей, если учитывать всю цепочку от добычи до сжигания газа, то его стоимость едва ли ниже, а то и выше стоимости добычи и использования угля в качестве энергоносителя³¹. Косвенным свидетельством непредвиденных издержек отрасли является то, что лидер отрасли в США «Чесапик Энерджи» уже находится на грани банкротства (недофинансирование компании, по оценкам, составляет 7 млрд долл.)³². «Эксон Мобил» также недавно вынуждена была отказаться от планов по разработке сланцевого газа в Польше и Венгрии ввиду высокой себестоимости добычи.

Международные дебаты относительно применения технологии гидроразрыва. Согласно оценке экспертов Массачусетского технологического института, использование сланцевого газа представляет собой переходный этап к более совершенному энергобалансу, в котором будут преобладать «чистые» ресурсы. Выдвижение в качестве приоритета и субсидирование развития добычи сланцевого газа может вместе с тем вытеснить более дорогие на данный момент, но более перспективные технологии³³.

Противники развития отрасли в США, как правило, ссылаются на исследование Р. Ховарта из Корнельского университета, которое показывает, что переход на природный газ только ухудшит ситуацию в области выбросов в атмосферу. По его мнению, использование сланцевого газа на 20% увеличит выбросы парниковых газов в атмосферу в 20-летней перспективе по сравнению с использованием угля, а в 100-летней перспективе их показатели равны³⁴. Следовательно, в этом плане сланцевый газ не обладает сравнительными преимуществами по отношению к угляю.

В США были зафиксированы многочисленные жалобы среди населения, проживающего вблизи районов добычи сланцевого газа, на раздражения роговицы глаз, головокружения, респираторные заболевания и т.д.³⁵. В результате мораторий

на добычу сланцевого газа был введен в штатах Нью-Йорк, Коннектикут, Нью-Джерси, серьезные дебаты на этот счет не утихают в штатах Мэриленд, Вирджиния и в главном штате, где расположено большинство разрабатываемых в настоящее время месторождений сланцевого газа, – Пенсильвании³⁶.

В Нью-Джерси, соседним с Пенсильванией штате, был введен запрет на переработку отходов, возникающих в результате гидроразрыва. Технология гидроразрыва в связи с высокими экологическими рисками была запрещена во Франции, Румынии и Болгарии. В настоящее время рано говорить о том, сможет ли сланцевый газ стать реальной альтернативой углю в Китае, который обеспечивает 70% китайского энергобаланса. Чтобы идти по этому пути, КНР необходимо инвестировать большие средства в более экологичные методы добычи сланцевого газа, а также внести соответствующие изменения в законодательство по защите окружающей среды. По данным сайта министерства земельных ресурсов КНР, Китай перейдет к активной добыче сланцевого газа только к 2020 г. (это дает экспортерам газа, включая российский «Газпром», некоторую отсрочку). Разговоры о возможной «сланцевой революции» в Китае затягивают заключение долгосрочной сделки с «Газпромом», но Пекин все еще нуждается в дополнительных внешних источниках поставок газа для выполнения поставленных задач повышения его доли в топливном балансе.

Даже если китайским корпорациям удастся наладить добычу сланцевого газа, что, как уже упоминалось выше, не произойдет в краткосрочной перспективе, это все равно не устранил существующих дисбалансов и проблем в энергетике, которые не решить без реформирования ценообразования и создания конкуренции. Для таких кардинальных изменений требуется время. Кроме того, после аварии на АЭС «Фукусима» последовал ажиотажный спрос на СПГ в Азии, в результате он стал в два

раза дороже на азиатском рынке, чем в Европе. Таким образом, в настоящее время сложилась благоприятная ситуация для «Газпрома» по заключению контракта на поставку газа в Китай. Тем не менее при переговорах с Китаем необходимо всегда иметь альтернативу. В случае с экспортом газа наиболее предпочтительным вариантом является строительство портов для экспорта СПГ с Дальнего Востока в страны АТР. Это позволило бы России сократить зависимость газового экспорта от Китая, занять определенную нишу на азиатском рынке СПГ. По словам заместителя директора Российского центра исследований АТЭС Г.А. Ивашенцова, к 2020 г. на Китай, Японию и Корею будет приходиться 50% мирового потребления энергоресурсов. Задача России состоит в том, чтобы увеличить объем поставок российского газа на азиатские рынки к 2020 г. до 20%³⁷.

Scryabina M. Prospects of "Slate Revolution" and Problem of Power Industry of China.

Summary: *The remarkable results of "shale gas revolution" in the USA have provoked a huge interest in Chinese energy circles. Beijing seriously considers the prospects of developing its abandoned domestic shale gas resources, which might result in a second "shale gas revolution", this time in Asian region. Developing shale gas would help Beijing to bridge the gap between energy consumption and supply, and would also create a viable alternative to coal. However, the technology of shale gas extraction (hydraulic fracturing) is highly controversial, and raises a lot of concerns among environmentalists. "Fracking" has already been banned in a number of European states and there, and is a subject to moratorium in US states of New York, Connecticut and New Jersey. The core question is whether China can successfully adapt the extraction technology to its geologic conditions, and most importantly whether "fracking" of shale gas will help to alleviate the environmental degradation caused by rapid GDP growth, and help to increase energy security of Chinese economy.*

Ключевые слова

Китай, США, энергетическая безопасность, сланцевый газ, природный газ, гидроразрыв пласта (ГРП), «фрэйкинг», газопроводы, сжиженный природный газ (СПГ), КННК, КНООК, «Сайнопек», «Чесапик Энерджи», «Девон Энерджи», добыча газа, провинция Сычуань, окружающая среда, метан, мораторий на ГРП.

Keywords

China, USA, energy security, shale gas, natural gas, hydraulic fracturing, "fracking", gas pipelines, liquid natural gas (LNG), CNPC, CNOOC, Sinopec, Chesapeake Energy, Devon Energy, gas drilling, Sichuan province, environment, methane, moratorium on "fracking".

Примечания

1. По подсчетам Economist Intelligence Unit, в КНР расходуется в шесть раз больше энергии для производства единицы ВВП, чем в Японии. (China Energy: Gaining Energy/Economist Intelligence Unit, 30th October.2012,Link:http://viewswire.eiu.com/index.asp?layout=ib3Article&article_id=119745196&pubtypeid=1142462499&country_id=1800000180)
2. <http://www.scientificamerican.com/podcast/episode.cfm?id=china-surpasses-us-in-energy-use-10-07-25>
3. China surpasses U.S. in energy consumption/USA Today, July 19, 2010. – Link: <http://content.usatoday.com/communities/greenhouse/post/2010/07/china-surpasses-us-in-energy-consumption/1#.UJnRoiZSR5Q>
4. Обзор мировой энергетики «Бритиш Петролеум» за 2011г. [BP Statistical Review of World Energy], июнь 2012. С.42.Ссылка:http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2012.pdf

■ Экономика

5. Там же, С. 22.
 6. Там же, С. 23.
 7. Там же.
 8. Потребление природного газа в Китае составит 230 млрд кубометров к 2015 г. [中国2015年天然气消费量将达2300亿立方米], интернет-сайт агентства Рейтер на китайском языке, 26 октября 2012г. Ссылка: <http://cn.reuters.com/article/chinaNews/idCNCNE89P04C20121026?sp=true>
 9. Цены и законодательство в Китае в области природного газа. Вызовы для Китая и опыт МЭА [China Gas Pricing and Regulation. China's Challenges and IEA Experience], Международное энергетическое агентство. 2012. С.22.
 10. Китай готовится задавить Газпром центральноазиатским газом. РБК, 29 августа 2011 г. Ссылка: <http://top.rbc.ru/economics/29/08/2011/612666.shtml>
 11. Завершено строительство моста для газопровода между Мьянмой и Китаем на р.Ланьцан [Bridge on Lancang River completed for Myanmar-China gas pipeline]. Агентство Синьхуа, 24 октября 2012 г. Ссылка: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-10/24/c_131928121.htm
 12. China Gas Pricing and Regulation. China's Challenges and IEA Experience [Electronic Resource] // International Energy Agency. 2012. - p.27. - Mode of access: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/ChinaGasReport_Final_WEB.pdf
 13. Россия делает ставку на поставки газа и нефти в Китай и Японию ("Le Figaro", Франция) [Электронный ресурс] // ИноСМИ, 5 сентября 2012. - Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20120905/198650080.html>
 14. The Future of Natural Gas [Electronic Source] // M.I.T., June 10, 2011. - Mode of access: http://mitei.mit.edu/system/files/NaturalGas_Report.pdf
 15. Мир на пороге «сланцевой революции». Китай. 19 сентября 2012 г. Ссылка: http://www.kitaichina.com/se/txt/2012-09/19/content_484011.htm
 16. Запись рабочего доклада о работе правительства премьера Госсовета КНР Вэньцзябао на сессии ВСНП [国务院总理温家宝在人大会上作政府工作报告(实录)] http://www.chinanews.com/gn/2012/03-05/3718461_5.shtml
 17. Вэнь Цзябао открыл заседание Госсовета, на котором обсуждалось принятие плана развития энергетики на 12-ю пятилетку. Интернет-сайт «Жэньминь Жибао», 25 октября 2012г. [温家宝主持召开国务院常务会议. 讨论通过能源发展“十二五”规划], Ссылка: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1025/c1024-19377787.html>
 18. Госэнергоуправление: в 2015 г. добыча сланцевого газа в Китае составит 6,5 млрд кубометров [能源局：2015年我国页岩气产量将达65亿立方米]. Интернет-сайт «Жэньминь Жибао» по энергетике, 16 марта 2012 г. Ссылка: <http://energy.people.com.cn/GB/17409702.html>
 19. Там же. Для сравнения: в 2011 г. объемы добычи в США составили 17 млрд кубометров.
 20. Китай обращается к использованию технологии гидроразрыва для удовлетворения растущих потребностей в энергоресурсах [China turns to fracking to help meet growing energy demand], Public Radio International, 17 августа 2012 г. Ссылка: <http://www.pri.org/stories/world/asia/china-turns-to-fracking-to-help-meet-growing-energy-demand-11137.html>
 21. China Gas Pricing and Regulation. China's Challenges and IEA Experience, Международное энергетическое агентство. 2012. С.27.
 22. China turns to fracking to help meet growing energy demand, Public Radio International, 17 августа 2012 г. Ссылка: <http://www.pri.org/stories/world/asia/china-turns-to-fracking-to-help-meet-growing-energy-demand-11137.html>
 23. Что ожидать от сделки между «Сайнопек» и «Чесапик» [What To Expect From A Sinopec-Chesapeake Deal]. Форбс, 21 июня 2012г. Ссылка: <http://www.forbes.com/sites/christopherhelman/2012/06/21/what-to-expect-from-a-sinopec-chesapeake-deal/>
 24. Там же.
 25. <http://www.pri.org/stories/world/asia/china-turns-to-fracking-to-help-meet-growing-energy-demand-11137.html>
 26. Mark Fischetti. Землетрясение в Огайо могло быть вызвано отработанной водой в результате гидроразрыва [Ohio Earthquake Likely Caused by Fracking Wastewater], Scientific American, 4 января 2012 г. Ссылка: <http://www.scientificamerican.com/article.cfm?id=ohio-earthquake-likely-caused-by-fracking>
 27. «Чесапик Энерджи» будет использовать 100% «зеленые» элементы для гидроразрыва [Chesapeake Energy's (NYSE: CHK) 100% Green Fracking Fluids], 2 октября 2012 г., Ссылка: <http://www.energyandcapital.com/articles/green-fracking/2640>
 28. Fischetti, Mark. Fracking would emit large quantities of greenhouse gas, Scientific American, 20 января 2012 г. <http://www.scientificamerican.com/article.cfm?id=fracking-would-emit-methane>
 29. Там же.
 30. http://rus.ruvr.ru/2012_09_20/Slancevaja-revoljucija-otkladivaetsja/ А.Мамичев, «Сланцевая революция» откладывается. «Голос России», 9 сентября 2012 г.
 31. David Hughes, Report: Will Natural Gas Fuel America in the 21 st Century? Post-carbon Institute, May 29 2011, Link: <http://www.postcarbon.org/report/331901-will-natural-gas-fuel-america-in>
 32. The Future of Natural Gas [Electronic Source] // M.I.T., June 10, 2011. - Mode of access: http://mitei.mit.edu/system/files/NaturalGas_Report.pdf
 33. Howarth R. Methane and the greenhouse-gas footprint of natural gas from shale formations [Electronic Source] //Robert W. Howarth, Renee Santoro, Anthony Ingraffea, Climatic Change. April 2011. - Mode of access: <http://www.springerlink.com/content/e384226wr4160653/fulltext.pdf>
 34. New York State Assembly includes Fracking Health Study in Budget Proposal [Electronic Source]/ The Huffington Post, March 13 2012. - Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2012/03/13/new-york-state-assembly-fracking-study_n_1341610.html
 35. <http://science.time.com/2011/11/21/political-fractures-over-fracking/>
 36. Глеб Ивашенцов: «Участвовать в экономических процессах АТР – необходимость и обязанность России» /3 сентября 2012г. Ссылка: <http://www.apec-center.ru/news/1030/show/>
-

Офшоры в международном движении капитала

К.Г. Татулов

В данной статье автор делает краткий количественный и качественный анализ значимости офшоров для мировой экономики. Дано определение офшорам, рассматривается возможность оценки реальных масштабов деятельности офшоров. Автор указывает также положительные и отрицательные последствия использования офшоров экономическими агентами.

Офшорная юрисдикция, она же офшорная зона или территория, она же офшор, – это страна или территория в составе или подчинении какого-либо государства, предлагающая относительно низкий или нулевой уровень налогообложения для иностранных компаний, действующих за пределами данной страны или территории. При этом она обеспечивает минимальный уровень прозрачности проводимых операций для международных органов и высокую степень защищенности активов от претензий со стороны резидентов страны происхождения этих активов и от международных органов, и имеет один из превалирующих видов экономической деятельности – оказание финансовых услуг нерезидентам.

В наши дни борьба с офшорами провозглашается на всех уровнях – от статей в газетах до заявлений лидеров ведущих стран, а меры по их регулированию медленно, но уверенно внедряются в мировую финансовую систему. Но, несмотря на, казалось бы, враждебно настроенную общественность и решительность мировых лидеров, офшоры продолжают существовать и процветают даже больше, чем когда-либо, оказывая поддержку бизнесу и создавая новые трудности для государств.

Скрытая сторона международных финансов

Первые классические офшорные зоны стали формироваться в 30-х гг. XX в. в Люксембурге, Панаме и на Нидерландских Антильских островах, причем все эти юрисдикции по-прежнему являются привлекательными классическими офшорными центрами с широким набором предоставляемых услуг. В частности, Панама оказывала услуги по сохранению активов и оптимизации налогов преимущественно состоятельным американцам. Появлению офшоров способствовало развитие мировых финансовых рынков и средств электрической связи, необходимых ввиду удаленности финансовых центров друг от друга. Либерализация валютного и финансового законодательства сделала возможным перемещение больших объемов капитала между любыми странами.

Бурное развитие офшоров началось после Второй мировой войны и распада колониальной системы. Получив независимость, малые государства столкнулись с проблемой инвестиций в экономику. Например, подконтрольные британской короне территории (Британские Виргинские Острова, Остров Гернси и пр.) имели давние экономические связи с Великобританией, что обусло-

вило предоставление ими услуг по минимизации налогообложения британцев, поскольку налоги в Великобритании в тот период были весьма высоки из-за необходимости послевоенного восстановления экономики. Британское происхождение офшоров также объясняется банковской системой Великобритании, являвшейся наиболее развитой в мире на рубеже XIX – XX вв. Позднее и другие островные государства стали предоставлять услуги, которые сегодня считаются признаками офшорных центров.

Государственный суверенитет позволяет любой стране создавать свои правила игры на национальном рынке, и некоторые страны этим правом пользуются в полной мере. Они предоставляют налоговые льготы, упрощенную систему владения и управления компаниями, а также анонимность для владельцев определенного типа компаний. Работать такие компании могут где угодно кроме страны, где они зарегистрированы. Следствием преимуществ офшоров является их большая популярность и востребованность в бизнес-среде как стран с формирующимися рынками, так и развитых стран. Мотивы у резидентов развитых и развивающихся стран различаются: в то время как в развитых странах слишком высокие налоги, в развивающихся странах помимо налогов часто имеются проблемы с защитой собственности и нестабильностью. Свойства офшоров позволяют решать подобные проблемы.

С развитием информационных технологий создавать офшорные компании и управлять ими стало значительно легче. Они также стали дешевле: в настоящее время купить офшорную компанию можно за 800 долл., и еще 800 долл. в год будет стоить обслуживание. офшоры могут быть использованы как в легальных, так и в нелегальных схемах и практиках – от налогового планирования до «отмывания грязных денег». Причем офшоры для «отмывания» денег подходят хорошо вследствие своей закрытости для внешних наблюдателей и аналитиков. Реально контроль может осуществляться только через обслуживающие банки, которые и испытывают на себе колоссальное давление проверяющих органов и правительств развитых стран. Фактически предоставленные в банк платежные инструкции являются единственным подтверждением деятельности офшоров, а если банк эти документы не запрашивает, то никаких следов деятельности нет.

В целом офшорные зоны можно разделить на две основные категории: «классические» офшорные юрисдикции и так называемые «офшоры повышенной респектабельности». Первые предоставляют все преимущества офшорного бизнеса (примеры – Британские Виргинские Острова, Остров Мэн). Вторые фактически не являются офшорами, поскольку существует жесткий контроль государства и полностью отсутствует конфиденциальность проводимых сделок. Однако высокая степень защиты прав собственности и лояльность со стороны контрагентов дают ощутимые преимущества в сравнении с «классическими» офшорами (пример – Люксембург).

Офшоры используют все

На офшорные центры по классификации Банка международных расчетов на июнь 2011 г. приходилось 4 трлн долл. активов за рубежом по всем секторам экономики, пассивов – 4,4 трлн долл., что составляет соответственно 12,5 и 14,7% от аналогичных показателей для всех стран мира, вместе взятых. По оценкам BCG, в офшорах сосредоточено 6,9% мировых финансовых ресурсов, ОЭСР – около 6,5% (рассчитано автором по Detailed tables on provisional locational and consolidated banking statistics at end-June 2011, Tables 6A, 6B, 7A, 7B, а также экспортируемым с сайта данным Всемирного Банка о ВВП стран в период 1960 – 2010 гг.). Хилтон Мак Канн в работе «офшорные финансы», опубликованной в 2006 г., оценивает данный показатель в 6,3%¹. Tax Heavens Network – от 9 до 13%² (от общего благосостояния мира)³.

Однако если к данной классификации добавить прочие общепризнанные офшорные центры (по классификации, например, ОЭСР), а также Нидерланды (список МВФ, ЦБ РФ), Швейцарию (список МВФ, ЦБ РФ), Лихтенштейн (список ОЭСР, МВФ и др.), Люксембург (список МВФ, ЦБ РФ) и Великобританию (расчеты А. Зороме), то эти доли возрастут до впечатляющих 40 и 42% соответственно (12,8 и 12,57 трлн долл.), причем наблюдается тенденция к их росту. Расхождения, которые могут быть вызваны включением той или иной страны в список офшоров, минимальны по причине незначительной доли в международном движении капитала прочих стран-претендентов на звание офшора – малых стран. Что подтверждает малую заинтересованность инвесторов в физическом хранении денег в офшорах.

Аналогичные показатели характерны и для депозитов в офшорах и займов из офшоров (данные на декабрь 2011 г.). На них приходится 3,3 трлн долл. займов из 22,3 трлн долл. (14,8%) и депозитов 4,2 трлн долл. из 23,3 трлн долл. (18,2%). Аналогично при рассмотрении расширенного списка полученные цифры для займов в размере 9,3 трлн долл. (41,7%) и для депозитов – 10,5 трлн долл. (45%). Если к обозначенным выше данным применить мультипликатор, использованный Джеймсом Генри, то получится, что на долю офшоров приходится от 31 до 47 трлн долл., или от 13,5 до 20,5% мирового богатства (231 трлн долл.⁴).

Оценка с включением Нидерландов, Великобритании, Швейцарии, Люксембурга и Лихтенштейна более релевантна, поскольку для полноценного функционирования офшорной системы необходимы как сами офшорные юрисдикции, так и средство для осуществления расчетов, то есть банковские счета. Бизнес-сообщество скептически относится к использованию счетов в офшорных банках. Хотя они и обеспечивают большую анонимность, но есть и ряд существенных недостатков:

- повышенный контроль со стороны международных институтов;
- предвзятое в некоторых случаях отношение контрагентов к офшорным счетам и приходящим с этих счетов деньгам;

- недостаточный по критериям развитых стран уровень банковской системы и физическая уязвимость банков;
- географическая удаленность офшорных банков;
- низкое качество обслуживания в офшорных банках, частые ошибки, медленное исполнение заявок и т.д.

Вследствие этого зарегистрированные в офшорах компании чаще всего имеют счета в уважаемых банках развитых стран (что, однако, создает проблемы для местной банковской системы. Эти страны профессор А.С. Булатов предложил назвать «офшоропроводящими». Основой для такого вывода являются результаты следующего анализа: расчет суммы инвестиционных позиций (сумма активов и пассивов по международной иностранной позиции), деленной на ВВП, для стран с большим объемом внешнеторговых операций, а также крупных заемщиков, общеизвестно и публично борющихся с офшорами и не предоставляющие обширных услуг в офшорной области. Нельзя утверждать однозначно, какие офшорные операции проводятся в этих странах, однако публичные заявления и некоторые действия этих стран свидетельствуют об их борьбе с использованием офшоров. В качестве примеров можно рассмотреть систематическую покупку Германией баз данных из банков соседних стран⁵: США (офшорные территории в составе США не оказывают существенного влияния на объемы международной инвестиционной позиции всей страны. Кроме того, они чаще всего используются американскими резидентами. В бизнес-сообществе считается большим преимуществом наличие офшора в США со счетом там же), Японии, Германии и Франции. Для этих стран расчетный показатель варьируется от 31,5% у Японии до 107% у Германии, что является ожидаемым показателем, учитывая характер внешнеторговых операций и инвестиционную политику этих государств.

В то же время чем ближе статус страны к понятию офшора, тем больше рассматриваемое соотношение. Так, для Кипра оно составляет 500%, для Люксембурга – 3500%, а для Республики Маршалловы острова – 20 000%. Расчет произведен выборочно, для отдельных стран, однако достаточно релевантен. Для Нидерландов (253%), Великобритании (204%) и Швейцарии (400%) этот расчет свидетельствует о непропорциональном удельном весе финансовых средств нерезидентов на счетах в этих странах. И хотя однозначно утверждать офшорное происхождение этих средств нельзя, косвенным свидетельством может являться отнюдь не жесткое законодательство крупных развитых стран и стран с формирующимися рынками касательно депонирования средств за рубежом, что делает финансовые вливания, не связанные с реальной внешнеэкономической деятельностью, сложно осуществимыми. Отсюда следует вывод, что значительная часть средств на счетах в банках в рассмотренных странах юридически относятся к офшорным центрам. Тем не менее следует пони-

мать, что, хотя юридически эта привязка существует, фактически офшоры редко имеют отношение к денежным средствам на счетах и к их управлению.

К сожалению, специфика практики использования офшорных компаний не позволяет видеть в открытом доступе реальный источник денежных средств, что означает, что для получения полной статистической информации об офшорах необходимо провести обыск каждого офиса, каждого банка и каждой юридической фирмы в мире, что заведомо невозможно. Более того, поскольку счета юридических лиц формально и фактически управляются не из офшоров, а через собственно офшорные финансовые центры физически и электронным способом проходит малое количество средств, масштабы, а тем более структура офшорной деятельности очень сложны для оценки.

Согласно данным Всемирного банка, за последние годы доля офшоров в банковских депозитах стран «Большой семерки» выросла до 15%. Таким образом, развитые в финансовом отношении страны «прокачивают» значительный объем средств через либеральные в экономическом плане зоны и территории. В последние годы имеется очевидная тенденция к интенсификации использования офшоров развитыми странами. Так, развитые страны очень активно откачивают капитал в офшоры в форме прямых иностранных инвестиций. Согласно данным ОЭСР, в форме ПИИ из стран «Большой семерки» за период 2000–2010 гг. было вывезено 7 трлн долл., из них 711 млрд – в офшоры, а 1,6 трлн – в офшоропроводящие страны. Таким образом, на офшоры приходится от 10 до 33,5% ПИИ этих стран. Причем имеется выраженная тенденция к росту доли офшоров как реципиентов ПИИ развитых стран. Так, в 2009 г. на офшоры и офшоропроводящие страны пришлось 47% ПИИ Франции, 33% ПИИ Германии, 30% ПИИ Великобритании, до 60% ПИИ США.

Страны с формирующимися рынками чаще используют офшоры для защиты своих инвестиций, чем для налоговой оптимизации, однако у них недостаточно финансовых ресурсов и слишком высокий уровень регулирования финансовых операций для расширения деятельности в офшорах. Тенденции к расширению использования офшоров не прослеживаются, за исключением тех стран, которые сами являются офшорами.

Офшоры как реципиенты иностранных инвестиций на фоне прочих стран не выглядят доминирующим участником международного движения капитала. Так, на признанные офшоры, для которых имеется статистика по ПИИ, в 2010 г. пришлось 232 млрд долл. мировых инвестиций, или 19% от мирового импорта капитала. Из них на показатели Великобритании (она не входит в список МВФ, имеет долю в привлечении инвестиций в мире от 10% в 2000–2006 гг. до 5% в 2010 г.), Нидерландов, Люксембурга, Сингапура и Швейцарии приходится до 1,7%. Соответствующие показатели в 2007 г. составляли 28 и 18%, в 2008 – 17 и 8%, в 2009 – 28 и 12%. Схожая ситуация наблюдается и в запасах ввезенных инвестиций – 29 и 14% соответственно.

При этом для запасов инвестиционных активов в офшорах наблюдается слабая тенденция к изменению доли в мировых запасах (1990г. – 28%, 2000 – 31%, 2010 – 29%), то потоки инвестиций подвержены значительным конъюнктурным изменениям. В частности, в 2010 г. потоки инвестиций в страны – «финансовые центры» резко сократились.

Совокупные портфельные инвестиции, проходящие через офшоры и офшоропроводящие страны, составляли в период 2002–2008 гг. от 265 до 940 млрд долл. Для займов аналогичный показатель составлял от 50 до 700 млрд долл. В 2008 г. из офшоров и финансовых центров наблюдался отток займов в размере 845 млрд долл. на фоне падения портфельных инвестиций в эти страны вдвое, до 459 млрд долл. Оценка общей суммы финансовых активов, находящихся в офшорах, была проведена Джеймсом Генри⁶. По его данным, на офшоры приходится от 21 до 31 трлн долл. финансовых активов на конец 2010 г., что составляет от 9 до 13% мирового благосостояния. Однако эта оценка, сделанная на основе данных BIS по депозитам в офшорах с применением коэффициента ликвидности инвестиционного портфеля, равного 0,3, может быть как завышенной, так и заниженной, учитывая возможные различия в моделях поведения инвесторов.

Следует учитывать неоднородность в использовании офшоров. В частности, «классические» офшоры, такие, как Британские Виргинские Острова и Бермуды, концентрируют формальные права собственности и инвестиционный капитал, в том числе спекулятивный и оборотный, а офшоры «повышенной респектабельности» часто используются для обеспечения безопасности активов. Эта неоднородность, как и отсутствие корреляции статистики инвестиций внутри групп офшоров, не позволяет сделать однозначных выводов о мотивах перемещения капитала в офшоры и финансовые центры, обслуживающие их. Однако для отдельных стран такие выводы сделать можно. Так, во время кризиса Швейцария и Ирландия форсировали зарубежные портфельные инвестиции (возвращение офшорного капитала в бизнес), в то время как в Великобританию средства возвращались (сохранение активов). Заемные же средства также в часть стран возвращались (особенно в Швейцарию и Великобританию – банки сворачивали деятельность), а Сингапур нарастил объемы кредитования – Азия не так сильно была подвержена кризису, нужно было финансирование.

Офшоры используют все страны, но стоит отметить, что наибольшая активность наблюдается в наиболее экономически развитых странах. Классические факторы активности использования офшоров резидентами тех или иных стран дополняются следующими:

- уровнем либерализации трансграничного движения капитала;
- количеством свободных денег в экономике;
- развитостью финансовой инфраструктуры;

– географическим положением страны и ее участием в интеграционных группировках (последнее в значительной мере относится к ЕС);

– наличием устоявшихся политических и деловых связей с той или иной офшорной юрисдикцией;

– уровнем финансового образования населения.

Резкие изменения в структуре и объемах потоков инвестиций в офшоры – это признак высокой финансовой активности использующих офшоры лиц, которые стремятся увеличить свои доходы и минимизировать риски. Отсюда следует вывод, что одним из свойств понятия «офшор» является финансовая свобода и конфиденциальность, возможность действовать анонимно и эффективно в мировой финансовой системе. Это, в свою очередь, является как плюсом, так и минусом для мировой экономики. Невозможность контролировать финансовые потоки и юридическую принадлежность активов (а соответственно и налоги) малопривлекательна для государств, однако в целом уравнивает накладываемые финансовыми властями ограничения. Как противовес консервативной финансовой политике, ограничению финансовой свободы и некачественным законам офшоры функционируют достаточно неплохо.

Масштабы деятельности офшоров на мировых рынках свидетельствует об их популярности во всех регионах мира, в особенности в развитых странах.

Отрицательное и положительное влияние на мировую экономику

Сторонники и противники офшоров приводят весомые аргументы в поддержку своих позиций. Более того, положительными и отрицательными свойствами обладают отдельные признаки офшоров, такие, как низкие налоги и непрозрачность. Вследствие этого отношение к офшорам складывается исходя из собственных интересов агитирующей стороны. Официальная позиция большинства стран, в том числе почти всех развитых, заключается в поддержании негативного образа офшоров, что соответствующим образом сказывается на общественной оценке их влияния на мировую экономику. Такая оценка небезосновательна и опирается на следующие факторы отрицательного влияния офшоров на мировую экономику:

– недобросовестная налоговая конкуренция, ущемление прав резидентов стран происхождения капитала. Официальная точка зрения полагает, что финансовые схемы, нацеленные на снижение налогов, приносят ущерб государству. Вместе с тем при наличии такой возможности не оптимизировать налогообложение нерационально, как если бы компании не пользовались положенными по закону льготами. Компании, не пользующиеся офшорами, находятся в заведомо невыгодном положении вне зависимости от причин неиспользования офшоров;

– способствование оттоку капитала из национальных экономик, следовательно, снижение инвестиционной активности в странах происхождения капитала. В неблагоприятных экономических условиях офшоры повышают мобильность капитала, который, при определенных обстоятельствах, мог бы быть реинвестирован в стране своего происхождения. Однако офшоры помогают и быстрому возвращению капитала в случае благоприятных условий;

– поддержка теневой экономики, так называемого «серого» и «черного» ее секторов, а также легализация доходов, полученных преступным путем («отмывание денег») – та часть эффектов офшорного бизнеса, которая не имеет положительных сторон и используется как основная официальная причина для проведения антиофшорной политики. Здесь следует добавить, что при условии высокой сложности прослеживания схем «отмывания денег» можно было бы сделать акцент на раскрытии собственно преступлений, при которых появились эти деньги;

– социальные аспекты, основанные на восприятии обывателями офшорной деятельности, в их понимании офшоры – это инструмент увеличения социального расслоения в руках богатой части населения. Кроме того, снижение общего налогового бремени в мире ведет к усилению социального расслоения, в том числе к росту уровня бедности;

– финансирование экстремистской деятельности, в том числе терроризма. Непрозрачность ведет к возможности бесконтрольно финансировать любые организации, в том числе и преступные, что обуславливает выбор офшоров как инструмента финансирования незаконной деятельности. Здесь следует отметить, что возможности для финансирования незаконной деятельности находятся при любом уровне защиты, но экономические потери от введения более строгих мер контроля часто превышают выгоду от увеличения уровня безопасности.

офшоры могут также оказывать на мировую экономику и положительное влияние в виде:

– активизации трансграничных финансовых потоков;

– ускорения оборота капиталов, улучшения аллокации капитала. Так, высокие прибыли международных корпораций не в последнюю очередь определяются оптимизацией налогообложения, в том числе с использованием офшоров. Как следствие, улучшается ожидание доходности компании, в нее больше инвестируют, растет курс акций. Как показывает практика, фондовому рынку часто требуются сильные эмитенты для поддержания роста ключевых индексов и сохранения оптимизма инвесторов. Например, на момент написания настоящей статьи капитализация компании Apple составляла 600 млрд долл. (ей же принадлежит мировой рекорд – 650 млрд долл., такие показатели стали возможны благодаря высокой прибыльности компании). При этом Apple в значительной мере определяет

индекс биржи NASDAQ. Параллельно в адрес Apple выдвигаются обвинения в использовании офшоров⁷, что способствовало росту прибыли;

– снижения общего налогового бремени в мире, а следовательно, стимулирования экономической активности согласно основам экономической теории. На макроэкономическом уровне это можно описать как саморегуляцию мировой налоговой системы. Бизнес ищет возможности максимизировать прибыль, в том числе путем уменьшения налогов. М. Фридман и Дж. Бьюкенен, поддерживая эту мысль, обращались к президенту США с требованием недопущения противодействия налоговой конкуренции⁸. Более того, упрощенные процедуры офшоров способствуют снижению бюрократических барьеров во всем мире;

– снижения риска экспроприации для инвесторов, повышения стимулов для инвестиций, в том числе в страны, откуда в офшоры капитал вывозился. Как ни странно, но во многом офшорный бизнес из России способствует развитию среднего и крупного бизнеса путем снижения политических рисков. При уверенности в сохранности капитала инвесторы охотнее вкладываются не только в российские ценные бумаги, но и в предприятия, а, следовательно, и в создание рабочих мест. При этом куда бы ни вывозился капитал в виде прибыли, заработная плата работников предприятий платится на территории России, а с нее платятся налоги и повышается общее благосостояние населения;

– развития офшорных государств, перераспределения богатства в мире. Малым островным государствам не в чем специализироваться в условиях жесткой конкурентной борьбы с развитыми государствами. Следовательно, они ищут возможность торговать преимуществами своего суверенитета. Слабая экономика и средний невысокий уровень жизни в офшорах во многом полагаются на возможности развития финансовых услуг, поскольку для реального сектора у них нет ни научно-технического оснащения, ни образовательной базы, ни природных ресурсов. Значительную долю в экономиках островных государств, к примеру, занимает туризм;

– повышения конкурентоспособности компаний, использующих офшоры. Низкие налоги и возможность перебрасывать капитал по требуемым направлениям быстро и без лишней отчетности повышает как производительность, так и прибыльность компаний, способных адаптироваться к существующим условиям мировой экономики. Не имеющие доступа к офшорам, компании вынуждены соблюдать законодательство обычных юрисдикций, которое часто несовершенно и усложняет хозяйственную деятельность.

Объективное сравнение положительных и отрицательных последствий деятельности офшоров (особенно в денежном выражении) вряд ли возможно. Однако регулирующим органам очевидны в первую очередь отрицательные стороны офшоров, в частности ущерб для государ-

■ Экономика

ственного бюджета. Ежегодный ущерб США от использования офшоров резидентами составляет не менее 100 млрд долл.⁹. Также присутствие в системе международных финансов таких неподконтрольных инструментов, как офшоры, усложняет работу национальных и наднациональных органов проведения денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, и других институтов. В то же время бизнесу офшоры приносят очень большую пользу, и для каждой отдельно взятой компании ее можно оценить. В условиях жесткой конкуренции сэкономленные налоги дают преимущество, позволяют компаниям получать прибыль, привлекать больше средств на бирже и т.д. А защита собственности придает хозяевам компаний «уверенность в завтрашнем дне», давая стимул работать и создавать рабочие места.

Текущая политическая обстановка диктует экономические «правила игры», и для офшоров они хотя и неблагоприятны, но позволяют существовать и развиваться. Создавая новые финансовые и юридические схемы, офшоры продолжают поддерживать хрупкий экономический баланс в мире.

Tatulov K. G. Offshore Companies in the International Movement of Capital.

Summary: *In this article the author makes a brief quantitative and feature analysis of the role of offshore companies in the world economy. He gives the definition for offshore companies and considers the possibility to estimate the real scale of offshore activity. The author also points out the positive and negative consequences of use of offshore companies by economic agents.*

Ключевые слова

офшоры, инвестиции, бегство капитала, налоговая оптимизация, отмывание денег.

Keywords

Offshore Companies, Investment, Capital Flight, Tax Optimization, Money Laundering.

Примечания

1. McCann Hilton, Offshore finance, Cambridge University Press, 2006, xi.
2. James T. Henry The Price of offshore revisited – July 2012, tax justice network
3. Credit Suisse global wealth report 2011 – October 2011.
4. Credit Suisse global wealth report 2011 – October 2011.
5. Взялись за старое. Сергей Сумленный / журнал «Эксперт». №29 (812). 23 июля 2012.
6. James T. Henry The Price of offshore revisited – July 2012, tax justice network
7. Robert M. Morgenthau, These Islands Aren't Just a Shelter From Taxes, The New York Times, May 5, 2012.
8. Хейфец Б.А. Офшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. С. 136; Отечественные записки. 2002. № 4-5.
9. Tax heavens and U.S. tax Compliance – Доклад сената США, Carl Levin, chairman Norm Coleman, July 17, 2008.

Предварительная оценка функционирования ТС в рамках ЕврАзЭС за период 2010–2011 гг.

Е.С. Ратушняк

В статье рассматриваются отдельные аспекты создания Таможенного союза ЕврАзЭС и Единого экономического пространства, приводятся статистические данные о взаимной торговле товарами между государствами – членами Таможенного союза как по Таможенному союзу в целом, так и по государствам – членам Таможенного союза в отдельности (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация), а также рассматриваются основные итоги функционирования Таможенного союза за период 2010 – 2011 гг.

Интеграционные процессы в той или иной степени определяют развитие любой страны в современном мире. Появление новых независимых государств на постсоветском пространстве выдвинуло в качестве одной из возможностей занять достойное место в мировом экономическом сообществе участие в региональной интеграции, проходя через определенные этапы развития – создание зоны свободной торговли, Таможенного союза, общего рынка, валютного и экономического союза, политического союза.

Таможенный союз (далее – ТС) является одной из форм межгосударственной интеграции, выраженной в соглашении двух или более государств об отмене таможенных пошлин в торговле между ними. Он предусматривает также образование единой таможенной территории с проведением политики коллективного протекционизма¹. В отличие от предшествующей стадии интеграции – зоны свободной торговли, ТС предполагает свободное движение на единой таможенной территории товаров не только собственного производства, но и товаров из третьих стран, выпущенных в свободное обра-

щение. Основной задачей создания ТС Белоруссии, Казахстана и России в рамках ЕврАзЭС является формирование единой таможенной территории, на которой не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера. При этом государствами-участниками применяется единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами².

ТС в 2000 г. был преобразован в ЕврАзЭС. В целом была сохранена та же структура управления: были учреждены Межгосударственный совет, посты председателя и главы Интеграционного совета, определены задачи и перспективы значительного расширения параметров сотрудничества, включая вопросы макроэкономики, валютно-финансовой, торгово-тарифной и социальной политики. В качестве конкретных мер планировалось обеспечить режим безвизового передвижения, унифицировать налоговое законодательство и размеры таможенных пошлин. На сегодняшний день Сообщество является наиболее крупным и эффективным интеграционным объединением на постсоветском пространстве. Государства – участники ЕврАзЭС

Ратушняк Елена Сергеевна – соискатель кафедры управления внешнеэкономической деятельностью МГИМО(У) МИД России, главный специалист-эксперт Минэнерго России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

занимают 93 % территории бывшего СССР, где проживают более 206 млн человек³.

Договор о создании единой таможенной территории Белоруссии, России и Казахстана был подписан в октябре 2007 г., хотя первые попытки создания ТС были предприняты еще в далеком 1995 г. В конце 2009 г. было достигнуто соглашение о создании со следующего года единого таможенного пространства. В середине 2010 г. Таможенный кодекс вступил в силу на всей территории ТС и через год на границах стран-участниц был отменен таможенный контроль, который перенесли на внешние границы.

В рамках ЕврАзЭС, одной из целей создания которой является эффективное продвижение ТС и единого экономического пространства (далее – ЕЭП), а также обеспечение экономического сотрудничества стран-участниц с внешним миром, де-факто этап зоны свободной торговли был пройден, так как страны «тройки» ранее все были в составе мощного единого народно-хозяйственного комплекса СССР. Главным подтверждением этого стало внедрение режима наибольшего благоприятствования в рамках стран-участниц ЕврАзЭС, позволившего увеличить в разы товарооборот между ними. Например, в 2000 г. он составил 29 млрд долл. в рамках ЕврАзЭС, а в 2008 г. – уже 126 млрд, или в сопоставлении вырос более чем в 4 раза.

В период углубляющего мирового финансового кризиса в рамках ЕврАзЭС наметилась тенденция образования «центра», который составили самые крупные и сильные экономики Сообщества – Белоруссия, Казахстан и Россия. Сегодня можно утверждать, что именно создание ТС явилось действенным способом преодоления ими негативных воздействий мирового финансового кризиса.

Необходимо отметить, что ТС в рамках ЕврАзЭС создан в полном соответствии с международными нормами и правилами, то есть с единым таможенным тарифом, единой таможенной территорией и едиными внешними границами. О темпах и результативности проводимой работы говорят следующие факты:

- утвержденные мероприятия по реализации Плана действий по формированию ТС и график совещаний экспертов сторон в 2008 г. были четко выполнены в установленные сроки;
- созданы экспертные группы по шести направлениям формирования ТС, за которыми закреплена каждая из стран – участниц ТС;
- утверждено Положение о принципах и порядке формирования единого таможенного тарифа ТС⁴.

В рамках первого этапа формирования единой таможенной территории с 1 января 2010 г. Комиссией Таможенного союза уже осуществляются делегированные ей полномочия в сфере тарифного и нетарифного регулирования внешней торговли Таможенного союза, применяются Единая товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (ТН ВЭД ТС) и Единый таможенный тариф Таможенного союза (ЕТТ ТС). КТС принято 17 решений по корректировке ставок ЕТТ ТС на отдельные виды товаров и 10 решений в части

обеспечения функционирования единой системы нетарифного регулирования.

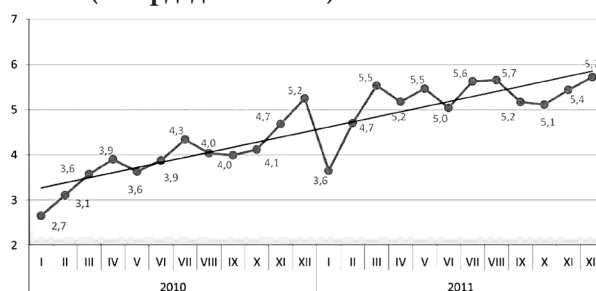
О завершении первого этапа формирования Таможенного союза 5 июля 2010 г. по итогам заседания Межгосударственного совета ЕврАзЭС заявили главы трех интегрируемых государств. В совместном заявлении президенты Белоруссии, Казахстана и России отметили, что проделанная в сжатые сроки качественная работа свидетельствует о начале нового этапа взаимодействия государств в экономической сфере, соответствующего духу современности и вызовам времени. Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев, принимавший юбилейный саммит в казахской столице, с гордостью заявил, что появление полноценного и работоспособного Таможенного союза – главный итог 10-летней истории Евразийского экономического сообщества. Действительно, неожиданное для многих экспертов и политиков появление дееспособного интеграционного образования на постсоветском пространстве сулит все основания для гордости «цифрами», рассчитанными на ближайшую перспективу⁵.

На переходном этапе – до 1 июля 2011 г. – временно сохранялась необходимость таможенного оформления и контроля на внутренних границах государств – членов ТС в отношении отдельных товаров. Так, с 1 июля 2011 г. в полном объеме функционирует ТС России, Белоруссии и Казахстана, что означало ликвидацию всех таможенных барьеров в торговле между государствами-участниками на их объединенной территории. Была создана единая система внешнеторгового тарифного, нетарифного и таможенного регулирования, единая система применения санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер. Кроме того, с января 2012 г. была введена в действие договорно-правовая база ЕЭП.

Каковы же предварительные результаты функционирования ТС в рамках «тройки» за период 2010 – 2011 гг. Объем взаимной торговли за 2011 г. составил 62 273 млн долл. США (исчислен как сумма стоимостных объемов экспортных операций государств – членов ТС во взаимной торговле). Рис. 1 демонстрирует изменение показателей объемов взаимной торговли государств – членов Таможенного союза по месяцам за 2010 – 2011 гг.

Рис. 1

Изменение показателей объемов взаимной торговли государств – членов Таможенного союза (в млрд. долл. США)

Источник: Евразийская экономическая комиссия: «Взаимная торговля товарами государств-членов Таможенного союза за 2011 г.: статистический бюллетень».

Приведенная на графике линия тренда свидетельствует о ярко выраженной тенденции роста стоимостных объемов взаимной торговли государств – членов ТС. Быстрый рост взаимной торговли, безусловно, является одним из положительных результатов функционирования «тройки» ТС. По итогам 2011 г. взаимная торговля со странами – членами ТС занимала 46,4% объема внешней торговли Республики Беларусь, 18,2% внешнеторгового оборота Республики Казахстан и 7,5% объема внешней торговли Российской Федерации. Доля торговли с третьими странами в общем объеме внешней торговли составила: в Республике Беларусь – 53,6%, в Республике Казахстан – 81,8%, в Российской Федерации – 92,5%.

Отсюда следует, что наибольшие выгоды от участия в ТС получает Белоруссия, тогда как Российская Федерация в меньшей степени из «тройки» участвует во взаимной торговле трех стран, предпочитая торговлю с третьими странами (рис. 2).

Рис. 2

Удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли по Таможенному союзу и по государствам – членам Таможенного союза

Источник: Евразийская экономическая комиссия: «Взаимная торговля товарами государств – членов Таможенного союза за 2011 г.: статистический бюллетень».

Распределение объема взаимной торговли по государствам – членам Таможенного союза (в процентах к итогу по Таможенному союзу) за 2011 г. иллюстрирует рис. 3.

Рис. 3

Распределение объема взаимной торговли по государствам – членам Таможенного союза

Источник: Евразийская экономическая комиссия: «Взаимная торговля товарами государств – членов Таможенного союза за 2011 г.: статистический бюллетень».

Очевидно, что вклады государств – членов ТС в оборот взаимной торговли существенно разнятся. Так, например, доля Российской Федерации составила 65,2% чистого объема взаимной торговли, доля Республики Беларусь – 23%, а Республики Казахстан – 11,8% соответственно.

Доля товаров, происходящих из третьих стран, в чистом объеме взаимной торговли государств ТС весьма незначительна. В частности, в 2011 г. на эти товары приходилось лишь 3,4% стоимостного объема взаимного экспорта по ТС в целом и 4,4%, 5,3% и 2,8% соответственно по Белоруссии, Казахстану и России. Необходимо отметить, что наибольший удельный вес в объеме торговли товарами, происходящими из третьих стран, занимают товары, произведенные в Китае (27,2% общего объема взаимной торговли такими товарами), Украине (8%), Германии (7,6%), Польше (5,3%), США (4,7%) и Италии (4,6%).

В товарной структуре взаимной торговли государств – членов ТС преобладают минеральные продукты (41,1% чистого объема взаимной торговли), из которых 82% на рынок ТС поставляет Российская Федерация. Доля машин, оборудования и транспортных средств составляет 19% чистого объема взаимной торговли, из которых почти половина (49,9%) приходится на Российскую Федерацию и 46,8% – на Республику Беларусь. Существенны также поставки металлов и изделий из них (12,7% чистого объема взаимной торговли), а также продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (9,3%). Наибольший объем металлов и изделий из них (63,3%) продает на общем рынке Российская Федерация, по группе продовольственных товаров лидирует Республика Беларусь (59,1%).

Необходимо добавить, что в России и Белоруссии хорошо развито машиностроение. Данный факт вселяет надежду на то, что этот сектор экономики получит развитие и в Казахстане, поскольку в этой республике существует «Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы», утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 17.05.2003 г. № 1096 (далее – Стратегия). В России же принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., иначе «Стратегия–2020» (далее – Концепция), утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. И Стратегия, и Концепция фактически преследуют одну и ту же цель – диверсифицировать экономику и пустить ее по направлению индустриально-инновационного развития. Можно надеяться, что ТС будет способствовать достижению этой цели.

В рамках взаимной торговли Республика Беларусь поставляет в Российскую Федерацию следующие основные группы товаров: средства наземного транспорта (22,2% общего объема экспорта Республики Беларусь в Российскую Федерацию), молочную и мясную продукцию (17,4%), машины и оборудование (15,6%). Основную долю импорта Белоруссии из России составляют топливо минеральное (64,7% общего объема импорта товаров),

черные металлы и изделия из них (9,4%). Сальдо взаимной торговли Республики Беларусь с Российской Федерацией за 2011 г. сложилось отрицательное в размере 11,8 млрд долл.

В экспорте Республики Беларусь в Республику Казахстан важнейшими являются средства наземного транспорта (18,4% общего объема экспорта Республики Беларусь в Республику Казахстан), молочная продукция (17,9%), машины и оборудование (15,3%). В экспорте Республики Казахстан в Республику Беларусь преобладают топливо минеральное (27,2% общего объема экспорта Республики Казахстан в Республику Беларусь), черные металлы и изделия из них (23,9%), алюминий и изделия из него (21,4%). Сальдо взаимной торговли между Республикой Беларусь и Республикой Казахстан составляет, по данным Белоруссии, 498,2 млн долл., по данным Республики Казахстан, – 489 млн долл. в пользу Республики Беларусь.

Наибольший удельный вес в экспорте Республики Казахстан в Российскую Федерацию занимают руды металлические (30,4% общего объема экспорта Республики Казахстан в Российскую Федерацию), топливо минеральное (26,9%), черные металлы и изделия из них (12%). Импортирует Казахстан из России в основном топливо минеральное (26,9% общего объема импорта товаров), машины и оборудование (15%), черные металлы и изделия

из них (12,3%). Отрицательное сальдо взаимной торговли Республики Казахстан с Российской Федерацией за 2011 г. составило 7,9 млрд долл.

Представленные данные свидетельствуют о том, что основным поставщиком товарной продукции на рынок ТС выступает Российская Федерация. Республика Беларусь и Республика Казахстан покупают на общем рынке товаров больше, чем продают. Словом, ТС внутри «тройки» не просто стал реальностью, а в период своего функционирования решал самые серьезные, крупные проблемы, такие, как таможенный тариф, Таможенный кодекс для трех стран, который основан на Киотской конвенции по упрощению таможенных процедур и принят в 2010 г., а также оформление единой таможенной территории.

С началом функционирования ТС был ускорен процесс подготовки правовой основы для перехода

на более высокий уровень интеграции, а именно – к формированию ЕЭП с целью реализации «четырех свобод» – свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на территории трех стран, практические механизмы функционирования которого запущены с 1 января 2012 г. Таким образом, создание ТС расширило рынок сбыта товаров для стран-участниц, позволило компенсировать снижение спроса на мировых рынках. Вместе с тем, как показывает практика, реальные эффекты от интеграции наблюдаются не столько в результате увеличения взаимной торговли товарами, сколько за счет снятия барьеров для движения всех факторов производства и использования взаимных преимуществ по мере углубления интеграции.

Необходимо также отметить, что показатели развития внешней и взаимной торговли государств – членов ТС за 2011 г. могут показаться оптимистичными, поскольку объемы торговли нарастают, товарная структура характеризуется стабильностью. Преимущества интеграции на базе ТС дают надежду на дальнейшее развитие взаимовыгодного торгового сотрудничества Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации как между собой, так и с другими странами.

В заключение необходимо отметить: с созданием ТС и ЕЭП формируется новый масштабный рынок внутри трех стран со свободным движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы, дающим новый импульс процессу либерализации условий для ведения бизнеса. Улучшение инвестиционного климата, рост совокупного потенциала позволит странам ТС и ЕЭП выйти на более интенсивную и высокую траекторию развития.

Ratushnyak E.S. The Initial Evaluation of the Economic Effects of the Customs Union Operating Process within the Eurasian Economic Community (EurAsEC).

Summary: This note provides an initial estimation of some of the economic effects of the customs union operating process within the Eurasian Economic Community (EurAsEC) and the single economic space, statistical data on mutual trade between the states of the customs union both as a whole on the customs union, and separately on its members (respectively, Belarus, Kazakhstan and Russia), besides it provides the main results of functioning of the Customs union during the period of 2010–2011.

Ключевые слова

Интеграция, Таможенный союз, внешнеэкономическая деятельность, ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство.

Keywords

Integration, Customs union, external economic activity, EurAsEC, Single economic space.

Примечания

1. Мустакимов Р.Р., Мустакимов Ш.Р. Таможенный союз в условиях мирового финансово-экономического кризиса
2. Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС «Об этапах и сроках формирования единой таможенной территории Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» от 09.06.2009. №9.
3. Интервью Константина Косачева с Таиром Мансуровым в студии «Голоса России» от 24.07.2012 - <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=7105>.
4. Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС «Об этапах и сроках формирования единой таможенной территории Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» от 09.06.2009. № 9.
5. Глазьев С. «О перспективах развития Таможенного союза» - http://www.glazev.ru/sodr_evrazes/267/

Таргетирование инфляции: израильский вариант

А.В. Федорченко, Ф.В. Малахов

На примере Израиля, экономически развитой страны, недавно принятой в ОЭСР, рассматривается переход к режиму таргетирования инфляции, который является достаточно гибким и относительно новым методом денежно-кредитной политики. В статье показано, что после длительного периода высокой инфляции и сменившей его дезинфляции монетарное руководство этой страны подобрало наиболее эффективные и безболезненные для других макроэкономических целей инструменты.

За период, в течение которого в нашей стране вокруг Израиля существовал информационный вакуум (в 1967–1991 гг. дипломатические отношения между двумя государствами отсутствовали), он вошел в группу стран с высокоразвитой экономикой, обладающей явными признаками постиндустриального типа развития и глубоко вовлеченной в мирохозяйственный обмен. В настоящее время Израиль находится в середине второго десятка мировых лидеров по индексам человеческого развития, конкурентоспособности и глобализации. В 2010 г. он стал членом ОЭСР. В то же время по сравнению с другими членами этой престижной международной организации израильская экономика в меньшей степени была затронута глобальным финансовым кризисом.

Ценность израильского экономического опыта связана не только с очевидными достижениями этой страны, но и с тем, что еще недавно модели развития России и Израиля имели немало сходных характеристик: этатизированный хозяйственный механизм, развитый военно-промышленный комплекс, эгалитаризм в распределении национального дохода, гипертрофированный бюрократический аппарат. Неслучайно в научных кругах бытовало

мнение, что Израиль стал прообразом того, чем была бы наша страна в случае сохранения в СССР многопартийности, НЭПа и отсутствия массовых репрессий.

С середины 1980-х гг. внимание многих экспертов стала привлекать монетарная политика израильского государства. Особую заинтересованность вызвали эффективное подавление гиперинфляции, установление обменного курса на основе «диагональной связки» (этот метод вызвал большой интерес в мировых финансовых кругах, ряд стран – Мексика, Польша и другие – взяли его на вооружение) и таргетирование инфляции. Завершение перехода Банка России к режиму таргетирования инфляции, намеченное на 2015 г., повышает необходимость исследования международного опыта центральных банков с целью адаптировать его некоторые результаты в политике ЦБ. Многие эксперты, указывая на необходимость учета специфики каждой страны при данном переходе, характеризуют политику инфляционного таргетирования как здоровый денежно-кредитный режим.

За 63-ю историю своего существования Израиль миновал все известные варианты изменения показателя прироста цен:

Федорченко Андрей Васильевич – д.э.н., профессор, директор Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Малахов Филипп Валерьевич – магистрант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: vestnik@mgimo.ru

– от низкой инфляции к двузначной с последующим перерастанием в гиперинфляцию;
– через этап дезинфляции с достижением отрицательных значений, завершившийся переходом к наблюдавшейся накануне нынешнего кризиса ценовой стабильности.

Своего рода кульминацией денежно-кредитной политики государства стало проведение стабилизационной реформы 1985 г., которая позволила в короткие сроки и с минимальным ущербом для экономического роста и занятости победить гиперинфляцию и по праву считается одной из самых успешных государственных программ, которая изучается в ведущих экономических вузах мира. Параллельно с процессом достаточно продолжительной дезинфляции, последовавшей за реформой, поэтапно повышалась независимость Банка Израиля, окончательное законодательное закрепление которой произошло в 2010 г.

Для израильской экономики вопрос стабильности цен представляется особенно важным. Ее наличие является условием для устойчивого экономического роста, эффективного размещения ресурсов, уменьшения диспропорций в распределении доходов. Как только инфляция в стране подобного масштаба и открытости начинает опережать соответствующие показатели главных международных партнеров, ее конкурентоспособность незамедлительно падает. В эпоху глобализации, как показывает опыт, страны, жертвующие долгосрочными целями для достижения краткосрочных, начинают отставать от общемировых темпов развития. Они все дальше скатываются на периферию мировой экономики и быстро лишаются главных иностранных партнеров, которые предпочитают вкладывать свои капиталы в страны с более стабильной экономикой. В последнее время в мире окончательно укрепилось осознание того факта, что достижение долгосрочного экономического роста и высокой занятости невозможно при высоких темпах инфляции.

При анализе режима инфляционного таргетирования в Израиле необходимо отдельно рассмотреть два временных периода, водоразделом между которыми стало достижение ценовой стабильности в 1999 г.:

– в первый период, начавшийся в 1992 г., когда правительство впервые определило ориентир инфляции, Банк одновременно осуществлял таргетирование двух переменных – валютного курса и инфляции с постепенным перемещением приоритета в сторону последней переменной. 1990-е гг. стали в Израиле десятилетием дезинфляции: ежегодный темп прироста цен опустился с рубежа в 10–12% до нулевых значений. Ключевыми в данном контексте являются две задачи: выявление причин ступенчатого характера дезинфляции и определение значения нового режима таргетирования инфляции;

– второй период ограничивается временными рамками двух кризисов: 2001–2003 гг. и гло-

бальным финансово-экономическим кризисом, начавшимся в 2008 г. На этом этапе Банк Израиля осуществлял таргетирование инфляции в условиях достигнутой ценовой стабильности и последовательного освобождения валютного курса.

Представляется интересным сравнение баланса антиинфляционной и антикризисной политики Банка Израиля в периоды двух рассматриваемых кризисов. В 1985 г. благодаря проведению успешной стабилизационной реформы, основанной на гетеродоксальном подходе, инфляция в Израиле с 445% в предшествующем году упала до платформы в 20%, на которой она поддерживалась вплоть до начала 1990-х гг. Перелом в процессе дезинфляции (до 10–12%-й платформы) произошел в 1992 г. – в первый год назначения правительством целевого ориентира инфляции. Однако существует мало оснований для сомнений в том, что решающее значение в данном эпизоде сыграла критическая масса факторов, не имевших отношения к денежно-кредитной политике.

Как показал опыт предшествующих десятилетий, одним из главных препятствий на пути к ценовой стабильности был опережающий рост реальной заработной платы. На 1991–1992 гг. пришелся пик волны иммигрантов из стран постсоветского пространства в Израиль. Увеличение работоспособного населения незамедлительно сказалось на снижении реальной заработной платы, уровень безработицы достиг максимальной за историю Израиля величины в 11,2%¹.

Кроме того, начало массовой иммиграции инициировало принятие кнессетом закона о поэтапном сокращении бюджетного дефицита (за последующие 4 года). Его рост был неизбежен ввиду огромных расходов на абсорбцию иммигрантов. Однако было бы ошибочно относить снижение инфляции исключительно к фактору иммиграции.

В конце 1991 г. вместо фиксированного к валютной корзине курса был введен восходящий наклонный валютный коридор, в котором устанавливалось изменение центрального паритета. Ежегодное повышение центрального паритета, определявшего угол наклона его линии, было установлено в 9%, что отражало приблизительную разницу между прогнозируемой инфляцией в Израиле и в мире. Ширина коридора сначала была установлена на уровне $\pm 5\%$, в 1995 г. для поддержки либерализации рынка капиталов была расширена до $\pm 7\%$ (см. рис. 1). Верхняя граница отражала максимально допустимое значение обесценения израильского шекеля; каждый раз, когда номинальный курс приближался к ней, Банк Израиля мог проводить валютную интервенцию. Принятие этого изменения было обусловлено стремлением пресечь распространявшуюся в конце 1980-х гг. спекулятивную деятельность, базировавшуюся на использовании разницы темпов мировой и израильской инфляции и прогнозировании девальваций.

Рис. 1

Таргетирование номинального валютного курса в 1994–1999 гг. (корзина валют к шекелю)

Составлено по: Leiderman L., Buftan G. Inflation Targeting Under a Crawling Band Exchange Rate Regime: Lessons from Israel // International Monetary Fund publications, 1999.

URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/2000/targets/strach9.pdf>

Помимо вышеперечисленных факторов, снижению среднего уровня цен в Израиле также способствовала благоприятная конъюнктура на мировом рынке: курс доллара повысился, соответственно экспортируемая США продукция подешевела, и так как доля США в импорте Израиля высокая, это неизменно способствовало понижению уровня внутренних цен в стране.

В 1991–1992 гг. получила продолжение инициированная во второй половине 1980-х гг. политика либерализации рынка капиталов. Были сняты ограничения на международное движение капитала, существенно понижена норма резервирования для коммерческих банков, освобожден фондовый рынок. Два этапа либерализации, помимо снижения государственного вмешательства, ослабили олигополию крупнейших банков («тройки» банковских холдингов), в результате чего продолжал сокращаться в прошлом непомерно большой разрыв между процентной ставкой на депозиты и на кредиты, что укрепило роль монетарных регуляторов денежного рынка. Норма резервирования для коммерческих банков поддерживалась на достаточно низком уровне, главными инструментами кредитно-денежной политики были денежные аукционы и изменение учетной ставки.

В 1992 г. целевой ориентир был определен диапазоном 14–15% (см. табл. 1). Тот факт, что инфляция оказалась ниже нижней границы на 4,6%, подтверждает идею о том, что государственная политика в переломе дезинфляции имела второе-степенное значение.

Перелом в дезинфляции был завершен. С 1993 г. темпы инфляции снова начали набирать силу, в 1994 г. показатель достиг 14,5%, что означало отклонение от назначенного правительством целевого ориентира инфляции на 6,5%. Данный просчет в антиинфляционной политике стал результатом:

- во-первых, недооценки роли новых иммигрантов, включившихся к тому времени в рабочую силу и спровоцировавших рост потребления;
- во-вторых, ослабления монетарной и бюджетно-налоговой политики.

Таблица 1

Целевые ориентиры инфляции и ее текущие показатели (%)

Год	Целевой ориентир	Текущая инфляция	Отклонение*
1992	14–15	9,4	(-)4,6
1993	10	11,2	(+)1,2
1994	8	14,5	(+)6,5
1995	8–11	8,1	нет
1996	8–10	10,6	(+)0,6
1997	7–10	7,0	нет
1998	7–10	8,6	нет
1999	4	1,3	(-)2,7
2000	3–4	0,0	(-)3,0
2001	2,5–3,5	1,4	(-)1,1
2002	2–3	6,5	(+)3,5
2003	1–3	-1,9	(-)2,9
2004	1–3	1,2	нет
2005	1–3	2,4	нет
2006	1–3	-0,1	(-)1,1
2007	1–3	3,4	0,4
2008	1–3	3,8	0,8
2009	1–3	3,9	0,9
2010	1–3	2,7	нет
2011	1–3	2,2	нет

* от ближайшей границы диапазона ориентира инфляции.

Источник: Bank of Israel; URL: <http://www.bankisrael.gov.il/>

Главным итогом стало осознание руководством Банка Израиля того, что дальнейший процесс дезинфляции, основанный на валютном курсе как «номинальном якорю», невозможен. После резкого понижения инфляции в 1992 г. Банк Израиля, восприняв его как новую относительно стабильную макроэкономическую тенденцию, переключился на задачу понижения учетной ставки для сближения внутренних реальных процентных ставок с международными. Цель состояла в предотвращении притока волны иностранного капитала (после снятия барьеров на его движение) и сопутствующего удорожания израильского шекеля (выхода из коридора). При превышении реальной израильской ставки над мировой израильским коммерческим банкам было выгодно наращивать иностранные займы, а иностранцам осуществлять вложения в Израиле.

Тем временем в середине 1993 г. ориентир инфляции для 1994 г. был установлен правительством на отметке в 8%. С учетом сократившейся инфляции ежегодное повышение центрального паритета в возрастающем валютном коридоре было понижено до 6%. Понижение номинальной учетной ставки на 2 процентных пункта привело к выбросу дешевых денег на рынок, инфляция почти на 6% превысила ориентир. В результате с 1994 г. Банк Израиля принял новую стратегию монетарной политики. Ценовая стабильность была выдвинута в качестве первичной цели, ее достижение необходимо было осуществлять соответственно напрямую, изменяя учетную ставку². То есть режим таргетирования инфляции (по ИПЦ) начал действовать официально³.

При этом второстепенную цель валютного курса предполагалось поддерживать лишь косвенными методами.

Таким образом, таргетирование номинального валютного курса применялось, но потеряло роль «номинального якоря» экономики. Целевой показатель среднегодового прироста цен устанавливался правительством после публикации запланированного на следующий год бюджета и предварительной консультации с Банком Израиля. Основным преимуществом режима таргетирования инфляции при использовании процентной ставки как краткосрочного ориентира было объявлено наиболее эффективное воздействие на инфляционные ожидания по сравнению с другими режимами – например, такими, как таргетирование денежного предложения. При определении степени изменения краткосрочной учетной ставки, необходимой для достижения инфляционного ориентира, в Банке Израиля активно применялись «правила монетарной политики», главным образом выведенное в 1993 г. уравнение Тейлора, устанавливающее учетную ставку в зависимости от ориентира инфляции и долгосрочного прироста ВВП.

Итак, со второй половины 1994 г. Банк, отреагировав на повышение цен, принял курс политики «дорогих денег». Он повысил номинальную учетную ставку с 10 до 18% в 1995 г. В условиях свободного движения капитала и с прогрессом мирного процесса на Ближнем Востоке увеличение ставок повлекло за собой приток в страну иностранной валюты в виде инвестиций, долгосрочных иностранных депозитов в израильские банки и иностранных кредитов, привлекавшихся израильским деловым сектором. Все это сдвинуло номинальный курс к нижней границе валютного коридора. В действие вступал конфликт целей. После краткосрочного успеха в подавлении инфляции (в 1995 г. она совпала с 8%-ным целевым ориентиром) Банк Израиля был вынужден ослабить «хватку», несмотря на неблагоприятные условия продолжавшейся фискальной экспансии. План по сведению дефицита к нулю в данном году не был выполнен, показатель составил 4,3% от ВВП, то есть процесс дезинфляции снова был остановлен.

Ряд весомых оснований, среди которых обременявшая монетарное руководство необходимость стерилизации притоков капитала, а также опасность последствий недооценки риска колебаний валютного курса со стороны экономических агентов, в конечном итоге способствовали поэтапному освобождению валютного курса. К 1997 г. ширина коридора была увеличена до 28%, центральный паритет был отменен, что допустило более сильные колебания внутри коридора без вмешательства Банка Израиля.

Повышение гибкости валютного курса все больше сопровождалось перемещением приоритета в сторону таргетирования инфляции. Правительство назначило ориентир инфляции на 1998 г. в диапазоне 7–10%⁴, долгосрочный целевой – в 4,5% к 2001 г. (в соответствии со средним показателем в странах-членах ОЭСР). Его достижение предпо-

лагалось осуществить с помощью рестрикционной монетарной политики, курс на которую Банк принял уже в 1996 г. В 1997 г. инфляция упала до 7% – нижней границы целевого ориентира. Как и в 1992 г., резкое падение темпов инфляции было результатом комплекса благоприятных условий, сопровождавших новую государственную макроэкономическую политику:

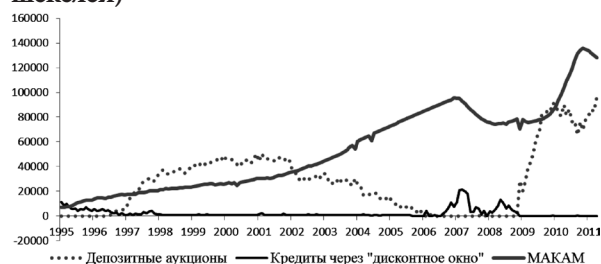
- во-первых, дезинфляцию поддерживали снижение импортных цен, прежде всего на нефть и другие ресурсы, и общая тенденция к замедлению инфляции в мировой экономике (израильская инфляция примерно на 2 п.п. превышала соответствующий средний показатель для индустриально развитых стран);

- во-вторых, остановка развития мирного процесса сказалась на заметном сокращении инвестиций в экономику⁵, что несколько замедлило темпы прироста денежной массы (отсутствовала необходимость в валютных стерилизациях);

- в-третьих, экономика Израиля находилась на стадии рецессии, и уровень безработицы повысился (с 6,6% в 1996 г. до 8,6% в 1998 г.), снизилось совокупное потребление.

Рис. 2

Эволюция инструментов денежно-кредитной политики (ежемесячные данные, млн шекелей)

Источник: Bank of Israel DataSeries Database.

URL: <http://www.bankisrael.gov.il/series/en/catalog/bank%20of%20israel%20balance%20sheet/monetary%20tools/>

Во второй половине 1990-х гг. претерпел изменение инструментальный набор монетарной политики Банка Израиля (см. рис. 2). Как отмечалось выше, произошел переход от использования кредитования через «дисконтное окно» к привлечению вкладов коммерческих банков под устанавливаемую учетную ставку, которая оставалась главным инструментом. К концу десятилетия объем кредитов снизился почти в три раза: с 27% от текущей денежной базы в 1994 г. до 10% в 1997 г. Соответствующий показатель для депозитов в 1998 г., то есть через два года после введения, достиг 166%. Таким образом, удалось достичь уже второй половины десятилетия от первой.

Параллельно кредитно-денежное руководство продолжало снижать норму обязательного резервирования для коммерческих банков, следуя модели центральных банков развитых стран (норма составила 6% в 1997 г.). Соответственно повышался денежный мультипликатор. Индекс отношения банковского кредита к ВВП повысился с 65% в 1994 г. до 78% в 1998 г.

По мере снижения резервных требований появлялась необходимость в инструментах «стерилизации» – большее распространение получали продажи краткосрочных векселей (МАКАМ). В 1995 г. правительством была введена система автоматической ежеквартальной коррекции потолка для объема казначейских векселей в распоряжении Банка Израиля. К концу десятилетия векселя МАКАМ заняли место второго главного инструмента Банка Израиля: стоимость этих проданных ценных бумаг в 1994 г. была эквивалентна 81% денежной базы, а в 1997 г. – уже 144%.

Соответственно можно сделать вывод, что монетарная политика Израиля стала развиваться в направлении к инструментальной автономии. Этот процесс продолжился в следующее десятилетие, а операционная зависимость сохраняется до сих пор.

Принятый в 1997 г. монетарный курс продемонстрировал свою эффективность. Процесс быстрой дезинфляции продолжался до середины 1998 г., когда внешние факторы простимулировали скачок инфляции в последнем квартале этого года (инфляция в 1998 г. достигла 8,6%, но попала в заданный правительством ориентир 7–10%). Азиатский кризис и дефолт в России 1998 г. заставил иностранных экономических агентов, инвестировавших в Израиль, пересмотреть связанные с этими операциями риски. Спрос на шекель на валютном рынке снизился, что привело к его обесценению по отношению к валютной корзине в последнем квартале года и подняло номинальный курс к верхней границе коридора. К тому же в условиях начавшейся в 1997 г. быстрой дезинфляции Банк Израиля постепенно понижал учетную ставку (с 13,6% в январе до 11% в августе), минимум которой был установлен как раз накануне кризиса в России.

Отреагировав на инфляционный шок повышением ставки на 4 п.п., Банк еще раз подтвердил эффективность проводимой антиинфляционной политики, что подкреплялось доверием населения⁶ (инфляционные ожидания упали с 8% в 1998 г. до 2% в 1999 г.). Уже в следующем, 1999 г. инфляция понизилась до 1,3%, а в 2000 г. – до 0%. Тот факт, что целевой ориентир на 1999 г. составлял 4% (на 2,6% выше), объясняется недооценкой правительством роли растущей безработицы и приближающейся рецессии. Представляется, что исключительно внешний шок стал препятствием для продолжения процесса дезинфляции в 1998 г. Инфляция по итогам года составила 8,6%, что представляло середину установленного ориентира. Рост агрегата М1, денежного предложения, составил 12,6%, что значительно превышало показатель прироста ВВП (3,1%).

В 1999 г. правительство приняло программу дальнейшего поэтапного сокращения инфляционных ориентиров. В соответствии с этим документом к 2003 г. должна была быть достигнута полная ценовая стабильность (1–3% инфляции) по примеру развитых стран. В 1999 г. инфляция оказалась на 2,7 п.п. ниже ориентира в 4%. Номинальная учетная ставка Банка Израиля в этой связи приняла нисходящее направление таким образом, что реальная

ставка в последнем квартале года повысилась. Тем временем приближалась вторая волна внешних шоков, которые наложились на неблагоприятную внутреннюю конъюнктуру.

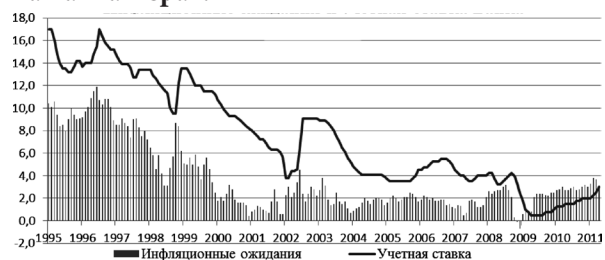
В конце 2000 г., после обвала на мировом рынке высокотехнологичных компаний и начала инфтифады, экономика Израиля вступила в фазу рецессии. Она быстро переросла в спад 2001–2003 гг., сопровождавшийся увеличением безработицы и снижением общего жизненного уровня населения⁷. Ориентир инфляции на 2001 г. составлял 2,5–3,5%, что было чуть выше определенного уровня ценовой стабильности в 1–3%. В то время как инфляция в 2000 г. достигла нулевой отметки, темп снижения номинальной учетной ставки не ускорился. Это вплоть до середины 2002 г. поддерживало реальную учетную ставку в диапазоне 5–7%.

Банк Израиля не спешил стимулировать активность по причине того, что показатели всеобщего спроса и занятости сильно снизились лишь к концу 2001 г., дополнительно подавляя инфляцию⁸. По итогам года безработица составила 9,4%⁹, рост экономики принял отрицательное значение –1,4%¹⁰, инфляция же снова не уместилась в заданный ориентир и составила 1,4%.

В декабре 2001 г., отступив от своей антиинфляционной стратегии, председатель Банка Израиля неожиданно сократил учетную ставку на 2 процентных пункта – до 3,8%. Этот эпизод заслуживает отдельного внимания, так как мера была продиктована не столько экономическими мотивами, сколько политическими. Д. Клейн вступил в неофициальное соглашение с новым премьер-министром государства А. Шароном и министром финансов С. Шаломом, по которому в обмен на понижение ставки последние отменили потолок на выпуск центральным банком векселей МАКАМ¹¹. Таким образом, в 2001 г. Банк Израиля достиг полной инструментальной независимости.

Рис. 3

Инфляционные ожидания и учетная ставка Банка Израиля

Источник: Bank of Israel Information and Data.

URL: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/monetar/shukhon/shcf10_e.xls

В начале 2002 г. Банк Израиля продолжил курс на ускорение снижения номинальной учетной ставки до минимума, опустив ее до 4%. Это привело (в сочетании с несокращавшимся дефицитом бюджета, возросшими в условиях кризиса инфляционными ожиданиями (см. рис. 3) и новым витком роста мировых цен на энергоносители) к скачку инфляции до 6,5%, что было на 3,5 п.п. выше верхней границы целевого ориентира. Для 2003 г. и

далее правительство установило целевой ориентир инфляции диапазоном от 1 до 3%. Представляется, что инфляция в 2002 г. стала жертвой, на которую пошел Д. Клейн ради достижения неограниченного доступа к инструменту операций на открытом рынке. Банк Израиля быстро отреагировал и переключился на жесткие рестрикционные меры: ставка в конце года была повышена до 9,5%. Невзирая на усугубление экономического спада, он не изменил антиинфляционной направленности монетарной политики и вплоть до второго квартала 2003 г. подерживал ставку на таком же высоком уровне.

Подобная настойчивость Банка на жестких антиинфляционных мерах была неоправданной и приводила к отягчению кризисных проявлений. Внутренняя и внешняя конъюнктура и без того была крайне благоприятна для дезинфляции. После публикации антикризисной программы министра финансов Б. Нетаньяху, одобрения правительством США гарантий для нового пакета займов на фоне глобальной нисходящей рискованной тенденции инвестиций в развивающиеся экономики спрос на израильскую валюту возрастал, что отражалось на повышении курса израильского шекеля к доллару (на 7% по итогам года). В то же время внутренний спрос оставался очень низким. В результате инфляция по итогам приняла отрицательное значение (-1,9%), что являлось отклонением (в меньшую сторону) от целевого ориентира почти на 3 п.п. Это свидетельствовало о том, что инфляция, несмотря на настойчивость Банка в достижении ориентира, вышла из-под контроля монетарных властей, трансформировавшись в дефляцию. В годовом отчете Банк приписывал резкое падение инфляции тенденциям к обесценению доллара и низкому уровню реальной активности в стране.

В первом квартале 2004 г. председатель Банка Израиля ускорил темп сокращения ставки до 1,1%, и в апреле она установилась на уровне 4,1%. К тому времени экономические показатели отразили быстрое восстановление реальной активности в хозяйстве, а курс доллара принял кратковременный обратный тренд на удорожание. Прирост ВВП в 2004 г. составил 6,9% по сравнению со стагнацией в 2003 г. (0,8%). Принимая во внимание эти процессы, Банк Израиля прекратил понижение ставки, и она не изменялась вплоть до ноября, когда произошло очередное ослабление. На конец года ставка составила 3,9%; среднегодовая инфляция (1,2%) достигла целевого ориентира. Поэтапное снижение ставки при сохранении ценовой стабильности во многом стало возможным благодаря косвенной поддержке со стороны министерства финансов, реализовавшего после 2003 г. курс программы стабилизации по снижению бюджетного дефицита и государственного долга. Большую часть 2005 г. ставка оставалась неизменной, лишь в последнем квартале было предпринято ее понижение до 3,7%.

Стимулирование экономического роста и преследование целевого ориентира инфляции были не единственными факторами, определившими курс монетарной политики Израиля на планомерное понижение учетной ставки в 2004–2005 гг. Руко-

водство Банка преследовало цель достижения и стабильности валютного рынка также за счет сокращения разрыва между собственной и учетной ставкой ФРС¹². Это инициировало аналогичный процесс для внутренней и американской рыночной процентной ставки. В результате этого разрыв по краткосрочным номинальным ставкам сократился с 4,2% в 2003 г. до 1% к началу 2005 г. Подобная тенденция позволила правительству осуществить последний этап освобождения валютного курса – введение плавающего курса израильского шекеля.

В мае 2005 г. председателем Банка Израиля стал Стенли Фишер, ранее занимавший посты главного экономиста Всемирного банка, первого заместителя главы МВФ, вице-президента Citigroup. Одним из первых значимых действий, предпринятых новым председателем, стало расширение инструментария центрального банка: были введены суточные кредиты и депозиты в национальной валюте и операции РЕПО с МАКАМ.

После кризиса 2001–2003 гг. баланс между целями экономического роста и инфляции в Израиле подвергся пересмотру. Соответственно политика Банка с 2007 г. до середины 2008 г. на фоне мирового экономического кризиса была направлена в первую очередь на предотвращение влияния внешних негативных экономических процессов на внутреннюю деловую активность. Соответственно смена приоритетов сделала возможным превышение инфляции целевого ориентира в 1–3% в данный период. В 2007 г., накануне мирового финансового кризиса, экономика Израиля находилась на стадии подъема (рост ВВП в 7,3%), сокращалась безработица (до 7,3%). Банк корректировал ставку рефинансирования в соответствии с внешней конъюнктурой продолжившегося роста цен на энергоносители и продовольствие¹³, удорожанием шекеля в первую половину года, а также реагируя на колебания инфляционных ожиданий. В целом за год ставка была понижена на 1 процентный пункт (до 4%). В первой половине 2008 г. ввиду участвовавшихся и усилившихся колебаний оценок экономических рисков монетарный регулятор также прибегал к небольшим понижениям и повышениям (которые колебались от 0,25 до 0,5 процентных пункта)¹⁴.

С сентября 2008 г. экономические показатели Израиля резко ухудшились. В силу тенденции к падению котировок на мировых фондовых биржах уже с начала 2008 г. обесценивались акции израильских компаний¹⁵. Подобно мировому сценарию, спад сначала обозначился на кредитном и рынке капитала, а потом распространился на реальный сектор. Инфляционные ожидания резко упали ниже целевого ориентира, что стало характерной особенностью для всего периода рецессии в Израиле. Несмотря на то что прирост ВВП в среднем за год составил приемлемые 4% (что было на 2,6% выше, чем в США), продукт делового сектора сократился в четвертом квартале на 1,2%, экспорт (исключая бриллианты) сократился более чем на 30% в ответ на сильное понижение внешнего спроса. Рост накопления

основного капитала остановился, безработица выросла до 6,3% (на 0,4% выше, чем в третьем квартале).

Председатель Банка С. Фишер оперативно сформировал курс активных экспансионистских денежно-кредитных мер, направленных на прекращение спада и возобновление экономического роста, повышение стабильности финансовых рынков страны. В четвертом квартале учетная ставка начала резко понижаться и к концу года опустилась до 2,5%.

В марте 2008 г. Банк впервые (после более чем 10 лет перерыва) также начал проводить валютные интервенции. Он покупал иностранную валюту, официально – для пополнения золотовалютных запасов (25 млн долларов, а с марта – 100 млн долларов в день)¹⁶, в действительности же – для понижения курса шекеля, что способствовало бы созданию более благоприятных экспортных условий и стимулировало экономическую активность. Сумма покупки за год составила 12,1 млрд долларов США. В 2009 г. на фоне тенденции к удорожанию шекеля валютные интервенции продолжились.

В результате кризиса в целом продолжилось усиление централизации банковской системы и возвращение банков к классической функции финансовых посредников. Объем кредитов, выданных банками впервые за несколько лет, превзошел объем кредитов, выданных небанковскими кредитными организациями¹⁷. Когда в 2009 г. учетная ставка Банка Израиля достигла исторического минимума в 0,5%, монетарный регулятор переключился на другой косвенный монетарный инструмент – операции на открытом рынке. С февраля он приступил к ежедневным покупкам государственных облигаций на вторичном рынке ценных бумаг (в среднем на 200 млн шекелей, или 48 млн долларов, в день¹⁸). Примечательно, что операции купли проводились на вторичном фондовом рынке, а не на первичном. Действия монетарного регулятора не предполагали прямого финансирования бюджетных расходов правительства (работу «печатного станка») и не противоречили пункту 45а Закона о Банке Израиля, запрещавшего кредитование правительства.

Дело в том, что долгосрочная процентная ставка сильно отставала от темпов снижения краткосрочной, а доходность гособлигаций после пересмотра рисков заметно превышала другие долгосрочные активы. Банк поставил цель снизить оба показателя, реанимировав инвестиционную активность в стране. В общем, за всю программу Банком Израиля было приобретено государственных облигаций на сумму 18 трлн шекелей (4,7 трлн долларов¹⁹). Доля банка как держателя государственных облигаций возросла с 0,8% в 2008 г. до 5,5% в 2009²⁰.

Уже к середине 2009 г. мировые финансовые рынки начали демонстрировать признаки начала выздоровления, что проявилось хоть и вялым, но повышением инвестиционной активности, ростом фондовых индикаторов, укреплением кредитных рынков. Индикаторы реального сектора отразили окончание спада с большим запозданием – лишь к концу года. В Израиле восстановление финан-

сового рынка в среднем шло быстрее, чем в развивающихся странах, и значительно быстрее, чем в индустриально развитых странах²¹. Динамика фондового индекса Тель-Авив 100 с марта 2009 г. в среднем опережала соответствующие индексы в мире²². На кредитном рынке снизилась стоимость и увеличилась доступность кредитов, снизились риски. Данные процессы отражали повышение уверенности инвесторов и их положительные ожидания экономического роста. Параллельно начали повышаться инфляционные ожидания.

Завершение рецессии и начало нового этапа экономического роста произошло в Израиле несколько раньше, чем в большинстве развитых стран. Прирост ВВП по итогам 2009 г. составил 0,7% ввиду отрицательного значения за первые два квартала (-1,5%). За вторые два квартала продукт вырос на 3,3%, безработица снизилась с 7,9 до 7,3%²³. Соответственно в августе Банк Израиля начал сворачивать «оздоровительную» монетарную программу и сконцентрировался на целевом ориентире инфляции: покупки государственных облигаций были остановлены, валютные интервенции уменьшились и продолжались на исключительной, а не на фиксированной ежедневной основе. До конца 2009 г. в четвертом квартале учетная ставка в два этапа была повышена до 1%.

Итак, инфляция в 2008 и 2009 гг. не уместилась в целевой ориентир и составила соответственно 3,8 и 3,9%. Помимо экспансионистской политики Банка Израиля, повышению инфляции способствовали два фактора: высокие цены на нефть и возросшие цены на недвижимость в Израиле. Главными причинами столь успешного преодоления кризиса в Израиле следует считать, во-первых, благоприятные внутренние условия накануне глобальной рецессии, во-вторых, эффективную экономическую политику, базировавшуюся на фискальном нейтралитете и сверхэкспансионистской кредитно-денежной политике.

Впервые в истории Израиля выход из кризиса был осуществлен исключительно монетарными рычагами – учетной ставкой и интервенциями как наиболее гибкими и быстрыми в макроэкономической политике. Короткая продолжительность рецессии и ее неглубинный характер, в сравнении с предшествующими кризисами, не потребовала фискального вмешательства. В 2010 г. политика поэтапного повышения учетной ставки до предкризисного уровня получила продолжение и в конце года составила 2%. И так как центральные банки развитых стран по-прежнему поддерживали низкие ставки, разрыв между их значениями приводил в приток иностранного капитала в Израиль. Для сдерживания удорожания национального валютного курса Банк продолжал применять валютные интервенции (несмотря на это, эффективный шекель подорожал на 7,1%). По итогам года инфляция составила 2,7%, вернувшись, таким образом, в диапазон целевого ориентира.

В марте 2010 г. кнессет утвердил новый Закон о Банке Израиля, который определяет поддержание стабильности цен в качестве первичной цели

центрального банка. Кроме того, монетарный регулятор должен оказывать поддержку другим целям экономической политики правительства, в частности экономическому росту, занятости и сокращению социально-экономического неравенства при условии, что, с точки зрения монетарного комитета Банка, это не будет служить препятствием достижению долгосрочной ценовой стабильности. Еще одна цель Банка Израиля заключается в оказании поддержки стабильности финансовой системы Израиля и ее функционирования. Закон определяет долгосрочную ценовую стабильность как ситуацию, в которой валютный комитет гарантирует, что уровень инфляции попадет в диапазон целевого ориентира (1–3%) в течение двух лет. Таким образом, допускается ситуация, при которой фактический уровень инфляции находится вне диапазона ценовой стабильности, но Банк проводит политику, которая вернет его в рамки ориентира в течение разумного срока. Подобный гибкий режим таргетирования инфляции позволяет Банку самостоятельно выбирать приоритеты в зависимости от экономической конъюнктуры, при этом не отходя от основного курса долгосрочной ценовой стабильности. Фактически новый закон легитимизировал действия, предпринимавшиеся С. Фишером в период кризиса.

Новый закон также расширил инструментальные полномочия Банка Израиля, допустив кредитование небанковских кредитных организаций в кризисных ситуациях. В целом это укрепило позицию центрального банка как «кредитора последней инстанции» и предоставило в его распоряжение новый рычаг контроля устойчивости финансовой системы страны.

Проведенный анализ денежно-кредитной политики Израиля в условиях таргетирования инфляции показал:

– во-первых, второстепенность значения данного режима в процессе достижения ценовой стабильности. В то время как Банк Израиля, преследуя целевой ориентир инфляции, придерживался преимущественно рестрикционной политики, фискальные власти, несмотря на общий курс на сокращение бюджетных расходов и либерализацию экономики, по-прежнему руководствовались собственными приоритетами. Это обстоятельство, наряду с действием сторонних факторов, среди которых – иммиграционные процессы и внешние шоки, обусловило длительный и ступенчатый характер процесса дезинфляции в Израиле в последнем десятилетии XX в.;

– во-вторых, длительный период времени, потребовавшегося монетарному руководству Израиля для того, чтобы свести к минимуму отклонения инфляции от заданного ориентира. В первую очередь данное обстоятельство было связано с недооценкой роли немонетарных факторов инфляции, о которых упоминалось выше;

– в-третьих, существенное изменение инструментария денежно-кредитной политики Израиля за последние два десятилетия: произошел сдвиг в сторону косвенных инструментов, повысилась роль учетной ставки, роль основных операций стали выполнять депозитные аукционы и сделки на открытом рынке;

– в-четвертых, сформировавшаяся в период кризиса гибкая политика инфляционного таргетирования в Израиле доказала свою эффективность. Данный режим предоставил обществу наиболее доступное объяснение принимаемых монетарным руководством мер, когда прозрачность усиливает доверие делового сектора и населения, позволяя Банку контролировать ожидания и благодаря этому повышать эффективность передаточного механизма кредитно-денежной политики. После длительного периода высокой инфляции и сменившей его дезинфляции монетарное руководство страны подобрало наиболее эффективные и безболезненные для других макроэкономических целей инструменты.

Выпуская российский рубль из валютного коридора и отправляя его в свободное плавание, имеет смысл учитывать результативность этой меры в Израиле. В качестве ограничителей при использовании израильского опыта следует выделить следующие проявления специфики нашей страны, которые наверняка будет тормозить данный переход: российская экономика испытывает сильную зависимость от мировых цен на экспортируемое сырье, банковская система недостаточно устойчива, финансовые рынки еще не вышли на высокий уровень развития.

Fedorchenko A.V., Malahov F.V. International Practice of Inflation Targeting: Israel as a Case Study.

Summary: The article deals with the transition to inflation targeting, which is a flexible and relatively new method of monetary policy. The Israeli experience in this field is analyzed. The paper shows that, after long periods of high inflation and disinflation the Bank of Israel has adopted the most efficient and painless for other macroeconomic objectives tools.

Ключевые слова

Денежно-кредитная политика, инфляция, инфляционное таргетирование, валютный коридор.

Keywords

Monetary policy, inflation, inflation targeting, exchange rate band.

Примечания

1. Labour Force Survey // Statistical Abstract of Israel 2010. P. 516. URL: http://www.cbs.gov.il/shnaton61/st12_01x.pdf
2. Bank of Israel Annual Report 1997. Jerusalem, P. 80. URL: http://www1.cbs.gov.il/reader/shnaton/templ_shnaton_e.html?num_tab=st15_01x&CYear=2010
3. Bank of Israel. Inflation Targeting Revisited (august 2007). URL: <http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/papers/paper13e.pdf>
4. Liviatan N., Sussman N. Disinflation Process in Israel in the Past Decade // The Israeli economy, 1985-1998: from government intervention to market economics / edited by Avi Ben-Bassat. – Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, 2002. P. 140.
5. Inflation Report 1997 // Bank of Israel. URL: http://www.bankisrael.gov.il/boi_search_eng.htm
6. Inflation Report (July-December) 1998 // Bank of Israel. URL: http://www.bankisrael.gov.il/boi_search_eng.htm
7. Федорченко А.В., Зайцева О.А., Марьясис Д.А. Израиль в начале XXI века. М., 2004. С. 100.
8. Bank of Israel Annual Report 2001. – P. 18. URL: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/doch01/eng/pe2_2.pdf
9. Отчет по рабочей силе 1995–2006 гг. Центральное статистическое бюро Израиля (иврит). URL: http://www.cbs.gov.il/www/statistical/work76_h.pdf (Дата обращения: 31 марта 2011 г.)
10. Statistical Abstract of Israel, 2010. URL: http://www.cbs.gov.il/reader/shnatonenew_site.htm
11. Barkai H., Liviatan N. The Bank of Israel. Volume 1. A Monetary History. New York: Oxford University Press, 2007. P. 232.
12. Bank of Israel Annual Report 2004. P. 17. URL: <http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/doch04/eng/doch04e.htm> (Дата обращения: 23 апреля 2011 г.).
13. Bank of Israel Annual Report 2007. P. 95. URL: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/doch07/eng/pe_3.pdf
14. Bank of Israel Annual Report 2008. P. 103. URL: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/doch08/eng/pe_3.pdf
15. Bank of Israel: Israel's Banking System 2008. P. 4.
16. Bank of Israel Annual Report 2008. P. 114.
17. Bank of Israel: Israel's Banking System 2009. P. 4. URL: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/doch09/eng/pe_1.pdf
18. По официальному курсу на 28 февраля 2009 года 1\$=0,24NIS
19. По официальному курсу на 31 декабря 2009 года 1\$=0,26NIS
20. Bank of Israel Annual Report 2009. P. 119. URL: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/doch09/eng/pe_3.pdf
21. The world turned upside down // The Economist (April 15th, 2010). URL: <http://www.economist.com/node/15879369> (Дата обращения: 24 апреля 2011 г.) URL: <http://www.economist.com/node/15879369> (Дата обращения: 24 апреля 2011 г.)
22. Bank of Israel Annual Report 2009. P. 161.
23. Labour Force Survey // Statistical Abstract of Israel 2010. P. 516. URL: http://www.cbs.gov.il/shnaton61/st12_01x.pdf (Дата обращения: 4 декабря 2010 г.)

Роль короны в британской конституционной системе

А.А. Полякова

Цель статьи – определение роли монарха в современной британской конституционной системе. Проводится анализ таких понятий, как «корона» и «монарх», выявляются их особенности и специфика. Вниманию читателя предлагается краткое изложение довольно широкого исследования особенностей английской конституции и права.

«Хорошее или плохое состояние нации зависит от трех факторов: Конституции, каким образом действует Конституция на практике, и, наконец, от того уважения, которое она вызывает».

Жорж Бидо (1899–1982 гг.)

При изучении британского конституционного права возникает вопрос: а где же, собственно, можно найти сам текст конституции? Ответ прост: нигде. Нет ни одного единого документа, который отображал бы весь текст английской конституции целиком. Это затруднение является характерной чертой Великобритании, и качественно отличает ее от других стран, имеющих демократическую конституцию. Во многих странах созданию демократических конституций предшествовали серьезные политические потрясения или революции, вследствие которых и создавались новые конституции. Так как менялся или сильно видоизменялся политический строй страны, конституцию было необходимо напечатать и издать единым документом, который в дальнейшем становился основой государственного права. К примеру, когда 13 американских колоний заявили о своей независимости от Англии, они создали фундамент для будущего правительства посредством единого документа, который назывался «Конституция Соединенных Штатов, учрежденная и упорядоченная людьми

Соединенных Штатов» (“The Constitution of the United States established and ordered by the people of United States”). То же касается и СССР, Португалии и многих других стран, а также Ирландии, Индии, Канады и прочих английских доминионов, в которых конституция является единым документом.

Однако в Англии не было подобных революционных событий, которые бы перевернули существующий политический строй, вследствие чего была бы нужна совершенно новая конституция. Важные изменения, в том числе с долгосрочной перспективой, время от времени вносились в существующую конституцию и не приводили к необходимости создания новой. Французский историк и социолог XIX в. Алексис Де Токвиль писал по этому поводу следующее: «Английская конституция вовсе не существует... она является лишь звеном между историей и традициями»¹.

Термин «конституционное право» в Англии означает все законы, которые тем или иным образом влияют на ограничение или управление властью суверена – монарха данной страны. Как уже

Полякова Арина Александровна – аспирант кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: rini_polak@mail.ru

было сказано ранее, действительно, единого текста английской конституции нет, однако ее можно найти в законодательных актах парламента, судебных решениях, в традициях и обычаях, а также в договорах и конвенциях. Действие конституции представляется возможным изучить лишь в пристальном наблюдении за действием английской политики. Английская конституция – результат постепенного роста, она до сих пор развивается и будет развиваться и дальше посредством появления новых традиций, обстоятельств, политической ситуации, принятия новых законов и прохождения новых парламентских законодательных актов.

Любопытно, что текст конституции не только не существует, но также нет полного и точного перечня документов, которые бы к нему относились. Вместе с тем можно выделить четыре составные части, а именно:

- общее право (Common Law);
- статуты (то есть законы – Statutes), наиболее известными из которых являются Великая Хартия Вольностей 1215 г., Habeas Corpus Акт 1679 г., Билль о правах 1689 г., Акт о престолонаследии 1701 г., Закон о парламенте 1911 и 1949 гг. и т.п.;
- конституционные соглашения (Conventions, которым соответствуют следующие источники права: статуты, судебные прецеденты, собственно конституционные соглашения);
- обычное право и законодательные акты парламента (The Law and Custome of Parliament)².

В «кабинетной системе» правительства управляет именно кабинет министров, а не монарх. Функции главы государства, будь то король или президент, в таком случае лишь номинальны, вспомогательны. Поэтому наличие или отсутствие монарха не является главной отличительной особенностью конституции³. Но тем не менее не стоит умалять и роли суверена. На сегодняшний день влияние монарха в современной британской политике весьма значительно. Главная характеристика кабинетного правительства состоит в том, что монарх должен одобрять решения правительства и кабинета министров, хотя в его силах повлиять на ход принятия тех или иных решений.

Английская монархия – очень старый институт власти. Его история уходит корнями на 12 вв. назад, к 829 г. и королю Эгберту. Главными чертами данного института является наследственность и традиционализм. В истории английской монархии было всего 11 лет (1649–1660 гг.), когда линия королей была прервана, но затем все вернулось на круги своя. Английская монархия значительно старше английского парламента, возникшего в XIII в. Она также старше и самого старого университета в Британии. Единственным аналогичным институтом по своей древности в современной Европе является институт Папства.

На протяжении своего долгого существования монархия претерпела много изменений. Она успела пройти путь трансформации от абсолютной монархии до конституционной, в процессе которой понятия «монарх» и «корона» перестали быть тождественными. Одним из наиболее извест-

ных специалистов по вопросам конституционной монархии являлся Уолтер Бэгот (1826–1877)⁴. В своей книге «Английская Конституция», впервые опубликованной в 1867 г., он провел анализ роли монархии. Описывая, каким образом монарх символизирует единство нации, Бэгот указывал, что нация разделена на партии, в то время как корона не принадлежит ни одной из них. Автор отмечал важность не только персоны самого монарха, но и каждого отдельного члена королевской семьи. Как писал Бэгот, «семья на троне» является весьма интересным фактором, который низводит гордость и недоступность монарха до уровня обычной жизни.

С точки зрения политической власти наибольшее влияние монарх имеет на кабинет министров. По Бэготу, суверен в рамках конституционной монархии имеет три права, а именно: консультироваться, поощрять и предостерегать. Кроме того, на протяжении своего правления монарх накапливает большое количество бесценного опыта и знаний, как никто другой в стране. Министры меняются, а монарх остается все тот же.

В современной Великобритании, хотя она и является монархией по закону, все ядро политики находится в руках политических партий, палаты общин и кабинета министров. Именно этот парадокс и называется конституционной монархией. Корона является «декоративной верхушкой». Но как было сказано ранее, корона – это не монарх. Все законы создаются именем монарха, хотя он в этом не участвует. Другими словами, монарх нужен лишь как лицо, представляющее страну и являющееся ее главой, но на важных документах представлен лишь подписью.

Таким образом, английская монархия, если судить по законодательным актам, статутам и прочим правовым документам, как бы не существует вообще. Конституционно монарх – всего лишь глава всех церемониальных процессов парламентской демократии, обладает некоторыми привилегиями и атрибутами, однако не располагает и не контролирует ту огромную власть, которая формально творится от его имени. Этот феномен нарекают мифическим понятием «короны», что также является синонимом понятий «воля народа» или «нации».

Процесс трансформации понятий «король» и «корона» происходил на протяжении многих веков истории английской конституции. Было время, когда английский король обладал неограниченной властью, что также называют абсолютной монархией (правление династии Тюдоров – XVI в.). Но гражданская война унесла с собой большую часть королевских прерогатив, а «Славная революция» 1688–1689 гг. ограничила поле королевской деятельности и влияния еще больше. Ранее королевская особа была фокусной точкой и активным фактором в конституции: она правила и властвовала; правительство напрямую зависело от характера и настроения монарха. Но все очень резко изменилось: центр активной политической деятельности перешел от короны к парламенту, король по-прежнему правил, но уже более не властвовал.

Теоретически «корона» обладает широкими и важными полномочиями, которые раньше были сконцентрированы в руках одного человека, а теперь распределены между кабинетом министров и прочими структурами, которые контролируются им же. Полномочия можно разделить на две категории: власть, основанная на традициях и прерогативе; власть, основанная на законе и решениях парламента. Если во втором случае практически никогда не возникает разногласий, то в первом очень сложно определить границы возможностей монарха.

Существует мнение, что королевские прерогативы являются «пережитком дискреционной (действующей по своему усмотрению. – Прим. авт.) либо деспотичной власти...»⁵, то есть изжили себя. С другой стороны, если рассматривать их как данность, то конституционность британской монархии выражается в том, что королевские прерогативы применяются по совету министров. Для их воплощения парламентское одобрение не требуется; более того, прежде чем на очередном заседании парламента будет обсуждаться законопроект, который каким-то образом может затронуть королевские интересы или прерогативы, необходимо заранее получить согласие монарха на это. Важно и то, что прерогативы имеют ряд ограничений: одно из них состоит в том, что монарх не может ввести новые налоги (для этого требуется принятие акта парламентом).

Королевских прерогатив слишком много, чтобы перечислять все, например:

- контроль армии и военно-морского флота;
- оборона королевства; ведение дел в тех колониях, которые не удостоились получения автономии;
- посвящение в рыцари и присвоение титулов, вручение королевских наград;
- объявление о развязывании войны и заключении мирных договоров, назначение послов на должность, дарование почетных грамот и права участвовать в выборах, помилование;
- право распускать парламента и многое другое.

Существуют также личные прерогативы монарха, например:

- монарх не может ошибаться и быть неправым. Эта прерогатива, уходящая корнями в историю королевской неприкосновенности, обозначает, что монарх не несет ответственности за совершенный им законодательный акт, так как он не должен ни перед кем на земле отчитываться, ни перед одним судом мира. И, во-вторых, никто не может заставить монарха подписать какой-либо законодательный акт, если тот совершен не в соответствии с законом. Это означает, что, поскольку монарх не может ошибаться, он не может ставить свое имя на том документе, который заведомо может очернить его. Это ни в коей мере не означает, что монарх находится вне закона. Он лишь не имеет права упорядочить законным путем то, что законом же запрещено;
- монарх не умирает, практически бессмертен.

Причиной тому постоянная смена королевских

особ – наследственность и преемственность. «Король умер. Да здравствует Король!»;

- монарх не может быть несовершеннолетним, и уж тем более ребенком, – в каком бы возрасте ни находился наследник, он уже король или королева.

Таким образом, невозможно проследить и точно определить, где начинаются и где заканчиваются королевские прерогативы, – они находятся в постоянном движении, почти что неуловимы, но играют очень важную роль в политической жизни страны. Так как монарх является все же исполнительным лицом в рамках английского законодательства, на него возложены некоторые очень важные обязанности, а именно:

- назначение, напрямую или косвенным путем, практически всех должностных политических лиц;
- в случае необходимости снятие их с должности (за исключением судей);
- приведение в исполнение всех законов и контроль действий законодательного аппарата государства;
- расход общественных денег в соответствии с предписаниями, принятыми парламентом;
- дарование королевских грантов определенным компаниям, если это не запрещено статутами о корпорациях;
- присвоение титула лорда, жалование различных наград и титулов;
- чеканка монет;
- назначение архиепископов, епископов и большинства других церковных иерархов;
- верховное управление сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами;
- контроль работы местных властей и институтов образования;
- ведение международных отношений.

Что касается законодательства, то словосочетание «король/королева в парламенте» отражает всю квинтэссенцию процессов. Монарх созывает парламента, открывает его, объявляет перерыв в работе одного, а также имеет право распустить его в любое время. Законодательный акт недействителен без подписи монарха, но на этом его участие в процессе заканчивается. Хотя существует один небольшой нюанс: монарх имеет право не пропустить законопроект и отменить его, но этой привилегией уже не пользовались с 1707 г., и вряд ли вскоре о ней вспомнят.

В юридических и судебных вопросах монарх также особой роли не играет, не считая того, что возглавляет все судейства королевства и имеет королевское право помилования. Настоящим исполнительным органом Великобритании является кабинет министров. Именно он осуществляет действие всех законопроектов и приведение их в жизнь, он же и отслеживает все подотчетные организации от имени короны. Даже в сфере международных отношений кабинет не позволяет монарху быть больше, чем лишь агентом кабинета министров, который несет ответственность за работу властей королевства в абсолютно всех сферах. Все, что может непосредственно монарх в данном случае, –

это быть проинформированным о существующей ситуации внутри страны и в мире, а также иметь возможность обсудить это со своими министрами.

Но есть одна сфера, которая является чуть ли не самой важной для персоны монарха, – общественное признание и престиж, имеющие для королевской семьи в Великобритании огромное значение. Кабинет министров и парламент нужны для политики, а монарх для своих подданных – обычных людей. В XX в. благодаря СМИ, кино, телевидению и наконец Интернету абсолютно каждый житель страны получил возможность видеть своего монарха. Возможно, при этом теряется некая сакральность и недосыгаемость монарха, но зато он получил более человеческое лицо, возможность продемонстрировать нации, что он, как и простые люди, способен на сострадание, на сочувствие и радость. СМИ для монархии – главное средство популярности и пропаганды и их же злейший враг. Если монарх или любой из членов королевской семьи оступится, СМИ их не пощадят. Но если король или королева ведет себя осмотрительно, то нет лучшего средства влияния на общественность, чем средства массовой информации.

Итак, монархия – это старейшая форма правления в Соединенном Королевстве. Королева является главой государства, но, будучи конституционным монархом (конституционная монархия – ограниченная монархия, в нашем случае это парламентская монархия), она не управляет страной фактически. При этом выполняет многие важные церемониальные и формальные задачи, которые ставит перед ней правительство. Она также является главой системы правосудия, вооруженных сил и англиканской церкви. Королева лишена политической или исполнительной власти, тем не менее она играет огромную роль для своей нации и является неотъемлемой частью жизни страны, давая ощущение преемственности и стабильности.

Polyakova A.A. The Role of the Crown in British Constitution.

Summary: *The article introduces the readers to the problem of the role of the monarch in the British constitutional system. This research covers the subject of the British Constitution and Law, it explains the differences between the notions “crown” and “king/queen”, revealing their peculiarities. The reader can find a summary of a deep analysis of the constitutional system, its functions and features.*

Ключевые слова

Монархия, конституционная монархия, конституция, английская конституция, монарх, король, Англия, парламент, кабинет министров.

Keywords

Monarchy, Constitutional monarchy, Constitution, British Constitution, monarch/sovereign, king, England, parliament, Cabinet.

Примечания

1. Indra D.Sh. Modern Constitutions at Work. London, 1963, p. 16.
2. Anson W.R. The Law and Customs of the Constitution. Oxford, Clarendon Press, (1886–92), reprinted in 1970, p. 6.
3. Jennings I. Cabinet Government. Cambridge, 1947; The British Constitution. Cambridge University Press, 1959, p. 251.
4. Bagehot W. The English Constitution (1867). Oxford, 2009, pp. 38–73.
5. Indra D.Sh. Modern Constitutions at Work. London, 1963, pp. 149–150.

Гендер как инновационный научный и философский дискурс

Е.Э. Шишлова

Автором обсуждаются актуальные проблемы гендерного дискурса, анализируются процессы гендерной социализации и гендерной идентификации с позиций ведущих социально-психологических теорий XX столетия (структурно-функциональной, конструктивистской и структурно-конструктивистской), обозначающих тенденцию смены классического мышления современным и постсовременным.

Гендерная проблематика представляет собой инновационный научный и философский дискурс, соответствующий процессам модернизации и постмодернизации в глобализирующемся мире. Гендерный дискурс возник как критика классических теорий пола, как отрицание традиции во взаимоотношениях мужчины и женщины и утверждение новых подходов, соответствующих эпохе модерна и постмодерна. Тенденция трансформации традиционных гендерных ценностей носит глобальный характер и распространяется на общества и государства с различными национальными, культурными, географическими особенностями. Глобальный вектор гендерной трансформации означает не стирание различий между мужчинами и женщинами, но отказ от гендерной иерархии и имеющихся отношений власти и подчинения.

Категория «гендер» была введена в социальные исследования, чтобы заменить доминировавшие в общественных науках понятия половой роли и полоролевого подхода. Идея различения биологического и социального пола высказывалась еще в 1935 г. М. Мид в книге «Пол и темперамент в трех примитивных обществах». Но сам термин вошел в употребление в западной науке в 1970-х гг. (в отечественной науке – в 1990-х гг.) благодаря трудам американского ученого Р. Столлера¹. Он выступил на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме

с докладом о понятии социополового или, как он назвал его, гендерного самосознания, положив начало изучению процессов гендерной идентификации и гендерной социализации. Столлер впервые обозначил различие понятий пола (англ. – sex) и гендера (англ. – род). Его концепция строилась на разделении биологического и культурного: изучение пола, считал Столлер, является предметной областью биологии и физиологии, а анализ гендера может быть рассмотрен как предметная область исследований психологов и социологов, анализа культурно-исторических явлений.

Разведение биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, и дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании – гендерным исследованиям. Сегодня в США и Западной Европе гендерные исследования имеют статус официальной учебной и научной дисциплины, создаются ассоциации и научно-исследовательские центры, ведущие разработки по гендерной проблематике, работает международная сеть гендерных исследований (наиболее крупная была создана в 1996 г. при Гендерном институте Лондонской школы экономических и политических наук²). Отличительной чертой современных гендерных исследований, активно развивающихся прежде всего в западной и американской гуманитарной науке, является их междисциплинарный, межпредметный характер.

Шишлова Екатерина Эдуардовна – к.филол.н., преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

В системе российского общественного знания легитимность гендерной тематики невелика, академическое сообщество скептически относится к проблематике гендерных исследований. Общественное сознание оценивает гендерные изменения как ориентированные на нежелательные сдвиги в сфере отношений между полами, особенно в сфере семьи.

Выделение социокультурной и биологической составляющих в представлениях о поле человека привело к существованию в гуманитарном знании двух относительно независимых понятий – собственно пола и гендера. Термин «пол» применяется учеными в тех случаях, когда речь идет о биологической детерминации любых имеющихся различий между мужчинами и женщинами. Термин «гендер» применяется в тех случаях, когда исследователь хочет подчеркнуть факт социальной и культурной обусловленности различий, встречающихся в поведении и личности мужчины и женщины. Однако единой и однозначной трактовки гендера до сих пор не существует. Имеется разнообразие его определений в зависимости от концептуальной позиции автора и целей исследования. Общей тенденцией для большинства авторов является сохранение традиции в определении гендера «через» понятие пола. С учетом науки, в рамках которой его рассматривают, гендер определяют как социальный пол, психологический пол, гражданский пол, культурно-символический пол. Использование термина «пол» для определения гендера может свидетельствовать о биодетерменистском подходе ученых к гендерной проблематике. В феминистском дискурсе гендер рассматривается с иных позиций – как системная характеристика социального иерархического, несимметричного порядка, утверждающего отношения стратификации и власти.

Для более точного определения гендера, понимания его динамической сущности важно, с нашей точки зрения, проследить специфику его интерпретации не только в рамках различных наук, но и в рамках различных эпох в процессе модернизации. Классический, модернистский и постмодернистский подходы демонстрируют существенную трансформацию в интерпретации понятий пола и гендера, указывают на их временной и временный характер:

- классическая модель знания трактует «гендер» как единую социально-биологическую характеристику, с помощью которой люди определяют друг друга в качестве «мужчин» или «женщин». Гендер сводится здесь к совокупности поведенческих паттернов, ожидаемых от представителей того или иного пола в конкретной культуре, что фиксирует асимметрию социально обусловленных форм поведения и самосознания мужчин и женщин;

- модернистская наука рассматривает гендер как зафиксированную в культуре структуру личностных качеств и способов социального взаимодействия, с которой соотносит себя каждый индивид определенного пола;

- промежуточное место между модернистским и постмодернистским направлением занимает

концепция гендера как системы межличностного взаимодействия, посредством которой создается, утверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка;

- постмодернисты преодолевают двойственный подход к интерпретации пола человека и предлагают рассматривать его вне всякой связи с биологическими категориями. Здесь не идет речь о приоритете социального конструкта (гендера) над биологической данностью (полом), как это можно отметить в модернистском подходе. Преодолевается и биологический детерминизм классического мышления, согласно которому гендер является социокультурным отражением имеющегося в природе полового диморфизма. В постмодернистских исследованиях биологическая данность рассматривается как эффект особой социальной перцепции телесного компонента гендера.

Итак, классическая традиция основывается на признании определяющей роли биологических факторов. Модернистский подход отличается двойственной трактовкой пола как биологического феномена, с одной стороны, и социокультурного – с другой. Постмодернистская точка зрения отходит от двойственной трактовки пола человека, отрицает какие-либо критерии соотнесения социокультурного конструкта пола и его реального прототипа.

Трансформация гендерного конструкта связана с изменением взглядов на роль биологических и социально-психологических признаков. С учетом вышеизложенного позволим себе предложить следующий вариант определения гендера, в наибольшей степени соответствующий современному состоянию гендерной теории и практики. В качестве основания определения выберем социально-психологический и биологический факторы в их соотношении. Гендер – это динамический конструкт, отражающий роль биологических и социально-психологических факторов поведения мужчин и женщин в конкретной культурно-исторической среде. Гендер в данном изложении оказывается непосредственно связанным с процессами гендерной социализации и гендерной идентификации.

В формате настоящей статьи представляется важным уделить особое внимание анализу гендера как динамической категории, рассмотреть трансформационные процессы гендерной социализации и гендерной идентификации в их взаимообусловленности. Данные процессы являются предметом изучения социологической и психологической наук, оказавшихся наиболее чувствительными в сфере гуманитарного знания к гендерной проблематике. Классическая наука определяет гендерную социализацию как процесс усвоения культурных образцов гендерного поведения, а гендерную идентификацию как процесс осознания себя связанным с культурными определениями мужественности и женственности³. Проследим, как трансформировались понятия гендерной социализации и гендерной идентификации с позиций ведущих социально-психологических теорий XX столетия: структурно-функциональной, конструктивистской и структурно-

конструктивистской, обозначающих тенденцию смены классического мышления современным и постсовременным. Можно выделить следующие теоретические подходы к проблемам пола и гендера, соответствующие названным теориям:

– к первому подходу можно отнести традиционные теории гендерной социализации, основанные на биодетерминистской теории структурно-функционального анализа Т. Парсонса⁴, игравшей ведущую роль в американской социологии вплоть до начала 70-х гг. XX в. и характерную для индустриального общества. Модель дифференциации половых ролей на инструментальную и экспрессивную соответствовала функциям мужчины и женщины в семье и по мере роста влияния данной теории была отнесена автором к обществу в целом. Инструментальная функция (требующая власти и жестокости) обеспечивает, по мнению ученого, отношения системы с внешним миром, а экспрессивная функция (предполагающая мягкость и терпение) нацелена на поддержание интеграции членов системы. Подобное разделение ролей глубоко функционально, необходимо для поддержания стабильности любой социальной системы и поэтому универсально. Сегрегация ролей интерпретируется Парсонсом как механизм подавления возможного разрушительного для брака и семьи соревнования между супругами за власть, престиж, успех. Разделение ролей в семье Парсонс рассматривает как важный социологический механизм приобщения ребенка к обществу и культуре.

В своей концепции Парсонс опирается на теорию З. Фрейда, согласно которой универсальные психологические механизмы приобщения ребенка к обществу биологически обусловлены (табу инцеста и эдипов комплекс)⁵. Дифференциация ролей во взрослом состоянии объясняется разным переживанием мальчиками и девочками своей сексуальности. Приниженный социальный статус женщин объясняется их анатомической ущербностью и завистью к биологической полноценности мужчин. Теории данного направления описывают и объясняют социальные различия между мужчинами и женщинами как биологически детерминированные, обусловленные сексуальными бессознательными инстинктами. Основное внимание в процессе приобщения к обществу и культуре уделяется процессу социализации, в котором личность занимает пассивное место, является объектом воздействия;

– ко второму подходу можно отнести теории социального конструирования гендера, которые возникли как конструктивистская критика структурного функционализма и в которых акценты смещаются на микроуровень и повседневные взаимодействия (А. Шүц, П. Бергер, Т. Лукман). Социальная реальность рассматривается как одновременно объективная и субъективная. Она отвечает требованиям объективности, поскольку независима от индивида. С другой стороны, социальную реальность можно рассматривать как субъективный мир, потому что она постоянно создается индивидами в процессе межличностного взаимодействия. Гендер как системная характеристика социального порядка

постоянно воспроизводится в структурах сознания и в структурах действия и взаимодействия⁶. Именно коммуникативная интеракция людей, согласно этнометодологии Г. Гарфинкеля⁷, производит социальные и социально-психологические феномены.

И. Гофман в теории драматургического интеракционизма подчеркивает аспект властного измерения этой системы⁸. В господствующем социальном пространстве средством признания личности «нормальной» или «ненормальной», по мнению автора, оказывается гендерный дисплей. Нарушение гендерного дисплея грозит санкциями, но в то же время оно способствует и возникновению новых норм. Данные теории основываются на двух постулатах: во-первых, гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, СМИ; во-вторых, гендер конструируется и самими индивидами на уровне их сознания, на уровне гендерной идентификации, путем интериоризации заданных обществом норм и ролей, возможности принятия или непринятия последних. Новый тезис заключается в том, что пол является социальным конструктом, а индивид не пассивным объектом социализации, а субъектом присвоения социальных норм. Понятие «рекрутирование гендерной идентичности» приходит на смену понятию «полоролевая социализация»;

– к третьему подходу можно отнести теорию гендерной композиции австрийского ученого Р. Коннелла⁹, основанную на структурно-конструктивистской теории П. Бурдьё и Э. Гидденса¹⁰ и указывающую на механизмы реконструкции гендерных стереотипов, действующих на макро- и микроуровнях. Структурно-конструктивистская теория позволяет понять взаимообусловленность структурных условий и социальных действий, принимаемых активными агентами. Авторы рассматривают двойственный характер социальной реальности: с одной стороны, она описывается как распределение ресурсов, социальных мест и институтов, с другой стороны, социальная реальность мыслится как набор представлений, систем значений и практик агентов. Исследователи обращаются к интерпретации индивида как стратегически действующего лица. Стратегии действующего агента воспроизводят общественный порядок и общественные структуры и изменяют их.

В рамках объединительной парадигмы Коннелл вводит понятие «гендерная композиция», обозначающее подвижность и гибкость взаимосвязи повседневных практик и структурных условий, организующих различие полов и отношения между ними. Институциональные структурные рамки не являются неизменными. Их изменение становится возможным, когда на микроуровне происходит поломка устойчивого образца взаимодействия, предписанного индивиду. В представленных выше теориях можно наблюдать, как постепенно усиливается внимание к изучению вопросов гендерной идентификации, которые начинают исследоваться не только в контексте проблемы гендерной социализации, но и приобретают самостоятельное звучание. Повышается значимость индивидуального,

субъективного уровня конструирования реальности. Субъект не только принимает или не принимает заданные образцы поведения и роли, но и сам создает новые ценности и смыслы на уровне своей идентификации, часто ломая имеющиеся традиционные образцы. Гендерный дисплей может быть средством и подтверждения, и разрушения установленного гендерного порядка. Теорию гендерной композиции мы рассматриваем в качестве методологической для изучения гендера как динамической категории, для понимания механизмов гендерной динамики.

Итак, первое отличие трех вышеописанных подходов (традиционная теория гендерной социализации, теория конструирования гендера, структурно-конструктивистская теория) заключается в постепенном усилении акцента на активности научаемого индивида. Идея конструирования подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта. Субъект сам создает гендерные правила и гендерные отношения, а не только усваивает и воспроизводит социально заданные. Возникает возможность изменения социальной структуры. То есть, с одной стороны, гендерные отношения являются объективными, потому что индивид их воспринимает как внеположенную данность, но, с другой стороны, они являются субъективными как социально конструируемые в каждодневных взаимодействиях.

Второе отличие обсуждаемых подходов заключается в том, что гендерные отношения в них начинают интерпретироваться не просто как бинарные различия-дополнения, а как конструируемые отношения неравенства, в рамках которых мужчины занимают доминирующие позиции. Проблема не в существовании инструментальных и экспрессивных функций и важности их выполнения в семье и обществе, а в том, что их исполнение и усвоение как предписанных подразумевает неравенство возможностей, преимущества мужчины в публичной сфере, вытеснение женщин в приватную. При этом сама приватная сфера оказывается менее значимой, менее престижной и даже репрессивной.

Третье отличие заключается в понимании гендерной идентичности. Если в теории гендерной социализации идентификация рассматривалась как биологически детерминированная и подчиняющаяся незыблемым законам, то в последующих теориях ее интерпретация существенно меняется. Гендерная идентификация рассматривается как динамический процесс, способствующий адаптации субъекта к изменяющимся экзогенным и эндогенным условиям. Именно на уровне своей идентификации субъект создает новые гендерные правила и гендерные отношения, изменяя тем самым социальную структуру, имея возможность влиять на нее. Развивая идеи Э. Эриксона об идентичности как осознании временной протяженности собственной целостности¹¹, изучаются вопросы трансформации гендерной идентичности и самоидентичности¹². Г. Тэджфел¹³ и Дж. Тернер¹⁴ исследуют две подструктуры гендерной идентичности: социальную и личностную, которые могут вступать в противоречие и вызывать

конфликты и кризисы. С другой стороны, эти противоречия могут являться и стимулом, источником трансформационных процессов. В современном мире, как справедливо подчеркивает отечественный исследователь Е.П. Белинская¹⁵, гендерных конфликтов и кризисов может быть меньше, поскольку на смену адаптации человека к жесткой социальной структуре приходит пафос конструирования им себя самого и социального окружения.

Обобщая вышесказанное, закономерно выделить такую важную особенность гендера, как его динамический характер. Обоснование гендера как динамической категории тесно сопряжено с трансформационными процессами постиндустриального общества. Сущностными сторонами гендера оказываются не биологическая предопределенность и постоянство, а изменчивость и динамизм. Механизм, запускающий гендерную динамику, затрагивает два уровня: с одной стороны – это уровень структур и институтов, а с другой – уровень индивида и его практик. Изменение соотношения между этими двумя уровнями – структурным и индивидуальным – определяет вектор гендерной динамики. Следует иметь в виду, что данный механизм работает в масштабах как общества в целом, так и «внутри» отдельного индивида. Структурный уровень обусловлен социокультурными и политическими трансформационными процессами, гендерной политикой. Индивидуальный уровень обусловлен активностью самого индивида и выражается в принятии или создании им самим новых ценностей, следовании новым образцам поведения.

Современная гендерная теория находится в значительной степени под влиянием идей постструктурализма и постмодернизма и вносит существенные коррективы в интерпретацию гендера¹⁶. Постструктуралисты и постмодернисты критикуют теперь уже само понятие структур как устойчивых порядков, стремятся избежать иерархического упорядочивания реальности, на первый план выдвигают в отличие от категорий идентификации и тождества категории различия и многообразия. Философия постмодернизма подвергает пересмотру традиционные подходы к взаимодействию полов, преодолевает модернистское представление о гендерных отношениях как конфликтных в пользу понимания и осмысления отношений Я–Другой, составляющих основу социального взаимодействия и многомерного диалога. Стратегия признания различий сменяет категоричное требование равноправия полов, инаковость становится онтологической категорией, получая бытийный статус вне каких-либо оппозиций и норм¹⁷.

Опираясь на труды Ж. Лакана¹⁸ М. Фуко¹⁹, Д. Остина²⁰, известный американский философ Дж. Батлер вводит в современный научный дискурс теорию перформативной гендерной идентичности²¹. Понятие перформатива указывает на отсутствие каких-либо истинных сущностей («уникальных», «аутентичных», «данных») в практиках репрезентации. Перформативная теория исходит из первичности действия по отношению к структуре. Согласно этой теории, не существует истинной природы жен-

■ Философия

щины или истинной природы мужчины, вытекающих из их телесных особенностей. Гендер является результатом многократных перформативных действий индивида (performative acts), осуществленных в определенном культурном контексте.

Гендер интерпретируется как технология репрезентации себя с помощью различных социальных институтов: семьи, системы образования, средств массовой информации, политики, права, языка, искусства, науки, моды. По мнению Т. де Лауретис²², гендер есть следствие самопрезентации в широких пределах: от нормативных гендерных дисплеев до полного размывания границ пола. Репрезентация есть «игра» между психикой и внешним проявлением, которая регулируется дискурсом и нормами²³.

Названные вопросы подлежат дополнительно обсуждению, аргументации. Однако не подлежит сомнению тот факт, что отличительной стороной гендера является его динамический характер, и его

изучение означает изучение гендерных процессов, различных тенденций и механизмов их трансформации. Сегодня можно предположить, что соотношение структурного и индивидуального уровней механизма гендерной динамики будет продолжать меняться. Вектор этого изменения направлен в пользу возрастающей роли каждого индивида в конструировании им самим многообразного социального мира, открытии новых перспектив для реализации в нем.

Shishlova E.E. Gender as Innovative Scientific and Philosophical Discourse.

Summary: The author analyses actual problems of gender discourse, such as gender socialization and gender identification from positions of the leading social theories of the 20th century (structural-functional, constructivist and structural-constructivist), denoting change of classical thinking by modern and postmodern.

Ключевые слова

Гендерный дискурс, гендерная социализация, гендерная идентификация, трансформация гендерной идентичности, конструирование гендера.

Keywords

Gender discourse, gender socialization, gender identification, transformation of gender identity, construction of gender.

Примечания

1. Stoller R.J. Primary femininity / R.J. Stoller // J. Amer. Psychoanal. Assn. – 1976. – № 24 (Suppl.). – P. 59 – 78.
2. <http://www.lse.ac.uk/collections/genderinstitute>.
3. Здравомыслова Е. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15-24.
4. Parsons T. Family, Socialization and Interaction Process / T. Parsons, R. Bales. – New York: Free Press, 1955.
5. Freud S. 1933/1964. Femininity / S. Freud // New introductory lectures on psychoanalysis / ed. J. Strachey. – New York: Norton. – P. 99-119.
6. Социология гендерных отношений: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / О.А. Воронина и др.; под ред. З.Х. Саралиевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 270 с.
7. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology / Garfinkel H. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. – PP. 38-44, 75.
8. Goffman E. Gender Display / E. Goffman // Studies in the Anthropology of Visual Communication. – 1976. – Vol. 3. – P. 69 – 77.
9. Connell R. Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics / R. Connell. – Cambridge: Polity Press, 1987.
10. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах: пер. с англ. / Э. Гидденс. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон. М.: МПСИ, 2006. 352 с.
12. Клецина И.С. Гендерная идентичность и права человека: психологический аспект / И.С. Клецина // Права человека и проблемы идентичности в России и современном мире / под общ. ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005. С. 167-184.
13. Tajfel H. Social identity & intergroup relations / H. Tajfel. – Cambridge, Paris, 1982. – 380p.
14. Turner J.C. A self-categorization theory / J.C. Turner // Rediscovering the social group: A self-categorization theory. – Oxford: Basil Blackwell, 1987. – P.42-67.
15. Белинская Е.П. Исследования личности: традиции и перспективы / Е.П. Белинская // Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С.42-56. С.49.
16. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), 2001. 416 с.
17. Зуева Н.А. Гендер в свете постмодернистского дискурса: дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / Наталья Александровна Зуева; Воронежский гос. архитектурно-строительный ун-т. Воронеж; М., 2004. 168 с.
18. Lacan J. The Function of Language in Psychoanalysis / J. Lacan // The Language of Self, Ed. By A. Wilden. – Johns Hopkins University Press, 1968.
19. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; Составление, пер. с франц., комментарий и послесловие С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузырея. М.: Касталь, 1996. 448 с.
20. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 22-131.
21. Butler J. Gender trouble: Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. – London, New York: Routledge, 1990.
22. Лауретис Т. Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера / Т. де Лауретис // Антология гендерной теории: Сб. пер. / сост. и комментарии Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. Мн.: Профпед, 2000. С. 347-372.
23. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной. СПб.: Издательство "Дмитрий Буланин", 2000. 304 с.

Европейское влияние на русскую культуру XVII в.

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена переменам, вызванным европейским влиянием в русской культуре во времена правления царей Михаила, Алексея, Федора III и регентства Софьи в XVII в.

В странах Западной и Центральной Европы XVII столетие прошло под знаком культуры барокко. Не осталась в стороне от этого культурного веяния и Россия. Эстетические и философские пристрастия эпохи барокко проникали в Россию из Речи Посполитой. Особенно сильна эта тенденция стала после Русско-польской войны за Украину (1654–1667 гг.) и присоединения к России части бывших владений Польши – Левобережной Украины. В исторической литературе не раз высказывались мнения о европейском влиянии на Россию XVII в. как двойном воздействии:

– с одной стороны, наблюдалось воздействия «немцев» (влияние Голландии, Англии, германских, особенно протестантских стран);

– с другой стороны, в Россию из соседней Речи Посполитой усиленно шел поток новых идей, культурных форм, эстетических пристрастий и просто полезных и удобных в быту вещей.

После того как Киев и Левобережная Украина стали российскими, польское влияние резко возросло. Известный американский русист Пол Бушкович посвятил данной проблеме свою монографию, где убедительно доказывает, что польско-украинское влияние XVII в. было значительно мощнее западноевропейского. Вытеснение же его в культуре русской элиты западноевропейской системой ценностей и взглядов произошло лишь в конце Петровской эпохи в 1720-х гг. В данной статье мы рассмотрим конкретные примеры, иллюстрирующие проникновение европейской культуры барокко в культурное пространство России XVII в.

Начнем с изобразительного искусства. Жанр светского портрета получил на Западе широкое распространение еще в эпоху Ренессанса. Барокко лишь продолжило интерес художника к личности человека, что составляло неперенный атрибут западноевропейского гуманизма. Средневековая Россия XVI–XVII вв. жила иными идеалами, однако ее живописное искусство не осталось полностью в стороне от европейских веяний. После Смуты западноевропейские картины, гравюры и офорты привозились в Россию западными купцами и открыто продавались на Красной площади, только почему-то в Овощном ряду. В самой Московии с XVI в. существовал своеобразный светский портрет, выполненный присущим иконописи художественным языком.

Таковыми были русские парсуны. Сам термин «парсуна» происходит от европейского слова «персона» (личность). От XVI столетия до нас дошли парсуны царей Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Бориса Годунова. От эпохи царей Михаила, Алексея и Федора Романовых осталось большое число парсун с изображением членов царской фамилии. Новшеством XVII в. стал широкий интерес горожан к парсунам. Их теперь писали не только с монархов. Парсуны заказывали бояре, дворяне и купцы.

Среди выписанных из-за рубежа специалистов уже при Михаиле Романове стали нередки имена западных художников – мастеров, как записали подьячие, в «парсунном и перспективном деле». Архивные дела¹ называют имена Д. Вухтерса, И. Детерса. При Алексее Михайловиче приехал в

Россию С. Лопуцкий. Интересно, что Иоган Детерс (по-русски то Анс, то Иван Дитерс) в течение 1637–1656 гг. постоянно имел при себе русских учеников², был весьма ценен русской короной, о чем свидетельствуют полученные от царя ценные подарки. Так, 20 сентября 1645 г. художник был пожалован серебряным ковшом, парчой, камкой и сукном³. До нас дошел конный почти «европейский портрет» царя Михаила кисти Детерса, а также «европейский портрет» царской супруги – Евдокии Лукьяновны. После восшествия на престол Алексея Михайловича Детерс продолжил работу при его дворе, где появились и несколько новых западноевропейских живописцев. Они писали картины на религиозные темы, но с прямой перспективой и прочими техническими приемами западноевропейской живописи Нового времени.

Почитатели новых для России приемов живописи появились и среди коренных иконописцев. Патриарх Никон, обнаруживший в творчестве своих иконописцев немало заимствований из «богомерзкого, еретического» западного искусства, пытался строго запретить подобные явления. Он принялся было проверять в частных домах, не исключая боярские хоромы, иконы. Приказывал разбивать «доски» с ликами «нового письма». Но его удар по новой русской иконописи оказался недолгим. Падение Никона фактически сняло его запреты для русских художников и почти не повлияло на труд западноевропейских мастеров в Московии.

Самым знаменитым «немцем»-художником был Питер Энглес (Энгельс) из Гамбурга. Он прибыл в Россию в 1670 г., а первым его значительным деянием оказалось изготовление декораций к театральным спектаклям первого в России театра, открытого в 1672 г. Кроме того, Энглес расписал вместе с русскими коллегами Золотаревым, Салтановым и Безминым комнаты детей Алексея Михайловича. Позже Питер Энглес украсил хоромы царя Федора Алексеевича и его первой супруги Агафьи Симоновны (Грушевской) картинами на сюжеты библейских притч («Царь Давид на престоле», «Притча пророка Иезекиа», «Брак царя Соломона» и др.). Во время регентства Софьи Энглес расписал «перспективным письмом» на тему библейских притч личные апартаменты правительницы⁴. С 1686 г. гамбургский мастер числился в штате Оружейной палаты.

Соотечественником Энглеса, работавшим в России одновременно с ним, являлся Вальтер Иоганн, тоже из Гамбурга. Ему приписывают один из прижизненных портретов князя В.В. Голицына. Между декабрем 1681 – февралем 1682 г. по царскому заказу Вальтер Иоганн выполнил портрет царицы Марфы Матвеевны (Апраксиной), второй жены Федора Алексеевича. Этот портрет специалисты признают первым написанным в России реалистичным (не парсуна) изображением, выполненным по желанию русского заказчика⁵. Реалистические портреты заказывали и некоторые вельможи. Примером может служить портрет князя В.В. Голицына (гравюра на бумаге), выполненная,

вероятно, уроженцем Речи Посполитой Леонтием Тарасевичем (1687 г.)⁶.

Еще одного художника-«немца» Артемия (Отто) Генина привез из Нидерландов в Россию в 1688 г. для службы в Оружейной палате русский посол Я. Долгоруков, но о деятельности этого художника мало что известно⁷.

При содействии западноевропейских, польских, украинских, белорусских «живописцев» Оружейная палата в 80-х гг. XVII в. стала играть роль не только главного художественного центра России, но и основного распространителя европейских новшеств в русское искусство. Глава государевых живописцев Симеон Ушаков в своем трактате уже отрицал средневековую символику, подчеркивающую «неземную природу» изображаемых, требовал, чтобы лик был таким же «живым», как отражение человека в зеркале. Кстати, западноевропейские (венецианские) зеркала приобрели в XVII в. необычайную популярность в России. Каждый вельможа и многие богатые купцы имели их в доме, вешая в простенках между окон, чтобы создать иллюзию большего пространства и света.

В соответствии с новыми «барочными вкусами», Симеон Ушаков оформил миниатюрами «Рифмованную псалтырь» Симеона Полоцкого, изданную в 1680 г. весьма «вольнодумной» Верхней типографией. Новые принципы иконописи разделяли знаменитые «богомазы» XVII в.: Карп Золотарев, Никифор Бовыкин, Иван (Богдан) Салтанов, Петр Афанасьев, Филипп Павлов и др.⁸. Знаменателен один эпизод из жизни Оружейной палаты: царь Федор Алексеевич остался недоволен деятельностью нескольких западных мастеров, числившихся в штате Оружейной палаты. Он их уволил за то, что они мало преуспели в обучении русских учеников своему искусству.

Архив Оружейной палаты за 7196 г. (с сентября 1687 по конец августа 1688 гг.) числит в ее составе 40 русских, украинских, польских, белорусских художников и учеников, в то время как в «Иконописной палате» трудилось 27 мастеров⁹. Возглавляли «Живописную палату» армянин по происхождению Иван Салтанов и русский Иван Безмин¹⁰. Ранее, в 1660-х гг., Иван Безмин состоял в Оружейной палате учеником при польском художнике Стефане Лупицком и голландском мастере Даниэле Вухтерсе. Как свидетельствуют документы, он постигал у них секреты «перспективной» и портретной живописи, а также изготовления резных из дерева иконостасов (типичная черта западно-русского убранства православных храмов в Речи Посполитой) и кабинетов.

В царствование Федора III Безмин вместе с Салтановым украсили вещи традиционного царского обихода живописью с прямой перспективой на сюжеты притчей царя Соломона. Самыми значительными работами зрелого Безмина считаются парсуна патриарха Иоакима (1678 г.), посмертные парсуны царя Федора (1686 г.) и патриарха Никона с клиром (1685–1686 гг.). Софья заказывала И.А. Безмину роспись стен нового дворца на тему библейских притч, но в одной из своих лич-

ных комнат царевна велела на потолке изобразить, как было модно тогда в Польше, «Беги небесные» (знаки Зодиака). Так же, судя по заметкам Невилля, были оформлены потолки во дворце В.В. Голицына. Царевна Екатерина Алексеевна попросила украсить свою опочивальню парсунами родных. Безмин написал посмертные портреты отца и матери царевны, ее братьев - царевича Алексея, царя Федора III, царей Иван V и Петра I, сестры - царевны Софьи. Имелся и «портрет» самой Екатерины Алексеевны.

Элементы барокко в XVII в. привносились в интерьер царских и боярских хором:

- в аудиенц-зале загородного Коломенского дворца голландское посольство в 1676 г. обнаружило «несколько развешанных ковров и, между прочим, две французские картины, изображавшие девять муз, или богинь искусства»¹¹;

- свод в одной из палат московского царского дворца Федора Алексеевича был расписан под звездное небо с «течением планет», стены увешаны французскими шпалерами с изображениями римских сражений;

- в доме А.С. Матвеева висели два портрета его сыновей - Ивана и Андрея и два портрета самого Артамона Сергеевича;

- любопытным памятником живописи XVII в. стал портрет Н.К. Нарышкиной, выполненный маслом в 1680-х гг. Целая коллекция портретов имелась в доме В.В. Голицына. Много фамильных портретов имело у осевших в России купцов-заводчиков Виниусов, как, впрочем, и у многих обитателей столичной Немецкой слободы.

Совершенно новым явлением в русском живописном искусстве, возникшем под влиянием Запада, стали гравированные портреты - аллегории с политическим подтекстом и «прямые политические» портреты¹². Примером первого может служить гравюра украинского художника Ивана Ширского, которая была помещена в книге промовски настроенного украинского религиозного мыслителя Лазаря Барановича «Благодать и истина» (Чернигов, 1683 г.). На гравюре Иисус Христос коронует царей Ивана и Петра. Их изображение обвивает лента с текстом панегирика, а над всем этим парит образ Софии Премудрости Божией. Аллегория предельно ясна: в реальной жизни царевна Софья играет роль покровительницы братьев, что соответствует воле Божьей.

Из русских художников в таком жанре преуспел Симеон Ушаков, после его смерти портреты-аллегии заказывали в основном иностранным художникам.

Примером «прямого политического портрета» является гравюра украинского мастера Леонтия Тарасевича, известная как портрет царевны Софьи в орле (1685 г.). Гравюра представляет собой изображение герба России - двуглавого орла, на груди которого в овале помещен портрет Софьи в короне со скипетром и державой в руках. По краю овала идет надпись: «Благочестивейшая и вседержавнейшая божиею милостью великая государыня благоверная царевна и великая княжна Софья Алексеевна всея Великия и Малыя и Белья Росии

Самодержица». Изображение царевны с регалиями царской власти и сама надпись предельно четко передают государственные планы Софьи. Лицо царевны изображено, очевидно, вполне реалистично, художник не попустил внешности Софьи, подтвердив версию Невилля о некрасивости Софьи.

К «Портрету в Орле» так или иначе относятся все прижизненные изображения Софьи. Создание и распространение таких портретов являлось не только художественным, но новым «политическим действием». В 1689 г. дьяк Посольского приказа А.А. Виниус преподнес бургомистру Амстердама специально заказанный у гравера Блотелинга портрет Софьи с типично западным барочным антуражем: трубящей аллегорической фигурой Победы, лавровыми и пальмовыми ветвями - словом, всем тем, что будет так характерно для «политических портретов» Петровской эпохи. Какие-то «портреты Софьи с коронами» фигурировали в деле Федора Шакловитого после падения Софьи и немало способствовали его казни¹³.

Помимо художников «высокого стиля», среди мастеров Оружейной палаты были мастера прикладного искусства, художники-декораторы, оформлявшие, в частности, в барочном стиле знамена. Среди «знаменщиков» встречаются как русские, так и европейцы. Выходцы из Западной Европы, Литвы и Белоруссии служили наряду с русскими ювелирами в Золотой и Серебряной палатах. Иностранцы могли занимать административные должности, руководя работами и проверяя качество работы различных мастеров. В 1650-х гг. среди «дозорщиков» Оружейной палаты значился Вилим Геймс¹⁴.

Культура барокко ярко проявилась в отечественном зодчестве XVII в. Любой школьник слышал о стиле Московского барокко, Нарышкинского барокко. Мы же остановимся более на технической, инженерной и прикладной стороне, которые связаны с культурой барокко в России. При Михаиле Романове в 1620-х гг. в качестве придворного архитектора состоял «немец» Космоде Мушерон. Он принял участие в разработке ряда технических решений для грандиозного каменного строительства в Москве после опустошительного пожара 1626 г. Огонь был столь силен, что в Кремле и Китай-городе выгорели внутри даже каменные церкви и «приказы каменные», в которых, как замечает летописец, погорела «государева казна и дела всякие». Для нужд нового кремлевского строительства в столичной Даниловской слободе был построен новый кирпичный завод. В 1631 г. из его кирпича сложили новую кремлевскую поварню, которая имела водопровод. Его напорные конструкции располагались в Свибловой башни и снабжали водой также Сытный и Кормовой дворцы. На фундаменте каменного дворца XVI в. в 1636-1637 гг. строится сохранившийся поныне кирпичный Теремной дворец. Резные каменные наличники Теремного дворца изготовил русский мастер Баженов Огурцов. Попутно отреставрировали пострадавшие церкви, приказные палаты, надстроили Спасскую башню.

Европейская идея «регулярного города» оказала влияние на московское градостроительство. Китай-город после пожара 1626 г. восстанавливали по четкому плану. Составлением его по царскому указу руководили окольничий Г. Волконский и дьяк Волков. Были существенно раздвинуты торговые ряды с новыми кирпичными лавками. Даже критически настроенный к Московии А. Олеарий нашел новый рынок просторным и удобным. В нем голштинский ученый насчитал несколько десятков тысяч торговых мест.

Вообще 1620–1630-е гг. стали временем бурного церковного, городского, крепостного и оборонного строительства. В 1630-х началось восстановление каменных крепостей Коломны, Тулы, Серпухова, Пскова, Гдова, Новгорода. Новые оборонительные сооружения получили Орел, Астрахань, Ярославль и некоторые другие города. Известно, что Орел в 1636 г. «ставил» Б. Котловский, Тамбов – С. Боборыкин, Козлов – Ф. Сухотин¹⁵.

При Михаиле началось укрепление старых и строительство новых засечных черт на юге и юго-востоке страны. Следы явного знакомства и использования фортификационных европейских «новшеств» прослеживаются при реконструкции русскими мастерами 22 главных «ворот» старой Заокской оборонительной черты, реконструированной в 1620-х гг., и начале строительства 800-верстовой новой Белгородской черты, сооружение которой пришлось на 1635–1653 гг.

При Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче сильно изменился облик центральной части Москвы. Продолжили надстройку утерявших фортификационное значение башен Кремля. Они получили богатый декоративный убор и знаменитые кровли-шатры. Сам Кремль побелили. Все это придало типичной миланской крепости, коей был Кремль в момент своего рождения, неповторимый и самобытный облик.

Другим достижением инженерного искусства XVII в. с еще большим числом заимствований из западного технического опыта стало сооружение зимних комнатных и висячих садов. Открытый «новшеством» Алексей Михайлович выписал для их сооружения мастеров с Запада. 22 декабря 1648 г. был зачислен на русскую службу прибывший из Стокгольма француз Паскаль Потевин (Poitevin), мастер водовзводного дела и садовник. Он должен был разбить сад с виноградником¹⁶. Особенно примечательны были общий сад у Золотой палаты и висячий Набережный сад площадью примерно в 1,2 кв. км со 109 окнами по фасаду. Новый толчок сооружению подобных «чудес» задало царствование Федора Алексеевича. В 1681 г. в Набережном висячем саду построили проточный пруд 10 на 8 метров, а также соорудили новый висячий сад площадью 350 кв. м, с прудом, водовзводной башней и беседкой¹⁷.

Для своего крестника, младшего сводного брата Петра, царь Федор Алексеевич распорядился создать целый игровой комплекс. На Потешной площадке с шатром у хором царевича располагались игрушечные шансы (пехотные

ограждения – рогатки), стояли действующие модели пушек и прочее военное снаряжение, а также потешная изба. Зная нелюбовь между мачехой и своими единоутробными сестрами, для обеих «партий» соорудили отдельные крытые сады для прогулок. И.Е. Забелин в своей знаменитой книге «Домашний быт русских царей»¹⁸ сообщает, что при новом кремлевском деревянном царском дворце Федор Алексеевич велел построить его собственный крытый сад с 137 столпами и особыми дверями, при помощи которых изменяли внутренние объемы сооружения. Западный художник Питер Энглес расписал «перспективным письмом» этот новый сад, а также старый Нижний Набережный сад.

После московского пожара 1680 г. царь Федор Алексеевич решил кардинально изменить облик столицы, сделав ее постепенно каменным городом. На казенных мануфактурах резко повысили выпуск кирпича, а москвичам разрешили брать этот кирпич в кредит, с расплатой в течение 10 ближайших лет. В итоге в столице было построено несколько тысяч частных каменных домов. В западной прессе отметили это событие, констатируя, что царь принял Москву деревянной, а передаст потомкам каменной¹⁹. Центральная власть ввела даже стандарт каменных строительных материалов: было установлено 3 стандарта каменных блоков и 1 стандарт кирпичей. Мастерам-кирпичникам было указано клеить каждый 10-й кирпич, чтобы избежать брака.

Благоустройство Москвы возросло за счет мощения улиц, включая мелкие переулки. Мостили деревянными плахами. В.Н. Татищев писал, что при Федоре было приказано также собирать камни для мощения улиц. Архивные документы сохранили известия и о более ранних начинаниях подобного толка. Среди документов, попавших в архивную коллекцию Оружейной палаты, значится указ дьяку Е. Стапанову о сборе денег на настил в Москве деревянных мостовых (с приложением списка дворов)²⁰. На взгляд тогдашнего русского, перемены в благоустройстве Москвы были значительными. На взгляд европейца, привыкшего к облику каменных западных городов, Москва по-прежнему выглядела, мягко говоря, «экзотически». «...Улицы не мощены камнем, а лишь покрыты деревом, – писал про времена Федора III Георг Адам Шлейссинг. – ...Когда идет даже небольшой дождь, то из-за постоянного хождения и езды на лошадях дерево ломается и возникает подчас такой поток грязи, что едва проедешь даже на лошади, особенно осенью»²¹. И все же даже столь критичный Шлейссинг отметил «правильные» меры правительства, поощряющего каменное строительство в русской столице как главную противопожарную меру. Шлейссинг застал и указ правительства Софьи, предписывающий жителям центра Москвы строить свои жилища из камня, а крыши крыть не соломой, а тесом и дерном²². Но эта мера прошла мимо фиксации Г.А. Шлейссинга.

При Федоре Алексеевиче стали реконструировать систему очистки территории Кремля от нечистот и отходов по самым современным стан-

дартам того времени. Канализация в Кремле имела разветвленную сеть, а диаметр основной трубы сделали более 6 метров²³. Новым катализатором московского благоустройства послужил пожар 1683 г., начавшийся в Кремле в апартаментах «младшего царя» Петра Алексеевича.

По данным Невелля, в столице в регентство Софьи возвели столько кирпичных построек, сколько не строили за предшествующие 200 лет, – 3 тыс. каменных зданий²⁴. Среди них были как частные терема, так и государственные и общественные сооружения. К последним относились новое здание Посольского приказа и Большой каменный мост через Москву-реку. Указ от декабря 1683 г. запретил (ввиду вони и грязи) торговлю рыбой в главных столичных торговых рядах на Красной площади²⁵. Указ марта 1686 г. (по западноевропейскому примеру) возлагал на домовладельцев по всей столице уборку территории и части улиц перед домовладением. Жители должны были соскребать и вывозить за город навоз, помет, мертвых животных²⁶. Надзор за этим по указу от марта 1688 г. возлагался на специальных объезжих из дворян²⁷. С января 1683 г. ворота Белого города открывались и запирались строго по часам, расписанным в правительственном указе²⁸.

Историкам известна любовь первого царя из династии Романовых к европейским часам. Он буквально загромодил ими свою опочивальню. Однако сами часы в России не были «новшеством». Солнечные, водяные и песочные часы появились в глубокой древности. Шумеры, имевшие двенадцатеричную систему исчисления, первыми начали делить сутки на 24 часа. Механические часы в Западной Европе появились в XIII в. Первыми достоверно известными механическими часами считаются часы Солсберийского собора в Англии 1386 г. и часы Руанского собора во Франции 1389 г.

Первые в России часы появились в Москве примерно в 1404 г. Они располагались недалеко от Благовещенского собора на княжеском дворе. Изготовил их монах-серб из Афонского монастыря Лазарь. Об их устройстве мало что известно. Сохранилось изображение этих часов на цветной летописной миниатюре XVI в., иллюстрирующей сообщение о приобретении и установке этих часов сыном Дмитрия Донского – великим князем Василием I. Скорее всего, московские часы 1404 г. были солнечными с элементами механики: у часов имелась фигура человека, который каждый час ударял молотом в колокол. Стрелок у часов не было, а на циферблате вместо цифр были нанесены буквы, обозначающие в старорусской письменной традиции цифры. Впрочем, есть специалисты в области истории часового дела, которые допускают, что эти московские часы были целиком механическими. Следующие московские механические часы появились между 1491 и 1585 гг. Появились часы и в других городах. В 1435 г., по летописным сообщениям, соорудили часы на Евфимьевской часозвоннице в Новгороде, а в 1475 г. – в Святогорском монастыре в Пскове. В 1539 г. новгородский мастер изготовил башенные часы в Соловецком монастыре.

Наличие механических башенных часов, причем не одних, в Москве 1585 г. подтверждает сообщение о наличии на государевой службе в этом году часовщиков при трех башнях Московского Кремля: Спасской (или Фроловской), Тайницкой и Троицкой. Часовщиками были русские люди, известно имя одного из них, обслуживающего часы на Спасской башне в 1613–1614 гг., – Никифор Никитин.

В 1621 г. царь Михаил Романов решил поручить установку новых курантов на Спасской башне английскому часовому мастеру Христофору Галовею. Детали к его проекту изготавливали в 1624 г. русские кузнецы-часовщики из одной семьи – мастер Ждан, его сын Шумило Жданов и внук Алексей Шумилов. 13 колоколов для боя часов отлил Кирилл Самойлов. Часы умели играть «музыку». Русские каменщики специально для этих часов соорудили на Спасской башне каменный верх. После большого московского пожара 1626 г. Христофор Галовой сумел отремонтировать свое детище. Другой ремонт часов состоялся в 1668 г.

Христофор Галовой изготовил для столицы такие часы, к которым привыкли в России. В отличие от Европы XVII в., где циферблат делился на 12 часов, в Московии время делилось на ночное и дневное, каждое из которых делилось на разное количество часов в зависимости от времени года. Максимальное число дневных часов, обусловленное длиной дня в Москве в летнее время, – 17. На 17 равных частей и был поделен диск часов Галовея. «Русские часы делили сутки на часы дневные и на часы ночные, следя за восхождением и течением солнца, так, что в минуту восхождения солнца на русских часах бил первый час дня, а при закате – первый час ночи, поэтому почти каждые две недели количество часов дневных, а также и ночных постепенно изменялось...»²⁹.

Часы ночного и дневного времени на циферблате («узатном круте») обозначали позолоченные медные славянские буквы-цифры размером в аршин и более маленькие арабские цифры. Роль стрелки играл длинный луч в верхней части циферблата, отходящий от изображения солнца. Стрелка была неподвижна, а двигался «узатный круг». Середина циферблата была выкрашена в голубой цвет, по которому были разбросаны золотые и серебряные звезды, солнце и луна. Диаметр циферблата составлял 5 метров. Внутренний неподвижный круг циферблата и внешний подвижный круг, разделенный на 17 равных частей, были изготовлены из дубовой древесины.

По русским источникам, в царствование Михаила механические часы были установлены на трех кремлевских башнях. Часы Галовея оказались самыми надежными. Они прослужили столице верой и правдой 81 год. Лишь в 1705 г. Петр I решил сменить их на купленные им в Амстердаме новые куранты, имевшие «немецкий циферблат», поделенный на 12 часов. Новые башенные часы привезли в Россию на 30 подводах, и в 1706 г. мастер Еким Гарнов (Garnault) собрал их на Спасской башне. Но работали они с частыми поломками, а в грандиозный пожар 1737 г., погубивший недавно

отлитый царь-колокол, разрушились столь сильно, что сумели их восстановить лишь в 1767 г.

Имена русских и западноевропейских часовщиков упоминает архив Оружейной палаты XVII в. К примеру, мы знаем, что в середине 1620-х гг. часовщиком на столичном каменном мосту был Потап Моисеев³⁰. В 1630-х гг. очень часто упоминается имя часовщика Моисея Терентьева. Этот часовой мастер Оружейной палаты имел русских учеников. В мае 1641 г. двух из них – Василия Иванова и Максима Анкудинова – отослали для продолжения обучения в Аптекарский приказ к часовому мастеру «немчину» Анзекелю³¹. 30 января 1642 г. после 9 месяцев обучения они вернулись в Мастеровую палату³². В июне 1642 г. Максим Анкудинов уже значился как самостоятельный часовой мастер и получал соответствующий хлебный и денежный оклад³³. Впоследствии Максим Анкудинов станет одним из ведущих столичных часовщиков 1640-х гг. А пока он учился, немецкий часовщик на русской службе Иван Магор осенью 1641 г. по поручению властей ездил в Швецию для закупки меди и других товаров, нужных для часового дела³⁴.

В Оружейной палате бок о бок трудились русские и зарубежные мастера разных профессий, что служило отличной почвой для знакомства россиян с веяниями зарубежного ювелирного и иного декоративного ремесла. Архив палаты сообщает имена иноземцев: зелейщики Иван Магнич (1626), Иван Магдан, Иван Пур (1634), городских дел мастер Кашпар Франсбауэ (1633), два канительных дел мастера из Германии – Абрам Юрьев и Лукьян Ульянов Анцебулов³⁵ – и др. Русофицированная форма имен этих выехавших из-за рубежа специалистов свидетельствует, что они обретались в России сравнительно долго.

Кстати, не все иностранные мастера находились на государственной службе в Оружейной, Мастеровой, Золотой, Серебряной палатах и прочих ведомствах. Некоторые к концу XVII в. вели «частный бизнес» в Немецкой слободе. К примеру, в ноябре 1670 г. ремонтировать сломанные игрушки царских детей (шесть барабанов «больших и малых, расписанных по золоту красками», и механических «немцев, что стоят на черном деревянном ящике и играют») отправили не в Оружейную палату, а в Немецкую слободу³⁶. Часто для изготовления Оружейной палатой вещей использовалось высококачественное сырье, доставляемое из Западной Европы. Так, 1 июня 1628 г. «голландской земли немчин» К. Демуллен поставил 4000 пудов красной меди, а 10 марта 1653 г. Оружейная палата приняла 50 пудов шведского железа³⁷.

Век барокко – это век веселой легкой музыки, театра, карнавалов и фейерверков. В России, как и в Европе, появились эти неперенные черты культуры барокко. Для развлечения царя Михаила Романова в свое время завели при дворце Потешную палату. В ее штате значились «немецкие» музыканты, шуты и циркачи. В разрядных записях 12 сентября 1637 г. упоминается «потешный немец» – музыкант, а 4 декабря 1638 г. на службу в Потешную палату был принят иноземец Федор Завалский «к орган-

ной игре»³⁸. Известен еще «немчин» Иван Семенов, который 10 лет веселил царя Михаила и, между прочим, «выучил по канатам ходить и танцевать и всяким потехам, чему сам умеет, пять человек» русских людей, а еще 24 человека приобщил к умению «бить в барабан»³⁹. В особых помещениях дворца хранились инструменты музыкантов Потешной палаты: цимбалы, домры, гусли, скрипки и даже орган. Что касается органов, то при царе Михаиле в самой Москве было изготовлено несколько органов, причем один из них был отправлен в подарок персидскому шаху⁴⁰.

Царь Алексей Михайлович был еще более открыт веяниям из Европы. Интерес ко всему европейскому усилился в то время, когда шансы Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея занять польский трон были высоки. В Москве старались узнать польские и прочие европейские придворные обычаи. Во дворце у Алексея Михайловича была заведена европейская музыка. «Немчин» играл на органе, «в трубы трубили и по литаврам били»⁴¹. В январе 1676 г. в Москве находилось посольство Нидерландов, в составе которого был искусный музыкант. В Кремле по велению царя был устроен концерт этого виртуоза⁴². В 1650–1670-х гг. русские послы получали приказ бывать на балах и театральных постановках и подробно описывать их. Примером таких отчетов может служить «рапорт» о виденном во Флоренции спектакле дипломата Лихачева, посланного к тосканскому герцогу в 1659 г. «Объявились палаты, и была палата и вниз уйдет, и того было шесть перемен; да в тех же палатах объявилось море, колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят, а вверху палаты небо, а на облаках сидят люди... Да спускался с неба на облаке сед человек в карете, да против его в карете прекрасная девица, а аргамаки (рысаки) под каретами как есть живы, ногами подрагивают... А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах и почали саблями и шпагами рубиться и из пищалей стреляти и человека с три как будто и убили. И многие предивные молодцы и девицы выходят из занавеса в золоте и танцуют; и многие диковинки делали»⁴³.

Английская исследовательница Л. Хьюз предположила, что истоки первого театра в России следует искать в доме Артамона Сергеевича Матвеева, женатого на обращенной в православие шотландке Гамильтон. Надо сказать, что отечественный историк П.В. Седов⁴⁴ довольно аргументированно опровергает устоявшееся за последние 300 лет мнение о шотландских корнях супруги Матвеева, доказывая, что она происходила не из обрусевших Гамильтонов-Хомутовых, а из другого рода русских Хомутовых – стрельцов. Матвеев сам был сыном стрелецкого головы. Однако в вопросе о театре не так уж важно, шотландкой или нет была жена Артамона Сергеевича. Важно то, что этот русский человек являлся явным почитателем театрального искусства, причем явно европейского обличья (не уличного «театра» скоморохов). Хьюз считает, что в доме Матвеева разыгрывались частные спектакли, которые очень нравились его воспитаннице Ната-

лье Кирилловне Нарышкиной⁴⁵. Когда она стала женой Алексея Михайловича, заинтересовался театром и сам царь. Так или иначе, но в 1672 г. по случаю рождения царицей Натальей сына Петра Алексей Михайлович решил преподнести ей необычный подарок. Он создал придворный театр⁴⁶. «Комедийных хоромин» было две. Одна стояла в подмосковном дворцовом селе Преображенском, другая – в Кремле под апартаментами Аптекарского приказа.

По свидетельству царского врача саксонца Лаврентия Рингубера, 4 июня 1672 г. был отдан приказ о подготовке спектакля «Артаксерксово действо». Режиссером выступил лютеранский пастор Готфрид Грегори, первыми актерами – его ученики из протестантской школы в Немецкой слободе. Сыграли спектакль 17 октября 1672 г. в Преображенском. Он шел 9 часов, причем на немецком языке, что не помешало Алексею Михайловичу и царице Наталье восхититься действием, разыгранным на сцене. При этом зрители-мужчины (государь с ближайшим окружением) сидели в зале, а царица с детьми наблюдала за актерами «сквозь щели особого, досками отгороженного помещения»⁴⁷.

В 1672–1673 гг. придворный театр разыграл «прохладную», то есть веселую, «комедию» об Иосифе, и «жалостную» – об Адаме и Еве. Всего за 1672–1676 гг. было дано 9 пьес и 1 балет. Скоро на обучение театральному искусству стали посылать русских людей. В 1673 г. на комедиантов учились 26 молодых жителей Новомещанской слободы. Примечательно, что в этой слободе селили выходцев из Украины. Также учили на актеров дворовых людей «министра иностранных дел» России А.С. Матвеева. Существует легенда, которой отдал должное Н.М. Карамзин⁴⁸, что царевна Софья сочиняла тексты пьес для придворного театра и даже играла на его сцене. Легенда восходит к устной русской традиции, которую впервые в 1784 г. записал англичанин Вильям Кокс. По его версии, царевна перевела на русский язык комедию Мольера «Мнимый больной» и сама сыграла в этой пьесе⁴⁹. Есть также свидетельство, что графиня Голovina, проводшая детство в тереме дочерей Алексея Михайловича, утверждала, что царевна Софья сочинила пьесу «Обручение Святыя Екатерины», где сама играла главную роль⁵⁰.

В исторической науке вопрос о причастности Софьи к театру остается спорным. Часть авторов, в частности Н. Молева, американский историк О'Брайн⁵¹, английский историк З. Шаховской⁵² разделяют мнение Н.М. Карамзина. Отечественный историк С.К. Богоявленский⁵³ считал, что Софья была неравнодушна к театру и, может быть, даже устраивала частные спектакли в своих покоях в годы своего регентства (1682–1689 гг.). Другие историки, к примеру, Г.В. Маркелов, отвергают подобные заключения как «неосновательные»⁵⁴.

После смерти Алексея Михайловича театральные постановки прекратились. Вступивший на престол Федор Алексеевич не жаловал театр. Заново театр открылся уже при Петре I в

1702 г. Впрочем, многим придворным церемониалам времен Федора Алексеевича была присуща театральность европейского карнавала. Участник польского посольства чех Бернгард Таннер описывает «Ангельский легион», который участвовал в придворном празднике. Дворцовые жильцы, одетые в длинные красные одеяния, гарцевали на белых конях. За их спинами развевались крылья. В руках «ангелы» держали пики с приложенным вверху изображением крылатых драконов⁵⁵.

Хотя Федор и закрыл первый в истории России театр, зато именно он открыл путь настоящей музыкальной революции. Федор, с детства собиравший нотную библиотеку, пригласил на русскую службу из Речи Посполитой Николая Дилецкого и Иоанникия Коренева. Первый в Москве создал «Музыкальную грамматику», известную в двух редакциях 1679 и 1681 гг.; второй – трактат «О пении божественном». С этого момента в России стали использовать для записи музыкальных сочинений западноевропейские ноты, греческие «крюки» ушли в прошлое. Стало распространяться «партесное», то есть концертное, «киевское» пение и «четверогласное» по западным нотам⁵⁶.

Русские музыканты с интересом восприняли все эти европейские новшества. Отечественный композитор Василий Титов положил «Псалтырь рифмованную» Симеона Полоцкого на музыку. Европейским музицированием увлеклись даже монахи-книжники, прибывшие в Москву из Киева. Так, Епифаний Славинецкий сочинил несколько «песен эпического характера». Самому царю принадлежало песнопение «Достойно есть», которое до сих пор исполняется на концертах старинной русской музыки.

При дворе царевны Софьи в период ее регентства (1682–1689 гг.) европейская музыка стала привычной. Ее исполняли и на праздновании религиозных праздников с присутствием русских вельмож и высокопоставленных иностранных служилых людей. Европейская музыка звучала и в Немецкой слободе. «Мы праздновали день всех святых, – записал в своем «Дневнике» в Москве 1 ноября 1688 г. шотландец генерал русской службы Патрик Гордон, не указывая, где это было, при дворе или в Немецкой слободе, – с вокальной и инструментальной музыкой»⁵⁷.

Как можно видеть из описанных выше картин русской жизни XVII в., Московское царство было значительно ближе к Европе в своих культурных запросах, чем обычно принято считать. «Новшества» XVII столетия явились той благодатной почвой, из которой вырос чуть позже европейский XVIII век России.

Chernikova E.V. European Influence on Russian Culture in the XVII Century.

Summary: The article is devoted to changes in the Russian culture during the rule of Mikhail, Aleksey and Feodor III and during the rule of Regent Sofia in the XVII century.

Ключевые слова

Культура барокко, Российское царство XVII в., заимствование Россией технического и культурного опыта Запада, европеизация России, западные новшества, правление Михаила, Алексея, Федора III, регентство Софьи.

Keywords

Baroque culture, Russian Kingdom XVII century, borrowing by Russia of the technical and cultural experience of the West, Europeanization of Russia, Western innovations, the rule of Mikhail, Aleksey, Feodor III, the rule of Regent Sofia.

Примечания

1. РГАДА. Фонд 396. Архив Оружейной палаты. Опись 1. Ч. 1–23.
2. Там же. Опись 1. Ч. 4. С. 99 оборот. № 4135.
3. Там же. Опись 1. С. 3. С. 151. № 3348.
4. Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России в первой четверти XVIII в. М., 1987. С. 173.
5. Куненков Б. Федор Алексеевич // Российская корона. Князья, цари, императоры. М., 2009. С. 175.
6. Богданов А.П. Политическая гравюра в России в период регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С. 236.
7. Линдси Хьюз. Царевна Софья 1657–1704. СПб., 2001. С. 179.
8. Более подробно см.: Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984.
9. Овчинникова Е.С. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955. С. 31.
10. Более подробно о Безмине см.: Успенский А.И. Иван Артемьевич Безмин и его произведения // Старые годы. Апрель. 1908. С. 198–206. Овчинникова Е.С. Портрет в русском искусстве... С. 86–99.
11. Бальтазар Койэт. Исторический рассказ или описание путешествия Конрада ван Кленка...// Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 379.
12. Более подробно см.: Алексеева М.А. Жанр Конклюдий в русском искусстве конца XVII – начала XVIII в.// Русское барокко. Материалы и исследования. Под редакцией Т.В. Алексеевой. М., 1977. Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982.
13. Розыскное дело о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. С. 596–597, 655–663.
14. Там же. С. 163 № 4721. С. 187 № 4984.
15. Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 125.
16. РГАДА. Фонд 396. Архив Оружейной палаты. Опись 1. Ч. 4. С. 89. № 4072.
17. Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. С. 79.
18. Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Транзиткнига, 2005. Т. II. С. 97–103.
19. Куненков Б. Федор Алексеевич // Российская корона. Князья, цари, императоры. 2009. С. 177.
20. РГАДА. Фонд 396. Архив Оружейной палаты. Опись 1. Ч. 4.
21. Лаптева Л.П. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 107.
22. ПСЗРИ. Т. 2. № 1133. С. 687. № 1314. С. 949–950.
23. Богданов А.П. Указ. соч. С. 78.
24. Де ла Невилль. Записки о Московии. Перевод и комментарий А.С. Лаврова. М., 1996. С. 166.
25. ПСЗРИ. Т. 2. № 1054. С. 568.
26. Там же. № 1181. С. 760–766.
27. Там же. № 1315. С. 950.
28. Там же. Т. 2. № 984. С. 490–491.
29. Забелин И. Указ. соч. С. 90–95.
30. РГАДА. Фонд 396. Архив Оружейной палаты. Опись 1. Ч. 1. № 3588.
31. Там же. Опись 1. Ч. 3. № 3021.
32. Там же. С. 109. № 3078.
33. Там же. С. 120 оборот. № 3145.
34. Там же. С. 109. № 3064.
35. Там же. С. 120 оборот. № 3145; С. 109. № 3064; С. 33. № 2332.
36. Линдси Хьюз. Указ. соч. С. 52.
37. РГАДА. Фонд 396. Опись 1. Ч. 4. С. 185. № 4958.
38. Там же. Опись 1. Ч. 3. С. 79. № 2853. С. 87 об. № 2932.

39. Преображенский А.А., Морозова Л.Д., Демидова Н.Ф. Первые Романовы. М., 2000. С. 126–127.
40. Там же. С. 107.
41. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 255.
42. Ловягин А.М. Москва при смерти тишайшего государя // Русская старина. 1893. Т. 80. № 12. С. 528–538.
43. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 255.
44. Седов П.В. Указ. соч.
45. Линдси Хьюз. Указ. соч. С. 61.
46. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 256–257.
47. Рейтенфельс Я. Сказание святейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии // ЧОИДР. 1905. Кн. 3. С. 88.
48. Карамзин Н.М. Пантеон российских авторов // Сочинения в двух томах. Т. 2. Л., 1984. С. 102.
49. Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Vol. 1. London, 1784. P. 418.
50. Молева Н. Царь-девица // Знание - сила. 1971. № 1. С. 34.
51. O'Brien C.B. Russia under Two Tsars 1682–1689. The Regency of Sophia Alekseevna. – Berkeley and Los Angeles, 1952. P. 50.
52. Schakovskoy Z. Precursors of Peter the Great. London, 1964. P. 133.
53. Богоявленский С.К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. XIV–XVI.
54. Маркелов Г.В. Царевна Софья // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1988.
55. Богданов А.П. Указ. соч. С. 228.
56. См. подробнее: История русской музыки: в 10 т. Т. 1. Древняя Русь: XI–XVII века. М., 1983. С. 172–274., 376.
57. Патрик Гордон. Дневник 1684–1689 гг. М., 2009. С. 179. Л. 218.

Взаимодействие литературы и искусства основных религиозно-культурных систем Индии

О.Г. Ульциферов

Данная статья рассматривает взаимодействие индуизма с буддизмом, исламом и христианством в литературе и искусстве. На фактическом материале она анализирует схожесть и различие указанных систем, приводит основные данные о взаимодействии этих систем в литературе и искусстве и показывает взаимовлияние и взаимообогащение столь различных религиозно-культурных систем.

Индийская литература принадлежит к одной из величайших литератур мира. Она не имеет аналогов среди мировых литератур по объему и количеству языков, на котором она создавалась и создается. Она прошла огромный исторический путь, насчитывая примерно 40 веков своего существования. Весьма условно ее можно подразделить на:

- а) древнюю одноязычную индоарийскую литературу;
- б) древнюю многоязычную индоарийскую литературу;
- в) средневековую многоязычную литературу, имеющую как индоарийские, так и иностранные (азиатские) корни;
- г) современную многоязычную литературу, имеющую как индоарийские, так и иностранные (азиатские и европейские) корни.

Древняя одноязычная индоарийская литература предстает в виде различных памятни-

ков, созданных на нескольких древних языках, получивших название санскрит и пракриты. В понятие «санскрит» входят два основных языка: ведийский (*вайдик*) и народный (*лаукик*), или классический (класикал) санскрит. На этих языках написана вся ранняя литература индуизма:

– литература *шрути* («литература того, что услышано»), куда входят Веды, Брахманы, Араньяки, Упанишады, Дополнительные Веды и Вспомогательные Веды (*Веданги*);

– литература *смити* («литература того, что вспомнено»), к которой относятся древнеиндийский эпос («Рамаяна» и «Махабхарата»), Пураны и Агамы, а также вся санскритская классическая литература (драмы, поэмы, повествования и агиография).

Древняя многоязычная индоарийская литература представлена литературой на санскрите и пракрито-палийской литературой. Последняя связана с распространением буддизма.

Ульциферов Олег Георгиевич – д.филол.н., профессор кафедры индоиранских языков МГИМО(У) МИД России, почетный доктор лингвистики Университета в Кангри (Индия), почетный доктор литературы Аллахабадского университета (Индия), заслуженный деятель науки РФ, лауреат Международной премии им. Дж. Неру за укрепление индо-советской дружбы, советник МИД РФ 1-го класса. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Литература индуизма и буддизма

Как известно, различают три пракрита: пали, местный (деши) пракрит и пракрит-апабхрамша. На пали написана практически вся буддийская литература, куда входят проповеди Будды Шакьямуни, собранные впоследствии в буддийский канон «Три питака» («Три корзины»), наскальные и колонные надписи, относящиеся ко времени императора Ашока, и сборники религиозно-наставительных и занимательных притч, получивших название «Джатаки» («Житие»).

Следует отметить, что указанные религиозно-светские произведения обнаруживают заметную схожесть лексики с санскритом, особенно терминологической, в чем можно убедиться из следующих примеров (первое слово – санскрит, второе – пали): *винай-винай* – «смирение»; *девадутта-девадутта* – «посланец богов»; *сансара-сансара* – «реинкарнация»; *сутрасутта* – «тезис»; *дхарма-дхамма* – «дхарма»; *амадхи-самадхи* – «медитация»; *аханаринирвана-маханариниббхана* – «достижение полной нирваны»; *уньята-суньята* – «пустота»; *рипитака-типитака* – «три корзины».

Наряду с пракрито-палийской литературой продолжала развиваться и совершенствоваться литература на санскрите, которая получила название классической санскритской литературы. Ведущим жанром считалась драма (*рупакка*, или *натья*), за ней шла эпическая поэма, или поэма больших форм (*махакавья*). Эти произведения написаны главным образом поэтическим языком. Весьма малочисленная проза была представлена повествованиями (*катха*) и агиографией, или житийной литературой (*акхьяика*).

Эта литература затрагивала не только различные темы, связанные с индуизмом, но и касалась тем, связанных с буддизмом. Так, один из создателей жанра эпической поэмы – Ашвагхоша (I–II вв. н.э.) создал большую поэму, посвященную жизни Будды («Буддхачарита»). Более того, более поздняя буддийская литература (литература «хинаяны» и «махаяны») создавалась в основном на санскрите¹.

Средневековая многоязычная литература, с одной стороны, продолжала традиции древней литературы, а с другой – начала испытывать влияние новой мусульманской культуры, которая принесла с собой иностранный (персидский) язык.

Традиции древней литературы поддерживались двояко: 1) продолжали создаваться произведения на санскрите и пракритах; 2) появились переложения великих творений прошлого на местные языки, которые возникли примерно в X в. н.э. на базе санскрита или различных пракритов.

Литература на языке хинди, персидском языке и языке урду

Как известно, язык хинди начал складываться в X в. н.э. Индийская литература на персидском языке стала формироваться в XI в. н.э. После образования Делийского султаната эта литература продолжала развиваться при дворах мусульманских правителей, многие из которых сами были хоро-

шими поэтами и прозаиками. Во время правления могольского императора Акбара персидский язык становится *lingua franca* для всей официальной Индии. В Индии широко публикуются и переводятся на местные языки произведения таких гигантов персидской поэзии, как Саади, Фирдоуси, Низами, Хайям, Хафиз Ширази. С другой стороны, индусы, населяющие Северную Индию, говорили на одном из языков хинди (кхари боли, авадхи, брадж, каннауджи и др.). На этих языках создавались большие эпические произведения, как, например, «Море подвигов Рамы» (*Рамчаритрамана*) Тулсидаса на языке авадхи, «Море гимнов» (*Сурсагар*) Сурдаса на языке брадж, произведения Амира Хусро на кхари боли.

Наряду с традиционными сюжетами в литературе, созданной мусульманами, все чаще начинает появляться местная тематика. Это явление можно проследить на примере творчества Амира Хусро Дехлеви (1253–1325), который писал как на персидском языке, так и на кхари боли. Эта литература особенно успешно развивалась во времена Великих Моголов, особенно в период правления Акбара. Абуль-Фейз Фейзи (1547–1595), один из приближенных Акбара, имевший титул «царя поэтов» (*Малек ши-шоара*), выступил переводчиком и популяризатором древнеиндийского эпоса, создав на персидском языке историю любви *Наля и Дамаянти* (поэма «Наль и Даман», вставной эпизод «Махабхараты»).

Мусульманское завоевание Индии не могло не пробудить в индусской среде религиозно-патриотических настроений, которые во многом были связаны с новым осмыслением индуизма. Начало меняться отношение к богу. Под влиянием идей буддизма и джайнизма индуизм отказался от практики задабривания богов с помощью жертвоприношений и начал строить взаимоотношения с богом через полную личную преданность индуса богу, что повсеместно породило мощное движение бхакти или доктрину достижения высшей цели – освобождения от цепи перерождений через поклонение и преданность богу.

Возникает мощный культ бога Кришны и его возлюбленной Радхи, которые стали главными персонажами огромного количества литературных произведений практически на всех местных языках. Растет и авторитет бого-человека Рамы, что привело к созданию множества различных вариантов «Рамаяны» на местных языках, вершиной которых является «Море деяний Рамы» («*Рамчаритрамана*») Тулсидаса. Патриотические идеи привели к возникновению жанра героических баллад (*расо*), восхвалявших деяния индусских правителей. Наряду с этим растет влияние суфизма, сторонники которого противопоставляли догме почитания Всевышнего проповедь любви как средство познания и приобщения к богу.

С течением времени в Индии в результате взаимодействия индусской и мусульманской культуры на самых разных уровнях с XIII в. начинает складываться новый язык, который, сохраняя грамматический строй языка хинди, заимствовал доста-

■ Культурология

точно большой лексический пласт из персидского языка. Первоначально этот язык получил название «языка военного лагеря» (*забан-и-урду*), которое впоследствии было сокращено до слова «урду». К этой литературе относится литература мусульман и индугов Индии, говорящих и пишущих на языке урду. Она зарождалась под влиянием персидской классической литературы. Из персидского языка в урду первоначально вошли поэтические формы, такие, как *маснави*, *газель*, *рубаи*, *касиды*, *назм* и *марсия*. Затем в урду проникают и прозаические формы *афсана* и *дастан*.

В XV–XVII вв. литература урду в своей южной форме, получившей название *дакхини*, развивалась главным образом в мусульманских княжествах Декана. Высшим достижением поэзии на урду в Декане считается творчество Вали Аурангабади (1688–1744). Вали, возможно, первый среди поэтов урду описывал не красоты далекого Ирана, а природу родного Декана. Он воспевае и подвиги индугов – Рамы, Лакшмана, Арджуны. В языке Вали много местных слов. Здесь нет засилья арабо-персидской лексики. После завоевания Аурангзебом деканских княжеств урду возвращается в Северную Индию. В XVIII в. литература урду, самая молодая литература Индии, окончательно формируется и по мастерству достигает уровня литературы на персидском языке. С начала XIX в. начинается нормирование этого языка. В 1837 г. он становится официальным языком судопроизводства и деловой переписки, что сделало его вторым по значимости языком Северной Индии².

Постепенно в Индии начало складываться двуязычие хинди и урду. Заметное количество писателей создавали произведения на обоих языках. При этом большинство этих писателей было индусами³. В результате взаимодействия с персидским языком и языком урду словарный состав хинди пополнился значительным количеством арабо-персидской лексики. На базе хинди и урду сложилось городское «койне» в хиндиязычных штатах, представляющее собой единый разговорный язык, который в литературе получил название «хиндустани»⁴. Хиндустани стал языком общения всех жителей этих штатов, которые не знают английского языка. Разговорным языком (так называемый «язык кино» – «филмана бхаша») большинства фильмов, созданных в Болливуде, в основном является хиндустани. Литературный хинди с большим количеством санскритских слов используется только в фильмах на индускую тематику (например, сериал «Махабхарата»).

Современная многоязычная литература по интересующему нас вопросу касается взаимодействия хинди (и других основных региональных языков) с английским языком.

Литература на языке хинди и английском языке

Укрепление власти англичан в Индии способствовало дальнейшему распространению английского языка в стране. В 1813 г. английский язык становится наряду с местными языками обязатель-

ным языком образования. В 1835 г. он становится официальным языком судопроизводства, управления и дипломатии. В результате этого начинает быстро расти количество английских слов в хинди и других современных индоарийских языках. В настоящее время в хинди вся научно-техническая терминология, за редким исключением, заимствована из английского языка⁵. Много английских слов проникло в разговорный язык. Отдельные представители (главным образом среднего класса) широко используют английские слова вместе со словами хинди, что привело к появлению особой разговорной формы общения, получившей название «хинглиш»⁶.

Длительное взаимодействие английского языка с хинди и другими региональными языками вылилось в образование особого диалекта английского языка, получившего название «индийский английский». Он имеет определенные отличия от британского английского языка, что касается главным образом фонетики и лексики. В области лексики это касается заимствования английским языком слов хинди: *bangle* «браслет» (от хинди *бангари*), *bungalow* «бунгало» (от хинди *бангла*), *dacoit* «бандит» (от хинди *дакайт*), *loot* «грабеж» (от хинди *лут*), *khaki* «цвета хаки» (от хинди *кхаки*) и т.п.

Сюда же можно отнести английские слова, передающие индийские реалии: *eggitarian* – обозначение вегетарианца, который употребляет молочные продукты и яйца, но не ест мяса; *posescrew* – «колечко в носу»; *godown* – «склад», а также устаревшие английские слова, существующие, однако, в активном словаре индийского английского:

- *curd* (вместо *yoghurt*) – «йогурт»;
- *dicky* (вместо *trunk of a car*) – «багажник автомобиля»;
- *in tension* (вместо *being concerned* или *nervous*) – «озабоченный» или «нервный»;
- *equals* (вместо *is equal to*) – «равняется».

С другой стороны, ряд английских слов приобретают в индийском английском отличное значение: *master* – уважительное обращение к подпросткам; *uncle/aunt* «дядя/тетя» – уважительное обращение к старшим по возрасту; *dialogue* – диалог в кинофильме вместо привычного английского слова *line*; слово *graduation* означает завершение бакалаврского образования; слово *metro* «метрополитен» употреблялось для обозначения крупного города, в настоящее время, после строительства метрополитена в некоторых городах Индии, оно начинает приобретать свое основное значение и т.д.

Нужно отдать должное англичанам, которые перевели на английский язык практически все основные классические произведения индийской литературы с санскрита и праkritов: сюда входят Ведаы, эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна», Брахманы, Упанишады, Пураны, буддийская «Типитака», «Джатаки», «Панчатантра»⁷; переведены основные произведения индийских авторов, начиная с XIII в. – Намдева (1270–1350), Сурдаса (1483–1563), Кабира (1440–1518), Тулсида (1532–1623) – и кон-

чая современными писателями и поэтами⁸. На английский язык осуществлен перевод и основных драм Калидасы, жившего в I в. до н.э.

Заметное количество индийских авторов создавали свои произведения на английском языке. Здесь можно отметить М.К. Ганди, Джавахарлала Неру, Рабиндранатха Тагора, Сарвапалли Радхакришнана (президент Индии в 1962–1967 гг.) и многих других. В Индии успешно работают индийские писатели на английском языке⁹. Здесь уместно привести высказывание современного премьер-министра Индии Манмохана Синха: «Представляется, что в настоящее время английский язык является еще одним индийским языком»¹⁰.

Переводы с английского языка на хинди, равно как и на другие современные индоарийские языки, являются достаточно редкими. Так, Болливуд в 1935 г. выпустил на хинди фильм «Кровь за кровь» («Кхун ка кхун») по мотивам драмы У. Шекспира «Гамлет». Сама драма была переведена на хинди только в 1963 г. Такое внешнее небрежение к одной из ведущих литератур мира объясняется весьма просто: образованные индийцы предпочитают читать английские произведения в оригинале, а необразованные индийцы читают крайне мало¹¹.

Искусство

Индийское искусство представляет собой своеобразный сплав стилей и жанров, что особенно касается средневекового и современного искусства. В данном исследовании рассмотрены архитектура, скульптура, живопись, музыка и танец в плане их взаимодействия с буддийской, мусульманской и христианской религиозно-культурными системами.

Архитектура

Индийская архитектура своими корнями уходит в глубокую древность. Хронологически и по характеру возводимых сооружений ее можно разделить на следующие периоды: 1) архитектура Индской цивилизации; 2) ведийская архитектура; 3) буддийская и джайнистская архитектура; 4) индусская североиндийская архитектура; 5) индусская южноиндийская архитектура; 6) исламская архитектура; 7) синтетическая гражданская исламо-индусская архитектура; 8) колониальная архитектура; 9) архитектура независимой Индии.

В индусской архитектуре различают два основных стиля: *нагара*, или североиндийский стиль, и *дравида*, или южноиндийский стиль, а также два вспомогательных: *весара*, или смешанный стиль нагара-дравида, и *мишра*, или смешанный стиль нагара-дравида-весара. По своим функциям все сооружения в Индии делятся на религиозные (*дхармик*) и светские (*лаукик*). К религиозным постройкам относятся индусские храмы (*мандир*), мусульманские мечети, христианские церкви, молельни (*чайтья*), буддийские ступы, а также монашеские обители (*вихара*) и колонны (*стамбха*). К светским постройкам относятся дворцы (*прасада*), крепости (*дурга*), общественные постройки (*варта*), мосты (*сетубандха*), водоемы (*талаб*), жилые дома (*аваса*).

Индусская и буддийская архитектура

Рамки статьи не позволяют дать описание архитектуры Индской цивилизации и ведийской архитектуры, которая создавалась по своим весьма четким и совершенным правилам. Теоретической и практической базой для индийского зодчества стали различные трактаты по архитектуре (*васту шастра*). Первым из них можно считать «*Станья веду*» или «Веду по архитектуре», которая являлась частью «Атхарваведы». Среди других работ следует отметить трактат по астрологии «Большой сборник гимнов» («*Брихат самхита*»), автором которого является Варахамихира (VI в. н.э.), и «Архитектура Манасары» («*Манасара шилпашастра*» или «*Манасара*» (IV в. н.э.). Последнее сочинение, созданное мудрецом Манасарой, представляет собой весьма обширный труд, состоящий из 5400 стихов, разбитых на 70 глав.

Первые упоминания об индусских храмах можно найти в работах великого индийского филолога Панини (520–460 до н.э.), поэтому буддийская архитектура, которая начала развиваться со времени династии Маурьев (322–185 до н.э.), не могла не испытать влияния древней индусской деревянной архитектуры, что можно увидеть на примере архитектурных элементов буддийской чайтья. Здесь, но уже в камне, имитировались древние конструкции. К ним можно отнести каменные ложные стропила, которые повторяли деревянное покрытие арийских домов, где потолок поддерживался гнутыми деревянными ребрами. Фасад молельни походил на «порттик» с килевидным завершением, что по архитектурному решению напоминало завершение фасадов жилых домов из растительного материала.

Некоторые источники возводят буддийскую ступу к ведийскому жертвенному алтарю. Он, как известно, был двух видов: квадратный и круглый, что и легло в основу двух основных видов ступ с квадратным и круглым цоколем. В период расцвета буддизма в Индии только при императоре Ашоки с использованием самых разных архитектурных решений были построены 85 тысяч ступ.

С другой стороны, индусские пещерные храмы создавались по образцу аналогичных буддийских пещерных храмов, что можно увидеть на примере храма Кайлаша в Эллоре. По образцу индусских жертвенных столбов (*ягьяюпа*), к которым привязывали животных, предназначенных для жертвоприношения, создавались знаменитые колонны Ашоки, на которых выбивались его указы.

Индусская и мусульманская архитектура

На раннем этапе завоевания Индии мусульмане крайне отрицательно относились ко всему индусскому зодчеству: разрушали храмы и иные культовые сооружения индусов, возводили на их месте мечети или использовали разрушенные храмы как строительный материал¹². Мусульманская архитектура в Индии первоначально базировалась на персидской архитектуре. Однако со временем она начала приобретать свои собственные отличительные черты. Обычно мусульманскую архитектуру периода господства в Индии мусульман

подразделяют на три стиля: делийский, или имперский, стиль (1191–1557), провинциальный стиль, что касалось различных сооружений в районах, прилегающих к Дели, и могольский стиль – от Бабура до Аурангзеба (1526–1707).

По своему целевому назначению она также подразделялась на религиозную (мечети и гробницы) и светскую (крепости и дворцы). Религиозная была широко представлена большим количеством мечетей. Первая мечеть в Индии (Чераманская соборная мечеть – Чераман джума масджид) была построена на территории современного штата Керала в 629 г. в соответствии со всеми канонами индусского зодчества. Последующие мечети часто воздвигались на месте индусских храмов, что не могло не сказаться на их внешнем облике, который заметно отличался от классической персидской модели. Со временем, сохраняя основные архитектурные требования классических мечетей, мечети в Индии приобрели свой индийско-мусульманский стиль. Основное отличие состояло в том, что мечети в Индии строились из каменных блоков, а не из кирпича, как в Египте, Ираке или Иране. Это стало возможным благодаря искусству индийских каменотесов, которые на протяжении многих веков хорошо умели обращаться с камнем.

В отличие от мечетей, которые строились по каноническим принципам, усыпальницы (*макбара*) возводились по свободному архитектурному замыслу. Многие из них представляют собой шедевры мирового зодчества. К ним можно отнести такие усыпальницы, как Тадж Махал, гробницы могольских императоров Хумаюна, Акбара, Аурангзеба, усыпальницы правителей династий Лоди и Кутубов. В этих архитектурных памятниках можно увидеть определенные детали индусской архитектуры: лотосовидное покрытие купола Тадж Махала, павильоны-зонтики (*чхаттри*) близ основного купола Тадж Махала. Подобные детали просматриваются и во многих усыпальницах. Следует отметить, что такой тип архитектуры был незнаком индусам, которые, веря в инкарнацию, сжигали тела умерших.

Также по оригинальным замыслам и планам возводились мусульманские крепости и дворцы. И здесь основным строительным материалом был камень: красный, желтый или розовый песчаник. К сожалению, индусские крепости и дворцы мусульманского периода строились главным образом из дерева или из саманного кирпича. Подобное строительство в индийской литературе называется «сырым» или «неустойчивым» (*качча*). В силу этого они не сохранились. От того времени уцелели лишь каменные постройки (главным образом храмы), получившие название «твердых, или «устойчивых» (*нака*).

Исходя из реконструкции, индусская крепость с дворцовыми постройками внутри строилась применительно к местности. Крепости возводились на скалах, на насыпном грунте в центре озера, на важных стратегических направлениях. Горные крепости были практически неприступны (крепости в Гвалиоре, Голконде и Девагири). Равнинные кре-

пости строились как укрепленный город, который окружала крепостная стена и ров, заполненный водой. Глинобитные стены вокруг деревень возводились еще в ведический период для защиты от диких зверей и грабителей. О дворцах можно судить лишь по различным описаниям.

Дворцы, как правило, стояли посредине больших парков, они поднимались на несколько этажей вверх (один из описываемых Калидасой дворцов имел семь этажей в высоту и множество башен). Во внутренней части дворца размещались личные покои правителя и женская половина. Во внешней части находились различные целевые постройки, включая комнаты для аскетов-отшельников, помещения для стражи, темницы. Мусульмане, придя в Индию, не могли досконально знать об архитектуре индусских дворцов и начали строить крепости и дворцы по собственным замыслам и планам. Внешне они напоминали индусские крепости: крепостные стены и рвы. Но их внутреннее убранство заметно отличалось. Они, особенно во время Делийского султаната, были более аскетичными и функциональными: личные покои правителя, помещение для гарема, зал общих приемов (*диван-е-ам*), зал личных приемов (*диван-е-хас*), дворцовая или крепостная мечеть, резервуары для воды, помещения для хранения продовольствия, казармы. Однако с течением времени и ростом могущества мусульманских правителей в крепостных дворцах появлялись различные постройки для отдыха и развлечения.

Мусульманская архитектура в Индии принесла с собой ряд новых архитектурных решений. До прихода мусульман все индусские (и буддийские) сооружения имели балочные перекрытия. Мусульмане принесли с собой новый вид перекрытия – арочный. Индусские строения никогда не венчались куполами. Их храмы завершались высокими башнями (*шикхара* или *вимана*). Мусульмане принесли с собой такие архитектурные конструктивные элементы, как консольные и поясковые кронштейны, солнцезащитные козырьки, декоративные подвески, беседки с купольными крышами и минареты. Во время строительства сооружений использовались никогда не применяемые до этого в Индии кладка с использованием цементного раствора, крашеная штукатурка, цветной мрамор и глазурованный керамический кафель. Были и другие новшества, что, в конечном итоге, особенно после прихода в Индию англичан, привело к созданию уникального архитектурного стиля, получившего название индо-сарацинского. Этот стиль также называют индо-готическим, моголо-готическим, индусско-готическим и неомогольским.

Индо-сарацинский стиль

Под этим стилем подразумевают архитектурное течение, которое возникло в конце XIX в. в Британской Индии. В основе этого стиля лежит индомусульманская и чисто индусская архитектура в сочетании со стилями готического возрождения и неоклассицизма. Новый стиль принес с собой не только новые строительные материалы (залив-

ной бетон, усиленный цемент и пришедший им на смену железобетон), но и новые архитектурные детали – луковичные купола; стрельчатые и зубчатые арки; сводчатые крыши; увенчанные куполом беседки; множество небольших куполов на крышах зданий; заостренные вершины зданий; башни и минареты; «гаремные окна»; открытые павильоны; сквозные открытые аркады.

При англичанах подобный стиль использовался главным образом для возведения больших общественных зданий, таких, как часовые башни, ратуши, здания суда, университетов и колледжей, официальных резиденций и т.п. В Индии этим стилем построены: Дворец президента, Муниципальная корпорация г. Мумбаи, гостиница «Тадж-Махал» в г. Мумбаи, Мемориальный дворец королевы Виктории в г. Колката, дворец махараджи Майсора, Ченнайский музей в г. Ченнаи, триумфальная арка «Ворота Индии» в г. Мумбаи.

Скульптура

Индийская скульптура восходит к Индской цивилизации. При раскопках были найдены совершенные образцы скульптуры: статуэтка танцора, бюст жреца из белого стеатита, бронзовая статуэтка танцовщицы, рельефные изображения животных на стеатитовых печатках. Там же были обнаружены и изображения богов и фантастических чудовищ в антропоморфном виде. Первое упоминание об изображении богов встречается в грамматике Панини (V в. до н.э.), который называет их «апанья», то есть «не подлежащими продаже». Аналогичные сведения можно найти в «Ригведе», «Матсья пуране» и «Брихатсамхите».

В «Ригведе» вводится мера длины «ангула», равная ширине средней фаланги среднего пальца (примерно 18,9 мм). Согласно этой мере, высота человека определялась в 96 ангул, высота бога – в 108 ангул. Во второй половине первого тысячелетия н.э. были разработаны многие иконографические нормы, которым было необходимо следовать для стоячих (*стхана*) и сидящих (*асана*) изображений.

Дальнейшее развитие скульптуры связано с появлением в Индии буддизма.

Индусско-буддийская скульптура

Появление буддийского стиля в индийской скульптуре связано с правлением династии Маурьев и особенно со временем императора Ашоки. В результате похода Александра Македонского и образования нескольких греческих царств: Селевкидов (в 323 г. до н.э.), греко-бактрийского царства (в 250 г. до н.э.) и индийско-греческого царства (в 180 г. до н.э.) – возникли тесные экономические и культурные связи этих царств с индийскими государствами. В области скульптуры это привело к созданию греками антропоморфного изображения Будды, первые образцы которого имели явно выраженное греческое влияние: Будда облачен в греческую тунику, он стоит в позе контрапоста, у него курчавые волосы, черты его лица тщательно проработаны¹³.

До этого существовали только аниконичные изображения Будды: пустой трон, дерево просветления, следы Будды, колесо дхармачакры. С течением времени антропоморфные изображения стали принимать «божественные» черты: над головой Будды появился нимб, на его ладонях и ступнях изображалось «колесо закона» (*дхармачakra*), сам Будда часто восседал на львином троне или находился рядом с ним. Первые скульптурные изображения Будды появились в 550–500 гг. до н.э. Канонические изображения Будды складывались в период между 2 в. до н.э. и 1 в. н.э. С течением времени они распространились на все страны, в которых укрепился буддизм.

Одним из доказательств тесных связей буддизма и индуизма являются пещерные храмы Аджанты и Эллоры, где наряду с буддийскими можно увидеть и индусские храмы. Внутреннее убранство храмов имеет множество скульптур, связанных с религиозной и светской тематикой. Еще одним примером подобных связей может служить так называемая Бимаранская шкатулка (30–10 гг. до н.э.; Бимаран – город в современном Афганистане), на которой изображен Будда в окружении двух прислужников – индусских богов Брахмы и Шакры (Индры). Изображения Будды в Индии по своим размерам в основном следовали индусским канонам, обозначенным в «Ригведе».

Наряду со статуями Будды во внутренней и наружной отделке индийских ступ, чатвей и вихар появились скульптурные и рельефные изображения второстепенных божеств, прислужников Будды, бодхисаттв, окружения Будды, людей и животных, отражавших реалии Индии своего времени.

Скульптура Индии в своем каноническом исполнении, классические образцы которой были созданы во времена существования династий Гуптов (320–510) и Чолов (II в. до н.э. – IV в. н.э. и с IX в. н.э. по XIV в. н.э.), сохранялась практически без особых изменений в течение многих веков. До настоящего времени в классическом исполнении дошли канонические образы основных индусских богов. Серьезные изменения, связанные с приходом европейцев в Индию, затронули лишь светскую скульптуру.

Как известно, ислам запрещает создавать изображения не только богов и пророков, но и обычных людей. Поэтому он не оказал никакого влияния на индусскую скульптуру.

Европейская скульптура в Индии

К индусской скульптуре нельзя применять критерий европейской анатомической структуры человеческого тела. Представляется, что индийский скульптор, работающий в традиционной манере, трактует человеческое тело безлично и органически вегетативно, поэтому у изображаемого персонажа могут появиться несколько голов и несколько рук (число голов у различных богов может достигать до пяти, а количество рук – до двадцати четырех), поскольку любой представитель растительного мира имеет много ветвей, листьев и плодов. Индийская скульптура изображает не столько физическое тело

■ Культурология

человека, сколько некий порожденный фантазией или мифологией персонаж, который должен нести определенную информацию (например, показывать сверхъестественные качества и могущество персонажа) и определенный заряд энергии, способный оказать влияние на поклоняющихся ему верующих. Поэтому индусская религиозная скульптура кажется весьма странной для европейского восприятия.

Современных индийских скульпторов можно подразделить на традиционалистов, которые работают над воспроизведением канонических образов богов и богинь, и модернистов, которые работают в европейской манере, позволяющей создавать индивидуальные произведения, различающиеся только степенью таланта и мастерства. К последним можно отнести и камерные, и монументальные работы (например, монументальная композиция «Триумф труда» в г. Дели, автор – Рой Чоудхури).

Живопись

История живописи в Индии подразделяется на три периода: древний (настенная или фресковая живопись), средневековый (миниатюрная живопись) и современный, сочетающий фресковую и миниатюрную живопись со станковой.

Древний период живописи, ранние образцы которой можно увидеть в росписи глиняных изделий времени Индской цивилизации, наиболее ярко представлен фресками пещерных храмов Аджанты и Эллоры¹⁴. Наиболее древние фрески относятся ко 2 в. до н.э. Они выполнены буддийскими монахами. Небольшое количество фресок относится к так называемым «брахманистским», созданным мастерами-индусами. Брахманистские фрески можно увидеть также на стенах пещерных храмов в Бахми и Бадаме.

Фресковая живопись достигла своего расцвета в Чольский период (850–1150), что особенно видно на фресках с изображением бога Шивы на стенах величественного храма в Танджоре. Следует отметить, что техника создания и исполнения буддийских и брахманистских фресок не различалась ни в подготовительных работах отделки стен, ни в манере художественного письма. Однако вместе с ослаблением влияния буддизма в Индии фрески в большинстве становятся индусскими по содержанию.

Миниатюрная живопись представляет собой вид средневекового «альбомного» рисунка, датой появления которого в Индии считается XVI в. н.э. Однако ранние образцы миниатюры восходят к периоду правления Харши (VII в. н.э.) и даже Ашоки (III в. до н.э.). Рисунки создавались на холсте, натянутом между двух бамбуковых палочек, на деревянных панелях и пальмовых листьях (бумага в Индии стала известна около XII в. н.э.). До нас не дошли образцы живописи, созданной ранее XI–XII вв.

Наиболее древними, сохранившимися до настоящего времени являются иллюстрации к буддийским манускриптам из Бенгалии и Бихара (на пальмовом листе длиной 54 см помещалась миниатюра размером 8х6 см). Другие сохранившиеся миниатюры на пальмовых листьях были созданы

в Западной Индии в XII–XIV вв. Начиная с XV в. манускрипты стали создаваться на бумаге. Оптимальными считались листы размером 30х10 см, что позволяло оставлять место для иллюстраций, которые не без влияния мусульман становились все более декоративными, представляя собой чистый орнамент.

Домогольская миниатюра в основном следовала канонам фресковой живописи. Могольская миниатюрная живопись начиналась с персидской миниатюры (главным образом стиль туркоман из Шираз), которая впервые стала появляться в Малве, а затем и в Меваре (штат Раджастан). Персидская миниатюра процветала в XV–XVI вв. Она была популярна при дворе императора Акбара. Однако постепенно начал создаваться собственно могольский стиль. В XVI–XVII вв. развивалась Деканская школа. С XVII в. начинается расцвет Раджпутской (Раджастанской) школы. В XVIII в. появился Раджастанско-Могольский стиль (г. Биканер). Дальнейшим этапом развития Раджастанской школы явилась Пахарская школа, то есть школа горных районов, первые живописные произведения которой появились к концу XVII в. Школа Пахари имела множество стилей, среди которых старейшим является стиль Басоли (до середины XVIII в.). Могольские художники, бежавшие в горные районы, спасаясь от нашествия Надир Шаха (1739), начали создавать свой стиль – Гулерский. Между 1770 и 1823 гг. наивысшего расцвета достиг ведущий стиль могольской миниатюры – стиль Кангра.

В могольской миниатюре возникает высокохудожественное сочетание индусской иконографии и могольской придворной культуры. На миниатюрах появляются изображения индусских богов и могольских правителей. Начинают создаваться женские портреты, а также первые миниатюры с фривольными сценами. Появляются рисунки батальных сцен и охоты.

Современная живопись представляет собой синтез традиционных индийских и европейских школ. Фресковая живопись на разные сюжеты (индийские и европейские) стала достоянием архитектурно-декоративного стиля и широко используется для внутреннего декора зданий правительственных и учебных заведений, деловых и торговых центров, гостиниц. Она в целом весьма профессиональна, но здесь практически нет произведений, заслуживающих пристального внимания.

Миниатюра продолжает развиваться и в настоящее время в виде красочных лубочных изображений богов индуистского пантеона или сцен на сюжеты классических произведений, особенно «Махабхараты» и «Рамаяны» (плакаты, календари, настольные и настенные картинки в рамках). Они отличаются незамысловатой композицией, но весьма тщательной прорисовкой деталей. Лубочные картины пользуются большой популярностью (особенно в сельской местности).

Станковая живопись в Индии прошла весьма сложный путь развития: от подражания западноевропейскому классицизму (Рави Варма, 1848–1906) до самого современного модерна и авангарда.

Музыка

Индийская классическая музыка также принадлежит к уникальным явлениям, не имеющим аналогов. Она уходит корнями в глубокую древность¹⁵. Основу индийской классической музыки составляет типическое мелодическое построение (*рага*), отличающееся определенными ладовыми и ритмическими признаками и устоявшимся звуковым рядом. Раги исполняются под ритмический аккомпанемент. Ритмическая единица в индийской музыке получила название тала (букв. «хлопок ладонью»). В Индии не существует нотной записи классической музыки, поэтому все выступления музыкантов являются импровизационными. Каждый раз даже у одного и того же музыканта импровизация звучит по-разному.

Народная музыка имеет свои канонические темы, которые варьируются от штата к штату. Чаще всего народная музыка исполняется во время различных театральных и танцевальных представлений, во время народных ярмарок и праздников. Однако в Индии есть и певцы, исполняющие народные песни. Они весьма популярны, особенно исполнители газелей и бхаджанов (песня-молитва, песня-обращение к богу). В Индии много различных по составу ансамблей народной музыки, которые выступают как аккомпаниаторы сценического или танцевального действия. Сольные выступления таких ансамблей – событие редкое.

Особое место в музыкальной культуре Индии занимает музыка кино, явление весьма специфическое. Она также создается без нот и основывается или на мелодии популярной раги, или на народной мелодии. Редко заимствуются популярные западные мелодии. Музыка кино требует специфического оркестра, в котором народные инструменты соседствуют с европейскими (скрипка, фортепьяно, духовые и тростевые инструменты). Мелодии кино – самый популярный жанр музыки. Она непрерывно звучит по радио и телевидению, ее напевают во время пикников и вечеринок, во время долгих велосипедных поездок на работу и с работы.

Музыка кино стояла у истоков индийской поп-музыки, которая развивалась по двум направлениям: чистое копирование западных музыкальных стилей с исполнением песен на английском языке и индизнизирование популярной музыки, исполняемой на хинди и других региональных языках в сопровождении смешанного оркестра. За последнее время наряду с певцами за кадром в Индии стали популярными певцы и певицы поп-музыки. Достаточно сказать, что в год в среднем продается 270 млн аудиокассет и 3,6 млн компакт-дисков с записями поп-музыки (Инди-поп).

Западная поп-музыка практически ничем не отличается от оригинала. Наряду с индийскими исполнителями в последнее время весьма популярными стали американские и другие западные певцы. Некоторые известные ансамбли совершают турне по Индии при большом стечении народа. Определенной популярностью (главным образом среди интеллигенции и крупных бизнесменов) пользуется европейская классическая музыка. Хотя в Индии практически нет оркестров классической западной музыки (иногда

подобные оркестры на небольшой срок создаются на радио и телевидении), гастрольные концерты западных музыкантов, которые, как правило, бывают бесплатными, охотно посещаются¹⁶.

Отдельное место занимает индийская военная музыка, которая восходит к музыке британских военных оркестров. Все полковые оркестры Индии состоят из высокопрофессиональных музыкантов – духовиков и барабанщиков, которые служат в армии из поколения в поколение. Оркестры, все инструменты которых являются западными, исполняют или английские военные мелодии, или мелодии, созданные по их образцу. Они записываются европейской нотной грамотой, чему обучаются военные оркестранты. Музыкальный парад сводного оркестра трех видов вооруженных сил во время празднования Дня Республики – одно из самых ярких музыкальных событий года в Индии.

Танец

Индийский классический танец также является уникальным явлением, не имеющим аналогов в танцевальном искусстве. Своими корнями он уходит в глубокую древность. Техника танца была описана еще в «Трактате о театральном искусстве» («Натьяшастра», II в. до н.э. – II в. н.э.). Историю классического танца можно подразделить на три периода:

- древний (II в. до н.э. – IX в. н.э.), когда танец или танцевально-пластические движения были составной частью классической санскритской драмы;
- средневековый (X–XVIII вв.), когда танец стал обязательной составной частью музыкальной драмы и приобрел ряд региональных особенностей;
- современный, когда танец стал самостоятельным видом искусства, сохраняя при этом свои позиции в музыкальной драме.

Индийский классический танец древнего периода не был подвержен каким-либо внешним влияниям. Среди танцев средневекового периода необходимо отметить танец в стиле «катхак». Созданный в храмах Северной Индии и рассказывающий о любви бога Кришны и пастушки Радхи, танец с приходом мусульман из храмов переместился во дворцы. Соответственно изменился и костюм танцовщиц, и тематика танца, который порой сводился к фривольным движениям, сопровождаемым таким же фривольным песенным текстом.

На базе классического танца возник современный танец – модерн, создание которого связывают с русской балериной Анной Павловой, которая триумфально гастролировала по Индии в 1921 г. В Лондоне в 1924 г. судьба свела ее с известным индийским танцовщиком Удай Шанкаром, с которым она поставила балетный дивертисмент из «Танца Радхи и Кришны», «Индусской свадьбы» и «Фрески Аджанты». Вернувшись в Индию, Удай Шанкар создал свою балетную труппу. Новую хореографию в танец катхак внесла и Лейла Сокхей, которая также находилась под влиянием мастерства Анны Павловой. Заметное место в реформировании индийского классического танца бхаратнатьям принадлежит и Рукмини Деви.

■ Культурология

Индийские хореографы новой волны, помимо классических сюжетов, используют и современные темы. Особое место среди них занимает ученик Удай Шанкара Шанти Бардхан, поставивший такие балеты, как «Открытие Индии» (1945 г.), «Рамаяна» (1952 г.), «Панчатантра» (1954 г.), ставшие в Индии новой классикой. Балет «Рамаяна» завоевал в 1961 г. золотую медаль на Международном фестивале театра в Париже. В 1952 г. Шанти Бардхан создал знаменитую индийскую балетную труппу (Little Ballet Troupe), которая совершила много гастролей по мировым столицам, демонстрируя неповторимое искусство индийского танца. Наряду с «Маленькой

балетной труппой» спектакли на современную тему ставили и другие танцевальные коллективы.

Ulsiferov O.G. Unity in Diversity: the Interaction of Literature and Art of the Major Religious and Cultural Systems of India.

Summary: The article examines one of the main questions of intercommunications between main religious and cultural systems in India: Hinduism, Buddhism, Islam and Christianity in literature and art. The article, using the actual material, focuses the similarities and differences between those systems, results the basic data on the interaction of these systems in literature and art and shows the mutual influence and interaction of such different systems.

Ключевые слова

Индоарийская литература, санскрит, пракриты, литература шрути и смрити, литература хинди и урду, литература на английском языке, переводы на английский язык, религиозная и светская архитектура, индусская и буддийская архитектура, индусская и мусульманская архитектура, индо-сарацинский стиль в архитектуре, индусско-буддийская скульптура, современная скульптура в Индии, фресковая живопись, миниатюрная живопись, современная живопись, танец в стиле катхак, современный танец в Индии.

Keywords

Indo-aryan literature, sanskrit, prakrits, shruti and smriti literature, Hindi and Urdu literature, literature on English language, translations to English, religious and secular architecture, Hindu and Buddhist architecture, Hindu and Islamic architecture, Indo-Saracenic style in architecture, Hindu and Buddhist sculpture, modern sculpture in India, fresco painting, miniature painting, modern painting, the dance in the style of kathak, modern dance in India.

Примечания

1. Переводы с санскрита на персидский язык практиковались и раньше. Так, «Панчатантра» была переведена на пехлеви (среднеперсидский язык) в VI в.
2. Первые грамматики индийских языков, изданные в России, были грамматиками языка урду: Выгорницкий А.И. Грамматика языка индустани или урду... СПб., 1897; Гильфердинг А.Ф. Грамматика индустани (урду)... СПб., 1899; Ягелло И.П. Практическая грамматика языка индустани (урду). Ташкент, 1902.
3. Ведущие индийские писатели на языке хинди Прем Чанд, Кришан Чандар, Ходжа Ахмад Аббас и другие начинали свою творческую деятельность, создавая произведения на языке урду.
4. Термином «хиндустани» обозначают разговорный язык, использующий разговорную лексику хинди и урду. Распространен на бытовом уровне не только в Индии, но и в других странах, где находятся устойчивые индийские диаспоры (Фиджи, Суринам, Тринидад). На «хиндустани» создаются диалоги большинства фильмов, сделанных в Болливуде.
5. Несколько примеров: релве (railway) «железная дорога», каледж (college) «колледж», майнаджар (manager) «менеджер», аксиджан (oxygen) «кислород», бас (bus) «автобус», партии (party) «партия» и т.д.
6. Несколько примеров: йахи хай right choice, Baby «Это правильный выбор, детка», Come on girls, вакт хай shine карне ка «Давайте, девочки, пришло время сиять», What your бахана is? «Что у тебя за предлог?».
7. К примеру, «Ригведа» была переведена Горацием Хайманом Вилсоном в 1859-1888; «Махабхарату» перевел в 1883-1896 Кисари Мохан Гангули; «Рамаяна» была переведена Ральфом Грифффином в 1853-1870; «Трипитаку» начали переводить в 1895 году. До настоящего времени вышли 43 тома. «Джатаки» перевел Эдвард Бейлес Коуэлл в 1895-1907.
8. Здесь можно упомянуть имена крупных индийских писателей и поэтов, таких, как Махадеви Варма (1906-1987), Хариванш Рай Баччан (1907-2001), Рамдхари Сингх «Динкар» (1908-1974), Саччидананда Ватсыян (1911-1987), Шиамамангал Смигх «Суман» (1915-2002), Сурьякант Трипатхи «Нирала» (1899-1961), чьи работы были многократно переведены на английский язык.
9. Здесь ведущее место занимают такие авторы, как Викрам Сетх, Салман Рушди, Р.К. Нараян, Арундхати Рой, Шаши Тхарур, Рохинтон Мистри и др.
10. Речь в Оксфорде 19 августа 2010 г.
11. Тиражи книг на хинди редко превышают 1000 экземпляров. В Индии практически нет писателей, живущих за счет литературного труда.
12. Мусульманский комплекс «Кутуб Минар» в Дели построен на основе индусского храма. Мечеть Бабура (Бабри Масджид) построена на месте храма в честь рождения богочеловека Рамы.
13. В последующий период, начиная с I в. до н.э., наблюдается отход от греко-буддийского синкретизма. Изображения Будды принимают современный облик, основной отличительной чертой которого является отсутствие одежды греческого типа. Будда изображается с обнаженным торсом.
14. Самые древние образцы живописи, относящиеся к раннему палеолиту, обнаружены в горах Виндхья в Центральной Индии. По мнению Археологической службы Индии, они сделаны за 40 тыс. лет до н.э. Рисунки выполнены красной охрой по желтому песчанику.
15. При раскопках поселений Индской цивилизации были найдены глиняные свистульки. Кроме того, на одной из стеатитовых печаток можно видеть изображение примитивной арфы.
16. Попытки соединить индийскую классическую музыку с классической западной музыкой являются эпизодическими. Это главным образом касается сотрудничества крупнейшего музыканта Индии Рави Шанкара с некоторыми западными музыкантами: скрипачом Иегуди Менухиным (альбом «West Meets East», 1967); Джорджем Харрисоном (альбомы «Shankar Family and Friends», 1974; «Music festival of India», 1976); композитором Андре Превэном (альбом «Cocerto For Sitar and Orchestra») и др.

Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого по материалам «Вестника РАН»

С.М. Медведева

В статье анализируется стереотипный образ российского ученого, представленный в публикациях РАН. Как показано в исследовании, в рассматриваемых материалах конструируется образ идеального ученого, отражающий наиболее желаемые черты характера, которые делает человека полноценным представителем российской науки, что выражает ценности и идеалы российского научного сообщества. Популяризация подобного образа будет способствовать повышению престижа российской науки и профессии ученого.

В последние годы все чаще поднимается вопрос о необходимости и возможности возродить российскую науку. Причем если в 1990-х гг. перспективы виделись преимущественно в мрачном свете, то в настоящее время мы сталкиваемся с целым спектром позиций, начиная от прохождения российской наукой точки невозврата и полного непонимания ее нужд «в верхах» до весьма оптимистических прогнозов, ссылающихся на существенные финансовые вливания, проект инновационного центра Сколково, программы возвращения отечественных ученых-эмигрантов на Родину и т.п. В принципе подобная тенденция тесно связана с политической конъюнктурой. Коль скоро с конца 1990-х гг. Россия взяла жесткий курс на возрождение своей великодержавной мощи, она должна обладать соответствующим Великой державе научным и интеллектуальным потенциалом.

Оставим, впрочем, на некоторое время в стороне спорный вопрос о финансировании и недофинансировании российских научных проектов и обратимся к субъективной стороне возрождения

российской науки. Речь идет о психологических проблемах людей, которые будут непосредственно участвовать в этом процессе, об их представлениях, ожиданиях, ценностях, паттернах поведения. Очевидно, что без возрождения в умах, никакое объективное развитие и усиление науки в России попросту невозможны. Следовательно, образ российского ученого, изучению которого посвящена данная статья, имеет к субъективной стороне процесса восстановления отечественной науки прямое отношение.

Теоретические предпосылки изучения образа российского ученого

Вместе с тем вопрос о роли образа ученого в повседневном труде работников различных научных учреждений явно нуждается в уточнении. Для ответа на этот вопрос необходимо указать два аспекта, которые связаны с функционированием образа любой профессиональной или этнической группы, в том числе и образа российских ученых. В первом случае, речь идет об удовлетворенности /

Медведева Светлана Михайловна – к.полит.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №12-06-00395.

неудовлетворенности, которую испытывает человек, принадлежащий к определенной социальной группе, по поводу своей к ней принадлежности. Особенно подробно этот вопрос был разобран британским социальным психологом Г. Тэджфелом¹. Тэджфел указал, что наша самооценка непосредственно зависит от того, к какой социальной, этнической или профессиональной категории мы себя относим. Точнее, насколько эта категория представляется статусной и престижной как в наших собственных глазах, так и в глазах окружающих. Соответственно, как отмечает британский ученый, человек может испытывать как позитивную, так и негативную идентичность с группой. Причем негативность или позитивность идентичности зависит не только, и даже не столько, от объективных материальных благ, которыми располагает группа, сколько от ее доступа к моральным ресурсам, под которыми обычно подразумевают статус и престиж. Далее, человек, принадлежащий к престижной группе (или, по крайней мере, считающий ее таковой), испытывает моральное удовлетворение и уверенность в себе. Однако, что происходит с теми, кто в силу обстоятельств оказался членом группы, не вызывающей достойного отношения со стороны общества, а также малопривлекательной с их собственной точки зрения? Самый простой выход – покинуть эту группу. Применительно к научному сообществу в качестве иллюстрации этого принципа можно указать на известную «утечку мозгов» за рубеж, частичный отток на рубеже 1980–1990-х гг. научных кадров в частный бизнес, и в настоящее время слабое пополнение научных коллективов новыми молодыми сотрудниками (что можно рассматривать в качестве завуалированной формы ухода из группы). В случае если уход из группы невозможен, индивид прибегает к различным стратегиям, в том числе бессознательно создавая или поддерживая негативные образы других групп, таким образом, подспудно повышая привлекательность своей группы. Впрочем, в данном контексте данная сторона работы группового образа и групповой идентичности не столь важна. Главное другое. Никакая работа по возрождению отечественной науки невозможна без создания, в том числе позитивного образа научного работника. Разумеется, мы не предполагаем, что привлекательный образ ученого, единственное, что нужно отечественной науке и именно он спасет положение дел. Однако в наш век информационных технологий, когда создание имиджей стало, можно сказать, отдельной индустрией, без работы в этом направлении не обойтись.

Теперь обратимся ко второму аспекту функционирования образа группы, связанному с его информационной составляющей. Для прояснения этой темы имеет смысл обратиться к теории стереотипа, точнее (учитывая большое разнообразие школ в этой области²), к когнитивистскому подходу к стереотипам, поскольку именно он занимается процессами переработки информации в нашем мышлении, в том числе и кодированием информации в относительно жесткие клише, т.е. стереотипы.

Заведомо оговоримся, что, хотя в обыденном сознании данное понятие воспринимается как негативное явление, искажающее образ объекта, современные психологи давно отказались от подобного понимания, обнаружив, что стереотипы являются не столько ложными, сколько специфическими ментальными конструкциями³.

Следует также отметить, что в последние несколько десятилетий когнитивистский подход к стереотипам заметно потеснил другие, более ранние попытки интерпретировать наличие в нашем мышлении подобных фиксированных шаблонов. Основы когнитивной модели стереотипов были заложены такими видными учеными, как уже упомянутый Г. Тэджфел⁴, Д. Гамельтон⁵, Р. Аксельрод⁶ и др. Общим положением этого подхода в настоящее время является утверждение, что стереотипы являются естественными и нормальными проявлениями человеческой ментальной деятельности. Их возникновение и функционирование, с одной стороны, связаны с избытком информации, с которым современный человек неизбежно сталкивается и в условиях которого он неизбежно вынужден упрощать обилие поступающих сведений в простые, легко воспроизводимые из памяти и удобные в применении схемы. С другой стороны, функционирование стереотипов обусловлено повторяемостью повседневного опыта людей, когда употребление подобных фиксированных схем оказывается в принципе эффективно и протекает почти автоматически.

Обычно социальный стереотип – это образ какой-либо категории людей, выделяемой по этническому, профессиональному, гендерному и т.п. принципу. Соответственно выделяются этнические, гендерные стереотипы и стереотипы профессиональных групп. В данной статье нас, разумеется, интересует стереотип профессиональной группы, а именно стереотип ученого, хотя в принципе существенных различий между разными видами стереотипов с точки зрения механизмов их формирования и функционирования не существует. Различие состоит лишь в области объектов стереотипов. Также традиционно считается, стереотип содержит определенный фиксированный набор характеристик этнической, профессиональной, гендерной и т.п. группы. Поскольку этот набор приписываемых качеств ограничен, стереотип неизбежно связан с упрощением реальности. Причем специфика функционирования стереотипов такова, что они фактически нивелируют различия между разными элементами категории или отдельными индивидами, принадлежащими к одной профессиональной группе, приписывая им одни и те же стабильные и неизменные качества (процесс ассимиляции). Можно сказать, что стереотипы «гребут всех под одну гребенку» и в этой связи являются излишними обобщениями. Однако, как уже отмечалось, в настоящее время большинство ученых отказалось от трактовки стереотипа как однозначно ложного явления, склоняясь к мнению, что многие качества, приписываемые группе стереотипом, могут быть правдивы, а их знания весьма полезными.

Другими словами, стереотип ученого неизбежно предполагает, что, во-первых, все представители научного сообщества имеют сходные черты и в каком-то смысле похожи друг на друга. Само по себе нахождение сходства среди представителей одной профессии не является однозначной ложью, поскольку, весьма вероятно, именно профессия и привлекает людей сходного типа, развивая у них определенные сходные качества. Вместе с тем стремление зафиксировать свойство является лишь одной из точек зрения на реальность, и потому ее неизбежным упрощением, так как она игнорирует индивидуальные различия и уникальность каждого человека. Кроме того, фиксируя определенный набор личностных и профессиональных характеристик ученого стереотип фактически, делает незаметным другие, возможные, свойства его характера. В качестве примера, возьмем образы Жака Паганеля из романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» и Дока Эмметта Брауна из кинотрилогии Роберта Земекеса «Назад в будущее». Несомненно, мы имеем дело со стереотипом, учитывая существенное сходство между двумя героями, причем стереотипа весьма живучего, поскольку даты создания того и другого художественного персонажа разделяют более ста лет. Итак, что они из себя представляют Жак Паганель и Док Эмметт Браун? Они чудакваты, необычайно преданны науке, рассеянны, непрактичны, «витают в облаках», добродушны. Их странность сказывается на манере держать себя, говорить, т.е. на внешности.

Данный стереотип предрасполагает людей верить, что ученые именно такие. Весьма вероятно, что миллионы людей именно так и делают. Вместе с тем резонно будет предположить, что многие черты, свойственные ученым, остались, так сказать, за кадром. Собственно, так и работают стереотипы: подчеркивают определенные черты группы и сглаживают, затемняют другие.

Приходится признать, что при всем разнообразии подходов и концепций ученые до сих пор не выработали единой теории, объясняющей, почему происходит выделение одних характеристик группы и нивелирование других. Весьма вероятно, что, помимо собственно психических механизмов кодирования и декодирования информации, большую роль играют социально-культурные факторы, которые могут по-разному влиять на содержательную часть стереотипов. Впрочем, на данном этапе исследования этот вопрос не столь актуален. Значительно важнее выяснить, какие функции выполняет стереотип профессиональной группы в психике людей и как он влияет на их поведение.

Как уже отмечалось, представления о собственной группе влияют на самооценку людей. Однако спектр воздействия этих шаблонных представлений значительно шире. Для того чтобы прояснить этот вопрос, необходимо выделить авто- и гетеростереотипы, иначе говоря стереотипы о собственной группе и других группах, поскольку их действие несколько различно. Если гетеростереотипы используются человеком для ориентации в мире социального, например снабжая его сведениями

о новых людях, с которыми он сталкивается, то автостереотипы помимо этого функционируют в качестве своеобразного образца, эталона для членов сообщества. Другими словами, те качества, которые кодирует автостереотип, воспринимаются как желаемые, необходимые для полноценного вхождения в сообщество, как те, которые надо у себя развивать, чтобы быть «настоящим» членом группы.

Таким образом, эти характеристики приобретают качества ценностей. И с этой точки зрения роль стереотипов о собственной группе чрезвычайно важна, поскольку они демонстрируют членам сообщества определенные желаемые и одобряемые нормы и паттерны поведения. Разумеется, это не означает, что все члены сообщества ведут себя исключительно таким образом. Ранее мы уже касались этого вопроса, говоря о правдивости / ложности стереотипа: стереотипы могут быть правдивы, однако они содержат лишь «крупницу правды», а не истину в полном объеме. Теперь же в контексте изучения связи между стереотипами и ценностями, можно добавить, что и в том, и в другом случае речь идет о сфере желаемого и должного, об неких ориентирах, а отнюдь не о реальном положении вещей⁷.

В итоге, возвращаясь к образу российского ученого, можно еще раз сказать, что работа по его изучению и, далее, по целенаправленному формированию и поддержанию его позитивности чрезвычайно важна, потому что:

(1) позитивный образ или автостереотип повышают самооценку российских ученых, представляет научную деятельность более привлекательной прежде всего для самих ученых и тех, кто еще только стремится ими стать;

(2) демонстрирует представителям научного сообщества идеалы и ценности подлинной научной деятельности.

Конечно, касательно последнего пункта мы не будем отрицать, что стереотипы бывают разными. В конце концов, негативный стереотип – явление значительно более известное и изученное, чем позитивный. Несомненно, большое значение имеет группа, в которой распространен стереотип. Например, весьма вероятно, что аспиранты и студенты думают об ученых несколько иначе, чем они сами. Однако это означает лишь то, что негативные стереотипы об ученых следует изживать, а формирование позитивных всячески стимулировать, поскольку они, как уже отмечалось, имеют самое непосредственное отношение к субъективной стороне возрождения отечественной науки.

Образ российского ученого по материалам «Вестника российской академии наук»: попытка реконструкции

Не так давно Российской академией наук было опубликован ряд сборников под общим названием «Российская наука в лицах»⁸. Каждая из книг включала очерки об ученых, которые ранее были опубликованы в журнале «Вестник Российской академии наук» под рубрикой «Этюды об ученых». Как отмечает главный редактор «Вестника» академик

■ Наукоеведение

Ю.С. Осипов: «Упомянутый раздел журнала ведется редакцией свыше пятнадцати лет и пользуется популярностью как у авторов, так и у читателей. Речь идет о выдающихся отечественных исследователях, о научной элите, чье творческое наследие вошло в учебники, легло в основу дальнейших научных поисков, продолжается в трудах их нынешних последователей»⁹. Как свидетельствуют составители этих сборников, отличительная особенность этих книг – это авторы. Об ученых рассказывают сами ученые, специалисты в той области знания, в которой работали герои повествования¹⁰.

Данная публикация представляется превосходным материалом для изучения автостереотипа о российских ученых, бытующего среди научного сообщества. Она написана учеными об ученых, то есть является своеобразной самопрезентацией российского научного сообщества. Учитывая личность тех людей, о которых повествуют очерки, нет сомнения, что мы имеем дело именно с идеалами, с представлениями о том, какими российские ученые должны быть, на какие паттерны поведения должен ориентироваться, развивая их у себя или ожидая и приветствуя подобные качества у своих коллег. Также легко в общих чертах определить аудиторию данного издания: опять-таки это сами ученые. «Вестник академии наук» – профессиональный, а не популярный журнал. Также и созданные на его основе сборники, учитывая ограниченный тираж, явно предназначены не для массового, а для ограниченного круга читателей.

Итак, мы имеем дело с очерками, написанными учеными, которые создают идеальные образы великих ученых, которые будут читать другие ученые. Практически все эссе, помимо информации о научных заслугах и достижениях героя повествования, содержат много личной информации. Разумеется, объем сведений именно о личностных качествах ученого варьируется от очерка к очерку. В каких-то случаях даются подробные психологические портреты героев, в других – авторы ограничиваются сухим изложением фактов их биографии. Тем не менее даже скудость информации позволяла сделать определенные выводы о человеческих качествах героев повествования.

Процедура анализа текстов – относительно проста. Первоначально были отобраны все высказывания, касающиеся личности ученых. Затем, среди них были выделены ряд характеристик, наиболее часто встречающихся в текстах, что позволяло квалифицировать их как стереотипные, т.е. как устоявшиеся клише. Полученные результаты приведены в табл. 1. Частота упоминаний рассчитывалась исходя из отношения числа высказываний об определенном качестве или группе сходных качеств к числу очерков, принятому за 100 %. Таким образом, частота упоминаний показывает процент текстов, в которых какое-либо качество упоминается. Исключение составляют фактически две категории: «Организаторский талант» и «Трудолюбие и продуктивность», где было

выделено два показателя частоты упоминаний: эксплицитный и имплицитный. Несколько позже, при анализе каждой категории, мы еще вернемся к тому, почему это было необходимо.

Таблица 1
Личностные качества российских ученых

Качества	Частота упоминаний
Служение Родине	99,8
Служение науке	100
Нестыжательство	83,4
Политическая активность	31,7
Харизматичность	75,1
Страстная увлеченность своей работой	79,2
Организаторский талант	33,1 / 99
Трудолюбие и продуктивность	43,4 / 100
Многогранность и неприятие узкой специализации	37,8
Раннее развитие	81,5
Преемственность	66,7

На данном же этапе перейдем прежде всего, к основному выводу исследования, а именно, что сама по себе удивительная повторяемость определенных характеристик при описании жизни и работы разных людей свидетельствует о наличии определенного стереотипа ученого, который собственно, и побуждает авторов акцентировать внимание на этих чертах личности научных работников. В данном случае мы отнюдь не отрицаем, что герои сборников «Российская наука в лицах» не были трудолюбивы, харизматичны или преданы науке и Родине и т.п. Однако помимо этих общих характеристик сборники демонстрируют великое разнообразие творческих судеб российских ученых, ставших лицом российской науки. Наоборот, нам представлена череда необыкновенных, уникальных по своей сути людей. Более того, манера большинства авторов писать о них отличается своеобразием. Одним словом, мы имеем дело с практически нестандартизированными текстами. Поэтому то, что клише все-таки обнаруживаются, чрезвычайно важно и интересно. Поскольку они, как отмечалось выше, (1) свидетельствуют об определенных идеалах научного сообщества, об определенных требованиях к самим себе; (2) выполняют некоторую дидактическую функцию, прививая молодым членам научного сообщества определенные ценностные ориентиры.

Теперь перейдем к более подробному анализу выделенных категорий. Служение науке и служение Родине, пожалуй, самые распространенные характеристики российских ученых. Они идут практически параллельно, часто в формулировке «наука как служение Родине». В частности, этот тезис ярко проводится в статье о Д.И. Менделеева, считавшего свои труды по экономике «одним из трех главных направлений служения Родине, наряду с работами в области естествознания и преподавательской деятельностью»¹¹.

Другими словами, ученый понимает всю свою профессиональную деятельность как служение. Причем употребление несколько устаревшего и эмоционально насыщенного слова «служение», на самом деле достаточно распространенного в этих текстах, только усиливает общее впечатление, что работа ученого – это не банальный, повседневный труд рядового обывателя, а некий духовный подвиг и акт подвижничества. Впрочем, достаточно часто встречаются и более эмоционально-нейтральные высказывания типа «преданность Родине и науке» и т.п. Однако при чтении текста складывается впечатление, что категория служения (и духовного подвига) является стержнем для всех остальных характеристик, поскольку российские ученые на ниве науки демонстрируют зачастую сверхчеловеческие способности и самоотдачу.

Столь же частая категория – нестяжательство, т.е. материальная незаинтересованность ученого, запрет на использование науки в качестве средства обогащения. Весьма вероятно, что она также тесно связана со служением. Софья Ковалевская, например, кается в том, что в какой-то период времени ее муж, и даже она сама, были захвачены «духом наживы и разных коммерческих предприятий». Разумеется, ученые «хотели только обеспечить себя материально, чтобы потом, не думая о хлебе насущном, заниматься наукой». Однако и в этом случае экономическая деятельность наказуема: будучи никудышным коммерсантом и запутавшись в долгах, муж Софьи Васильевны В.О. Ковалевский кончает жизнь самоубийством. Противоположностью этому негативному типу поведения явно противостоит неординарный поступок академика П.Д. Грушина, ученого, «целиком погруженного в работу», который отдает в середине 1980-х гг. все свои накопленные за несколько десятилетий сбережения на строительство в Химках Домашних техникумов¹².

Между этими двумя полюсами своеобразной кары за грех стяжательства и подвигом бескорыстия ученого располагается множество вариантов более нейтральных форм неприятия «стяжательства» российской научной элитой. Например, академик А.А. Скочинский «совершенно не терпел людей, случайно или с материальной целью оказавшихся в научной среде. Человек, особенно с ученой степенью, ушедший из института ради более высокой должности, переставал быть ему интересен»¹³. В контексте изучения стереотипов значение имеет не то, что Скочинский поступал так или иначе, а тот факт, что об этой черте его характера помнят и воспроизводят ее в тексте.

Примечательно также, что при всем неприятии экономической деятельности политическая активность и ангажированность не только допускается, но даже приветствуется. В частности она не позволяет научным работникам закоснеть и стать «кабинетными учеными», как это было с М.М.Ковалевским, который уберется от «каби-

нетности» именно благодаря занятию политической, участию в работе I Государственной Думы и созданию политической партии¹⁴.

В прочем, как показано в таб. 1, категория «политической активности» не столь популярна и распространена, как многие другие. Здесь следует учитывать существенный нюанс, состоящий в том, что основной свой вес категория набирает за счет рассказов о политической активности будущих ученых в дореволюционной России. Не исключено, что это является данью советской традиции составления подобных биографий, когда «революционное прошлое» было неотъемлемым атрибутом и залогом благонадежности всех видных общественных деятелей страны. При переходе к периоду советской власти вопрос о политической активности становится двусмысленнее. Можно обнаружить несколько печальных упоминаний о том, что некоторые ученые были под следствием, сидели, были реабилитированы и т.п. Однако в подавляющем большинстве случаев вопрос об отношении героев «Российской науки в лицах» с властью вообще обходится стороной. Между тем совершенно очевидно, что директора научных институтов, центров и лабораторий, причем зачастую нескольких, вряд ли позволяли себе абстрагироваться от политических реалий Советского Союза. В этом случае умолчание не менее характерно и значимо, чем упоминание.

Категория «харизматичности» является сконструированной. В общем смысле она подразумевает личное обаяние, незабываемое впечатление, которое ученые производят на окружающих. На деле, однако, харизматичность может проистекать из различных личностных свойств. Это может быть яркость, красноречие, недюжинная эрудиция и ораторские способности или, наоборот, замкнутость, скупость на слова, когда харизма ученого, можно сказать, пробивается исподволь и поражает собеседника тем более неожиданно, благодаря, например, умению входить в детали и основательности скупых суждений. В нашем случае важно другое: ученые такого уровня в большинстве своем поражают воображение наблюдателя.

Представляется, что категория «страстности» в достаточной мере связана с «харизматичностью» и является одной из причин подобной непреодолимой власти ученых над окружающими. Страстность проявляется в двух ракурсах. Прежде всего, она заявляет о себе как страсть к науке, деятельность которой соизмерима с реализацией заветной детской мечты. Возьмем, к примеру, портрет А.В. Новоселовой. Она учится на медицинском факультете МГУ и подрабатывает воспитателем в детском саду. Однако быстро понимает, что совершила ошибку в выборе профессии. Оказывается, ей не дает покоя давняя мечта «заняться всерьез естественными науками, в частности химией». Теперь она учится на химическом факультете и подрабатывает препаратором. Однако благодаря способно-

сти рано распознать свое истинное призвание, А.В. Новоселовой уготовано блистательное будущее на ниве российской науки. Как подчеркивает автор очерка, «она любила химический эксперимент. Все свободное время вместе с сотрудниками Новоселова проводила в лаборатории, выполняя то или иное исследование»¹⁵. Те же черты обнаруживают у себя Н.Х. Бунге, который «страстно любил науку и верил в силу знания. Просвещенный, он жаждал, чтобы просвещение распространилось по русской земле, к которой он относился с искренним, горячим патриотизмом»¹⁶. И подобная страсть к науке, как отмечалось, характерна для подавляющего большинства ученых.

Второй ракурс «страстности» проявляется в своеобразной, явно повышенной энергетике ученых. Часто, например, отмечают их кипучий нрав, удивительную энергию и т.п. Не исключено, что именно эта энергетика во многом обеспечивает харизматичность рассматриваемых нами персонажей. Одновременно, весьма вероятно, именно здесь следует искать переход к следующей категории – «трудолюбие и продуктивность», поскольку очевидно, что, не испытывая страсти и не обладая сверхспособностями, работать столь много и столь плодотворно обычные люди просто не могут. Примеры, в данном случае, демонстрируют общее правило. Академик Д.С. Рождественский, сам и его сотрудники, приходят на работу до официального начала рабочего дня и работает до 10–12 часов вечера¹⁷. Академик И.Н. Назаров работает до глубокой ночи, в том числе и в периоды официального отпуска, принося в начале осени в институт «листы... с новыми идеями и планом работы»¹⁸.

Впрочем, данная категория выделяется авторами «Российской науки в лицах» далеко не всегда. Объясняется это, видимо, тем, что перечисление заслуг академиков представляется достаточным доказательством их продуктивности и трудолюбия. Это действительно люди очень много работавшие и достигшие. Дополнительные уточнения во многих случаях излишни. Поэтому мы позволили указать два показателя этой категории: (1) эксплицитный, когда авторы явно указывают на наличие данного качества; (2) имплицитный, когда наличие этого качества подразумевается в тексте.

Это же касается и категории «организаторский талант». Она представлена, хотя и не так часто, в эксплицитном и, гораздо чаще, в имплицитном виде, поскольку большинство героев «Российской науки в лицах» – это создатели и руководители институтов, лабораторий, кафедр и научных обществ и т.п. Без сомнения, они обладали неординарными организаторскими способностями.

Следующая категория «многогранность и неприятие узкой специализации» явление достаточно своеобразное, поскольку, учитывая все увеличивающуюся специализацию современной науки, от ее представителей следовало бы

ожидать аналогичной спецификации. Однако этого не происходит. Подобно «страстности», категория «многогранности» имеет несколько ракурсов. Во-первых, она может выражаться в увлечении и плодотворности ученого несколькими научными направлениями. А также масштабности видения и понимания своей темы. Например, Н.Н. Бурденко не только сумел охватить широкий круг собственно медицинской проблематики (лечение туберкулеза, протезирование, ревматология, стандартизация медицинских инструментов и больничного оборудования и т.п.). В поле его зрения оказалась также история, в частности ранение на дуэли А.С. Пушкина и его лечение, а сделанный Бурденко доклад в Академии наук на эту тему вызвал большой общественный интерес¹⁹. Во-вторых, в общей широте кругозора и увлечении другими, несвязанными с наукой, видами деятельности, например литературой и искусством. Третий ракурс «многогранности» российского ученого в каком-то смысле противоположен предыдущим и связан со стремлением и умением входить во все детали процесса научного исследования и открытия, с непренебрежением любой, даже самой грязной и мелкой, работой. Пожалуй, самый яркий пример – это уже упомянутый академик Рождественский, который, не гнушаясь ничем, «не дожидаясь водопроводчика», чистит раковину от засора в лаборатории своего коллеги. «Все, что можно делать, надо делать самому», – завершает он эту сцену напутственным замечанием²⁰. Однако во многих других очерках описываются ученые, которые самостоятельно, невзирая на ранги, ездят в исследовательские экспедиции, собирают приборы, посещают заводы и беседуют с простыми служащими. Можно сказать, что именно личность такого ученого выступает в качестве связующего звена между верхними и нижними этажами всего здания российской науки, между теорией и практикой. Эта черта также оберегает настоящего ученого от пресловутой «кабинетности», оторванности от реальной жизни, которая, как отмечалось, совершенно не приемлется подлинной российской наукой.

Последние две выделенные черты российского ученого, связаны с этапами его развития и становления. В первом случае – «раннее развитие», что, очевидно, указывает на раннее проявление талантов. Это может быть раннее проявление интереса к сфере последующих научных интересов. Либо же, что встречается несколько чаще, общий успех на ниве начальной и среднего образования, проявляющийся в яркости, неординарности, заметности. Вторая категория – «преемственность» - указывает на связь молодого ученого с уже сложившимися научными традициями. Это может быть приход в известную лабораторию, центр, встреча с именитым учителем. Другими словами, речь идет о блестящей научной среде, которая на достаточно раннем этапе окружает молодого ученого и способствует его дальнейшему становлению.

Важно подчеркнуть, что ученый не только сам формируется внутри научного сообщества, но и сам, уже став заслуженным деятелем российской науки, способствует поддержанию научной преемственности, всецело отдавая себя преподаванию, которое наряду с научной деятельностью также считается делом весьма почетным.

Выводы и перспективы

Разумеется, как отмечалось, образ русского ученого, который мы реконструировали в данной статье, имеет свою специфику. Использованные нами очерки об ученых из выпусков «Российская наука в лицах» посвящены неординарным, выдающимся деятелям российской науки. Поэтому создаваемый ими образ явно имеет характер идеала, а не портрета рядового работника научного учреждения. Итак, идеальный образ русского ученого изображает необыкновенно яркого, харизматичного человека, воспринимающего свою профессиональную деятельность как бескорыстное служение науке и Родине. Он не чужд общественно-политической активности, однако использование науки как средства личной наживы (вместо бескорыстного служения) вызывает в нем только чувство негодования. С юных лет его отличали одаренность, особый интерес к знаниям, выделявшие его из числа сверстников и способствовавшие его продвижению по карьерной лестнице.

Этот человек чрезвычайно энергичен, активен, трудолюбив и плодотворен. Его отличает масштабное видение перспектив разрабатываемой им области науки, глубина обобщений и в целом широкий кругозор. Менее всего он похож на кабинетного работника или пустого теоретика. Этому препятствуют его личные характеристики, умение спускаться с высот теории до самого низкого уровня научно-исследовательского процесса, а также его способность совмещать теорию и практику, чему способствуют учреждаемые им научные институты, лаборатории и т.п.

Без сомнения, этот идеальный образ способствует повышению общей самооценки современных российских ученых старшего поколения и может служить образцом для подражания для более молодых научных кадров. В свете заявленного еще в начале данной статьи положения о субъективной стороне возрождения отечественной науки следует еще раз подчеркнуть, что всяческая популяризация подобного идеального образа русского ученого как внутри научного сообщества, так и за его пределами весьма полезна. Поскольку она способствует повышению престижа российской науки и профессии ученого, без чего дальнейшее развитие науки затруднительно, если вообще возможно.

Однако, завершая размышление об образе русского ученого, хочется не только подвести итоги проделанного исследования, но и наметить некоторые новые направления работы,

которые будут способствовать более глубокому пониманию роли ученого в российской исследовательской культуре. Прежде всего, речь идет об изучении не только идеального образа ученого, реконструированного на основе биографий корифеев отечественной науки, но и, так сказать, его повседневного образа, основанного на представлении современных научных работников о себе подобных. Сопоставление двух этих образов позволит получить интересный материал о соотношении идеалов и реальности современной российской науки. Существует ли сходство между идеальными требованиями к личности ученого и его реальными воплощениями? Или мы имеем дело с недостижимыми образцами? Несомненно, эти вопросы заслуживают ответа.

Другой ракурс исследований образа русского ученого связан с сопоставлением этого образа с аналогичными образцами, бытующими в других культурах мира и среди научных сообществ других стран. Подобное направление работы позволило бы выявить национально-культурную составляющую тех характеристик, приписываемых ученым. Являются ли такие свойства, как нестяжательство, восприятие работы как служения и духовного подвига, харизматичность и т.д., неотъемлемыми интернациональными качествами профессии ученого или же мы имеем дело с проявлением собственно русской культуры, накладывающей свой отпечаток на культуру отечественной науки? Несомненно, и этот вопрос представляет большой интерес для дальнейшего изучения российской исследовательской культуры и того, как в принципе работает российская наука.

Разумеется, намеченные здесь перспективы являются ориентацией на будущее, и их разработка требует времени. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что изучение образа ученого представляется перспективным направлением исследования, позволяющим понять, во всяком случае в определенном (психологическом) аспекте, принципы и особенности развития российской науки. Тогда как дальнейшая работа в этом направлении позволит еще глубже изучить личностные и культурно-психологические основы российских исследовательских традиций, что в целом будет способствовать дальнейшему возрождению отечественной науки.

Medvedeva S.M Scientists About Scientist: Reconstruction of the Image of Russian Scientist Based on Journal of Russian Academy of Science.

Summary: The article analyzes a stereotypical image of Russian scientist, published in a range of books of Russian Academy of Science. This image represents a construction of an ideal Russian scientist, who possesses the most desirable personal characteristics and reflects values of Russian scientific community. The article stresses, that popularization of such an image would contribute to rise of prestige of Russian science and profession of scientist.

Ключевые слова

Наука, ученый, образ, социальный стереотип, научное сообщество, культура.

Keywords

Science, scientist, image, social stereotype, scientific community, culture.

Примечания

1. Tajfel H. Human Groups and Social Categories. - Cambridge., Cambridge University Press, 1981.
2. Подробнее о различных теориях стереотипов см.: Медведева С.М. Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. М.: МГИМО(У), 2005.
3. Подробнее см., напр.: Шихерев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+; Академический проект, 1999; Stereotyping and Prejudice: Changing Conceptions / D. Bar-Tal et al. – N.Y., Springer-Verl., 1989.
4. Tajfel H. Cognitive Aspects of Prejudice. – J. Of Social. Issues. – 1969, 4; Tajfel H., Forgas J. Social Categorization: Cognition, Values and Groups / Social Cognition: perspectives on Everyday Understanding / Forgas J. (Ed.) – London etc., Academic press, 1986.
5. Hamilton D., Sherman J. W. Illusory Correlation: Implications for Stereotype Theory/ Stereotyping and Prejudice: Changing Conceptions / D. Bar-Tal et al. – N.Y., Springer-Verl., 1989; Hamilton D., Sherman J. W. Stereotypes / Handbook of Social Cognition. V.2 – Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1994.
6. Axelrod R. Schema Theory: An Information Processing Model of Perception and Cognition. / The American Political Science Review. – 1973, V. LXVII, 4. – P. 1248 – 1279.
7. По поводу связи стереотипов и ценностей см.: Rokeach M. Beliefs, Attitude and Values: A Theory of Organization and Change. – San Francisco, Jossey-Bass Inc. Publishers, 1972.
8. Российская наука в лицах. Выпуск 3, 4. М.: Arademia, 2004, Российская наука в лицах. Выпуск 5, 6. – М., Arademia, 2009.
9. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 7.
10. Российская наука в лицах. Выпуск 4. М.: Arademia, 2004. С. 1.
11. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 40.
12. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 24.
13. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 86.
14. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 36.
15. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 405-406.
16. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 17.
17. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 136.
18. Российская наука в лицах. Выпуск 6. М.: Arademia, 2009. С. 47.
19. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 142-143.
20. Российская наука в лицах. Выпуск 3. М.: Arademia, 2004. С. 137.

«Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума» (проект Минобразования)

Проект направлен на разработку теоретической парадигмы, адекватной задачам исследования процессов модернизации России в условиях усложнения социума. Решалась задача обоснования инновационного теоретизирования, основанного на синтезе двух методологических подходов:

– нелинейного подхода, исходящего из ускорения и усложнения социокультурной динамики, предполагающего синергийный учет разрывов рискогенного, дисперсионного социума, его объективных, субъективно конструируемых, а также виртуальных реалий;

– гуманистически ориентированного подхода, направленного на поиск новых форм удовлетворения экзистенциальных потребностей человека в условиях нелинейного развития, социальной неопределенности и турбулентности.

Целью выполнения обобщенной научно-исследовательской работы является разработка принципиально инновационных теоретико-методологических подходов к исследованиям процессов модернизации России в контексте глобальных тенденций усложнения социума и нелинейной социально-культурной динамики. Результатами проекта стали научные доклады и статьи в виде 14 краткосрочных научно-исследовательских проектов, реализованных молодыми учеными из различных регионов России. Каждая из статей представляет собой решение конкретной задачи в рамках общей цели и разрабатывает значимый аспект новой научной парадигмы исследований процесса модернизации в условиях усложнения социума и нелинейной социокультурной динамики. Полученные исследовательским коллективом научные результаты отличаются новизной, обусловленной комплексным применением междисциплинарных методов исследования, модификацией традиционных методов исследований из разных областей знания, а также предпочтением, отдаваемым постнеклассической методологии для исследования процессов самоорганизации, неравновесного, нелинейного развития; синергетическим методам, позволяющим анализировать многофакторные взаимосвязи и процессы нелинейной социокультурной динамики в процессе модернизации России.

Исследования сложного социума уже получили широкое распространение в мировой социологической науке. Однако существенным недостатком в научной литературе, которая исследует сложный социум, является умаление проблематики перспектив его возможной гуманизации. Результаты проведенного нами исследования в определенной степени устраняют данный пробел. В этом плане полученные результаты превосходят существующее состояние исследований в данной области.

Несомненной новизной достигнутых результатов также является применение новейшей социологической методологии и апробация инновационных исследовательских методов к анализу процессов модернизации России в условиях усложнения социума. Выявлены необходимые модификации теории модернизации применительно к нелинейной социокультурной динамике сложного общества, разработаны модели, позволяющие анализировать социокультурные процессы в современной России.

Ниже приводятся доклады организаторов проекта из МГИМО-Университета, а также ряда участников из регионов.

"New theoretical approaches to researches of modernization of Russia in a context of becoming complicated society" (project of the Ministry of Education.

К обоснованию гуманистической теории сложности общества

С.А. Кравченко

В статье рассматриваются проблемы вступления человечества в сложный социум, сущностной чертой которого является становление, происходящее нелинейно, с сопутствующими рисками, травмами, разрывами, парадоксами. Автор утверждает, что адекватная интерпретация этих процессов делает необходимым гуманистический поворот в социологии. Соответственно междисциплинарная гуманистическая теория сложности, которая сама находится на этапе становления, способна обосновать подходы к осуществлению гуманистически ориентированной модернизации российского общества.

Век XXI ознаменовался ускорением, а главное – усложнением социокультурной динамики, что связано с появлением принципиально новых вызовов глобального характера. Чтобы поспевать адекватно анализировать «убегающий» сложный мир (Э. Гидденс), пришлось не улучшать и подправлять существующий инструментарий, а создавать качественно иные парадигмы, основанные не на интеграции собственно социологических теорий, а на синтезе социологических подходов с другими науками. Так возникли повороты в социологии, предполагающие, строго говоря, междисциплинарные подходы. Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культурный (Дж. Александер). За последнее десятилетие известный английский социолог Дж. Урри предложил целых три новых поворота в социологии – сложности, мобильности и ресурсный повороты. Свой взгляд на их триединство социолог обосновал в докладе на пленарной сессии X Конгресса Европейской социологической ассоциации (Швейцария, Женева, 2011), а также в новой книге – «Климатическое изменение и общество», которая была презентована автором на этом форуме¹.

Вместе с тем, на наш взгляд, все три поворота, предназначенные для более углубленного понимания и исследования сложных реалий, ратуют за интеграцию естественных и социальных наук, оставляя в стороне науки гуманитарные. Мы же принципиально исходим из того, что для анализа сложного социума необходим синтез естественно-научного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы парадигма сложности, имеющая социологический стержень. Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в единстве с природой, а с другой – осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма, включая гуманистическую направленность любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сетевом сообществе народов.

Рассмотрим наиболее характерные параметры сложного социума через призму социологической диагностики, предполагающей взаимодействие различных отраслей научного знания. «Диагностика», «диагноз» становятся междисциплинарными понятиями², – отмечает академик М.К. Горшков.

Важным атрибутом сложности социума является его самоорганизация и рефлексивность. Ныне, как считает российский академик В.С. Степин, утверждаются саморегулирующиеся системы, каче-

ства которых не сводится к свойствам их частей³. При этом части систем все более и более выходят из-под структурных ограничений, которые ранее достаточно жестко определяли их функциональные возможности. Они обретают принципиально новое функциональное свойство – агентство, понимаемое как способность к рефлексивности социальных акторов⁴. Это качественно усложняет процесс развития и трансформации социума за счет включения в него как интенциональных, так и ненамеренных последствий, что, естественно, усложняет уязвимость жизнедеятельности индивидов.

Социум развивался всегда, но сегодня мы имеем дело с усложняющимся становлением. По оценке президента (2002–2006) Всемирной социологической ассоциации П. Штомпке, которым была предложена теория социального становления, нацеленная на анализ «общества в действии»⁵, ныне нормой является становление социума, которое происходит в контексте сопутствующих социальных и культурных травм. Травмы, по существу, являются атрибутами становления, «определенной патологии агентства», переживаемого социальной группой или обществом в результате «деструктивного воздействия на социальное тело непредвиденных, отчасти неопределяемых, имеющих непредсказуемый финал процессов»⁶.

Жизнедеятельность в условиях сложного социума востребовала социальный порядок иного качества. «Сложность, – замечает Дж. Урри, – утверждает “научные” основания неопределенности, но, тем не менее, она необычным образом организована... нет простого роста беспорядка... Например, турбулентные потоки воды и воздуха, кажущиеся хаотичными, являются высоко организованными»⁷. «Порядок и хаос – продолжает он, выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии»⁸.

Это принципиально новый взгляд на природу социального порядка, факторы его ныне образующие. Согласно воззрениям классика социологии Т. Парсонса, чья теория порядка функционирования социальных систем считалась эталоном, иерархия ценностей и норм, пронизывающая все уровни общества, задействует механизмы, которые в случае тех или иных девиаций достаточно эффективно восстанавливают социальное равновесие⁹. Ныне ситуация меняется: по мере усложнения социума «усилия по восстановлению социального порядка почти всегда порождают дальнейшие непредвиденные последствия, – отмечает Урри. – Они часто такого характера, что отодвигают общество дальше от упорядоченного равновесия»¹⁰.

По нашему убеждению, минимизировать травмы, турбулентности и т.д. можно и нужно не большим управленческим воздействием, а относительно маленьким, но системным эффектом в виде нахождения оптимального соотношения между организацией и рефлексией, самоорганизацией. Точечное воздействие гораздо более эффективно, чем простое суммарное сложение инициатив. В

сложном социуме порядок обеспечивается относительно малыми усилиями профессиональных акторов и за счет общей гуманизации человеческих отношений, увеличения креативного и интеллектуального человеческого капитала.

Сложный социум – это и новые скорости социальных изменений. Не только сокращается социальная дистанция и время для людей, проживающих в различных регионах мира, но мы подошли к порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные, а главное – решения с гуманными целями и средствами; постоянно увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего. Это касается времени адекватного функционирования институциональных структур, жизни референтов, включая идеалы, ценности, авторитеты, знание, которое считается научным; всегда люди одного поколения жили в одно историческое время. Сегодня мы сталкиваемся с эффектом временного дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах. Если определенная часть общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, если не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, то могут возникать принципиально новые социальные катаклизмы.

Сложный социум предполагает «переоткрытие» времени. Данный термин предложил И. Пригожин для обоснования синергетической модели времени, что предполагает презумпцию необратимости времени, соответственно отказ, с одной стороны, от «объективности» социальных законов. Переоткрытие времени также связано с выявлением его нравственной и этической составляющей: время – это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую «этическую ответственность»¹¹. Кроме того, переоткрытие времени предполагает отказ от простого линейного движения от прошлого к настоящему и будущему, замена его сложными нелинейными взаимодействиями¹². Существенный вклад в переоткрытие времени внес М. Кастельс. По его мнению, процесс усложнения времени имеет глоболокальный характер, а развитие от капитализма к информационному, сетевому обществу способствовало плюрализации его сущности. «Все время в природе, как и в обществе, специфично для данного контекста, т.е. время локально, – пишет он. – ...Свобода капитала от времени и избавление культуры от часов определяющим образом ускорены новыми технологиями и встроены в структуру сетевого общества». Ныне возникает «вневременное время», доминирующее в сетевом обществе и создающее возможности для реалий «избавления от контекстов своего существования»¹³.

Виртуальная реальность – важная составляющая сложного социума. В нашу жизнь пришли симуляции и симулякры, что предполагает знаковый, кодированный способ отображения реалий и событийности посредством символической формы. Сложность виртуальной реальности проявляется в том, что стираются различия между реальным и

воображаемым. Специально проблематику симулякра и более широко – симулирования реальности – исследовал Ж. Бодрийяр, показавший, что ее проявления ведут к таким сложностям, как «конец социального». По его определению, сумулякры – символические знаки или образы, отрываются по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, уродливые мутанты, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу. Современные люди, считает он, все более имеют дело с воображаемыми представлениями о реальности, с гиперреальностью, трактуемой как «симуляции чего-либо». Как считает Бодрийяр, практически исчезают референты реальности и истины, их заменяют симулякры¹⁴. В итоге разрушается и отрицает связь между символами и реальностью.

В сложном социуме возникают гибриды социального и физического. Природа перестает быть просто средой жизни человека, превращаясь в органическую часть социума, рефлексирующего вместе с ним. «Глобальное, – отмечает Дж. Урри, – несомненно, характеризуется эмерджентной и необратимой сложностью, процессами, которые одновременно являются социальными и естественными»¹⁵. Если прежде сочетание несочетаемого выражалось в мифах о кентаврах, включавших в себя несочетаемое живое, то ныне возникли вполне реальные гибриды живого и неживого, физических и социальных отношений, которые ныне получают повсеместное распространение в среде и новейших технологиях.

Отмеченные нами качественно новые характеристики сложных социальных реалий, взятые в совокупности, позволяют сделать следующий вывод: мир вступил в сложный социум. В России соответственно формируется сложное общество, параметры которого необратимы. Россиянам еще предстоит создать и организовать гуманные формы жизнедеятельности в этом обществе.

Для анализа сложного социума необходим синтез естественно-научного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы междисциплинарная гуманистическая теория сложности, имеющая социологический стержень. Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в единстве с природой, а с другой – осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма, включая гуманистическую направленность любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сообществе народов.

Наша отправная посылка в этом вопросе состоит в том, что гуманитарная теория сложности должна в принципе основываться на адекватном типе социологического мышления. В этом контексте представляется особенно плодотворной концепция синергетического мышления, которую разрабатывает российский социолог В.Л. Романов.

На наш взгляд, ее преимущество по сравнению с остальными в том, что она стремится дать инструмент интерпретации именно многогранности процесса усложняющейся динамики социума. Залог тому – она основывается на интеграция социологии с естественными науками, в частности с социосинергетикой¹⁶. Однако, на наш взгляд, полностью принять синергетическое мышление проблематично. Дело в том, что оно, делая акценты на динамике социума, многообразии его количественных и качественных характеристик, что, несомненно, важно само по себе, тем не менее недостаточно учитывает гуманистическую проблематику. Поэтому, не отрицая и не умаляя синергетическое мышление вообще, а также другие предлагаемые типы мышления, выработанные мировой социологической мыслью на наш взгляд, необходимо движение к нелинейно-гуманистическому мышлению, учитывающему не только парадоксальные разрывы и синтезы в общественном развитии, их синергию и риски, но и ставящего во главу жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.

В самом общем приближении этот тип социологического мышления можно определить следующим образом. Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает парадоксальные синтезы и разрывы рисковенного, дисперсионного социума, его объективные, субъективно сконструированные и виртуальные реалии, ставит во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности. Движение к нелинейно-гуманистическому мышлению не осуществится спонтанно, без активных целенаправленных усилий со стороны самих обществоведов. Принцип *laissez faire* здесь просто не сработает, необходим активно действующий социологический актор.

Нелинейно-гуманистическое мышление особенно востребовано для управления «нормальными авариями». Американский социолог Ч. Перроу метафорически назвал новые социальные уязвимости «нормальными авариями», под которыми им понимаются несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека, а обусловлены его естественным взаимодействием со сложными техническими и технологическими системами, периодически дающими «нормальные» сбои: «серьезные инциденты неизбежны даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности»¹⁷. Суть их сложности еще и в том, что они могут произойти в виде «вдруг-событий» (Ж. Деррида), а могут и вовсе не произойти. Можно «зря» потратить огромные людские и материальные ресурсы на предотвращение или хотя бы минимизацию новых уязвимостей, в то время как отнюдь не решены традиционные – локальные – уязвимости в виде весьма актуальных проблем увеличивающегося социального неравенства, бедности, обороноспособности, девиации, преступности и т.д.

В новой книге «Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий» Ч. Перроу показывает, что социальная уязвимость продолжает становиться и усложняться, в частности утверждая, что «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/технологических бедствий и террористических атак»¹⁸. При этом им выделяются три основных источника уязвимостей: концентрации энергии (взрывных и токсичных веществ), концентрации населения в зонах риска и концентрации экономической и политической власти¹⁹. Особое беспокойство ученого вызывает рост населения в экологически и технологически опасных зонах, число которых увеличивается. В них одновременно осуществляется промышленная добыча природных ископаемых и интенсифицируется развитие земледелия, рыбных хозяйств, создаются культурные объекты. При этом значительная часть населения живет в домах, не соответствующих необходимым стандартам для опасных территорий, не имеет возможности самостоятельно эвакуироваться в случае бедствия и часто не обладает информацией о потенциальных рисках.

Подчеркнем, социолог ведет речь о потенциально возможной «системной катастрофе», а не об авариях, вызванных индивидуальной человеческой ошибкой: «Теория нормальной аварии исходит из того, – утверждает Перроу, – что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны, нам не следует рисковать»²⁰.

С одной стороны, нормальные аварии потенциально представляются собой побочную дисфункциональность сложных систем. Но с другой – они являются продуктом опосредованной, рискогенной деятельности людей, которую в принципе можно было бы избежать, а также результатом доминирования стереотипов и традиционных взглядов на новые проблемы социально-экономического становления. Так, ошибочно считается, что концентрации «реалий, делающих нас наиболее уязвимыми», являются «неизбежными или их вовсе не замечают, сосредоточивая внимание на самих бедствиях, минимизации ущерба или предотвращения катастроф... Более того, мы имеем “паническую” модель поведения, которая ошибочно лимитирует информацию, что в свою очередь порождает скептицизм со стороны общественности»²¹.

Нельзя сказать, что «старые» и новые уязвимости вовсе не связаны друг с другом. Напротив, некоторые новые уязвимости, считает Перроу, своими корнями уходят в традиционное социальное неравенство, усиливающееся «в силу изменений в распределении доходов»²².

Минимизацию проблем уязвимостей ученый видит в разработке новых подходов к управлению становящимися сложными системами. Среди мер – рассредоточение концентраций энергии, населения в зонах риска, а также экономической и политической власти; координация и кооперация служб, занимающихся проблемами безопасности. Воплощение в жизнь идей управляемой открытости с целью предотвращения террористических угроз, имея в виду «закрытие всех дыр в нашем открытом обществе»²³. Весьма важным Перроу считает меры по предотвращению банальных «исполнительских аварий», причина которых видится в том, что «люди не всегда делают то, что они, предполагается, должны делать... в сознании высших исполнителей присутствуют другие интересы, и их интересам могла бы угрожать эффективная культура безопасности»²⁴. Однако в принципе устранить нормальные аварии и уязвимости, являющиеся атрибутами сложного социума, невозможно, но их можно и нужно минимизировать: «Мы не в безопасности. И никогда мы не можем быть полностью в безопасности, ибо природа, организации и террористы предвещают, что у нас будут бедствия. Давайте минимизируем их последствия посредством минимизации размера наших уязвимых целей»²⁵. Прямо скажем, не очень «радужное», еще одно обоснование «конца определенности»²⁶. Но очевидно, нет простых решений сложных проблем, как в принципе нет «законов», гарантирующих всеобщее процветание человечества. Вместе с тем вполне можно начать движение в направлении гуманизации сложного общества, что могло бы стать стратегическим ориентиром развития нашей страны.

Kravchenko S.A. To Justifying of the Humanistic Theory of Complexity of Society.

Summary: In article problems of the introduction of mankind in the difficult society which intrinsic line is the formation which is occurring not linearly, with accompanying risks, traumas, gaps, paradoxes are considered. The author claims that adequate interpretation of these processes does necessary humanistic turn in sociology. Respectively, the interdisciplinary humanistic theory of complexity which itself is at a formation stage, is capable to prove approaches to implementation of humanistically focused modernization of the Russian society.

Ключевые слова

Сложное общество, становление, рефлексивность, неопределенность, гуманистический поворот.

Keywords

Complex society, becoming, reflexivity, neodeterminism, humanistic turn.

Примечания

1. См.: Urry, John. *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press, 2011.
2. Горшков М.К. *Российское общество как оно есть*. М.: Новый хронограф, 2011. С. 10.
3. См.: Степин В.С. *О философских основаниях синергетики*. Синергетика: будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
4. См.: Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007; Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект, 2003.
5. См.: Sztompka, P. *Society in Action: A Theory of Social Becoming*. Cambridge, 1991.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс, 2001. № 1. С. 6.
7. Urry, John. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 19, 21.
8. Urry, John. *Global Complexity*. P. 22.
9. См.: Парсонс Т. *О социальных системах*. М.: Академический Проект, 2002.
10. Urry, John. *Global Complexity*. P. 105.
11. См.: Пригожин И. *Переоткрытие времени* // Вопросы философии. 1989. № 8; Он же. *От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках*. М.: 2006.
12. См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции*. М.: КомКнига. 2007.
13. Castells, Manuel. *The Rise of the Network Society*. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. Pp. XXXIX – XLIII.
14. См.: Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла или конец социального*. М., 2000; Он же. *К критике политической экономии знака*. М., 2003; Он же. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М., 2006; Baudrillard J. *Simulations*. New York, 1983; Baudrillard J. *Fatal Strategies*. New York, 1990.
15. Urry, John. *Global Complexity*. P. 13.
16. См.: Синергетика: будущее мира и России / под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: Издательство ЛКИ, 2008; Будущее России в зеркале синергетики. М.: КомКнига/URSS, 2006; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Основания синергетики*. - М.: КомКнига/URSS, 2005; История и синергетика: методология исследования / ред. С.Ю. Малков и А.В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS, 2005; Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. *Синергетика и прогнозы будущего*. М.: УРСС, 2003 и др.
17. См.: Perrow, Ch. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1999.
18. Perrow, Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press, 2011. P. vii.
19. См.: Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 6-7.
20. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. xxii.
21. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 4-5.
22. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 31.
23. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 127.
24. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 292, 293.
25. Perrow Ch. *The Next Catastrophe...* P. 325.
26. Prigogine I. *The End of Certainty*. New York: Free Press, 1997.

О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума

Н.Н. Зарубина

В статье анализируются преимущества и недостатки социологического постмодернизма как подхода к исследованию модернизации сложного общества. Рассматриваются постмодернистские подходы к проблемам эпистемологии, детерминизма и репрезентации, их влияние на осмысление социально-экономических реалий в работах современных социологов.

Формы мышления, основанные на позитивистской парадигме, не всегда адекватны для решения задач, реально встающих в сложном обществе, в том числе в условиях его модернизации. Так, классическая и неклассическая социология и экономическая теория оказались не способны дать адекватные ответы на целый ряд вызовов современного развития: ни экономическая наука, ни социология не смогли своевременно и точно прогнозировать глобальный финансово-экономический кризис и предложить действенные меры для его предотвращения, не раскрыли его глубинные причины и предпосылки. Социальные последствия кризиса пока также не получили адекватного осмысления. Все это говорит о том, что социальное знание нуждается в серьезном обновлении. И в связи с этим одной из его важнейших задач, на мой взгляд, является формирование новых теоретико-методологических подходов, адекватных вызовам современности.

Использования постмодернистской парадигмы теоретизирования для исследований модернизации сложного социума

Примером неадекватности классических подходов может быть использование бинарных оппозиций (дихотомической логики) в решении

проблем современной российской модернизации. Предпринимаемые социологами исследования и даваемые ими экспертные оценки базируются на:

- использовании парадигмы модернизации, созданной в середине XX в.;
- материалах модернизации слаборазвитых и развивающихся обществ Азии, Африки, Латинской Америки;
- ретроспективных исследованиях модернизации Запада.

Введенная тогда в научный обиход бинарная оппозиция «традиционного/современного» («восточного/западного») продолжает и сегодня служить моделью для характеристики человеческого потенциала и его готовности к модернизации. Для оценки общей готовности российского общества к модернизации используется известная шкала Г. Хофстеда, определяющая степень вестернизации (с которой отождествляют модернизацию) ментальности по четырем дихотомически организованным параметрам — «индивидуализм/коллективизм», «дистанции власти» (большая/малая), «готовность к риску» (большая/малая) и «маскулинности/женственности».

В то же время исследования готовности российского общества к модернизации в конце первого десятилетия XXI в. проводятся уже в

иных условиях, чем те, когда создавались классические теории модернизации. Современная модернизация ориентирована на переход к постиндустриальным типам развития, а значит, должна ориентироваться не столько на культуру модернити, сколько на условия постмодерна, в которых развивается современная экономика. Однако исследователи по-прежнему принимают за исходную модель оппозицию традиционного и современного, понимаемого в смысле «вестернизированного». В контексте этой модели готовность российского общества к модернизации оценивается как частичная, а все проведенные ранее модернизации как незавершенные.

Само развитие общества, которое становится все более сложным, нелинейным, отмеченным спонтанными трансформациями и временными разрывами, востребует новую форму своего социологического осмысления. Научное познание как способ поиска истины, опирающийся на определенные интеллектуальные процедуры, в его позитивистской форме, сложившейся в эпоху модерна в контексте западной цивилизации, в современных условиях может претерпевать некоторые изменения.

Анализ специфических подходов к проблематике социально-экономического развития в рамках социологических теорий постмодернистского типа может дать новые импульсы социологическому воображению ученых. Постмодернизм – это особое мировосприятие, сформировавшееся в современном обществе, это способ рассуждения, теоретизирования о быстро трансформирующейся и усложняющейся социальной реальности, а не сама реальность (постмодерн). Постмодернизм не отменяет и не отрицает реальность, как это иногда представляется на основании характерной риторики и терминологии представителей этой парадигмы, он предлагает иной взгляд на реальность, иную оптику ее рассмотрения, постановку принципиально новых вопросов о реальности и иные способы анализа.

Постмодернизм как способ теоретизирования, осмысления реальности сформировался в сложном обществе

Его характерные особенности:

- отказ от бинарных оппозиций;
- отказ от «метанарратива», «большой истории», которой противопоставляются «малые нарративы»;
- отсутствие единой «корневой» структуры, которой противопоставляется ризома;
- отсутствие классического детерминизма, идея «Смерти Автора» и т.д.

Постмодернисты, в отличие от приверженцев классических подходов, не расставляют приоритеты, не акцентируют детерминистские и функциональные связи, не выстраивают целостной, логически связной картины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейность, спонтанные разрывы и парадоксальность.

В современной России, которая должна рассматриваться как сложное общество, модерниза-

ция протекает в контексте социальных реалий, которые мы рассматриваем с позиций методологии сложности. Как в этих условиях быть с модернизацией? Предлагается рассмотреть познавательные возможности постмодернистской парадигмы мышления, с тем чтобы выявить ее возможности и ограничения. Как известно, классическая наука эпохи модерна ориентировалась на «метанарративы» или «большие рассказы», определявшие ее общие цели, методы и институциональные средства. Под модернистскими «метанарративами» понимаются идеи прогресса, «эмансипации человечества» и т.д., упорядочивающие и легитимирующие знания в обществах Нового времени. В основе возникновения «метанарративов» лежит потребность науки общества модерна в собственной легитимации, в определении оснований для присвоения высказываниям статуса научных и истинных. Для этого служит философское знание, которое, собственно, и порождает «большие рассказы», «метанарративы» как эпистемологические конструкции, привносимые в науку и обуславливающие возникновение представлений об универсальности, объективности (верифицируемости и фальсифицируемости) знания, а также его эффективности. Соответственно для экономической науки это были «метанарративы» обеспечения устойчивого баланса между потребностями общества и его производственными возможностями, который бы создал основу для роста благосостояния и свободы экономической самореализации членов общества.

Однако постмодернистская наука в современном информационном обществе больше интересуется не стабильностью и универсальностью, а, как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, «неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, «fracta», катастрофами, прагматическими парадоксами»¹. Существует несводимое множество языковых игр, каждой из которых соответствуют собственные правила и критерии компетенции. На этой основе и следует определить сущность знания, в том числе социального и экономического. На место поиска легитимирующих «больших рассказов» приходит большое количество «малых нарративов», не претендующих на универсальность, легитимных только в локальных сообществах и для узкой постановки вопроса. Исчезает потребность в универсальном метаязыке и критериях научности и истинности, а также эффективности, справедливости, красоты и т.д. Так рождаются локальные теории, которые до бесконечности умножают предмет социального знания постмодернистского типа, но не создают ни единой методологии и категориального аппарата, ни целостной картины мира как системы координат, которая бы позволила однозначно ориентироваться в обществе или в экономике, опираясь на критерии научности, истинности и эффективности.

Таким образом, отказ от целостной сквозной логики осмысления мира является одним из основных атрибутов постмодернистского социаль-

ного мышления. А на уровне массовых когнитивных процессов он может выражаться, например, в фиксируемой социологическими исследованиями растущей иррациональности сознания россиян и отказе от веры в прогресс. При интерпретации с позиций классической социологии модернизации он свидетельствует, по оценкам социологов, о возврате к традиционному типу культуры². Однако именно фрагментарность мышления и отсутствие сквозной рациональности является основным признаком постмодерна как культуры, а также и постмодернизма как философского, социологического, эстетического направления.

Рациональность и веру в прогресс подрывает и утрата однозначных представлений о желаемом векторе и модели социального и экономического развития. Отказ от единой логики осмысления процесса развития в контексте «больших нарративов» приводит и к отказу от единого вектора развития, каковым является модернизация, мыслимая как прогрессивное социально-экономическое развитие в направлении ценностей западной цивилизации – либерализма, демократии, секуляризации, сциентизма, культурного плюрализма. Авторы аналитического доклада «Готово ли российское общество к модернизации?» пришли к выводу, что в современном российском обществе нет единства в интерпретации вектора и основной идеи предстоящей модернизации, а использование западной модели представляется проблематичным в связи с устойчивой негативной эмоциональной реакцией россиян на слово «Запад»³.

Постмодернизм в этом смысле является преодолением западных ценностей на самом Западе, следствием которого оказывается признание многообразия путей развития на разных основаниях (цивилизационных, культурных, социально-экономических и т.д.). Описанные тенденции, связанные с утратой единства сознания, картины мира и вектора развития, не просто свидетельствуют о незавершенности предыдущих российских модернизаций и неготовности человеческого потенциала к предстоящей. Они должны быть переосмыслены в парадигме постмодерна и получить оценку как реальные риски, с которыми мы в нарастающей степени будем сталкиваться в будущем, поскольку по своей сути они не «пережитки» традиционализма, а признаки постмодерна. То, что мы привыкли рассматривать как «неготовность» к модернизации, на самом деле является результатом уже свершающейся постмодернизации, поэтому не подлежит «искоренению» как помехи, а является реальным будущим риском, к которому надо быть готовыми.

В связи с этим представляется актуальной методологическая задача перестать оценивать модернизационный потенциал России с точки зрения уже неадекватной реальной ситуации модели, а скорректировать ее таким образом, чтобы бинарная оппозиция «традиционного/модерного» трансформировалась, как минимум, в тернарную модель «традиционность–модерн–постмодерн».

Анализ постмодерна должен предполагать учет дополнительных параметров: плюрализма форм рациональности, гибкости социокультурных идентичностей, текучести жизненных стратегий и т.д. Особое внимание следует уделять исследованиям риск-готовности как важнейшей характеристики человеческих ресурсов модернизации, протекающей в условиях развивающегося постмодерна.

Ограничения и методологические риски, связанные с постмодернистской логикой исследований процессов развития сложного общества

В современной социологии много и справедливо критикуют постмодернистское теоретизирование. Выделяются такие последствия восприятия постмодернистского метода теоретизирования для развития социологии, как:

- сдвиг исследовательского интереса в направлении субъективности;
- методологический эклектизм и распространение междисциплинарных подходов;
- отсутствие строгой исследовательской логики и единого категориального и понятийного аппарата;
- отсутствие четко сформулированных критериев истины;
- отказ от авторитетов и классических образцов;
- релятивизм познавательных установок;
- ориентация на уникальное и неповторимое, а не на типичное.

Известно, что выстроенные на основании линейного мышления, модернизационной логики и методологии стратегии общественного развития приводили к абсолютизации единственной стратегии модернизационных преобразований, которая сводилась к заимствованию ценностей и институтов западного («передового») образца. Модернизационным преобразованиям вторичного и догоняющего типа, происходящим в незападных обществах, нередко сопутствует мобилизационная культура, основанная на идеологии и политическом курсе правящих элит, которые иногда представляли как попытки «железной рукой загнать» людей в «светлое будущее», идеал которого калькировался с Запада. Поэтому именно культура модерна породила, наряду с идеями либерализма и прав человека, формальную рациональность, «дисциплинарное общество» (М. Фуко), фордизм, а также тоталитарные идеологии и режимы.

Подобные модернизационные стратегии повсеместно приводили к жестким репрессиям в отношении эндогенных культур и их носителей, выражавшиеся в попытках (более или менее успешных) «окончательно решить вопрос пережитков «традиционных общественных институтов». В нашей стране подобные попытки хорошо известны – от коллективизации до реформ системы социального обеспечения и образования. В России с ее «бинарным» типом

культуры (Ю.М. Лотман) многократное применение модернизационной стратегии привело не только к тоталитарному господству одной (коммунистической) идеологии, но и к репрессиям в отношении различных сфер жизни людей, включая их повседневную жизнь.

В то же время необходимо признать, что постмодернистский отказ от «большого нарратива», определяющего единый вектор прогресса, как и от единой методологии его осмысления, чревато существенными рисками для стратегий модернизации. Обратной стороной постмодернистского отказа от единого вектора прогресса и единой логики развития человечества оказывается фактическое «выпадение из цивилизации» тех, кто к ней «не готов» или «избрал иной путь». Собственно, сама идея догоняющей вторичной модернизации как подтягивания слаборазвитых стран до уровня среднеразвитых, а затем и развитых, распространенная в середине XX в., утратила актуальность. Вместо этого возникает «глубокая периферия» с ее бедностью и отсталостью, которая становится системным элементом глобального мироустройства.

Известный современный социолог М. Кастельс ввел понятие «исключающее развитие». Под этим подразумевается постоянное реструктурирование территорий под воздействием логики виртуальных сетей – преимущественно глобальных финансовых и информационных потоков. Это приводит к исключению из глобальных взаимодействий и из общего прогресса целых регионов, а также связанных с ними социальных групп⁴. Аналогично выделяются социальные группы, которые «способны» модернизироваться, быть активными носителями модернизации и извлекать из нее преимущества, и те, что «не способны» к этому.

Столь же амбивалентен для исследований модернизации и постмодернистский отказ от анализа классических отношений причинности, детерминизма. Известный представитель постмодернизма Ж. Бодрийяр отвергает «большой нарратив» политэкономии модерна как «линейный дискурс» на основании замены детерминированности на эквивалентность: «Воцарение недетерминированности» в сфере экономики более не позволяет мыслить ее как «детерминирующую инстанцию» по отношению ко всем остальным сферам общественной жизни, подобно марксовым отношениям между базисом и надстройкой⁵.

Удовлетворение потребностей, полезность и потребительная стоимость предметов, по мнению французского социолога, является лишь внешним, обыденным аспектом, лежащим на поверхности экономической жизни. Фундаментальным по отношению к нему является латентный и неосознанный социальный дискурс демонстрации, различения и значения, который необходимо видеть за поверхностью потребления и производства. Именно проблематизация латентного социального дискурса является характерной особенностью

рассмотрения экономических процессов в контексте социального знания постмодернистского типа. При этом не стоит забывать, что исследователи вовсе не отрицают явные, очевидные цели этих процессов, их практическую сущность.

И производство, и труд в постмодернистской перспективе рассматриваются вне связи с потребностями, на удовлетворение которых они ориентированы, и вне их детерминации какими-либо объективными общими законами. Они выступают в качестве «дискурса», просматривающегося через материальную очевидность машин, предприятий, изделий, технологий, рабочего времени, заработной платы, рынка, капитала⁶. Производство-код принимает все более универсальный характер, независимо от его практической полезности или вредности, прибыльности или убыточности, оно стремится подчинить все себе и оставляет свои «метки» на всем.

Рассмотрение экономики по принципу кода, вне ее детерминированности потребностями общества и какими-либо объективными законами позволяет Ж. Бодрийяру дать собственное объяснение парадоксу экономического роста в современном обществе. Этот парадокс состоит в том, что при видимом ускорении обращения капитала и росте производительности, совершенствовании технологий и становлении общества массового потребления в экономически развитых странах, в масштабах всего человечества оказываются не преодоленными ни голод, ни бедность, ни отсталость. По существу, экономический рост не означает реального хозяйственного прогресса, повышения уровня и качества жизни людей, уменьшения бедности, безработицы, сокращения разрыва между доходами бедных и богатых и т.д. Так происходит, с точки зрения Ж. Бодрийяра, потому, что рост экономики «не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки... Задачей становится производить что угодно, по принципу реинвестирования любой ценой (вне зависимости от нормы прибавочной стоимости)»⁷.

Постмодернистский отказ от монокаузального детерминизма («Смерть Автора») оказывается, таким образом, предпосылкой к восприятию процесса модернизации не просто как множественного, принимающего различные формы в разных культурных контекстах, а к отказу от единства действия в контексте целенаправленной политики модернизации. В прагматическом преломлении она создает предпосылки для обвинения постмодернистского теоретизирования в интеллектуальной безответственности. Однако постмодернистский подход позволил сформулировать ряд вопросов и проблем современного социально-экономического развития, оставшихся вне поля зрения классического научного знания.

Отказ от классического детерминизма, предполагающего выделение наиболее значимых, «ведущих» факторов модернизации (к которым обычно относят развитие рыночной экономики и свободы предпринимательства, научно-технические инновации, либеральные ценности), позволяет уделять принципиальное внимание тем сферам, которые раньше считались «вторичными», «незначимыми». Это, в первую очередь, повседневная жизнь со всем разнообразием ее аспектов и проблем, которой уделяется все больше внимания в современной социологии.

Ряд исследователей отмечает, что дальневосточные культуры изначально обладают свойствами, которые на Западе ассоциируются с постмодернизмом, прежде всего, отсутствие

единой сквозной логики и детерминизма, бинарных оппозиций и т.д.⁸ Следует задуматься, не повлияло ли это на успехи модернизации, наблюдаемые на Дальнем Востоке, прежде всего, в Китае, в последние десятилетия.

Zarubina N.N. Theoretical Approaches to Research on Modernization of Russia under Conditions of Complex Society.

Summary: *The article analyzes the advantages and disadvantages of postmodernism as a sociological approach to the study of the modernization of a complex society. There are discussed the postmodernist approaches to the problems of epistemology, determinism and representation that influence on the understanding of social-economic reality in the works of modern sociologists.*

Ключевые слова

Модернизация, социологический постмодернизм, репрезентация, детерминизм.

Keywords

Modernization, sociological postmodernism, representation, determinism.

Примечания

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: И-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 143.
2. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: И-т социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. С.104-105.
3. Там же. С. 18-20, 158, 169.
4. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999. — <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>
5. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М.: Библион—Русская книга, 2003. С. 55.
6. Там же. С. 60.
7. Там же.
8. См.: Postmodernism and Japan. L., 1989.

Ценностно-ориентированный подход при исследовании социально-экономических проблем организации инновационного сообщества

О.Р. Чепьюк

Статья посвящена обзору и анализу существующих подходов к анализу социально-экономических проблем организации инновационного сообщества. Предлагается исследование сообщества инновационных систем (как национальных, так и кластерных), а также инновационной среды на основе ценностно-ориентированного подхода.

Развитие инновационного общества, основанного на ведущей роли информации и знаний, является одной из самых обсуждаемых и актуальных проблем в современной науке. То, что информация и знания играют определяющую роль в постиндустриальную эпоху, открыто признается российскими и зарубежными учеными и политиками. Новые тенденции в мировой экономике можно называть бизнесом в стиле «фанк» или следующим витком глобализации, но крылатая фраза Уинстона Черчилля «Кто владеет информацией, тот владеет миром» в настоящее время актуальна как никогда.

Переход к инновационному развитию экономики в Российской Федерации впервые был озвучен в 2006 г. в ежегодном Послании Президента РФ к Федеральному собранию. Эта задача согласуется с курсом долгосрочной стратегии развития РФ до 2020 г., соответствует среднесрочным целям бюджетной политики РФ и основным направлениям деятельности Правительства РФ на период до 2020 г. В них прямо указывается на то, что к этому времени «экономика России

должна стать инновационной, инвестиционно-привлекательной, социально ориентированной и эффективной». При этом наиболее эффективным инструментом реализации государственной политики в области инноваций называется построение национальной инновационной системы (НИС) (см. рис.1). В понятие НИС входят три основных принципа: конкуренция, основанная на инновациях, взаимодействие институциональных структур и технологий, а также рассеянное знание (или неопределенность информации). Эти принципы, с одной стороны, задают критерии для определения инновационного общества, а с другой – описывают круг социально-экономических проблем, с которыми сталкиваются эти новые общественные образования:

- формирование благоприятной конкурентной среды в НИС как для научно-технического творчества, так и последующей коммерциализации инновационной продукции;
- организационная эффективность НИС, основанная на взаимодействии различных институтов и механизмов (рыночных структур);

Чепьюк Ольга Ростиславовна – к.э.н., преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: chepyuk@gmail.com

- развитие в НИС принципов частно-государственного партнерства при решении вопросов финансирования инновационных процессов;
- решение проблемы неотчуждаемости знаний, интеллектуальной собственности, передача которой сопровождается не только юридическими процедурами, но и «утечкой кадров».

Таким образом, отдельные направления социально-экономических исследований по тематике НИС посвящены следующим вопросам:

- разработке критериев для мониторинга состояния НИС и оценки эффективности государственной политики по стимулированию инновационной деятельности;
- изучению взаимосвязей между институтами НИС;
- определению роли индустриальных кластеров в развитии НИС;
- изучению динамики человеческих ресурсов между НИС;
- изучению инновационного поведения компаний.

Несмотря на то что инновационную систему чаще всего рассматривают как экономическую категорию, для изучения ее социально-экономических параметров предлагается использовать структурно-функциональный подход, впервые предложенный социологом Толкоттом Парсонсом¹. В рамках этого подхода НИС рассматривается как система, в которой протекают взаимосвязанные друг с другом процессы. При этом система напоминает сложный организм, который стремится сохранить свою целостность и целостность своих границ.

Функциональный анализ НИС заключается в выполнении следующих действий:

1. Определение границ рассматриваемой инновационной системы.
2. Выявление системообразующих групп элементов.
3. Установление функций (построение «карты»), включая: а) определение вклада элементов и системообразующих групп в функции инновационной системы; б) выявление отсутствующих или слабых элементов НИС; в) выявление отсутствующих или слабых связей между элементами НИС.

Первые два этапа функционального анализа НИС легко реализуемы и зависят от того, насколько широки границы НИС и в какой степени детализированы ее основные элементы. Например, Академию наук в российской НИС можно рассматривать как единую организацию или выделить в ее составе более 400 институтов. Частный бизнес, который, несомненно, является одним из элементов НИС, можно представить одним блоком или разделить на группы – например, в зависимости от размера и доли участия в нем государства.

Сложнее всего сформулировать полный перечень тех функций, которые должна выполнять национальная инновационная система (третий этап функционального анализа). Подробнее об

этом описано в исследовании А. Джонсон², в котором были проанализированы многочисленные работы, посвященные НИС, и сделана попытка выделить список общих функций инновационной системы. Автор определила три подхода к проблеме инновационных систем:

- сетевой подход, где основными функциями должно быть поддержание баланса между ее участниками;
- технологический подход, согласно которому функции НИС зависят от конкретных технологий, которые разрабатываются при ее поддержке (Thomas Hughes, Anders Lundgren, Gunnar Eliasson);

- инновационный подход, который связан с поиском инновационных решений для так называемых «узких мест» (М. Портер, Б. Лундвалл).

Если следовать Т. Парсонсу как основоположнику функционального подхода, то для выявления любой системы достаточно четырех функций. К ним относятся: рациональная организация с точки зрения затрат ресурсов (адаптация); интеграция элементов (солидарность); целевая ориентация (единство целей); мотивация³. Применительно к НИС перечисленные функции можно раскрыть и сформулировать следующим образом:

- *адаптация*: обеспечение участников НИС всеми видами ресурсов (финансовыми, трудовыми, интеллектуальными, инфраструктурными, информационными) для рождения и коммерциализации инноваций;

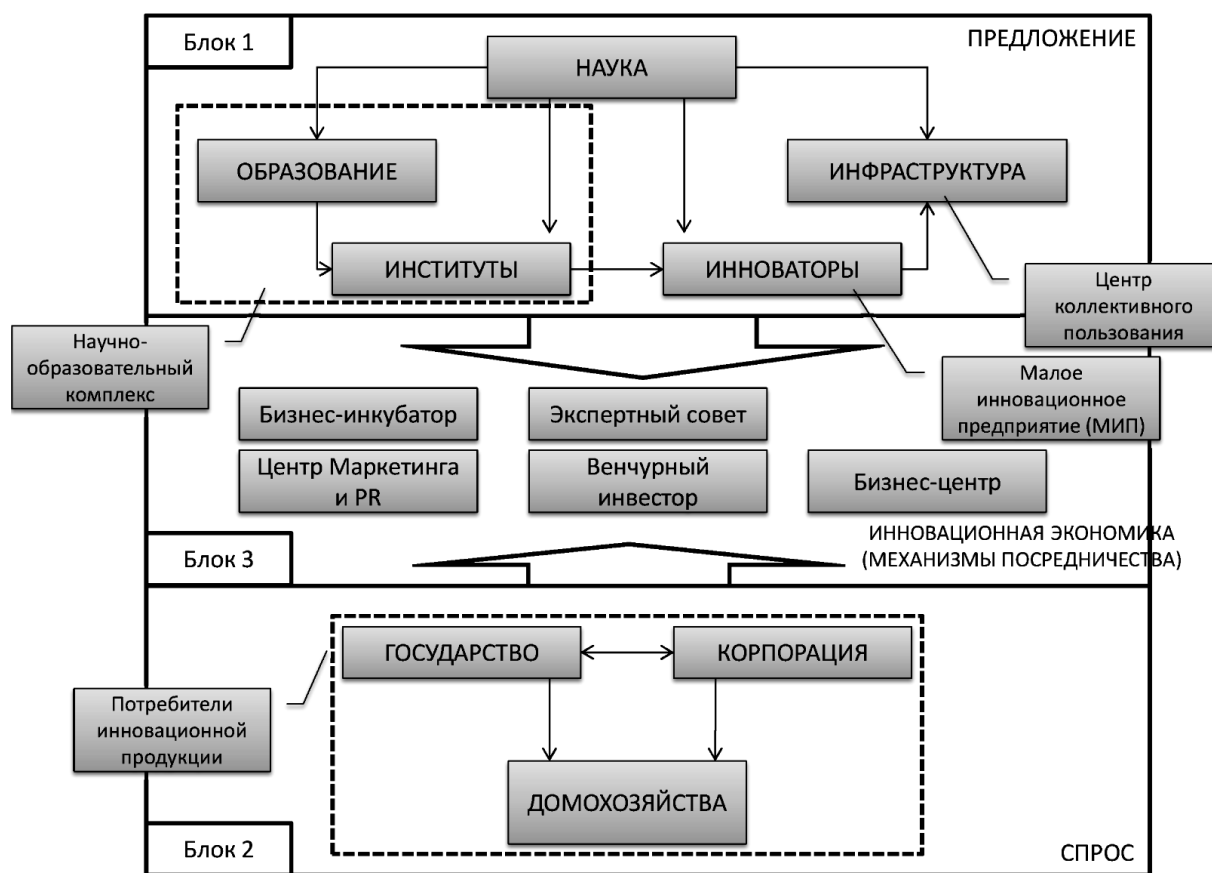
- *интеграция*: стимулирование процессов взаимодействия между элементами НИС для эффективного обмена ресурсами между ними;

- *целевая ориентация*: определение направлений научного поиска, «точек роста» новых технологий и рынков инновационных продуктов;

- *мотивация*: создание стимулов (мотивов) для ведения инновационной деятельности как таковой, в том числе путем открытия новых рынков, обеспечения правовой охраны авторов и собственников интеллектуальной продукции для защиты их денежных интересов на всех этапах коммерциализации продукции и т.п.

В отличие от функционального подхода, который пришел в экономику из социологии, процессный подход применялся при управлении корпорациями. В основе него лежат разработки американских экономистов Майкла Хаммера и Джеймса Чампи⁴. Они утверждали, что компания должна ориентироваться не на функции, а на процессы. Несмотря на большую популярность теории процессного подхода, со временем она подверглась жесткой критике как практиков, так и теоретиков (Т. Давенпорта, К. Гринта). Они указывали на то, что процессный подход не учитывает человеческий фактор при реорганизации такой сложной экономической системы, как предприятие. Методологические разработки в области моделирования бизнес-процессов экономических систем стали особенно популярны в конце XX в. по мере развития информационных

Элементы функциональной модели НИС (средняя степень детализации)

технологий. Они были ориентированы на решение вопросов реинжиниринга крупных корпораций, которые отличались сложной и запутанной системой корпоративного управления.

Применение методик бизнес-моделирования способствовало повышению их производительности, в том числе путем выявления и исключения ненужных функций и элементов. В основе процессного подхода лежит понятие «бизнес-процесс». Бизнес-процесс – устойчивая, целенаправленная совокупность взаимосвязанных видов деятельности (последовательность работ), которая по определенной технологии преобразует ресурсы, получаемые на входе процесса, в результаты, обладающие потребительской ценностью, на его выходе.

В зависимости от той роли, которую выполняют бизнес-процессы в экономической системе, они подразделяются на три типа: основные, управляющие и обеспечивающие. Применительно к национальной инновационной системе можно сформулировать следующие определения для каждого из этих типов:

1. Основные бизнес-процессы – это процессы, создающие продукты, представляющие ценность для конечного потребителя инновационной продукции, и добавочную стоимость инновационного продукта. Прямая цель основных бизнес-процессов заключается в генерировании доходов от участия в коммерциализации инноваций.

2. Управляющие бизнес-процессы – это вспомогательные бизнес-процессы, прямой целью которых является управление процессом деятельности и развития НИС, а также получение прибыли от инновационной деятельности в долгосрочной перспективе.

3. Обеспечивающие бизнес-процессы – это вспомогательные бизнес-процессы, прямой целью которых является обеспечение бизнес-процессов управления и поддержание инфраструктуры НИС.

4. Инфраструктура НИС – это комплекс специализированных институтов, задачей которых является поддержание и ускорение инновационных процессов (бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, рынки трансфера технологий и т.п.).

Следует отметить, что процессный подход не противоречит функциональному подходу: они, скорее, дополняют друг друга. Разница заключается в исходных точках проектирования социально-экономических параметров системы: распределять ли функциональные обязанности между ее участниками на основе процессов или проектировать процессы взаимодействия между функциональными областями. Однако нужно учитывать, что в большинстве случаев инновационная система создается на базе уже существующих экономических связей и элементов. Таким образом, анализ эффективности НИС сводится

к *реинжинирингу*, а следовательно, применение процессного подхода здесь должно быть более эффективным и потому приоритетным.

Ценностно-ориентированный подход – это такой способ анализа экономических систем, при котором выделяется и исследуется каждое звено цепочки создания добавленной стоимости продукции с точки зрения их вклада в итоговую рыночную стоимость продукта (бизнеса). Он берет свое начало в методике анализа цепочек добавленной стоимости Майкла Портера⁵, которая применяется для анализа отраслей и выработки стратегии бизнеса. Идею стоимостной цепочки М. Портер заимствовал у консультантов компании «McKinsey» – Фредерика Глюка⁶ и Роберто Буэрона⁷, рассматривавших фирму как последовательность определенных функций: НИР и ОКР, производственно-технологические функции, функции маркетинга и сбыта продукции и т.д. Согласно теории в цепочке добавленной стоимости (линейной у Ф. Глюка и Р. Буэрона и нелинейной у М. Портера), стоимость, создаваемая в каждом звене цепочки, является функцией от стоимости, созданной в предыдущих звеньях.

По мере развития теории анализа добавленной стоимости цепочки стоимости усложнялись. Ричард Норман и Рафаэль Рамирез предложили рассматривать процесс создания стоимости как единую систему, в рамках которой «различные экономические субъекты – поставщики, партнеры по бизнесу, союзники, потребители – работают вместе над созданием стоимости»⁸. Для анализа и моделирования систем стоимости стали пользоваться хорошо проработанной теорией сетевых графов (под узлами графов понимали события, а дугами – процессы выполнения участниками сетей своих функций), а также другим математическим инструментарием (например, методами сетей Карла Петри).

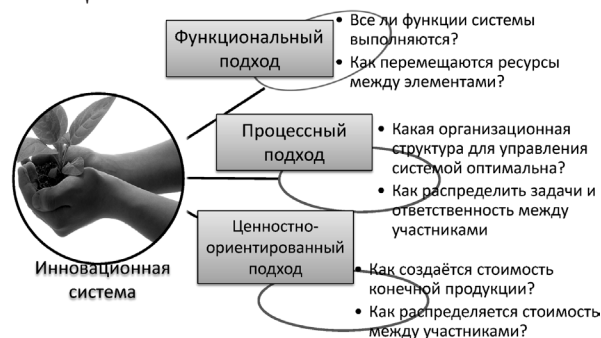
Применительно исследованию инновационных систем речь пойдет об изучении каждого этапа жизненного цикла инноваций с точки зрения той дополнительной рыночной стоимости, которая создается и распределяется между участниками инновационной деятельности. Благодаря применению ценностно-ориентированного подхода можно дать количественное обоснование процессам, протекающим в инновационных системах, а также определить, насколько справедливо распределяются продукты и ресурсы между участниками инновационной деятельности. В свою очередь, методы математического моделирования могут быть использованы для оптимизации и анализа эффективности НИС, представленной в виде сетевого графика.

Несмотря на принципиальные различия, три подхода не противоречат, а дополняют друг друга (рис. 2). Так, функциональный подход дает возможность определить, все ли функции, которые необходимы для организации НИС и достижения поставленных целей, учтены при ее разработке, достаточно ли организационных элементов в системе для реализации возло-

женных функций и какие связи должны быть между ними установлены. Примером практического применения функционального подхода является разработка мероприятий для создания инновационной среды в вузе, благоприятной для развития коммерциализации идей (например, студенческого бизнес-инкубатора).

Рис. 2

Три подхода к исследованию общества инновационных систем

Процессный подход, в свою очередь, позволяет разработать наиболее эффективную модель управления НИС и распределить ответственность между ее участниками. Таким образом, с помощью процессного подхода можно добиться организационной эффективности. Она имеет место при условии, что организационные механизмы между участниками системы будут способствовать эффективному взаимодействию и одновременно – обеспечивать права на интеллектуальную собственность.

Наконец, ценностно-ориентированный подход дает представление о том, каким образом распределяется стоимость инновационной продукции между ее участниками (элементами). С его помощью можно установить, справедливо ли такое распределение и устойчива ли сама система. Финансово-экономическая форма НИС описывает движение денежных потоков и капиталов между бизнес-процессами НИС. Таким образом, экономическая эффективность НИС – имеет место при условии, что добавленная стоимость инновационной продукции и имеющиеся ресурсы системы распределены между участниками таким образом, что цикл производства инноваций является возобновляемым, а сама инновационная система – финансово-устойчивой.

Финансово-экономическая эффективность НИС сводится к оценке следующих компонентов:

- источники финансирования работ на этапе (кто является собственником финансовых ресурсов – субъектом финансирования);
- стадия инновационной продукции, создаваемой на этапе и возможность ее реализации (продажи), в том числе путем выхода из бизнеса (exit-стратегия);
- центры прибыли (кто из участников получает прибыль и за счет каких работ).

Совмещение подходов (функционального, процессного и ценностно-ориентированного)

позволяет системно подойти к задачам проектирования и анализа эффективности инновационных систем любого уровня (от национального до кластерного).

Chepyuk O.R. Value - Orientated Approach to the Study of Socio-Economic Problems of the Organization of the Innovation Community.

Summary: *The author presents a review of scientific papers and methodological manuals on the researching of innovation community problems. It is stated that different approaches can be applied to analyze national innovation systems and clusters. Special attention is given to the value-based approach. That enables to find out ways and methods how to build a high effective innovation system and social-stable innovation community.*

Ключевые слова

Инновационное сообщество, инновационная система, функциональный подход, процессный подход, ценностно-ориентированный подход.

Keywords

Innovation community, innovation system, functional approach, business-process, value-based approach.

Примечания

1. См.: Parsons T. A Paradigm for the Analysis of Social Systems and Change // System, Change and Conflict / Ed. R. Peterson. N.Y., 1967.
2. Johnson A. Functions in Innovation System Approaches. Гетеборг, Швеция: Департамент индустриального роста, Технологический Университет Чалмерса, 2002 г.
3. Parsons T. A paradigm for the analysis of social systems and change // System, change and conflict / Ed. R. Peterson. N.Y., стр. 331, 1967.
4. Hammer, M. and Champy, J. Reengineering the Corporation: a Manifesto for Business Revolution, London: Nicholas Brealey 1993.
5. См.: Портер М. Конкурентное преимущество. 2-е изд., пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
6. Gluck, Frederick W. Strategic Choice and Resource Allocation // The McKinsey Quarterly. Winter 1980 - Pp. 82–87.
7. Buaron, R. New-Game Strategies // The McKinsey Quarterly. Spring 1981. - Pp. 42–51.
8. Normann, Richard, and Ramirez, Rafael. Designing Interactive Strategy: From the Value Chain to the Value Constellation. // Chichester, John Wiley and Sons Ltd., 1994.

Внеэкономический капитал в социокультурной динамике сложного социума

Л.Н. Федотов

В статье исследуется стабилизирующая роль, оказываемая внеэкономическим капиталом на нелинейную социокультурную динамику. Сложность современных социальных процессов, наличие рисков ставит вопрос о способах стабилизации и повышении их устойчивости и комплексности. В статье рассматриваются виды и влияние внеэкономического капитала (человеческого, интеллектуального, социального, культурного, символического и экологического) на процессы развития и модернизации.

В настоящее время наблюдается усложнение систем, усиление нелинейности их развития, то есть неспособности удержаться на старых траекториях, и появление изменений в направленности развития. Нелинейность включает как общие для всех систем свойства, так и характерные для общества дезорганизации, глобальные потоки информации и ослабление власти социального технологическими и коммуникативными инновациями¹. Новая методология связана с синергетикой, позволяющей интерпретировать процессы, которые мы представляем как нелинейные и динамические, а затем как процессы сложные².

Появилось представление о том, что определенность и неопределенность существуют одновременно друг с другом, что мир как определен, так и не определен. Все больше возникает значимость неопределенности, нестабильности и способности системы «свалиться» в новые состояния, в том числе в состояние хаоса, а также стремление предвидеть это или противостоять этому.

Нелинейность и сложность современных социальных систем

Сегодняшний этап развития общества может быть назван процессом усложнения по той причине, что обнаружены пределы предсказуемости в понимании общественной жизни, выход этих процессов из-под контроля человека. Сегодня неизвестно, какие следствия тех или иных проектов мы можем получить из-за неустойчивого характера сложных систем и их способности от малейшего воздействия (возмущения) перейти на новую траекторию развития и изменений. Всем известен рассказ Бредбери «И грянул гром» о человеке, который решает отправиться в Мезозойскую эру на сафари, однако непреднамеренно раздавил бабочку, что стало причиной изменений правил грамматики, политического устройства реального времени.

Нелинейность состоит в том, что направление процесса может измениться, проходя при определенных условиях точки бифуркации – точки слома прежней траектории развития и возможность продолжения развития в других направлениях. Сложными системами называются те, которые могут

Федотов Леонид Николаевич – к.соц.н., преподаватель Филиала Российского государственного университета в г. Пенза. E-mail: leonid.fedotov@rambler.ru

быть полностью изменены или даже разрушены небольшим воздействием (возмущением), тогда как для разрушения простых систем требуются достаточные усилия.

Понятие закона, доставшееся в наследие от науки XVII в., соответствует простым системам и присущей им динамике, периодичности процессов. Детерминистское описание, согласно новым идеям, неадекватно описанию неустойчивых систем или периоду неустойчивости. По существу, речь идет не столько об усложнении систем, сколько о возрастании значимости и необходимости учета их сложности и неустойчивости, о смене методологии физических наук, которые начинают учитывать человекообразность систем (В.С. Степин) и поворотах в социологии (Д. Урри). Социальные теории сегодня используют идею сложных систем, их неустойчивости и потенциальной нестабильности. Среди известных ученых на это обращают внимание З. Бауман и Ю. Хабермас.

Порядок в природе имеет фундаментальное значение и не является островком в море хаоса. Убывание энергии в одном месте и создаваемая этим неустойчивость вызовет прибавление энергии в другом месте и повышение устойчивости, то есть новый порядок. В обществе же закон сохранения энергии не действует. Из этого следует, что хаос может занимать большее место и сдерживается усилиями людей. Вероятность хаоса в обществе очень высока, и ответом на эту всегдашнюю угрозу является деятельность стремящегося к самосохранению человечества. Потому и здесь порядок прерывается очагами или потоками хаоса, а не наоборот.

Однако в последнее время речь все чаще идет об «управляемом хаосе». Хотя такие широкомащтабные технологии, как управляемый хаос, абстрактно возможны, но, на наш взгляд, их применение противоречит концепции сложности. Простая система может устоять даже при сильном воздействии (возмущении), сложная система может оказаться в состоянии хаоса даже при слабом возмущении, и при этом уверенность в управлении хаосом отсутствует. Невозможно дозирование хаоса. На примере революций известно, что никому не удавалось остановить их каток.

Сама сложность систем есть следствие их возросшей человекообразности. Технические, военные, социальные системы, система познания, где субъект включается в процесс познания, требуют серьезной перестройки методологии, такой, чтобы не считать предсказуемость всегда осуществимой и не рассчитывать на идеальные состояния. Сегодня возникает даже проблема ответственности за непредвиденные негативные результаты деятельности.

Как известно, Дж. Урри уделит большое внимание изменениям, вызванным сложными процессами. Ученый обосновал три поворота в социологии – сложности, мобильности и новое понимание ресурсов³. В системах XX в. Урри находит одновременно существующими физическое, экономическое, техническое, политическое и социальное. Главным в обществе, по его мнению, становится

мобильность. Физический и социальный мир полон изменений, не приводящих к балансу. Социальные системы являются открытыми, способными не только к организации, но и дезорганизации. Мы бы отнесли экономический и внеэкономический капитал (человеческий, социальный, культурный, интеллектуальный, символический и, как предложено автором этой статьи, экологический) к факторам стабилизации и укрепления устойчивости развития общества⁴.

Наметилось, как считает Урри, появление новой парадигмы, которая включает в себя теорию хаоса, объектцентричность и комплексность. Эта парадигма объединяет все нелинейные сложные эффекты, турбулентность, двойственность процессов, к числу которых относится глобализация с ее разделенностью и связью глобального и локального, модернизация с сочетанием в ней универсального и уникального. И мобильность в ней занимает центральное место: она делает акцент «на многочисленных формах актуального и потенциального движения, которым чреваты все социальные единицы, от скромного домохозяйства до гигантских корпораций. Мобильный поворот связывает в своем анализе различные виды путешествий, транспортировки и коммуникаций с тем, как во времени и в различных пространствах организуется экономическая и социальная жизнь. Анализ тех сложных путей, которыми социальные отношения «растягиваются» на весь земной шар, дает новые теории, открытия и методы, «мобилизующие» или связывающие воедино анализ всех социальных заказов, выполняемых частично на ходу и периодически – как часть поточных процессов»⁵.

Стягивать «частично на ходу и периодически как часть поточных процессов» разнообразные составляющие общества помогает система представлений о внеэкономическом капитале.

Роль внеэкономического капитала в стабилизации нелинейного изменения социальных систем

Не вызывает сомнения, что возникает много новых попыток стабилизировать нелинейность и непредсказуемость, добиться ограничений турбулентности. Неолиберальные концепции, популярные в 90-х гг. XX в. во всем мире, рассматривали в качестве центрального экономического процесс. Общество представлялось организацией граждан вокруг рынка и демократии. При этом на первое место ставился рынок как символ экономической свободы, а демократия, по существу, признавалась в качестве средства, обеспечивающего рыночные свободы. Множество других проблем – кризис идентичности, потеря квалификации, маргинализация молодежи, вопросы культуры и образования, работа СМИ, региональные проблемы – трактовались как зависимые от развитости рынка и не имеющие самостоятельного значения.

Свойства экономического капитала, которые могли бы позволить применить понятие «капитал» к обществу, включают понимание капитала как

ограниченного хозяйственного ресурса, который может накапливаться. Кроме того, это:

- ресурс, превращаемый в денежную, ценностную и институциональную формы;
- стоимость, приносящая новую, добавочную стоимость;
- ценность, воспроизводящаяся в процессе непрерывного кругооборота форм;
- ценности, приносящие новые ценности и формирующие приемлемое для жизни общество;
- ресурс, без которого не может функционировать экономический капитал и капитализм в цивилизованной форме, без которых он становится «диким», криминальным, коррумпированным, корпоративным, антинациональным⁶;
- ресурс модернизации общества.

Если экономический капитал включает в себя денежный, производственный и товарный капиталы, то человеческий капитал включает знания, умения, навыки человека, полученные посредством образования, которые являются источником дохода человека в будущем. Частью человеческого капитала является интеллектуальный капитал (развитие науки и интеллектуальных способностей людей). Признаком развития интеллектуального капитала шведский специалист по управлению Л. Эдвинсон считает превращение индустриальных организаций в интеллектуальные предприятия⁷. Преобладание последнего типа организаций в хозяйстве страны как раз иллюстрирует наступление новой эры экономики – экономики знаний. Формирование знания порой идет вразрез с желанием получения быстрой прибыли. Мир знает немало свидетельств, когда власть и бизнес не пускали на рынок изобретения, использование которых уменьшило бы потребление нефти и других природных ресурсов, тем самым сократив объем их продаж и соответственно уменьшив прибыль добывающих индустриальных компаний.

Культурный капитал приобретается в результате воспитания в семье и других первичных социальных группах, а также в ходе социализации. Он включает сформированную семей, литературой интимную сферу, а также владение культурными достижениями как в широком смысле, так и в непосредственной жизни индивида. К этому виду капитала примыкает символический капитал – символическое представление ценных для общества кодов культуры и истории.

Социальный капитал является ресурсом, который характеризует общество как систему многообразных отношений индивидов и форм их деятельности, наличие доверия во взаимодействии различных структур общества, прежде всего между властью и обществом, между группами людей, между отдельными людьми. По мнению В.В. Радаева, «экономический капитал по праву занимает центральное место... Тем не менее... при сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным»⁸, ибо не соблюдается необходимая комплексность исследования. Тем более невозможным становится экономикоцентризм⁹.

Если прежде экономический капитал представлялся главным и лишь постепенно оказался в «окружении» других типов внеэкономического капитала – социального, человеческого, интеллектуального, культурного, символического, то теперь на ведущие позиции выходит экологический капитал. Наряду с возобновляемыми или технологически добываемыми ресурсами природы существуют невозобновляемые. Автор данной статьи вслед за И. Иличем применил понятие «экологический капитал» и стал систематически его использовать в отечественной литературе.

Понятие «внеэкономический капитал» введено с целью отказа от экономикоцентризма. Термин «капитал» в отношении человека, культуры, общества содержит все признаки капитала, присущие экономическому. В результате под внеэкономическим капиталом, опираясь на определение экономического капитала Радаевым, можно понимать накапливаемый ценностный и институциональный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания ценностей, общественных связей, доверия, развития человека и культуры путем взаимной конвертации своих разнообразных форм, включая экономическую, но отводя ей определенное место, подчиненное другим формам капитала. Конвертация означает, что один вид капитала можно преобразовать в другой. Социальный капитал может успешно действовать для развития экономического, человеческого и культурного, равно как экономический капитал будет способствовать при определенных условиях развитию как всех видов внеэкономического капитала, так и какого-либо или нескольких из их видов.

Все вышеназванные виды внеэкономического капитала имеют большое методологическое значение для того, чтобы после засилия экономоцентризма вернуть в общество и социальную теорию: социальное, человеческое, культурное. Особенно большое значение имеет социальный капитал для управления обществом в целях повышения его устойчивости и стабильности, а также выбора наиболее приемлемой траектории в точках бифуркации. XXI в. характеризуют как революцию информатизации, которая проявляется в снижении доли материальных затрат и увеличении затрат на приобретение и получение знаний и информации в общей стоимости продукции и услуг. В некоторых случаях причиной и источниками кризисов выступает человеческий капитал, то есть отсутствие высокой квалификации, способности специалистов к новым открытиям.

Среди типов внеэкономического капитала социальный капитал является центральным, показывающим значимость общества и сообществ для экономики, политики, образования, духовной сферы. Социальный капитал состоит из норм и социальных отношений, которые входят в социальную структуру общества и дают возможность координировать действия людей для достижения желаемых целей. По мнению ряда исследователей, социальный капитал – интегральная характеристика, включающая в себя материальные ресурсы

(земля, дома, деньги) и символические ресурсы – образование, членство в организациях, почетные знаки, титулы дворянства, фамильное имя, репутация или известность. Все эти ресурсы принадлежат сети людей или ассоциаций.

Но такая универсализация понятия «социальный капитал» уступила место более специализированным трактовкам внеэкономического капитала путем введения новых понятий – социального, человеческого, интеллектуального, культурного, символического и экологического капиталов. основополагающая идея концепции социального капитала заключается в том, что социальные сети создают основу для социальных связей, так как в них люди могут кооперироваться друг с другом для достижения взаимной помощи, успехов и выгод. Исследователь проблемы М. Вулкок в статье «Социальный капитал. Значение понятия» показал, что «семья, друзья, ассоциации составляют вместе одно ценное качество — могут выстоять вместе в кризисе и достигнуть материальных ценностей, — сделать это для остальных людей. Такие сообщества составляют основной фонд социальных связей и цивилизованных ассоциаций. Они могут противостоят конформационному обществу и уязвимости»¹⁰. Партнерство выступает ресурсом социального капитала, так как его формирование – это процесс, который вовлекает различных «игроков» из разных секторов общества в единое целое для достижения общей цели.

По мнению П. Бурдьё, в обществе наибольшее значение имеют культурный и социальный капиталы. Последний он характеризует как крепкие связи внутри элит и между элитами общества, основанные на культурной общности, на доверии и способности к продуктивному действию и взаимодействию. По его мнению, «капитал, в зависимости от области, в которой он функционирует, и ценой более или менее серьезных трансформаций может выступить в трех основных обликах:

- экономического капитала, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности;

- культурного капитала, который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций;

- социального капитала, образованного социальными обязательствами («связями»), который при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула...», то есть в символический капитал. Последний, добавляет П. Бурдьё, выступает «как капитал в любой его форме, представляемой (то есть воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием ...как социально сконструированная когнитивная способность»¹¹.

Ф. Фукуяма определяет социальный капитал как «свод неформальных правил или норм, разделяемых членами группы и позволяющих им

взаимодействовать друг с другом. Нормы, создающие социальный капитал, напротив, должны включать в себя такие добродетели, как правдивость, обязательность, взаимность»¹². Широкие дефиниции социального капитала делали его во многом метафорой. По мнению Д. Хэлперна, стремящегося уточнить это понятие, социальный капитал – это «персонально известная социальная сеть в организованных “привычках жизни” или национальной и региональной культуры, которая дает людям возможность продвижения»¹³. Эти понятия о внеэкономическом капитале привлечены нами, чтобы усилить комплексность исследования и препятствовать турбулентности и хаосу. Как и все понятия в этой парадигме, они амбивалентны, имеют свои функции и дисфункции, сложные взаимосвязи.

При формировании стратегии модернизации России, основанной на развитии национальной конкурентоспособной технологической базы в главных отраслях экономики, не было определено место общественного ресурса – социального капитала и других форм внеэкономического капитала (человеческого, интеллектуального, культурного, символического и др.). Проведение экономической и технической модернизации в стране с недостаточно развитым человеческим, социальным, культурным, интеллектуальным капиталом может привести к негативным последствиям. Именно поэтому население не отзывается на призыв государства встать на путь модернизации и поэтому так много критики программы реформ. В силу низкой развитости внеэкономического капитала население не видит результатов проделанной работы, а иногда не понимает поставленных задач. Проведенные Фондом «Общественное мнение» в ноябре 2010 г. исследования ярко иллюстрируют описанные тенденции. В опросе участвовали 34 000 респондентов из 68 субъектов РФ. На вопрос: «Как вы думаете, в России нужна или не нужна модернизация?» – 77% респондентов ответили «нужна», 5% – «не нужна», 18% затруднились ответить. При этом 49% населения не видят признаков модернизации в стране, 25% затруднились ответить и лишь 26% видят изменения, произошедшие за два года модернизации»¹⁴.

Становится очевидным, что для модернизации и прогресса общества недостаточно только экономического развития, определяемого капитализацией хозяйств и его отдельных отраслей, то есть экономического капитала. Не вызывает сомнений и то, что само экономическое развитие зависит от капитала, которым являются:

- сами люди (человеческий капитал);
- наука и интеллектуальная жизнь (интеллектуальный капитал);
- общество и его социальные связи, доверие в нем (социальный капитал);
- культура региона и его способность к исследованию и развитию культуры (культурный и символический капиталы);
- экологический капитал (понимание связи общества с природой).

Многие экономики мира, например финская, японская, китайская, все более включают в себя формы внеэкономического капитала, и в особенности социальный капитал. Значение представлений о внеэкономическом капитале сегодня уже достаточно воспринято в социологии. А вот значение внеэкономического капитала как стабилизатора порядка в условиях социальной турбулентности, менее драматической смены социальных порядков и средства выбора пути в точках бифуркации еще даже не началось, и данная статья имеет своей главной задачей – показать такие возможности.

Fedotov L.N. Non-Linear Development of Society and Non-Economic Capital.

Summary: *The paper focuses on nonlinear socio-cultural dynamics inherent in a number of modern development processes. New approaches which reject the linear interpretation of social development and take into account its complexity and risks are discussed in the paper. The author analyses the types of non-economic capital (human, intellectual, social, cultural, symbolic and environmental) and their influence on the processes of the development and modernization.*

Ключевые слова

Нелинейность, сложность, неустойчивость, комплексность, внеэкономический капитал, социальный капитал, человеческий капитал, культурный капитал, символический капитал, экологический капитал, модернизация, развитие.

Keywords

Nonlinearity, complexity, instability, non-economic forms of capital, social capital, human capital, cultural capital, symbolic capital, environmental capital, modernization, development.

Примечания

1. См.: Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России // Вестник МГИМО. С. 211–220; Он же. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социс. 2012. № С. 19–29.
2. Аршинов В.И. Синергетика: от нелинейности к сложности // Неизбежность нелинейного мира. К 100-летию со дня рождения В.С. Гота. М.: Гуманитарий, 2012. С. 60–72; Князева Е.Н. Удивительный мир нелинейности и сложности. Там же. С. 73–96.
3. См.: Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. М.: Изд-во высшей школы экономики, 2012; Он же. Мобильности. М.: Практис, 2012.
4. Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал и его роль в понимании общества // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 231.
5. Урри Дж. Мобильности. М.: Практис, С. 72–73.
6. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвергенция // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–31.
7. См.: Попов С. О стратегии и интеллектуальном капитале в эпоху экономики знаний. Размышления по поводу книги Лейфа Эдвинсона "Корпоративная долгота" // Экономические стратегии. 2008. № 4. С. 126–132.
8. Там же. С. 29.
9. Эту мысль развивают также: Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.
10. Woolcock M. Social Capital: the State of Notion // Social Capital: Global and Local Perspectives. Helsinki. 2000. P. 22.
11. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Ноябрь. 2002. № 5. С. 60.
12. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 129.
13. Halpern D. Social Capital. Cambridge, UK: Polity, 2006. P. IX.
14. Фонд «Общественное мнение». Спрос на модернизацию // Доминанты № 49. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d49nmvr10.pdf> (дата обращения: 24.03.2011).

Сопряженная образовательная система профессионального педагогического образования

Д. С. Ткач

В статье рассмотрены проблемы реализации основных направлений модернизации образования, обосновано понятие «сопряженная образовательная система», описаны ее структура и виды сопряжений, социальные эффекты реализации представленной модели для субъектов образовательного пространства в России.

Необходимость переосмысления роли и функций педагогического образования продиктована кризисом современного образования и его спецификой, а именно: это единственная сфера, которая формирует стратегический ресурс – кадры, аккумулирует и транслирует ценности общества, воспитывает человека, ответственного за освоение и воспроизведение этих ценностей. Масштабное реформирование системы российского образования в последние десятилетия, ориентация на создание конкурентной среды и рыночные отношения во всех сферах привели к изменению педагогических доминант и структуры системы педагогического образования в стране. В социальном значении сегодняшняя педагогическая реальность характеризуется девальвацией духовных ценностей, отсутствием четких нравственных ориентиров в воспитании, резким увеличением уровня атомизации людей, одиночества среди подростков и молодежи, повышением уровня инфантильности, зависимости от асоциальных молодежных суб-

культур и социальных сетей, что резко повышает риски адаптации современной молодежи к усложняющимся общественным реалиям.

Усиливающееся неравенство в доступности качественного образования создает особые риски для социального и культурного развития села. В нашей стране более 60% образовательных учреждений находятся в сельской местности, поэтому велика потребность подготовки педагогических кадров в условиях сельского социума, где школа выполняет многие функции социокультурного центра. Однако традиционная система педагогического образования во многом не учитывает специфику сельских школ. Реструктуризация малокомплектной сельской школы, по сути, ведет к ее ликвидации, не позволит обеспечить сохранение единого образовательного пространства страны. В профессиональном значении хаотизация образовательной отрасли (многократное увеличение числа управленцев и документопотока, избыточная формализация, юридизация сферы образования, подмена системных действий решением синонимичных

Ткач Дарья Сергеевна – к.пед.н., преподаватель кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования ФГБОУ ВПО «КубГУ». E-mail: evdar_5@mail.ru

задач) резко снизило престиж педагогической профессии и создало дефицит педагогических кадров.

Согласно официальным данным, в стране насчитывалось 300 образовательных учреждений, ведущих подготовку по педагогическим специальностям, из них педагогических институтов – 67, включая 2 профессионально-педагогических, 3 лингвистических вуза, также 47 их филиалов и классические университеты. Традиционно подготовку учителей с высшим образованием осуществляли педагогические вузы. Но в связи с процессами реструктуризации сети вузов их количество сократилось на треть (за последние 5 лет прекратили свою деятельность 12 педагогических вузов). Эти группы проблем создают новые риски для системы образования в целом¹.

Для того чтобы хоть как-то сохранить отрасль и общество, в котором резко снижается доля педагогического влияния, необходимо решить проблему создания принципиальных моделей, способных учитывать все имеющиеся ресурсы для обеспечения доступности, повышения качества и эффективности образования – стержневых задач модернизации образования.

Одним из вариантов решения этой проблемы мы видим массовое внедрение в существующих образовательных учреждениях так называемых сопряженных педагогических систем.

Почти сорок лет назад была создана теория педагогических (впоследствии образовательных) систем Н.В. Кузьминой, которая легла в основу моделирования сопряженной образовательной системы профессионального педагогического образования. Она определяет педагогическую систему как «множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчиненных целям воспитания, образования и обучения подрастающего поколения и взрослых людей». При этом ею разводятся понятия структурных и функциональных компонентов: «Структурные компоненты – это основные базовые характеристики педагогических систем, совокупность которых, собственно, образует эти системы, во-первых, и отличает от всех других (непедагогических) систем, во-вторых». К их числу относятся цели, учебная информация, средства педагогической коммуникации, педагоги и учащиеся.

По мнению Н.В. Кузьминой, «названные компоненты необходимы и достаточны для создания педагогической системы. При исключении любого из них – нет системы»². Полноценным компонентом существующей образовательной системы Н.В. Кузьмина считает последующую образовательную систему. На подготовку ученика к образованию в ней и направлена деятельность педагога. Предыдущая и последующая образовательные системы зачастую совмещены в рамках одной территории, а иногда в рамках одного образовательного учреждения. Еще недавно такие учреждения называли педагогическими комплексами (жаль, что это название исключили из современных нормативных документов). Какие только педагоги-

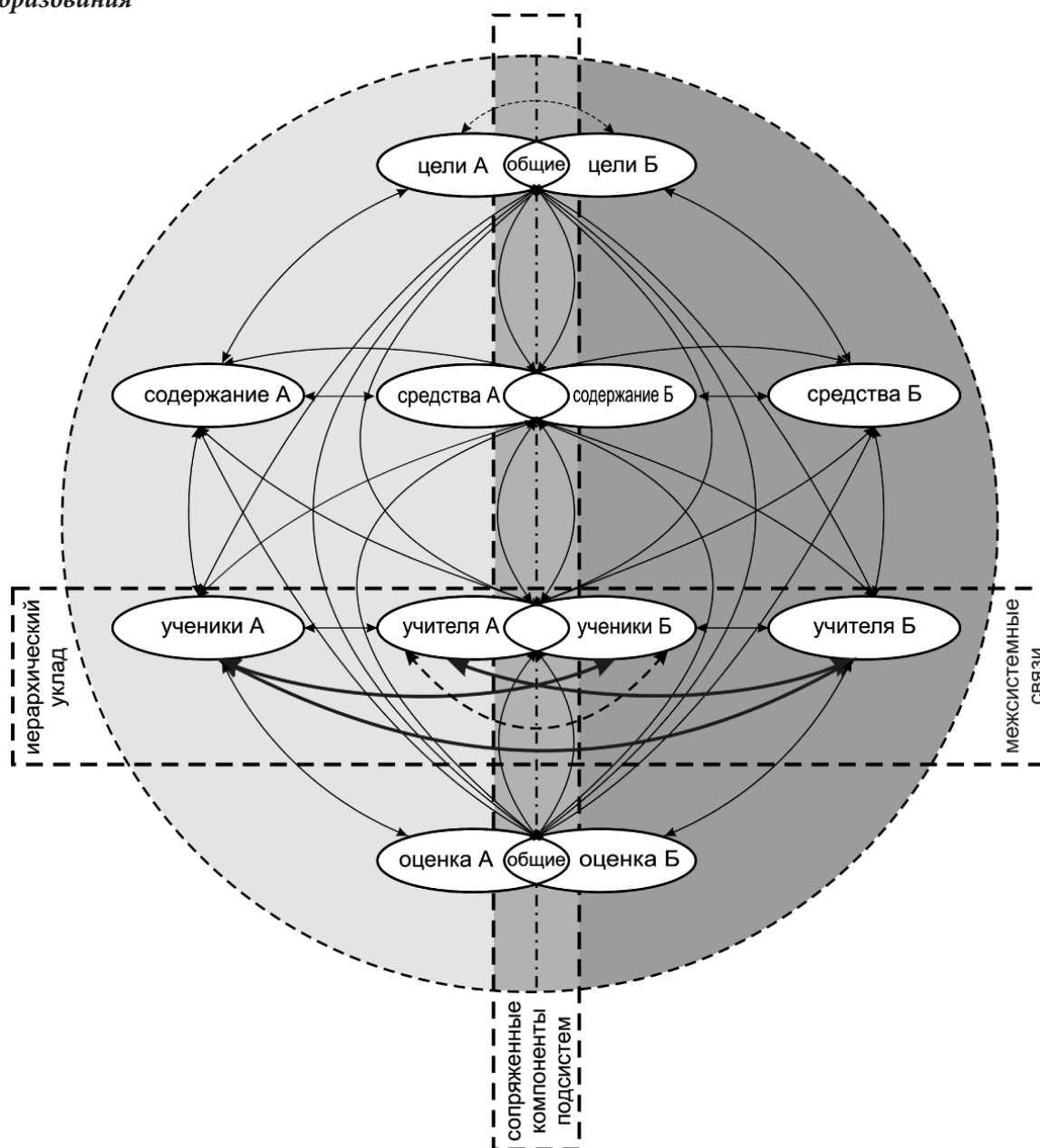
ческие комплексы не возникали в эпоху реальной педагогической инноватики 1990-х гг.: «школа-сад», «школа-вуз» были чуть ли не в каждом крупном городе. Эти комплексы были необычны тем, что в них зачастую одни и те же педагоги обеспечивали организацию образовательного процесса в разных подразделениях комплекса, одни и те же ученики осваивали азы вузовских наук, продолжая школьное образование.

Вспомним известный опыт руководимого академиком И.А. Зязюном Полтавского пединститута по подготовке сельских учителей, которых отбирали еще со школьной скамьи. Потом педвузы и педколледжи уже повсеместно включали в свой состав базовые детские сады и школы. Широко известна интереснейшая работа еще недавно массово существовавших сельских и городских педагогических гимназий и педагогических лицеев, включавших своих воспитанников в реальную педагогическую работу с младшими учениками или дошколятами. Эти непохожие друг на друга педагогически ориентированные учебные комплексы обладали целым рядом схожих черт, главная из которых – это двоякая роль педагогически ориентируемого воспитанника – он одновременно и ученик, и учитель для младшего, будучи участником двух разных образовательных систем. В одной он ведомый, обучаемый и воспитуемый, в другой – ведущий, обучающий и воспитывающий. И эти разные роли одновременно. Не когда-то он перейдет в последующую педагогическую систему в иной роли, а сегодня он совмещает эти роли в педагогизированной сопряженной образовательной системе.

Сопряженность при этом рассматривается как взаимная связь, неразрывность структурных компонентов школьной и вузовской подсистем. В толковом словаре С.И. Ожегова находим, что «сопряженный» значит «взаимосвязанный». При этом важно то, что взаимодействующие самостоятельные образовательные подсистемы высшей и низшей ступени при сопряжении не утрачивают свою идентичность, в то время как их общие возможности создания уникального образовательного (педагогического) пространства значительно расширяются. Параллельные процессы имеют место и на уровне культуры. По мнению М.М. Бахтина, при диалогической встрече две культуры (в нашем случае, школьная и студенческая) не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но при этом они взаимно обогащаются. Таким образом, взаимодействие различных педагогических систем не только не приводит к нивелированию их специфики, но и обогащает потенциал образовательного пространства в целом, усиливает жизнеспособность их компонентов и дает возможность создать особую педагогическую среду.

Каждая из подсистем представляет собой уникальное сочетание условий для создания единой предметно-пространственной среды совместного проживания опыта и педагогического уклада, пронизывающего педагогическую

Модель сопряженной образовательной системы профессионального педагогического образования

реальность всей системы в целом. Предложенная нами модель сопряженной образовательной системы профессионального педагогического образования состоит из двух подсистем – школьной и вузовской, включающих ряд структурных и функциональных компонентов. Сопряжение двух подсистем происходит путем определения единых целей, взаимодополнения содержательного компонента и дает возможность участникам учебно-воспитательного процесса находиться в подвижных, взаимно заменяющих ролях. Смена ролей (которая обеспечивается первым сопряжением) позволяет расширить спектр осваиваемых моделей поведения. Обогащается индивидуальный социальный и профессиональный опыт всех участников педагогического процесса, формируется спектр умений, необходимых для продук-

тивного взаимодействия как внутри системы, так и вне ее.

Построим модель такой сопряженной образовательной системы и разберемся подробно во всех ее компонентах.

Сопряженные образовательные системы состоят из двух самостоятельных образовательных подсистем (каждая из которых имеет все признаки самостоятельной системы) разного уровня. Подсистему Б, которая занята педагогической подготовкой (или отбором, или ориентацией), назовем подсистемой низшей ступени. Эти две подсистемы сопрягаются в четырех точках:

– *первое сопряжение*. Ученики подсистемы Б время от времени выступают в роли учителей в подсистеме А. Это вовсе не означает, что они полностью заменяют собой учителей подсистемы А. Они скорее выступают

в роли учителей-практикантов, пробуящих свои силы или нарабатывающих свое мастерство. Таким образом, учитель-практикант – это двоякая роль, сопрягающая две подсистемы. Учитель подсистемы низшей ступени тоже может быть в двоякой сопрягающей систему роли – просто учителя в своей подсистеме и учителя-наставника (учителя-методиста) в подсистеме высшей ступени;

– *второе сопряжение*. Для того чтобы быть успешным учителем-практикантом, необходимо предварительно овладеть некими педагогическими средствами. Этими средствами, необходимыми для успешной деятельности в подсистеме А, практикант овладевает в подсистеме Б, где они являются частью учебного содержания. В подсистеме Б с этими средствами знакомятся и познают их, а в подсистеме А их применяют и нарабатывают. То, что составляет часть содержания (педагогического, методического) подсистемы Б, становится средством для системы А. Совершенно очевидно, что не все это содержание составляют педагогические средства;

– *третье сопряжение* составляют совместные образовательные цели. Это, как правило, стратегические цели (сверхзадачи, как их называл бы К.С. Станиславский). Цели этого уровня едины и сопряжены для всех подсистем (от детсадовских до послевузовских), тогда как тактические цели и задачи могут и должны отличаться;

– *четвертое сопряжение* составляют процедуры совместного оценивания и контроля всех участников образовательного процесса.

Отличительная черта сопряженной образовательной системы – это сквозная педагогизация отношений всех участников образовательного процесса. Доминанта заботы и даяния (а не потребления), доминанта на другого (а не на себя) – главный признак педагогизированных образовательных систем. Такие системы принципиально не могут быть системами, предоставляющими образовательные услуги. Это системы даяния, а не потребления и конкуренции. Это системы служения и блага, а не системы образовательных услуг. Именно это, на наш взгляд, стало главным фактором исчезновения педагогических комплексов. Превращение сферы образования в сферу услуг (а значит, потребления) не может сочетаться с идеей педагогизации (даяния другому) – ключевого принципа сопряженных образовательных систем.

Кроме четырех перечисленных сопряжений такие системы обладают двумя факторами сопряжения неявных факторов педагогической реальности: 1) единой предметно-пространственной средой совместного проживания опыта; 2) иерархическим педагогическим укладом. Другими словами, обе подсистемы располагаются, как правило, в одном педагогическом пространстве (в одних зданиях и помещениях, на одной территории и т.д.) и составляют единый педагогический организм системы с широкой иерархической сетью наставничества и шефской помощи. Таким образом, сопряженной называется основанная на принципе педагогизации отношений образовательная система, состоя-

щая из двух иерархически связанных подсистем, в которых возможно сопряжение:

1) образовательных целей обеих подсистем;

2) средств низшей подсистемы с содержанием высшей;

3) социальных ролей учеников высшей подсистемы с ролью педагога-практиканта в низшей в условиях единой предметно-пространственной среды совместного проживания, опыта и иерархического педагогического уклада.

Соблюдение принципа преемственности при моделировании такой системы создает условия для пересечения структурных компонентов каждой образовательной подсистемы: целевого, содержательного и ролевого компонентов, что обеспечивает высокую степень взаимной доступности и обмена ресурсами подсистем и дает следующие социально-экономические эффекты:

– устранение ограничений территориальной и социальной доступности образования при условии массового внедрения данной модели в образовательную практику;

– повышение качества педагогического образования за счет использования потенциала подсистем;

– повышение престижа учительской профессии;

– приток педагогических кадров за счет формирования устойчивой мотивации на избранную профессию, обеспечение динамики кадрового обновления в системе образования;

– обогащение образовательного, социокультурного и духовного потенциала села;

– расширение базы научных направлений, фундаментальных и прикладных исследований в области педагогики и инновационного развития системы образования.

Реализация созданных нами моделей сопряженных образовательных систем имеет ряд положительных педагогических эффектов. При сопряжении функциональных компонентов образовательных систем образуются особые устойчивые межсистемные связи, которые дают ряд положительных педагогических эффектов:

1. Снижение социальных и педагогических рисков взросления, как процесса накопления ответственности ребенком, осуществляемого в нераздельной событийной иерархической общности со значимым авторитетным взрослым путем постепенной дозированной передачи части этой ответственности от взрослого к ребенку через события инициаций (меток взросления).

2. Повышение уровня доверия, взаимной заботы между всеми участниками образовательного процесса благодаря педагогизации образовательной среды и, как следствие, снижение социальных рисков детского и подросткового одиночества.

3. Повышение уровня социальной ответственности всех участников образовательного процесса. Накопление профессионально-педагогического опыта в стенах вуза за счет гармоничного сочетания теоретической и практической подготовки.

4. Формирование профессиональной компетентности на качественно ином уровне за счет максимальной включенности в педагогический процесс реальной школы и востребованности полученных знаний на основе принципа непрерывности и безотлагательности.

5. Обеспечение интенсивного процесса формирования профессиональных умений, способностей и профессионально значимых личностных качеств будущего педагога.

6. Создание единых территориальных условий сопряженной образовательной системы (совместные здания и помещения, единая библиотека) позволяет учащимся ежедневно наблюдать за организацией вузовского обучения (совместные конференции, педагогические олимпиады); студентам иметь безотрывную непрерывную практику и быть соучастниками учебно-воспитательного процесса, учителям – безотрывное повышение квалификации с профессорско-преподавательским составом вуза.

7. Развитие студенческого и ученического самоуправления, которое дает участникам этого процесса возможность максимально проявить себя в различных сферах деятельности и выработать принципы совместной работы.

8. Нравственное становление учащихся и студентов путем организации разновозрастной системы взаимобучения, основанной на принципах заботы, сотрудничества и взаимопомощи.

Таким образом, сопряженная педагогическая система – сложная нелинейная динамическая система, которую характеризуют открытость и целенаправленность, единство и целостность, взаимосвязь и взаимозависимость ее компонентов, структурность и результативность. Особая педагогическая среда сопряженных образовательных систем – единое ценностно-смысловое и мотивационное поле развития педагогической зрелости и профессионального мастерства, как студентов, так и педагогов. Пятнадцатилетний опыт работы комплекса «сельский педагогический лицей – педагогический вуз» в станице Азовской Краснодарского края подтвердил жизнеспособность модели. Об этом свидетельствуют показатели количества выпускников, сохраняющих верность педагогической профессии. Количество выпускников, работа-

ющих в школе, в целом падает, но наши показатели оказались в 2–3 раза выше показателей крупных педвузов страны. Сравнительный анализ методом отсроченного контроля количества выпускников педагогических вузов, работающих по специальности в течение пяти лет после окончания вуза, показал, что через пять лет профессиональной деятельности верными педагогической профессии остаются 27% выпускников педвузов Новосибирской области, 12% – г. Москвы и 65% выпускников нашего комплекса³.

Теоретическое обоснование понятия «сопряженная педагогическая система», а также выявление межсистемных связей, образуемых путем сопряжения основных структурных компонентов, создают новое проблемное пространство в педагогике. За последние годы нами и нашими коллегами были разработаны модели сопряженных образовательных систем для профессионального, дополнительного и религиозного образования. Степень реализованности и апробированности этих моделей различна: от многолетней устоявшейся практики профессионального образования в условиях сельского комплекса «педвуз–педлицей» через двухлетнюю экспериментальную проверку в условиях дополнительного образования до пока что непроверенной модели системы подготовки катехизаторов для религиозного православного образования. Эти модели нами подробно описаны.

На наш взгляд, возрождение лучших традиций советского образования в деятельности образовательных комплексов «школа–вуз» и массовое внедрение различных моделей сопряженных образовательных систем в образовательную практику, с учетом современных реалий и требований, позволило бы минимизировать риски и угрозы развития педагогического образования в России, сделав понятной модернизацию для всего педагогического сообщества.

Tkach D.S. Conjugate System of Professional Teacher Education.

Summary: The article deals with the main ways of modernization of the educational system. The author dwells on the notion of “the interconnected education system” and describes its structure, types of interconnections and social effects of this model on those involved in the educational environment of Russia.

Ключевые слова

Сопряженная образовательная система, сопряжение, межсистемные связи, социальный эффект, педагогический потенциал модели.

Keywords

Interconnected education, intersystem connections, social effect, educational potential of the model.

Примечания

1. См.: Гузенко В.В., Лукьянова В.С., Остапенко А.А., Ткач Д.С. Моделирование школьного уклада, основанного на устойчивых духовных связях. Исследовательский проект / Федеральный институт развития образования, МОУ лицей станицы Азовская. Краснодар, 2008. 24 с.
2. Кузьмина Н.В. Понятие «педагогической системы» и критерии ее оценки // Методы системного педагогического исследования / под. ред. Н.В. Кузьминой. М.: Народное образование, 2002. Она же. Понятие «педагогической системы» и критерии ее оценки // Методы системного педагогического исследования / Под. ред. Н.В. Кузьминой. М.: Народное образование, 2002.
3. См.: Ткач Д.С. Можно ли подготовить сельского педагога, не выезжая в город? // Народное образование. 2007. № 7. Она же. Организационно-педагогические условия формирования профессиональной компетентности педагога-психолога в комплексе «сельский педагогический лицей – педагогический вуз». Дисс. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2007.

Методология исследования взаимосвязи дискурса об этнической идентичности и контекстуальных сообщений СМИ

Ф.А. Барков

В статье рассматриваются теоретические аспекты трансформации контекстуальных сообщений средств массовой коммуникации о ситуациях этнокультурного контакта в публичный дискурс об этничности. В статье приводится классификация и краткая характеристика основных информационных жанров, формирующих публичный дискурс об этничности, а также рассматриваются элементы дискурсивного анализа новостной информации.

Понятие «этносоциальная идентичность» отражает ряд метатеоретических и методологических аспектов: рассмотрение этноса как социальной группы, ориентация на социологический и социально-психологический подходы. Так, в реальной социальной практике субъектами отношений являются в основном группы. Однако реальное этнокультурное сообщество состоит из индивидуумов, которые являются соответственно и носителем этнокультурной (этносоциальной) идентичности. Но носителем этой идентичности делает их не происхождение, а та социальная роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии, и их включенность во внутригрупповые процессы.

В научной литературе принято выделять два магистральных теоретических подхода к анализу этнической идентичности и этничности: примордиалистский (Ю.В. Бромлей, Ван ден Берге, К. Гиртц, Л.Н. Гумилев и др.) и конструктивистско-инструменталистский (Ф. Барт, Б. Андерсон,

В.М. Воронков, Э. Геллнер, В.С. Малахов, В.А. Тишков, С.В. Соколовский, Э. Хобсбаум и др.). Если в рамках примордиалистского подхода этническое рассматривается как самодостаточное, объективное и фундаментальное для человеческого бытия явление, то в рамках конструктивистской парадигмы этничность признается продуктом социальной среды и социального выбора, результатом коммуникативного, символического взаимодействия индивидов.

Одними из первых альтернативную примордиалистскому подходу концепцию этносоциальной идентичности в нашей стране стали развивать С. Арутюнов, А. Суколов, Н. Чебоксаров. В рамках научной школы В.А. Ядова (Т. Баранова, Е. Данилова, О. Дудченко, С. Климова, А. Мытиль, О. Оберемко) был разработан категоризационный подход, описывающий в том числе и этносоциальную идентичность через анализ моделей взаимодействия «мы-образов» и «они-образов».

Барков Федор Александрович – к.соц.н., старший преподаватель кафедры социологии, политологии и права Южного федерального университета. Ростов-на-Дону. E-mail: barkovfedor@gmail.com

Нами этносоциальная идентичность рассматривается как результат взаимодействия интерсубъективных систем социальной категоризации (П. Бергер, Т. Лукман) индивидуального жизненного опыта (А. Шюц) и социокультурных структур (П. Бурдьё, П. Штомпка). Иными словами, содержание этносоциальных категорий должно, по нашему мнению, анализироваться с феноменологических и социокультурных позиций, а характер функционирования категоризационных структур в обществе – с конструктивистских.

Исследования повседневного дискурса о ситуациях этнокультурного контакта показывают, что значительную роль в воспроизводстве идентичности играют замкнутые вербально-семантические поля. Формируемые в рамках таких полей отношения, оценки и суждения применительно к типичному поведению индивидов различной этнической принадлежности часто носят противоположный характер. Речь идет о том, что спонтанные оценочные реакции в ситуации этнокультурного контакта задаются определенным вербально-семантическим набором, воспроизводимым в повседневном дискурсе об этничности. Этносоциальная принадлежность, идентичность, статус функционируют не просто как механизмы личностного соотношения с той или иной этнокультурной группой, а как набор социальных и дискурсивных стереотипов, обуславливающих процесс этносоциальной идентификации, поведенческой оценки и т.д.

Этносоциальная идентичность, формируемые ею и формирующие ее этносоциальные стереотипы постепенно превращаются в устойчивые оценочные модели, распространяющиеся в обществе самостоятельно – в отрыве от конкретного опыта этнокультурного контакта – через повседневные социальные практики, а также средства массовой коммуникации. Данные устойчивые модели как реорганизуют весь предыдущий опыт социального взаимодействия с этнически иным, так и создают устойчивые сценарии структурирования будущего опыта взаимодействия – через «умалчиваемые интерпретации» (Г. Гарфинкель и др.) и символическое опосредование идентичности (Дж. Г. Мид, Ч. Кули и др.).

Однако если на предыдущих этапах социальной истории такое воспроизводство оценочных моделей, фреймов осуществлялось в основном через сети индивидуального взаимодействия (родственники, друзья, люди близкого социального круга, партнеры, коллеги), то в настоящее время все в большей мере индивид включается под воздействием СМК в оценочные и дискурсивные модели по отношению к индивидам других этнических групп. Взаимодействие индивида и СМК отличается отсутствием непосредственного контакта между источником и реципиентом сообщений, в смысловом отношении связанных с этносоциальными оценками и стереотипами. Причем под СМК понимается предельно широкий набор форм и средств передачи массовой трансляции информационных потоков, разумеет-

ся, включая Интернет, а также формы массового искусства (кино, комиксы, книги и т.п.).

Характер сообщений, циркулирующих на уровне СМК, отличается заведомой публичностью, что накладывает свой отпечаток на их характер. Кроме того, многие коммуникативные формы, существующие в Интернете, характеризуются анонимностью, что также специфически отражается на конструировании из контекстных и ситуативных сообщений «мы-образов» и «они-образов». При активном внешнем воздействии на ценностно-мотивационную структуру индивида запускается механизм самоидентификации – индивид начинает действовать, думать, строить отношения с другими в соответствии со схемой, ему навязанной. В этом процессе рутинизации этнокультурной идентичности происходит ее стигматизация, переход от характеристики индивидуальной к характеристике коллективной.

По мнению Т. Ван Дейка, воспроизводство этносоциальной идентичности связано с воссозданием «когнитивных моделей этнических ситуаций»¹. Такие модели соединяют в памяти репрезентацию ситуаций с определенным дискурсом. При этом особую роль Ван Дейк отводит стратегическому характеру восприятия и производства «текстов» об этничности, а также фактору этнических стереотипов в восприятии индивидов. Модели интерпретации ученый подразделил на частные (партикулярные) и общие. Частные модели отражают уникальную информацию об одной ситуации (этнического контакта). Общие модели включают информацию из нескольких частных как об «одной и той же», то есть «одного типа».

При этом частные модели могут содержать новую информацию, в соответствии с которой перестраиваются общие модели. В свою очередь общие модели, которые являются социально релевантными, могут преобразовываться во фреймы (сценарии) в семантической «социальной» памяти. Ван Дейк отмечает, что каркас любой модели составляет схема, в которую входит определенное число фиксированных категорий. Социальные ситуации, таким образом, содержат определенные «типы» информации, которые будут отнесены к соответствующим категориям в схеме. Этнические стереотипы – это не просто личные или индивидуальные установки, но установки одной социальной группы по отношению к другой, которые разделяются большинством членов группы и которые помещены в исторические, экономические или социальные структуры, типичные для данного общества.

Если ситуации в общем случае могут быть восприняты, поняты и представлены в виде эпизодических моделей, то можно предположить, что к таким ситуациям относятся также и «встречи с представителями этнических групп»². Анализируя разговоры и рассказы о таких контактах, мы постигаем природу социальных ситуаций и их общую репрезентацию, то есть представление о встречах с представителями иной этничности. Исходя из этого, можно сказать, что в ходе исследования нас

будет интересовать прежде всего когнитивные репрезентации ситуаций и стратегии обращения с ними.

Приобретение, «использование» или восприятие этнических предубеждений, а следовательно, их когнитивной организации и стратегического управления находятся в функциональной зависимости от взаимодействий этнических групп в социальной среде. Социальные установки представляют собой сложные когнитивные структуры убеждений или мнений, бытующих в социуме. Подобно фреймам или сценариям эти структуры обладают схематической организацией и располагаются в «социальной памяти»: если мнения – это оценочные убеждения, то социальные установки – это иерархические конфигурации разделяемых обществом мнений.

Как отмечает Ван Дейк, предубеждения следует объяснять не только через когнитивные репрезентации (схематические структуры, категории и собственно содержание) установок и моделей ситуаций, но и через процессы, происходящие в ситуациях реального использования такого рода информации в речевых или иных взаимодействиях в социальной среде. С помощью некоторого фиксированного числа базовых категорий этнические установки организуются в схемы. Схемы установок играют важную роль при пополнении системы новыми установками или при преобразовании системы.

Наша гипотеза заключается в том, что такие категории отражают не только возникновение или появление этнических групп и их членов, социально-экономическое положение, социокультурные характеристики представителей групп и приписываемые последним личностные свойства. Категории передают информацию, существенную для группы, а следовательно, способствуют воспроизводству этносоциальной идентичности.

Таким образом, для понимания механизмов взаимодействия и роли латентных интерпретативных структур, заложенных в дискурсивных, символических и аффективных формах воспроизводства этносоциальной идентичности, функционирующих в повседневном и информационном пространстве, необходимо аналитическое рассмотрение сценариев их взаимодействия и взаимной трансформации на основе теории дискурсивного анализа (дискурс-анализа). Дискурс понимается как текст, взятый в рамках данного ситуативного контекста. Контекст в этом случае обретает свою значимость потому, что он задает характер коммуникации посредством данного текста, ее смысловое и прагматическое содержание. Методологические последствия ввода в теоретическое рассмотрение коммуникации понятия дискурса заключаются в том, что, скажем, при текстовом анализе мы имеем дело с внутренними особенностями текста, а при дискурс-анализе нас интересуют внешние по отношению к тексту аспекты коммуникации.

Дискурс-анализ тогда будет заключаться в понимании того, что не только знаки конструируют

смысл, но и смысл возникает как инкарнация социально-исторического когнитивного фона, т.н. «мира дискурса», а также в поиске характеристик этого фона, в экспликации фонового знания, определяющего, почему имело место именно это высказывание, а не другое. Несмотря на то что распространение информации осуществляется через язык, местом возникновения понятий М. Фуко называет именно дискурс: дискурсивное поле (или формация) определяют правила, условия и возможности соединения высказываний между собой в целостную когнитивную систему.

Анализ дискурса, таким образом, представляет собой теорию и методологию реконструкции институционального, социального исторического и идеологического содержания текстов. По определению Ю.С. Степанова, дискурс представляет собой особое использование языка для выражения некоей ментальности или идеологии. Это влечет активизацию некоторых черт языка, особую грамматику, лексику, что в конечном итоге создает свой особый символическо-смысловой мир³. В данном определении, подводящем определенное обобщение под представленными выше интерпретациями, дискурс, таким образом, предстает как форма использования языка, соответствующая той или иной сфере социальной жизни, практики, коммуникации.

Идеи М. Фуко стали основой для теоретических разработок немецкой школы дискурс-анализа (У. Маас, Ю. Линк, Ю. Хабермас). В рамках этой школы тезис о том, что любой текст является частью и выражением общественной практики, задающей ограниченный массив возможных текстов, был развит до принципа, согласно которому анализ текста должен стать анализом дискурса как исторически или социально контекстной формы. То есть дискурс-анализ фактически становится средством исторической, идеологической, социальной и психологической реконструкции «духа эпохи». Для представителей немецкой школы дискурс является не отдельным взятым текстом-артефактом, за которым стоит социальный или культурный контекст, но некоей интертекстуальной реальностью: все тексты, обращенные к определенной теме, образуют дискурс⁴. Тогда точкой отсчета становится не отдельный текст, как артефакт репрезентации, но совокупность многих текстов, циркулирующих в пределах определенной коммуникативной сферы. В качестве примера в данном случае можно привести следующие типы дискурса: политический, медицинский, юридический и т.д.

С точки зрения социальных последствий функционирования дискурса его можно охарактеризовать как систему ограничений, накладываемых на возможности конструировать и интерпретировать высказывания. То есть дискурс функционирует как средство конструирования социальной реальности: институциональная интересубъективная реальность опредмечивается в дискурсе, а дискурс распредмечивается посредством того, что делает эту «институциональную реальность» реальной. В отличие от некоторых авторов, которые в таком

движении усматривают за дискурсом элементы надындивидуальности, тем самым придавая дискурсам и текстам, как неким формально организованным структурам, объективность *sui generis*, мы полагаем, что речь необходимо вести именно об intersubъективной природе дискурса как социального явления.

С другой стороны, развитие СМК в современном обществе придает отдельным видам дискурса беспрецедентный потенциал структурирующего влияния на общество. Именно развитие данного сюжета (канализирование социальных идей, оценок, взглядов и суждений) породило к жизни целый набор конструктивистских концепций, рассматривающих социальную динамику прежде всего с точки зрения конкуренции различных вариантов дискурса вокруг какого-либо проблемного поля в условиях ресурсных и институциональных ограничений агентов дискурса. Примером подобных концепций могут служить работы Г. Блумера, П. Ибарры и Дж. Китсьюза, Дж. Беста, С. Хилгартнера, Ч.Л. Боска и др.⁵

Действительно большая методологическая заслуга конструктивизма заключается в том, что результаты исследований, выполненных в его парадигмальных рамках, с очевидностью показывают: дискурс есть не столько «предзаданный способ мышления» (М. Фуко), сколько средство формирования, доминирования или же утасания определенного способа мышления, релевантного для широкой социальной практики. Новостные материалы, несмотря на свою в буквальном смысле эфемерность (каждый день новости меняются), представляют собой одну из наиболее влиятельных, если не самую влиятельную форму, подачи информации о затрагивающих тему этничности событиях.

Такой потенциал воздействия приобретает новостями вследствие двух эффектов аккумуляции: а) структурной и б) темпоральной. В процессе структурной аккумуляции новостного дискурса происходит накопление и обобщение информации, поступающей из различных источников (газет, радио, ТВ, Интернет), а также из различных ресурсов одного и того же источника (новости на разных каналах или в разных газетах на одну и ту же тему). В процессе темпоральной аккумуляции новостного дискурса об этнической идентичности за счет накопления однотипных или разнотипных

сообщений во времени создается соответствующий информационный фон.

То, что новости – вне зависимости от формы их трансляции – являются определенно рода дискурсом, долгое время игнорировалось, отмечает Т. Ван Дейк⁶. В действительности же, процесс массовой коммуникации должен исследоваться не только через призму поддающихся статистическому наблюдению характеристик, но через обращение к его сути – речевым сообщениям. Вся совокупность текстов массовой коммуникации, в особенности тексты новостей, – это предмет дискурсивного анализа, т.е. исследования текстов как особого типа языкового употребления, как конструкций, относящихся к специфической социокультурной деятельности.

В настоящее время трудно однозначно сказать, что первично в цепочке «дискурс-модели репрезентации этничности – стратегические модели интерпретации этноконтакта»: то ли дискурс формирует оценки, то ли первичной по отношению к дискурсу является социальная реальность, противоречивый характер которой актуализирует имплицитные модели репрезентации этничности в дискурсе СМК. Однако, даже несмотря на это, можно с уверенностью утверждать, что дискурс-анализ контекстных сообщений СМИ в современной России может быть использован: а) для диагностики социальной среды и прогнозирования «узких мест» в межнациональных отношениях; б) для профилактики негативных интерпретативных структур в массовом сознании по отношению к этнически другим посредством целенаправленной политики формирования дискурсивных форм, в которых минимизированы имплицитные репрезентативные модели, маркирующие границы этничности, и в особенности стигматизирующие ее.

Barkov F.A. Modern methodological approaches to the study of the interrelation between everyday discourse about ethnic identity and contextual posts of the mass communication.

Summary: The article deals with the theoretical aspects of the transformation of mass media messages about situations of ethnocultural contact in the public discourse about ethnicity. The author presents a classification and brief description of the main information genres forming public discourse about ethnicity and the elements of a discourse analysis of news.

Ключевые слова

Этничность, идентичность, дискурс, стигматизация, конструирование, модели репрезентации.

Keywords

Ethnicity, identity, discourse, stigmatization, representation models.

Примечания

1. Ван Дейк Т.А. Когнитивные модели этнических ситуаций. Пер. с англ. Г.Е. Крейдлина / Т.А. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 161 – 190.
2. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М., 2006. С. 71.
3. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип, Причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 38.
4. Чернявская В.Е. Указ. соч. С. 76.
5. См., напр.: Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань, 2007.
6. Ван Дейк Т. Анализ новостей как дискурса // Т.А. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 111.

Сложные слова в современном арабском литературном языке в контексте процессов лексической номинации

Ю.С. Айвазян

Статья посвящена анализу морфологических, синтаксических и типологических особенностей сложных слов в арабском литературном языке в общественно-политической терминологии в контексте процессов номинации.

На сегодняшний день можно констатировать, что арабский литературный язык (АЛЯ) находится на таком этапе развития, когда происходит активное пополнение вокабуляра новыми терминами, образующимися путем первичной и вторичной лексической номинации, подразумевающих такие способы наименования, как описательный способ, создание новых словоформ, калькирование, присваивание нового значения существующей форме слова (автономная вторичная номинация) и др.

В этой связи интересно проследить особенности функционирования такого способа номинации в АЛЯ, как образование сложных слов или композитов. Композиты – это слова, имеющие две или более основы в своем составе. В большинстве случаев такие слова образуются от самостоятельных частей речи, сохраняя в своем составе слово целиком или его часть. Лексические ресурсы, на которых базируются слова-композиты, исключительно разнообразны. Это самостоятельные слова, основы самостоятельных слов, а также интернациональные словообразовательные элементы¹. Возникшая лексическая единица обретает новые, не зафиксированные ранее форму и значение. Данный способ

словообразования, относящийся к первичным наименованиям и функционирующий как один из способов создания новых словоформ на базе уже существующих исконно арабских корней, в настоящее время получает все большее распространение в общественно-политической терминологии АЛЯ.

На наш взгляд, можно выделить две основные причины продуктивности употребления арабских сложных слов:

– объективно большое количество новых реалий, требующих адекватного семантического отображения в АЛЯ. Такие денотаты, как «геополитический», «ближневосточный» и т.д., входят в узус языка любой нации на современном этапе, включая АЛЯ, что, несомненно, формирует адекватный номинативный эквивалент в АЛЯ и обогащает его словарный состав;

– лаконичность и в то же время емкость АЛЯ как культурно-лингвистического феномена способствуют генерированию таких лексических единиц, которые вели бы к максимальной «экономичности» арабского синтаксиса и словоупотребления. Сложные слова как с точки зрения арабской грамматики, так и с точки зрения графики в значительной степени упрощают коммуникативный акт.

Айвазян Юрий Сергеевич – преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: Zetrodoloх13@yandex.ru

Теоретическая лингвистика проводит классификацию сложных слов по следующим признакам:

– по характеру синтаксического отношения между их компонентами, в соответствии с которым однословные композиты делятся на а) сочинительные, выступающие в качестве комбинации равноправных компонентов; б) подчинительные, подразумевающие комбинацию компонентов, среди которых различаются синтаксически главные и зависимые;

– по способу соединения компонентов, в соответствии с которым различаются: атематическое словосложение, когда происходит непосредственное соединение корней или основ и тематическое словосложение, в котором соединение компонентов осуществляется с помощью интерфикса.

Что касается АЛЯ, то к нему также можно применить оба типа вышеуказанной классификации сложных слов, однако необходимо отметить, что в рассматриваемом языке эти особенности функционируют в рамках предлагаемой нами общей морфосинтаксической структуры, включающей существующие арабские сложные слова-наименования. Данная структура в АЛЯ включает в себя следующие категории:

1. Однословные сложные слова или композиты, образующиеся путем словосложения как сочинительного (جيوفيزيقي 'геофизический', يئيميكره 'электрохимический'), так и подчинительного (يئامسار 'подземный', يئامسار 'капиталистический'). Данный тип словоформ основывается на именных и предложно-именных словосочетаниях, однако в ряде случаев употребляются и глаголы-композиции (شقر 'раскрашивать, делать пестрым' от قرب 'сверкать, блестеть' и شقن 'высекать, гравировать'; شرمخ 'царапать, портить' от رخ 'продельывать дыру' и مرش 'раскалывать, рассекают, разрезать' и др.), продуктивность которых в общественно-политической лексике ниже, чем в других областях. Также этот тип может в некоторых случаях включать комбинацию «арабская словоформа – лексическая калька», например, يئامسار 'геополитический'.

2. Раздельнооформленные сложные слова (сложные прилагательные АЛЯ), включающие в себя, в соответствии с характеристикой Б.М. Гранде, «формальное примыкание»²: ددعتم: 'многосторонний'. Несмотря на то, что эти слова формально сохраняют падежную флексию у каждой основы и пишутся раздельно, они тем не менее выступают как одна семантическая группа.

3. Цельнооформленные сложные слова, также состоящие из двух слов (имен существительных или прилагательных), которые пишутся раздельно друг от друга. Например, 'ближневосточный' يئامسار قورشل.

4. Группа композитов, подразумевающая слияние частицы отрицания ال с именем существительным или прилагательным.

К первой категории, наряду с указанными выше примерами, относится широкий спектр

первичных номинативных единиц сочинительного и подчинительного словосложения:

а) группа сочинительного словосложения: يئامرهك 'геополитический', يئامسار 'гидроэлектрический', يئامسار 'афро-азиатский'³ يئامرب 'земноводный' (последний пример, в зависимости от сочетания с конкретным существительным, имеет значение, которое может встречаться в военных заметках газет: «плавающий танк» – يئامرب قبادد или «трактор-амфибия» – يئامرب قاراج) и др.;

б) группа подчинительного словосложения: يئامرب 'доисторическая эпоха', يئامسار 'внеклассный', يئامسار 'капитал' и дериватный от него يئامسار 'капитализм',⁴ يئامسار 'относящийся к странам «третьего мира», يئامسار 'нефтедоллар' и др.

Приведенные примеры образованы путем атематического словосложения, тематическое же словосложение в качестве интерфикса интегрирует в состав словоформы долготу «و»: يئامرهك 'электродерный', يئامسار 'афро-азиатский' и др. Таким образом, можно проследить функционирование в АЛЯ синонимичных наименований, образованных обоими способами словосложения.

Важной особенностью однословных композитов, относящихся к группе подчинительного словосложения, является затрудненное падежное прогнозирование первого компонента сложного слова ввиду морфологической специфики данных лексических единиц. В настоящее время проблема решается, в зависимости от типа композита, двумя способами:

а) при комбинации «прилагательное–прилагательное» или «предлог–прилагательное» падеж указывается исключительно в конце наименования, в интерпозиции слова падеж замещается соответствующим гласным звуком по принципу сингармонизма;

б) при слитной генитивной конструкции первый член теряет падежное окончание, а вся конструкция приобретает окончание именительного падежа.

Категория раздельнооформленных сложных слов является по своему масштабу самой крупной составляющей данного способа словообразования как в общественно-политической терминологии, так и в других областях. Однако следует подчеркнуть, что материальная база, на которой основывается группа раздельнооформленных сложных слов, сложилась как таковая в прошлом.

Как показывает анализ арабской лексики, немалая часть раздельнооформленных прилагательных приходится на технические области языка, которые также оказываются частью общественно-политической терминологии. В качестве примера этой тенденции можно привести номинативное словосочетание يئامسار 'микроспроцессор' (досл. «малогабаритный обработчик данных»), включающее в себя сложное прилагательное يئامسار 'микро-' (досл. «малообъемный»).

Другими примерами раздельнооформленных композитов являются *داعب الال ي ثلاث* 'трехмерный, 3-D' и *ااون الال عابور* 'четырёхъядерный' (о микропроцессоре).

Цельнооформленные сложные слова, как имена существительные, так и прилагательные, являются значительно менее распространенным явлением в вокабуляре современного АЛЯ, нежели собственно однословные композиты. К ним относятся: *ماعم ني* 'генеральный секретарь', *ورتم* 'метро', *قافن الال* 'ближневосточный'. Данная категория, как и однословные композиты, имеет идентичные им особенности детерминирования падежа (окончание первого слова редуцируется), и, как следствие этого, возникает проблема порядка слов в составе синтаксической конструкции. Первая особенность может быть проиллюстрирована примером *ي طسوأ قرش* – в данном случае падежная флексия указывается в конце словоформы, подобно тому, как это осуществляется в однословных композитах, тогда как морфема *ق* получает гласный [a] по принципу сингармонизма, а хамза слова *ي طسوأ* васируется.

Следует отметить, что данная лексическая единица еще не зафиксирована в арабских словарях. Однако мы берем на себя смелость предложить указанный выше вариант решения по аналогии с уже известными способами образования сложных слов с учетом закономерностей арабской фонетики. В то же время интересно отметить, что оба компонента данного сложного слова принимают артикль, и в этом случае вопрос танвинного окончания первого компонента снимается.

Вторая особенность может быть проиллюстрирована на номинативной единице *ماعم ني*, которая в генитивной конструкции выступает в качестве первого члена, несмотря на то, что состоит из существительного *ماعم ني* и согласованного определения к нему *ماعم*. Таким образом, языковая единица *ماعم ني* перешла в разряд сложных слов и воспринимается сегодня носителями языка как неразрывная конструкция, например *ماعم ني مأل* 'генеральный секретарь ООН'. Тем не менее следует оговориться, что в сочетании со слит-

ным местоимением она теряет свойства сложного слова и превращается в обычное словосочетание: *ماعم الاله ني م أو ة لودل ة مظم ال*.

Категория сложных слов с частицей отрицания *لا* является в высшей степени продуктивной в общественно-политической сфере в АЛЯ. К ней относятся такие наименования, как: *لا ساي سال* 'аполитичность', *لا ة دب مال* 'беспринципность', *لا ة ري ردأ لال* или *لا ة صون غال لال* 'агностицизм', *لا ة اب مال* 'беспроводной' (о связи), *لا ة اب مال* 'безразличие', *لا ب زحال* 'беспартийный' и др.

Подводя итоги рассмотрения сложных слов в современном АЛЯ, можно сделать следующие выводы:

– образование сложных слов является неотъемлемой частью номинативного процесса в АЛЯ, однако не все типы сложных слов равнопродуктивны;

– в арабском композитообразовании может использоваться как атематический, так и тематический способ словосложения, осуществляющийся за счет включения в состав основы интерфикса долготы «و»;

– однословные композиты и раздельнооформленные сложные слова в АЛЯ могут формироваться путем слияния двух имен прилагательных, имен существительных (генитивная конструкция) или предлога и прилагательного, одного существительного и одного прилагательного. Первый тип синтеза превалирует в композитах, тогда как второй тип больше характерен для раздельнооформленных сложных слов. Также однословные сложные слова могут формироваться с частицей отрицания *لا* для выражения значения «бес-», «без-» «а-».

– композитам и раздельнооформленным сложным словам присущи уникальные для АЛЯ особенности внутреннего соединения.

Ayvazyan Y.S. Blends in Modern Literary Arabic within the naming processes.

Summary: This paper is dedicated to the analysis of morphological, syntactic and typological characteristics of blends in Modern Literary Arabic in the course of sociopolitical terminology within the naming processes.

Ключевые слова

Арабская номинация, сложные слова, композиты, морфология, арабский литературный язык, словообразование, дериват, заимствования.

Keywords

Naming process, blends, compounds, morphology, Modern Literary Arabic, word formation, derivatives, borrowings.

Примечания

1. Шалина Л.В. Слова-композиции как единицы вербальной коммуникации в русском и немецком языках. Материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка, секция «Русское словообразование и морфемика», МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 23.
2. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., репринт. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1998. С. 328.
3. Maher S. Kayyali. Modern Military Dictionary English-Arabic Arabic-English, Hippocrene Books, Inc., 1991. С. 15.
4. A. Maadi. Quwwa Udhma Binithaam Alamuthaalthiyy – ст. на сайте www.alriyadh.com
5. Газета Al-Basheer от 12.06.2008.
6. Газета Al-Nayat от 8.04.2010.

Рифмованный сленг как средство маскировки алкогольной и наркотической зависимости

Е.Ю. Горшунова, Ю.В. Горшунов

В статье на материале рифмованного сленга английского языка рассмотрены эвфемизмы, характеризующие и маскирующие алкогольную и наркотическую зависимость, на примере выражений, отражающих концепт, «находящийся в состоянии алкогольной/наркотической интоксикации», и названий некоторых наркотических средств и доз в рифмованном сленге.

Выражаемое в английском языке словом *addictions* и словосочетаниями *harmful habits, pernicious habits, habits detrimental to one's health* понятие переводится на русский язык терминологическим словосочетанием «пагубные привычки». Оно подразумевает прежде всего склонность, пристрастие, психическую или физическую зависимость человека от наркотиков (наркотическую зависимость), лекарств (медикаментозную зависимость), алкоголя (алкогольную зависимость), табака, кофе, сладкого и других соблазнов, которые при чрезмерном употреблении наносят вред физическому, психическому или умственному здоровью человека. Оно подразумевает также неспособность (или нежелание) человека противостоять этим соблазнам. В данной статье на материале рифмованного сленга мы рассмотрим эвфемизмы, характеризующие и маскирующие пристрастие к алкоголю и наркотикам, и ограничимся анализом эвфемизмов, отражающих концепт «находящийся в состоянии алкогольной/наркотической интоксикации», а также эвфемистических сленговых названий некоторых наркотических средств и доз. Эвфемизмы других сфер не рассматриваются.

Исследователи социолектов отмечают, что термины алкогольной и наркотической зависимости нередко совпадают, являются общими. Более того, многие из них знакомы медикам, полицейским и судопроизводителям в силу профессиональной занятости. Отмечается также, что язык наркокультуры отличается чрезвычайной подвижностью и изменчивостью. Рубрика «пагубные привычки» и ее разделы «пристрастие к алкоголю (алкоголизм)» и «пристрастие к наркотикам (наркомания)» выделяется среди других эвфемистических группировок заметной представительностью, поскольку имеет дело с двумя самыми чувствительными областями эвфемии. Неслучайно, терминологические наименования этих привычек составляют около десятка единиц: *alcoholism, abuse of alcohol, alcohol abuse, alcohol addiction, alcoholomania, alcoholophilia, dipsomania, inebriety* для алкогольной зависимости и *narcomania, drug habit, abuse of narcotics, drug addiction, drug abuse, narcotic addiction, narcotic abuse* для наркотической зависимости.

Как известно, в Соединенном Королевстве можно на законных основаниях приобрести алкоголь при достижении 18 лет, а в большинстве штатов США – при достижении 21 года. Если на вечеринке или приеме хозяин или хозяйка веж-

Горшунова Елизавета Юрьевна – к.филол.н., преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО(У) МИД России. E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

Горшунов Юрий Владимирович – д.филол.н., профессор Бирского филиала Башкирского госуниверситета. E-mail: gorshunov_@rambler.ru

ливо спросят вас «What would you like to drink?» («Чтобы вы выпили/хотели выпить?»), то предположение подразумевает в первую очередь что-нибудь горячительное, возбуждающее, то есть алкогольный напиток, а отнюдь не стакан воды или чашку чая. Слово *drink*, конечно, имеет значение «питье/напиток», но употребляется оно преимущественно в значении «алкогольный напиток», а слово *drunk* – стандартное обозначение состояния человека, «принявшего на грудь»¹. По авторитетному свидетельству составителей Словаря эвфемизмов, уже в эпоху Бенджамина Франклина (1706–1790), который был не только любознательным ученым, но и видным государственным деятелем, участвовал в составлении проекта Декларации независимости и американской Конституции, только в Америке было зафиксировано более 350 слов для обозначения концепта “drunk”².

В речи англичан и представителей других англоговорящих сообществ используется множество самых разнообразных и колоритных слов и выражений, отражающих разную степень опьянения. Когда человек в состоянии легкого опьянения, «навеселе» (*happily drunk*, как бы мы выразились), в ходу такие описательные слова и выражения, как *nicely done*, *dizzy*, *elevated*, *funny*, *jolly*, *happy*, *intoxicated*, *mellow*, *merry*, *oiled*, *pleasantly plastered*, *squiffed*, *squiffy*, *tiddled*, *tipsy* и т.д. Вспомним в этой связи прозвище *Merry Monarch* английского короля Карла II, прозванного так не только за веселый нрав, сколько за застолья и праздный образ жизни. Когда человека характеризуют как «пьян в меру», «нормально пьян», т.е. считают, что он еще в состоянии контролировать свои слова, поступки, движения и жестикуляцию, в ходу такие описательные слова и выражения, как *rigid*, *stiff*, *tight*, *activated*, *blissed*, *boozed*, *canned* и др. Если же человек чрезмерно пьян, так что не может стоять на ногах, «лыка не вяжет», такое состояние в русском языке описывается словосочетаниями «напиться в стельку», «пьяный вдрабадан», «пьяный вдребезги», «пьяный в доску», «пьяный в дупель», «мертвецки пьяный» и др. В подобной ситуации англичане также используют нелицеприятные, неприглядные и даже вульгарные оценочные слова – характеристики типа *legless*, *loaded*, *pasted*, *pissed*, *soaked*. Если человек напился до бессознательного состояния («до чертиков»), о нем можно сказать *annihilated*, *petrified*, *blotto* и подобным образом. Большинство характеристик пьяного человека, как видим, оценочно негативны, нелицеприятны и не употребляются в речи образованных людей, предпочитающих употреблять политкорректные или эвфемистические замены, количество которых едва ли уступает их вульгарным или грубым синонимам.

Многие из наименований маскируются за рифмованным сленгом. Так, легкая степень опьянения, выраженная с помощью прилагательных *merry* и *tiddly*, скрывается за маской рифмованного сленга *Tom and Jerry* и *Newton and Ridley*. *Tom and Jerry* – это горячий пунш, приправленный специями, традиционный рождественский коктейль (*a traditional Christmas cocktail in the US, a yuletide*

special treat), названный по имени действующих лиц из книг Пирса Эгана. Название яично-алкогольного коктейля не имеет отношения к Тому и Джерри, незадачливому коту и находчивому мышонку, популярным персонажам многочисленных мультфильмов, как ошибочно полагают некоторые, и возникло много ранее. Рекламируя книгу и пьесу в 1821 г., Пирс Эган познакомил читателей и театралов с напитком типа эгтнога с добавлением полунции бренди и назвал его «*Tom and Jerry*». Рифма *Newton and Ridley* дана по названию вымышленной пивоварни в мыльной опере «Улица Коронации» (*the British soap opera Coronation Street*), популярном многосерийном телевизионном фильме о повседневной жизни нескольких семей с одной улицы в промышленном городе на севере Англии. Пиво этой пивоварни подают в пивной *the Rovers Return*.

Сильная степень опьянения представлена в рифмованном сленге рифмами, созданными для прилагательных *blotto*, *full*, *lush*, *pissed*, *plastered*, *steaming*, *stoned*, *tight* и некоторых других. Пожалуй, самое большое число рифм, часто свернутых до первого компонента, имеет прилагательное *pissed*, подаваемое в словарях с пометой «грубое»: *Brahms* и полный корпелят *Brahms and Liszt*, *Mozart* и *Mozart and Liszt*, *Aunt Cissed*, *fog and mist*, *Gorillas in the Mist*, *Scotch mist*, *Adrian* (краткая форма рифмы *Adrian Quist*), *Lillian Gished*, *Oliver Twist*, *schindlers* и *Schindler's List*, *Lloyd's list*, *booed and hissed*, *hand and fist*, *cuddled and kissed*, *hit and missed/hit-and-missed* и, возможно, некоторые другие, не вошедшие в нашу картотеку.

Приведем примеры и представим социокультурный комментарий к рифмованному сленгу для слов *blotto* (рифмуется с *Santa's Grotto*), *full* (*John Bull*), *steaming* (*Jan Leeming*).

Blotto вызывает в сознании образ человека, который «не просыхает», т.е. редко бывает трезвым: он насыщен и пропитан алкоголем подобно промокательной бумаге. Рифма *Santa's Grotto* основана на использовании рождественской символики: *Santa's Grotto* – мастерская, в которой сказочный (фольклорный) персонаж Санта Клаус делает игрушки и подарки детям на Рождество. В Америке в крупных универмагах в канун Рождества проводят рекламную акцию: отводят место под «грот Санты», приглашают актера, изображающего Санту, который раздает детям подарки. На возникновение рифмы, возможно, повлиял один из самых популярных в США кинофильмов на рождественскую тематику – «Чудо на 34-й стрит» («*Miracle on 34th Street*», 1947 г.), сюжет которого незамысловат. Накануне грандиозного парада, устраиваемого каждый год на день благодарения универмагом «Мэйси» на 34-й улице Манхэттена, старик, который был должен изображать Санта-Клауса, в стельку напился. Его место в повозке Санты уговорили занять прохожего старика Криса Крингла.

Full и *lush* имплицитно образ человека, изрядно перебравшего спиртное, поскольку алкоголя вдоволь, если не в избытке. Рифма *John Bull* (Джон Булл) использует насмешливое прозвище англичан, получившее широкое распространение.

Джон Буль обычно изображается краснолицым низкорослым толстяком с хитрой физиономией, с непрерывными бакенбардами, в красном сюртуке, белых брюках или лосинах (обязательный костюм цветов британского флага) и коротком цилиндре или шапокле, иногда с подозрительной трубой, через которую он в безопасности и комфорте рассматривал со своего острова через Ла-Манш происходящие на континенте события. В период правления Георга персонаж одет в красный жилет и/или его фрак королевского синего цвета.

Ассоциации, вызываемые *steaming*, связаны с реакцией организма на прием спиртного, покраснение лица и шеи из-за прилива крови, как если бы человек принял паровую баню. *Steaming* рифмуется с *Jan Leeming*, которая хорошо знакома миллионам британских телезрителей, поскольку на протяжении нескольких лет она работала на региональном телевидении, вела детские передачи и считается одним из лучших дикторов новостей 1980-х гг. Употребление рифмованного сленга иллюстрирует следующий контекст: «Let's get Jan Leeming!»

Даже, казалось бы, безобидные нейтральные слова вроде *alcohol* (алкоголь, спирт), *drink* и его синоним *beverage* (напиток, обычно алкогольный или хмельной) прячутся за рифмованным сленгом: *John Hall* (рифма для *alcohol*), *bit o(f) blink*, *cuff link*, *Ice Rink*, *Kitchen Sink*, *Lily the Pink*, *Tiddley Wink*, *Tumble Down the Sink* (рифмы для *drink*), *Dame Edna Everidge/ Edna Everage/ Dame Edna* (рифмы для *beverage*), не говоря уже об их разговорных и сленговых спарринг-партнерах *booze*, *bevy/bevy*, *gargle*, которые скрываются за рифмованным сленгом *Penelope Cruz* и *Tom Cruise* или *Tom*, *River Ouse*, *mud and ooze*, *pick and choose* и *win or lose* (рифмы для *booze*), *Don Revie* (рифма для *bevy/bevy*), *Arthur Scargill* (рифма для *gargle*). Их описание составляет предмет отдельной статьи.

Поскольку наркомания воспринимается как асоциальное явление, наркоманы стремятся закодировать и завуалировать язык наркокультуры, сделать его непонятным для аутсайдеров. Сепаратный характер имеют социолекты наркоманов, мобстеров (гангстеров), воров и других нелегальных, полуправовых групп или люмпенизированных элементов. Создание и употребление большинства единиц, имеющих хождение в названных социолектах, продиктовано принципом конспиративности, связанным с прагматической установкой засекретить свою деятельность, свое сообщение для непосвященных³. Распространение наркомании, интенсивное использование «старых» и «новых» наркотических средств привело к тому, что буквально каждая вторая буква алфавита оказалась закодированной и обзавелась «наркотической» расшифровкой: A ← 1) acid (the drug LSD) – ЛСД, 2) amphetamine – амфетамин; B ← Bensedrine – бензедрин; C = see = sea ← Cocaine – кокаин; D ← dope – наркотик, дурман; E ← ecstasy – галлюциноген, аналогичный ЛСД; J = jay ← joint – сигарета с марихуаной; K ← kilo – 1) кг конопли, 2) гидрохлорид кетамина (наркотик, подобный ЛСД); M ← morphine – морфин; O ← opium –

опиум; P = pee ← peyote – пейотль (мескалин); Q ← Quaalude – таблетка метаквалона; T = tee = tea (marijuana) – «чаёк»; V = 1) valium – таблетка валиума, 2) viper – марихуана.

Взаимодействием принципов языковой игры и криптичности созданы эвфемистические названия ряда широко применяемых запрещенных наркотиков, которые в совокупности в среде наркоманов известны как *vitamins*, поскольку, как и витамины, выпускаются в таблетках и капсулах. Образованные по модели названий витаминов (формула «слово+буква»), эвфемистические названия наркотиков основаны на обыгрывании формы и реинтерпретации фармацевтических названий витаминов: Vitamin A = LSD, acid or ecstasy versus Vitamin A (found in fish-liver oils etc); Vitamin C = cocaine versus Vitamin C, ascorbic acid; Vitamin E = ecstasy versus Vitamin E, tocopherol; Vitamin T = marijuana; Vitamin X = Ecstasy⁴.

«Витаминный» список наркотиков потенциально открыт, поскольку не все известные витамины обыграны (Vitamins A₁, B₁, B₂, B₁₂, H, C, D (D₁₂), E, K). Любая из букв алфавита, обладающая «наркотической» расшифровкой способна занять вторую позицию в формуле «слово+буква», применяемой в названии витаминов.

Для речи наркоманов характерны жаргонизмы, созданные усечением, нередко в сочетании с суффиксацией, многие из которых являются названиями лекарственных препаратов наркотического действия, применяемых в медицинской практике: *barb*, *barby/-ie* ← *barbiturate* – капсула барбитурата; *benny/-ie* ← *Bensedrine* – таблетка бензедрина; *mandy/-ie* ← *Mandrex* – таблетка мандрекса; *dex*, *dexie*, *dexo* ← *Dexedrine* – таблетка декседрина. Следует, однако, признать, что ореол криптичности многих жаргонизмов недолговечен, так как они мигрируют из социолекта наркоманов в другие. Например, многие жаргонные названия приспособлений и наркотических препаратов встречаются в речи медработников – медсестер, медбратов, фельдшеров, лаборантов и т.д. из отделений реанимации и детоксикации. Многие сокращенные названия фармакологических препаратов наркотического действия, бытовавшие в речи наркоманов и медперсонала в разные периоды, стали общеизвестными. В 1940–1960-х гг. это *benny* ← *Bensedrine*, в 1950–1960-х гг. – *Dex* ← *Dexedrine*, в 1960-х гг. – *meth* ← *methedrine*, в 1970-х гг. – *mandy* ← *Mandrax* и *'lude* ← *Quaalude* и мн. др.: *The nurse was hooked on dems (dems β Demerol). They used to give away dex at the infirmary like it was aspirin (dex ← Dexedrine). 'The stuff and editors of Oz wish to protest against the flippancy attitude of our art director towards Mandrax in the caption above ['Mandies make you randy']. Mandies are both addictive and dangerous»⁶. С другой стороны, из речи медицинских работников наркоманы заимствовали жаргонное *detox* ← *detoxification* – курс лечения от наркомании и алкоголизма.*

Жаргонизмы становятся общеизвестными в связи с широким освещением средствами массовой информации асоциальных явлений и борьбы с ними. Мы вынуждены признать, что довольно

сложно даже просто перечислить все бытующие слова и выражения из сферы наркомании, потому что только среди так называемых *street names* («уличных наименований», неформальных, неофициальных) – бытовых названий наркотиков и сопряженных реалий – «язык улицы» содержит более чем 2300 слов и выражений.

Среди средств маскировки и вуалирования пристрастия к наркотикам и кодирования названий наркотических средств мы находим разнообразные эвфемизмы, которые демонстрируют тенденцию к росту. Многие из эвфемистических уклончивых и завуалированных наименований, ассоциируемых с наркотиками, выступая маскировочными названиями, нередко рисуют или представляют наркотики как нечто приятное, безобидное, связанное с удовольствиями. Так, кокаин, например, называют *happy dust* («порошок счастья») или *heavenly dust* («божественный, восхитительный порошок»), который доведет до «кайфа», состояния эйфории (*gives you a high*). Обыгрываются, например, внешние характеристики порошка: его цвет и консистенция. Производные от кокаина, называемого *snow*, образуют внушительный ряд: *snowball*, *snowbird*, *snow-blind*, *snowed in*, *snowed under*, *snow-head*, *snow-man*, *snowstorm* и *sleighride*⁷.

Одним из маскировочных средств является рифмованный сленг, в котором содержатся выражения, описывающие состояние человека, находящегося под влиянием наркотиков, и сами наркотики. Когда человек в состоянии наркотической интоксикации описывается как *stoned*, употребляются рифмы *dog-and-boned* и *Al Caponed*, например: «Are we getting Al Caponed tonight?» Рифма *dog-and-boned* произведена от хорошо известного выражения *dog-and-bone = telephone*. Вторая рифма построена на имени американского гангстера итальянского происхождения Аль Капоне (*Alphonso Gabriel "Great Al" Capone*; 1899 – 1947 гг.), яркого представителя организованной преступности США, зародившейся и существующей там под влиянием итальянской мафии. Он действовал в 1920 – 1930-х гг. на территории Чикаго, занимаясь под прикрытием мебельного бизнеса бутлегерством, игорным бизнесом и сутенерством.

Наркотики, как известно, применяются перорально, подкожно, внутривенно, внутримышечно, интраназально, ингаляционно, ректально, вагинально (и, возможно, еще каким-либо способом). Некоторые из способов отражены в рифмованном сленге, в частности инъекции (т.е. введение наркотических препаратов в виде уколов или внутривенных вливаний). Например, жаргонное обозначение *fix* в значениях «доза наркотика» или «инъекция» (скажем, героина) рифмуется с *Tom Mix*, сжатым до формы *tom*. Альтернативным средством обозначения служит рифма *Jimmy Nix*. Рифмованный сленг *Tom Mix* образован на использовании имени американского актера Тома Микса (1880–1940 гг.), который прославился в ролях ковбоев и стал, по сути, первой голливудской мегазвездой фильмов в жанре «вестерн».

Когда наркотик вводится подкожно или внутривенно, способ применения (наряду с отмеченным выше) может обозначаться жаргонным словом *pop*, рифмующимся с *lamb chop*, и краткой формой *lamb* (*lamb chop* – баранья отбивная). В ситуации, когда наркоман, пристрастившийся к героину, испытывает сильную жажду и непреодолимое желание получить новую дозу (т.е. в состоянии «ломки»), состояние и ситуация на жаргоне наркоманов передаются словом *clucking*. Эвфемизм *clucking* превратился в общее обозначение воздержания или резкого прекращения употребления наркотиков, сопровождающееся ломкой («отходняк»). Это состояние (*clucking*) передается с помощью рифмованного сленга выражением *Donald Ducking*, обычно свернутого до первого компонента (например: *Ee's got the Donalds really bad*). Рифмованный сленг отсылает к Дональду Даку (Утенку Дональду), комическому персонажу, созданному Уолтом Диснеем, отличавшимся дурным характером и скрипучим сдавленным голосом.

В рифмованном сленге имеется несколько рифм для слова *drugs* в значении «лекарственный препарат наркотического действия», «наркотик», «транквилизатор». Некоторые рифмы создают прагматический успокаивающий эффект: *drugs* рифмуется с *carpets/carpets and rugs*, *fur rugs* (например: *You got any fur rugs?*), *Persian Rugs* (например: *Got any Persians on you, mate?*). Ковры в сознании обывателя могут символизировать или ассоциироваться с комфортом, уютом, благосостоянием, дороговизной (известно, что персидские ковры высоко ценятся). Другие рифмы к *drugs* могут вызвать ассоциацию телесной близости, приятного контакта, объятий, обнимания, например: *Kisses and Hugs* («I'm going to score some kisses and hugs»), либо ассоциации энергичности, бодрости и свежести, релаксации, например: *Spark Plugs* (*a spark plug* – 1) запальная свеча, свеча зажигания; 2) человек, заражающий других своей энергией, предприимчивостью) и *steam tugs* (*a steam tug* – паровой буксир, предназначенный для маневрирования судов).

В разговорном английском языке *dope* употребляется в значениях «травка, наркотик (обычно марихуана)»; «лекарство, обладающее наркотическим действием»; «дурман/дурь». Когда *dope* (обычно *cannabis* или *heroin*) принимают в рекреационных целях (т.е. время от времени, для развлечения, а не по медицинским показаниям или вследствие сформировавшейся зависимости), слово рифмуется с *bar of soap* (букв. «брусочек или кусочек мыла»), *Bob Hope* (ссылка на знаменитого американского комика и актера (1903–2003), который прославился выступлениями перед военными в годы Второй мировой войны и выступал вплоть до 1994 г.), например: «I think he's been smoking a bit of Bob Hope». «I'm off out to get some Bob», «I never dreamed that I'd tee up with Bob Hope») и *Slippery Slope*, например: «I'm gonna get on the Slippery Slope» (*slippery slope* – a course of action likely to lead to something bad or disastrous – «скользкий путь, кривая дорожка»). Рифма наводит на мысль об опасности увлечения наркотиками.

Современный рифмованный сленг содержит наименования-рифмы для марихуаны и ее альтернативных сленговых обозначений (cannabis, hemp, weed, draw, puff, hash, skunk), кокаина и его альтернативных сленговых обозначений (cocaine, coke, Charlie, gear, crack, snow, powder, line), героина и его альтернативных сленговых обозначений (heroin, speed, scag), экстази и некоторых наркотических средств. Однако в силу небольшого объема статьи мы ограничимся описанием единиц рифмованного сленга, описывающего марихуану – наркотика, получаемого из плодов конопли, продажа и использование которого преследуются законом в большинстве стран мира, хотя марихуану причисляют к так называемым «мягким наркотикам» («light stuff»), якобы не вызывающим привыкания. Конопля и марихуана обозначаются терминами cannabis и hemp, но в обиходе для нее есть несколько десятков сленговых обозначений, например: happy herb, good giggles, green goddess, laughing grass, laughing weed, killer weed и много других менее элегантных и изящных наименований вроде weed, draw, hash, charge, shit и т.д. Зачастую они скрываются за маской рифмованного сленга. Так, weed (букв. «сорняк», «травка», поскольку конопля в странах с сухим теплым климатом растет как сорное растение) удачно рифмуется с Harry Feed (обычно урезанного до первого компонента) на основании ощущения эйфории, возникающей при употреблении марихуаны, например: 'Ow much Harry 'ave you got? Еще одна рифма для weed – Dog and Lead, например: 'I lost my Dog and Lead'.

Cannabis, называемый draw (букв. «затяжка» от курения сигареты с марихуаной), рифмуется с Dennis Law (отсылка к имени бывшего игрока футбольной сборной Шотландии, успешно игравшего на поле нападающим в 1950 – 1970-х гг.), например: «Has anyone seen Dennis?» Вопрос воспринимается как просьба «Have you got any 'smoke?'»), Jack McGraw и Jack Straw (Jack Straw – историческая личность – один из предводителей Крестьянского восстания 1381 г., the Peasants' Revolt in 1381, а современный Jack Straw – это John Whitaker «Jack» Straw, британский политик-лейборист, один из немногих политиков, прослуживших в правительстве с 1997 до 2010 г.) и Two by Four (например: Where can I score some Two by Four?).

Равноценное разговорное слово puff, которое также означает «затяжка (сигаретой)», рифмуется с Micky Duff. Рифма основана, как нам кажется, на имени бывшего боксера польского происхождения, менеджера и промоутера Mickey Duff (настоящее имя которого Moniek Prager), который устраивал бои 16 чемпионам мира и многим высококлассным британским боксерам.

Hemp рифмуется с ономастическим Martin Kemp, которое урезается до martin (например: Got any martin?). Вероятный прототип и протагонист – Martin John Kemp, английский актер, музыкант и телеведущий, известный как басист в составе the New Romantic band Spandau Ballet, играющий роль Стива Оуэна (Steve Owen) в сериале EastEnders. Другим (возможно, менее вероятным) кандидатом можно

посчитать известного и популярного ученого-историка, преподающего в Оксфорде и выступающего на ТВ по проблемам образности в искусстве и науке от эпохи Ренессанса до наших дней.

Гашиш, смолосодержащий экстракт, получаемый из индийской конопли, обозначается словом hashish и его сокращенной формой hash, которая рифмуется с австралийским обозначением jack flash (имеет хождение с 1960 г.). Здесь прослеживается отсылка к песне 'Jumping Jack Flash' из репертуара Rolling Stones. Еще одна рифма – Johnny Cash, например: «Don't Humphrey the Johnny you muddy boy». Humphrey здесь ассоциативно связано с выражением «bogart a joint» в значении «take more than one's fair share» (злоупотреблять курением общей сигареты, курить больше, чем другие), которое генерировано и мотивировано именем американского киноактера Хамфри Богарта (Humphrey Bogart, 1899–1957), который преимущественно играл роли гангстеров и крутых парней, был известен жадностью и неохотно делился сигаретами. Прототипический Johnny Cash в данном контексте – известный американский певец Johnny Cash (р. 1932), поющий в стиле кантри.

И, наконец, еще одно сленговое обозначение конопли и марихуаны – skunk (сокращенная форма skunkweed), – сильно действующая разновидность, рифмующаяся с Green Spunk (букв. «зеленая сперма»), например: «Buy a 8th of green spunk».

Имеются десятки названий для сигареты с марихуаной: hop stick, hot stick, kick stick, joint, jannie, jingo и т.д. Некоторые из них обзавелись «рифмованным прикрытием». Например, spliff рифмуется с обозначением Scratch 'N' Sniff, а Puff (обыгрывается puff of smoke) рифмуется с Mickey Duff, например: «Here, mate. Got any Mickey?» (где рифма употреблена в эллиптированной форме).

Интересны образчики рифмованного сленга для доз и порций наркотика. От правильной дозировки зависит жизнь наркомана. Термин dose (a quantity of drug taken at a particular time) рифмуется с выражением Half A Gross и региональным шотландским Juke of Montrose, имеющим хождение в Глазго.

Доза half (an ounce of drugs) рифмуется с Rory McGrath (комедийный актер и писатель), причем рифмующаяся часть в речи опускается, как, например, в высказывании: Two Henrys make a Rory, где henry – производное от Henry the Eighth – рифма для Eighth (of cannabis). В речи кокни henry становится 'Enry, например: Sort me out an Enry. Рифмованный сленг эксплуатирует имя короля Англии, второго по счету из династии Тюдоров, который вошел в историю не только как многоженец, но, прежде всего, как человек, который возглавил Английскую Реформацию, отделив англиканскую церковь от римской католической, что сделало Англию в большинстве своем протестантской нацией. Аналогично используется имя другого несчастного монарха, французского короля Louis XVI, которое служит рифмой для Teenth (sixteenth of an ounce). В среде наркоманов можно услышать такое предположение: I can only run to a Louis so shall we get an

'Enry between us? 8th of coke рифмуется с garden gate: Have you got that Garden Gate you promised?

Доза марихуаны в объеме quarter (of an ounce) рифмуется с именем британской телеведущей Janet Street-Porter (обычно рифма сокращена до janet) и выражениями bottle of water и vicar's daughter, например: You got a Vicar's of that skunk mate? (skunk = skunkweed – Ю.Г., Е.Г.), а доза, называемая gramme, рифмуется с leg of lamb: Can I have a leg of that mate.

Завершая представление заявленной темы, приведем примеры рифмованного сленга, фиксирующие результаты и следствия приема наркотиков. Неопровержимой уликой наркозависимости служат следы от иглы, которые остаются у наркоманов на всю жизнь («дорожка» слившихся следов от уколов вдоль вены у наркомана). На жаргоне наркоманов они называются tracks. Рифмованный сленг маскирует такую улику рифмой Basement Jaxx, например: «I'll be making Basement Jaxx now». Рифма основана на использовании сценического имени британского музыкального дуэта в составе Феликса Бакстона и Саймона Рэтклиффа (Felix Buxton and Simon Ratcliffe), которые исполняют электронную танцмузыку.

Наркотики принимают с определенной целью: получить или поймать кайф, драйв, испытать чувство эйфории, «поторчать», «релакнуться». В результате наркотического опьянения человек может оказаться «в отключке», испытывать галлюцинации. Подобное состояние называют наркотическим «путешествием» – trip. В рифмованном сленге оно обозначается как Walnut Whip (рифма построена на использовании названия десерта, приготовленного и подаваемого в виде конуса взбитого с ванилью молочного шоколада, украшенного половинкой грецкого ореха – Walnut Whip). Метафора основана на приятных ощущениях, которые испытывает

человек как от десерта, так и от наркотика. С другой стороны, негативная реакция организма на наркотик на жаргоне наркоманов называется bummer, что описывается в рифмованном сленге с помощью ономастического John Selwyn Gummer. Рифма основана на личном имени британского политика-консерватора Джона Селвина Гаммера, барона Дебена, который до 2010 г. был членом палаты общин, а ныне заседает в палате лордов и курирует вопросы защиты окружающей среды.

Таким образом, проведенный анализ единиц рифмованного сленга, характеризующих и маскирующих алкогольную и наркотическую зависимость, выявил наличие многочисленных рифм, отражающих различную степень опьянения: имеют хождения рифмы к словам merry, tiddly, pissed, blotto, lash, full, steaming. Они применимы и по отношению к человеку в состоянии наркотической интоксикации, но рифм, имеющих непосредственное отношение к наркотической интоксикации, немного. Более распространены рифмы для названий наркотиков и дозировок. Поскольку язык наркокультуры демонстрирует заметную тенденцию к изменчивости и пополнению новыми единицами, высока вероятность проявления аналогичной тенденции и в рифмованном сленге.

Gorshunova E.Y., Gorshunov Y.V. Rhyming slang as a means of masking alcohol and drug addictions.

Summary: The article is concerned with analysis of rhyming slang euphemisms for some addictions (alcoholism and drug-taking). In the focus of attention is the concept "intoxicated/drug intoxicated", the means of its representation and euphemistic rhyming slang names of some drugs and doses.

Ключевые слова

Рифмованный сленг, эвфемизмы, концепт «находящийся в состоянии алкогольной или наркотической интоксикации».

Keywords

Rhyming slang, euphemisms, concept «intoxicated/drug intoxicated».

Примечания

1. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms) by R.W. Holder. Oxford University Press, 2008. P. 1
2. Neaman and Silver 1995: Judith S. Neaman and Carole G. Silver. The Wordsworth Book of Euphemism, 1995. P. 77.
3. Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры. М.: Прометей, 1999. С. 48–53; 85–91.
4. Торн Т. Словарь современного сленга / Thorne, T. Dictionary of Modern Slang. М.: Вече; Персей, 1996. С. 547.
5. Англо-русский словарь американского сленга. М.: Книжный сад, 1993. С. 108.
6. Oz magazine, July 1972. [цит. по: Торн Т. Словарь современного сленга / Thorne, T. Dictionary of Modern Slang. М.: Вече; Персей, 1996. С. 332.]
7. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms) by R.W. Holder. Oxford University Press, 2008. P. 2.

Пять лет стратегического партнерства: опыт, итоги и перспективы

Н.А. Волобуев, А.И. Черноусенко

(К пятилетию подписания Соглашения о стратегическом партнерстве между Государственной корпорацией «Ростехнологии» и МГИМО(У) МИД России)

Экономическое развитие нашей страны на современном этапе характеризуется сложностью, противоречивостью и динамичностью протекающих процессов. В таких условиях возрастает роль и значение социальной сферы, в которой люди, их духовный, образовательный и квалификационный потенциал являются наиболее ценным ресурсом. Качество жизни человека становится напрямую связанным с физическими, духовными возможностями и образованностью и зависит от его умения адаптироваться к окружающей среде. При этом именно образование оказывает наибольшее влияние на условия труда, уровень квалификации и снижение безработицы. Образование повышает эффективность различных видов человеческой деятельности и за пределами рынка труда. Образование влияет на выработку таких навыков, как способность принимать решение, коммуникабельность, креативность, рациональное распределение времени и т.п. Образование оказывает наибольшее влияние на формирование человеческого капитала, то есть на инвестиции в дальнейшее образование, обучение без отрыва от производства, поддержание здоровья.

Для работодателя обучение работника в вузе – это прямые инвестиции в человеческий капитал. Причем размер человеческого капитала определяется не столько наличием соответствующего диплома, сколько теми знаниями, которые

обучаемый получит за годы обучения. При этом обучение повышает продуктивность работника, дает ему специальные знания, навыки, полезные в трудовой деятельности, и приучает к добросовестному труду, дисциплине и организованности. Эти факторы приобретают особую значимость в наукоемких областях, при производстве продукции военного назначения в интересах оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК), а также в вопросах военно-технического сотрудничества с зарубежными государствами.

Формирование в 2007–2008 гг. Государственной корпорации «Ростехнологии» (далее – Корпорация) и определение в качестве основной цели ее деятельности содействие разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции, а также привлечение инвестиций в различные отрасли промышленности, включая ОПК, потребовали более качественной работы по организации подготовки специалистов-профессионалов. Для развития конкурентоспособной отечественной промышленности, создания и продвижения перспективных образцов продукции военного, двойного и гражданского назначения требуются специалисты нового поколения. Их образовательный и интеллектуальный уровень должен обеспечивать умение творчески мыслить, изобретать и конструировать инновационные технологические модели и методики, анализировать

Волобуев Николай Анатольевич – к.ю.н., заместитель генерального директора Государственной корпорации «Ростехнологии». E-mail: vestnik@mgimo.ru

Черноусенко Алексей Иванович – к.воен.н., доцент, начальник отдела Управления по работе с персоналом Государственной корпорации «Ростехнологии». E-mail: vestnik@mgimo.ru

и прогнозировать тенденции развития мирового рынка, осваивать и внедрять методы бизнес-планирования, разрабатывать и проводить эффективную маркетинговую политику. Именно образование и уровень подготовки специалистов в настоящее время становятся определяющим фактором достижения успеха в крупном бизнесе.

Проведенный в интересах решения данной задачи исследования показали, что прием на работу выпускника технического университета по непрофильной специальности, без углубленного знания иностранных языков, потребует в ближайшие пять лет дополнительных расходов на его подготовку и переподготовку на сумму не менее 660 000 рублей. В то же время отсутствие у молодого специалиста контрактных обязательств перед предприятием дает ему возможность в любое время расторгнуть трудовые отношения и перейти на работу в другие организации. Совместная с вузом подготовка молодого специалиста на протяжении не менее двух лет обучения решает эту проблему. В результате предприятие получает подготовленного работника, адаптированного к выполнению должностных обязанностей по конкретной должности.

Первым шагом в этом направлении явилось подписание в середине декабря 2007 г. Соглашения о стратегическом партнерстве между Корпорацией и Московским государственным институтом международных отношений (Университетом) МИД России, которое определило следующие основные направления сотрудничества и возможные перспективы его развития в следующих основных областях:

- в подготовке, переподготовке и повышении квалификации специалистов в области военно-технического сотрудничества (далее – ВТС) и высоких технологий;
- в организации в МГИМО базовой (профильной) кафедры «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий»;
- в формировании контингента обучаемых, его конкурсного отбора и практической реализации программ подготовки магистров;
- в использовании и совершенствовании современных подходов, методов и методик образовательного процесса и современных образовательных технологий;
- в совместном проведении научных исследований в области ВТС и высоких технологий.

В целях решения задачи по подготовке квалифицированных специалистов для Корпорации и ее организаций в области ВТС и высоких технологий в соответствии с действующими в 2008 г. требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования и директивных указаний Министерства образования и науки Российской Федерации авторским коллективом профессорско-преподавательского состава МГИМО с участием ведущих специалистов Корпорации была разработана учебная программа подготовки магистров «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий». Нормативный срок освоения программы под-

готовки магистров «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий» на базе основной программы подготовки бакалавров (4 года) и программ подготовки специалистов (5 и более лет) устанавливался 1 год 10 месяцев.

В дальнейшем в связи с выходом постановления Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2009 г. № 142 «Об утверждении правил разработки и утверждения федеральных государственных образовательных стандартов» программа была переработана и приведена в соответствие с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки «080200 Менеджмент», квалификация (степень) «магистр», утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 ноября 2009 г. № 636 и зарегистрированного в Минюсте России от 16 декабря 2009 г. № 15653.

Особенностями данной программы являются:

- усиленная профессионально-ориентированная подготовка с участием в проведении занятий с магистрантами руководства и ведущих специалистов Корпорации и ее организаций;
- эффективная практическая подготовка, включающая проведение практик и стажировок магистрантов в Корпорации и ее организациях;
- углубленная специализированная языковая подготовка в области ВТС и высоких технологий для работы в иноязычной профессиональной среде;
- использование новейших образовательных технологий и методик с использованием современных мультимедийных и телекоммуникационных систем;
- активное привлечение магистрантов к конференциям, семинарам, международным выставкам и другим мероприятиям, проводимым в Корпорации и ее организациях, а также в МГИМО;
- возможность дальнейшей подготовки в аспирантуре МГИМО.

Программой предусматривается обучение магистрантов по 32 учебным дисциплинам, из которых 16 (50%) непосредственно связаны с проблематикой военно-технического сотрудничества и высоких технологий, при этом дисциплины специализации привязаны к данной проблематике на 100%, а 8 дисциплин (25 %) имеют в программах и тематических планах разделы и вопросы по данной проблематике.

В программу включены такие важные дисциплины, как:

- Международные стратегические альянсы и мировой рынок вооружений;
- Организация внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения;
- Правовое регулирование военно-технического сотрудничества;
- Международные экономические отношения и внешняя торговля Российской Федерации;
- Рекламно-выставочная деятельность;
- Ведение переговоров и другие.

В ходе обучения магистранты проходят научно-исследовательскую (ознакомительную) практи-

■ Образовательные модели МГИМО

ку на первом курсе (6–8 недель) и организационно-управленческую (преддипломную) – на втором курсе продолжительностью 10–12 недель. Практика организуется и проводится непосредственно в Корпорации и ее организациях применительно к будущей области деятельности. На этом опыте осуществляются подготовка и защита магистерской диссертации (выпускной квалификационной работы). Кроме того, итоговая государственная аттестация включает комплексный междисциплинарный экзамен и государственный экзамен по английскому языку. Общий объем составляет 4248 часов (в том числе 1346 часов планируются как аудиторные), что эквивалентно 120 кредитов ECTS («European Credit Transfer System» – Европейская система взаимозачета кредитов), применительно к Болонскому процессу.

Основой для решения и практической реализации учебно-образовательных задач по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов в области военно-технического сотрудничества и высоких технологий призвана стать базовая (профильная) кафедра с аналогичным названием – кафедра менеджмента в области ВТС и высоких технологий, образованная в МГИМО в 2008 г.

В целях практической реализации указанных задач кафедра осуществляет:

- учебную, учебно-методическую и научно-исследовательскую работу по одной или нескольким родственными дисциплинам;
- учебно-воспитательную работу среди обучаемых;
- научные исследования по профилю кафедры;
- профессиональную ориентацию обучаемых для работы в Корпорации и ее организациях, а также подготовку научно-педагогических кадров и повышение их квалификации.

В постоянный состав кафедры входят заведующий (0,5 ст.), профессор кафедры – заместитель заведующего кафедрой (0,25 ст.), доцент кафедры (0,25 ст.) и старший лаборант. Переменный состав кафедры включает преподавателей, привлекаемых для проведения занятий по учебным дисциплинам, а также учебной, учебно-методической и научно-исследовательской работы. Руководит кафедрой генеральный директор Государственной корпорации «Ростехнологии» доктор экономических наук профессор С.В. Чемезов.

Особое значение при организации обучения по программе «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий» придается формированию контингента обучаемых. Учебная группа численностью 15–20 чел. формируется из числа выпускников МГИМО – бакалавров по направлению «Менеджмент», «Экономика» и др. (7–10 чел.) и выпускников технических университетов (МГТУ имени Н.Э.Баумана, МАИ, МИФИ, МФТИ, МГУ-ПИ и др.), лингвистических вузов (МГЛУ, ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова, ВАВТ и др.) по различным специальностям (также 7–10 чел.) с отбором и приемом на конкурсной основе.

Корпорация рассматривает подбор кандидатов для последующего обучения по совместной программе с МГИМО как один из важнейших этапов данной работы. Общая его продолжительность составляет 4–5 месяцев. К работе привлекаются специалисты различных направлений – аналитического, юридического, работы с персоналом, экономической безопасности, а также специалисты-психологи. Целью данной работы ставится не только подбор наиболее подготовленных для последующего обучения кандидатов, целеустремленных и имеющих четкую мотивацию, но и построить отбор таким образом, чтобы молодые люди сделали осознанный и обоснованный выбор на длительную перспективу, смогли определить свое дальнейшее место в Корпорации и ее организациях с интересующими их направлениями практической деятельности.

Работа по подбору кандидатов завершается вступительными экзаменами в магистратуру в МГИМО, проводимыми по иностранному языку (английский – письменно и устно) и менеджменту (письменно). По опыту, конкурс при поступлении на совместную с Корпорацией программу составляет 1,5 – 2,0 кандидата на одно место. По результатам сдачи вступительных экзаменов формируется учебная группа в количестве 15 – 20 обучающихся из состава выпускников МГИМО (бакалавров по направлению «Менеджмент» и др.) и выпускников технических университетов – бакалавров и специалистов экономических и технических специальностей (МГТУ имени Н.Э.Баумана, МИФИ, МФТИ, МАИ), а также других вузов. Список учебной группы определяется, подписывается и утверждается уполномоченными представителями сторон и является неотъемлемой частью заключаемого между Корпорацией и МГИМО договора о подготовке магистров по совместной программе на очередной учебный год. Согласно данному договору МГИМО обязуется:

- провести обучение студентов в составе сформированной учебной группы по программе в соответствии с учебным планом и календарным учебным графиком;
- предоставить возможность студентам использовать учебно-методическую и материально-техническую базу МГИМО в пределах, необходимых для освоения программы;
- применять в учебно-образовательном процессе по программе современные подходы, методы и методики образовательного процесса и современных образовательных технологий;
- обеспечить необходимый контроль знаний студентов на уровне государственных требований, предъявляемых к специалистам данной квалификации;
- при условии полного выполнения студентами программы, установленных объемов учебной нагрузки и самостоятельной работы предоставить студентам возможность прохождения итоговой государственной аттестации;
- после успешного прохождения студентами всех видов государственных аттестационных ис-

питаний, включенных в итоговую государственную аттестацию, выдать выпускникам документ государственного образца – диплом о высшем профессиональном образовании и присвоении квалификации (степени) «магистр» со специализацией «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий».

Согласно договору Корпорация обязуется оплачивать обучение студентов, а также возмещать МГИМО расходы по обеспечению практической деятельности профильной кафедры «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий». Договором определяется, что в целях усиления практической направленности обучения Корпорация обязуется:

- привлекать работников из числа руководителей, ведущих специалистов Корпорации и ее организаций для проведения занятий, а также организовывать выполнение выпускных квалификационных работ студентов под их руководством;
- проводить практику студентов непосредственно в Корпорации и организациях Корпорации;
- создавать условия для участия студентов, обучающихся по программе, в учебно-научных и практических мероприятиях (конференциях, семинарах, круглых столах, выставках, работе с делегациями и т.п.), проводимыми Корпорацией, организациями Корпорации и МГИМО.

Согласно договору, МГИМО предоставляется право:

- самостоятельно осуществлять образовательный процесс, выбирать системы оценок, формы, порядок и периодичность промежуточных аттестаций студентов;
- применять к студентам меры поощрения и налагать взыскания в пределах, предусмотренных Уставом и локальными нормативными актами вуза;
- отчислять студентов, обучающихся по программе, по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, Уставом, Правилами внутреннего распорядка вуза, Договором и по согласованию с Корпорацией.

В соответствии с договором Корпорации предоставляется право:

- получать информацию об успеваемости, поведении и отношении студентов к учебе в целом и по отдельным предметам учебного плана;
- запрашивать от МГИМО предоставление необходимой информации по вопросам организации и надлежащего обеспечения учебно-образовательной деятельности по профилю кафедры «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий»;
- осуществлять контроль расходования МГИМО средств, выделяемых Корпорацией на организацию и проведение обучения студентов по программе, а также на расходы, связанные с обеспечением практической деятельности профильной кафедры.

Прием на обучение отобранных кандидатов производится на основании приказа МГИМО при условии подписания студентами трехсторонних договоров между ними, Корпорацией и МГИМО, определяющим права и обязанности должностных лиц по вопросу обучения в составе сформирован-

ной учебной группы по программе «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий».

Учитывая, что до настоящего времени не переизданы находящиеся в переработке с 2010 г. постановление Правительства РФ от 19.09.1995 № 942 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием», а также постановление Минтруда и Госкомитета по образованию России от 27.12.1995 «О типовых контрактах между студентом и учебным заведением высшего (среднего) профессионального образования, студентом и работодателем, заключаемых в рамках целевой контрактной подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием», форма трехстороннего договора разрабатывалась и апробировалась непосредственно в Корпорации во взаимодействии с МГИМО.

Данный договор регулирует отношения между МГИМО, Корпорацией и принятым на обучение студентом, связанные с получением последней степени (квалификации) «Магистр менеджмента» со специализацией в области ВТС и высоких технологий в форме очного обучения сроком один год и десять месяцев и последующим трудоустройством студента после завершения обучения.

Согласно данному договору, МГИМО обязуется:

- провести обучение студента в составе сформированной учебной группы по программе подготовки магистров «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий»;
- предоставить возможность студенту использовать учебно-методическую и материально-техническую базу вуза в объемах, необходимых для освоения программы, при необходимости обеспечить студента общежитием;
- в период обучения студента ежемесячно выплачивать ему стипендию в установленных размерах (3000 – 6500 руб., в зависимости от успеваемости);
- при условии полного выполнения студентом программы, установленных объемов учебной нагрузки и самостоятельной работы, после успешного прохождения всех видов государственных аттестационных испытаний, включенных в итоговую государственную аттестацию, выдать выпускнику документ государственного образца – диплом о высшем профессиональном образовании с присвоением степени (квалификации) «Магистр менеджмента» со специализацией в области ВТС и высоких технологий.

В рамках договора студент обязан:

- добросовестно относиться к обучению, посещать все занятия в установленные расписанием часы, своевременно и добросовестно выполнять учебные задания, предусмотренные программой, соблюдать требования Устава, Правил внутреннего распорядка и иных локальных нормативных актов МГИМО, соблюдать учебную дисциплину и общепринятые нормы поведения, выполнять распоряжения и указания администрации МГИМО и Корпорации;

■ Образовательные модели МГИМО

– соблюдать чистоту и порядок в помещениях, беречь собственность и имущество МГИМО и Корпорации, экономно и рационально расходовать материальные средства, электроэнергию, воду и другие ресурсы, соблюдать правила техники безопасности;

– не разглашать сведения, составляющие коммерческую тайну, и иную конфиденциальную информацию, ставшие известными студенту в процессе обучения и при прохождении практики, стажировки, а также в ходе привлечения к различным учебно-научным и практическим мероприятиям, проводимым Корпорацией;

– пройти обучение, овладеть программой, установленным объемом учебной нагрузки и самостоятельной работы, пройти итоговую государственную аттестацию, получить степень (квалификацию) «Магистр менеджмента» со специализацией в области ВТС и высоких технологий и проработать по трудовому договору не менее 3–5 лет после завершения обучения в соответствии с полученной специальностью и квалификацией в Корпорации или ее организациях;

– в случае неисполнения без уважительных причин обязанностей по договору и досрочного прекращения обучения по собственной вине (неуспеваемость, нарушение дисциплины, непрохождение итоговой аттестации, неполучение степени магистра и др.), отказа от поступления на работу или увольнения с работы ранее установленного договором срока возместить Корпорации расходы по оплате его обучения.

Согласно договору Корпорация обязуется:

– оплачивать обучение студента по программе, а также возмещать расходы, связанные с обеспечением практической деятельности профильной кафедры с целью предоставления возможности студенту в соответствии с условиями договора получить в МГИМО степень (квалификацию) «Магистр менеджмента» со специализацией в области ВТС и высоких технологий;

– при успешном освоении студентом программы и получении степени (квалификации) «Магистр менеджмента» со специализацией в области ВТС и высоких технологий обеспечить его трудоустройство в Корпорации или ее организациях.

Следует особо подчеркнуть, что инновационный прорыв, к которому мы стремимся, невозможен без финансовых вложений в образовательную сферу. Неслучайно Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечает, что «переход на инновационный путь развития связан прежде всего с масштабными инвестициями в человеческий капитал...». Самые большие средства, вложенные в науку и обновление производства, не принесут желаемого результата, если не будет подготовленных и обученных людей, способных генерировать и осуществлять смелые идеи.

Понимая, что инвестиции в образование и экономический рост неразрывно связаны друг с другом, Корпорация берет на себя определенные финансовые и другие обязательства, а также обеспечивает привлечение необходимых ресур-

сов (материальных, информационных, временных, человеческих и других). При этом стоимость обучения одного студента набора 2012 г., обучающегося по магистерской программе «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий», составляет в среднем около 300 тыс. руб. в год (без учета выплаты стипендии и оплаты проживания в общежитии), при средней стоимости обучения по аналогичным программам («Менеджмент в международном инновационном бизнесе», «Экономические стратегии международных компаний») – до 320 тыс. руб. в год.

Оплата стоимости обучения студента производится Корпорацией путем перечисления денежных средств на расчетный счет МГИМО по представлению соответствующих счетов на оплату в пределах согласованных и утвержденных смет, являющихся неотъемлемым приложением к договору между Корпорацией и МГИМО.

Однократно, на период создания и организации работы кафедры, расходы составили около 4 млн руб. Непосредственно на обучение ежегодно выделяется 11–12 млн руб. Совместная работа с вузами по подготовке квалифицированных специалистов рассматривается Корпорацией на ближайшие годы как одно из стратегических направлений практической деятельности в целях обеспечения интеграции возможностей образования, науки и производства в интересах предприятий и организаций оборонно-промышленного комплекса.

Реализация этой задачи обеспечивается сотрудничеством Корпорации с ведущими российскими вузами в образовательной и научно-исследовательской областях. Среди вузов-партнеров Корпорации, кроме МГИМО, – Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана, Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет и другие. Работа с вузами проводится на основе долгосрочных соглашений по подготовке специалистов в области разработки и создания перспективных образцов высокотехнологичной продукции военного, гражданского и двойного назначения, совместной реализации проектов разработки, производства и экспорта высокотехнологичной продукции, а также проведению научных исследований по проблемам реализации государственной промышленной и военно-технической политики.

В период формирования Корпорации и ее интегрированных структур была выявлена проблема – у значительного числа специалистов, осуществляющих инновационную деятельность в научно-технической сфере, были недостаточны представления о таких понятиях, как жизненный цикл высокотехнологичного продукта, стратегия развития наукоемкого бизнеса и конкурентные стратегии, финансовые оценки и исследования рынка. В ряде случаев у специалистов отсутствовали систематические знания в области интеллектуальной собственности, ее

правового обеспечения и коммерческого использования. В связи с этим было определено, что на начальном этапе необходимо сосредоточиться на подготовке инновационных менеджеров, которая должна вестись без отрыва от профессиональной подготовки, в различных отраслях знаний. Такая организация обучения позволила сформировать систему управления научными знаниями непосредственно внутри МГИМО. Пятилетний опыт нашего сотрудничества с вузами убедительно подтверждает, что выпуск специалистов любого профиля должен сопровождаться подготовкой профессиональных менеджеров, которые:

- во-первых, хорошо владеют предметной областью;
- во-вторых, знакомы с основными тенденциями развития рынка в этой области;
- в-третьих, ориентированы не столько на получение новых научных знаний, сколько на коммерциализацию наукоемких технологий в данной области.

С 2008 г. Корпорация совместно с МГИМО осуществляет подготовку магистров по совместной программе целевой контрактной подготовки с «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий», с выпуском 15–20 чел. ежегодно. Мы осуществляем в первую очередь подготовку менеджеров-управленцев, способных практически решать задачи продвижения высокотехнологичной продукции на внешний и внутренний рынок. Это не выпускники-теоретики экономического и юридического профиля, ставшие в последнее время в определенной мере нарицательными специальностями, а подготовленные специалисты, большинство из которых знакомо с организацией производства, имеют инженерно-техническое образование, с хорошим знанием иностранных языков. Сам принцип комплектования учебной группы обучаемых предполагает включения в нее не менее 50 процентов выпускников технических университетов, специалистов и бакалавров (МГТУ имени Н.Э.Баумана, МАИ, МИФИ и др.)

Как известно, идеи интеграции образования, науки и производства могут воплощаться в различных формах. Опыт взаимодействия Корпорации с вузами показывает, что наиболее эффективно эта задача решается в результате совместного использования учебной базы, научного и кадрового потенциала вуза с созданием в нем базовых (профильных) кафедр.

Корпорация совместно с МГИМО получила определенный опыт в формировании и организации практической деятельности базовой (профильной) кафедры «Менеджмент в области ВТС и высоких технологий», которая организует и обеспечивает:

- привлечение руководящего состава и ведущих специалистов Корпорации к проведению занятий по дисциплинам специализации;
- практику магистрантов непосредственно в структурных подразделениях Корпорации и ее организаций;

– контроль за подготовкой выпускных квалификационных работ по тематике, связанной с военно-техническим сотрудничеством и продвижением высокотехнологичной продукции.

За два года обучения по совместной программе (после двух практик – на первом курсе научно-исследовательской и на втором – организационно-управленческой, привлечения обучаемых на различные мероприятия – выставки, конференции, научные семинары и т.д.) выпускники программы не только адаптируются к будущей специальности, но и имеют достаточно четкое представление о характере и объеме будущих должностных обязанностей. Все обучаемые закреплены за структурными подразделениями, готовят выпускные квалификационные работы по избранной специальности и рассматриваются для назначения на конкретные должности. Часть выпускников завершает обучение уже зачисленными в штаты структурных подразделений Корпорации и ее организаций на неполный рабочий день.

В этом году состоялся третий выпуск магистров, прошедших подготовку по программе «Менеджмент в области военно-технического сотрудничества и высоких технологий». За прошедшие годы Корпорация и ее организации получили 56 выпускников совместной программы, все они трудоустроены и получили назначения на конкретные должности. Перешли на 2-й курс и выпускаются в 2013 г. еще 20 чел., поступили в этом году и выпускаются в 2014 г. 15 чел. Практически полностью решена задача комплектования начальных должностей экспертов и специалистов начального звена в Корпорации и ОАО «Рособоронэкспорт», начато комплектование молодыми специалистами холдинговых компаний (интегрированных структур) Корпорации.

По отзывам руководителей структурных подразделений абсолютное большинство выпускников-магистров отличается высокой подготовкой в области международного менеджмента, внешнеэкономической деятельности и знанием иностранных языков. Значительное число из них достаточно быстро получило продвижение по службе и назначено на вышестоящие должности.

В настоящее время особую значимость приобретает вопрос дальнейшей перспективы развития совместной программы Корпорации и МГИМО по подготовке специалистов-менеджеров для Корпорации и ее организаций. Проведенные в период подготовки программы расчеты и обоснования предполагали на начальном этапе подготовку до 120–140 специалистов данного направления. При ежегодном наборе 15 студентов выполнение данной задачи планируется завершить к 2015–2016 гг. В последующем потребность будет составлять не более 4–5 выпускников программы в год.

Исходя из этого, полагали бы возможным рассмотреть последующий вариант организации обучения по данной программе:

■ Образовательные модели МГИМО

– к 2014–2015 гг. иметь в составе магистратуры МГИМО учебную группу по направлению подготовки «Менеджмент в области военно-технического сотрудничества (внешнеэкономической, инновационной деятельности)», с определенным количеством бюджетных и договорных мест, например: бюджетных – 5–6, для обучения по договорам – 10–12;

– в дальнейшем осуществлять подготовку специалистов по согласованной программе в интересах не только Государственной корпорации «Ростехнологии», но и таких структур, как ОАО «Алмаз-Антей», ОАО «Объединенная авиационная корпорация», ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» и др., на бюджетных местах и по договорам с МГИМО;

– общее кураторство программой оставить за Корпорацией и осуществлять его через базовую (профильную) кафедру, сохранив систему организации и проведения практик, привлечения обучающихся на различные мероприятия в Корпорацию и ее организации, а также направления ведущих специалистов для проведения отдельных занятий по специальным дисциплинам и дисциплинам специализации;

– в период всего обучения осуществлять кадровое сопровождение и изучение студентов, учредить 3–4 именных стипендии Корпорации и предлагать наиболее успешно завершившим обучение заключение трудового договора и трудоустройство в Корпорацию и ее организации, предоставив остальным выпускникам трудоустройство в другие корпорации и холдинговые

компании по согласованию с их кадровыми органами.

Такой подход, на наш взгляд, позволит сохранить сложившуюся систему подготовки специалистов в МГИМО и обеспечит пополнение молодыми специалистами Корпорации и ее организации, а также ряд важнейших предприятий ОПК. На сегодняшний день масштабная задача создания системы целевой подготовки кадров для организаций ОПК направлена на вывод отдельных из них из создавшегося сложного положения, с этой целью активизация сотрудничества и взаимодействия с вузами становится все более актуальной и является решающим фактором их развития.

Признанием важности и эффективности проводимой Корпорацией работы в этом направлении является тот факт, что при подведении итогов национального рейтинга бизнес-партнеров вузов Российской Федерации, проводимого Российским союзом ректоров, Корпорация является лауреатом-победителем в таких номинациях, как «Крупнейший инвестор в области высшего образования среди компаний с государственным участием» и «Лучшая практика профессиональной адаптации студентов вузов».

Volobuyev N.A., Chernousenko A.I. Five Years of Strategic Partnership: Experience, Results and Prospects (to the fifth anniversary of signing of the Agreement on strategic partnership between the Russian Technologies State corporation and MGIMO(U) the MFA of Russia).

«Северный баланс» и условия участия Норвегии в НАТО в годы «холодной войны»

Д.А. Талагаева

Данная статья посвящена проблеме определения концепта «северный баланс» как фактора стабильности и взаимодействия на Севере Европы, а также сбалансированности интересов США и СССР в этом регионе. Особое внимание уделяется анализу практических основ понятия «северный баланс», а именно внешнеполитического курса стран Северной Европы в отношении к Североатлантическому альянсу. Кроме того, в статье подробно рассматривается внешнеполитический курс Норвегии и условия участия страны в НАТО.

Для анализа проблемы концепта «северный баланс», очевидно, необходимо кратко охарактеризовать историческую традицию формирования геополитических устремлений стран Северной Европы, в частности их историческое тяготение к союзу. Здесь, прежде всего, не следует забывать о Кальмарской унии, которая объединяла Данию, Швецию, Финляндию, Норвегию и Исландию с 1397 по 1523 г. Важно и то, что Дания и Швеция были независимыми государствами в Средние века и Новое время, в то время как Норвегия и Финляндия всю свою историю боролись за национальную идентичность и независимость. К настоящему времени лишь Дания и Швеция в полной мере могут похвастаться устойчивой историей государственности. Норвегия, Финляндия и Исландия, к примеру, окончательно обрели независимость лишь в первой половине XX в.¹ Тем не менее, несмотря на различную историю этих стран, скандинавской пятерке все же удалось договориться о сотрудничестве и создать в 1952 г. Северный совет.

Несомненно, Кальмарская уния и Северный совет оказали влияние на формирование политических, экономических и социокультурных аспектов

сотрудничества с долгосрочными перспективами. Этому способствовало и особое геополитическое положение стран в северной части Европейского континента, которое предопределило историческую изолированность их от основных как европейских, так и общемировых логистических и транспортных коридоров. Обширные водные бассейны – Балтийское море, омывающее Скандинавский полуостров с юга и востока, Баренцево море и Северный Ледовитый океан, создающие с Севера практически непробиваемую ледяную защиту с узкими, подконтрольными Норвегии морскими транспортными коридорами для прохода судов в российские незамерзающие порты Мурманск и Архангельск, Норвежское и Северное моря с запада – укрепляют геополитическое региональное самоощущение скандинавов.

Если говорить о периоде до Второй мировой войны, то концепция «северной общности» ассоциировалась в первую очередь со стремлением к нейтралитету. Но если в Первую мировую войну такое положение удавалось сохранить, то во Вторую мировую войну концепция нейтралитета не сработала, что обусловило разобщение стран региона². Геополитическое положение Финляндии

Талагаева Дарья Александровна – преподаватель кафедры скандинавских, финского, нидерландского и греческого языков, соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России.
E-mail: talagaeva@mail.ru

было использовано Германией в качестве плацдарма против СССР. Швеции удалось сохранить лишь видимость формального нейтралитета. Норвегия с 9 апреля 1940 г. находилась в состоянии фактической оккупации немецкими войсками, а экономика страны – полностью подчинена нуждам германского вермахта.

После поражения Германии северные страны, по их мнению, оказались перед советской угрозой. Однако прогнозы не оправдались, и ситуация в регионе осталась спокойной, хотя страны Северной Европы и должны были отказаться от создания Северного альянса, который защищал бы их интересы при условии общего нейтралитета. В сложной послевоенной международной обстановке перед государствами Северной Европы все-таки не мог не встать вопрос: на каких путях искать наилучшие гарантии обеспечения национальной безопасности, как не допустить втягивания всего региона в сферу сложных конфликтов? Стоит отметить, что руководство всех северных стран понимало, что на международной арене им выгоднее выступать единой силой, оно осознавало комплексную взаимозависимость стран и считало, что тесное сотрудничество принесет определенные выгоды во внешнеполитическом аспекте.

Политической послевоенной победой США можно было считать присоединение к блоку НАТО трех из пяти Скандинавских стран. «В основу внешнеполитических концепций Норвегии, Дании и Исландии лег атлантистский тезис о том, что только тесное военно-политическое сотрудничество с ведущими державами Запада на блоковой основе способно гарантировать их безопасность. В 1949 г. Норвегия, Дания и Исландия стали членами НАТО»³. С 1949 г. оборонная политика Норвегии тесно связывается с планами НАТО: страны-участницы имели единое военное командование, в Европе были созданы совместные оборонительные силы. Норвегия получила существенную помощь на развитие своего оборонного ведомства⁴. С 1951 по 1971 г. Соединенные Штаты и Канада бесплатно передали ей вооружения и различного военного снаряжения на сумму 7,6 млрд крон. Примерно четверть военных расходов Норвегии финансировалась за счет трансфертов от других стран-участниц блока. Норвегия оплатила лишь 30% расходов на сооружение аэродромов, площадок для ракетных установок и складов боеприпасов, осуществлявшееся в рамках совместного стратегического планирования НАТО⁵.

Швеция проводила политику нейтралитета. Сложнее ситуация обстояла с Финляндией. Многие исследователи склонны причислять Финляндию к нейтральным государствам, тем не менее необходимо отметить, что в годы противостояния НАТО и ОВД эта страна придерживалась скорее просоветской направленности своего внешнеполитического курса, что отразилось в подписании Договора о дружбе и проведении внешней политики Паасикиви–Кекконена⁶.

Таким образом, послевоенная Северная Европа оказалась втянутой в противостояние

«холодной войны». При этом мы видим, что в регионе сложился определенный баланс сил: с одной стороны, участие в НАТО Норвегии, Дании и Исландии, с другой – политическое и экономическое сотрудничество Финляндии и СССР при тщательном соблюдением Швецией нейтральной позиции. Термин «северный баланс» получил широкое распространение в 1960–1970-х гг. в западных работах, посвященных послевоенной истории Северной Европы и анализу ее международного положения во второй половине XX в. Под этим термином понимали прежде всего стабильность на Севере Европы, сбалансированность интересов СССР и НАТО в данном регионе.

Детальнее позицию западных исследователей можно представить, если использовать три международных измерения:

– во-первых, с точки зрения «биполярного измерения» «северный баланс» рассматривался как обоюдное сдерживание США и Советского Союза от возможного увеличения влияния одной из сверхдержав;

– во-вторых, «северное измерение» трактовалось как своего рода равновесие между странами Северной Европы, достигнутое за счет участия в НАТО Норвегии, Дании и Исландии, нейтралитета с сильной защитой Швеции и сотрудничества в контексте Договора о дружбе с СССР Финляндии;

– в-третьих, «северный баланс» рассматривался в ракурсе взаимодействия государств-покровителей (США и СССР) и «клиент-государств» (Норвегии, Дании, Исландии и Финляндии)⁷.

Скандинавские исследователи объясняли сущность «северного баланса» сквозь призму традиционного понимания равновесия как баланса ресурсов, прежде всего военных. С этой точки зрения, если усиливалось военное сотрудничество в рамках НАТО, то оно могло компенсироваться за счет укрепления Советским Союзом сотрудничества с Финляндией. Но в этом случае на политику Советского Союза в отношениях с Финляндией могла влиять Норвегия возможной переоценкой своей ядерной политики (то есть разрешив НАТО размещать ядерные объекты на своей территории). Такого рода сдерживание дополнительно обеспечивало в регионе баланс сил и стабильность интересов⁸.

Как отмечает Ю.И. Голошубов, скандинавские историки трактовали «северный баланс» как лучшую основу для безопасности стран Северной Европы, утверждая, что:

– все элементы «северного баланса» тесно взаимосвязаны;

– изменение одного из них неизбежно приведет к изменению других;

– «северный баланс» признается всеми сторонами в качестве основы стабильного мирного развития Европейского Севера⁹.

Сам же Голошубов, как и ряд других советских исследователей, довольно критично относился к «северному балансу», усматривая в нем препятствие на пути к политике разрядки северных стран, а также дополнительную угрозу странам-членам

НАТО быть втянутыми в возможные военные конфликты блока. В то же время автор подчеркивал, что «созданию благоприятного климата на Севере Европы прежде всего способствует неуклонное развитие советско-финляндских дружественных отношений, основанных на Договоре 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи»¹⁰. Очевидно, что концепция «северного баланса», рожденная в атмосфере «холодной войны», не могла не отражать проблему глобального противостояния двух военно-политических блоков, которое коснулось всех участников международных отношений. Постоянное балансирование между национальными интересами и внешнеполитическим давлением было нелегкой задачей для каждой из североевропейских стран.

Для более четкого понимания сущности концепта «северного баланса», можно проанализировать его практическую сторону. В условиях обострения «холодной войны», не желая превратить своей регион в очаг очередной военно-политической напряженности, Дания и Норвегия неоднократно подтверждали верность своей так называемой базовой и атомной политики и отказывались от размещения евростратегических ракет на своей территории. Министр иностранных дел Норвегии Халвард Ланге говорил о «северном балансе» как о равновесии в том смысле, что Норвегия хочет членства в НАТО, а не размещения иностранных войск или ядерного оружия на норвежской земле¹¹. Норвегия испытывала сильное внешнеполитическое давление со стороны НАТО в основном для изменения своей базовой и атомной политики. И Норвегия, и Дания разрешили временное складирование на своих территориях военного снаряжения НАТО¹². Учитывая, что граница между Норвегией и Советским Союзом служила также границей между НАТО и Организацией Варшавского договора, дислокация иностранных войск в Норвегии создавала бы дополнительное напряжение, которого Норвегия старалась избежать.

В целом позиция Норвегии была неоднозначной: с одной стороны, страна являлась членом НАТО, поддерживала блок в военных действиях в Афганистане, рассматривала вопрос о разрешении складирования тяжелых вооружений блока, с другой – совместные интересы СССР и Норвегии также находили свою реализацию во внешней торговле, постройке электростанций, развитии приграничной торговли. В политическом плане Норвегия пыталась объединить две тенденции: участие в НАТО и продолжение политики разрядки, укрепления отношений с СССР. Норвежские политики в 1970-х гг. подчеркивали важность «северного баланса», аргументируя свою позицию геополитическим положением Норвегии между Востоком и Западом и странами Северной Европы, что служит определенным связующим звеном «северного баланса». Кроме того, Норвегия остается «стабильной на протяжении последних десятилетий и вносит свой вклад в безопасность и

политическую стабильность в регионе». Политические лидеры Норвегии видели возможную угрозу балансу исключительно за пределами Скандинавии в случае изменения курса внешней и оборонной политики сверхдержав¹³.

Для сохранения баланса внешнеполитический уровень доверия к своим партнерам. Несмотря на членство в альянсе, Норвегия критично оценивала достаточно опасный характер учений пожарного корпуса НАТО на севере Норвегии, граничащей с Финляндией и Советским Союзом. Частое проведение подобных маневров могло негативно сказаться на «небазовой» политике Норвегии, запрещающей длительное пребывание иностранных войск в своих пределах в мирное время. Датские и норвежские политологи доказывали благотворное влияние участия Дании, Норвегии, Исландии в НАТО, но при этом были вынуждены признать существование опасности автоматического вовлечения стран в возможные военные конфликты.

В отношении СССР позиция Норвегии также была достаточно прагматичной, сотрудничество развивалось в основном в экономической сфере. Несмотря на раздававшиеся внутри страны отдельные голоса о целесообразности сближения с СССР, Норвегия всегда идеологически и ментально была ближе к западным ценностям и ориентирам. Важную роль в сохранении баланса сил в Северо-Европейском регионе играла позиция Швеции: «отказавшись от участия в НАТО и последовательно проводя «свободную от союзов» политику, Швеция защитила свои национальные интересы, интересы своей безопасности»¹⁴.

Концепция «северного баланса», созданная в годы «холодной войны», была отражением противостояния двух военно-политических блоков. Очевидно, что подобная разделенность стран Северной Европы не отвечала их национальным интересам. Геополитическое положение и историческая традиция ставят на первый план во внешнеполитической концепции региональную интеграцию. На сегодняшний день «северный баланс» в виде уменьшающейся с запада на восток степени интеграции пяти северных государств в западные институты коллективной безопасности во многом изживает себя.

Talagaeva D.A. "Northern Balance" and the Conditions of Norway's Participation in NATO During the Cold War Era.

Summary: The article is dedicated to the problem of defining the term "Northern balance" as a factor of stability and interaction in the north of Europe, as well as the balance of Soviet and US interests in this region. Particular attention is paid to the analysis of practical grounds for such a definition, primarily to the peculiarities in the Northern European foreign policy in relation to NATO. Besides, the article focuses on Norwegian foreign policy and the terms of the country's membership in the North-Atlantic alliance.

Ключевые слова

Северный баланс, северная общность, нейтралитет, Норвегия и НАТО, биполярное измерение, северное измерение, взаимодействие глобальных и региональных интересов на Севере Европы.

Keywords

Northern balance, northern community, neutrality, Norway and NATO, bipolar dimension, northern dimension, interaction between global and regional actors in the north of Europe.

Примечания

1. Маркушина Н. Россия и концепции Северной Европы // Обозреватель. 2001. № 7. С. 66.
2. Там же. С. 67.
3. Васильев Ю. Внешняя политика стран Северной Европы: Учеб. пособие. М.: МГИМО, 1979. С. 12.
4. Кан А.С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М.: Высшая школа, 1980. С. 298.
5. Прокофьев В. Северная Европа и мир. М.: Международные отношения, 1966. С. 58.
6. Маркушина Н. Указ. раб. С. 68.
7. Noreen E. Den Nordiska Balansen: ett sakerhetspolitiskt begrepp i teori och praktik. Uppsala: Uppsala universitet, 1982. S. 4.
8. Noreen E. Den Nordiska Balansen: ett sakerhetspolitiskt begrepp i teori och praktik. Uppsala: Uppsala universitet, 1982. S. 16.
9. Голошубов Ю. Скандинавия и проблемы послевоенной Европы. М.: Мысль, 1974. С. 236.
10. Там же. С. 237.
11. Noreen E. Den Nordiska Balansen: ett sakerhetspolitiskt begrepp i teori och praktik. Uppsala: Uppsala universitet, 1982. S. 18.
12. Воронков Л. Страны Северной Европы в современных международных отношениях. М.: Знание, 1980. С. 58.
13. Noreen E. Den Nordiska Balansen: ett sakerhetspolitiskt begrepp i teori och praktik. Uppsala: Uppsala universitet, 1982. S. 23.
14. Голошубов Ю. Указ. раб. С. 237.

Политика контрраспространения США в конце XX – начале XXI в.

К.С. Тарасов

В данной статье, охватывающей период до сентября 2012 г., всесторонне рассматривается стратегия контрраспространения США, ее становление, реализация и последствия. Автор также очерчивает российские нераспространенческие инициативы и обозначает возможные шаги по укреплению режима нераспространения.

После окончания биполярной конфронтации в риторике политиков Соединенных Штатов появился и прочно утвердился термин «counterproliferation», который интерпретируется исследователями в сфере международных отношений как «контрраспространение» или «противодействие распространению». Стратегия контрраспространения, в отличие от термина «нераспространение», обозначающего укрепление международно-правового поля режима нераспространения с целью перекрыть каналы доступа к оружию массового уничтожения (ОМУ), а также к технологиям, материалам и информации, необходимым для его создания, ориентирована на наступательные и превентивные меры, призванные минимизировать угрозу применения ОМУ и не допустить его использования нарушителями режима нераспространения, в том числе и потенциальными.

Появление термина «контрраспространение» связано со стремлением властей Соединенных Штатов преодолеть «застарелые» проблемы нераспространения, а также с опасениями относительно возможности появления в постбиполярном мире новых факторов, способных расшатать существовавшие нераспространенческие механизмы. Истеблишмент США был всерьез обеспо-

коен возможностью расширения «ядерного клуба» как вследствие распада СССР, когда ядерное оружие (ЯО) оказалось на территории России, Украины, Белоруссии и Казахстана, так и в силу того, что превосходство Соединенных Штатов, как считали американские стратеги, «могло побудить другие страны приобрести ядерное оружие»¹ для обеспечения своей безопасности.

Основанием для опасений было и столь характерное для эпохи глобализации стремительное развитие мирового рынка, создававшее в условиях ослабления контроля над транснациональными процессами благоприятную почву для процветания «теневых» сектора экономики, в том числе торговли ядерными секретами и материалами. Создававшаяся ситуация требовала разработки новых средств и подходов для предотвращения распространения ОМУ, призванных восполнить пробелы системы нераспространения.

7 декабря 1993 г., во время своего выступления в американской Национальной академии наук, тогдашний министр обороны США Л. Эспин изложил суть «Оборонительной контрраспространенческой инициативы» (Defense Counterproliferation Initiative), в соответствии с которой попадание ОМУ в руки террористов могло бы стать дестабилизирующим фактором для режима нераспространения.

Тарасов Константин Сергеевич – аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО(У) МИД России; вице-консул Генерального консульства Российской Федерации в Монреале (Канада). E-mail: konstantine.tarasov@gmail.com

Л. Эспин заявил о необходимости «создать новый военный потенциал для борьбы с этой новой угрозой»². Арсенал существовавших в Соединенных Штатах средств нераспространенческой политики – сдерживание, контроль над вооружениями и «превентивная» дипломатия – пополнился задачей защиты (protection) США, их вооруженных сил и союзников в различных регионах мира от применения ОМУ.

Инициатива изменила парадигму нераспространенческого мышления. Главный вопрос теперь не ограничивался тем, как предотвратить распространение ОМУ, а заключался также в том, как США могут обезопасить себя, если распространение уже состоялось. С одной стороны, создавалось впечатление, что де-факто признавалась неизбежность распространения ОМУ, а с другой – предполагалось, что предусмотренный новой стратегией курс на снижение уязвимости Америки и ее союзников от использования такого оружия нивелирует стремление к приобретению вооружений данного типа у других стран. Подобные доводы могли быть одной из причин, побудивших США впоследствии начать работы по развертыванию третьего позиционного района системы противоракетной обороны в Европе.

Вскоре после обнародования новой инициативы Президент США Б. Клинтон в декабре 1993 г. подписал Директиву №18 (PDD/NSC 18), которая предусматривала в том числе создание оружия для уничтожения ОМУ у враждебных государств и пересмотр стратегий, использовавшихся для борьбы с угрозой распространения³. В 1996 г. после острых дебатов в Америке по поводу нового подхода к предотвращению распространения ОМУ министерство обороны США поручило Объединенному комитету начальников штабов разработать контрраспространенческую стратегию. В том же году при министерстве обороны США создается Совет по проблемам контрраспространения (Counterproliferation Council).

Изначально стратегия контрраспространения включала в себя три основные составляющие⁴:

- предотвращение распространения ОМУ (обозначающее деятельность министерства обороны США в сфере нераспространения);
- потенциал наступательных действий (контрсиловые операции);
- оборонительный потенциал (активная и пассивная оборона).

Цель контрсиловых операций заключалась в уничтожении ОМУ противника и средств его доставки до того, как они будут использованы. Система активной защиты (главным образом противовоздушная и противоракетная оборона) должна была перехватывать любые средства доставки ОМУ. К пассивной защите относились действия личного состава по защите от использования ОМУ. Каждый из этих компонентов был задействован по мере увеличения угрозы и «несрабатывания» предшествующего механизма. Таким образом, предусматривалось, что если превентивные меры оказывались безрезультатными, то применялись контрсиловые

операции. Если и они не давали нужного результата, то использовались меры активной, а затем пассивной защиты.

В 1997 г. из-за возросших опасений относительно угрозы терроризма (связанных, например, с терактом в Оклахома-Сити 1995 г.) стратегия контрраспространения была дополнена положением, что министерство обороны США должно оказывать поддержку «ведущему федеральному ведомству», ответственному за контртеррористическую деятельность на территории Соединенных Штатов, а также принимать меры по ликвидации последствий использования ОМУ.

Объединенный комитет начальников штабов обнародовал стратегию контрраспространения в феврале 2001 г. Основной замысел концепции заключался в том, чтобы лишить всякой возможности страны, претендующие на ядерный статус, войти в «клуб ядерных держав». В случае необходимости предусматривалось применение силы. Стоит заметить, что силовые методы использовались США в практической плоскости еще до концептуального оформления стратегии контрраспространения. Примером тому может служить уничтожение ядерных объектов Ирака во время войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.)⁵.

Также в ходе осложнения ситуации на Корейском полуострове в 1993–1994 гг. Соединенные Штаты рассматривали возможность «силового разрешения» кризиса вокруг северокорейской ядерной программы. Более того, «в начале 1995 г. в США обсуждался вопрос о нанесении упреждающего удара по атомным объектам Ирана»⁶.

Еще одним примером практического воплощения стратегии контрраспространения может служить следующее обстоятельство: в 1994 г. Конгресс США принимает закон о предотвращении распространения ядерного оружия (Nuclear Proliferation Prevention Act), согласно которому Соединенные Штаты прекращают оказывать помощь любому государству-нарушителю, которое приобрело технологии для изготовления ядерных боеприпасов⁷.

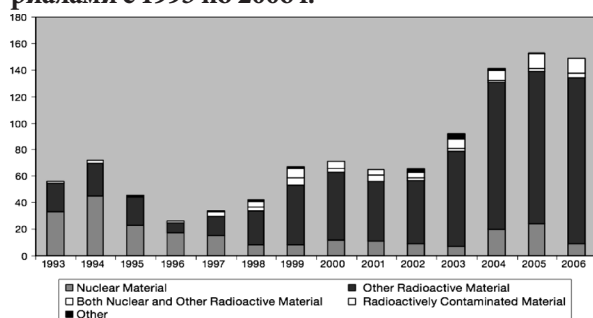
К концу 1990-х гг. по режиму нераспространения был нанесен серьезный удар – весной 1998 г. Индия и Пакистан провели испытания собственного ядерного оружия, а вскоре после этого лидеры двух стран объявили о создании минимальных ядерных сил сдерживания. В научном сообществе заговорили об эрозии существующей системы нераспространения, о том, что близок тот день, когда лимит «мирных» средств недопущения распространения ОМУ окончательно себя исчерпает. На этом фоне в сознании вашингтонских стратегов постепенно укоренялась идея о том, что только решительные и упреждающие меры способны залатать бреши, образовавшиеся в режиме нераспространения.

В этой связи в декабре 1998 г. США и Великобритания провели операцию «Лис пустыни», цель которой заключалась в уничтожении возможных объектов производства ОМУ в Ираке. А в 1999 г. был создан Центр реализации программы контрраспространения BBC США (Air Force Counterproliferation Center).

В 2000-х гг. особую актуальность проблематике нераспространения придали события 11 сентября 2001 г. Тогда мир накрыла волна обсуждений, касающихся возможности приобретения ядерного оружия или даже его создания террористическими сетями. Усугубляли ситуацию кризисы вокруг северокорейской и иранской ядерных программ. Появились многочисленные публикации, посвященные «черному рынку расщепляющихся материалов».

График 1

Количество происшествий криминального характера (кража, утрата, незаконное присвоение и т.д.), связанных с радиоактивными материалами с 1993 по 2006 г.

Источник: *Combating Illicit Trafficking in Nuclear and other Radioactive Material. IAEA Nuclear Security Series No. 6.*

После разоблачения в начале XXI в. сети «отца» пакистанской атомной бомбы А. Хана, которая занималась поставкой ядерных технологий в такие страны, как Иран, Ливия и КНДР, подтвердились опасения по поводу взаимодействия криминальных сетей с государствами-нарушителями нераспространенческих режимов. В августе 2005 г. в интервью японскому информационному агентству «Киодо» тогдашний лидер Пакистана П. Мушарраф признал, что А. Хан «передавал КНДР технологии обогащения урана, включая газовые центрифуги и документацию по их производству»⁸.

Северная Корея, в свою очередь, могла сотрудничать с другими странами и передавать им ядерные секреты. Зарубежный исследователь З. Хекер, занимающийся изучением северокорейской ядерной программы, утверждает, что «существует множество доказательств тому, что Пхеньян построил Сирии реактор, производящий плутоний (он был уничтожен в сентябре 2007 г. во время налета израильской авиации)»⁹.

В 2009 г. в газете «Гардиан» была опубликована статья, в которой Союз Мьянма уличался в сотрудничестве с Северной Кореей по разработке ядерного оружия¹⁰. Но несколько позже, в июне 2012 г., министр обороны Мьянмы генерал-лейтенант Хла Мин заявил, что его страна отказалась от всех разработок в ядерной области¹¹.

«Дело Хана» привело к появлению понятия «сетевого распространения» («proliferation network»), обозначающего действия транснациональных сетевых структур, связанные с нелегальным оборотом расщепляющихся материалов. «Кризис» сложившейся системы нераспространения в начале 2000-х гг. привел к существенным трансформациям

американской стратегии в области нераспространения. В 2002 г. администрация Дж.У. Буша приняла «Стратегию национальной безопасности» и «Национальную стратегию борьбы с распространением ОМУ».

В Национальной стратегии представлены три составляющие американской политики, направленные на борьбу с распространением ОМУ¹²:

– контрраспространение (counterproliferation), под которым понимается предотвращение угрозы применения ОМУ и защита от нападений с использованием ОМУ против США, их вооруженных сил, союзников и партнеров. К контрраспространению были отнесены: а) запретительные меры: расширение возможностей военных, разведывательных и правоохранительных структур по предотвращению передач ОМУ, а также связанных с ним материалов, технологий и экспертизы враждебным государствам и террористическим организациям; б) политика сдерживания, декларирование «политики решительной и эффективной военной силы», с тем чтобы убедить потенциальных противников в нецелесообразности разработки ОМУ. Кроме того, предусматривается эффективное использование разведслужб и перехват ОМУ и материалов; в) оборона и смягчение последствий использования ОМУ. Привлечение сил противовоздушной и противоракетной обороны для решения этой задачи. Нанесение превентивных ударов и проведение военных операций вне территории США для ликвидации ОМУ и связанной с ним инфраструктуры;

– нераспространение (nonproliferation), включающее: а) активную дипломатию в области нераспространения, применение политико-дипломатических подходов в целях побуждения государств к отказу от создания ОМУ, выполнения международных обязательств в области нераспространения; б) участие в деятельности многосторонних режимов нераспространения и реализацию соглашений в области контроля над вооружениями; в) международное сотрудничество в рамках программ по снижению угрозы; г) контроль ядерных материалов, программы по сокращению и улучшению безопасности и сохранности запасов расщепляющихся материалов в государствах бывшего СССР; работу в глобальном масштабе по предотвращению накопления плутония и минимизации использования высокообогащенного урана (ВОУ); развитие международного сотрудничества в области производства ядерного топлива; д) укрепление США национальных мер экспортного контроля; е) применение санкций, направленных на предотвращение распространения ОМУ;

– меры борьбы с последствиями распространения (consequence management), уменьшение негативных последствий от использования ОМУ против американского населения или вооруженных сил.

Как видно, меры борьбы с последствиями распространения выделены (по сравнению с 1990-ми гг.) в качестве самостоятельной «опоры»

Таблица 1

Происшествия, связанные с плутонием и высокообогащенным ураном (ВОУ) с 1993 по 2006 г.

Incidents involving HEU and plutonium confirmed to the ITDB, IAEA, 1993–2006				
Incident	Date	Location	Material	Amount, g
Seizure	24 May 1993	Vilnius, Lithuania	HEU (50%)	150
Seizure	Mar 1994	St Petersburg, Russian Federation	HEU (90%)	2,972
Seizure	10 May 1994	Tengen-Wiechs, Germany	Pu	6.2
Seizure	13 Jun 1994	Landshut, Germany	HEU (87.7%)	0.795
Seizure	25 Jul 1994	Munich, Germany	Pu	0.24
Seizure	8 Aug 1994	Munich Airport, Germany	Pu	363.4
Seizure	14 Dec 1994	Prague, Czech Republic	HEU (87.7%)	2,730
Seizure	Jun 1995	Moscow, Russian Federation	HEU (21%)	1,700
Seizure	6 Jun 1995	Prague, Czech Republic	HEU (87.7%)	0.415
Seizure	8 Jun 1995	Ceske Budejovice, Czech Republic	HEU (87.7%)	16.9
Seizure	29 May 1999	Rousse, Bulgaria	HEU (72.65%)	10
Theft	Dec 2000	Karlsruhe, Germany	Pu	0.001
Seizure	16 Jul 2001	Paris, France	HEU (72.57%)	0.5
Seizure	26 Jun 2003	Sadahlo, Georgia	HEU (89%)	~170
Loss	Mar–Apr 2005	New Jersey, USA	HEU	3.3
Loss	24 Jun 2005	Fukui, Japan	HEU	0.0017
Seizure	1 Feb 2006	Tbilisi, Georgia	HEU (89%)	79.5
Discovery	30 Mar 2006	Henningsdorf, Germany	HEU	47.5

Additional highly credible cases involving HEU, 1991–2006, from DSTO				
Incident	Date	Location	Material	Amount, g
Seizure	6 Oct 1992	Podolsk, Russian Federation	HEU (90%)	1,500
Seizure	29 Jul 1993	Andreeva Guba, Russian Federation	HEU (36%)	1,800
Seizure	28 Nov 1993	Sevmorput, Russian Federation	HEU (20%)	4,500
Loss	1996	Tomsk, Russian Federation	HEU (90%)	145
Loss	1992–1997	Sukhumi, Abkhazia, Georgia	HEU (90%)	655
Diversion attempt	1998	Chelyabinsk region, Russian Federation	HEU (unknown %)	18,500
Seizure	2000	Elektrostal, Russian Federation	HEU (21%)	3,700

Источник: *Illicit Trafficking in Radioactive Materials. International Institute for Strategic Studies.*

усилий США в сфере нераспространения. В целом действия США в изучаемой области все больше носили характер односторонности. Представители американской политической элиты полагали, что на плечи США как на мирового стража порядка была возложена особая ответственность за решение, помимо всего прочего, насущной проблемы распространения ОМУ, прийти к которому предлагалось любым надлежащим способом, в том числе и военным.

Политика силы, на которую в то время опирался Вашингтон, определяла подходы в области нераспространения. Одним из ярчайших примеров применения «доктрины» контрраспространения на практике стала начавшаяся в марте 2003 г. война против Ирака, официальным поводом проведения которой стало стремление найти там оружие массового уничтожения, которое, по заявлениям американских властей, там было, но так и не было обнаружено.

Можно предположить, что политика контрраспространения служила в том числе для оправдания некоторых внешнеполитических шагов США, которые могли иметь под собой иные причины, нежели противодействие распространению ЯО. Такие мотивы, как недопущение ядерного распространения, помогают узаконивать проведение военных операций с моральной точки зрения в глазах мирового сообщества и американского народа даже в обход ООН.

Также в соответствии с «духом» политики контрраспространения в США велись дискуссии, касающиеся возможности уничтожения ядерных объектов КНДР, обсуждался план операции «Укус» — ударов по ядерным объектам Ирана, не исключался вариант установления контроля над ядерными объектами Пакистана. Кроме того, Соединенные Штаты рассматривали возможность создания ядерного устройства для уничтожения подземных бункеров (deep nuclear earth penetrator)

и обсуждали меры по обезоруживанию потенциально опасных стран посредством развертывания глобальной системы ПРО.

В рамках политики контрраспространения в 2003 г. в Кракове Дж.У. Буш предложил международную программу «Инициатива безопасности в борьбе с распространением» (ИБОР), к которой присоединилась и Россия. ИБОР предусматривала возможность перехвата воздушных и морских судов в международных водах и воздушном пространстве в случае возникновения серьезных подозрений, что эти суда осуществляют незаконные перевозки материалов, оборудования и технологий, которые могут быть использованы для создания ОМУ и средств его доставки. В том же году на фоне охватившего Америку страха перед угрозой ядерного терроризма было создано министерство внутренней безопасности.

21 ноября 2005 г. создается Национальный центр реализации политики контрраспространения (National Counterproliferation Center – (NCPC)) для «противодействия угрозам, вызванным распространением химического, биологического, радиологического и ядерного оружия»¹³. Он был призван решать задачи, отличные от тех, что ставились перед Национальным контртеррористическим центром, деятельность которого была сосредоточена на предотвращении попадания ОМУ в руки террористов. Национальный центр реализации политики контрраспространения преследует пять целей:

- воспрепятствовать появлению у государств, террористов или вооруженных формирований ОМУ, а также разработке и мобилизации ресурсов для его создания;
- помешать попыткам государств, террористов и других участников международных процессов приобрести ОМУ или передать его другой стороне;
- пресечь программы по созданию ОМУ;
- предотвратить использование ядерного, радиологического, биологического и химического оружия, а также средств его доставки;
- смягчить последствия использования ОМУ против Соединенных Штатов или их союзников.

В 2006 г. США принимают «Национальную военную стратегию борьбы с распространением ОМУ» и «Стратегию национальной безопасности». Анализ Национальной военной стратегии показывает, что упор в борьбе с распространением делался на «операции по ликвидации ОМУ» (WMD elimination – уничтожение мест хранения ОМУ и предприятий его производящих) и «запретительные меры» (WMD interdiction – пресечение поставок ОМУ, систем его доставки, технологий, материалов и информации, необходимых для его производства, а также технологий двойного назначения).

Более того, Вашингтон ужесточил правила инспекций прибывающих в США грузов согласно «нормам, установленным в соответствии с «Инициативой безопасности контейнерных перевозок» (Container Security Initiative), «Инициативой портового контроля» (Megaports Initiative), которой

предусматривается организация слежения за перемещением грузов в различных странах, а также с «Инициативой по безопасному товарообороту» (Secure Freight Initiative)»¹⁴.

Политика контрраспространения была неоднозначно воспринята как международным сообществом, так и в самих США. Основные аргументы против такой стратегии сводятся к следующему:

- во-первых, критики контрраспространения отмечали, что военные способы борьбы с распространением ОМУ не должны превалировать над дипломатическими методами решения проблемы – первые надо использовать как крайнее средство в случае возникновения чрезвычайных ситуаций;

- во-вторых, ракурс усилий международного сообщества смещался с поиска механизмов предотвращения распространения ОМУ в сторону преодоления последствий его применения. Концепция контрраспространения, отмечали ее оппоненты, по сути, признавала, что распространение уже состоялось, а усилия дипломатов не дадут нужных результатов;

- в-третьих, возникали опасения относительно того, что реализация контрраспространенческой инициативы окажется слишком затратной и в конечном итоге будет «перетягивать» на себя средства с «традиционных» программ в сфере нераспространения, что могло впоследствии негативно отразиться на «прочности» нераспространенческого режима;

- в-четвертых, использование силовых мер на практике могло стать препятствием к расширению сотрудничества с другими участниками международных процессов в целях проведения эффективной нераспространенческой политики.

Парадокс контрраспространения заключается в том, что эта стратегия, призванная предотвращать распространение ОМУ, сама могла оказаться стимулом, подталкивающим государства к его приобретению для обеспечения национальной безопасности. Отчасти этим можно объяснить стремление КНДР обзавестись ядерным оружием. Имея перед глазами пример иракской кампании, руководство Северной Кореи, возможно, опасалось принятия силовых мер против своей страны.

Россия предложила собственный вариант «мягкой» стратегии нераспространения, ориентированный скорее на поиск дипломатического решения проблемы, чем на силовой подход. Ее позицию в области нераспространения можно свести к следующему:

- закрепление ключевой роли ООН в вопросах нераспространения ОМУ, в частности путем реализации требований резолюции Совета Безопасности ООН 1540 (2004 г.). Она обязывает государства «воздерживаться от любой поддержки негосударственных структур, которые пытаются разрабатывать, приобретать, производить, иметь, перевозить, передавать или использовать ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки»¹⁵;

■ Свежий взгляд

- поддержка инициатив по созданию зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО);
- заключение ДЗПРМ и вступление в силу ДВЗЯИ;
- ограниченная интернационализация ядерного топливного цикла (ЯТЦ);
- укрепление ДНЯО и поддержка деятельности МАГАТЭ;
- участие в многосторонних режимах экспортного контроля, например в Комитете Цангера, Группе ядерных поставщиков (ГЯП) и Режиме контроля за ракетными технологиями (РКРТ);
- принятие мер, направленных на недопущение распространения информации в области создания ОМУ;
- обмен разведанными в сфере нераспространения;
- недопустимость «избирательности» в деле предотвращения распространения ОМУ и средств его доставки.

В этой связи примечательна деятельность компаний США, явно идущая вразрез с «моральным кодексом» нераспространения. Так, «американские предприятия продолжают активно поставлять различную продукцию, имеющую отношение к ракетным технологиям, а также соответствующие «ноу-хау» в зарубежные страны, около трети из которых не являются членами международного режима контроля за ракетными технологиями (РКРТ), включая Египет, Израиль, Кувейт, Оман, ОАЭ, а также Тайвань. Обращает на себя внимание тот факт, что даже в этих случаях проверка использования ракет конечным получателем, предусмотренная американским законодательством, на регулярной основе не производится»¹⁶.

С приходом к власти в США администрации Б. Обамы эксперты в академической среде стали говорить о возможных скорых изменениях стратегии США в нераспространенческой сфере. Соединенные Штаты, как казалось, стали отходить от односторонности и больше участвовать в многосторонних форумах, например в ядерных саммитах. Поменялась риторика в сфере нераспространения. Вместо термина «борьба с распространением ОМУ» (combat WMD), использовавшегося предшествующей администрацией, стала применяться формулировка «противодействие распространению ОМУ» (counter-WMD).

Однако это вовсе не означало, что США отказывались от концепции контрраспространения. Так, 18 августа 2010 г. тогдашний директор ЦРУ Л. Панетта объявил о создании Центра ЦРУ по реализации стратегии контрраспространения (CIA's Counterproliferation Center–(CPC))¹⁷, который занимается сбором и анализом разведанных с целью недопущения распространения ОМУ. Более того, если в начале президентства Б. Обамы казалось, что силовые составляющие контрраспространения уходят в прошлое, сейчас вновь появились признаки возрождения «политики силы». Во время проведения ядерного саммита в Сеуле в марте 2012 г. «Б. Обама, ранее выступавший за

дипломатическое решение иранской проблемы, теперь не исключает и более жестких вариантов вмешательства»¹⁸.

Речь Б. Обамы 20 августа 2012 г., во время которой он заявил, что «может принять решение о военном вмешательстве в события в Сирии, если там возникнет угроза распространения химического или биологического оружия»¹⁹, указывала на «ренессанс» силовых методов контрраспространения. Демонстрация силы также проявила себя во время сентябрьских военных учений в Ормузском проливе, недалеко от берегов Ирана, в которых приняли участие корабли Великобритании, США, Франции, Саудовской Аравии и других государств.

Что касается позиции России, то в своей нераспространенческой деятельности она ориентировалась на²⁰:

- наращивание усилий в борьбе с ядерным терроризмом;
- участие в ядерных саммитах;
- усиление мер физической ядерной безопасности (security) и эксплуатационной ядерной безопасности (safety);
- оказание содействия государствам, выступающим за мирное использование ядерной энергии, проведение программ по конверсии высокообогащенного урана (ВОУ), а также по возврату в Россию ВОУ ядерных исследовательских реакторов российской конструкции.

Предотвращение распространения ОМУ занимает одну из ключевых ниш в повестке дня вопросов современности. Особую сложность этой проблеме придает то обстоятельство, что случайное или преднамеренное использование ядерного оружия государственным или негосударственным участником международных процессов может иметь катастрофические последствия для современной цивилизации. Нельзя исключать также возможность увеличения количества вызовов и угроз в проблемном поле нераспространенческого режима: последние достижения в различных технологических областях позволяют прогнозировать появление новых видов оружия, в том числе ОМУ, на основе, например, нано- и биотехнологий.

Одним из способов решения задач по недопущению распространения ОМУ стала стратегия контрраспространения, на силовую составляющую которой США сделали ставку при администрации Дж.У. Буша. Однако реализация этой политики показала, что «принуждение к нераспространению» имело тактический успех, однако в стратегическом плане требуется более многогранный подход. Кроме того, бремя нераспространенческих проблем оказалось слишком тяжелым для одной державы, поэтому для их решения требуется расширение поля сотрудничества стран мира через глубокую трансформацию их взаимоотношений.

Опорами комплексной нераспространенческой стратегии (comprehensive nonproliferation strategy) могли бы стать: разоружение, нераспространение, контрраспространение и ликвидация последствий применения ОМУ. Важно добиться признания принципа «неделимости» в решении

проблем распространения (возможно, на юридическом уровне), его универсальности, показав, что при обсуждениях нераспространенческой повестки дня нет места «двойным стандартам» и избирательности. Уменьшение числа атомных электростанций и других объектов с ядерными материалами также могло бы положительно сказаться на укреплении нераспространенческого режима. Это справедливо и в отношении сокращения количества ЯО. Однако все эти меры не дадут нужного результата без единства в международном сообществе, способного «пресечь» ядерные амбиции отдельно взятых стран.

Особый упор следовало бы сделать на нераспространенческой составляющей. Магистральные направления совместной работы должны быть направлены на реализацию ДВЗЯИ и ДЗПРМ, упрочение ДНЯО, интернационализацию ядерного

топливного цикла, обеспечение высоких стандартов сохранности ядерных материалов, укрепление мер экспортного контроля материалов, пригодных для производства ОМУ, сотрудничество разведслужб различных стран и широкий спектр других мер. Дипломатические усилия следовало бы также сосредоточить на разрешении региональных конфликтов, создающих благоприятную среду для распространения ОМУ.

Tarasov K.S. US Counterproliferation Policy in the Late XX – Early XXI century.

Summary: *This article, which covers the period till September 2012, presents a comprehensive review of the US counterproliferation strategy, its genesis, implementation and consequences. The author also outlines Russia's nonproliferation initiatives and unveils possible steps to strengthen nonproliferation regime.*

Ключевые слова

Россия, США, российско-американские отношения, контрраспространение, нераспространение, оружие массового уничтожения, ядерное оружие.

Keywords

Russia, USA, Russia–United States relations, counterproliferation, nonproliferation, weapons of mass destruction, nuclear weapons.

Примечания

1. Стратегия нераспространения и международный бизнес. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатунова. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 294.
2. Williams Chris. DOD's Counterproliferation Initiative: A Critical Assessment. URL: <http://www.fas.org/irp/threat/fp/b19ch14.htm> (дата обращения: 19.08.2012).
3. Counterproliferation Initiative Presidential Decision Directive PDD/NSC 18. December 1993. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/pdd18.htm> (дата обращения: 20.08.2012).
4. Mauroni Albert J. A Counter-WMD Strategy for the Future. Parameters, 2010. URL: <http://www.carlisle.army.mil/USAWC/Parameters/Articles/2010summer/Mauroni.pdf> (дата обращения: 19.07.2012).
5. Country profile Iraq. NTI. URL: <http://www.nti.org/country-profiles/iraq/nuclear/> (дата обращения: 23.07.2012).
6. Фененко А.В. Современные военно-политические концепции США. Международные процессы. Том 7, № 1(19). Январь–апрель 2009. URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/007.htm> (дата обращения: 20.07.2012).
7. The 1994 Nuclear Proliferation Prevention Act. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/NonProliferationAct.shtml> (дата обращения: 20.08.2012).
8. Мушарраф: пакистанский ученый передавал ядерные технологии КНДР. РИА «Новости». 24.08.2005. URL: <http://ria.ru/world/20050824/41218891.html> (дата обращения: 29.08.2012).
9. Hecker Siegfried S. Lessons learned from the North Korean nuclear crises. URL: <http://iis-db.stanford.edu/pubs/22801/Hecker.pdf> (дата обращения: 15.07.2012).
10. Borger Julian. Burma suspected of forming nuclear link with North Korea, Guardian.co.uk, July 21, 2009. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2009/jul/21/burma-north-korea-nuclear-clinton> (дата обращения: 15.08.2012).
11. O'Callaghan John. Myanmar abandons nuclear research – defence minister, Reuters, June 2, 2012. URL: <http://uk.reuters.com/article/2012/06/02/uk-asia-security-myanmar-idUKBRE85105520120602?feedType=RSS&feedName=worldNews> (дата обращения: 03.06.2012).
12. National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. 2002. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/16092.pdf> (дата обращения: 25.08.2012).
13. См. официальный сайт National Counterproliferation Center URL: <http://www.counterwmd.gov> (дата обращения: 23.08.2012).
14. Иванов Владимир. Антитеррористический «Смерш» США. Независимое военное обозрение. 30.11.2007 http://nvo.ng.ru/wars/2007-11-30/2_smersh.html (дата обращения: 16.09.2012).
15. Текст резолюции 1540. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1540.htm> (дата обращения: 27.06.2012). Дополнительную информацию о резолюции см. на сайте МИД России. URL: <http://www.mid.ru/ns-dmo.nsf/d1e21cb809777d63432569ff003ccdcf3cebfb3abae1e99abc32575cb002a4af5?OpenDocument> (дата обращения: 29.06.2012).
16. Факты нарушения США своих обязательств в сфере нераспространения оружия массового поражения и контроля над вооружениями. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/D6942A5B5C23A4FCC325777800257B74 (дата обращения: 09.09.2012).
17. CIA Launches New Counterproliferation Center. Press Releases & Statements. URL: <https://www.cia.gov/news-information/press-releases-statements/press-release-2010/cia-launches-new-counterproliferation-center.html> (дата обращения: 09.09.2012).
18. Ядерный саммит: Обама говорит о «моральном обязательстве» действовать. InoPressa. 26 марта 2012 г. URL: <http://www.inopressa.ru/article/26mar2012/inotheme/summit26.html> (дата обращения: 09.09.2012).
19. Обама: вооруженные силы США могут вмешаться в события в Сирии, если возникнет угроза распространения химоружия. ИТАР-ТАСС, 20 августа 2012 г. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/500334.html> (дата обращения 30.08.2012).
20. Lavrov Sergey. Seoul Summit: A view from Moscow. The Washington Times. March 23, 2012. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2012/mar/23/seoul-summit-a-view-from-moscow/> (дата обращения 30.07.2012).

Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса

А.В. Радюк

В статье рассматриваются кооперативные коммуникативные стратегии и тактики английского делового дискурса. В нем, как сфере столкновения позиций и интересов, существует необходимость поиска способов гармонизации – поддержания кооперативного речевого взаимодействия, приводящего к взаимовыгодным результатам. Прагматические свойства кооперативных стратегий позволяют не только достичь поставленной цели, но и сохранить баланс отношений с собеседником.

Сложность современной международной обстановки, в том числе по причине затянувшегося мирового экономического кризиса, ставит вопросы совершенствования межнационального общения в ряд приоритетных проблем многих наук о человеке – филологии, психологии, социологии, политологии и др. Коммуникативные технологии служат эффективным инструментом создания определенных умонастроений в обществе. В этом плане особенно важно, с одной стороны, глубоко понимать механизмы их влияния на сознание и чувства человека, с другой – разрабатывать комплекс мер позитивного коммуникативного воздействия на людей, с тем чтобы снизить уровень социально-политической напряженности на международной арене и не допустить обострения обстановки внутри страны. Языковеды вносят свой вклад в решение этой задачи, изучая возможности языка (в частности, английского как *global language*) путем

комбинирования всех его разнообразных средств формировать мировоззрение человека, вызывать ту или иную реакцию на внешние сигналы, стимулировать определенный тип поведения.

При том, что в лингвистике накоплен огромный багаж знаний о структурных, семантических, функциональных свойствах речевой деятельности, особая значимость придается исследованию дискурса – «речи, погруженной в жизнь»¹. Дискурсивное исследование предполагает анализ текста в неразрывной связи с экстралингвистическими параметрами общения, а именно они в основном задают ту коммуникативную программу, по которой строится акт общения. Соответственно в анализе делового и профессионального общения современная функциональная лингвистика концентрируется на свойствах бизнес-дискурса. Крайне важным показателем эффективности в бизнесе является практический результат взаимодействия, непосредственно обусловленный речевой деятель-

Радюк Александра Владимировна – аспирант кафедры английского языка № 5 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: rad_al@bk.ru

ностью. Для этого необходим отбор функционально нагруженных речевых средств, в совокупности усиливающих прагматический эффект речи². Поэтому одной из главных задач делового общения является стратегическое планирование коммуникации ("how people communicate strategically in an organizational context")³.

Лингвисты по-разному очерчивают границы делового дискурса. Встречается его широкое понимание как небытового и нехудожественного общения, а также предельно узкое (сведение к деловой корреспонденции)⁴. Несмотря на зачастую произвольную интерпретацию, определенные смысловые ограничения все же существуют. Деловой дискурс определяется как язык социального взаимодействия в деловом контексте ("social action in business contexts")⁵. Присутствует также расширенная трактовка делового дискурса как вида коммуникации, осуществляемого благодаря знаниям, полученным в ходе специальной подготовки и имеющим ценность в пределах одной профессиональной группы⁶. Далее деловой дискурс классифицируется исходя из профессиональной принадлежности коммуниканта.

С точки зрения стилистики деловой дискурс – это взаимообусловленное единство функциональных разновидностей речи (registers), используемых в деловых целях⁷. К регистрам делового дискурса относят телефонное общение, деловую беседу, переписку, документацию и контракты, встречи, презентации, переговоры и сообщения СМИ, ориентированные на деловой мир. Регистр понимается как ситуативная разновидность функционального стиля. Характер ситуации общения касается как ее сферы, так и степени формальности (синонимично официальному/неофициальному стилю). Специфика делового дискурса заключается в зависимости от таких факторов, как принадлежность коммуниканта определенной организации; его должность в этой организации; место в деловой иерархии; отрасль и область, в которой работает компания; стремление сторон к получению прибыли⁸.

В современной литературе по деловому общению выделяются две тенденции поведения в профессиональных ситуациях, требующих от их участников достижения установленной коммуникативной цели. Одни авторы настаивают на том, что добиться своего можно и нужно любыми способами, и описывают эти способы зачастую как универсальные. Другие же подчеркивают, что успешным может быть признано лишь такое деловое общение, которое не нарушает баланса отношений с собеседником. Принцип win-win, согласно которому оба коммуниканта получают взаимовыгодный результат на основе кооперации, признается одним из основополагающих для сотрудничества в деловой сфере. Такой тип поведения соответствует представлениям о гармонии в деловом общении.

Деловое общение выступает одним из видов деятельности, в которых часто возникают противоречия. Постановка стратегических целей, выработ-

ка принципов работы компаний, построение планов сопряжены с возникновением конфликтов на почве несовпадения интересов субъектов профессиональной деятельности. Отсюда необходимость в урегулировании споров, поиске компромиссов в принятии решений, уравнивании различных позиций партнеров. Гармонизация – достижение согласия, равновесия, взаимопонимания и, как следствие, повышения эффективности бизнес-коммуникации. Особенно актуальна она для таких регистров делового общения, как переговоры, совещание, деловая беседа и др. Гармонизация делового общения необходима везде, где нужно прийти к обоюдному выгоде.

Гармонизация делового общения происходит благодаря кооперации бизнес-партнеров. Кооперация – это сотрудничество нескольких лиц для достижения общей цели. Методом эффективного речевого общения посвящены многие работы практиков бизнеса, но не все они подразумевают кооперативное коммуникативное поведение. Взаимовыгодное сотрудничество вынуждает бизнесменов идти на компромисс, то есть делать уступки во имя объективности сделки, а это не всегда отвечает их исходным установкам. Тем не менее зачастую оказывается, что приобретенные уважительные отношения с партнерами, основанные на принципе справедливой кооперации, приносят больше пользы, нежели выгода от сделки, заключенной «любой ценой», посредством конфликтных стратегий общения.

В частности, гарвардский метод призывает бизнесменов концентрироваться на общих выгодах, а не на первоначально принятой позиции. Главным принципом является объективность критериев соглашения. Заботясь об общих интересах, каждый партнер в отдельности может получить больше. Для этого необходимо «там, где это возможно, искать взаимные выгоды, а там, где интересы сторон вступают в противоречие, настаивать на решении, основанном на беспристрастных критериях, не зависящих от воли сторон»⁹. Применяя метод принципиального ведения переговоров, следует выделить центральную задачу, сосредоточиться на достижении максимально благоприятного результата, а не на позициях сторон, выделить ряд альтернативных возможностей, настаивать на объективном исходе переговоров. Очевидно, что данный метод эффективен в том случае, если используется обеими сторонами, так как требует от партнеров исключительной честности.

Кооперация находит отражение и в вербальном оформлении интенций коммуникантов. В этом смысле она исследовалась в свете лингвистической прагматики. В работе «Логика и речевое общение» Г.П. Грайс выделил кооперацию как одну из универсальных конвенций общения. Конвенции, то есть негласные правила общения, составляют коммуникативный кодекс. Кооперация между людьми, вступающими в диалог, подразумевается по умолчанию. Ожидается, что вклад каждого коммуниканта соответствует совместно принятой цели общения. Вербальное общение кооперативно,

■ Свежий взгляд

если соблюдаются максимы количества, качества, отношения, способа, то есть информация подается в соответствующем количестве, она правдива, соответствует теме общения, изложена ясно и кратко¹⁰. Дж. Лич рассматривает принцип кооперации как составляющую межличностной риторики. Он выделяет стратегию намека, которую, возможно, более корректно характеризовать как тактику. Она применяется в косвенных речевых актах для побуждения к действию (*Can you answer the phone?*). Просьба, выраженная в косвенной форме, позволяет сохранить баланс отношений с собеседником¹¹.

На практике коммуникантам часто выгоднее нарушать максимы принципа кооперации. Если необходимо скрыть истинные намерения и невыгодную для коммуниканта информацию, ему, естественно, придется отказаться от максимы качества. Принцип вежливости нередко требует нарушения максимы количества и способа, так как в определенных ситуациях говорящий предпочитает обтекаемые, приятные для собеседника формулировки более конкретным и менее приятным высказываниям. Образность в речи, различные средства речевого воздействия зачастую идут вразрез с требованием говорить четко. Намеренное нарушение максим тем не менее не означает, что общение перестает быть кооперативным. Главный критерий – намерение коммуникантов взаимодействовать ради достижения общей цели. Таким образом, кооперация как принцип коммуникативного кодекса носит регулятивный, рекомендательный характер¹². Принцип кооперации в прагматике применим к ожиданиям коммуникантов по отношению друг к другу.

Кооперативные коммуникативные стратегии делового дискурса обладают значительным потенциалом гармонизации общения. Кооперативной стратегией называется совокупность теоретически запланированных действий, направленных на достижение цели путем обоюдоприемлемого взаимодействия. Кооперативные стратегии противопоставляются конфликтным, поскольку ориентированы на поиск компромисса, согласия, взаимовыгодных решений. Они реализуются различными тактиками, то есть практическими ходами, выполняющими общий замысел. В зависимости от общего характера коммуникативной ситуации кооперативные стратегии могут применяться для поддержания кооперативных намерений (ситуация сотрудничества), для смягчения противостояния (ситуация конфликта) либо в общении, не направленном на воздействие (нейтральная ситуация).

Коммуникативная ситуация сотрудничества имеет место в случае, если общее решение неизбежно, но существуют разногласия в деталях. Так, в ситуации обсуждения размеров будущей зарплаты участники диалога придерживаются принципиального метода ведения переговоров. Работник не столько требует уступок со стороны работодателя, сколько настаивает на применении объективных критериев.

– *You've seen our suggested start date. Is that something you can manage? For recruitment season is coming up quickly and we could really use your help.*

– *Yes, I can definitely make it as soon as compensation is agreed.*

– *Ok. Let's talk money.*

– *Well, just to get us going, can I ask how you arrived at your offer?*¹³

Концентрируясь не на позиции, а на интересах (*recruitment season is coming up quickly*), кандидат в дружелюбной форме заставляет собеседника первым назвать ориентировочную сумму и критерии, на которые работодатель ориентировался при определении размера жалования (*can I ask how you arrived at your offer*).

– *Sure. We conducted a competitive analysis of the market leaders and took a high average.*

– *That seems reasonable. But I think I have more to offer than a market average.*

Тактика самопрезентации (*I have more to offer than the market average*) позволяет соискателю показать себя с более выгодной стороны и подкрепить свою позицию веским аргументом.

– *I agree. In recognition of your skills and experience we're offering you 10% over the medium.*

– *I agree that the benefits are great, and so are the advancement opportunities. Considering my salary history and qualifications though, 20% over your base would enable me to accept the offer immediately.*

Работодатель признает заслуги претендента, используя тактику комплимента (*In recognition of your skills and experience*), и сообщает, что надбавка уже включена в жалование.

– *Honestly, that's more than we have budgeted for the position but we typically offer 6% annual raises. With good performance, you can get up to 10 or 11%.*

Придерживаясь своего курса (*that's more than we have budgeted*), работодатель переключает внимание соискателя на дополнительные преимущества (*advancement opportunities, benefits, annual raises*). Использование вместо условных предложений позитивно воспринимаемых аргументов, сформулированных как утвердительное предложение (*20% over your base would enable me*), подчеркивает желание кандидата получить именно эту работу и его ожидание конструктивной реакции работодателя. Данный дискурс оказывается эффективным для обеих сторон. Кооперативные стратегии работодателя и кандидата, опирающиеся на объективные критерии, приводят к взаимовыгодному результату.

Коммуникативная ситуация конфликта заключается в столкновении деловых интересов и взглядов, приводящем к серьезному разногласию. Несмотря на то что конфликт иногда производит положительный эффект (разрядка обстановки, выяснение отношений, снятие напряжения), он может вылиться в ожесточенный спор, сопровождающийся взаимными обвинениями, угрозами, оскорблениями и обидами. Как правило, на этапе развития конфликта коммуниканты используют три основных модели поведения: стремятся одержать победу, игнорируют конфликт либо

пытаются найти пути возможного решения. В контексте этих моделей выделяются четыре тактики поведения в конфликте¹⁴.

Агрессивная тактика, тактика избегания и пассивно-агрессивная тактика относятся к конфликтным коммуникативным стратегиям, в разной степени сочетая в себе нападение либо игнорирование партнера. Единственной тактикой, направленной на гармонизацию общения, является ассертивная. Она предполагает ведение конструктивного диалога, в котором партнеры воспринимаются не как враги, а как сотрудники, открыто обосновывающие свои позиции, готовые к компромиссу. Приветствуются сдержанность и уважение. Вербально данная тактика выражается в проявлении интереса, благодарности и признательности, сдержанного юмора, в одобрении, избегании оценок, а также приемах активного слушания. Так, при работе с претензиями применение кооперативной стратегии является единственным выходом в разрешении противоречия.

– *I'm calling about my print material that never arrived.*

– *Oh, yes, Mike, sorry about that. We had a bit of trouble with the computer system*¹⁵.

Выражая готовность загладить свою вину, менеджер пользуется тактикой извинения (*sorry about that*) и объяснения (*we had a bit of trouble*). Тем не менее заказчик продолжает настаивать на своей позиции.

– *I must say I don't think we have to pay full price for this work.*

– *Absolutely. I know how you feel. Look, don't worry, Mike, if you leave it with me, I will sort the invoice out and I'll make sure it doesn't happen again.*

Тактики сопереживания (*I know how you feel*) и самопрезентации (*if you leave it with me, I will...*) помогают направить конфликт к разрешению. В качестве реакции на угрозы также целесообразно придерживаться кооперативной стратегии и демонстрировать готовность исправить ситуацию.

– *Well, I'm sorry to have to say it but if it did happen again, we'd stop using Print-o-Matic.*

– *Mike, don't say a word. It won't happen again.*

– *Ok, well, thanks then.*

Данный пример иллюстрирует возможность гармонизации конфликтной коммуникативной ситуации. Целью коммуниканта в ней является не победа над оппонентом, как часто случается в деловом общении. Единственная верная задача – достойное решение проблемы. Только такой подход позволяет благополучно выйти из конфликта. В нейтральной коммуникации кооперативные стратегии поддерживают доброжелательный фон общения, обеспечивают соблюдение коммуникативного кодекса. Так, в деловой беседе, цель которой – обмен информацией, кооперативная стратегия может реализовываться тактикой иронии.

It was Sam Jakubiec, the credit manager. As he came nearer, she observed that he was holding a slip of paper and his expression was dour.

Seeing Christine, he stopped. "I've been to see your invalid friend, Mr. Wells".

"If you looked like that, you couldn't have cheered him up much".

*"Tell you the truth," Jakubiec said, "he didn't cheer me up either. I got this out of him, but lord knows how good it is"*¹⁶.

В данном дискурсе кооперативная стратегия используется Кристин в попытке изменить негативный настрой собеседника (*"his expression was dour"*). Она обусловлена принципом кооперации. В ходе беседы ирония реализует постулат «Будь доброжелателен» (*"If you looked like that, you couldn't have cheered him up much"*). Собеседник реагирует на попытку приободрить его в негативном ключе, используя сарказм (*"he didn't cheer me up either"*). Своевременное использование кооперативной стратегии не позволило довести ситуацию до стадии конфликта. Настрой на сотрудничество способствовал получению необходимых сведений одним из собеседников.

Итак, кооперативные стратегии и тактики английского делового дискурса выступают мощным инструментом, повышающим эффективность речевого взаимодействия в бизнесе. Практики бизнеса подчеркивают, что эффективным деловым общением можно назвать конструктивную коммуникацию. При этом собеседник воспринимается не как враг, над которым необходимо одержать победу, а как партнер, вместе с которым возможно прийти к общему решению, выгодному как с материальной, так и с нематериальной стороны. Таким образом, конфликтные стратегии в долгосрочной перспективе проигрывают кооперативным. Принцип кооперации, лежащий в основе речевого взаимодействия, действует в ситуациях разной степени конфликтности. Благодаря своему универсальному прагматическому потенциалу кооперативные стратегии могут не только смягчать/разрешать конфликты, но и поддерживать благоприятную атмосферу в ситуациях взаимовыгодного сотрудничества, нейтральных коммуникативных ситуациях. Как видно из примеров, на сегодняшний день данная функция весьма востребована в деловом дискурсе.

Radyuk A.V. Cooperative Communicative Strategies and Tactics as Means of English Business Discourse Harmonization.

Summary: *The article investigates the cooperative communicative strategies and tactics of English business discourse. There is a necessity of harmonization of business discourse as a sphere of positional and interest collision. Harmonization is a process of maintaining cooperative communication leading to mutually beneficial results. The pragmatic properties of cooperative communicative strategies enable the speakers not only to achieve the set goal but also to sustain positive relationship with the partner.*

Ключевые слова

Английский деловой дискурс, лингвопрагматика, гармонизация делового общения, принцип кооперации, коммуникативные стратегии и тактики.

Keywords

English business discourse, linguopragmatics, harmonization of business communication, cooperative principle, communicative strategies and tactics.

Примечания

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998. С. 136–137.
2. Пономаренко Е.В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка). М.: МГИМО-Университет МИД РФ, 2010. 151 с.
3. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 3.
4. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М.: ИНИОН РАН, 2000. С.37-64.
5. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 5.
6. Астафурова Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: лингвистический и дидактический аспекты. Диссертация ... доктора педагогических наук 13.00.02. М., 1997. 324 с. Самохина Т.С. Эффективное деловое общение в контексте разных культур и обстоятельств. М.: Издательство «Р.Валент», 2005. 215 с.
7. Назарова Т.Б., Буданова Б.В. Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2006. Вып. 32. 108 с.
8. Там же. С. 44.
9. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 174.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217-283.
11. Leech G.N. Principles of Pragmatics. New York: Longman Group Limited, 1983. P. 97.
12. Ibid. P. 8.
13. Job Interviews: Salary Negotiations [Electronic resource] / Business English Pod. 2011. URL: <http://www.businessenglishpod.com/2008/06/21/bep-100-adv-job-interviews-salary-negotiation/>
14. Непряхин Н.Ю. Гни свою линию: Приемы эффективной коммуникации. М.: Альпина Паблишерз, 2011. С.121.
15. Hutchinson T. Oxford English Video – Big City (Level 3). Oxford University Press, 2004. – 1 электрон. опт. диск (DVD).
16. Hailey A. Hotel. СПб.: Антология, КАРО, 2008. С. 124.

Проблема энергетической безопасности в начале XXI в.: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

А.В. Деденкулов

В статье рассматривается специфика проблемы энергетической безопасности на современном этапе с точки зрения ее потенциального влияния на международные отношения. Обобщая прогнозы развития мировой энергетики до 2030–2035 гг., автор выделяет «болевые точки», элементы энергобезопасности, которые будут наиболее актуальны в течение рассматриваемого периода. Проводится мысль о важности оперативного учета наблюдающихся изменений глобального «энергетического ландшафта» при формировании внешнеполитического курса России.

Проблема энергетической безопасности чрезвычайно многогранна. Ее объективные характеристики и субъективное восприятие зависят от степени обеспеченности страны ископаемыми видами топлива, ее географического положения, уровня жизни и социально-экономического развития, исторических и актуальных внешнеполитических реалий, состояния соответствующей инфраструктуры, пригодности природных условий для развития альтернативной энергетики, наконец, культурных и мировоззренческих особенностей местных элит. А потому специфика проблемы энергетической безопасности может существенно отличаться от региона к региону и от страны к стране. Это становится очевидным при сопоставлении ЕС, реализующего Третий энергетический пакет, и развивающихся стран, где многие домашние хозяйства по-прежнему не имеют доступа к современным энергетическим услугам. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), 1,4 млрд людей, т.е. более 20% мирового населения, не имеют доступа к электроэнергии. Большинство этих людей проживают в сельской местности, в странах Африки, расположенных

южнее Сахары, Индии и прочих развивающихся азиатских странах.

На основании обобщения наиболее авторитетных прогнозов¹ «картина будущего» мирового ТЭК с горизонтом прогнозирования до 2030–2035 гг. представляется следующим образом.

Несмотря на снижение темпов роста промышленного производства и структурные проблемы в области государственных финансов и кредитном секторе, испытываемые странами «золотого миллиарда» на современном этапе, потребление энергии и спрос на первичные энергоносители в мировом масштабе будет расти весьма высокими темпами. «Мотором» роста будут увеличение численности населения и опережающие темпы экономического развития в странах, ныне классифицируемых как «развивающиеся» (регионов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки). Эти процессы будут сопровождаться постепенным приближением стандартов потребления населения развивающихся стран к докризисным стандартам нынешних развитых индустриальных и постиндустриальных обществ. Принимая во внимание, что в основе современ-

Деденкулов Алексей Владимирович – аспирант кафедры европейской интеграции МГИМО(У) МИД России, атташе Посольства России в Венгрии. E-mail: dedenkulov@russia.hu

ной западной культуры потребления лежит именно энергетика (а точнее – дешевая и доступная нефть), очевидно, что с изменением «географии благосостояния» будет меняться и «мировая карта энергопотребления». Именно в развивающиеся страны – т.е. государства, не входящие в ОЭСР, – постепенно будут перемещаться не только основные центры производства, но и крупнейшие центры потребления, оттесняя Европу и Северную Америку. Ближневосточный регион укрепит свое лидерство в производстве, а регионы Восточной и Юго-Восточной Азии выйдут на ведущие позиции в потреблении, все еще сохраняя при этом весьма существенный потенциал роста.

Структура энергопотребления не претерпит революционных изменений, хотя доля альтернативных источников энергии будет увеличиваться. Согласно консервативным сценариям, мировой «энергетический рацион» будет по-прежнему состоять преимущественно из углеводородного сырья и выглядеть приблизительно следующим образом: нефть – 28%, природный газ – 25%, уголь – 22%, возобновляемые источники энергии (ВИЭ) – 18%, АЭС – 7%. Серьезный импульс к развитию получит электроэнергетика.

Итак, проблема энергетической безопасности имеет политическое, геополитическое, социально-экономическое, экологическое, научно-техническое, гуманитарное, культурное и даже «ценностно-цивилизационное» измерения. На основании составленной с использованием количественных прогнозов «картины будущего» представляется возможным выделить те элементы – своеобразные «болевы точки» – глобальной энергетической безопасности, которые будут наиболее актуальны в течение последующих двух десятилетий:

- ограниченность запасов нефти и других видов ископаемого топлива (проблема т.н. «нефтяного пика»);
- зависимость от внешних источников поставок энергоносителей;
- увеличение важности геополитического измерения;
- «энергетическая бедность» в сочетании с быстрорастущими потребностями ряда развивающихся стран (Китая, Индии и др.) в энергии;
- экологическая, в частности климатическая, проблематика;
- перспективы развития возобновляемой энергетики и нетрадиционных видов топлива;
- противоречие между экономической целесообразностью и ростом мирового населения.

Дадим каждому из них более детальную характеристику.

1) Ограниченность запасов нефти, а также – в меньшей степени – других видов ископаемого топлива (проблема т.н. «нефтяного пика») оказывает колоссальное воздействие на современные международные отношения, ход экономического и научно-технического развития стран мира.

Спектр угроз и дилемм, связанных с ограниченностью ресурсов углеводородного сырья в глобальном контексте, весьма широк. Это обусловлено

системообразующим характером фактора дешевой нефти в современной модели мировой экономики и международных отношений. К примеру, рост цен на углеводороды ведет к росту стоимости топлива, а значит – увеличению транспортных издержек, закладываемых в конечную цену продукта. При прочих равных условиях транспортные издержки пропорциональны дальности поставки продукта. Это обстоятельство имеет немаловажное значение с учетом того, что нынешняя мировая экономика характеризуется удаленностью основных центров производства и потребления по отношению друг к другу: в частности, Восточной и Юго-Восточной Азии от североамериканского и европейского рынков. Так, при определенном уровне цен на нефть стоимость американской стали на американском рынке оказывается ниже китайской даже с учетом более высокой стоимости рабочей силы в США по сравнению с Китаем².

В конечном итоге это приводит к активизации политико- и экономико-дипломатических усилий государств, военно-политических блоков и интеграционных объединений в интересах обеспечения бесперебойного энергоснабжения по приемлемым ценам, с одной стороны, и стимулирования соответствующей научно-технической деятельности – с другой. Причем второе имеет отнюдь не меньшее значение. Причины становятся понятны при сопоставлении объемов разведанных запасов нефти и газа, с одной стороны, и «извлекаемых» – с другой.

Разведанных на сегодняшний день энергетических ресурсов достаточно, чтобы удовлетворить спрос в течение более чем 40 лет³. Потенциал природного газа еще более велик: только доказанные запасы составляют свыше 180 трлн кубометров. Этого количества при нынешних темпах добычи хватит еще более чем на 60 лет. Однако на сегодняшний день нет уверенности в том, что существующие ресурсы будут разрабатываться достаточно быстро, чтобы удовлетворить прогнозируемый растущий спрос. Сокращение объемов добычи на действующих месторождениях составляет 6,7%. В долгосрочной перспективе эта тенденция сохранится, что обусловлено уменьшением среднего размера месторождений, и сокращение объемов добычи составит 8,5%. Кроме того, наметилась тенденция роста затрат на единицу продукции, что обусловлено введением в эксплуатацию месторождений со все более сложными условиями добычи, например шельфовых месторождений. Учитывая, что новые предполагаемые месторождения, как правило, находятся в еще более труднодоступных районах с тяжелейшими условиями добычи (например, в Арктике), а внедрение соответствующих новых технологий требует времени, можно утверждать, что эта тенденция сохранится в долгосрочной перспективе. Таким образом, трудно прогнозировать, какой будет цена разведки и разработки новых месторождений в течение следующих двух десятилетий, но очевидно, что она будет довольно высокой и будет иметь тенденцию к повышению (в частности, такую оценку дал В.В. Путин на Форуме стран-экспортеров газа)⁴.

Это означает необходимость увеличения инвестиций в разведку и добычу. Для нефтяной отрасли, например, только чтобы компенсировать прогнозируемый рост темпов падения добычи, необходимо обеспечить инвестициями ввод новых мощностей в объеме 1 млн б/д, что эквивалентно докризисным добывающим мощностям Алжира. И это без учета перспективы дальнейшего сокращения добычи в ряде стран Ближнего Востока, весьма вероятного в свете нынешней взрывоопасной ситуации в регионе.

Таким образом, кумулятивные потребности энергетического сектора в инвестициях на период до 2030 г. оцениваются примерно в 17 трлн долл., или около 350 млрд долл. ежегодно, по оценкам МЭА⁵. При этом мировой экономический кризис может привести к дефициту глобального энергетического баланса. Кредитный кризис, безусловно, значительно осложнит аккумулирование средств для разработки новых месторождений: большинство нефтегазовых компаний, включая «Газпром», уже урезали инвестиционные программы. Однако мировой экономический кризис, очевидно, не повлечет за собой сокращение спроса на углеводороды, а лишь уменьшит темпы его роста. В этой ситуации мир вскоре может столкнуться с физической нехваткой добывающих мощностей. Безусловно, это вызовет приток инвестиций в добычу, но эффект последует с временным лагом. Растущая роль национальных компаний и добывающих государств в ТЭК, а также усиление протекционизма повышают опасность недоинвестирования. Следовательно, обеспечение инвестиций в разведку и разработку является одним из важнейших вызовов, стоящих перед энергетической отраслью и мировой экономикой в целом.

В связи с этим обращает на себя внимание наличие существенных различий в подходах к обеспечению энергобезопасности между нетто-импортерами и нетто-экспортерами. Данное обстоятельство усугубляет риски недоинвестирования. Однако в последние годы все отчетливее слышны голоса сторонников «справедливого распределения издержек и рисков», выступающих за «интеграцию» интересов всех сторон – потребителей, поставщиков и транзитеров – с использованием международно-правовых механизмов⁶. Согласно этой логике, энергетическую безопасность – в широком понимании – следует определять как устранение угрозы того, что энергетический фактор станет потенциальным препятствием для экономического роста страны в долгосрочной перспективе. Страны-импортеры должны иметь гарантии поставок энергоресурсов в объеме и на условиях, достаточных для поддержания необходимых темпов роста экономики. Страны-поставщики должны иметь гарантии спроса и получения прибыли, достаточной для расширенного воспроизводства ТЭК при том, что значительная часть полученных средств может быть изъята государством и перераспределена для развития несырьевых отраслей экономики. Отсюда вытекает концепция справедливого распределения прибылей и рисков.

Проблема «исчерпаемости» ресурсов нефти и газа обусловлена не столько ограниченностью их физических объемов, сколько уровнем развития технологий, предопределяющим ту или иную степень их извлекаемости при экономически допустимых сопутствующих издержках. Так, по-прежнему неясно, насколько экономически целесообразной будет добыча огромных ресурсов Канадских нефтеносных песков и нефтеносного пояса Ориноко, оцениваемых в 170 млрд баррелей и 500 млрд баррелей соответственно. Стало быть, они продолжают существовать как данность геологическая, однако вопрос о том, станут ли они данностью экономической, остается открытым. Таким образом, до тех пор, пока стоимость производства нетрадиционной нефти превышает ту, что может позволить экономика, с экономической точки зрения неважно, насколько большие ресурсы хранят в себе нефтяные пески. В то же время темпы развития, экономического освоения и распространения технологий добычи нетрадиционных углеводородов, а также исторический опыт в области научно-технического прогресса позволяют предположить, что уже в нынешнем десятилетии сланцевый газ – а впоследствии, возможно, и нефть – могут с высокой долей вероятности стать определяющими факторами развития мирового ТЭК.

Иными словами, принципиальное значение имеет не то, каковы объемы нефти, а то, каковы объемы доступной дешевой нефти. Поскольку именно дешевая нефть лежит в основе благосостояния «золотого миллиарда», постиндустриальной культуры потребления и экономической глобализации, понимаемой, прежде всего, как увеличение объемов мировой торговли.

Представляется, что вопрос дешевой нефти и доступа к ней продолжит оставаться одним из системообразующих факторов эволюционирующей системы международных отношений и приобретет еще большее значение в течение рассматриваемого периода. С тем лишь отличием, что в борьбу за контроль над ним включатся новые игроки.

2) Ограниченность нефтяных и прочих углеводородных ресурсов «усугубляется» зависимостью от внешних источников поставок энергоносителей. Запасы нефти и газа распределены крайне неравномерно. 61% мировых доказанных запасов нефти приходится на страны Ближнего Востока; 56% мировых запасов газа – на Россию, Иран и Катар. Европейские страны (без учета России и стран СНГ) располагают лишь 1,4% мировых доказанных запасов нефти и 3,2% – газа. По нефти до 2035 г. прогнозируется усиление концентрации источников импорта: 90% прироста производства будет обеспечено странами Ближнего Востока и в меньшей степени – Северной Америки.

В отличие от первого в данном аспекте доминирует не экономическая, а политическая составляющая. Неравномерность распределения углеводородных ресурсов по странам мира усугубляется тем, что основные центры потребления удалены от основных центров производства. Более того, крупнейшие потребители представлены главным

образом демократическими странами с диверсифицированной постиндустриальной экономикой, расположенными главным образом в Западной Европе и Северной Америке. В то же время среди основных экспортеров энергоресурсов преобладают развивающиеся страны с ресурсоориентированной экономикой и недемократической политической системой. В этой связи примечательна наметившаяся тенденция углубления сотрудничества между т.н. странами государственного капитализма, к числу которых западные эксперты относят как нефтедобывающие страны Ближнего Востока, так и Россию с Китаем. Эти обстоятельства предопределяют наличие идеологического подтекста проблемы энергетической безопасности.

В данном контексте следует обратить внимание на серьезные структурные изменения в нефтегазовой промышленности. Положение за последние десятилетия развитых экономик стран-импортеров дополняется и усиливается еще и тенденцией к укреплению в странах-экспортерах национальных нефте- и газодобывающих компаний. По мере распространения технологий идет процесс усиления контроля за ресурсами со стороны соответствующих государств и национальных компаний, вследствие чего иностранные компании привлекаются все в меньшем объеме и только в случае, если это необходимо⁷. В большинстве стран со значительными запасами углеводородов именно национальные компании доминируют в секторе разведки и добычи, а иностранные либо не имеют права владеть запасами, либо их деятельность более или менее жестко ограничивается. Многие западные компании уже испытывают сложности с воспроизведением доказанных запасов и расширением добычи. Эта тенденция, вероятно, получит продолжение. На сегодняшний день крупные компании западных стран контролируют около 40% мировой добычи нефти и чуть более 50% добычи газа; к 2030 г. их доля, вероятно, сократится до 35 и 40% соответственно. Представляется, что фактором, способным сыграть против этой тенденции на пользу традиционным мировым лидерам отрасли, может стать дальнейшее развитие добычи нетрадиционных нефти и газа, тесно связанное с обладанием новыми технологиями.

Наличие упомянутого «идеологического нерва» предопределяет восприятие странами-импортерами собственной зависимости от зарубежных источников энергоресурсов как одной из важнейших угроз национальной безопасности. Это соображение было лаконично сформулировано в 2006 г. президентом США Дж. Бушем-младшим в своем ежегодном послании Конгрессу: «Поддержание конкурентоспособности Соединенных Штатов невозможно без обеспечения доступа к энергии по приемлемым ценам. Однако здесь мы сталкиваемся с большой проблемой: Соединенные Штаты зависимы от нефти, значительная доля которой импортируется из нестабильных регионов мира. Наилучший способ вырваться из этой зависимости – через развитие технологий»⁸. Однако, как показывает практика, к сожалению,

не единственный. Вопрос о формах, которые будут принимать усилия стран-импортеров, с одной стороны, и стран-экспортеров – с другой, в области энергетической дипломатии, на наш взгляд, составляет одну из основных «интриг» международно-энергетической проблематики и международных отношений в целом на всем протяжении рассматриваемого периода.

3) Вследствие вышеизложенного растет важность геополитического измерения, причем как с точки зрения влияния «энергетических мотивов» на формирование внешнеполитического курса, так и с точки зрения воздействия политических потрясений на ТЭК отдельно взятых стран и регионов.

В условиях истощения запасов относительно доступных и дешевых углеводородов последние становятся критически важным универсальным ресурсом, контроль над которым предоставляет государству либо группе государств существенное конкурентное преимущество по сравнению с остальными. Упомянутый выше наметившийся «водораздел» между импортерами и экспортерами «вдыхает новую жизнь» в старые геополитические «расклады» и имеет шансы стать одним из основных «сюжетов» международных отношений XXI в.

На протяжении десятилетий США инвестируют огромные средства в обеспечение своего военного присутствия в «энергетически важных» регионах мира. Однако в последние годы можно наблюдать, что и другие крупные страны вынуждены наращивать военные расходы и втягиваться в международные споры, преследуя свои цели в области энергетики. В качестве примеров можно рассматривать, в частности, активизацию Пекина, Токио, Дели и Сеула в «энергетически богатых» государствах Ближнего Востока и Африки. В 2004 г. Китай обнародовал военную доктрину, предусматривающую выполнение «новых исторических задач» по защите «национальных интересов» Поднебесной, в число которых входит обеспечение безопасности международных морских путей для доступа к зарубежной нефти. По данным аналитического центра RAND, имеющего связи с военными, сейчас КНР обладает 29 подводными лодками по сравнению с лишь восемью в 2002 г. В августе 2011 г. Китай провел морское испытание своего первого авианосца.

Однако в условиях наметившейся тенденции к глобальной деидеологизации международной экономики и международных отношений⁹ есть все основания полагать, что линии «дипломатических фронтов» XXI в. будут существенно отличаться от своих аналогов предшествующего столетия, включая и его последнее десятилетие. Представляется, что энергетика сыграет в этом процессе немаловажную роль.

Таким образом, мы можем констатировать не только влияние геополитических факторов на энергетику, но и обратное влияние. Причем представляется, что последнее будет тем заметнее, чем большую силу будет набирать упомянутый выше процесс деидеологизации мировой экономики и

дипломатии. В результате мы можем стать свидетелями существенной переоценки государствами своих внешнеполитических приоритетов и, как следствие, масштабного «переформатирования» нынешней системы международных отношений, характеризующейся определенными союзническими и партнерскими связями. Подтверждением этому могут служить, например, уже упоминавшееся активное сближение Китая с рядом богатых ресурсами стран и резкий рост внешнеполитической активности ряда европейских стран на ближневосточном, центральноазиатском и закавказском направлениях.

4) Одной из «движущих сил» дипломатической борьбы за доступ к энергоресурсам является сохраняющаяся «энергетическая бедность» в сочетании с быстрорастущими потребностями ряда развивающихся стран (Китай, Индии и др.). По прогнозам, к 2030 г. численность мирового народонаселения возрастет до 8 млрд человек.

Стремление к контролю за энергоресурсами обусловлено не только желанием обладать конкурентным преимуществом, но и насущными потребностями национальных экономик. На первый взгляд как в развитых, так и в развивающихся странах эти потребности заключаются главным образом в обеспечении адекватных темпов роста производства и уровня потребления. Однако это внешнее сходство целей обманчиво. Энергоемкость экономического роста в развитых странах достаточно низка, а в обозримом будущем, возможно, и вовсе будет нулевой. Темпы же демографического и экономического роста в развивающихся странах столь велики, что их растущие энергетические потребности и активизация направленной на их удовлетворение дипломатической деятельности не могут не стать одними из системообразующих факторов международных отношений в рассматриваемый период. В связи с этим следует учитывать, что бурно растущие экономики Китая, Индии, Бразилии и ряда других стран могут столкнуться с опережающим – по отношению к темпам повышения благосостояния населения – ростом ожиданий населения. Последнее может потребовать от соответствующих внесения коррективов в политику и стратегию развития ТЭК.

Страны «золотого миллиарда» столь долго играли роль своеобразной идеальной потребительской модели, что познающие «прелести» цивилизации общества крупных, быстро развивающихся стран едва ли готовы будут сознательно ограничивать свои растущие энергетические потребности. Не последнюю роль в этом играют огромные диспропорции на мировых энергетических рынках: сегодня относительно небольшие по населению развитые капиталистические страны потребляют «львиную долю» энергии, тогда как сотни миллионов людей в развивающихся странах живут в условиях энергетической бедности. В этой ситуации уместно использование категории «исторической справедливости», которая, к слову, так или иначе учитывается в ходе международных переговоров на «климатическом поле».

Кроме того, события 2011 г., получившие название «арабской весны», дают основания полагать, что в случае весьма возможного обострения внутривнутриполитической обстановки вероятность дальнейшего использования авторитарными режимами энергетически богатых стран своих природных богатств для подкрепления собственной легитимности путем улучшения экономического благосостояния населения будет повышаться. Рост внутреннего потребления будет происходить как в странах, претендующих в будущем на роль крупнейших нетто-импортеров углеводородов (Китай, Индия), так и в странах нетто-экспортерах (Саудовская Аравия). В обоих случаях это чревато политизацией энергетических связей, ростом конфликтогенности энергетической проблематики международных отношений и ослаблением позиций «старых» центров потребления. Не исключено, что в будущем уже последним придется вступать в конкуренцию за импорт углеводородов.

5) Экологическая, в частности климатическая, проблематика в последние годы приобрела большое политическое и экономическое значение в международной повестке дня.

Стоит отметить, что «экологический, или климатический, мотив» все чаще и отчетливее прослеживается не только в политических и экономических решениях соответствующих элит, но и в ежедневном образе жизни сотен миллионов людей.

При всем многообразии и немалом количестве научных изысканий, посвященных влиянию антропогенного фактора на глобальное изменение климата, следует исходить из того, что объективно наличие достоверной и значимой взаимосвязи между эмиссией парниковых газов и процессом глобального потепления не доказано. Таким образом, мы можем ограничиться констатацией двух фактов. Во-первых, значимость климатической проблематики в глобальной повестке дня весьма высока и продолжает расти. Во-вторых, многие тезисы климатической политики уже превратились в политические и экономические императивы правительств. Таким образом, в практическом плане мы вполне можем исходить из того, что вышеупомянутая причинно-следственная связь существует.

Следует исходить из растущего осознания правительствами того, что – даже без учета глобального потепления – развитие альтернативных источников энергии является чрезвычайно перспективным направлением экономической деятельности, сулящим, помимо всего прочего, немалые политические, технологические, военно-технические, наконец, «имиджевые» дивиденды. В рассматриваемый период альтернативная энергетика будет важным элементом технологической гонки и одним из основных факторов глобальной конкурентоспособности.

6) В настоящее время экологичность того или иного источника энергии уже превратилась в экономическую категорию, в связи с чем особого внимания заслуживают перспективы развития возобновляемой энергетики и нетрадиционных видов топлива.

Влияние технологий на энергетику трудно переоценить, а изучение научно-технического аспекта является необходимым и одним из важнейших элементов прогнозирования. С этой точки зрения показательна история развития энергетических технологий от использования древесного сырья в качестве топлива и парового двигателя до получивших весьма широкое применение со второй половины XX в. технологий возобновляемой энергетики. Здесь прослеживается хотя и условная, но все же показательная закономерность: в среднем раз в пятьдесят лет появляется новый источник энергии, которому требуется 40–50 лет для того, чтобы, как минимум, получить существенное развитие, а как максимум – стать основным источником энергии. Как справедливо отмечает «ExxonMobil», прогнозирующая до 2030 г. продолжение «постепенных сдвигов в энергетике и технологиях», такие перемены «всегда носят эволюционный характер, но зачастую имеют революционные последствия»¹⁰. Влияние технологий сегодня заметно во многих сегментах ТЭК: от разведки, добычи и транспортировки ископаемого топлива до использования возобновляемых источников энергии и энергосбережения.

Одним из наиболее перспективных направлений и после «Фукусимы» по-прежнему остается развитие атомной энергетики. С политической точки зрения – даже с учетом механизма контроля МАГАТЭ – регистрируемый рост числа т.н. «пороговых стран» является источником угрозы и нестабильности. Кроме того, экологи высказывают опасения в связи с катастрофическими последствиями потенциальных аварий и неоднозначным вопросом утилизации и хранения радиоактивных отходов. Однако с точки зрения непосредственной эксплуатации АЭС в целом считаются экологичным источником энергии.

Представляется, что атомная энергия – помимо прочего – обладает весьма существенным потенциалом с точки зрения глобальной климатической политики и международных переговоров под эгидой Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В развернувшейся между развитыми и развивающимися странами дискуссии о выборе между «историческими моделями развития» и альтернативными путями выстраивания ТЭК на основе новых низкоуглеродных технологий, атомная энергия может стать компромиссным решением вопроса о распределении издержек. Тем более оно соответствует уже наметившемуся основному направлению поисков – через содействие развитых стран развивающимся в получении доступа к низкоуглеродным технологиям. Подтверждением этому служат планы развития энергетики ряда крупных стран, подразумевающие наращивание мощностей АЭС. Так, Индия планирует повысить долю АЭС в энергобалансе с нынешних 3 до 25%. По оценкам МЭА, к 2030 г. на эту цель в мировом масштабе будет выделено 200 млрд долл. В то же время показателен японский опыт: до катастрофы на «Фукусиме» Токио намеревался увеличить долю АЭС в электрогенерации с 30 до 50%, тогда

как после решил максимизировать долю солнечной и ветровой энергетики. Учитывая, что причиной катастрофы стало цунами, вызванное землетрясением, следует признать, что влияние такого рода «форс-мажора» на планы других государств по развитию АЭС также исключать не стоит.

Высокими темпами идет развитие прочих низкоуглеродных технологий и видов альтернативной энергетики: гибридных автомобилей и электромобилей, солнечной, ветровой, геотермальной, биоэнергетики, энергетики приливов. Немаловажно значение технологий в добыче нетрадиционных углеводородов и транспортировке газа. С точки зрения динамики соотношения прибыли и издержек наиболее перспективной на сегодняшний день признается ветровая энергетика.

В качестве многообещающего направления следует выделить производство энергии из искусственно выращиваемых фотосинтетических водорослей, особенно с учетом растущего мирового спроса на автомобильное топливо и целей по сокращению эмиссии диоксида углерода. Среди конкурентных преимуществ этого сырья – экологичность и возможность использования без инвестиций в создание новой инфраструктуры. Немаловажно и то, что – в сравнении с прочими источниками биотоплива – выращивание водорослей не требует использования пахотных площадей, а значит, не окажет негативного влияния на производство продовольствия. На данный момент крупный международный частный капитал вышел на качественно новый этап, провозгласив на ближайшее десятилетие цель наладить производство топлива из водорослей в коммерческих масштабах. Так, компания «ExxonMobil» планирует вложить в проект по производству биотоплива из фотосинтетических водорослей, запущенный в июле 2009 г., свыше 600 млн долл.

С учетом прогнозируемого роста мирового автопарка личного пользования и доли гибридных авто (с 1% сегодня до 15% в 2030 г.) все более очевидным становится значение научно-технической и инженерной деятельности по сокращению расхода топлива за счет усовершенствования материалов, двигателей, масел, шин и пр.

Очевидно, одной из специфических особенностей энергетики является определяющая роль технологий, в силу чего любой средне- и долгосрочный прогноз требует учета возможности «технологического прорыва», способного сыграть ключевую роль (что в западной литературе принято называть «game changer»).

7) Наконец, философское измерение проблемы энергетической безопасности, лежащее в плоскости футуристики, заключается в подходах ко все более злободневной дилемме: противоречию между экономической целесообразностью и ростом народонаселения. По прогнозам, к 2030 г. количество домашних хозяйств в мире вырастет на 900 млн, соответственно объемы их энергопотребления – на четверть. При этом 90% роста придется на страны, не входящие в ОЭСР. «Львиная доля» этого прироста будет обеспечена за счет газа и электричества.

Иными словами, уже сейчас стоит вопрос о том, как при нынешних темпах роста народонаселения планеты и дальнейшем повышении потребительских стандартов обеспечить энергетические потребности человечества. Представляется, что ответ на него может быть комплексным. Вероятно, он будет включать как меры по изысканию новых источников энергии, с одной стороны, так и меры по ограничению потребления – с другой. Причем последний аспект представляет не меньший по сравнению с первым интерес. «Глубина» мер здесь может варьироваться от наблюдающегося сейчас повышения энергоэффективности и энергосбережения до изменения потребительских моделей и привычек широких слоев населения и, наконец, весьма радикальных мер по ограничению роста населения. Очевиден огромный потенциал влияния этих мер на весь спектр актуальных политических и экономических проблем мира.

С учетом вышеизложенного представляется, что в ближайшие 20 лет следует ожидать роста значимости вопросов энергетической безопасности в глобальной повестке дня. Этот процесс будет сопровождаться повышением внимания к экологическому аспекту энергетической безопасности; усилением взаимосвязи энергетической дипломатии с экономикой, политикой, геополитикой; активизацией разновекторных усилий правительств в конкурентной борьбе за влияние на поставщиков и транзитеров, а также за контроль над ресурсной базой, путями доставки и технологиями.

К этому списку хотелось бы добавить и активизацию глобального диалога между производителями и потребителями, направленного на повышение стабильности в мировой энергетике путем поиска взаимовыгодных решений. Однако факты не позволяют нам быть столь оптимистичными. Кампания США и ЕС по введению нефтяного эмбарго против Ирана и Сирии является примером «энергетического шантажа» со стороны стран-импортеров. В то же время отказ Пекина поддерживать санкции и осторожная позиция Дели (на Китай и Индию вместе с Японией и Южной Кореей приходится около 50% иранского нефтяного экспорта) демонстрируют глубину назревших перемен.

Глобальный финансовый и экономический кризис 2008 г., вылившийся в европейский долговой кризис и кардинально ускоривший «ползучее» – но от этого едва ли более контролируемое – реформатирование всей мировой экономики, оказал заметное влияние и на энергетику. Отпечаток кризисных явлений нынче несут на себе многие ее сегменты и аспекты: от обозначенной несколько лет назад угрозы недофинансирования разведки и добычи до становящегося после саммита в южноафриканском Дурбане все более очевидным срывом сроков реализации глобальной климатической повестки дня. В то же время представляется, что воздействие экономического кризиса на мировой ТЭК не стоит переоценивать. Во-первых, за последние два с лишним года в мире энергетики произошел

ряд не связанных с кризисом непрогнозируемых, но знаковых событий, в короткие сроки в той или иной степени изменивших «облик» ТЭК. Среди таковых можно выделить крупный разлив нефти на объекте компании «BP» в Мексиканском заливе, инцидент на японской АЭС «Фукусима», а также сбой в поставках нефти и газа из ряда североафриканских и ближневосточных стран вследствие событий т.н. «арабской весны» 2011 г. Во-вторых, не привнеся ничего принципиально нового, кризис стал катализатором наметившихся тенденций: «дрейф» энергетического спроса из развитых стран в развивающиеся ускорился; ведущие энергетические компании «золотого миллиарда» столкнулись с обострившейся конкуренцией со стороны национальных компаний нефте- и газодобывающих стран; в условиях упадка традиционных и роста амбиций потенциальных мировых лидеров вырос «традус» борьбы за доступ к относительно дешевым источникам энергии. Таким образом, экономический кризис способствовал «расчистке площадки» для наблюдавшихся ранее «тектонических сдвигов» и их закреплению в качестве определяющих тенденций мировой энергетики.

Более того, есть все основания полагать, что из экономического кризиса мировая экономика, которая, думается, еще не достигла своего «дна», выйдет существенно обновленной. От глубины экономических перемен будет зависеть то, в какой степени процессы реформатирования затронут энергетику. Чем очевиднее будет становиться невозможность дальнейшего экономического роста и повышения уровня жизни на нынешней производственной основе, тем быстрее мир будет приближаться к началу новой технологической эры, характеризующейся использованием нового вида топлива в качестве основного.

Очевидно, упомянутые тенденции таят в себе значительный потенциал не только вызовов, но и возможностей с точки зрения национальных интересов России. Представляется, что в свете описанной выше конъюнктуры энергетических рынков стоящие перед страной приоритеты можно сформулировать следующим образом:

– осуществление «новой индустриализации», строительство современной инновационной экономики, на базе эффективного использования национальных углеводородных ресурсов с учетом стратегических целей развития страны. Как утверждалось в предвыборных программных статьях Президента России В.В. Путина, приоритетными отраслями в процессе строительства «новой экономики» будут фармацевтика, высокотехнологичная химия, композитные и неметаллические материалы, авиационное, информационно-коммуникационные и нанотехнологии, атомная промышленность и космос. Все эти отрасли – в той или иной степени – могут и должны выстраиваться на основе отечественного ТЭК. С учетом того, что из углеводородов можно производить широчайший спектр продуктов (синтетические протеины, удобрения, ирригационные трубы, упаковочные материалы, синтетические волокна, фармацевтические товары,

■ Свежий взгляд

инсектициды, фунгициды, разнообразные строительные материалы и т.д.), продажа их на рынке по ценам, близким к текущим издержкам производства, может в наибольшей мере служить целям экономического развития;

– гибкое, эффективное и оперативное использование наблюдающегося переформатирования мировых рынков углеводородов с учетом роста новых центров потребления (Китай, Индия) и производства (например, Катар и Австралия – по СПГ). Это потребует укрепления традиционных партнерских отношений с ЕС (и в особенности – с Германией), как основным экспортным рынком отечественных углеводородов, активизации координации по линии Евразийского экономического союза, БРИКС, форумов стран-экспортеров газа и нефти;

– повышение эффективности и совершенствование форм внешнеэкономической деятельности крупнейших российских компаний (таких, как «Газпром», «Роснефть», «Зарубежнефть», «Росатом», «ВЭБ», «Сбербанк» и т.д.), в т.ч. за счет постепенного создания для некоторых из них более конкурентной среды на отечественном рынке;

– наконец, эффективная конвертация глобального энергетического потенциала России в потенциал экономический, финансовый и техно-

логический. На практике – использование весьма существенных финансовых ресурсов и экспертизы российских энергетических компаний и механизма международного сотрудничества в интересах модернизации для снижения энергоемкости российской экономики, а также осуществления качественного рывка в области технологий возобновляемых источников энергии, добычи нетрадиционных газа и нефти, производства и транспортировки СПГ.

Это лишь общий и далеко не полный перечень актуальных тенденций и рекомендаций. Внешнеполитический и внешнеэкономический аспекты российской стратегии на конкретных направлениях представляют собой перспективное и любопытное поле для дальнейшего анализа.

Dedenkulov A. V. The Problem of Energy Security in the Early 21st Century: Challenges and Opportunities.

Summary: *The article analyses the present-day specifics of energy security and its potential impact on international relations. Generalizing the global energy forecasts up to 2030-2035 the author singles out “points of tenderness”, the elements of global energy security fraught with tension in the years to come. The article emphasizes the urgent need of the current developments in the global “energy landscape” to be considered in the framework of the Russian foreign policy.*

Ключевые слова

Энергетическая безопасность, тенденции развития мировой энергетики, вызовы и возможности, международные отношения, Европейский союз, национальный интерес, приоритеты внешней политики России.

Keywords

Energy security, development trends of global energy industry, challenges and opportunities, international relations, European Union, national interest, Russian foreign policy priorities.

Примечания

1. См.: World Energy Outlook - 2011: International Energy Agency (www.iea.org), International Energy Outlook 2011: U.S. Department of Energy (www.eia.gov), BP Energy Outlook 2030, January 2011 (www.bp.com).
2. См., например: Rubin J. Why your world is about to get a whole lot smaller: oil and the end of globalization / J. Rubin – Random House, 2009.
3. Key world energy statistics – 2008 [Электронный ресурс] // Международное энергетическое агентство: [web-сайт]. <http://www.iea.org/textbase/nptoc/key_stats_2008.pdf> (5.02.2009).
4. <http://www.energyland.info/news-show-17314>
5. World energy prospects and challenges [Электронный ресурс] / F. Birol // Международное энергетическое агентство : [web-сайт]. <<http://www.iea.org/textbase/papers/2006/birol.pdf>> (10.02.2009).
6. Подробнее см.: Конопляник А.А. Договор к Энергетической хартии – правовая основа энергетического сотрудничества России и Европейского сообщества: (ДЭХ и проблемы транзита энергоресурсов) / А.А. Конопляник. М.: МГИМО(У) МИД России, 2003; Селиверстов С.С. Энергетическая безопасность Европейского союза (международно-правовые аспекты) / С.С. Селиверстов. М.: Издательский Дом «Финансовый контроль», 2007; Кавешников Н.Ю. Взгляд с разных концов трубы [Электронный ресурс] / Н. Ю. Кавешников // Журнал «Мировая энергетика» : [web-сайт]. <http://www.worldenergy.ru/mode.1369-id.28208-type.html> > (5.02.2008).
7. См., например: Закат «бездомных грандов»? [Электронный ресурс] / Фейгин В. И. // Журнал «Россия в глобальной политике» : [web-сайт]. 27.10.2006. <http://www.globalaffairs.ru/numbers/22/6352.html> > (15.12.2008). Тенденция, однако, отнюдь не новая и прослеживается еще с середины XX в., когда нефтедобывающие страны начали борьбу против неокOLONIALных соглашений по эксплуатации их недр компаниями нефтяного картеля. См., например: Шевалье Ж. М. Нефтяной кризис / Ж. М. Шевалье. М.: Издательство «Прогресс», 1975.
8. President Bush's State of the Union Address [Электронный ресурс] / Газета «The Washington post» : [web-сайт]. 31.01.2006. <www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/31/AR2006013101468.html> (7.03.2012).
9. Автор полагает тенденцию к глобальной деидеологизации именно наметившейся, исходя из того, что после краха коммунистической доктрины в середине 80-х гг. и вплоть до мирового финансового кризиса 2008 г. международные отношения характеризовались не деидеологизированностью, как утверждают многие исследователи, а господством триумфально преодолевшей период межблокового противостояния капиталистической идеологии. Это становится все более очевидно сейчас, когда правительства ищут выход из кризиса на пути пересмотра экономических и внешнеполитических догм прошлого столетия.
10. Outlook For Energy: A View to 2030 [Электронный ресурс] / Компания «Exxon Mobil»: [web-сайт]. 2009. <http://www.exxonmobil.com/Corporate/Files/news_pub_eo_2009.pdf> (10.10.2011).

ШОС как инструмент региональной интеграции: проблемы расширения

О.Ю. Колегова

В статье анализируется процесс формирования и развития Шанхайской организации сотрудничества, которая явилась ответом государств-основателей этого объединения на усиление угрозы терроризма, сепаратизма и экстремизма после окончания холодной войны.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой региональную, действующую на постоянной основе международную организацию, основанную в июне 2001 г. главами Казахстана, Китая, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. В предыдущий период эти страны, за исключением Узбекистана, являлись представителями «шанхайской пятерки», политического объединения, базирующегося на двух соглашениях – «Соглашении об укреплении доверия в военной области в районе границы» (Шанхай, 1996)¹ и «Соглашении о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы» (Москва, 1997)².

Данные документы заложили основу взаимного доверия в военной сфере в отношении приграничных районов этих стран, что способствовало установлению партнерских отношений. Позже, в 2001 г., к организации присоединился Узбекистан, и «пятерка» стала «шестеркой» с последующим переименованием ее в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). На сегодняшний день четыре страны – Индия, Иран, Монголия и Пакистан – обладают в организации статусом наблюдателя, а две – Белоруссия и Шри-Ланка – являются партнерами по диалогу.

Возникновение ШОС было обусловлено трансформацией сложившейся после Второй мировой войны системы международных отношений, начавшейся в последнем десятилетии XX в. По большому счету, предпосылки к созданию ШОС зародились еще в 1960-х гг., когда проблема советско-китайской границы тесно переплелась с необходимостью развития двусторонних отношений. Создание организации явилось видимым результатом многолетнего предшествующего сотрудничества между заинтересованными странами, получившего название «шанхайского процесса».

Важно подчеркнуть в этой связи, что главной причиной возникновения Шанхайской организации явилось стремление объединившихся государств противодействовать негативным и опасным тенденциям: сепаратизму, экстремизму, терроризму, росту организованной преступности, которые на рубеже веков особенно активизировались в данном регионе. Каждое из государств-членов, принимая решение о вхождении в ШОС, преследовало свои собственные цели политического, экономического и иного характера. Однако именно осознание необходимости борьбы с центробежными силами и распростра-

Колегова Оксана Юрьевна – соискатель Центра исследований Восточной Азии и ШОС, преподаватель кафедры английского языка №5 МГИМО(У)МИД России. E-mail: troy79@mail.ru

нением влияния в регионе неконтролируемых режимов явилось общим для всех стимулом, побудившим Россию, Китай и центральноазиатские республики, включая до этого дистанцировавшийся от регионального сотрудничества Узбекистан, объединиться в ШОС³.

В политических исследованиях круг традиционно выделяемых задач каждого участника в ШОС достаточно широк и многообразен, среди них:

- стремление России удержать Центральную Азию в орбите своего влияния;
- желание Китая распространить здесь свое главным образом экономическое влияние;
- желание России и Китая не допустить проникновения в регион США;
- стремление беднейших центрально-азиатских республик получить экономические преференции в сотрудничестве и помощь в развитии.

В течение последующего десятилетия поэтапно проходило становление ШОС как крупной региональной организации. За довольно короткий срок были образованы и нормативно оформлены органы ШОС, а также введен в действие механизм межведомственного сотрудничества. Одновременно деятельность ШОС приобретала и широкую экономическую составляющую. Так, в сентябре 2003 г. главами правительств стран, входящих в ШОС, была подписана Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества, рассчитанная на 20 лет⁴. При этом в краткосрочной перспективе планировалось активизировать процесс создания благоприятных условий в области торговли и инвестиций, а в качестве долгосрочной цели предполагалось создание на территории ШОС зоны свободной торговли. Сегодня взаимодействие в рамках ШОС охватывает энергетику, транспорт, сельское хозяйство, телекоммуникации и многие другие отрасли экономики, а также научно-техническую, культурную, образовательную, туристическую и другие гуманитарные сферы.

Согласование интересов всех шести членов происходит в ШОС во многом так же, как и в любой не имеющей наднациональных органов региональной группе: путем формулирования руководящих принципов, которые, помимо прочего, играют роль гарантий; путем определения и сохранения принципа баланса интересов относительно программы мероприятий, в которой каждая из сторон может найти что-то полезное для себя, а также благодаря особенностям институционального «процесса», который позволяет решать сложные проблемы посредством нахождения компромисса.

Будучи международной организацией общей компетенции с уклоном на вопросы обеспечения безопасности и поддержания мира в регионе, ШОС, по крайней мере на современном этапе своего развития, вероятно, не может рассматриваться в качестве военно-политического союза в его классическом понимании. Спекуляции на тему блоковой природы ШОС сейчас

достаточно широко распространены на Западе, где ШОС называют «восточной версией НАТО» или «восточной ОВД», вплоть до приписывания Шанхайской организации несуществующих обязательств по совместной обороне⁵.

Допустимо утверждать, что Шанхайская организация по своему характеру является региональной организацией безопасности. Именно по этому направлению в деятельности ШОС были достигнуты наиболее заметные практические результаты⁶: ШОС стала первой международной организацией, которая на межгосударственном уровне предложила нанести удар по терроризму. А Шанхайская конвенция 2001 г. первой закрепила определение международного терроризма и его неотъемлемых элементов⁷. По словам Ю.М. Колосова, «принятие этого определения в юридически обязывающем документе имеет историческое значение, поскольку в рамках ООН уже в течение многих лет согласовать такое определение не удается»⁸.

На текущий момент сложилась ситуация, когда реальные механизмы взаимодействия в рамках ШОС замыкаются прежде всего на уровне внешнеполитических ведомств и иных заинтересованных министерств государств-членов. Необходимо признать, что на этапе становления ШОС такая система (вкуче с консенсуальным методом принятия решений) доказала свою эффективность, поскольку позволяла обходить «острые углы» и оперативно договариваться по вопросам, где был возможен компромисс. Однако нынешняя ситуация требует трансформации сложившейся системы сотрудничества в ШОС.

Сегодня наиболее остро в Шанхайской организации стоит вопрос о том, будет ли эта организация расширяться, примет ли она новых участников в свой состав, и если да, то какие государства получат статус полноправных членов ШОС. Тема расширения организации не теряет своей особой актуальности с 2004–2005 гг., когда статус наблюдателей при ШОС получили Монголия, Индия, Пакистан и Иран. Именно тогда в литературе широкое распространение получило мнение о возможности скорого расширения ШОС за счет государств-наблюдателей, которые, по понятным причинам, рассматривались в качестве наиболее вероятных кандидатов на вступление. Последующие несколько лет развития ШОС выявили преждевременность подобных прогнозов. К 2012 г. Шанхайская организация подошла в традиционном составе участников (Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан). На смену прежним смелым предположениям о перспективах роста ШОС пришли более сдержанные оценки и понимание того, что быстрое расширение не всегда будет способствовать достижению целей и даже, наоборот, может привести к расшатыванию механизмов по международным меркам молодой организации.

Очевидно, что ШОС – это пока растущий организм, и большая часть проблем, с которыми

данной организации приходится сталкиваться, можно отнести к трудностям развития. В особенности это касается вопроса о создании определенных условий для расширения организации. В этом направлении уже многое сделано, однако важные детали организационного, юридического и финансового порядка еще требуют существенной доработки. До недавнего времени все государства ШОС и большинство экспертов полагали, что увеличивать количество членов организации на данном этапе нецелесообразно, поскольку прежде всего необходимо упорядочить ее внутреннюю структуру, отладить уже действующие механизмы и закрепить свой опыт в правовых документах. В данной связи в мае 2006 г. на заседании Совета министров иностранных дел ШОС (СМИД) было принято внутреннее решение о необходимости моратория на прием новых членов, хотя в определенном смысле это противоречило Хартии ШОС об открытости организации. Данный мораторий был пролонгирован и на заседаниях Совета глав государств ШОС (СГГ) в июне 2006 г. в Шанхае, в августе 2007 г. в Бишкеке и в июне 2010 г. в Ташкенте.

Вместе с тем деятельность ШОС вызывает живой интерес мирового сообщества. Так, в разные годы с просьбой о предоставлении статуса полноправного члена в ШОС обратились Пакистан (имевший статус наблюдателя), Иран (еще один наблюдатель), а также Индия. Учитывая этот интерес, в 2009 г. главы государств – членов ШОС предложили новый статус заинтересованным государствам – «партнер по диалогу», и таким статусом сегодня обладают Шри-Ланка и Беларусь. Кроме того, интерес к установлению контактов с ШОС проявляют Египет, Непал, Сербия, Катар, Азербайджан, Турция и другие страны. Усиление значимости вопроса о странах-наблюдателях в ШОС является отправной точкой для анализа того факта, почему четыре таких разных государства, к тому же взаимно антагонистических, как Индия и Пакистан, должны видеть преимущества в сотрудничестве с ШОС и почему ШОС принимает их. Участие в деятельности ШОС Афганистана наводит на мысль о том, будут ли его долгосрочные потребности лучше удовлетворяться в рамках ШОС с ее совершенно особым «шанхайским духом», как это было декларировано по аналогии с западным «общим фронтом», или предполагается сочетание того и другого.

Если ранее невозможность принятия новых членов в ШОС объясняли техническими причинами, то сегодня механизм присоединения, по сути, создан: недавно были приняты соответствующие документы и разработана прозрачная процедура приема соискателей. В июне 2010 г. в Ташкенте было одобрено Положение о порядке инициации новых членов. Этот документ содержит четкие критерии, которым должен соответствовать новый член ШОС. Согласно Положению, государство, желаю-

щее стать полноправным членом ШОС, должно располагаться в Евро-Азиатском регионе, иметь дипломатические отношения со всеми государствами-членами, обладать статусом наблюдателя или партнера по диалогу, активно развивать торгово-экономические связи с государствами-членами, а также не находиться под санкциями СБ ООН. Что касается сферы безопасности и международных обязательств государств, претендующих на членство в организации, то они не должны противоречить международным договорам и иным документам, ранее принятым ШОС. Кроме того, страна-претендент не должна находиться в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами. Конечным этапом в создании формальной базы для приема новых членов в ШОС стало принятие в июне 2011 г. в Астане типового Меморандума, который показал, что организация в правовом и процедурном отношении стабилизировалась и официально готова к расширению.

В свою очередь противники расширения ШОС выдвигают свои аргументы в пользу большей закрытости организации, мотивируя это тем, что чем больше в ней членов, тем сложнее ею управлять. В каком-то смысле это справедливо: аппарат ШОС изначально работает недостаточно эффективно, и ее расширение может стать причиной ее существенного реформирования по многим основаниям. Еще одной проблемой может стать необходимость внесения изменений в консенсусную процедуру принятия решений, поскольку опыт других международных коалиций показывает, что расширение организации ведет к постепенному отходу от принципа консенсуса.

Несмотря на принятие Меморандума и наличие прозрачного общего механизма приема в ШОС новых членов, многие острые проблемы этой организации еще далеки от своего решения. Так, пока не были рассмотрены конкретные кандидатуры на получение статуса полноправного члена. Довольно неопределенную формулировку официального Информационного сообщения о том, что «Совет национальных координаторов и рабочая группа экспертов продолжат рассмотрение комплекса вопросов, связанных с расширением ШОС, включая согласование необходимых юридических, административных и финансовых условий для приема новых членов»⁹, очевидно, следует расценивать как победу китайского подхода. Суть его заключается в намеренном затягивании процесса расширения ввиду сложности и длительности этой процедуры и передачей вопроса в органы, в компетенцию которых не входит принятие окончательного решения. Единственным значительным успехом в этом направлении можно считать тот факт, что, по некоторым данным, благодаря активной поддержке России удалось решить вопрос о предоставлении статуса наблюдателя Афганистану.

Так или иначе, расширение при сохранении внутренних проблем роста является вызовом для ШОС, и, прежде чем начинать процесс расширения ШОС, необходимо укрепить институциональные основы организации. Важно отметить, что ШОС не является интеграционной организацией евразийского пространства и полностью в институциональном отношении еще не сформирована, хотя наблюдаются тенденции к постепенной унификации подходов к пониманию многих ключевых проблем. С другой стороны, в ШОС почти отсутствуют инвестиционные проекты, а декларированные проекты на практике не выполняются, и, исходя из этого, можно предположить, что расширение организации приведет к снижению эффективности уже существующих проектов.

Некоторыми аналитиками высказывается мнение о том, что процесс принятия новых членов в ШОС следует заморозить, а организацию развивать за счет расширения функций наблюдателей. При этом наложить вето на принятие Индии и Пакистана ввиду того, что конфликты в их взаимоотношениях будут спроецированы на внутреннюю обстановку в ШОС, поэтому мораторий на расширение должен быть сохранен. Как представляется, путь развития ШОС – это ориентация на прагматизм, рациональность и упорядоченность, поскольку главным предназначением ШОС по-прежнему является ее роль как политической организации.

Исходя из этой установки, вопрос о расширении ШОС не может сводиться к отдельным декларациям и разрозненным акциям. Требуется новое концептуальное осмысление роли ШОС как крупной региональной организации интегративного типа и выработки алгоритма конкретных реформ, которые способствовали бы безболезненному расширению организации. В этом смысле было бы целесообразно задействовать научно-экспертное сообщество, а также активно использовать возможности форума ШОС. Позитивная программа для ШОС на перспективу видится в формировании новаторской модели эффективного консультативного механизма межгосударственного взаимодействия, в целенаправленном усилении объединяющих тенденций при уважении к интересам суверенных участников ШОС.

Кроме того, в свете расширения ШОС представляется крайне необходимым определиться, о каком географическом охвате организации может идти речь применительно к тем шести странам, которые ныне составляют ядро организации, и потенциальным членам ШОС, включая наблюдателей и партнеров по диалогу, а также о максимальном диапазоне членов. В решении этих вопросов ШОС находится только в начале пути наряду с задачей свести к общему знаменателю разные торгово-экономические, инвестиционные и валютные режимы стран-членов, их несовпадающие производственные и финансовые стандарты и т.д.

Можно предположить, что процесс расширения может пойти на пользу ШОС только в том случае, если он не будет ограничен точными конечными сроками. Его темпы и программу реализации ШОС должна определять, исходя из соотношения внутренней нагрузки, связанной с реформированием, и давлением внешних обстоятельств, прежде всего афганского фактора. В этом смысле на сегодняшний день в ШОС существует большой разброс мнений не только в отношении практических аспектов расширения, но и в отношении очередности рассмотрения кандидатур стран-претендентов.

Учитывая вышесказанное, можно также заключить, что, помимо установления общих критериев расширения, ШОС необходимо быть готовой к проведению детальных переговоров с каждым кандидатом. Для этого понадобится предварительно согласовать позиции членов ШОС по многим вопросам, в том числе принципам ведения переговоров международного уровня, а также организационно-финансовым и кадровым вопросам. Здесь особенно актуальным представляется диалог с Китаем, для которого характерна определенная сдержанность по проблеме расширения.

Очевидно, что любое расширение уже существующего ядра ШОС приведет к возникновению новых форм взаимодействия в рамках ШОС, что чревато утяжелением ее изначально заложенной конструкции как региональной организации с понятной зоной ответственности. И в этом смысле важно заранее определить, каковы максимально допустимые рамки расширения организации, при которых механизмы ШОС смогут сохранить свою дееспособность и не допустить кардинального переформатирования сущности этой организации. Соответственно, когда речь идет о расширении ШОС, одних лишь политических оснований для членства недостаточно и требуется выработка взвешенных позиций по целому ряду юридических, финансовых и организационных условий внутри самой ШОС, которые затем следует согласовывать с конкретными странами-соискателями.

Резюмируя, отметим, что, несмотря на трудности роста, ШОС за последнее десятилетие стала многопрофильной организацией, характеризующейся достаточно устойчивой внутренней структурой и тенденцией к открытости и готовности взаимодействовать со здоровыми политическими силами на равноправной основе. Это подтверждается тем фактом, что на сегодня в состав ШОС входят внешние партнеры разного формата и предполагается членство стран с несхожими государственными моделями. На этом основании можно заключить, что на смену «узкоформатным нетранспарентным построениям военного толка должна прийти многосторонняя сетевая дипломатия, предполагающая качественно новые формы взаимодействия государств»¹⁰. С этой мыслью К.М. Барского нельзя не согласиться, учитывая современный

вектор развития Шанхайской организации сотрудничества и ее особую роль как действенного инструмента региональной интеграции.

Kolegova O.Y. SCO as an Effective Tool of Regional Integration: Problems of Expansion.

Summary: The article focuses on the formation and subsequent development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), which was a response of the association's states-founders to a

dangerous increase the threat of terrorism, separatism and extremism in the post-Cold War period. According to the author, during the last decade, the SCO has demonstrated its potential as an effective tool for regional integration, able to ensure the implementation of its member countries' key interests. The author shows the evolution of approaches to the question of the organization's expansion with the inevitable in this case internal problems of growth and the need to strengthen its institutional framework.

Ключевые слова

ШОС, региональная интеграция, международное сотрудничество, договор, расширение, болезнь роста, институциональные основы.

Keywords

SCO, regional integration, international cooperation, contract, expansion, growing pains, the institutional framework.

Примечания

1. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой «Об укреплении доверия в военной области в районе границы (вместе с Основными категориями обмена информацией)» от 26 апреля 1996 г., г. Шанхай // Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М.: Терра–Спорт, 1999. С. 365–373.
2. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой «О взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (вместе с протоколами о географических пределах применения соглашения, о порядке сокращения, об обмене информацией, о контроле и проверках)» от 24 апреля 1997 г., г. Москва // Бюллетень международных договоров. 2002. № 6. С. 21–60.
3. С сопредельными государствами, не вошедшими в ШОС в качестве полноправных членов, Россия развивает сотрудничество в сфере обеспечения региональной безопасности на уровне двусторонней дипломатии. См.: «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Пакистан о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими» от 8 июля 1997 г., г. Москва // Бюллетень международных договоров. 2001. № 11. С. 46–48.
4. "Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС". 23 сент. 2003 г.
5. Бломфилд Э. Путин высоко оценил мощь «Варшавского договора – 2» // Daily Telegraph. 2007. 17 авг. // <http://www.inopressa.ru/print/telegraph/2007/08/17/10:08:07/dogovor> (17 августа 2007 г.).
6. В данной связи обращает на себя внимание лозунг, предложенный Президентом РФ В.В. Путиным для ШОС – «Шанхайская организация сотрудничества: безопасность через партнерство» // Путин В.В. Выступление на пресс-конференции по итогам Шанхайского форума. Шанхай, 15 июня // Дипломатический вестник. 2001. № 7. С. 29–30.
7. Павловский В.В. Шанхайская организация сотрудничества: борьба с терроризмом. Основные тенденции развития // Закон и право. 2006. № 3. С. 3–5.
8. Колосов Ю.М. Вклад Шанхайской организации сотрудничества в борьбу с терроризмом // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. СПб., 2003. С. 196–198.
9. Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, посвященного десятилетию ШОС, 15 июня 2011 г. http://news.kremlin.ru/ref_notes/965.
10. Барский К.М. Шанхайская организация сотрудничества: новое слово в мировой политике // Стратегия России в Центральной Азии. Шанхайская организация сотрудничества Сборник статей. Т. 20 / Под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО-Университета, 2012. С. 12.

«Зеленая» экономика в деятельности гостиничного бизнеса стран ЕС

К.И. Щетинина

Туризм сегодня – один из наиболее быстро растущих секторов мировой экономики. В статье дается краткий обзор новой экономической парадигмы и модели развития «зеленая» экономика. В статье описывается, как «зеленые» инвестиции в европейский туристический сектор могут способствовать экономическому росту, созданию дополнительных рабочих мест и снижению уровня бедности, повышая эффективность использования ресурсов, снижая отрицательное воздействие на экологию. Малые и средние предприятия представляют значительный экономический потенциал для туристической отрасли и нуждаются в доступе к финансовым потокам для осуществления инвестиций в «зеленый» туризм. В связи с этим политика в сфере инвестиций правительства Европейского союза будет способствовать расширению и укреплению позиций частного сектора в «зеленом» туризме.

В настоящее время большинство европейских стран достигли высокого уровня развития человеческого потенциала, но частично за счет своей базы природных ресурсов, качества окружающей среды и высокой эмиссии парниковых газов. Европейский регион – самое посещаемое туристическое направление в мире. Так, за последние 15 лет средний показатель притока международных туристов в Европу составил 55 % от всех туристических потоков. Исторически центрами концентрации европейского туризма являются Германия, Франция, Италия, Испания и Великобритания. Для стран ЕС стоит задача в уменьшении их экологического следа в расчете на душу населения, не ухудшая при этом качество жизни. Доказано, что сбережения ресурсов могут стать ведущим элементом экономического роста и повышения занятости. Именно сфера гостеприимства в Европе имеет большие возможности для сбережений ресурсов и энергии. Быть «зеленой» гостиницей – это не только экономически выгодно. Бережное отношение к окружающей среде, со-

хранение природных ресурсов, проявление социальной ответственности – вот факторы, которые выходят на первый план для многих посетителей.

В июне 2012 г. в Бразилии прошел саммит ООН по вопросам окружающей среды и устойчивого развития Рио +20 (российскую официальную делегацию возглавил премьер-министр Дмитрий Медведев). Организация Объединенных Наций провела мероприятие глобального масштаба, с тем чтобы обсудить и решить вопросы о том, как ускорить действия для создания здорового, более справедливого и более процветающего мира для всех. Одним из вопросов международной политической повестки стала ««зеленая» экономика в контексте устойчивого развития и искоренение бедности»¹.

За последние 2–3 года идея «зеленой» экономики получила широкое освещение в мировых средствах информации. Она призвана решать вопросы экономического роста, социального прогресса и экологической безопасности, а также повысить эффективность развития трех основных составляющих устойчивого развития: экологической, эко-

Щетинина Ксения Игоревна – аспирант кафедры менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.
E-mail: kseniya.fr@gmail.com

номической и социальной. Сторонники «зеленой» экономики приводят убедительные экономические и социальные аргументы в пользу инвестирования двух процентов глобального ВВП в «озеленение» десяти центральных отраслей экономики, чтобы переместить развитие и направить потоки государственного и частного капитала на низкоуглеродный ресурсоэффективный путь.

Экономика туризма представляет 5% мирового валового внутреннего продукта (ВВП), обеспечивает примерно 8% занятости. Международный туризм занимает четвертое место (после топлива, химических веществ и автомобильных продуктов) в глобальном экспорте, с промышленной стоимостью 1 трлн долл. США в год, составляя 30% мирового экспорта коммерческих услуг или 6% всего объема экспорта. Ежегодно осуществляется примерно 4 млрд поездок внутреннего туризма, и в 2010 г. были зарегистрированы около 940 млн международных туристов. Туризм – один из пяти основных источников экспортных доходов для более 150 стран, а в 60 из них он занимает первое место. Туризм также является главным источником иностранной валюты для одной трети развивающихся стран и половины наименее развитых стран

(НРС)². Согласно данным последнего Барометра международного туризма ЮНВТО, за период с января по август 2012 г. международные туристские обмены возросли на 4% по сравнению с аналогичным периодом 2011 г.

Учитывая достигнутый в августе 2012 г. рекордный показатель в 705 млн туристов, ЮНВТО продолжает сохранять уверенность в том, что к концу 2012 г. совершит путешествие 1 млрд международных туристов³. Несмотря на проблемы глобальной экономики, устойчивый спрос на международный туризм сохраняется. В течение первых шести – девяти месяцев 2012 г. среди 10 стран, получающих наиболее высокие доходы от международного туризма, наиболее существенный прирост поступлений от туризма был отмечен в Гонконге (Китай) (+17 %), США (+8 %), Германии (+7 %), Франции (+5 %) и Великобритании (+4 %)⁴.

Европейский гостиничный бизнес представляет собой диверсифицированный межотраслевой комплекс, который широко использует инфраструктуру смежных отраслей хозяйства, независимо от национальной принадлежности. Европейский гостиничный бизнес, в частности, пользуется услугами международного транспорта

Таблица 1

Экономическое значение отрасли туризма

Страна	Потребление внутреннего туризма/полное потребление туризма (%)*	Валовой внутренний продукт туризма/ВВП (%)*	Количество рабочих мест в туристической промышленности/всего рабочих мест (%)*	Инвестиции в туризм/общий объем инвестиций (%)**
Австралия	73,9	4,1	4,8	12,5
Чили	5	3,1	2,6	7,5
Китай	90,8	4,2	2,3	8,5
Чешская Республика	45,3	3	3,3	11
Эквадор	69,4	4,1	1,8	12,4
Гондурас	54,5	5,7	5,3	8,4
Израиль	61	1,8	2,6	7,6
Япония	93,5	1,9	2,8	5,8
Латвия	51,4	1,9	9	7,4
Литва	56,4	2,6	2,6	9,8
Нидерланды	80,8	3	4,3	7,3
Новая Зеландия	56,2	12	9,7	15
Перу	74,4	3,3	3,1	9,9
Филиппины	80,7	6,9	9,7	11,3
Польша	41	2	4,8	7,1
Румыния	47,7	2,2	8,3	7,3
Саудовская Аравия	61,5	5	3,9	3,9
Словакия	44,1	2,9	7,3	11,4
Словения	43	4,9	11,5	12
Испания	42,3	10,9	11,8	13,8

Источник: Расчеты автора по данным ЮНВТО (2010 г.) и Всемирного совета по путешествиям и туризму (2010 г.).

* Оценено по данным о стране УВТ (Стандарт учета экономического воздействия туризма) за последний доступный год (главным образом 2007 г.).

** Значения 2009 г.

и связи, туристических агентств и туроператоров, финансовых посредников, страховых компаний, строительных, торговых и развлекательных предприятий. Поэтому даже небольшие изменения по «озеленению» в секторе гостеприимства Европы могут иметь важные воздействия на мировой туризм в целом. В течение первых шести – девяти месяцев 2012 г. Европа укрепила свои достигнутые в 2011 г. рекордные темпы роста, несмотря на продолжающуюся экономическую неустойчивость в еврозоне. Результаты выше средних показали Центральная и Восточная Европа (+9%), соответствующие средним – Западная Европа (+3%), но в то же время сравнительно более слабыми оказались результаты Южной и Средиземноморской Европы (+1%) – одного из наиболее успешных европейских субрегионов в 2011 г., и Северной Европы (+0.2%).

Туризм в «зеленой» экономике означает туристическую деятельность, которая может быть сохранена или поддержана, независимо от ее социальных, экономических, культурных и экологических контекстов, то есть «устойчивый туризм». Основными видами бизнеса в туристической индустрии являются размещение туристов, туристские операции и транспорт (наземный, воздушный и водный). Поэтому последовательная стратегия роста «зеленого» туризма должна касаться всех сегментов и видов деятельности, а также путей их взаимодействия. Устойчивый туризм не является специальной формой туризма. Ясное различение должно быть сделано между понятиями «экологический туризм» и «устойчивый туризм»: «Термин «экологический туризм» относится к сегменту в пределах туристической отрасли и фокусируется на экологической устойчивости, в то время как принципы устойчивости должны относиться ко всем типам туристской деятельности, операциям, учреждениям и проектам, включая обычные и альтернативные формы»⁵.

Глобальные критерии устойчивого туризма (ГКУТ) были разработаны как часть широкой инициативы, управляемой Партнерством по глобальным критериям устойчивого туризма (Партнерство ГКУТ), коалицией более 40 организаций. Они сотрудничают с целью способствовать повышению понимания методов устойчивого туризма и принятию универсальных принципов устойчивого туризма. Партнерство было инициировано Союзом тропических лесов (Rainforest Alliance), Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Фондом ООН и Всемирной туристской организацией ООН (ЮНВТО)⁶.

В условиях нынешней экономической неопределенности европейский туризм является одним из немногих секторов экономики, который активно развивается, стимулирует экономический прогресс и, что еще более важно, создает столь необходимые для региона рабочие места. Именно среди европейских гостиниц существует значительная область для инвестиций в энергосберегающие функции и услуги, включая холодильное оборудование, системы телевидения и видео, кондиционирование воздуха и отопление (особенно сокращение или

ликвидация этих систем посредством улучшенного дизайна), прачечную, очистные сооружения. Такие инвестиции проводятся в связи: с ростом стоимости энергии; вводом вероятных дополнительных налогов на углерод и экологических требований; увеличением ожиданий клиентов; техническими достижениями низкоуглеродных технологий; наличием правительственных стимулов.

Дополнительные капиталовложения в энергоэффективность и проекты устойчивого строительства и реконструкции оцениваются в относительно скромные 6% полной стоимости строительства (для гостиницы со 106 номерами), с очень хорошим возвратом средств. На основании своего опыта «озеленения» одного из ведущих в мире мест пляжного отдыха туристов (приморский регион в Испании) компания Booz & Company сообщает о существенном возврате инвестиций в энергоэффективность и эмиссии ПГ, снижении водопотребления, лучших методах управления отходами и сохранения биоразнообразия. «Зеленая» стратегия преобразования была разработана после тщательного базового анализа, который показал, как и в большинстве туристических мест назначения, неустойчивые тенденции управления водой и потреблением энергии, проблемы с организацией сбора и удаления отходов и риск полного истощения ключевых природных ресурсов, таких, как коралловые рифы и морские животные (главные достопримечательности).

Капиталовложения на «озеленение» туристического сектора могут быть быстро возмещены экономией операционных затрат, которые включают не только затраты на инициативы «озеленения», но и социально-экономические эффекты от потери доходов от туризма. Сбережения от уменьшения операционных затрат в результате «зеленых» программ (в сравнении с капиталовложениями) изменяются в диапазоне от 174% (операционная эффективность зданий отеля) до 707% (сохранение биоразнообразия)⁷. Частные инвестиции и государственное финансирование были использованы для обеспечения достаточного финансирования. «Озеленение» следовало за трехэтапным процессом, включавшим оценку экологического статуса места назначения, разработку «зеленой» стратегии и совместное выполнение связанных с ней проектов.

Проекты HotelEnergy Solutions, TourBench и SUTOUR являются программами, разработанными для европейских гостиниц, которые позволяют развивать «зеленую» стратегию. Специалистами Всемирной туристской организации (ЮНВТО) и ее партнерами после трех лет испытаний и обширных исследований была разработана уникальная онлайн-программа, позволяющая отелям оценить их уровень потребления энергии и сделать его более рациональным. Благодаря этому инструменту гостиницы смогут внести свой вклад в уменьшение влияния на изменения климатических условий планеты. Онлайн-программа Hotel Energy Solutions предполагает не только оценку использования энергетических ресурсов, но и подбор источников возобновляемой энергии и способы ее экономичного использования, позволяющие сократить

расходы. В рамках тестового режима эта программа стартовала в более чем 100 европейских отелях, расположенных в четырех ведущих странах мира: Франции, Испании, Германии и Болгарии. В отелях этих стран программа получила самые положительные отзывы от их владельцев и менеджеров.

В августе тестирование онлайн-программы Hotel Energy Solutions с большим успехом завершилось в гостиницах немецкого города Бонн. Программа Hotel Energy Solutions предоставляет отелям полный отчет о реальном расходе энергии, а также дает рекомендации по выбору подходящих источников возобновляемой энергии. Кроме того, она подсказывает владельцам отелей, какие необходимо использовать эффективные технологии по расходу энергии и какие мероприятия необходимо проводить для снижения уровня расходов⁸. Программа является в первую очередь разработкой ЮНВТО, реализованной при поддержке Европейского агентства по конкурентоспособности и инновациям в рамках программы Intelligent Energy Europe.

Этот проект реализован также благодаря сотрудничеству с ООН в рамках защиты окружающей среды, а также при поддержке Французского агентства по экологии и энергосбережению (ADEME). Успешное тестирование онлайн-программы Hotel Energy Solutions в ведущих гостиницах Франции, Болгарии, Германии, Испании предполагает ее дальнейший запуск по всему миру, который планируется в ближайшие годы. Реализация программы во всех странах мира позволит отелям эффективно и рационально использовать энергию и значительно сократить ее расходы, что в целом означает большой успех проекта в рамках защиты окружающей среды.

Рециклирование и практика преобразования отходов в энергию стало эффективной и экономически выгодной альтернативой утилизации отходов. В 2005 г. в Германии было пущено в повторную переработку 87% строительных, 65% промышленных, 60% коммунально-бытовых твердых отходов и 80% отходов упаковки⁹. Число мест захоронения хозяйственно-бытовых отходов было сокращено с 50 000 в 1970 г. до 160 в настоящее время. Перед отелями, гостиничными комплексами встает проблема вторичной переработки сырья. Требования рециклирования приводят к росту издержек, связанных с использованием пригодной для повторного применения стеклянной, жестяной, пластиковой тары и бумажной упаковки, что впоследствии сократит расходы на утилизацию.

Население Европейского региона становится очень требовательным по отношению к получаемым услугам и все более чувствительным к вопросам экологии. Уважаемый бренд гостиничной сети является ее наиболее ценным активом. Репутация компании может быть потеряна мгновенно, если недовольный потребитель пожалуется в интернет-сети. Качество гостиничных услуг и сервиса становится исключительно важным. Компании, которые смогут обеспечить безупречное обслуживание по последним требованиям тенденции экологичности,

продолжат свое развитие. Компании, не справившиеся с задачей, уступят своих клиентов быстро развивающимся конкурентам.

Тенденция экологичности уже прослеживается в гостиничном бизнесе ЕС в настоящее время. В международной гостиничной практике появился термин «Экоотель» – отели, функционирующие по принципу экологической ответственности и на основе экотехнологий. Последние применяются при строительстве и оперативном управлении гостиницами. Они основаны на 6 R (rethinking, reusing, reducing, rationalizing, recycling, recovering (переосмысление, переработка, сокращение, рационализация, повторное использование, оздоровление)¹⁰.

Новой концепцией в странах Европейского союза стали элементы экодизайна на фасадах и во внутреннем интерьере гостиниц (экологический дизайн, "экодизайн" – направление в дизайне, уделяющее ключевое внимание защите окружающей среды). Гостиницы Европы используют зеленые насаждения, экологически чистые продукты, естественные материалы в интерьере (например, бамбуковый пол). Помимо экологической ответственности в гостиничном секторе развивается социальная ответственность (концепция социальной и экологической ответственности): увеличение оплаты труда и внедрение системы премирования¹¹. В 2012 г. группа Ассор объявила о запуске новой программы экологического развития «PLANET 21», которая в ближайшее время будет реализована во всех отелях группы. Крупнейшая гостиничная сеть решила сделать охрану окружающей среды одной из ключевых составляющих своей деятельности. «Наша группа приступает к фазе активного развития, и мы вновь подтверждаем наш выбор в пользу роста, способного создавать общие ценности, – заявил генеральный директор компании Ассор Денни Эннекен. – Осуществляя программу «PLANET 21», мы закладываем вопросы экологии в основу стратегии развития группы. Я убежден, что устойчивое развитие приведет нас к новой бизнес-модели. «PLANET 21» дает нам фантастические преимущества, способствует росту конкурентоспособности наших брендов, делает нас более привлекательными в глазах клиентов и партнеров, а также способствует повышению лояльности наших сотрудников»¹².

Стратегия «PLANET 21» включает в себя программу информирования клиентов о мерах, предпринимаемых группой по защите окружающей среды, и приглашает своих гостей принять активное участие в этой деятельности. «PLANET 21» определяет 21 цель в области охраны окружающей среды, которые ставит перед собой Ассор и планирует осуществить их к 2015 г. Программа предусматривает проведение семинаров для сотрудников по профилактике заболеваний (в 95 % отелей сети), специальных мероприятий по привлечению внимания клиентов к вопросам предпочтения более сбалансированного питания (в 80% отелей сети), использование продуктов, получивших экологические сертификаты экологически чистых продуктов (в 85% отелей сети), экономное расходование вод-

ных и энергоресурсов (в 15% и 10% собственных и арендованных отелей).

Однако тенденция инвестиций в устойчивость, социальную и экологическую ответственность прослеживается, как правило, среди крупных гостиничных операторов (например, вышеупомянутая гостиничная сеть Accor). При этом почти 90%¹³ всех отелей в Европе являются МСП (малыми и средними предприятиями), для которых наблюдается недостаток доступа к капиталу для этого типа инвестиций. Поэтому должна быть разработана соответствующая политика налогообложения и субсидирования, чтобы поощрять инвестиции в энергоэффективность и ресурсоэффективность, которые по факту обеспечивают существенный возврат средств за короткий срок окупаемости. «Зеленая» стратегия туризма не может быть успешно внедрена без принятия правильных законов и нормативно-правовых актов или правильной структуры управления для наблюдения за ними.

Законодательство должно защищать окружающую среду, ограничивать потенциально вредное развитие, контролировать вредные методы и поощрять здоровое поведение. Должна быть разработана соответствующая политика налогообложения и субсидирования, чтобы поощрять инвестиции в деятельность устойчивого бизнеса. Налоговые льготы и субсидии могут использоваться для поощрения «зеленых» инвестиций при строительстве экологических зданий. Субсидии могут выделяться на покупку оборудования или технологии, которые уменьшают образование отходов, поощряют энергоэффективность и водоеффективность, сохраняют биоразнообразие (платежи за экологические услуги) и укрепляют связи с местными фирмами и общественными организациями. Поскольку в секторе гостеприимства в Европе доминируют МСП, очень важно облегчить их доступ к новым технологиям, информации, знаниям, а также к капиталу.

Сквозным барьером для инвестиций в более «зеленый» или более устойчивый туризм также является недостаток понимания и признания стоимости, создаваемой для компаний. Экологические и социальные инвестиции относительно новы и остаются вне основных финансовых рынков. Во многих случаях барьеры основаны на неправильном восприятии или отсутствии знаний. Например, для многих «зеленых» инвестиций периоды окупаемости и суммы средств ясно не установлены (вследствие ограниченности опыта), создавая тем самым неуверенность для банков или других инвесторов, что может поставить финансирование под угрозу. Кроме того, возвращаемые от многих «зеленых» инвестиций средства включают легко измеримые компоненты (такие, как энергосбережение), объединенные с более трудно измеряемыми компонентами, такие, как удовлетворение гостей, которые могут усложнить вычисление сбережений. Обмен знаниями, информацией и опытом между государственными и частными структурами необходим для преодоления этих барьеров.

Без информации, знаний и инструментов «озеленение» будет почти невозможным. Опыт многих

стран показал, что хорошо разработанные механизмы и инструменты для обучения МСП очень важны. Международные учреждения развития, такие, как многосторонние и двусторонние агентства по сотрудничеству, а также финансовые институты развития (DFI), должны информировать, обучать и работать совместно с туристической индустрией в целях включения вопросов устойчивости в политические и управленческие методы. На национальном уровне привлечение правительства, министерства финансов, контролирующих органов и гражданского общества должно быть важной частью усилий по координации действий бизнеса.

Одним из инструментов, который облегчает движение МСП к «зеленой» стратегии, является создание партнерств между гостиничными, строительными, торговыми, банковскими и страховыми организациями. В случае МСП, например, помимо скользящих графиков выплаты взносов и благоприятных процентных ставок для проектов по устойчивости, реальное содействие в виде технической, маркетинговой помощи или помощи в администрировании бизнеса может помочь возместить потребность фирм в наличных средствах, предлагая им услуги по низкой цене. Кроме того, ссуды и кредитные поручительства могут включать более благоприятные льготные периоды, смягчать требования к гарантиям личных активов или предложить более длительные периоды выплаты. Ссуды для проектов устойчивого туризма могут оформляться с гарантиями от агентств по оказанию помощи и частных фирм, снижая риск и процентные ставки.

Для российских гостиниц коммунальные платежи являются одной из основных затратных статей. На обеспечение здания электричеством, водой и теплом приходится не менее 30–40% всех эксплуатационных расходов. При увеличении тарифов на электричество и тепло особую значимость приобретает энергетическая эффективность отдельного здания. Работа над ресурсосбережением нового гостиничного проекта начинается на стадии предпроектного эскиза – уже тогда здание ориентируется по солнцу и розе ветров, чтобы максимально использовать существующие местные условия.

Следующий аспект – качество ограждающего контура здания. В Москве еще в 1998 г. был принят стандарт МГСН (московские городские строительные нормы)¹⁴, серьезно ужесточивший требования к ограждающим конструкциям. Соблюдение этого стандарта позволило, по сравнению с советскими нормативами, в 2 раза уменьшить теплопотребление, вследствие этого все здания, построенные после его введения, получили определенные преимущества. Специалисты выделяют три основных условия снижения энергозатрат в зданиях: приборный учет ресурсов, комплексное использование энергосберегающего оборудования и автоматизация управления всех инженерных систем здания, включая отопление, холодоснабжение, вентиляцию, кондиционирование, водоснабжение и т.п.

Программно-аппаратные решения, называемые «smart house» или «умный дом», по сути, ста-

ли корпоративным стандартом для европейских гостиничных сетей. Такие системы позволяют добиться 20% экономии энергоресурсов, а также существенно экономят время и трудозатраты обслуживающего персонала. Наибольший экономический эффект перечисленные меры приносят, будучи реализованными в комплексе. Однако в нашей стране западный опыт в энергосбережении перенимается весьма избирательно и фрагментарно, что сильно снижает его эффективность. В целом внедрение «зеленых» технологий в России еще находится на начальной стадии развития.

Таким образом, страны ЕС в настоящее время обладают высоким уровнем развития человеческого потенциала, но его достижение оставило большой экологический след. Движение навстречу «зеленой» экономике содержит потенциал достижения устойчивого развития и искоренения бедности и позволяет достичь цели быстро и эффективно. Одним из направлений «зеленой» экономики является тренд «зеленого», «ответственного» туризма.

Действительно, создание высокоэффективных гостиничных комплексов – один из лучших способов обеспечить существенную экономию электроэнергии и издержек. Главные аспекты, наиболее характерные для экогостиниц, условно можно разделить на две группы: это эффективное управление отходами (их минимизация и утили-

зация) и сокращение использования различных ресурсов (электричества, воды, покупаемых товаров). Именно эти направления легли в основу экополитики, проводимой как на уровне самих гостиничных организаций, так и на макроуровне Евросоюза. Логической вершиной оптимизации энергопотребления гостиницы считается применение энергосберегающего оборудования в совокупности с наличием контуров регулирования на всех уровнях распределения энергоресурсов и создание единой системы управления и мониторинга.

Shchetinina K.I. Green Economy in Hotel Business of EU Countries.

Summary: *Tourism today is one of the fastest growing economic sectors in the world. The article gives a brief review of a new economic paradigm and development model: a green economy. It shows how green investment in European tourism sector can contribute to economically viable and robust growth, decent work creation and poverty alleviation, while improving resource efficiency and minimising environmental degradation. Much of the economic potential for green tourism is found in small and medium-sized enterprises (SMEs), which need better access to financing for investing in green tourism. Investments and policies of European Union government can leverage private sector actions on green tourism.*

Ключевые слова

«Зеленая» экономика, устойчивый туризм, энергоэффективность ресурсосбережение, малые и средние предприятия, концепция социальной и экологической ответственности

Keywords

Green economy, sustainable tourism, energy efficiency, cost-effective use of resources, small and medium-sized Enterprises, sustainability ecological policy of EU, green investments/ subsidies.

Примечания

1. Итоговый документ Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию под названием «Будущее, которого мы хотим»// www.un.org/en/sustainablefuture/about.shtml
2. ЮНВТО (2012). UNWTO World Tourism Barometer, ноябрь 2012
3. World Tourism Organization UNWTO. Press release № 12067 Международный туризм сохраняет сильные позиции, несмотря на неопределенность в экономике.
4. ЮНВТО (2012). UNWTO World Tourism Barometer, ноябрь 2012
5. «Международный год экологического туризма 2002» // www.unep.fr/scp/tourism/events/iye/pdf/iye_leaflet_text.pdf.
6. Глобальные критерии устойчивого туризма для отелей и туроператоров // www.gstcouncil.org/sustainable-tourism-gstc-criteria/criteria-for-hotels-and-tour-operators.html
7. Ringbeck J., El-Adawi, A. и Gautarn, A. (2010r.). Green Tourism. A Road Map for Transformation. Booz & Company Inc.
8. Доклад Hotel Energy Solutions (Мадрид) // www.hotelenergysolutions.net
9. ВСПТ (2010r.). The 2010 Travel and Tourism Economic Research. Economic Data Research Tool.Всемирный совет по путешествиям и туризму// www.wttc.org.
10. Буранцева Э.Р. Современные маркетинговые стратегии международных гостиничных компаний. Издательство «КДУ, 2010.
11. Там же.
12. PLANET 21 program. Sustainable development 11.22.2012// www.accor.com
13. Доклад Hotel Energy Solutions (Мадрид)// www.hotelenergysolutions.net
14. Московские городские строительные нормы 4.16-98 "Гостиницы" Внесены Москомархитектурой. Утверждено Правительством Москвы от 04.08.1998 г. № 60.

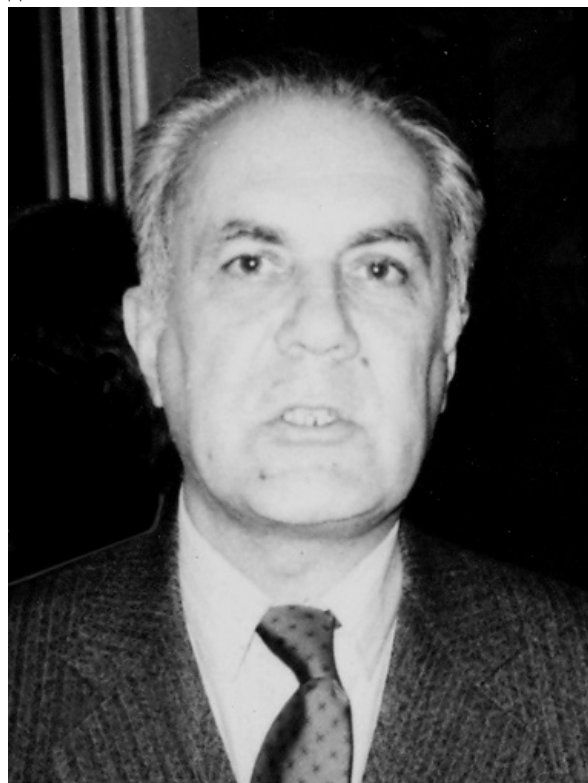
Арлен Ваагович Меликсетов

Н.В. Степанова

Доктор исторических наук, профессор, имя которого хорошо известно не только профессионалам-китаеводам, но и широким кругам ученых-востоковедов, Арлен Ваагович Меликсетов родился 1 января 1930 г. в Москве в семье служащих. Путь в науку начался с поступления на отделение истории Востока исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, а специализацией был избран Китай. Изучению этой страны, а затем стремлению передать студенческой и более широкой аудитории в нашей стране и за рубежом накопленные научно обоснованные, максимально приближенные к достоверности события и факты как исторического прошлого, так и современного Китая Арлен Ваагович посвятил всю свою жизнь.

После окончания в 1953 г. университета Арлен Ваагович Меликсетов – аспирант исторического факультета МГУ. Успешно защитив кандидатскую диссертацию, с 1956 г. он продолжил свою научную деятельность в Институте китаеведения АН СССР. Одновременно с 1960 г. началось его сотрудничество с МГИМО как преподавателя истории Китая. А в 1969 г. А.В. Меликсетов был приглашен в МГИМО уже на должность заведующего кафедрой, получившей тогда – после многих переименований – название «кафедра истории и культуры стран Азии и Африки». В результате очередных преобразований с 1975 до 1986 г. она именовалась как «кафедра

истории и внешней политики стран Азии и Африки», а в 1986 г. приобрела наконец свое нынешнее название «кафедра востоковедения». Ее руководителем А.В. Меликсетов оставался до 1989 г.

Степанова Надежда Владимировна – д.и.н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

В 1970–1980-х гг. он неоднократно выезжал за рубеж. В 1972–1973 гг. стажировался в ООН, в 1979–1980 гг. – в Колумбийском, Гарвардском, Мичиганском и Гавайском университетах США. Как ученого-китаеведа и историка-востоковеда его хорошо знали не только в Китае, Корее и Японии, но и во многих других странах Азии, Европы и США. Он был почетным профессором Университета Куньмин (КНР).

В июне 1989 г. А.В. Меликсетов по конкурсу был избран директором института стран Азии и Африки МГУ, который возглавлял до 1993 г. С 1993 г. заведовал в ИСАА кафедрой истории Китая. Арлен Ваагович стал лауреатом премии им. М.В. Ломоносова “За педагогическую деятельность профессором и преподавателей Московского Университета”. В 1995 г. ему был присвоен дипломатический ранг “советника второго класса”. Он был награжден орденом Дружбы народов. В эти же годы А.В. Меликсетов продолжал свое сотрудничество с МГИМО. Сохранялись его научные связи с Институтом Дальнего Востока АН СССР/РФ. Основными направлениями научной деятельности А.В. Меликсетова были: социально-экономическая история Китая; история китайской революции; история Гоминьдана; Китай и Азиатско-Тихоокеанский регион. Арлен Ваагович – автор большого числа публикаций (около 180). В их числе – учебные пособия, монографии, книги, статьи, рецензии.

Профессиональная педагогическая и научная деятельность А.В. Меликсетова всегда была неразрывно связана с общественной жизнью нашей и не только нашей страны. Он был заместителем председателя Общества СССР–Япония, членом правления Общества китайско-советской дружбы. Но главным делом всей его жизни был научный поиск и преподавательская работа.

По признанию самого Арлена Вааговича, наиболее интересным и плодотворным периодом его жизни были годы работы в МГИМО. Именно при нем и сложилась востоковедческая кафедра в МГИМО как единый дружный, сплоченный коллектив преподавателей-востоковедов, целеустремленных, любящих свой предмет, много и вполне успешно работавших и продолжающих сохранять сложившиеся лучшие традиции предшествующих поколений. Безоговорочным лидером и душой нашего довольно большого в 1970–1980-х гг. коллектива был Арлен Ваагович Меликсетов, при котором и формировался стиль работы и жизни кафедры востоковедения, определявший ее высокий рейтинг в МГИМО.

Что было главным в этом стиле? Прежде всего – обеспечение высокого уровня учебно-методической и научной работы кафедры при осознании каждым ее сотрудником ответственности за “свое поле деятельности”. Основой реализации этих задач был сложившийся в те годы состав преподавателей-востоковедов,

являвший собою удивительно гармоничное сочетание возрастных групп, представленных мудрым старшим, накопившим солидные знания и опыт средним, а также полным энергии и задора молодым поколениями. На кафедре было много аспирантов – очных, заочных, а также соискателей.

У каждого преподавателя был свой участок работы, что не создавало предпосылок для нездоровой конкуренции и конфликтных отношений. Заслуга в утверждении на кафедре востоковедения деловой, творческой атмосферы, доброжелательных отношений в коллективе принадлежала, несомненно, нашему лидеру – заведующему кафедрой Арлену Вааговичу Меликсетову. Всегда спокойный, уравновешенный, неконфликтный, доброжелательный и внимательный, он был примером для всех нас, преподавателей, аспирантов и студентов. Вместе с тем при столь мягком характере он умел сохранять твердость и принципиальность при обсуждении сложных проблем, касавшихся научной или какой-либо иной сферы.

В этой связи мне вспоминается защита А.В. Меликсетовым его докторской диссертации в МГИМО. Тема работы была довольно сложной, а подход автора к ней – нестандартным, новаторским, опиравшимся на богатую доказательную базу. Один из официальных оппонентов представил по диссертации 27 замечаний. И надо было видеть и слышать, с каким спокойствием, выдержкой, тактичностью, интеллигентностью Арлен Ваагович обосновал несостоятельность всех этих замечаний. Эта защита была проявлением того высокого научного потенциала, которым обладал сам А.В. Меликсетов и который был основой работы кафедры востоковедения в целом.

Отмеченные черты характера Арлена Вааговича проявились уже в студенческие годы. О той далекой поре вспоминают его близкие друзья. Михаил Серафимович Мейер, нынешний директор Института стран Азии и Африки МГУ, известный ученый, востоковед, специалист-турколог, активно сотрудничавший с МГИМО, рассказывает: «Познакомился с Арленом с момента своего поступления на отделение истории Востока исторического факультета МГУ в 1948 г. Его назначили тогда куратором группы первокурсников-восточников. С той поры у всех, кто входил в эту группу, надолго сохранились очень близкие и теплые дружеские отношения с молодым и красивым куратором».

Это качество лидера, основанное прежде всего на умении дружеского общения с людьми, было главной, неотъемлемой чертой характера А.В. Меликсетова, что подтверждает в своих воспоминаниях Леонид Борисович Алаев, проработавший на кафедре востоковедения МГИМО 42 года. «Мы познакомились с Арленом в 1950 г., – пишет он. – Я в то время учился на первом курсе исторического факультета

МГУ, а он – на втором. Истфак (или весь Университет?) «шефствовал», как это тогда называлось, над Зарайским районом Московской области. Шефство выражалось в том, что летом бригады студентов работали в тамошних колхозах на уборке урожая, а в зимние каникулы выезжали туда в агитпоходы на лыжах. Агитпоход совмещал физкультурное и политическое мероприятия. Днем члены отряда разъезжались по окрестным деревням и выступали там с лекциями, а к вечеру собирались в более крупном селе, и там уже наш командир делал доклад о международном положении, после которого силами бригады устраивался концерт. А наутро мы снова разъезжались уже по другим деревням, и все повторялось.

Командиром был Тим Райен, который потом переименовался в Тимура Тимофеева, стал членом-корреспондентом АН СССР и директором Института международного рабочего движения. Студент четвертого курса, Тим был членом комитета комсомола факультета и пользовался большим авторитетом. Надо сказать, что он его заслуживал: веселый, остроумный, живой, знающий, действительно хороший лектор.

А комиссаром нашего отряда был назначен Арлен Меликсетов, студент второго курса. Само по себе это красноречивый факт: за первый и начало второго курса Арлен сумел заслужить уважение партийного и комсомольского начальства, которое решило, что эмоциональному командиру требуется солидный противовес. Пожалуй, солидность Арлена произвела на меня наибольшее впечатление. Он не «комиссарил», но служил твердым ядром, вокруг которого сплачивался коллектив. Всегда спокойный, рассудительный, какой-то надежный, он стал личным другом каждого из нас – первокурсников. Десять дней, проведенных на лыжах и на подмостках сельских клубов, стали фундаментом дружбы, которая продолжалась всю жизнь. Со многими участниками нашего тогдашнего агитпохода я больше не встречался. И только Арлен время от времени мне сообщал, как дела у того или иного нашего товарища. Он не порывал с ними связи».

А.В. Меликсетов, как истинный ученый, чутко улавливал те изменения, которые претерпевали страны Востока во второй половине XX в. Эти перемены, естественно, должны были отражаться в содержании всех аспектов нашей преподавательской работы, что вызывало настоятельную потребность в существенной корректировке учебных программ, планов, учебников и учебных пособий. При А.В. Меликсетове на кафедре востоковедения МГИМО велась большая методическая работа: были обновлены все учебные программы по общим и специальным курсам истории стран Востока. Вводились новые курсы, необходимость в которых диктовалась вызовами современности. Так, впервые именно в МГИМО появился курс

“Культурно-религиозные традиции стран Востока”, разработанный и прочитанный известным ученым историком-востоковедом Л.С. Васильевым, вызвавший большой интерес как среди студенчества, так и в научных кругах.

Стремясь постоянно быть на передовом крае исторической науки, Арлен Ваагович многое делал для того, чтобы все преподаватели кафедры были в курсе развивающихся в современной истории процессов, действующих в этой сфере тенденций. Эти вопросы были предметом рассмотрения на регулярно проводившихся заседаниях кафедры с приглашением специалистов самых различных отраслей науки: историки, политологи, философы, социологи, экономисты. Для чтения специальных курсов в МГИМО приглашались видные ученые-востоковеды. Не один год сотрудничал с кафедрой профессор Г.И. Мирский, читали лекции нынешний директор ИСАА МГУ профессор М.С. Мейер и известный исламовед М.Т. Степанянц. Более четырех десятков лет проработал в МГИМО приглашенный А.В. Меликсетовым Леонид Борисович Алаев. В воспоминаниях о своем друге Леонид Борисович пишет: «Через 20 лет после того агитпохода (уже упоминавшегося) Арлен Ваагович пригласил меня преподавать на возглавляемую им кафедру в МГИМО, где я проработал 42 года, сначала под его чутким руководством, а потом уже без него. Я написал банальное “под его чутким руководством”, уместное разве что в юмористическом тексте, но что делать: это не банальность, а факт. Помню, как он рецензировал мои лекции, как понуждал меня быстрее защитить докторскую диссертацию, как убийственно присуждал мне звание профессора».

К словам Л.Б. Алаева могу присоединиться и я. Преподавателем я начала работать еще до защиты диссертации. Работа над ней была практически завершена, но мне казалось, что в ней чего-то еще не хватает, и поэтому затягивала представление диссертации на защиту. А.В. Меликсетов был очень внимательным ко всем членам кафедры. Каждого он старался поддержать, побудить к более активным действиям. Именно он мягким и тактичным давлением заставил меня преодолеть излишние опасения и выйти на защиту диссертации. Защита, кстати, прошла более чем успешно.

Систематически кафедра проводила научные конференции, дискуссии по острым проблемам востоковедения. Арлен Ваагович прилагал много усилий к тому, чтобы все преподаватели и аспиранты кафедры имели возможность публиковать свои научные труды. При его непосредственном участии выходили сборники наших научных статей. Работая в МГИМО, особое внимание А.В. Меликсетов уделял подготовке молодых кадров преподавателей и ученых. В 1970-х гг. многие выпускники МГИМО – “восточники” выражали желание поступить в аспирантуру на нашу кафедру, од-

нако принимались далеко не все заявившие о своем желании стать аспирантом, а лишь проявившие еще в студенческие годы склонность к исследовательской работе. Не все аспиранты дошли до защиты диссертации, кто-то после окончания ушел на работу в другие ведомства. Оставались те, кто был принят целевым назначением в соответствии с полученной в институте специализацией для продолжения работы в дальнейшем уже в качестве преподавателя.

Научным руководителем некоторых из них был А.В. Меликсетов. Те, кому посчастливилось провести аспирантские годы вместе с Учителем, вспоминают встречи с ним с большой теплотой и благодарностью. К числу таких «счастливчиков» принадлежит, в частности, работающая сегодня на кафедре востоковедения доцент Елена Александровна Яковлева. «Он никогда, – говорит она, вспоминая свои аспирантские годы, – не докучал своим подопечным постоянным дотошным контролем и правкой представленного ими материала. Его роль как руководителя была определяющей в выборе темы будущей диссертации. Арлен Ваагович рекомендовал аспиранту отыскивать в истории изучаемой страны свою собственную «лакуну», как он это называл, то есть период или проблему малоизученную или не затронутую ранее никем, но уже заявившую о себе или готовую проявиться во всей своей полноте и значимости в ближайшем будущем. Бесценными были, – по признанию Е.А. Яковлевой, – рекомендации А.В. Меликсетова по методике написания диссертации. Среди них было его наставление аспирантам «не писать черновиков», которое не следовало понимать буквально: это был призыв к «жесткой организации своей мысли, больше держать ее в голове, где мысли таким образом «довариваются до должной кондиции». Здесь уместно отметить, что защита диссертационных работ аспирантов кафедры востоковедения всегда проходила на самом высоком уровне.

Большое внимание уделял Арлен Ваагович обеспечению кадрами все читавшиеся на кафедре востоковедения курсы, в том числе за счет молодежи. Предпочтение здесь отдавалось выпускникам МГИМО, окончившим целевую (по специализации) аспирантуру института. Практически все аспиранты еще до завершения полного курса аспирантуры и защиты диссертации начинали работать в качестве преподавателей. Именно такие специалисты составляют сегодня основу преподавательского состава кафедры востоковедения. Это профессора Л.М. Ефимова, С.Б. Дружиловский, М.А. Сапронова, доценты Е.А. Яковлева, В.А. Корсун.

На кафедру приглашались и специалисты, окончившие другие вузы. Примером является Андрей Львович Емельянов, выпускник ИСАА при МГУ, африканист, довольно скоро ставший «своим» в коллективе кафедры. Критериями для претендентов на должность преподавателя

кафедры востоковедения были несомненный профессионализм, хорошее знание своего предмета. Но не только это принималось во внимание: важны были личные качества человека, его характер. В нашу «семью» (так называли мы нашу любимую кафедру) не всякий мог войти, а принятый, оказавшийся «чужим», надолго не задерживался. Но такое случалось крайне редко. Больше было тех, кто очень хотел бы работать на кафедре востоковедения. Определяющим моментом в этом вопросе, как представляется, был сложившийся стиль работы и жизни кафедры – деловой, высокопрофессиональный, доброжелательно-приветливый.

Внимательно и доверительно относился А.В. Меликсетов к молодым преподавателям. Впечатлениями о начале своей педагогической деятельности делится профессор кафедры Сергей Борисович Дружиловский:

«У Арлена Вааговича было исключительно доброе, но в то же время требовательное отношение к молодым преподавателям. Я был принят преподавателем на кафедру истории и внешней политики стран Азии и Африки в 1978 г., еще до защиты кандидатской диссертации. На втором или на третьем занятии Арлен Ваагович зашел в аудиторию, в которой я читал лекцию по внешней политике Ирана, и сказал, что поприсутствует на занятии. Как я провел это занятие, не помню. Помню только, что А.В. Меликсетов несколько раз доброжелательно покачал головой, что вселило в меня уверенность в одобрении заведующим хотя бы части того, о чем я говорю студентам. После окончания занятия он ушел на кафедру, а я несколько дней ждал вызова «на ковер», после чего не выдержал и зашел к нему в кабинет сам и спросил, какие у него есть ко мне замечания. К моему удивлению, Арлен Ваагович сказал, что он не за этим посещал мое занятие, а чтобы посмотреть, какие кадры сегодня поступают в аспирантуру МГИМО и какие задачи можно перед ними ставить.

Смысл его ответа я понял несколько позже, когда мне, иранисту по образованию, заведующим было предложено освоить, кроме иранской тематики, все курсы, читаемые кафедрой по Турции, а затем, после отъезда в Афганистан известного афганиста В.В. Басова, изучить также и афганскую тематику.

Вначале мне казалось, что заведующий меня за что-то наказывает, но уже несколько лет спустя я понял, что предложенный Арленом Вааговичем региональный подход к изучению и преподаванию истории трех стран Среднего Востока позволяет применять эффективный сопоставительный метод, очень помогавший мне при научном анализе непростых событий, происходивших в этих странах на протяжении последних десятилетий».

Накопленный в МГИМО опыт «осовременивания» процесса подготовки молодых кадров востоковедов А.В. Меликсетов успешно

■ Золотой фонд МГИМО

продолжил в годы работы в ИСАА. Вот как говорит о том времени Михаил Серафимович Мейер: «Его первые шаги в качестве директора ИСАА были связаны с двумя проблемами. Первая касалась выдвижения на ведущие роли в руководстве учебной и научной работой более молодого и активного поколения институтских сотрудников. Думается, что успешная работа Института в трудные для страны 1990-е гг. во многом была определена теми кадровыми подвижками, которых добился новый руководитель ИСАА».

Вторым, но не по его значимости, «при всей каждодневной занятости административными и хозяйственными вопросами своим основным делом Арлен считал поддержание атмосферы научного поиска в Институте. Как специалист по истории Китая, он изо всех сил продвигал написание нового учебника для китайстов и очень гордился, когда труд сотрудников его кафедры обрел форму книги, получившей широкое признание у специалистов и среди студентов. Речь идет о фундаментальном учебнике «История Китая» под редакцией А.В. Меликсетова 1998 г., в котором он является автором 6 из 20 глав. Не меньше времени и сил уделялось им разработке программы по новейшей истории стран Азии и Африки. К подготовке этого документа он привлек всех историков Института, а также его выпускников, работавших в разных научных центрах. Стремясь придать курсу новое звучание, Арлен добивался обсуждения программы в разных университетах и институтах страны и настоял на том, чтобы само ее название отражало новое понимание судеб Востока. В конечном итоге мы отказались от традиционного деления всей истории человечества на четыре эпохи и остановились на теме «История стран Азии и Африки в XX веке». Наш подход получил широкое признание. Но на то, чтобы подготовить столь же нестандартный учебник по этой программе, сил Арлена уже не хватило».

Арлен Ваагович был душой коллектива нашей мгимовской востоковедной кафедры, и жизнь наша не сводилась только к работе. Вместе

мы отмечали такие события, как защиты диссертаций, дни рождений. И всегда всем коллективом принимали участие в новогодних вечерах, традиционно устраивавшихся в МГИМО. Преподаватели других кафедр завидовали нам.

А.В. Меликсетов обладал хорошим характером, что проявлялось в простоте и легкости общения с ним. Его доброжелательность, гостеприимство и хлебосольство были неотъемлемой частью его натуры. А еще он был искусный кулинар. Вскоре после защиты докторской диссертации Арлен Ваагович пригласил нас отпраздновать это событие к себе домой. Был накрыт богатый стол, а «гвоздем» программы была утка «по-пекински», приготовленная по всем правилам китайской кухни и вызвавшая, конечно, всеобщий восторг. Особенно после того, когда выяснилось, что все это было сделано самим «виновником» торжества. А еще мы узнали, что в этой семье существовало жесткое правило: покупать мясо и готовить мясные блюда доверялось только мужчине.

Переход Арлена Вааговича на работу в ИСАА был для нас, преподавателей, настоящим потрясением: мы будто осиротели, так как понимали, что наша жизнь меняется коренным образом. В трудное время начала 1990-х гг. мы вступали без нашего любимого лидера, пытаясь удержать хотя бы частично ценный опыт предшествовавших лет. Продолжавшееся сотрудничество А.В. Меликсетова с МГИМО в 1990-х гг. – это совсем другая история, не имевшая практически ничего общего с предшествовавшими годами.

Завершая этот краткий, далекий от раскрытия всех сторон личности Арлена Вааговича Меликсетова очерк, полностью присоединяюсь к оценке, данной ему Л.Б. Алаевым: «Для всех, кто его помнит, он – светлый образ, с которым посчастливилось встретиться в жизни». Полагая, что большинство знавших и помнящих его придерживаются такого же мнения.

Stepanova N. V. Arlen Vaagovich Meliksetov (January 1, 1930 – February 15, 2006).

Дмитрий Владимирович Ермоленко – первый проректор МГИМО из числа выпускников вуза

А.А. Ахтамзян

Дмитрий Владимирович Ермоленко, родившийся в Москве 14 августа 1923 г., принадлежит к тем поколениям соотечественников, которые по праву считаются героическими поколениями. В самом деле, из каждых ста наших сограждан мужского пола, родившихся в 1922–1925 гг., в конце Великой Отечественной войны остались в живых всего по три-четыре человека. Дмитрий Ермоленко окончил среднюю школу № 324 в Москве в июне 1941 г. В июле он (ему еще не исполнилось 17 лет) уже был на строительстве оборонительных укреплений на Западном фронте. По возвращении в Москву в августе 1941 г. был зачислен в ряды Красной армии. Уже в январе–феврале 1942 г. семнадцатилетний боец участвует в боевых действиях на Западном фронте в составе мотострелкового батальона 32-й танковой бригады.

На фронте солдат получил контузию и после излечения в госпитале направлен в артиллерийское училище под Пензой. Там сержант Д. Ермоленко стал командиром взвода курсантов и в сентябре 1943 г. получил звание лейтенанта. В Советской армии он оставался до июня 1945 г., когда был уволен по состоянию здоровья. Естественно, первым желанием участника войны было наверстать упущенное – получить высшее образование. В сентябре 1945 г. Д.В. Ермоленко стал студентом только что созданного Московского государственного института международных отношений МИД СССР.

В это время участники войны, фронтовики, одетые в гимнастерки с орденскими планками и отметками ранений, составляли, можно сказать, ядро студенческого коллектива. Именно они заложили основы студенческой дружбы и мгимовской солидарности, понимания гражданского долга и патриотизма не на словах, а на деле. Они были

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России, выпускник 1954 г. E-mail: vestnik@mgimo.ru

образцом для последующих поколений студентов МГИМО. В числе первых студентов МГИМО были пять Героев Советского Союза. Абитуриенты со школьной скамьи заполнили старый дом у Москварики несколько позже.

Автор данного очерка впервые узнал Дмитрия Владимировича Ермоленко осенью 1949 г., когда поступил в МГИМО, а студент Д. Ермоленко завершал учебный курс. Дмитрий Ермоленко отличался не только солидностью тона, но и основательностью знаний и суждений. Вполне закономерно, что он стал аспирантом кафедры, призванной формировать мировоззрение молодых специалистов – международных. Наставниками нового поколения были директор МГИМО Г.П. Францев и профессор А.Ф. Шишкин. Преемственность поколений и научных школ в МГИМО стала складываться именно тогда.

Еще будучи аспирантами, недавние выпускники факультета международных отношений, в их числе Д.В. Ермоленко, Н.Н. Иноземцев, Ю.Н. Семенов, В.М. Коллонтай и другие, вели семинары и читали лекции, знакомили студентов не только с основами диалектического и исторического материализма, но и с зарубежными учениями, теориями, концепциями английских, американских, французских ученых. Именно идеология западных обществ была предметом анализа молодых ученых школы МГИМО. Д.В. Ермоленко подготовил и защитил в установленный срок диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. Тема диссертации – весьма актуальная в то время «Критика космополитических теорий в буржуазной философии и социологии». Именно от него студенты впервые слышали имена не только Питирима Сорокина, но и Бертрана Рассела, Уолтера Ростоу и многих других.

Яркую зарисовку лекции молодого доцента сделал по памяти один из его последователей доктор философии Б.С. Старостин: «Наш студенческий курс познакомился с Дмитрием Владимировичем, когда он стал читать нам лекции по философии. ... На нас, грешных, обрушился ураган каких-то мистических понятий, как-то: онтология и гносеология, бытие и ничто, материя и сознание и т.д. Лекции читались в самом престижном первом зале в старом здании МГИМО у Крымского моста, где сохранились интересные атрибуты прошлого. В первом зале висела огромная люстра со множеством хрусталиков, и когда Дмитрий Владимирович начинал говорить хорошо поставленным баритоном, зал замирал, и воцарившаяся тишина внимала мелодичному перезвону хрусталиков на старинной люстре». Эта зарисовка удачно отражает не только атмосферу в старом доме у Москварики, но и своеобразие яркой личности Димы – тридцатитрехлетнего доцента.

В 1956 г. Д.В. Ермоленко получил ученое звание доцента. В 1957 г. в издательстве Института международных отношений вышла его монография «Современная буржуазная философия Соединенных Штатов Америки». Когда директором, а затем и ректором института стал Ф.Д. Рыженко,

он начал выдвигать на руководящие должности выпускников вуза. В 1959 г. Д.В. Ермоленко был назначен проректором по учебной работе, фактически первым заместителем ректора. На этой должности он работал десять лет. Мне довелось работать в ректорате вместе с Д.В. Ермоленко и под его руководством в качестве начальника учебной части. По собственному опыту могу свидетельствовать, что он проявил себя как в высшей степени корректный, внимательный к людям руководитель, сохранявший спокойствие и выдержку в конфликтных ситуациях, чувство юмора в курьезных случаях.

Таким случаем был инцидент на вступительных экзаменах: один из абитуриентов получил оценку «неуд» по сочинению и заявил протест, обратившись к проректору. Дмитрий Владимирович корректно пригласил кандидата на поступление в вуз в приемную комиссию, чтобы показать ему его сочинение с многочисленными замечаниями экзаменаторов. Получив текст своего опуса, абитуриент выбежал из зала и направился к выходу. Его остановили и потребовали вернуть манускрипт, часть которого нерадивый юноша успел сжевать. Остатки вещественного доказательства вернули в личное дело, а проректор распорядился вручить аттестат зрелости кандидату на поступление на факультет, «где учат на посла».

Дмитрий Владимирович Ермоленко умело сочетал ответственную работу одного из руководителей большого коллектива с научно-педагогической деятельностью и эффективной исследовательской работой. Основным направлением исследовательского поиска ученого оставалось обширное поле современных международных отношений. Теоретическое осмысление глобальных процессов позволяло ему делать обобщения и выводы, имевшие практическое значение. В 1964 г. издательство «Наука» выпустило его монографию «Технический прогресс и разрыв с традиционализмом в общественных отношениях».

В 1965 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философии на основе монографии «Критика современной буржуазной философии США». В центре внимания исследователя находились эвентуальные последствия научно-технических достижений не только для общественной жизни, но и для изменения соотношения сил на мировой арене. Как историку, мне лишь позже пришлось осознать значение высказанной философом гипотезы относительно последствий применения электронной техники как средства коммуникаций между странами мира. «Среди теоретиков – международных своего времени Ермоленко был одним из пионеров в разработке проблем информационных технологий», – вспоминал доктор философии, профессор А.В. Шестопал.

Коллеги по Институту и сослуживцы по дипломатическому ведомству спустя полтора десятилетия после безвременной кончины ученого и дипломата опубликовали свои воспоминания об этом замечательном человеке. Некоторые факты и суждения, содержащиеся в этой публикации,

считаю уместным воспроизвести в данном очерке. Выпускник МГИМО Геннадий Константинович Ашин, ставший доктором философских наук, профессором, заслуженным деятелем науки, в очерке «Памяти учителя и друга» тепло называет Дмитрия Владимировича своим «первым учителем философии». Он с полным основанием говорит о формировании с участием Д.В. Ермоленко философской школы выпускников МГИМО.

Внимание к прикладным знаниям отнюдь не означало пренебрежение к фундаментальным отраслям науки. Напротив, исследования на основе фундаментальных наук и должны быть в основе научного предвидения процессов в международных отношениях. Результаты исследовательской деятельности получили отражение в десятках научных статей, в докладах на международных конференциях, а также в монографиях ученого. Очерки автора под названием «Научно-техническая революция и международные отношения» были опубликованы в 1973 г. не только на русском, но и на английском и французском языках. Теоретические разработки Д.В. Ермоленко привлекли внимание дипломатического ведомства страны, и он был приглашен на работу в качестве главного советника МИД СССР. В 1969 г. он возглавил научную группу, а затем отдел в Управлении планирования внешнеполитических мероприятий. Вскоре он получил дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла и плодотворно работал на этом поприще вплоть до безвременной кончины от тяжелой болезни.

Работа профессора Д.В. Ермоленко в дипломатическом ведомстве страны – это цельная глава в его биографии, можно сказать, вершина его деятельности. Профессиональные дипломаты – это люди аналитического склада ума, умеющие взвешивать не только мысли, но и слова. Научная подготовка в высшей школе для дипломатов – это лишь начальная ступень развития творческого стиля и методов повседневной работы. Успешная работа возможна лишь с обретением большого жизненного, практического опыта. Во многих странах мира в условиях научно-технического прогресса пришло осознание необходимости подкрепления каждодневной текущей деятельности самостоятельным научным анализом глобального процесса развития международных отношений.

Вот почему дипломатические ведомства не довольствуются ныне анализом договорно-правовых аспектов отношений между государствами и привлекают к сотрудничеству экономистов, философов, психологов и других специалистов. Именно для выполнения аналитической работы и был приглашен в ведомство, в отдел планирования внешнеполитических мероприятий, Д.В. Ермоленко. Его приглашение состоялось после того, как с его участием были проведены ситуационные совещания, получившие в обиходе название «мозгового штурма». Многие сотрудники ведомства знали Дмитрия Ермоленко еще со студенческих лет. Один из сокурсников – Юрий Рахманинов, – знавший Диму с 1945 г., когда они,

демобилизированные из армии фронтовики, одновременно поступили в МГИМО, весьма обстоятельно вспоминал о более чем десятилетней совместной работе в научном отделе ведомства. По его убеждению, Д.В. Ермоленко был одним из первых в нашей стране, и «не только в ней», кто применил научную социологию к исследованию закономерностей и движущих сил международных отношений.

Философ как бы перебросил мостик от науки к дипломатической практике. В то время многие руководители ведомства склонны были поддерживать тесные связи с учеными. Об этом свидетельствовали регулярные научно-практические конференции в МИДе, а также в МГИМО и Дипломатической академии. Наука была востребована как вспомогательный ресурс. Опытный дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол Ростислав Сергеев отмечал особую ценность знания ученым развития политической мысли в США, закономерностей развития постиндустриального общества. Р.А. Сергеев убежденно свидетельствует: «Сегодня, спустя годы, я беру в руки книгу Д.В. Ермоленко «Система, структура и процесс развития международных отношений» с дарственной надписью и вспоминаю человека одаренного, обладавшего глубокими познаниями в различных областях; умевшего мыслить остро, реалистически; с устойчивыми взглядами, готового отстаивать свое мнение; сдержанного, но отзывчивого, чуждого чванства; с чувством доброй иронии; благожелательно относящегося к своим товарищам, ко всем тем, с кем ему приходилось встречаться и работать».

Многие из тех, кто знал и общался с Д.В. Ермоленко, в том числе и автор данного очерка, без сомнения, подпишется под этой характеристикой замечательного человека. Но болезни и смерть беспощадны. Болезнь Дмитрия Владимировича, первопричина которой, возможно, таилась в контузии военных лет, подкосила его во время служебной командировки. Ему было 63 года. В этом возрасте ученый еще полон сил и строит планы обобщающих трудов. Несомненно, были таковые и у него. По воспоминаниям его супруги Евгении Федоровны, Дмитрий Владимирович всю жизнь работал напряженно. Ему всегда не хватало времени для реализации замыслов и научных проектов, не говоря уже об отдыхе. Мне доводилось видеть семью Ермоленко на отдыхе в поселке «Юность», где мы жили летом 1974 г., или в пансионате «Дружба» в другие годы. Дмитрий Владимирович запомнился моим близким и мне как заботливый отец и добродушный сосед по даче. Но главное в моих воспоминаниях о старшем товарище – это пример ученого, который охотно делился мыслями и знаниями не только со своими непосредственными учениками или сослуживцами.

Евгения Федоровна Ермоленко правильно отметила, что ученый оставляет людям плоды своих трудов. Остается память...

Ahtamzyan A.A. Dmitry Vladimirovich Ermolenko – the First Vice Rector of MGIMO from Among Graduates of Higher Education Institution.

Л. А. Никифоров – декан историко-международного факультета МГИМО

А.Л. Никифоров

Леоид Алексеевич Никифоров – один из первых организаторов учебного процесса и формирования учебных планов МГИМО. Изначально образование специалистов-международников лежало на «трех китах»: на истории международных отношений, в том числе истории России, на международном праве и на международных экономических отношениях. Именно по этим специальностям были сформированы в 1949 г. три факультета МГИМО. В августе 1948 г. деканом историко-международного факультета МГИМО стал Леонид Алексеевич Никифоров.

К этому моменту он был уже хорошо известен в кругах историков России. В январе того года ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук за диссертацию о российско-английских отношениях при Петре Великом. Его работа ввела в оборот целый пласт новых, ранее неизвестных архивных источников. Диссертация отличалась таким объемом использованного материала и столь глубоким анализом, что во время защиты часть ученого совета настаивала на присуждении автору докторской степени. Не обошли диссертационный труд Л.А. Никифорова своим вниманием ряд видных ученых, включая академика Е.В. Тарле.

Уже в 1950 г. была издана монография «Русско-английские отношения при Петре I». Она также получила высокую оценку историков, специализировавшихся по тематике этого периода российской истории. Последовавшее в 1952 г.

присуждение этой работе Л.А. Никифорова Государственной премии было воспринято специалистами как заслуженная оценка научной работы, имевшей, кроме чисто научного, еще и актуальное политическое измерение.

Алексей Леонидович Никифоров – Чрезвычайный и Полномочный Посол, выпускник МГИМО 1960 г.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

В 1954 г. эта монография была издана в Веймаре (ГДР) в переводе на немецкий язык. Таким образом, декан одного из факультетов ИМО стал первым научным работником, который, трудясь в институте, получил это высокое государственное признание, хотя свою диссертацию он подготовил и защитил еще до начала работы в здании около Крымского моста. Путь Л.А.Никифорова к научной работе, к деятельности в ИМО был, однако, непростым.

Родился Леонид Никифоров перед Первой мировой войной, в 1911 г., во Владимире. В годы Гражданской войны семья Никифоровых переехала в Москву, и с 1919 по 1927 г. Леонид учился в московской школе №73. Люди этого поколения рано начинали трудовой путь. Леонид Никифоров после окончания школы освоил профессию электромонтера и работал до призыва в армию на разных предприятиях в Москве, в том числе и на заводе «Авиахим». В 1936 г. он стал студентом исторического факультета МГУ. Диплом о высшем образовании получил в июне 1941 г., когда началась Отечественная война, и не только студенты, но и десятиклассники были призваны в армию. Молодой специалист, коммунист Л. Никифоров в этом же месяце ушел добровольцем на фронт. В своей автобиографии Л.А.Никифоров написал: «С началом Отечественной войны ушел в народное ополчение, откуда был переведен в истребительный батальон Краснопресненского р-на. Вслед за тем в составе 659 с.п., будучи политруком стрелковой роты, отправлен на фронт. В марте 1942 г. тяжело ранен на Калининском фронте».

Тяжелое ранение он получил 8 марта 1942 г. подо Ржевом и до лета 1943 г. проходил лечение в военных госпиталях. Как политрук своей части, он был отмечен медалью «За оборону Москвы», а за личную храбрость в боях – медалью «За отвагу». Те, кто знал его в послевоенный период, помнят, что его правая нога не сгибалась в колене. Но мало кто знал, что только многолетние упражнения позволили ему восстановить нормальную работу правой руки.

В 1943 г. он получил направление на учебу в Высшую дипломатическую школу НКВД СССР, которую окончил с отличием в 1945 г. В 1945–1948 гг. работал в советском внешнеполитическом ведомстве в отделе США, совмещая это с написанием уже упоминавшейся диссертации. Ему неоднократно предлагали выезд в длительную заграничную командировку в Вашингтон, но он предпочел научную работу и переход в ИМО.

Л.А. Никифоров стал деканом ИМО, имея за плечами большой жизненный опыт: службу в армии на Дальнем Востоке, десять лет работы электротехником на заводах и стройках Москвы, боевую закалку сражений 1941–1942 гг. и участие в напряженной послевоенной деятельности Министерства иностранных дел СССР. Все это помогло ему вписаться в новую среду, в которой, наряду с маститыми академиками,

были и его коллеги по МИДУ и многие фронтовики. Кроме науки с ее захватывающим аналитическим компонентом, его всегда увлекала работа с молодежью, со студентами и аспирантами. В этом ему помогал опыт бессменного старосты истфака МГУ выпуска 1941 г.

Вообще же трудно сказать, что ему импонировало больше: изучение истории или обучение других работе историка-международника. Порой казалось, что подготовка молодых кадров для научной деятельности и для дипломатической работы его увлекала больше. Во всяком случае, этому он посвящал основную часть своих усилий. Несмотря на то что МГИМО рекомендовал его в докторантуру Академии наук еще в 1953 г., он приступил к работе над диссертацией значительно позднее, с трудом, по его признанию, оторвавшись от "своих дипломников и аспирантов". В то же время он с таким наслаждением работал в архивах, с книгами, так любил участвовать в научных дискуссиях, что невозможно было сомневаться в его поглощенности наукой.

Так или иначе, теплые воспоминания его воспитанников, студентов и аспирантов свидетельствуют: его усилия не прошли бесследно. Сам он также считал, что эта работа, общение с молодежью, была самой плодотворной и важной частью его деятельности в МГИМО.

В книге воспоминаний выпускников МГИМО 1954 г., вышедшей в 2004 г. под названием «Снова в памяти...», имеются многочисленные добрые отклики на занятия, которые проводил доцент Л.А. Никифоров. Выпускница историко-международного факультета Л.М. Строева (Лобанова) писала: «Леонид Алексеевич был замечательным педагогом. Его лекции были интересными, четкими, содержательными. Они представляли собой не просто изложение фактов, но призывали студентов к их глубокому анализу и обобщению»¹.

Он высоко ценил потенциал выпускников Института, гордился теми, кто успешно работал в самых различных сферах, никогда не считал неудачниками тех имовцев, кто в силу различных причин трудился на скромных должностях, всегда был рад встрече со своими бывшими студентами и аспирантами.

Л.А. Никифоров был деканом историко-международного факультета долгих шесть лет. Затем в течение года он работал заведующим кафедрой всеобщей истории. И, наконец, после подготовки докторской диссертации он еще три года исполнял обязанности заведующего ведущей кафедры ИМО – истории международных отношений и внешней политики СССР. Будучи последователем академика Е.В.Тарле, сторонником научной школы историков-архивистов, Л.А.Никифоров внес существенный вклад в развитие исторической науки, такой ее отрасли, как история международных отношений. Список его научных работ и публикаций включает не только солидные монографии, но

■ Золотой фонд МГИМО

и десятки статей и рецензий в периодической научной печати. Можно отметить его многочисленные статьи в первом издании двухтомного Дипломатического словаря², а также в Большой Советской Энциклопедии.

Особо следует отметить, что его вторая крупная научная работа этого периода является как бы продолжением и развитием первой. Это – солидное (42 п.л.) исследование: «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир». Книга, основанная на материалах докторской диссертации, вышла в 1959 г.

Успешная защита самой диссертации прошла год спустя. 22 октября 1960 г. Л.А. Никифоров стал доктором исторических наук, а в мае 1962 г. ему было присвоено звание профессора по кафедре истории СССР. Однако это уже другая, не "мгимовская" история. После защиты докторской диссертации Л.А. Никифоров был назначен на пост ректора Московского государственного историко-архивного института. В течение шести лет (1962–1968 г.) он успешно руководил этим институтом, во многом способствовал его развитию как крупного центра исторических исследований.

Как отмечали профессора МГИАИ в своих опубликованных воспоминаниях, "середина 60-х оказалась своеобразным "золотым временем" в истории МГИАИ. Тогдашний ректор института, известный исследователь эпохи Петра I Л.А. Никифоров, сумел собрать творческий, сильный и либерально настроенный коллектив

преподавателей". В 1966 г. вместе с Г.А. Беловым он подготовил и издал книгу «Теория и практика архивного дела в СССР». Неоднократно выезжал на международные конференции историков и специалистов по архивам, где выступал с докладами и презентациями на английском языке.

Последние двадцать лет жизни Л.А. Никифоров плодотворно работал в Институте истории СССР Академии наук. Директор этого института А.Н. Сахаров отмечал присущие профессору Л.А. Никифорову творческий подход и активность в научной деятельности. В эти годы он был ответственным за все научные публикации, касающиеся эпохи Петра I, включая впервые вводимые в оборот документы того периода. Речь идет о многотомной публикации Академии наук «Письма и бумаги императора Петра Великого».

В то же время он продолжал вести аспирантов и докторантов – кандидатов на соискание научных степеней и консультировал других исследователей эпохи Петра. Наконец, к этому периоду относится его участие в качестве консультанта ряда киноработ, относящихся к Петровской эпохе. В частности, речь идет об известном кинофильме «Россия молодая», получившем не только высокую оценку зрителей, но и признание сообщества историков России.

Nikiforov A.L. L.A. Nikiforov – the dean of the historical and international faculty of MGIMO.

Примечания

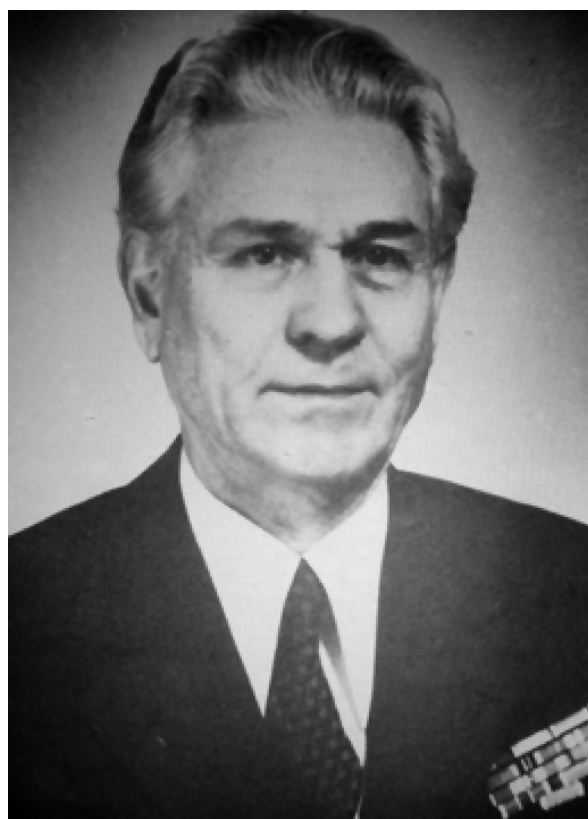
1. «Снова в памяти...» Выпускники 1954 вспоминают полвека спустя. М., 2004. С. 22.
 2. Дипломатический словарь, Т. I-II. М., 1948-1950.
-

Выдающийся педагог и китаист В.И. Горелов в МГИМО

А.Н. Алексахин

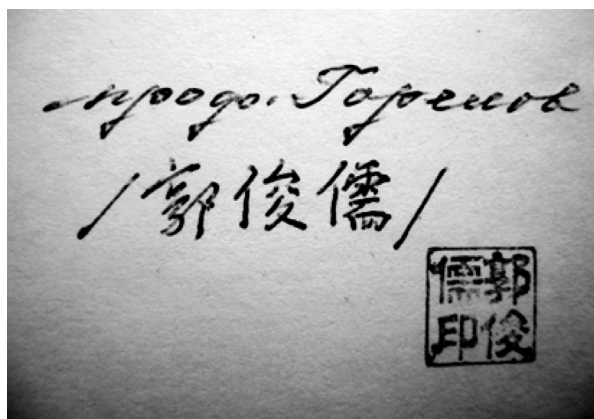
Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Иванович Горелов (04.04.1911 – 1994 гг.) – участник Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями СССР и МНР. С 1956 по 1988 г. трудился на кафедре китайского, вьетнамского, бирманского, лаосского, тайского и кхмерского языков, с 1956 по 1965 г. – в должности доцента и профессора, а с 1965 по 1988 г. – заведующим кафедрой. В.И. Горелов является автором более чем девяноста научных трудов, статей и докладов, опубликованных в авторитетных сборниках, журналах в СССР, РФ и за рубежом.

В.И. Горелов родился в Чите. В 1941 г. экстерном окончил Московский институт востоковедения (МИВ), где преподавал последующие два года. В 1943 – 1946 гг. он – научный сотрудник Государственного музея народов Востока (1936–1937 гг.) и Главного управления геодезии и картографии. В 1946 г. Владимир Иванович вернулся к преподавательской деятельности, но уже в Военный институт иностранных языков Красной армии, где в 1949–1951 гг. возглавлял кафедру китайского языка. В 1952–1953 гг. он переводит девять работ в «Избранных произведениях» Мао Цзэдуна. В.И. Горелов являлся почетным профессором Педагогического института г. Яньтай КНР, почетным консультантом лингвистического общества г. Чанчунь КНР, профессором-консультантом Института языкознания (Шанхай, КНР), принимал активное участие в XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960 г.) и в X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте (1967 г.).

В научных кругах Китая профессор В.И. Горелов известен под китайским именем Го Цзюнь-жу 郭俊儒, что в каллиграфическом написании Владимира Ивановича на дарственных надписях выглядит в виде:

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой китайского и др. языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: asnls@yandex.ru

Ректор МГИМО-Университета академик РАН А.В. Торкунов в своей речи при открытии бюста Конфуция в МГИМО 9.10.12 высоко отозвался о профессоре В.И. Горелове как выдающемся педагоге и китаеведе, своими трудами и подготовкой дипломатов со знанием китайского языка внесшим значительный вклад в углубление взаимопонимания и дружбы между народами России и Китая. Научно-педагогическая деятельность Владимира Ивановича получила широкое признание при его жизни. Многие китаеведы, в том числе и автор данных строк, в конце марта 1991 г. получили следующее приглашение: «Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Общество советско-китайской дружбы, Всесоюзная ассоциация китаеведов, Московский государственный институт международных отношений МИД СССР сообщают о том, что 4 апреля 1991 года исполняется 80 лет со дня рождения и 60 лет научно-педагогической и переводческой деятельности заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора филологических наук, члена центрального правления общества советско-китайской дружбы профессора Владимира Ивановича Горелова. Торжественное собрание состоится 4 апреля 1991 г. в Доме дружбы с народами зарубежных стран».

Вся жизнь Владимира Ивановича была связана с Китаем. Он вырос и получил среднее образование в Китае, где его отец работал на КВЖД. В 1931 г., после завершения учебы на Восточном отделении школы для детей граждан СССР в г. Харбине, Владимир Иванович получил специальность переводчика китайского языка. В 1931–1935 гг. руководил группой переводчиков в составе переводческой службы КВЖД и уже преподавал китайский язык сотрудникам КВЖД.

Символично, что В.И. Горелов является ровесником Синьхайской революции, вспыхнувшей в Китае в 1911 г. и давшей мощный импульс для развития Китая во всех областях социальной жизни, в том числе и в области реформирования китайского языка и китайской иероглифической письменности. Старый литературный язык Китая «вэньянь» с его сложной иероглифической письменностью не был похож

на разговорный китайский язык «байхуа». Написанное на «вэньяне» и прочитанное вслух не было понятно. Разговорный язык «байхуа» надо было приспособлять для записи иероглифами. Классики китайской литературы того времени писали о том, как они учились писать статьи на «байхуа». Одна из статей известного китайского писателя Лао Шэ (псевдоним) (Шу Цинчунь, 1898 – 1966) «Как я учусь языку» начинается с признания: «Более двадцати лет тому назад, когда я начал учиться писать статьи на байхуа, я допустил две ошибки».

Можно представить, какие усилия прилагал Владимир Иванович в юные годы, когда учил китайский язык и работал переводчиком на КВЖД. О причинах сложности изучения китайского языка в те годы пишет один из общепризнанных практических знатоков китайского языка В.С. Колоколов: «Изучение китайского языка трудно вследствие: 1) недостаточной теоретической разработанности грамматики, 2) архаичности системы письма и 3) сложности пользования словарями, поскольку иероглифы обычно располагаются в них по ключевой системе» (1935).

Судя по научным работам В.И. Горелова, его предпочтение было отдано грамматике китайского языка. Именно грамматика, являясь по определению В.Г. Белинского философией языка, обеспечивает взаимопонимание между говорящими на данном языке и межъязыковой перевод. Проблемы китайской грамматики были в центре внимания многих известных советских китаеведов: Е.Д. Поливанова, А.И. Иванова, А.А. и Е.Н. Драгуновых, И.М. Ошанина, Н.Н. Короткова, Ю.В. Рождественского, В.М. и Н.В. Солнцевых, С.Е. Яхонтова и др. Труды В.И. Горелова отличаются прежде всего полнотой описания всех аспектов китайской грамматики, творческим анализом имеющихся лексико-грамматических теорий, исчерпывающим знанием работ китайских языковедов, практической направленностью теоретических положений, иллюстрируемых яркими примерами из оригинальных произведений китайских авторов. В таком изложении материала в трудах по теоретической и практической грамматике, лексикологии, стилистике и по переводу прослеживается творческое кредо Владимира Ивановича как теоретика, практика и педагога. Теория формулирует правила для практики, примеры из практики применения языка в речевых произведениях подтверждают и иллюстрируют теоретические положения. В такой лапидарной и закольцованной подаче материала лежит ключ к их эффективно-му использованию в практическом изучении китайского языка. Ясность, четкость и научная обоснованность формулировок в трудах В.И. Горелова напоминают тексты по математике, где нет лишних слов. И это требует от читающего максимальной концентрации внимания и постоянного осмысления читаемого.

«Теоретическая грамматика китайского языка» (1989) является венцом творчества профессора В.И. Горелова и допущена Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки». Закономерно, что рецензентом данного труда выступила кафедра китайского языка Военного института (ВИИЯ), творческие связи с которой Владимир Иванович (более десяти лет преподавал и два года руководил кафедрой китайского языка ВИИЯ) поддерживал на протяжении всей жизни. В телефонном интервью (26.12.12) автору данных строк профессор Иван Дмитриевич Кленин, учившийся в ВИИЯ у В.И. Горелова в 1946–49 годах и руководивший кафедрой китайского языка ВИИЯ с 1965 по 1987, сообщил, что Владимир Иванович в 1970 году выступил официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации И.Д. Кленина по теме «Военная лексика китайского языка». Многим китаистам ВИИЯ посчастливилось слушать лекции профессора В.И. Горелова, впервые в СССР создавшего курс лекций по стилистике китайского языка. Спокойная, уверенная манера изложения седовласого сухощавого профессора из МГИМО, говорившего на китайском языке, как на родном, навсегда осталась в благодарной памяти его военных студентов, видевших его фотографию в форме молодого подполковника Советской армии в музее Военного института. Владимир Иванович живо интересовался научными интересами молодых преподавателей во время чтения лекций для преподавателей кафедры китайского языка Военного института. Узнав, что автор данных строк в 1974 г. собирается в командировку в Наньянский университет Сингапура, профессор Горелов, побывавший в Сингапуре в 1971 г. и установивший научные связи с профессурой, пишет рекомендательное письмо профессору этого университета Лу Шаочану. Творческий контакт с профессором Лу Шаочаном, выступившим информантом по диалекту хакка китайского языка в 1974–1975 гг. в Наньянском университете, определил все последующую научную биографию автора данных строк, его кандидатскую и докторские диссертации. В 1987 году в серии «Языки народов Азии и Африки» под редакцией известного теоретика китайского и общего языкознания В.М. Солнцева выходит книга А.Н. Алексахина «Диалект хакка (китайский язык)». В 2013 г. эта книга в дополненном варианте издается второй раз. А ведь региональный китайский язык хакка (кэцзя) является родным языком вождя Синьхайской революции доктора Сунь Ятсена. Более ста двадцати миллионов современных китайцев, живущих в континентальном Китае и за его пределами, считают его своим родным языком «муюй». Именно в этом году (1911 г.) в далекой Чите появился на свет будущий талантливый ученый и выдающийся педагог Владимир Иванович Горелов.

Профессор В.И. Горелов более двадцати лет возглавлял кафедру китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО. Старший преподаватель этой кафедры Ольга Николаевна Маслакова, в 1967 г. поступившая в МГИМО, на третьем курсе слушавшая лекции профессора Горелова В.И. и с 1972 по 1984 г. работавшая преподавателем под руководством Владимира Ивановича, вспоминает: «В.И. Горелов был опытным методистом и умелым организатором учебного процесса, высококвалифицированным педагогом, был требовательным руководителем... Авторитет его на кафедре был чрезвычайно высок... Внешне привлекательный до самых преклонных лет, всегда подтянутый, корректный, он был образцом русского интеллигента, обладал блестящей эрудицией. Негромкий голос, приятная, спокойная манера изложения материала буквально завораживали аудиторию». Кандидат исторических наук, доцент Людмила Владимировна Ларионова, работавшая на кафедре под руководством Горелова В.И. с 1976 по 1988 г. вспоминает: «Владимир Иванович поражал энциклопедичностью и широтой своих знаний, желанием поделиться ими с коллегами, неизменной доброжелательностью. Невероятно интересными были его рассказы о жизни в Харбине, где отец Владимира Ивановича работал на КВЖД, об учебе в китайской школе, что сделало В.И. Горелова подлинным носителем китайского языка».

Многогранна была научно-организаторская деятельность профессора В.И. Горелова в МГИМО и за его стенами. Многие годы он был председателем Научно-методического совета кафедр иностранных языков МГИМО, являлся членом Совета МГИМО, членом Совета факультета МО, членом президиума Ученого методического совета при Министерстве просвещения СССР, председателем комиссии по вопросам преподавания китайского языка в средней школе при Минпросе СССР, членом Специализированного совета по языкознанию Института востоковедения АН СССР.

Труды выдающегося педагога, просветителя по призванию (недаром его основные работы изданы в издательстве «Просвещение» многотысячными тиражами) профессора Горелова В.И. востребованы и сегодня. Их практическая направленность при неизменной внутренне присущей теоретичности сделали эти книги библиографической редкостью. За книгами профессора В.И. Горелова буквально «охотятся» в Интернете и в букинистических магазинах. Будем надеяться и прилагать усилия, чтобы в наш век нарастающего интереса к изучению китайского языка труды блестящего представителя советской и российской школы китаеведения будут доступны для пытливых умов российских китаистов. Основные труды В.И. Горелова:

■ Золотой фонд МГИМО

– Практическая грамматика китайского языка. М.: Внешторгиздат, 1957. 192 с. 6200 экз.

– Горелова Е. Н. (Елена Николаевна), Горелов В. И. Китайский язык. М.: Издательство ИМО, 1962. 101 с. 7400 экз.

– Союзы в сложном предложении современного китайского литературного языка. М.: Изд-во ИМО, 1963. 212 с. 1400 экз. (то же: Автореф. дисс. ... к.филол.н. М., 1958).

– Пособие по переводу с китайского языка на русский. М.: Наука, 1966. 84 с. 3300 экз.

– Исследования по синтаксису китайского языка. Доклад по опублик. работам ... д.филол.н. М., 1968.

– Стилистика китайского языка. Курс лекций. М., 1974. 132 с.

– Грамматика китайского языка: для 8–10 кл. ср. школы. М.: Просвещение, 1974. 275 с. 6500 экз. 2-е изд.; М.: Просвещение, 1982. 279 с. 3500 экз.

– Стилистика современного китайского языка: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1979. 192 с. 5000 экз.

– Лексикология китайского языка: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1984. 216 с. 5000 экз.

– Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 317 с. 4600 экз.

Aleksakhin A.N. A Prominent Teacher and Sinologist V.I. Gorelov in MGIMO-University.

Почетный профессор МГИМО(У) МИД России Л.Г. Веденина

М.К. Огородов

Людмила Георгиевна Веденина окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирантуру там же по кафедре романской филологии, а также курсы французской цивилизации в Сорбонне (Университет Париж IV). Своими учителями Л.Г. Веденина считает Марину Сергеевну Гурьеву, члена-корреспондента РАН Рубена Александровича Будагова и известного французского ученого Андре Мартине, стоявшего у истоков функционального направления в европейской науке о языке.

Вся научная и педагогическая деятельность Людмилы Георгиевны связана с МГИМО, где она начала работать с 1961 г. и прошла путь от преподавателя до профессора, доктора филологических наук. Сегодня Л.Г. Веденина трудится на кафедре французского языка № 1, где преподает французский язык и читает курс «Лингвострановедение Франции». Она – автор более 200 научных публикаций. В науке ее привлекают явления, которые мало изучены либо представляют отклонения от того, что является распространенным или считается общепризнанным. Можно отметить три основных направления ее исследований:

- изучение синтаксиса французского языка (кандидатская диссертация «Функциональные особенности номинальных предложений современного французского языка», 1963; «Французское предложение в речи», 1-е изд. 1991; 2-е изд. 2009, 200 с.;

- исследование графической формы языкового знака (монография «Пунктуация французского языка», 1975, 167 с.; докторская диссертация «Французская пунктуация и ее роль в построении

- лингвокультурология и лингвострановедение.

Характерной особенностью научных работ Л.Г. Ведениной является их доказательность, отсутствие всякого рода умозрительных заключений. Наблюдения проводятся на основе обширного и разнообразного языкового материала, широко используется лингвистический эксперимент.

Л.Г. Веденина – член диссертационных советов ряда вузов, в том числе МГИМО, руководитель

Огородов Михаил Константинович – к.филол.н., заведующий кафедрой французского языка № 1 МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

кандидатских диссертаций, тщательный и доброжелательный официальный оппонент, автор многочисленных рецензий. Являясь членом Парижского лингвистического общества, Международного общества функциональной лингвистики, Международной федерации преподавателей французского языка и Ассоциации преподавателей французского языка в России, Л.Г. Веденина многократно принимала участие в международных форумах ученых-языковедов и педагогов. Из зарубежных поездок Л.Г. Веденина приезжает с новыми идеями, новыми проектами и материалами, которыми щедро делится с учениками и коллегами.

Людмила Георгиевна участвует в научной жизни Франции. Она по заказу Национального центра научных исследований написала на французском языке работу «Лингвистический смысл типографских знаков» (L.G. Védénina. «Pertinence linguistique de la présentation typographique», 1989, 160 p.), которая вышла в свет в Париже. В предисловии в этой работе французский лингвист Нина Каташ, один из крупнейших специалистов в области изучения графической формы языкового знака, отмечает пионерный характер исследования, проведенного российским ученым: «A bien des égards ce livre est un phare, qui va éclairer un domaine jusqu'ici dans l'ombre et méconnu» [«Во многих отношениях эта книга является маяком, освещающим область, которая до сих пор находилась в тени и оставалась неизученной»]. Кроме того, во французской научной периодике (La Linguistique, Langue française, Lettre de la FIPF) Л.Г. Ведениной был опубликован целый ряд статей, посвященных проблемам синтаксиса, лингвокультурологии и преподавания французского языка как иностранного в России.

Л.Г. Веденина знакомит российскую общественность с работами французских специалистов, в частности с трудами лингвистов функционального направления, исследовательские приемы которых она использует в своих изысканиях. Она является переводчиком и автором предисловия книги М. Мамудяна «Лингвистика» (М. Мамудян. «Лингвистика». Перевод с французского Л.Г. Ведениной, 1985, 200 с.), а также автором статей о французском функционализме (см., например Л.Г. Веденина. «Функциональное направление в современном зарубежном языкознании» // «Вопросы языкознания». 1978. № 6, с. 64–78).

Важное место в научном творчестве Л.Г. Ведениной занимают исследования в области лингвокультурологии и лингвострановедения. Людмила Георгиевна является одним из основателей этого направления отечественной филологии и автором ряда фундаментальных работ в этой сфере, таких, например, как «Франция и Россия: диалог культур» (на французском языке), 2000, 304 с.; «Франция, французы, французский язык» (на французском языке), 2001, 264 с. Своего рода кульминацией работы на этом направлении явилось издание «Лингвострановедческого словаря Франция» в 1997 г. – книги, при подготовке кото-

рой Людмила Георгиевна выступила в качестве ответственного редактора и одного из авторов. В 2008 г. этот труд, в значительно измененном и расширенном виде, был переиздан под названием «Большой лингвострановедческий словарь Франция» в серии «Фундаментальные словари».

Весьма значителен вклад Л.Г. Ведениной в организационно-научную деятельность. По ее инициативе и под ее неизменным руководством в МГИМО с 2003 г. проходит Межвузовский семинар «Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения», который ежегодно собирает ведущих специалистов по этой проблематике, представляющих как российские, так и зарубежные вузы. Работа семинара проходит в рамках пленарных заседаний и по секциям, которые посвящены таким вопросам, как: языки в аспекте лингвострановедения, проблемы лингводидактики, проблемы перевода, анализ конкретных лингвокультурологических проблем и т.д. По итогам семинара публикуется сборник, редактором которого является Людмила Георгиевна и который фактически представляет собой коллективное монографическое исследование, построенное на материале целого ряда языков.

Кроме того, в течение многих лет Л.Г. Веденина руководит в МГИМО Межкафедральным семинаром по лингвострановедению, в котором участвуют преподаватели языковых кафедр. Цель семинара – обмен опытом, ознакомление с исследованиям в области научных дисциплин, питающих лингводидактику (национальная психология, социология, языкознание, культурология, педагогика), а также информирование о научных конференциях в нашей стране и за рубежом. О работе семинара рассказывает научно-документальный фильм «История одного семинара» (автор сценария – Л.Г. Веденина, МГИМО, 2012, 45 мин.)

Научная работа Л.Г. Ведениной неразрывно связана с ее педагогической деятельностью. Людмила Георгиевна виртуозно владеет всеми приемами педагогической техники: занимаясь со студентами как младших, так и старших курсов по классической, а также по интенсивной методикам, работая с мультимедийными материалами, организуя вечера поэзии, спектакли, учебные экскурсии. Заучивание иноязычного текста, слов и конструкций Л.Г. Веденина не считает самоцелью, она любит повторять, что учит искусству коммуникации, приобщает к стратегии общения:

- как войти в разговор;
- как закончить беседу;
- как не растеряться, догадаться, если что-то было непонятно;
- чего можно ждать от партнера – предугадать его реакцию, вкусы, интересы;
- как понравиться, чего не надо говорить и показывать собеседнику.

Людмила Георгиевна не признает преподавательского высокомерия, нравоучительного тона, не укоряет ошибкой; она точна и обаятель-

на, артистична и открыта, терпелива и доброжелательна. Ее речь элегантна, остроумна и аргументированна. Ей можно позвонить по телефону, почитать книгу из ее библиотеки, сходить с нею на лекцию во Французский культурный центр, на спектакль французского театра, на просмотр французского фильма.

Особой вехой в работе Людмилы Георгиевны явилось создание курса «Лингвострановедение Франции», в котором слились воедино научное и педагогическое направления ее многолетней деятельности. МГИМО – один из первых вузов, в которых начали преподавать культуру страны изучаемого языка. Курс лингвострановедения Франции, введенный в 1990 г., зародился из студенческих вопросов и ответов преподавателей. Ответы рождали новые вопросы и наоборот. Вопросы усложнялись, требовали от преподавателей постоянного поиска редкой информации, добраться до которой не всегда было просто. Возникла насущная необходимость в регулярных занятиях.

Л.Г. Веденина создала рабочую группу из нескольких преподавателей, разработала программу, возглавила работу по подготовке учебной литературы. Курс состоит из лекций и семинаров на французском языке. При прохождении некоторых тем занятия дополняются учебными экскурсиями в музеи (Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки, Театральный музей им. А.А. Бахрушина, Литературный музей, Третьяковская галерея и т.д.).

Основу методического обеспечения курса составляет учебный комплекс «Франция сегодня», где Л.Г. Веденина выступает как редактор (соредактор), автор пояснительных записок и разработок ряда тем. Кроме того, Людмила Георгиевна подготовила электронный учебник по лингвострановедению Франции, содержащий богатейший иллюстративный (в том числе и мультимедийный) материал и развитую систему упражнений.

Занятия свои Л.Г. Веденина проводит мастерски, виртуозно, умея обнаружить в жизни Франции такое событие или факт, которые были бы созвучны проблематике, волнующей современного российского студента, а затем сформулировать их таким образом, чтобы стимулировать обучаемого к выражению собственных мыслей, поиску нужного аргумента, к поддержке или дискуссии с собеседником. Кроме широчайшей эрудиции, здесь требуется исключительная изобретательность, тонкость и чувство меры.

Заслуги Л.Г. Ведениной получили высокую оценку как в нашей стране, так и во Франции: Людмила Георгиевна удостоена Государственной премии Правительства Российской Федерации (2002 г.) и звания Кавалера французского Ордена Академических Пальмовых Ветвей (2003 г.). Родной вуз также отметил значимость научно-педагогической деятельности Л.Г. Ведениной, присвоив Людмиле Георгиевне звание Почетного профессора МГИМО(У) МИД России.

Инновация как чудо: высокотехнологичные отрасли - ресурс экономического роста (на примере Государства Израиль)

А.Е. Лебедев

Senor D., Singer S. *Start-up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle* / Grand Central Publishing. New York, 2011. P. 221

Феномен израильского экономического чуда в последние годы явился предметом многочисленных научных исследований. Во многих из них анализируются отдельные составляющие этого явления: финансовая политика израильских властей; структурные сдвиги и реформы в израильской экономике; конверсия военного производства; фактор постоянно изменяющегося за счет иммиграции рынка труда. Предпринимались также попытки объяснить модель роста экономики Израиля особенностями геополитического положения страны на Ближнем Востоке или уникальностью формирующегося в стране иммигрантского общества.

Отдельное место в списке работ, посвященных израильской экономике, занимают исследования, связанные с ростом и развитием высокотехнологичного сектора экономики. Возникновение и стремительный рост израильского хайтека рассматривается, как правило, сквозь призму основных экономических и исторических процессов, повлиявших на становление израильской экономики во второй половине XX – начале XXI в.

В данном контексте книга американских авторов Дэна Сенора и Сола Сингера *Start-up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle*¹, является исключением сразу по нескольким причинам. Во-первых, авторы книги не прибегали к методу ретроспективно-исторического экономического анализа и не рассматривали отдельно каждый из секторов высокотехнологичного производства. Во-вторых, анализ статистических данных в рамках этого исследования носит весьма ограниченный характер. Основной метод, использованный в книге, – интервью, на основе которых авторы индуктивно выводили основные положения концепции. С помощью полученных выводов они попытались ответить на вопрос о том, "как общество бедных беженцев сумело превратить то, что Марк Твен описывал как "край запустения... безмолвный и скорбный", в одну из наиболее динамично развивающихся экономик мира, ядром которой является предпринимательство?"². Через описание конкретных примеров – историй успеха отдельных компаний, личностей, венчурных фондов – авторы сформулировали общие факторы роста высоких технологий в Израиле, парал-

Лебедев Андрей Евгеньевич – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.
Email: lebedev88@gmail.com

тельно объяснив, почему подобная благоприятная среда для развития инноваций не возникла в других развитых и развивающихся странах, в которых для этого имеются все предпосылки. В частности, израильская экономика сравнивается с сингапурской.

Среди факторов, повлиявших на ускоренное развитие и бум израильской высокотехнологичной промышленности в конце XX – начале XXI в., авторы в первую очередь обращают внимание на особенности геополитического положения Израиля в регионе Ближнего Востока и в мире в целом. Своеобразная изоляция Израиля, с трех сторон окруженного арабскими государствами (с каждым из которых на определенном этапе своей истории Израиль вел полномасштабные войны) и с четвертой стороны – морем, сделала это государство с 7-миллионным населением прекрасной площадкой для апробации нововведений и воспитала в израильтянах стремление выйти за пределы собственной территории. Этим, в частности, объясняется масштабное распространение Интернета и мобильной связи, а также развитие национальной телекоммуникационной отрасли в Израиле.

Постоянная угроза вооруженного конфликта с арабскими странами и Ираном, а также опасность террористических актов заставляют Израиль поддерживать в боеспособном состоянии достаточно многочисленную (а в относительных показателях – одну из самых больших в мире) армию. По данным справочника *The MilitaryBalance*, в 2010 г. состав действующей армии обороны Израиля насчитывал 147 000 человек³, то есть более 24 военнослужащих на 1000 населения, что является третьим показателем среди всех стран мира после Северной Кореи и Эритреи⁴. В Израиле действует всеобщая воинская повинность, а армия является важнейшим социальным институтом наравне со средней и высшей школой. В армии налаживаются многие социальные контакты, и нередки случаи, когда именно в годы службы формируется рабочая группа будущего стартапа.

В армии закрепляется социокультурная модель поведения израильтянина, согласно которой авторитет руководителя необходимо подвергать сомнению, отстаивая собственные взгляды по любому вопросу. Более того, существующая в Израиле практика ежегодных военных сборов способствует усилению антииерархического этоса, так как зачастую «водители такси могут командовать миллионерами, а 20-летние молодые люди – заниматься военной подготовкой своих родителей»⁵. Все это, по мнению авторов, способствует созданию «инновационной атмосферы» в обществе. Кроме того, существующие в армии отряды по борьбе с терроризмом, оснащенные высокотехнологичным оборудованием, а также специальный инженерный батальон, военнослужащие которого проходят жесткий конкурсный отбор, а затем – усиленную образовательную подготовку, де-факто являются благоприятной почвой для роста будущих хай-тек корпораций с многомиллионными оборотами.

Еще одним фактором развития высокотехнологичного производства в Израиле (вновь негативным по своей природе) являются жесткие климатические условия, в которых существует и развивается сельское хозяйство Израиля. Необходимость обеспечивать страну продуктами питания влечет за собой и необходимость инноваций как в сфере выращивания культур в засушливых условиях на соленых почвах, так и в области выращивания скота при фактическом отсутствии пастбищ.

Не остался без внимания авторов и переселенческий характер израильского общества. Отдельно рассматривается волна иммиграции из стран бывшего СССР в последнее десятилетие XX в., среди представителей которой (в отличие от иммигрантов-евреев из арабских и африканских стран) многие получили высшее образование до переселения в Израиль. Специально для инженеров и научных работников – выходцев из стран бывшего СССР – в Израиле было запущено несколько программ профессиональной абсорбции.

Наконец, авторы обратили внимание на активное включение государства в работу по созданию местных венчурных фондов, которые буквально за два десятилетия сумели стать ядром инвестиционного потока в многочисленные израильские стартапы. Особо отмечается успех проекта «Йозма», в рамках которого с 1992 по 1997 г. было создано 10 фондов общим капиталом в 200 млн долл. Все они были выкуплены и приватизированы и на сегодняшний день общий капитал этих фондов составляет 3 млрд долл.⁶

Обобщив и связав между собой перечисленные выше факторы, подкрепив каждый из них многочисленными примерами, авторы создали развернутую комплексную теорию, со всех сторон объясняющую феномен израильского экономического чуда с точки зрения успеха в первую очередь именно в области инновационного высокотехнологичного производства. Вместе с тем необходимо отметить, что в своем исследовании, в целом написанном в восторженных тонах, Дэн Сенор и Сол Сингер игнорируют целый ряд негативных моментов, связанных с развитостью высокотехнологичных отраслей производства. По мнению многих исследователей, под высокотехнологичной оболочкой находится основное экономическое тело Израиля, которое выглядит не настолько развитым и свежим. В стране имеется ряд индустриальных гигантов, которые преуспевают в нескольких экспортных нишах, таких, как производство лекарств, телекоммуникационного оборудования, систем вооружения, сельскохозяйственных и водосберегающих технологий.

Тем не менее большинство из традиционных отраслей (например, производство машинной техники, химическая отрасль, одежда, пищевая промышленность), которые обеспечивают работой значительную часть экономически активного населения, таких блестящих успехов не демон-

стрируют. К примеру, производительность труда в промышленности в Израиле в два раза ниже, чем в США. Причина одна: гигантские затраты, отвлекаемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, так и оседают в высокотехнологичном производстве, в то время как более традиционные отрасли получают лишь ¼ тех объемов финансирования (в относительном выражении), которые характерны, например, для США, аналогию с которыми на протяжении всей книги проводят авторы⁷.

Еще одним недостатком исследования следует считать его недостаточно проработанную научную базу. Строго говоря, авторы не ставили перед собой цели создать классический научный труд. Во вступлении к своей книге они так отозвались о своей работе: «Эта книга – частично

исследование, частично обсуждение и отчасти – повествование»⁸. Этим объясняется и стиль текста, и отсутствие достаточной фактической и доказательной базы, и обилие интервью и описаний, столь нехарактерных для экономического исследования.

Вместе с тем книга явно будет полезна тем ученым и исследователям, кто вплотную интересуется экономикой высокотехнологичных отраслей именно потому, что в ней рассматриваются конкретные примеры ставших успешными на рынке стартапов. Практический материал, собранный авторами, может стать уместным дополнением теоретической модели.

Lebedev A.E. Innovation as Miracle: High-Tech Industries – a Resource of Economic Growth (on the Example of the State of Israel).

Примечания

1. В данной рецензии речь пойдет о последнем издании книги, вышедшем в 2011 году. В российском переводе книга получила название «Нация умных людей. История израильского экономического чуда» (2011). При подготовке рецензии был использован оригинальный текст книги на английском языке.
2. Senor D., Singer S. Start-up Nation: The Story of Israel's Economic Miracle / Grand Central Publishing. New York, 2011. P. 22.
3. The Military Balance 2012. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics / The International Institute for Strategic Studies, 2010. P. 255.
4. Ibid. P. 306, 412.
5. Senor D., Singer S. Start-up Nation... P. 62.
6. Ibid. P. 198.
7. The Economist. 03.04.2008. P. 7.
8. D. Senor, S. Singer. Start-up Nation... P. 3.

Япония между Западом и Востоком

С.И. Лунев

*Политическая система современной Японии: Учебное пособие/ Ответ. ред.
Д.В. Стрельцов. М.: Аспект Пресс, 2013.*

Рецензируемое учебное пособие призвано заполнить собой пробел, связанный с отсутствием учебно-методической литературы по вопросам развития послевоенной политической системы Японии. Огромный интерес к восточноазиатской державе вызывает особый спрос на подобное издание, а бурно развивающееся японоведческое направление в современном отечественном востоковедении дает возможность ответить на многие животрепещущие вопросы. В последнее время чрезвычайно важными стали вопросы о сущности политических процессов и характере демократизации, о соотношении западной цивилизационной модели и незападных цивилизационных комплексах, модернизации и вестернизации.

Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась воспринимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических изменений в направлении заранее заданной западнцентристской «идеальной модели». Однако конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире модель, соответствовавшую западному прообразу. Постепенно в западном политологическом сообществе стали появляться специалисты, предостерегавшие от применения чисто западной методологии для анализа восточных обществ. Один из ведущих американских специалистов – Л. Пай даже сформулировал 17 специфических закономерностей «незападного» политического процесса. Среди них, например, отсутствие

строгого разделения между политической сферой, с одной стороны, и общественными и личными взаимоотношениями – с другой; политические организации – скорее носители определенного мировоззрения, а не выразители политических взглядов; значительное количество различных клик и кланов; гораздо меньшая по сравнению с Западом приверженность политических лидеров какой-либо стратегии; частое инициирование оппозицией революционного движения; слабая или вообще отсутствующая интегрированность участников политического процесса; постоянное появление новых лидеров; существенные различия в политических взглядах различных поколений; частое изменение отношения к легитимности тех или иных политических действий; слабое влияние политических дискуссий на процесс принятия решений; малое количество организованных групп интересов; доминирование лидеров харизматического типа; отсутствие стремления у политических лидеров к четкому высказыванию своих взглядов на внутривнутриполитические процессы (в отличие от международных проблем); излишняя эмоциональность лиц, принимающих решения¹.

В современном мире зона Востока отличается очень большой гетерогенностью. Отдельное место занимает, естественно, Япония, которую исследователи, как правило, относят к Западу. Однако даже в наиболее развитой азиатской стране трудно не заметить колоссальные отличия ее модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Неслу-

Лунев Сергей Иванович – д.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: silounev@gmail.com

чайно, американский профессор К. ван Вулфен заявил на конференции в Токио: «Мы не можем обнаружить гражданского общества в Японии... японское население не оказывает никакого воздействия на политические процессы... это – не настоящая демократия... у них нет свободного рынка»². Бесспорно, подобное высказывание также является очевидным преувеличением, что наглядно доказывает рецензируемая работа.

Политическая культура Японии показана в диалектическом единстве, проявляемом в приверженности многовековым традициям и высокой степени адаптивности, способности к самотрансформации в соответствии с меняющимися реалиями современного мира. Неслучайно авторы пособия делают упор на способности японцев к одновременной эволюции в двух направлениях: дрейф в сторону западных моделей поведения и подтверждение верности ключевым ценностям восточной цивилизации. В пособии акцентируется внимание на том, что ценностная ориентация политической культуры носит скорее традиционалистский характер, что особенно проявляется на глубинном, цивилизационном уровне. Однако подобные цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего все нагляднее показывают, что Япония в целом все-таки относится к той части человечества, которую принято относить к категории «не-Запада».

В восточной политологии в последнее время появились новые концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Запада «коллективистскому» Востоку. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада после распада биполярной системы на развивающиеся страны в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистической западной парадигме: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

Здесь начали активно прорабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которые включают семью как оптимальную модель организации социума, сильную клановую систему, дисциплину и повиновение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь абсолютно необходимой модернизации, но четко показать ее неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, мы имеем дело с реальной попыткой синтеза восточ-

ных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция позволяет выполнять модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя менталитет восточноазиатского населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об азиатских ценностях заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959–1990) Ли Куан Ю, который для объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главным фактором столь быстрого роста в Азии был упор на подчинении авторитету группы, трудолюбию, семье, сбережениях и образовании. Его сподвижник Томми Кох перечислил их 10 основных составляющих: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы³. Бывший посол в США Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией⁴.

Естественно, в Японии никогда официально не поддерживали концепцию азиатских ценностей. Но очевидно, что эти ценности, развиваемые в духе конфуцианства, – полноценное развитие образования, набор на государственную службу лучших студентов, как это практиковалось в императорском Китае, меритократический подход к выдвижению на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоев, бережливость и напряженная работа, почтительность к старшим, патриархальное общество, социальный контракт между доброжелательными правителями и уважительными подданными, – вполне сопрягаемы с цивилизационной моделью Японии. При этом в самом государстве давно разрабатывается концепция существования двух цивилизаций в регионе: островной и континентальной, и первая, к которой относится и Япония, отличается гораздо большей адаптивностью: способностью воспринимать наиболее передовой мировой опыт, приспособляя его к особенностям собственной страны. Исторический опыт во многом подтверждает данную гипотезу.

Уступая еще в Средневековье по очень многим параметрам не только Китаю, но и Корее, закрытая от западного мира (в тот период Запад мог предложить лишь христианство, что привело к принятию Страной восходящего солнца решения о прекращении контактов), Япония после своего «второго открытия» в середине XIX в. продемонстрировала фантастическую способность к трансформации. Экономическое, техническое и военное превосходство европейских держав

немедленно вызвало стремление заимствовать новую технику, а для ее успешного использования менять законодательство и создавать соответствующие организационные структуры, а главное – готовить кадры, способные овладеть этой техникой. Все это было реализовано благодаря революции Мэйдзи, и Япония не только не превратилась в подобие Китая, на что, по-видимому, были ориентированы империалистические государства, а сама приняла самое активное участие в колониальном закабалении своих соседей. Сокрушительное поражение во Второй мировой войне повлекло за собой уже готовность изменить политическую систему и на практике использовать западные политические теории, адаптированные к условиям Японии.

Японская конституция 1947 г. была написана американскими специалистами, преимущественно офицерами, и японская сторона, как отмечается в пособии, смогла изменить лишь относительно незначительные положения (произошел отказ от пункта, что все земельные и природные ресурсы принадлежат государству, и однопалатный парламент был заменен на двухпалатный). В принципе в тот период подобная ситуация сложилась в подавляющем большинстве стран Востока. Конституции и прочие правовые акты писались западными экспертами или просто списывались с аналогов развитых стран. Однако это было очевидным забеганием вперед. Через непродолжительное время лишь очень небольшому числу стран удалось сохранить нормативные институты (конституции, уголовные и гражданские кодексы, принятые после провозглашения независимости), да и то с довольно большими дополнениями и изменениями. Конституции были заменены или переработаны в соответствии с местными реалиями, всплывшими на поверхность вскоре после обретения суверенитета. Подверглись изменениям и гражданский и уголовный кодексы, в которые стали включаться положения о поощрении традиционных форм организации, религиозного образования, традиционных форм пожертвований, о наказаниях за нарушение традиционных норм и введении самих традиционных форм наказаний и пр. Постепенно ограничивалось и влияние западной идеологии и массовой культуры: введены были ограничения на деятельность западных миссионеров и их школ, а также издательств; была установлена довольно жесткая цензура на распространение западных фильмов, телепрограмм, художественной и учебной литературы. При этом запрещалось распространение произведений, не соответствующих местным представлениям. В итоге возвращение к традиционным цивилизационным нормам закреплялось не только в сознании, но и в официальной практике.

Что касается Японии, то никакого обратного движения здесь не произошло. «Маятник» качнулся не назад, а скорее вперед, и западные институты оказались прочно укорененными в японской почве. При этом можно согласиться с

мнением известного американского политолога Ф. Фукуямы, что традиционные азиатские культуры развиваются с четвертого (культура) и третьего уровней (гражданское общество) и продвигаются вверх – ко второму (политические институты) и первому (идеология) уровням, а современная западная политическая мысль отстаивает обратное движение: с первого уровня – к третьему. Поэтому наличие институтов для Востока менее значимо, чем сохранение укоренившегося морального кодекса⁵.

В пособии хорошо показано, что модель политики в Японии зачастую определяется формой общественных и личных взаимоотношений; власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса, поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а на проблемах влияния. Следует в целом отметить, что разделы, посвященные нормативно-правовым аспектам современной политической системы Японии: конституции страны, парламентской системе, особенностям законодательного процесса, механизмам функционирования кабинетной системы, заслуживают самой высокой оценки. Здесь особо наглядно представлен анализ единичного, особенного и общего в плане изучения восточных обществ.

В качестве одной из фундаментальных характеристик современного политического строя страны выделены «вторичный характер» законодательной и судебной властей по отношению к исполнительной (достаточно отметить, что авторство более 90% законопроектов, обсужденных в парламенте, принадлежит правительству). Наблюдается также приоритет правительственных органов по отношению к институтам партийно-политической структуры в деле подготовки важнейших для страны стратегических решений. Огромную роль играет и то обстоятельство, что законы в Японии формулируются в такой обобщенной форме, что бюрократия способна их интерпретировать в своих целях. В этой связи абсолютно справедливым и логически обоснованным представляется вывод о том, что принципы парламентаризма, равно как и традиции публичного обсуждения государственных дел, были чужды японской политической традиции и закрепились в политической практике скорее под экзогенным давлением.

Вместе с тем японский парламентаризм имеет более чем вековые традиции, которые накладывают свой отпечаток на современную законодательную практику. В пособии подробно рассмотрены принципы работы парламента, особенности системы комиссий, виды сессий, роль парламентских должностных лиц. Авторы приходят к важному заключению о том, что парламентская практика предоставляет оппозиционным партиям, даже находящимся в меньшинстве, реальные возможности для воздействия на процесс принятия законодательных решений. В этой связи в оборот вводится термин «вязкость»,

который употребляется в качестве ключевой качественной характеристики всего парламентского строя страны.

На высоком уровне написаны разделы, посвященные особенностям системы центрального административного управления и местного самоуправления. В числе таких особенностей выделены слабость лидирующего начала главы исполнительной власти, формальный характер политических функций кабинета министров, доминирующая роль бюрократии в деле подготовки законопроектов и ее монополия на информацию. Правда, в постбиполярный период баланс в системе взаимоотношений между политиками и бюрократами стал смещаться в пользу первых, что во многом связано с проведенными структурными реформами. При этом отмечается, что в условиях относительной слабости политических институтов правительство в целом играет гипертрофированную роль и является главным базовым элементом всей политической системы. Общественный контроль над деятельностью исполнительной власти носит весьма ограниченный характер. Его нет и за процессом лоббирования. Теневой характер политики позволяет принимать решения, не отвечающие общественным потребностям.

В пособии подробно разбираются характерные черты модели местного самоуправления, которая позволила японскому обществу сохранить и государственную традицию с ее тенденцией к централизму, а также национальную идентичность и комплекс норм повседневной жизни. В целом была создана высокоцентрализованная модель «государственного» местного самоуправления, но в XXI в. начинаются процессы постепенной децентрализации власти.

В главах пособия, посвященных эволюции политической системы Японии, были тщательно и скрупулезно исследованы политические процессы, связанные с выборами, переменами в партийно-политической структуре и созданием новых коалиций. В работе используется оригинальная периодизация, позволяющая выделить особенности различных этапов ее послевоенной истории. Авторы убедительно показывают, что после завершения биполярной эпохи произошло сужение пространства для межпартийного противостояния по идеологическому принципу, в связи с чем процесс формирования дееспособной партийно-политической системы, в которой смена партий у власти означала бы существенную корректировку государственной политики, становится со значительными трудностями. При этом партийно-политическая структура анализируется в тесной связи с изучением общих политических процессов, политической системы и политической культуры.

Авторы пришли к чрезвычайно интересным выводам в отношении партийно-политической структуры. В Японии сложилась «система 1955 г.», то есть «полуторапартийная система». В течение почти 40 лет существовала монополия одной пар-

тии – Либерально-демократической – на власть. В этом плане Япония напоминает Индию, где у власти почти 30 лет находился Индийский национальный конгресс. Интересно, что обе страны в подобных условиях смогли сохранить основные демократические атрибуты и независимую оппозицию, представленную в парламенте. Почти постоянное господство ЛДП в условиях японской политической культуры привело к появлению «партийно-правительственной» системы принятия решения, когда политика вырабатывалась параллельно партией и правительством. Другим результатом стала «фракционная система», когда основное значение приобрел баланс интересов между различными фракциями партии, а торг, переговоры и поиски консенсуса между их лидерами проходили «под ковром», то есть были абсолютно неоткрытыми. Именно так определялся и официальный лидер страны.

В постбиполярный период в Японии ЛДП на выборах 1993 г. уступает коалиции семи партий (созданной уже после выборов) и почти год находится в оппозиции, а затем появляется партия (Демократической партии), способная бросить вызов монополии ЛДП на власть (однако ее правительство в 2009–2012 гг. оказалось в целом неустойчивым). В данный период начинает возрастать значение малых партий, без поддержки которых правительство зачастую не могло проводить свои решения в парламенте. Еще один интересный японский феномен – партии не выполняли функции протеста и были нацелены почти исключительно на избирательный процесс. В результате они являются парламентскими, а не массовыми, а депутаты представляют партийную верхушку. Интересно, что для партий характерна почти полная идеологическая аморфность, что особенно проявилось за последние 20 лет.

Более того, японский электорат демонстрирует все большую незаинтересованность в идеологии. Партии, которые можно было назвать «идеологическими» – Социалистическая и Коммунистическая, – в постбиполярный период резко ухудшили результаты на парламентских выборах. Электорат в Японии можно назвать «персонально ориентированным», то есть на выборах люди голосуют не за партии (и их программы), а за конкретные личности. Правда, в постбиполярный период постепенно начинает возрастать роль политически мотивированного электората. Партийные же деятели по-прежнему не демонстрируют особой приверженности своей партии и могут легко переходить из одной в другую. Авторы пособия вообще приходят к выводу об отсутствии в Японии сильных лидеров общенационального масштаба, которые могли бы повести за собой народные массы, и отмечают не только слабость элиты, но и наличие несовершенного механизма ее воспитания (партийный рост связан прежде всего с возрастом).

Если использовать понятия современной математической логики, то работу можно характеризовать как достаточно гомоморфную и

реально соответствующую объекту исследования. Построенная эмпирико-феноменологическая модель, естественно, не может полностью соответствовать прообразу, но четко представляет предельные характеристики изучаемого объекта и ясно показывает функционирование совокупности взаимодействующих элементов на выбранном уровне. Авторам удалось показать, что Япония является демократическим государством, но ее модель не соответствует западным стандартам, что позволяет включить страну в категорию «не-Запада». Выбранный уровень анализа условно можно назвать «мезоуровнем», если считать макроуровнем функционирование всей мировой системы. В ряде случаев именно мезоуровень выступает в роли «качественного узла», если применять гегелевское выражение, и тогда после начального расчленения на однородные элементы можно перейти на него, а потом – вновь опуститься на микроуровень, а можно и подняться на макроуровень. Вряд ли можно считать недостатком то обстоятельство, что авторы редко выходят за пределы мезоуровня: бесконечное дробление элементов и введение новых и новых иерархий системы необыкновенно бы усложнило и расширило объект исследования.

Пособие отличает логичность структуры, в которой в сбалансированном виде проявляется оптимальное соотношение исторических и проблемно-политических тем, хороший язык

изложения и тщательность формулировок. Некоторые термины для повышения внимания и лучшего усвоения выделяются жирным шрифтом. В пособии присутствуют вставки, позволяющие иллюстрировать отдельные тезисы и положения конкретными примерами из политической практики послевоенной Японии. В конце каждой главы приводится список контрольных вопросов и библиография, охватывающая наиболее крупные работы отечественных и зарубежных авторов по поставленным проблемам, в том числе и вышедшие в последнее время.

В числе недостатков следует выделить то, что исторический контекст развития политических партий постбиполярного периода, за исключением Либерально-демократической и Демократической, не представлен в пособии в полном объеме, и тексты о них скорее напоминают энциклопедическую справку.

Как представляется, поставленные авторами пособия задачи были решены, и мы имеем дело с весьма фундированным трудом. Учебник, безусловно, будет востребован и имеет хорошие перспективы использования в учебном процессе в программах вузов, обеспечивающих подготовку по специальностям «международные отношения» и «регионоведение».

Lounyev S.I. The Political System of Contemporary Japan.

Примечания

1. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66-86.
2. The Vitality of Japan. Sources of National Strength and Weakness / Ed. by Clesse A., Inoguchi T., Keehn E. B. and Stockwin J. A. A. - London – New York: Macmillan Press LTD, St.Martin's Press, Inc., 1997. P. 406.
3. Koh T. The 10 Values Which Undergird East Asian Strength and Success // The International Herald Tribune. 11–12 December.
4. Chan Heng Chee. Democracy: Evolution and Implementation: An Asian Perspective // Bartley R., Chee Ch.H., Huntington S.P. and Ogata Sh. (ed.) Democracy and Capitalism: Asian and American Perspectives. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, pp. 21-24.
5. Fukuyama Fr. The Primacy of Culture // Journal of Democracy. Vol. 6, N. 1, pp. 7-14.

Ежегодная научная конференция кафедры философии

М.В. Силантьева

В МГИМО 22 декабря состоялись очередные, 18-ые по счету, Шишкинские чтения – ежегодная конференция, которую проводит кафедра философии в память о своем первом заведующем – Александре Федоровиче Шишкине. В этом году исполнилось 110 лет со дня рождения Александра Федоровича. Крупный ученый, внесший вклад в отечественную гуманитарную науку не только как известный советский этик, но и как выдающийся педагог и организатор науки, воспитавший не одно поколение думающих и при этом совестливых людей, — А.Ф. Шишкин оставил о себе действительно добрую память.

На этот раз конференция носила название «Национальный человеческий капитал: морально-этические измерения». Импульсом к обсуждению этой темы послужил фундаментальный труд доктора исторических наук, профессора А.И. Подберезкина «Национальный человеческий Капитал». Пользуясь случаем, профессорский состав и аспиранты кафедры философии поздравляют Алексея Ивановича, которому 7 февраля 2013 г. исполнилось 60 лет, и желают ему дальнейших творческих успехов, счастья в жизни и отличного здоровья.

Доклады, прозвучавшие на чтениях, показали, что тема человека, его прошлого, настоящего и будущего как предмет научной озабоченности для российских ученых сегодня приобрела дополнительную актуальность. Мысль о необходимости социальных преобразований, подкрепленных серьезными научными разработками, звучала практически во всех выступлениях. Ярko и интересно были озвучены плодотворные идеи А. Шестопала, С. Кравченко и К. Долгова, посвященные развитию проблемы отношения «ресурсного» характера человеческого фактора и реальных процессов в обществе, участником которых человек выступает, по крайней мере, не только как фактор. Своеобразным дополнением по отношению к данной постановке вопроса явились выступления М. Мунтяна, В. Лаголева и М. Силантьевой, также сосредоточивших внимание на тех процессах в жизни общества, без осмысления которых надежды на рост материального, интеллектуального, духовного и культур-

ного могущества России останутся лишь в области благих надежд.

Т. Панфилова развивала идею необходимости социальной ориентации российского государства как единственной альтернативы социальной инертности и нарастанию аномийных тенденций. В числе выступавших – аспирантка кафедры международных проблем ТЭК А. Корнеева, предложившая оригинальное прочтение темы «Человеческий потенциал и экологические проблемы современности».

Выступление сына А.Ф. Шишкина – известного палеонтолога, доктора биологических наук, профессора Михаила Александровича Шишкина, было насыщено глубокими научными и мировоззренческими идеями. Он поддержал идею профессора С. Кравченко, призывавшего, вслед за выдающимися социологами современности, к союзу естествознания и социальных наук, к которому, по мысли Сергея Александровича, должны также присоединиться науки гуманитарные.

Не все коллеги разделили его мысль о значении пенитенциарной системы России в более продуктивном использовании человеческого потенциала. В частности, профессор Лаголев отметил, что еще в начале перестройки этот потенциал был использован при выдаче сертификатов менеджеров в сфере экономики тем, кто отбывал наказание по статьям советского Уголовного кодекса за экономические преступления и по существу прошел курс изучения финансов и права, находясь за решеткой.

Человеческий капитал – главный ресурс и богатство нашей страны. Но как его измерить? Этой теме было посвящено выступление Н. Литвака.

Приятно отметить активное внимание, проявленное к конференции со стороны студентов и аспирантов МГИМО. Так, юных ученых интересовали острые и злободневные темы реформ отечественного образования, компаративного анализа отношения к человеческому ресурсу в различных социокультурных системах и другие важные социально-философские вопросы.

Silantyeva M. V. Annual Scientific Conference of Philosophy Chair.

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д. филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Научно-практическая конференция «Проблемы вывоза капитала из России»

А.С. Булатов

В рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» коллектив исследователей МГИМО(У) в 2012 – 2013 гг. осуществляет проект «Вывоз капитала из России и возможности его регулирования». 13 ноября 2012 г. в соответствии с планом этого проекта на базе МГИМО(У) была проведена научно-практическая конференция «Участие России в международном экспорте капитала». Вслед за ней, сверх плана, 27 ноября 2012 г. была организована научная студенческая конференция «Офшоры в международной деловой практике», на которой часть студентов МГИМО(У) выступила с докладами, затрагивающими тему проекта.

Научно-практическая конференция проходила на базе предварительно разосланного ее участникам аналитического доклада «Модель участия России в международном экспорте капитала и возможности ее совершенствования», подготовленного д.э.н., проф. А.С. Булатовым и членом-корреспондентом РАН, д.э.н., проф. А.В. Кузнецовым. В нем предпринималась попытка выявить особенности участия России в мировом экспорте капитала на фоне остальных стран с формирующимся рынком, прежде всего стран БРИКС, а также анализировались возможности совершенствования российской модели экспор-

та капитала в условиях стоящих перед нашей страной задачи модернизации отечественной экономики. Главное внимание в аналитическом докладе обращалось на следующие моменты:

- Россия опережает остальные страны БРИКС по такому показателю, как экспорт капитала по отношению к ВВП, в результате чего по объемам экспорта капитала она опережает их, кроме Китая, а в ее экспорте капитала (как и в импорте капитала) доминируют прочие инвестиции;
- данные особенности российского экспорта капитала связаны с активным кругооборотом капитала между Россией и офшорами и офшорпроводящими странами (Великобританией и Нидерландами), огромные масштабы которого проистекают прежде всего из-за плохой институциональной среды и слабой финансовой системой в нашей стране;
- большие размеры экспорта капитала ограничивают потенциальные возможности для повышения отечественной нормы валового накопления с целью модернизации российской экономики;
- стратегическим решением указанных проблем может быть изменение характера экономической модели России в сторону ее большей демократизации, а тактическим – введение за-

Булатов Александр Сергеевич – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru
 Информация подготовлена при выполнении НИР по теме «Вывоз капитала из России и возможности его регулирования», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8002).

прета на экспорт капитала в офшоры и усиление контроля над вывозом капитала в офшоропроводящие страны, а также запрет на осуществление внешнеэкономических операций фирмами-однодневками. Причем подобные запреты не противоречат современным тенденциям в госрегулировании экспорта капитала.

Открывая конференцию, член-корреспондент А.В.Кузнецов отметил, что мировой финансовый кризис привел к трансформации исследований участия России в международном экспорте капитала. Если в 1990-х гг. в основном обсуждалось бегство капитала из России, то в 2000-х гг. большинство экспертов эту тему перестали изучать (хотя бегство капитала не прекращалось). Основным направлением их исследований стал легальный вывоз капитала в форме прямых инвестиций российских ТНК, причем без привязки ни к общемировым процессам, ни к тому, что происходило в российской экономике.

Однако с 2008 – 2009 гг. начались интересные процессы в сфере исследования движения капитала, а именно была предпринята новая попытка увязать экспорт капитала из России в форме прямых инвестиций, портфельных инвестиций и других форм. Во многом это было обусловлено еще и тем, что в мире стираются границы, например, между прямыми инвестициями и портфельными инвестициями в акции. С упомянутым направлением исследований связано другое направление – это попытка разобраться на глубоком уровне, что происходит в российской экономике и как эти внутренние процессы влияют на участие страны в МДК всех его форм, понимая при этом, что Россия находится отнюдь не в центре мировой экономики и многие процессы заданы извне.

Важным направлением стало сравнение экспорта российских инвестиций в другие развивающиеся страны, хотя часто все ограничивается партнерами по БРИКС. В этой связи интересен опыт других развивающихся стран, которые успешны в наращивании своей зарубежной экспансии (таких как, Южная Корея, Мексика и др.). Наконец, наметилось третье направление в современных исследованиях экспорта капитала – попытка прикладного изучения на более детальном уровне и на уровне мониторинга: кто, куда и что вложил для того, чтобы создать объективную базу, например, для разработки рекомендаций по госрегулированию движения капитала.

Пока что мы недостаточно понимаем настоящие масштабы прямых и портфельных инвестиций, а полагаемся только на статистику ЦБ, где все искажено офшорами, а ведь офшоры не только и не всегда конечная точка, но зачастую просто перевалочная база для российских инвестиций. Все это очень важно, и поэтому изучению реальных потоков капитала уделяется все большее внимание. Достаточно сказать, что Евразийский банк попытался сделать это в масштабах СНГ, когда строил модели Евразийского союза.

Профессор А.С. Булатов в своем выступлении отметил, что конференция преследует две цели: анализ особенностей участия России в мировом экспорте капитала и возможности совершенствования российской модели экспорта капитала. По его мнению, для этого необходимо обратиться прежде всего к мотивам российских экспортеров капитала, воздействию этого экспорта на российскую экономику, а также к вопросу, следует ли ограничивать экспорт капитала из нашей страны (как это предлагается в обсуждаемом аналитическом докладе), и если да, то как.

По мнению самого докладчика, нельзя все будущие изменения в регулировании российского экспорта капитала сводить к ограничениям. Тем не менее в рамках общего принципа свободы движения те ограничения, которые намечены в докладе, целесообразны. Они должны быть прописаны в законопроекте о политике Российской Федерации в сфере экспорта капитала. Такой законопроект мог бы быть разработан в рамках данного научного проекта и представлен в Государственную Думу.

Ю.М. Войцеховский, председатель Национального совета по развитию инвестиционного климата, в своем выступлении обратил внимание на необходимость учета в исследованиях баланса между вывозом и ввозом капитала, в частности, отметил, что если импорт капитала будет расти, то почему бы не расти и вывозу капитала. По его мнению, важно исследовать анатомию вывоза российского капитала, а также его мотивации. Большое значение имеет отделение бегства капитала от остального вывоза капитала и сосредоточение исследований именно на бегстве капитала, особенно в нелегальной форме. Желательно и выявление конечных бенефициаров такого экспорта капитала. В то же время вывоз капитала – это не та сфера, где государство может много регулировать. В этой сфере законы должны сочетаться с рекомендациями. Поэтому проблемы вывоза капитала из России желательно уже сейчас перевести на уровень общественной дискуссии с участием всех заинтересованных сторон.

Профессор И.Н. Платонова в своем выступлении подчеркнула, что проблема воздействия экспорта капитала на российскую экономику – это одна из особо важных проблем. Для того чтобы российский капитал был более эффективно инвестирован за рубежом, например, с целью репатриаций прибыли, существуют разные пути. Например, в экономике США в 1950-х гг. была принята политика формирования зарубежной экономики, когда в Европе стимулировалось создание евробанков, и, по сути, через евробанки американский капитал очень успешно, не пользуясь никакими офшорами, обходил местное налогообложение, выводя прибыль обратно в США. Докладчик обратила внимание участников конференции на то, что российские предприятия вынуждены выходить на листинг за рубеж

потому, что там проще система листингования, а не котировать себя здесь, на российских биржах. Если сравнить, скажем, условия Лондонской биржи и российских бирж, то здесь мы явно проигрываем по сложности документооборота, по затратам на это предприятий, по скорости выхода бумаг на рынок. Поэтому необходимо совершенствование российской финансовой системы, которая должна сделать этот вопрос решаемым в самой России.

М.П. Гебеков, заместитель директора Центра прикладных проблем мировой экономики и наукоемких технологий МГИМО(У), доложил о результатах работы над геолокационной интерактивной базой данных «Экспорт капитала из России». Продемонстрированные им таблицы по всем регионам России и всем видам экономической деятельности позволяют отследить как экспорт капитала по регионам и отраслям, так и страны и регионы приложения этого капитала. При этом интерактивность базы данных позволяет сделать ее использование исследователем не только визуальным, но и дает возможность для выявления новых закономерностей.

А.В. Пономарев, к.э.н., остановился на том, что отток капитала из частного сектора российской экономики происходил по трем основным направлениям:

- росли выплаты внешнего долга;
- в условиях ослабления рубля и усиления девальвационных ожиданий отечественные компании и банки наращивали вложения в краткосрочные иностранные активы (краткосрочные ссуды нерезидентам и краткосрочные депозиты в иностранной валюте);
- в условиях продолжающейся в мире рецессии у российского бизнеса появились возможности для сравнительно дешевого поглощения иностранных компаний (прямые инвестиции российских компаний и банков за рубежом за первое полугодие 2011 г. почти в полтора раза превысили аналогичный показатель первого полугодия предшествующего года).

В исследованиях экономистов по вопросам международного перемещения капитала, взаимовлияния потоков капитала и внешнего экономического равновесия (платежный баланс) существенное внимание уделено взаимосвязи частного и государственного секторов. Можно сделать предположение о наличии тесной связи между процессами, происходящими в государственном секторе, и оттоком частного капитала из страны. В частности, идея о наличии временной несостоятельности правительства и характере макроэкономической политики, дестабилизирующей внешнее равновесие, с большой вероятностью может оказаться прогрессивной на пути к объяснению такого явления, как «бегство частного капитала».

Профессор С.З. Жизнин обратил внимание на большие размеры экспорта капитала из российского ТЭК. Российские энергетические ТНК стали заметным явлением среди мировых

ТНК. Тем не менее это не свидетельствует о высоком уровне развития отечественного ТЭК. По мнению докладчика, при нынешнем уровне инвестиций в этот комплекс износ основного капитала нарастает. Подобная ситуация требует увеличения инвестиций прежде в капитал самого российского ТЭК.

Соискатель К. Татулов в своем выступлении сосредоточился на использовании офшоров в практике российского бизнеса. На офшоры приходится до ¾ всего экспорта капитала из России. С 1991г., по различным оценкам, в офшоры было вывезено до 830 млрд долл. Нестабильная ситуация с защитой прав собственности и высокими налогами в России заставляет отечественных инвесторов перманентно выводить капитал в «рабочем» режиме. При стабилизации политической и экономической ситуации инвесторы постепенно возвращают капитал в Россию, а поскольку капитал был ввезен обратно с мерами предосторожности (в форме кредитов, ценных бумаг), в период дестабилизации его можно вернуть обратно за рубеж. Докладчик делает вывод, что для российского бизнеса офшоры – это попытка оптимизировать функционирование предприятия в России, повысив степень защиты активов и уменьшив налоги. Поэтому Россия вывозит капитал (например, прямые инвестиции) в офшоры активнее, чем типичная развитая страна. При этом из-за того, что не все потоки капиталов отслеживаются контролирующими органами, реальная доля офшоров может быть больше, учитывая обходные схемы.

Исходя из проанализированных данных, можно сделать вывод, что вывоз капитала из России в офшоры носит перманентный характер. В периоды экономического роста темпы его вывоза растут, поскольку предприятия выводят часть капитала за границу. Но они возвращают часть этих средств после формальной смены юридического владельца этих средств, чтобы снизить политические риски и оптимизировать налогообложение. В 2007–2009 гг. на офшоры приходилось около 75% вывоза капитала из России. Это характеризует роль указанных центров не только как «налоговых гаваней», но и как пунктов дальнейшего перераспределения инвестиций в другие страны (не в последнюю очередь – обратно в Россию).

Аспирант И. Гулиев выступил с докладом о нефтегазовых аспектах участия Азербайджана в международном движении капитала. Крупного инвестирования капитала из России в добычу и разработку азербайджанских месторождений углеводородов не наблюдается, кроме инвестиций от ОАО «Лукойл». Но сам Азербайджан приступил к заметному экспорту капитала. Так, Баку и Анкара намерены построить на паях новый газопровод на территории Турции – Транс-анатолийский газопровод. Стоимость первого этапа строительства газопровода оценивается в 7–8 млрд долл. Еще в 2006 г. обе страны создали совместную компанию SOCAR Turcas Energy для

работ по производству, переработке, реализации, дистрибуции, инвестированию, импорту-экспорту в газовой и нефтяной сфере, а также маркетингу газа по газопроводу Баку–Тбилиси–Эрзурум и нефти по нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан. В 2008 г. через своего турецкого партнера по этой совместной компании Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) приобрела один из крупнейших нефтехимических комплексов Турции – Petkim Petrokimya Holding. Первоначальный объем инвестиций составил 2 млрд 40 млн долл. До 2015 г. инвестиции в Petkim составят 5 млрд долл. В 2020 г. Petkim будет самым крупным промышленным производителем Турции и по объемам производства в 2030 г. планирует попасть в первую десятку в Европе.

Кроме того, SOCAR Turcas Energy намерена создать промышленную зону в Алиаге (Турция), где расположен нефтехимический комплекс Petkim, в частности вложить в развитие нефтехимического комплекса Petkim 20 млрд долл. В конце 2011 г. SOCAR приступила к строительству нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) рядом с комплексом Petkim. В Турции, Грузии, на Украине эта совместная компания осуществляет ряд и менее крупных объектов.

Научная студенческая конференция «Офшоры в международной деловой практике» проходила в формате докладов по темам, которые заранее были предложены студентам МГИМО(У). Почти все доклады были сделаны студентами второго курса факультета международных экономических отношений. Доклады по темам, близким к проблематике выше описанной научно-практической конференции, были вынесены на рассмотрение отдельной секции. На этой секции А.Якимов и А.Бояркин сделали доклад по теме «Практика использования офшо-

ров и налоговых гаваней китайским бизнесом», основное внимание уделив Гонконгу. К.Ананьина в докладе «Практика использования офшоров и налоговых гаваней» в основном рассматривала таковые на Маврикии и в Сингапуре. И.Мешков и Н.Якунина в докладе «Офшорные схемы (голландский сэндвич)» рассмотрели опыт офшорного бизнеса в Ирландии.

М. Живых, В. Серая и М. Ахмедова в своем докладе «Использование российским бизнесом офшоров» предприняли попытку представить основные направления их использования. С. Кочарян и В. Шоноева в докладе «Практика использования офшоров и налоговых гаваней российскими фирмами» рассмотрели ряд типовых схем использования офшоров российским бизнесом. Ф. Григоренко в докладе «Международные экономические организации об офшорах» исследовал политику этих организаций и рекомендации странам-участницам в отношении офшоров. А. Байзаров, А. Куликов и А. Неведомская в докладе «Политика России в отношении офшоров и налоговых гаваней» представили картину различных мер, которые применяются в России по отношению к сделкам с офшорами. Н. Шульга в докладе «Последствия офшоризации российской экономики» главное внимание уделил потерям бюджета от упущенных налогов и росту теневого бизнеса на основе офшорных схем. Научная студенческая конференция и особенно заседание вышеописанной секции прошли при большой активности выступавших и присутствующих.

Bulatov A.S. Applied Science Conference “Russian Capital Outflow Issues”.

Summary: The article deals with modern approaches towards the concept of time in different languages and cultures. The author sums up new data found by Russian cognitive metaphor researchers.

Ядерное разоружение и международная безопасность в XXI в.

(ноябрьская конференция в МГИМО)

А.Д. Чеков

В МГИМО 8 ноября 2012 г. прошла конференция на тему «Ядерное разоружение и международная безопасность в XXI в.». Партнерами МГИМО в проведении данной конференции выступили Российский Совет по международным делам (РСМД), а также международная организация Global Zero, выступающая за поэтапное уничтожение ядерного оружия во всем мире. Совместное мероприятие собрало в одном месте ведущих российских экспертов в области ядерного оружия и ядерной политики, а также их коллег из зарубежных стран. Отдельно стоит отметить, что мероприятие посетил целый ряд бывших и действующих чиновников самого высокого ранга – послов, президентских советников, а также министров и их заместителей. На конференции также присутствовало большое количество высокопоставленных военных, некоторые из которых принимали непосредственное участие в разработке ядерной политики своих государств.

Время для проведения конференции было выбрано самое что ни на есть актуальное – в 2012 г. в четырех странах «ядерной пятерки» прошли выборы высших лиц государства. Уже в ближайшем будущем главы этих государств, новые или же переизбранные, неизбежно столкнутся с необходимостью формулирования нового подхода к ядерному оружию, а также с проблемой усиления противодействия вызовам международной безопасности. Дополнительную актуальность конференции придает также тот факт, что в современном мире по-прежнему остро стоит целый ряд вопросов, связанных с ядерным оружием и международной безопасностью. Отсутствует консенсус в вопросах ПРО и сокращения тактического ядерного оружия. Намечается стагнация в вопросах дальнейшего сокращения СНВ и борьбы с возможностью ядерного терроризма. В свете последних событий, связанных с Ираном и Северной Кореей, особенно остро стоит проблема нераспространения ядерного оружия. Всем этим вопросам, в той или иной степени, было

уделено внимание на прошедшей конференции.

Конференцию открыл своим выступлением президент РСМД, бывший экс-министр иностранных дел России И.С. Иванов. Он подробно остановился на характеристике той политической роли, которую ядерное оружие играет в современном мире: как известно, в ядерном конфликте не может быть победителей, следовательно, использовать его в военных целях, по меньшей мере, нерационально. Следом за ним выступили вице-премьер Правительства РФ Д.А. Рогозин, руководитель проекта Global Zero Р. Берт, а также проректор МГИМО по общим вопросам А.В. Мальгин. Все они говорили о важности продолжения двустороннего диалога России и США по вопросам ядерного разоружения и противоракетной обороны. Выступающие высказали надежду, что после переизбрания Обамы на второй президентский срок России и США удастся достичь компромисса в спорных вопросах. Вице-премьер Рогозин отдельно остановился на важности получения Россией гарантий ненаправленности американской системы ПРО против России как залога успеха будущего двустороннего сотрудничества. Докладчики также поддержали тезис о необходимости расширения числа стран-участниц переговоров по ядерному разоружению.

Программой конференции были предусмотрены четыре сессии. В качестве темы первой сессии было заявлено «Российско-американское ядерное сдерживание как основа стратегической стабильности: есть ли альтернатива?» Модератором сессии выступил заместитель директора по специальным проектам телеканала «Россия» С.Б. Брилев. Первым выступающим был заместитель министра иностранных дел С.А. Рябков. Он отметил, что формирование нового понимания стратегической стабильности возможно только в условиях отказа сторон от недружественных действий в отношении друг друга. Следующий выступающий – главный научный сотрудник ИМЭМО РАН В.З. Дворкин – в своей речи сделал акцент на необходимости интен-

Чеков Александр Дмитриевич – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: a.chekov@outlook.com

сификации сотрудничества между Россией и США в области предотвращения ядерного терроризма и его нераспространения. По его мнению, такое сотрудничество может стать залогом возможной трансформации взаимного ядерного сдерживания. Последний выступающий – руководитель проекта Global Zero, бывший посол США на переговорах по СНВ-I Р. Берт, отметил, что трансформация стратегической стабильности в XXI в. будет происходить не только под влиянием России и США. Активное участие в этом процессе будут играть и другие ядерные державы. Особенно эмоциональным получился комментарий президента академии военных наук, генерала армии М.А. Гареева. Он высказал мнение о невозможности конструктивного развития российско-американских отношений в условиях, когда один из кандидатов в президенты США называет Россию «врагом номер один».

Вторая сессия была посвящена обсуждению доклада комиссии Global Zero и перспективам российско-американского сотрудничества в области международной безопасности, ядерного разоружения и ПРО. Модерировали данную секцию соучредитель Global Zero Б. Блэр и редактор отдела оборонной политики и дипломатии Financial Times Дж. Блиц. Американские и российские военные – генералы Дж. Шихан и В.И. Есин – согласились с тезисом о необходимости дальнейшего сокращения количества стратегических ядерных зарядов до уровня в несколько сотен единиц. В качестве аргументов в пользу дальнейших сокращений были приведены избыточность нынешних ядерных арсеналов России и США, а также высокие расходы на их поддержание на современном уровне. По мнению генералов, дальнейшее сокращение ядерных арсеналов никак не отразится на безопасности России и США. В то же время в выступлении генерала Есина присутствовал скептицизм относительно возможности проведения дальнейших сокращений ядерного оружия без решения вопросов ПРО.

Тему дальнейшего сокращения СНВ развили в своих выступлениях заместитель министра обороны А.И. Антонов, директор ИСК РАН С.М. Рогов, а также директор инициативы по контролю над вооружениями Института Брукинга С. Пайфер. Российские выступающие говорили о необходимости первоочередного решения вопроса ПРО для обеспечения возможности дальнейшего сокращения СНВ. Посол Пайфер в свою очередь поставил под сомнение тот факт, что Конгресс США проголосует за наложение каких-либо ограничений на планы по развертыванию систем ПРО, как того требует российская сторона.

Третья сессия была посвящена перспективам многостороннего ядерного разоружения. В качестве модератора выступила главный редактор телеканала Russia Today М.С. Симонян. В данной сессии приняли участие заместитель директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения В.Л. Леонтьев, бывший министр обороны и внутренних дел Франции П. Килье, бывший советник премьер-министра Пакистана по национальной безопасности М. Дуррани, а также

бывший министр безопасности и иностранных дел Ш. Бен-Ами. Все участники дискуссии говорили о желательности расширения числа участников переговоров по ядерному разоружению. В то же время участники секции проявляли скептицизм относительно возможности такого расширения, в первую очередь ввиду роста нестабильности в современном мире.

Темой заключительной секции значилось «Международное сотрудничество в области противодействия угрозам ядерного терроризма и распространения ядерного оружия». Дискуссию модерировал директор Центра ядерной энергетики и безопасности, главный редактор журнала «Ядерный клуб» А.В. Хлопков. Участие в секции приняли посол по особым поручениям МИД РФ Г.В. Берденников, вице-президент ЗАО «Русатом Оверсиз» А.Е. Сафонов, соучредитель Global Zero Б. Блэр, а также бывший министр безопасности и иностранных дел Ш. Бен-Ами, а также руководитель комитета по международным отношениям Совета по национальной безопасности Ирана С.Х. Мусавиан. Ключевым тезисом данной дискуссии стала необходимость усиления сотрудничества государств в области противодействия ядерному терроризму и распространению ядерного оружия. В то же время С.Х. Мусавиан говорил об опасности использования двойных стандартов в вопросах нераспространения, так как это может привести к потере доверия к мировому сообществу среди отдельных государств.

Закрытию конференции предшествовали итоговые выступления И.С. Иванова и Р. Берта. Они отметили, что данная конференция в первую очередь позиционировалась как площадка для обмена мнениями между ведущими экспертами в области ядерной политики и нераспространения. Выступающие согласились, что диалог по всем вопросам, поднятым на конференции, несомненно, должен быть продолжен.

В связи с тем что одним из организаторов конференции была международная организация Global Zero, необходимо отдельно остановиться на идее полного ядерного разоружения во всем мире, а также на том месте, которое идея занимает в современной американской политике. Следует также отметить, что на прошедшей конференции эта инициатива не получила достаточного и всестороннего освещения. В конце второго президентского срока Дж. Буша-младшего стало ясно, что политическая линия США не способствует прогрессу в вопросах СНВ и ПРО. Также отчетливо проявился кризис американской политики в области нераспространения – США не смогли помешать реализации ядерных программ КНДР. В этих условиях американский политический истеблишмент остро нуждался в свежих идеях для обновления американской ядерной политики.

В 2007 г. в авторитетном американском журнале The Wall Street Journal вышла статья под названием «Мир, свободный от ядерного оружия». В этой статье говорилось о том, что существовав-

шая в период холодной войны концепция ядерного сдерживания потерпела крах. В современном мире количество стран, обладающих ядерным оружием, растет. Особенные опасения вызывает политика Ирана и Северной Кореи, направленная на создание собственного ядерного оружия, а также возможность попадания ядерного оружия в руки террористов. В таких условиях человечеству необходимо полностью отказаться от ядерного оружия, а возглавить этот процесс должны Соединенные Штаты.

Авторами этой статьи были четверо известных американских государственных деятелей – Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэмюэль Нанн. В прошлом все они занимали высокие государственные посты – Генри Киссинджер и Джордж Шульц в разное время занимали пост главы государственного департамента, Уильям Перри – пост главы оборонного департамента, а Сэмюэль Нанн – пост главы комитета Сената США по вооруженным силам. На момент публикации этой статьи никто из них уже не состоял на государственной службе, однако все они по-прежнему могли оказывать определенное влияние на американскую политическую жизнь, в том числе через публикацию статей в прессе. Также стоит отметить, что все они сохраняли влияние в двух крупнейших политических партиях США: Шульц и Киссинджер – в Республиканской, а Перри и Нанн – в Демократической.

В силу того что за реализацию идеи безъядерного мира выступили столь авторитетные лица, а также из-за того, что идеи, изложенные в этой статье, продолжали во многом считаться маргинальными, опубликованный материал вызвал широкий резонанс в американских академических и политических кругах. Вслед за дискуссиями в США развернулась активная кампания за тотальное ядерное разоружение: официально она стартовала в декабре 2008 г., после конференции по ядерному разоружению, состоявшейся в Стэнфордском университете. На этой конференции было учреждено общественное движение Global Zero, целью которого стало полное уничтожение ядерного оружия во всем мире. В декабре 2010 г. в рамках этой кампании был согласован план, предусматривающий поэтапное сокращение всех существующих запасов ядерного оружия до их полного уничтожения к 2030 г. Однако особенно эта кампания запомнилась тем, что получила поддержку со стороны тогда еще кандидата в президенты Барака Обамы. В июле 2008 г., выступая с речью на саммите в городе Лафайет, штат Луизиана, будущий президент заявил буквально следующее: «Мы делаем задачу полного уничтожения ядерного оружия центральным элементом своей ядерной политики»¹.

Уже после своего избрания президентом Обама неоднократно говорил о необходимости дальнейшего ядерного разоружения. Слова о необходимости дальнейшего ядерного разоружения

были включены в его речь по итогам подписания Договора СНВ-3 в Праге. Они были включены в текст совместного заявления лидеров «Большой восьмерки» по итогам саммита в Лондоне в 2009 г. Поддержка идеи безъядерного мира также была названа в числе заслуг американского президента при присуждении Обаме Нобелевской премии мира.

На сегодняшний день сложилась ситуация, когда безъядерный мир действительно выгоден США – ни одна страна мира на данном этапе не сможет одержать победу над США в вооруженном конфликте. В таких условиях единственным оружием, способным причинить США неприемлемый ущерб, остается ядерное. Как известно, активный курс на многостороннее разоружение был взят Америкой еще в период президентства Клинтона. Однако идея о полном уничтожении ядерного оружия во всем мире пришла в американскую политику лишь в конце первого десятилетия 2000-х гг. Эта идея является очередной попыткой подвести идеологическое обоснование для закрепления американского военного превосходства.

В заключение стоит отдельно остановиться на практической реализуемости идеи Global Zero. Эта идея не может быть реализована на практике, и в первую очередь потому, что ядерное сдерживание по-прежнему существует. Поэтому в случае, если ядерное оружие вдруг исчезнет, то вероятность обострения вооруженных конфликтов значительно возрастет. В первую очередь это относится к двум конфликтам – ближневосточному и индо-пакистанскому. Сегодня во многом именно ядерное оружие является тем фактором, которое сдерживает Пакистан от попыток проверить «на прочность» индийские позиции в приграничной зоне. Обладание ядерным оружием позволяет Израилю чувствовать себя в безопасности, несмотря на враждебное арабское окружение. Как известно, последний крупный вооруженный конфликт между Израилем и его арабскими соседями, известный как Война Судного дня, состоялся в 1973 г. По оценкам экспертов, ядерное оружие у Израиля появилось в конце 1970-х гг., и с тех пор ситуация на Ближнем Востоке никогда не доходила до масштабного противостояния.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что безъядерный мир действительно соответствует интересам США, но в то же время подорвет сложившуюся глобальную стабильность, ударив в том числе и по союзникам США, к которым относится Израиль. Человечество пока не придумало замены ядерному оружию как элементу, лежащему в основании стратегического равновесия. Не достигнут еще такой уровень доверия между странами, при котором безъядерный мир мог бы превратиться из мечты в реальность.

Chekov A.D. Nuclear Disarmament and International Security in the XXI Century: Following the MGIMO November Conference, 2012.

Примечания

1. Walker, W. President-elect Obama and Nuclear Disarmament. Between Elimination and Restraint. – Proliferation Papers, Winter 2009. – p 5.

Распределение бюджетных мест и рейтинги вузов

М.В. Харкевич

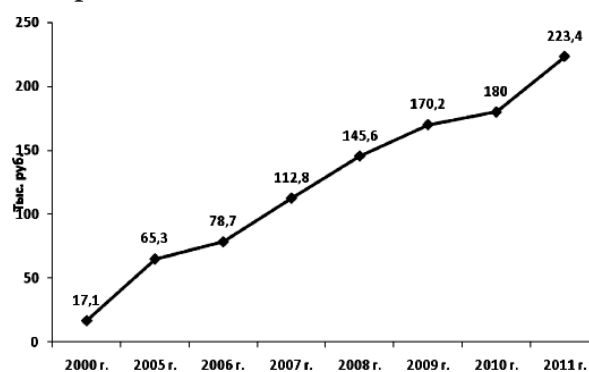
Министерство образования и науки с 2014 г. готовится проводить мониторинг успешности выпускников вузов на рынке труда. Это уже второй инструмент гармонизации системы высшего и послевузовского образования России с задачами модернизации и развития инновационной, наукоемкой экономики, а также приближения образования к нуждам рынка.

В приложении к проекту соответствующего приказа¹ Минобрнауки заявлено, что выделение бюджетных мест будет осуществляться «с учетом потребностей экономики в квалифицированных кадрах; устанавливаются в целях обеспечения воспроизводства и развития инновационного потенциала экономики, создания условий для развития научных школ в профессиональном образовании; разрабатываются с учетом складывающейся демографической ситуации».

Государственные расходы на одного студента растут с каждым годом. Если в 2000 г. государство тратило 17 тыс. руб. на студента, то в 2011 г. эта сумма увеличилась до 223 тыс. рублей, т.е. в 13 раз (см. табл. 1). При таком увеличении финансирования высшего и послевузовского образования желание государства увеличить эффективность расходующихся средств, приблизить высшее образование к потребностям национальной экономики, целям инновационного развития и модернизации выглядит естественным.

На данный момент в механизме распределения бюджетных мест в системе высшего и послевузовского образования появилось два новых инструмента: мониторинг эффективности вузов и мониторинг кадрового развития вузов (начнет действовать с 2014 г.).

Таблица 1
Государственные расходы на образование в расчете на одного обучающегося в системе высшего и послевузовского профессионального образования

Источник: Образование в Российской Федерации: 2012: стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. С. 28.

Мониторинг эффективности вузов проводится по пяти критериям:

I. Образовательная деятельность: средний балл ЕГЭ очных студентов, обучающихся на бюджетной основе.

II. Научно-исследовательская деятельность: объем НИОКР в расчете на одного НПП.

III. Международная деятельность: удельный вес численности иностранных студентов в общем выпуске студентов (приведенный контингент).

IV. Финансово-экономическая деятельность: доходы вуза из всех источников в расчете на одного НПП.

V. Инфраструктура: общая площадь учеб-

Харкевич Максим Владимирович — к. полит. н., начальник отдела научного планирования, статистики и учета Управления научной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: kharkevich@mail.ru

В статье использовались данные, полученные в рамках исследования, выполняемого при финансовой поддержке РГНФ в проекте проведения научных исследований «Поиск новых моделей социально-экономической организации: университет как организационная парадигма экономики знаний», проект № 12-02-00511.

но-лабораторных зданий в расчете на одного студента.

В начале ноября были опубликованы первые результаты² данного мониторинга (см. табл. 2). В целом распределение оказалось 60 к 40 в пользу эффективных вузов. Особенно хорошо проявили себя юридические вузы, показав 100%-ный результат. Плохо дела обстоят у педагогических вузов, более 70% из которых признаны неэффективными.

МГИМО-Университет попал в зеленую зону эффективности. При этом, как уже писал³ А.Л. Шахов, у МГИМО-Университета есть потенциал роста по критерию отношения объема НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника. По остальным четырем критериям наш университет выполняет заданные нормативы. Следует отметить, что по рейтингу⁴ «Эксперта» МГИМО-Университет в 2012 г. занял почетное второе место по показателю качества образования после МГУ.

От положения вуза на шкале эффективности будет в том числе зависеть количество выделенных для него бюджетных мест.

Таблица 2

Источник: Минобрнауки⁵

Отвечая на вопросы журналистов, заместитель министра А.А. Климов предупредил, что «начиная со следующего года мы результаты мониторинга будем использовать как один из важнейших факторов распределения бюджетных мест по вузам. В том смысле, что те вузы и филиалы, которые имеют худшие результаты,

будут иметь меньше возможностей получения бюджетных мест. Эта позиция поддержана и Российским союзом ректоров, и Ассоциацией ведущих университетов России»⁶.

Вторым инструментом реализации образовательной политики, который призван связать образование с потребностью экономики, призван стать рейтинг вузов по критерию трудоустройства их выпускников. В министерстве считают, что низкий уровень трудоустройства выпускников вузов связан с дисбалансом предложения и спроса на рынке труда и несоответствием компетенций выпускников требованиям работодателей. В связи с этим Минобрнауки собирается с 2014 г. вести мониторинг кадрового развития вузов, получая от учебных и исполнительных органов информацию об успеваемости, трудоустройстве, карьере и доходах выпускников. Данные эти будут обобщаться, обрабатываться и публиковаться в виде рейтинга⁷.

Следует отметить, что у МГИМО-Университета в этом рейтинге должны быть хорошие перспективы. Так, согласно рейтингу⁸ газеты «РБК daily», который показывает, чьи выпускники чаще других добивались наибольшего карьерного роста на государственной службе, МГИМО-Университет находится на третьем месте после МГУ и СПбГУ. Также МГИМО-Университет занимает третье место после МГУ и Московского финансового института в рейтинге инкубаторов топ-менеджеров⁹. А при пересчете на количество студентов МГИМО-Университет демонстрирует абсолютное лидерство по данному критерию.

К 2014 г. Минобрнауки планирует запустить в работу систему, которая будет на автоматическом уровне рассчитывать количество бюджетных мест в вузах, основываясь на данных мониторингов и информации, предоставляемой самими вузами¹⁰. Позиции МГИМО-Университета в автоматизированной конкуренции за бюджетные места достаточно сильны. Но при этом не следует забывать об обострении данной конкуренции в связи с появлением на рынке образования новых амбициозных вузов и демографическим спадом.

Kharkevich M. V. Allocating State Scholarships and University Rankings.

Примечания

- <http://минобрнауки.рф/документы/2772/файл/1264/12.11.01-пор.учета.КЦП.pdf>
- http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2774/файл/1265/12.10.31-Мониторинг_Результаты.pdf
- <http://www.mgimo.ru/news/inno/document229653.phtml>
- http://www.raexpert.ru/rankingtable/?table_folder=/university/2012/tab03
- http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2774/файл/1265/12.10.31-Мониторинг_Результаты.pdf
- Минобрнауки учтет результаты мониторинга вузов при распределении бюджетных мест / А.А. Климов // <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2778>
- Панов П. Минобрнауки составит рейтинг успешности выпускников // Известия. 15.11.2012. <http://izvestia.ru/news/539604> <http://www.rbcdaily.ru/2012/06/06/focus/562949984048193>
- http://slon.ru/economics/rejting_inkubatorov_top_menedzhmenta-798070.xhtml
- См.: Панов П. Минобрнауки автоматизирует набор бюджетников в вузы // Известия. 9.11.2012.
- <http://izvestia.ru/news/539261>

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия и редакция журнала «Вестник МГИМО-Университета» рассматривает материалы, присланные по электронной почте или предоставленные в редакцию журнала на бумажном носителе с дублированием его электронным аналогом. Статьи аспирантов, соискателей и студентов принимаются только при наличии рецензии научного руководителя или рекомендации руководителей научного учреждения или ВУЗа с четким указанием должности, ученой степени и ученого звания. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

К рассмотрению принимаются статьи, объем которых не превышает 20 стр. (1 печ. лист или около 40 000 знаков), напечатанные через 1,5 интервала с 14 размером шрифта основного текста, снабженные научным аппаратом и ключевыми словами на русском и английском языках. Материалы должны быть представлены в виде файла в формате Microsoft Word. Содержание электронного носителя должно строго соответствовать его бумажному аналогу. Таблицы, схемы, графики и другие иллюстрации допускаются только при необходимости дополнения системы доказательств автора и поэтому должны быть озаглавлены, пронумерованы и могут быть напечатаны только в черно-белом варианте. К рукописи в обязательном порядке прилагается резюме статьи на русском и английском языках (объем 6-12 строк).

При передаче или пересылке материала автор в обязательном порядке должен указать:

Фамилия Имя Отчество (полностью);

место работы или учебы, (с полным указанием наименования учреждения или ВУЗа), должность, ученую степень или ученое звание (если имеются);

контактную информацию (адрес, телефон, факс, адрес электронной почты).

Рукописи не возвращаются и рецензируются редакцией в установленном порядке. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения редколлегии и редакции. Материалы журнала «Вестник МГИМО-Университета» размещаются на интернет-ресурсах МГИМО(У) МИД России и на сайте журнала www.vestnik.mgimo.ru

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)																							
	Вестник МГИМО-Университета		<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ</td> <td style="text-align: center; padding: 2px 5px;">1</td> </tr> </table>	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																					
	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																								
	На 2013 год по месяцам																									
<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																								
Кому		(фамилия, инициалы)																								
	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">ПВ</td> <td style="padding: 2px 5px;">место</td> <td style="padding: 2px 5px;">литер</td> </tr> </table>		ПВ	место	литер	ДОСТАВочная КАРТОЧКА на журнал 66009 (индекс издания)																				
	ПВ	место	литер																							
	Вестник МГИМО-Университета																									
	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">Стоимость</td> <td style="padding: 2px 5px;">подписки</td> <td rowspan="2" style="padding: 5px;"> Количество комплектов 1 </td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">руб.</td> <td style="padding: 2px 5px;">переадресовки</td> </tr> </table>	Стоимость	подписки	Количество комплектов 1	руб.	переадресовки																				
	Стоимость	подписки	Количество комплектов 1																							
	руб.	переадресовки																								
На 2013 год по месяцам																										
<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																								
Кому		(фамилия, инициалы)																								

Открыта подписка на второе полугодие 2013 г. Наш подписной индекс в ОАО «Роспечать» - **66099**

© МГИМО(У) МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: Vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Шанкин К.Г., корректор - Малышева Н.М., верстка - Волкова Е.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тираж 2000 экз. Объем 37 усл. п. л. Заказ №72